

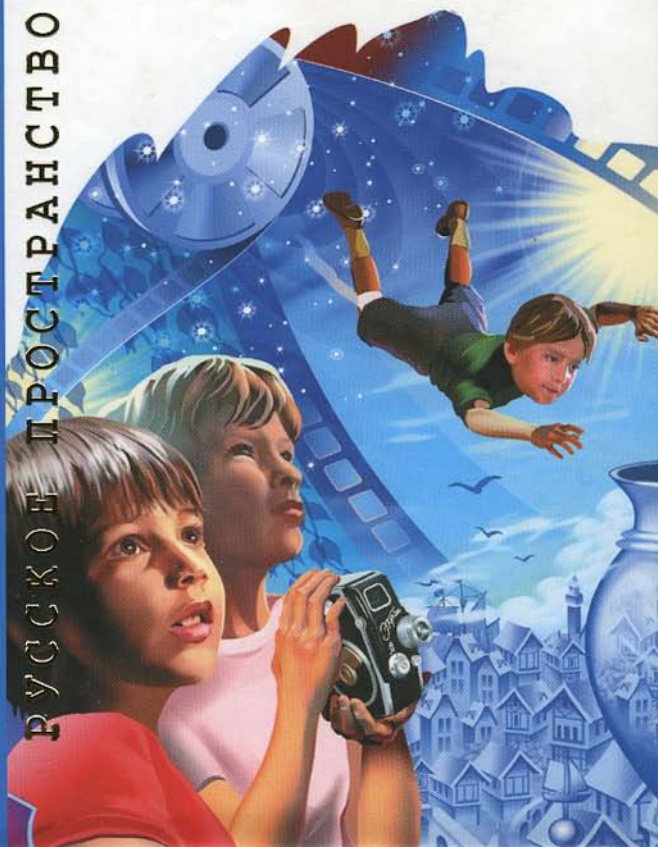
Владислав

КРАПИВИН

СИНИЙ ГОРОД
НА САДОВОЙ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ :

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Владислав
КРАПІВИН

Владислав
КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУВЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ ВОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ
МУШКЕТЕР И ФЕЯ
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ
РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ
ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ЛОШАДОК
ТЕНЬ КАРАВЕЛЛЫ
СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПИВИН

СИНИЙ ГОРОД
НА САДОВОЙ

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ

Повесть 1991 года

Крапивин В.П.
К 78 Синий город на Садовой: Повести / В.П. Крапивин. —
М.: Эксмо, 2006. — 704 с. — (Отцы-основатели: Русское
пространство).

ISBN 5-699-16953-9

В очередной авторский сборник вошли повести В. Крапивина, написанные в последние годы. Сказочная фантастика сюжетов переплетается с реальными, порой достаточно суровыми проблемами школьной жизни.

Герои повести «Синий город на Садовой» создают любительскую киностудию и бесстрашно вступают в борьбу против произвола школьных властей и милиции, за здоровье, честь и достоинство своих сверстников...

Митя Зайцев был несправедливо обвинен в ложном сообщении о террористическом акте. И кто знает, чем бы закончилось «дело о ртутной бомбе», если бы вовремя не пришла помощь...

Школьница Зина, героиня повести «Тридцать три — нос утри», никогда не узнала бы ни о магических тайнах числа 33, ни о таинственных и порой страшных приключениях Виньки и его друзей, если бы ее несовременный дедушка не купил подозрную трубу.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-16953-9

© Крапивин В.П., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Первая часть

ДТП

ТРЕСКУЧЕЕ ЗНАКОМСТВО

Ваза была высотой в полметра, крутобокая. Из фарфора или фаянса. На выпуклой поверхности художник изобразил синей краской городской пейзаж. Тесно стояли дома с острыми голландскими крышами, упирались в круглые облака башни и колокольни, раскидывал голубые струи фонтан с русалками, кудрявились деревья, и вилась между ними горбатая, выложенная булыжниками мостовая. А над крышами и в конце улицы поднимались мачты с подобранными парусами и длинными флагами.

Стояла ваза на тумбочке, вровень с подоконником, и хорошо была видна прохожим сквозь чистое стекло. Когда Федя проезжал здесь на велосипеде, она оказывалась на уровне его глаз. Маленький синий город написан был тонкой кистью, с множеством всяких деталей, и каждый раз Федя успевал заметить какую-нибудь новую подробность: то флюгер-кораблик над башенкой, то рыбака под аркой каменного мостика, то двоих мальчишек, прилаживающих вертушку на гребне крыши...

Окно с нездешним городом было крайним в большом ряду. Дом был длинный, одноэтажный, старинный. С украшениями в виде строгих женских масок под карнизом. Время прошло по алебастровым маскам неласковой рукой, и теперь каждая из них жила со своим выражением...

Улица здесь называлась хорошо — Садовая. Кстати, много лет носила она другое имя — Жданова. Но недав-

но ей вернули прежнее название, полученное еще лет двести назад. Говорят, в ту пору здесь росло множество садов.

Улица и сейчас была зеленая. Над крышами подымались косматые вековые тополя. И поэтому здесь не было зноя даже в такую жару, которая навалилась на областную город Устальск нынче в середине июня...

Федя открыл для себя Садовую весной этого года, когда стал уезжать на велосипеде подальше от дома. То есть он бывал на этой улице и раньше, но редко и не замечал, какая она хорошая. А недавно, в конце апреля, увидел в окне вазу, и Садовая сделалась для него... ну, будто сама она — частичка того Синего города. Даже Борису он ничего не сказал о таком открытии. Слишком уж это было... свое, что ли. Нет, Борис поймет, конечно, только кто знает, сумеет ли ощутить себя *внутри* этого Города?.. И Федя стал заходить и заезжать сюда один. Любым случаем пользовался, чтобы путь его пролегал по Садовой.

Машины здесь почти не ходили, не грозили мальчишке-велосипедисту. Не встречались и компании, готовые завопить: «Чё тут разъездили, а ну, вали с не своей улицы!»

Проехав мимо окна с вазой, Федя уже не вертел педали, позволяя велосипеду самому ехать под уклон по тропинке между асфальтом и деревянным штакетником. Скорость постепенно нарастала, но в конце спуска и поворота Федя обязательно оглядывался через плечо. На пустынной улице это не страшно. К тому же в свои двенадцать лет он был человеком постоянных привычек. Этот секундный взгляд через плечо тоже стал привычкой: «Посмотрю еще раз на оставшийся за спиной Город».

Конечно, вазы в дальнем окне уже не было видно, только поблескивало стекло. Но сама Садовая казалась отсюда удивительной и даже немного таинственной.

Как средневековый замок, ошетинился кирпичными башенками дом, в котором помещались всякие конторы вроде «Облкниготорга». Торчала над кленами старая и красивая пожарная вышка, правее ее краснела готическая колокольня костела, который давным-давно построили в Устальске ссыльные польские повстанцы. Все это вместе с мезонинами, тополями, чердачными будками, жестяными узорами дымников над печными трубами создавало мгновенную, как в мелькающих кадрах кино, картину неведомого города. И ничуть не было похоже на мир одинаковых многоэтажек, в которых обитал Федя...

Посмотрев назад, Федя пригнулся к рулю и давил на педали, чтобы не потерять скорости. И не случилось ни разу, чтобы кто-то оказался на пути. Да и как этот «кто-то» мог возникнуть на тропинке за одну секунду?

Но сегодня случилось небывалое.

Глянув через плечо, Федя вновь обратил вперед сощуренный взгляд наездника — и... сердце ухнуло в желудок. Перед ним метрах в трех торчала девчонка. Стояла боком к велосипеду и держала коробочку размером с портсигар...

Конечно, палец вдавился в кнопку звонка, а ноги рванули педали назад, на тормоз! Да толку-то... И одно оставалось: крен, рывок руля — и передним колесом в штакетник...

Хрустнули рейки. Инерция плавно сняла Федю с седла, пронесла головой сквозь ветки желтой акации и аккуратно уложила в развилку крепкого клена. Пару секунд Федя висел в этой великанской рогатке, мысленно прощупывая себя — все ли цело? — и дивился своему везению (ведь гораздо больше шансов было башкой о ствол). Затем задрыгал ногами, упал в траву и вскочил, подтягивая трусы. При застревании в клене они съеха-

ли, лишив Федина поступок всякой окраски героизма и жертвенности. Хорошо, хоть не совсем. Резинка тугая...

Он, закусив губу, посмотрел на виновницу аварии. Та отскочила с тропинки к забору. Прижимала к губам костяшки согнутых пальцев и растерянно тарасилась на Федю.

Федя наградил девочку соответствующим взглядом и пошел к велосипеду. Как и следовало ожидать, тот выдержал испытание. Подумаешь, какой-то реечный штакетник! Их с Борисом верный «Росинант» видал и не такое. Федя поставил задрезавшую «конягу» на колеса, оперся о руль и опять глянул на девочку. Теперь действию полагалось покатиться по привычному сценарию. Следовало сказать что-нибудь вроде: «Дура соновая, торчит тут на дороге, как одноразовый шприц в витрине, а люди должны шею ломать...» И в ответ услышать об ушибленных в детстве «ковбоях», которые разиня рот несутся сослепу, как бочки с горы... После чего и расстались бы.

Но... Федя глянул и не стал ругаться.

Искушенный читатель небось подумает, что мальчишка встретился с беззащитным взглядом юной красавицы, испытал незнакомое ранее смущение и потерял дар речи. Вот уж нет! Девчонка была самая обыкновенная. Со слипшимися прядками короткой стрижки, с мелким, без всякой красоты, лицом (такое и не запомнишь сразу). Если бы не вельветовая, мышиноного цвета, юбка и не капельки-сережки, можно было принять ее за пацана, Фединого одноклассника. Такая же голенастая, тонкошея, уже с загаром. В мальчишеской майке с надписью: «Автоспорт». Она смотрела на Федю с боязливой вопросительностью, но уже без прежнего большого испуга. Вытянутыми в дудочку губами дула на костяшки пальцев. И ждала *тех самых* слов. А поскольку ждала, какой смысл их говорить? Да и главное, что оба целы: и «Росинант», и он сам...

И, глядя поверх девчонкиной головы, Федя со снисходительным вздохом произнес отдельно:

— Дэ-тэ-пэ...

— Что? — нерешительно откликнулась девчонка.

— ДТП, говорю, дорожно-транспортное происшествие. Все виновники и участники живы и в госпитализации не нуждаются. Будем вызывать ГАИ? Взаимные претензии есть?

Девочка наконец улыбнулась:

— У меня нет... Я только перепугалась.

— Думаешь, я не перепугался? — сумрачно признался Федя. — Ладно, на этом разбор происшествия закончен. Больше не торчи на проезжей части... — Он встал на педаль, толкнулся, перекинул ногу и покатил, ощущая спиной девчонкин взгляд. И как бы все еще видя ее перед собой: серьезно-виноватую, со сжатым костлявым кулачком у губ, с качающейся под локтем на ремешке черной коробочкой (фотоаппарат, что ли?). А на остром локте блестит влажно-красный рубчик...

Это алое пятнышко сперва царапало сознание подспудно, без всяких мыслей. Потом появилась и первая тревожная мысль. Федя от нее отмахнулся: «Да ладно тебе! Ты, что ли, виноват?» Однако беспокойство зацарапалось ощутимее, и Федя понял, что так просто теперь от этого не отвяжешься. Он себя знал. «Хватит тебе! — попробовал он еще огрызнуться. — Подумаешь, царапина. Придет домой, смажет, забинтует...»

«А если она далеко от дома?»

«Ну и не помрет!..»

Но тут вернулось последнее, с чем не поспоришь: «А если бы такое со Степкой?»

Чертыхнувшись, он развернул «Росинанта». Тот сразу отяжелел, заупрямился — на подъеме-то! Привставая от натуги на педалях, Федя поехал назад, потом соскочил, повел велосипед за руль. Девочка по-прежнему стояла у забора. Смотрела на подходившего мальчишку

без удивления. Будто знала, что он вернется. И сказала, когда подошел:

— У тебя на спине майка порвана. На лопатке...

Федя закинул руку, нащупал вырванный клочок и дыру.

— Фиг с ней. А с локтем у тебя что?

— Где?

подавив стеснительность, Федя взял ее руку, повернул (черный аппарат опять закачался на ремешке). С локтя сорвалась красная капля.

— Ох, я и не заметила с перепугу... Тут гвоздь в заборе.

— Гвоздь, он ржавый. Вот протянешь ноги от заражения...

На «Росинанте» было две сумки-аптечки: одна под рамой — для велосипеда, другая под седлом — для всадника.

Федя разорвал хрустящий пакет с бинтом, скрутил тампон.

Ранка на локте была небольшой, но глубокой. Федя промокнул ее марлей, отбросил в подорожники покрасневший комочек. Скрутил из бинта другой. Зубами вынул пробку из коричневого пузырька. У девочки жалобно округлился рот.

— Можешь визжать, только не дергайся, пожалуйста...

Морщась, как от собственной боли, он прижал к ранке пропитанную йодом марлю. Степка в таких случаях тарачил глаза и мужественно сопел. Девочка страдательно сказала:

— Не буду я визжать... Ой... А ты что, всегда с собой медикаменты возишь?

— Ага... Говорят, что я перестраховщик...

— Кто говорит?

— Все... Родители. И я сам...

Он забинтовал ей локоть.

— Как у тебя ловко выходит... Учился, да?

— На себе. И на родственниках, — буркнул Федя. —

Ну, все. Теперь будешь жить. Пока... — Сунул остатки бинта в сумку, встал на педаль.

— Постой. А майка-то...

— Что — майка? Я же ее йодом не заклею...

— Давай зашью. Услуга за услугу...

Он вдруг смутился. Проворчал:

— Я медицинские услуги бесплатно оказываю. Сейчас милосердие в моде. Социализм с гуманным лицом...

— Лицо-то гуманное, а спина драная. Как поедешь?

Федя опять дотянулся до спины. Клок был изрядный.

— А ты тоже перестраховщица? Иголку с собой носишь?

— Я живу тут в двух шагах. Пойдем...

— Ну да! Приведешь с улицы ободранного незнакомца, родители — в обморок. Да еще велик небось по лестнице тащить...

— Не надо тащить... А штопка — это же не йод, не страшно...

Федя подумал, что в драной майке являться в детсад за Степкой и в самом деле неловко. А заезжать домой и переодеваться — волокита.

— Ну, пошли уж...

Они, не глядя друг на друга, спустились до перекрестка, свернули на улицу Декабристов.

— Вот здесь я живу.

Дом был деревянный, в шесть окон. Видимо, двухквартирный. Ставни, точеные шишечки на карнизах. Старина...

— Вот мое окошко, крайнее...

— Прекрасно! — обрадовался Федя. — Сядешь на подоконник и будешь зашивать. А я здесь подожду, в палисаднике.

— Как хочешь...

Девочка ушла в калитку и через минуту толкнула изнутри оконные створки.

— Давай...

Федя прислонил «Росинанта» к изгороди, а сам перескочил внутрь палисадника, где росла высокая трава и рябинки. Довольно ловко вышло. Он сдернул через голову майку, бросил ее девочке, а пакет с марками — вполне уцелевший при аварии — положил на подоконник (он был на уровне Федино подбородка). Девочка посмотрела на конверт и ничего не спросила. Потом задержала взгляд на Феде. Тот понял, что она смотрит на его медный крестик. Внутренне напрягся, готовый огрызнуться на любопытство. Но девочка молча заработала иглой.

Она сидела, свесив ноги в комнату. Спиной и боком к Феде. Шила быстро, широкими ровными взмахами. Бинт на локте летал туда-сюда белой бабочкой. Майка была красная, нитку девочка тоже взяла красную, точно в цвет. И эта маленькая ее предусмотрительность вдруг вызвала у Феде симпатию и благодарность.

Девочка откусила нитку, кинула майку Феде:

— Лови... Не новая теперь, конечно, да что делать...

Федя натянул майку — неловко и суетливо, потому что вдруг застеснялся голого поцарапанного живота и чересчур торчащих под кожей ребер. Девочка же смотрела спокойно, не отводя глаз. Поднесла ко рту кулачок, провела по губам костяшками и спросила с чуть боязливым и серьезным интересом:

— А ты правда верующий? Или так, ради моды?

Не учуял Федя в ее вопросе ни капельки насмешки. И потому не сумел оцетиниться, только сказал со вздохом:

— Ну, погляди. Похож я на того, кто гоняется за модой?

И тут она слегка улыбнулась:

— А чего ж... Майка-то модная: жеваная. Сам красил? Он хмыкнул:

— Кто же еще? Александр Сергеич, что ли?

Красили вдвоем со Степкой. Случилось так, что искали в кладовке запасной шланг для насоса и наткнулись на пакетик с порошком-красителем для хлопчатобумажной ткани.

— А давай покрасим белые майки! — Шестилетнего Федино племянника иногда озаряли оригинальные замыслы.

— Зачем? — усомнился Федя.

— Ну... под цвет трусов получится. Красиво будет.

— Совсем под цвет не получится. Смотри, тут написано «алый», а трусы темно-красные.

— Подумаешь! — нашелся Степка. — Выгорят и будут светлые! В такую погоду — это быстро.

Трусы им сшила Ксения — Фебина старшая сестра и Степкина мама. Она распоролла свое старое платье, оторвала от него блестящую подкладку и за вечер соорудила сыну и брату летние обновки. Это было весьма кстати, особенно для Феде. Потому что его прошлогодняя летняя одежда вся была истрепана, а в «Детском мире» фиг что купишь: в отделе «Товары для отъезжающих в пионерский лагерь» только разноцветные девчоночьи зонтики, красные блестящие барабаны да свитера с начесом — по сногшибательной кооперативной цене. У девчонок был еще крайний выход: ободрать зонтики и сшить себе из этой материи пестрые юбочки. А мальчишкам что делать? Школьные штаны и джинсы при навалившейся жаре казались орудием пытки...

Ксения, хотя и кончила филологический факультет, была мастерица швейного дела. Недаром работала не в школе, а в ателье «Светлана». Трусы соорудила фирменные — с клапанами, с белым галуном по кромкам и швам, с двумя задними карманами и тройной резинкой в поясе. У кооператоров такие стоят не меньше чем четвертак, особенно если еще с иностранной нашлепкой на кармане. Такие нашивки Ксения тоже обещала найти и пришить.

Степкина идея перекрасить майки сперва не вдохновила Федю. Лень было возиться. Но Степка настаивал:

— Смотри, как будет здорово, все под цвет. У меня и сандалии красные, а у тебя кроссовки с красными полосками.

— Ну, давай. Пока дома никого нет...

Инструкция, напечатанная на пакетике, была проста. Соорудили в эмалированном тазу раствор, нагрели на газовой плите, прокипятили там две майки с короткими рукавами. Перед покраской Федя навязал на них много тугих узелков. И на месте каждого узелка оказалось светлое пятнышко с разводами вокруг. Похоже на хризантемы.

— Ну? — с удовольствием сказал Федя. Приятно сознать, что ты освоил в жизни еще одно полезное дело.

— Фирма, — солидно согласился Степка.

Майки были прополосканы и сушились над плитой, когда явилась с рынка Ксения. Пожелала узнать — «что! это! такое?!».

— Эксперимент, — объяснил Степка. Получил пошее пучком зеленого лука и укрылся за дядюшкой.

— Психи, честное слово! — запричитала Ксения. — У Степана единственная белая майка была для спортивных занятий в садике! Ребенка без нее на порог не пускают!

— Пустят ребенка... Ты лучше погляди, как получилось! И всего за час! А в мастерской бы месяц проволынили. Помнишь, ты свое платье туда сдавала?

Ксения обрела педагогическое спокойствие. Спросила, знают ли они книгу «Детство» писателя Максима Горького?

Федя сказал, что проходили в прошлом году. Степка вспомнил, что видел кино.

— В таком случае вам известно, как дед Каширин учил внука, который без спроса выкрасил скатерть...

— Степан, — произнес Федя. — На происки реакционных сил мы ответим чем?

— Чем?

— За... — подсказал Федя.

— Запремся в ванной?

— Дурень. За-бас-товкой!

— Это как? — с беспокойством поинтересовалась Ксения.

— Это — просто. Степка не будет чистить зубы и умываться, превратится в отброс общества. Я не буду водить его в детский сад, тебе придется опаздывать на работу, и тебя прогонят. Швейная промышленность не сможет выбраться из кризиса, и страна попадет в зависимость от иностранного капитала, потому что без штанов и бюстгальтеров население долго не протянет...

Ксения запустила в дорогого братца все тем же пучком лука. Федя уволок Степку за дверь. Сказал оттуда:

— Женская агрессивность — еще один признак общественного кризиса.

— Шиш вы у меня получите, а не обещанные нашивки... Можете нарисовать этот шиш на тряпочке и пришить себе...

— Ну Ксе-еня-а!..

...Конечно, потом она отыскала и пришила им на карманы фирменные ярлыки. Степке — австралийский, серебристый, с черным кенгуру. Феде — немецкий, с готическими буквами-загогулинами и рыцарским щитом, на котором растопыривал крылья желто-черный орел. Дядюшка и племянник заправили в трусы крашенные майки, покрутились друг перед другом, и Федя заметил:

— Мы теперь на уровне мировых стандартов. Как юные жители Флориды.

— Это где?

— Это в Соединенных Штатах. Там всегда тепло.

— Как в Анапе? — со знанием дела уточнил Степка, побывавший однажды с матерью в южном пансионате.

— Еще теплее. Там почти постоянное лето.

— Постоянное — это плохо. От жары замучаешься...

Федя не согласился. Лето он любил, несмотря ни на какую жару, и всегда страдал, что оно короткое... Впрочем, сейчас он был доволен. Потому что лето лишь началось, майка выкрасилась прекрасно, а орел на кармане выглядел весьма престижно.

...Таким образом, Федя был не совсем точен, когда сообщил девочке, что равнодушен к моде. Хотя сказал он это вполне искренне. Недавний интерес его к «тряпичным» делам угас, и даже порванная майка почти не огорчила. Но, вспомнив, как ее красили, вспомнил он и про Степку, и про то, что пора забирать его из детсада.

— Спасибо. Поеду я... Дела семейные... — И опять прыгнул через рейковый заборчик.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

В словах Феди Кроева, что он перестраховщик, было много правды. Что поделаешь, раз такая жизнь. Если не быть предусмотрительным, обязательно случится что-нибудь плохое... Впрочем, боялся Федя не за себя, а за родителей, за Ксению, а больше всего за Степку — самого беззащитного. Федя даже подозревал, что у Степки на роду написаны всякие несчастья, поэтому приходилось держаться настороже.

Первое Степкино горе случилось, когда тот еще не родился. Погиб отец.

Ксения «выскочила» замуж восемнадцати лет, «современному», никого не спросившись. Конечно, родители поохали, поохали, да что поделаешь, коли такая любовь. Да и муж Миша оказался славный. Ксенин однокурсник. Зажили мирно и весело, в отдельной комнате. Благо, что к тому времени семейство инженера Кроева получило наконец трехкомнатную квартиру в коопера-

тиве. Только вскоре в институте вышел скандал. Миша оказался в какой-то студенческой группе, которая устраивала митинги и выпускала газету против начальства. Начальство это вкатило Мише три «неуда» на весенней сессии и отчислило любителя митингов за неуспеваемость. Шум был большой. Миша и его друзья доказывали, что «неуды» липовые, писали даже в «Комсомольскую правду». Приезжал журналист, вмешивались депутаты, но дело затянулось до осени, а там принесли повестку — и поехал Михаил Горецкий служить в Казахстан. Оставил молодую жену рожать ребенка, а друзей — отстаивать правду до конца. С полгода приходили нормальные письма: все, мол, в порядке, отслужу, восстановлюсь в институте, заживем лучше прежнего. А потом пришло сообщение, что рядовой Горецкий покончил с собой...

Вот тогда-то шестилетний Федя впервые ощутил, как свинцово, безнадежно придавливает семью горе.

В часть поехали отец и Мишина мама, Ксене было нельзя: скоро в роддом. Мишу привезли в длинном запаянном ящике из листового металла. Но еще там, в гарнизоне, отец настоял, чтобы ящик вскрыли. Он умел добиваться своего, инженер Виктор Григорьевич Кроев. И когда увидел избитое, в рубцах и ранах, тело, ясно стало: не было самоубийства. Просто не научился Михаил Горецкий гнуться ни перед кем, в том числе и перед толстомордыми, привыкшими к безнаказанности армейскими «дедами». Себя не давал в обиду, а потом заступился за шуплого, затюканного новобранца. И ночью толпа соблюдавших свой закон «дембилей» избила Мишу так, что он умер от сотрясения мозга.

Нашлись и свидетели. Среди них — тот, выживший в бойне новобранец. На сей раз прикрыть дело не удалось. Кто-то полетел с должности, кто-то угодил под трибунал. Да только Ксене и крошечному появившемуся на свет Степке было не легче...

Ладно хоть, что родился малыш здоровым, несмотря ни на что.

Ксения была женщина хотя и чересчур заполошная, но решительная. Она поклялась ничего не скрывать от сына, и тот уже в три года знал, что «папу Мишу убили дембили». Слово «дембиль» стало ненавистным и для него, и для Феде. И вовсе не в армии здесь было дело, Федя со Степкой играли и в солдатиков, и в морской бой, и смотрели фильмы про сражения — без всяких мыслей о казарменных жестокостях. А дембили — это были те, у кого тусклый, оловянный взгляд, сытые рожки, речь с ленцой, жующие челюсти. Те, кто готовы отдавить ноги и растолкать всех, чтобы пройти самим. Те, кто в кинозале громко разговаривают и гогочут, когда на экране у героев фильма слезы... И те, кто в тельняшках, беретах и растерзанных мундирах пьяной компанией топают посреди улицы в день своего десантного праздника.

Дембили — это была толпа. И та, которая что-то неразборчиво орет и машет плакатами на площади, и та — в одинаковой серой форме, теснящая и усмиряющая эту площадь умелыми взмахами черных палок, — видел Федя и такое. И по телевизору, и один раз даже на улице.

А еще он видел такую же толпу в американской кинокартине. Тогда только-только разрешили показывать фильмы на божественные темы, и в передаче «Мы и планета» крутили двухсерийную ленту «Евангелие от Луки». И там римские солдаты держали за руки худого избитого человека в венце из колючек, а библейские дембили бесновались, орали и требовали распять его... А ведь, гады такие, совсем незадолго до этого так же истошно вопили: «Слава Тебе!..» Толпе все равно — славить или терзать. Лишь бы только быть орущим стадом, не думать поодиночке...

Вскоре после этого фильма Федя и принял крещение. Из-за страха перед этой толпой и назло ей. А еще —

из сочувствия к тому, кого распяли. И от сердитой радости, что Он воскрес и доказал: есть сила более могучая, чем толпа.

Но, конечно, словами такие ощущения Федя никогда объяснить не сумел бы. Потому что было ему тогда девять лет. В ту пору умерла Мишина мама, Степкина бабушка. Жила она без мужа, единственного сына воспитывала одна и после его гибели сразу состарилась, согнулась и непрестанно болела. Одна у нее осталась отрада — внук Степушка. Часто она приходила, пыталась нянчиться с внуком, играла с ним, как могла. Да только получалось это не всегда — задыхаться стала бабушка и часто плакала... Перед смертью просила она выполнить одно желание — окрестить Степушку, чтобы Господь уберег его от всяких будущих бед. Ксения не всегда ладила со свекровью, но всегда жалела ее и это желание выполнила.

Отец и мать в церковь не пошли, были на работе, а Федю Ксения взяла, сказала, что он будет крестным отцом Степки. Но в церкви выяснилось, что это нельзя: сам-то Федя некрещеный. Крестного нашли из числа Ксениных однокурсников, пришедших с нею. А у Феде кто-то (он уж и не помнит кто) спросил:

— А может, и тебя, отрок, обратить в православную веру? Хочешь?

Полумрак церкви казался Феде таинственным и ласковым, люди — добрыми, и не хотелось уйти отсюда как постороннему.

— Ладно, — тихо сказал Федя.

— А в Бога-то веруешь? — спросил какой-то Ксенин приятель. Его шепотом одернули. Но Федя вдруг вспомнил, как перед сном, в сумраке, томился загадками: зачем он на свете, и почему этот свет такой громадный, и кто его создал? И еще вспомнил — как потная, одуревшая от ярости толпа требовала распять на кресте того, кто желал ей только добра...

— Да... — выдохнул Федя. И, не умея как следует объяснить свое сочувствие к тому, кого предали древние иерусалимские дембилы, пообещал шепотом: — Я буду за него заступаться.

— Ишь ты... — тихонько удивился кто-то. Но больше ни один человек не выразил своего отношения к столь необычному религиозному взгляду.

Сама процедура крещения Феде запомнилась неясно, все происходило словно в сдвинутом, фантастическом пространстве, где еле выступали из сумерек строгие лица в обрамлении золотистых кругов, искрилась риза бородатого священника и в космической высоте светились узкие окна. Помнил Федя тепло от живых трепещущих огоньков и еще — запах, похожий на тот, который в знойную пору наполняет разогретый еловый лес... Но в этой затуманенности ощущений проступило и осталось потом надолго чувство охватившей его доброты и защищенности...

Отец к известию о Федином крещении отнесся спокойно. Он был вообще спокойный и немногословный. Взъерошил Федину макушку, подержал на ладони его крестик, сказал вполголоса:

— Ладно, вырастешь — разберешься, что к чему. А пока помни — это не игрушка... — И пошел пить крепкий чай на кухне и думать о своих заботах. Высокий, сутулый, всегда занятый делами своей лаборатории тугоплавких соединений.

— Ты хоть в школу-то с крестиком не ходи. А то в пионеры не примут, — заволновалась мама.

Но Федя ходил в школу с крестиком. Потому что иначе — нечестно. Получилось бы, что боится... Впрочем, ничего особенного не случилось. Крестик под рубашкой не видать, а на шнурок не обращали внимания: многие мальчишки так носят на шее квартирные ключи... Потом на физкультуре, когда занимались в откры-

тых майках и шортиках, крестик увидели, но особого впечатления это не произвело. Петька Суровцев сказал:

— Чё, сам крестился или заставили?

Федя только фыркнул: кто, мол, меня заставит?

Витька Шевчук заметил:

— У, медный... У нас дома серебряный есть, дедушкин...

И только глупый Эдька Шаховский заявил:

— Ха-ха! Монах в коротких штанах! — За что получил от учителя Георгия Максимовича обещание «отправиться из спортзала, открывши лбом дверь». Это, кстати, не понравилось Феде — Максимыч был похож на дембиля, часто раздавал пинки.

А в пионеры Федю приняли, как и всех. Тем более что выяснилось: крестик не у него одного... Вожатая разъяснила, что «сверху есть указание: в пионерах могут быть кто угодно — и неверующие, и верующие, и какие хочешь, потому что организация теперь добровольная и совсем не политическая». Галстук повязали прямо поверх черного шнурка, который выглядывал из-под белого ворота. И Федя был, конечно, доволен. И все же остался у него какой-то досадливый осадок. Потому что обещание «бороться за добро и справедливость» давали хором, и было в этом что-то от толпы... А потом сделалось все равно. Потому что оказалось, что главная задача пионера — хорошо учиться, а галстук надо носить, чтобы не записали замечание в дневник.

Верил Федя в Бога по-настоящему? Пожалуй, да. После многих размышлений он пришел к выводу, что есть какая-то Великая Сила, которая правит Вселенной. Без этого трудно было бы объяснить многие загадки — и во всем мире, и в самом себе... А кроме того, так хотелось иногда защиты от бед и угроз. Защиты, которой от людей не всегда допросишься...

Но в церкви после своего крещения Федя не был ни разу. И никогда не молился по-настоящему (да и не

знал никаких молитв). Он прочитал в книжке «Новый Завет» четыре Евангелия и там узнал, что многочисленные молитвы вовсе ни к чему и что Бог знает твою просьбу еще до того, как ты обратился к нему с первым словом. И бывало, что в трудные минуты Федя сжимал крестик в горячем кулаке и мысленно говорил вместо длинных фраз просто: «Боже, помоги...» Но это случилось всего несколько раз. Обращаться к Богу по пустякам — это было бы попрошайничеством. На одной только Земле людей больше пяти миллиардов, а если во всем Космосе, то мыслящих существ и не счесть! И если каждый будет лезть к Богу со всякими своими мелочами... Другое дело, если уж отчаянно подопрет что-то такое, когда надеяться больше не на кого. А пока есть силы, человек должен делать свои дела в жизни сам. Ведь даже Иисус, который был и человек, и Бог, прошел свой путь на земле до конца, хотя мог бы с помощью божественной силы мигом избавиться от всех страданий. Не стал избавляться, хотя всякие подонки издевались над ним как хотели. Потому что получилось бы, что он обманул людей. Нарушил бы свой собственный закон... Он ведь лучше всех людей на свете знал, что предательство — это та черная сила, которая может погубить весь мир...

Наверно, грамотные в религии люди нашли бы множество ошибок в Фединых рассуждениях. Но он про эти свои мысли никому не рассказывал, они были слишком его. И когда в школе прошлой осенью объявили, что открывается факультатив по истории религии и что проверу будет рассказывать настоящий священник, Федя не записался. Потому что кинулись туда многие, даже дурак Шаховский. Опять получилось, что «как все», толпой... Да к тому же не очень-то хотелось оставаться на седьмой урок. И после шести-то в голове гудеж. А на классных часах только и слышишь от ненаглядной Флоры Вениаминовны (по прозвищу Хлорвиниловна): «Вы

теперь семиклассники и должны с удвоенной сознательностью относиться к учебному процессу...»

Как будто виноваты, что семиклассники! Из-за дурацких пертурбаций в школьной программе пересадили бывших пятиклассников в седьмой, не спросивши их, а они, значит, теперь должны отдуваться... Вот и со Степкой похожая история. Ходит несчастный папаненок в детский сад, но уже объявлен первоклассником (какая-то особая там группа!) и в школе пойдет сразу же во второй...

Да, у Степки в его шесть лет жизнь тоже была не розовая. Мало того, что еще до рождения остался без отца, мало того, что каждый день сперва в ясельной, а потом в детсадовской галдящей толпе, так еще его умной маме Ксене стукнуло в голову два года назад снова выйти замуж. За молодого, но уже представительного деятеля швейного кооператива «Золотая игла».

Неизвестно, много ли золота было в той игле, но в Ксениной и Степкиной жизни его, видать, не оказалось вовсе. Федя потом Степку спрашивал: «Обижал он тебя?» — «Да не-е... — вздыхал Степка. — Наоборот, подлизывался. Слюнявый такой... А с мамой ругались...» В общем, через полгода после свадьбы Фебина мама объявила, что Ксения и Степка возвращаются домой. «Так что, Феденька, перебирайся опять в гостиную...»

Тут Федя взвыл. Прямо до слез. Это, выходит, покидать свою отдельную комнату и опять ютиться на диване в общей! А куда он денет все имущество, которое у них с Борисом накопилось за полгода? А где Борька будет ночевать, когда они вдвоем засидятся над макетом замка или моделями?

— Так что же теперь? На улицу Ксене со Степкой идти? — трагически-укоризненно спросила мама.

— Пускай со своим разведенным Женечкой размещивают ихнюю квартиру! — Федя был уже искушен в житейских делах.

— Ксения не хочет больше никакой нервозности...

— Ну да! Она не хочет, а я опять хуже кота бродячего...

— Как тебе не стыдно! Она твоя родная сестра!

— Ага! Она — родная, а я вам, значит, не родной, да? Она будет туда-сюда замуж выпрыгивать, а я...

— Вот подожди, придет отец!

Мама почему-то всегда пугала отцом. А он сроду Федю никак не воспитывал. Только скажет иногда: «А не посидеть ли тебе, голубчик, дома денька три за все твои прегрешения?» Пару раз было, что Федя и сидел. Подумаешь, кара какая! Другие папаши за каждую двойку полируют свои ремни о ненаглядных сыновей, а Федя сроду не знал, что это такое.

На сей раз отец выслушал бурные мамины жалобы и решил:

— Давай-ка, Федор, перетащим наши с мамой кровати в большую комнату. А Ксения въедет на наше место. И все дела...

— Да как же без гостиной! — всполошилась мама.

— А зачем она?

— Ты с ума сошел! А если гости придут?

— Ну и посидят на кроватях, еще мягче будет... Да и чем их кормить нынче, гостей-то? Ливерная колбаса и та по талонам.

— Во-первых, ливерная — без талонов! А во-вторых, вам же на заводе обещали спецпайки!

— Ага, обещали. Пока стачечный комитет заседал. А теперь вот... тоже обещают. Блюдо сезона — обещание под маринадом с гренками из неотоваренных картофочек...

Итак, родители перебрались в самую большую комнату, а Федя остался в «своей кошмарной берлоге», как выражалась мама.

И жизнь потекла почти как прежде. Только оказалось, что Степка из бестолкового малыша-хныкалки

превратился во вполне сознательную личность. Он уже бегло читал книжки про Буратино и Волшебника Изумрудного города, высказывал здравые суждения о взрослых и знал немало анекдотов про современную жизнь. К Феде теперь Степка стал относиться как полагается — без излишней липучести, со сдержанной преданностью, но порой и с дурашливой резвостью младшего братишки.

В общем, хороший был племянник Степка. Но...

Сперва разик, потом другой попросила Ксения брата отвести Степу в детский сад, а вечером сходить за ним. Так и повелось. Потому что работала Ксения в своем ателье в полторы смены — деньги-то нужны... Федя наконец не выдержал:

— Хорошо, что со своим Женечкой второго не завели. А то хоть разорвись...

Мама наладилась дать ему по шее (интеллигентный человек, работник гуманного медицинского учреждения!), но Федя в красивом витке ушел от несправедливого возмездия.

— Постыдился бы! При ребенке! — Мама оглянулась на Степку, который торчал тут во время разговора.

— Ох уж «ребенок»! Думаешь, они в своем детском саду не знают, что такое роддом? Послушала бы, о чем они разговаривают, когда на горшках сидят...

Степка бесхитростно подтвердил, что назначение роддома воспитанникам детсада хорошо известно. А второго ребенка не завели, потому что «дядя Женя не хотел нарушать сба-лан-си-ро-ван-ность семейного бюджета».

— Во! Слышала?! — восхитился Федя. — Какой же это «ребенок»? Мог бы и сам из детского сада домой топать, здесь всего четыре квартала и переулки тихие...

— Тебя-то до третьего класса в школу провожали!

— А я просил, да?!

Но ворчал и спорил Федя так, из упрямства. На самом деле ни за что бы он не позволил Степке ходить одному. Потому что нет-нет да и появятся в газете объяв-

ления: «Просим помочь в поисках мальчика...», «Потерялась девочка...». А еще чаще — по телевидению. Жуть такая — видишь на экране фотографию мальчишки или девчонки, живое, веселое лицо, и понимаешь, что, может быть, в это время его где-то уже черви грызут...

Ну, бывает, конечно, что кто-то сам убежал из дома или в лесу заблудился, и потом его отыщут живого. Но ведь не секрет, что есть на свете гады, для которых самая большая радость — замучить человека. Особенно маленького, беззащитного. Поймают, наиздеваются всласть и в живых не оставят. Концы в воду... При мысли, что такое может случиться и со Степкой, ужас прокалывал Федю ледяной иглой. Мало, что отца загубили у парнишки, дембили проклятые!..

Один раз Федя неосторожно ругнулся так вслух.

— Что-что? — переспросил оказавшийся рядом отец. Потом объяснил, что слово это вовсе не ругательное. Так, по традиции, называют себя солдаты, ожидающие скорого увольнения из армии. От слова «демобилизация». И сам он, Виктор Григорьевич Кроев, тоже когда-то был дембилем. И скорее всего, Феде тоже придется пройти через это, потому что всеобщего и полного разоружения в ближайшее время не ожидается.

Федя смутился, но потом объяснил, что дембилями называет вовсе не всякого солдата, уходящего домой, а таких людей, у которых «демобилизация» всего человеческого. Тех, кому обязательно надо кого-то унижать и бить... А нормальные солдаты зря придумали себе такую кличку. Кстати, по-солдатски это звучит и пишется «дембель». А по-Фединому — «дембиль». Гораздо точнее. Слово это похоже на другое — «дебил»...

За Степку Федя продолжал бояться. И порой снилось даже, что Степка исчез. Причем сны были двух разновидностей. Иногда Степка терялся в Городе. В том Городе Фединых снов, где полужнакомые улицы приводили вдруг на океанские набережные, а обыкновенные

дома перемежались с фантастическими сооружениями звездных пришельцев. Федя шел по этому Городу со Степкой, и Степка вдруг непостижимо, в одну секунду, исчезал. Шагнул в сторону — и нет его. И Федя метался по тротуарам, лестницам, эстакадам и каменным средневековым коридорам. В томительной тревоге и жгучем нетерпении — найти, спасти, больше не отпускать... Но было в этой тревоге что-то от приключений, от игры. Потому что в глубине души Федя знал: в Городе нет настоящей опасности и он не принесет малышу зла. И постоянно грела надежда — вот за этим поворотом, за той дверью Степка найдется... Чаще всего Федя просыпался, так и не отыскав его. Но страха и горечи от такого сна не оставалось. Будто обязательно будет продолжение, где он Степку найдет...

Но были и другие сны — до жути похожие на реальность. О том, что Степка ушел из детского сада и вот уже несколько дней его нет, нет, нет... И самую страшную пытку — пытку неизвестностью — Федя ощущал всеми нервами, как наяву. Тут бы схватиться за крестик, но его не оказывалось на груди. Потому что Федя сам был виноват: не пришел за Степкой вовремя... А телевизор бесстрастно вещал: «Потерялся мальчик...»

...Такой вот сон как раз приснился Феде утром того дня, когда случилось ДТП и он встретил незнакомую девочку.

На этот раз в роли дикторши почему-то выступала Флора Вениаминовна. Была она в платье с цветочками, а на плечах — погоны капитана милиции. Но это ничуть не удивляло Федю. До удивления ли? В душу его, полную тоски и страха, слова Хлорвиниловны падали, как железные шарики в черную воду:

«Разыскивается мальчик, Степан Горецкий. Шести лет. Волосы русые, лицо круглое, нет верхнего переднего зуба, над левой бровью маленький белый рубчик. Три

дня назад около восемнадцати часов пропал из детского сада номер семь на улице Хохрякова. Был одет в темно-красные, с белыми полосками, трусики, красную пятнистую майку, оранжевые гольфы и красные сандалии. Всех, кто может что-либо сообщить о пропавшем ребенке, просим позвонить по телефону...»

За стенкой, в своей комнате, безудержно и с надрывом — так же, как при известии о гибели Миши, — рыдала Ксения. Хлорвиниловна, слыша это, недовольно косилась с экрана. Потом вдруг хлопнула, как в классе, ладонью о стол: «Пре-кра-тить!» Один погон свалился с ее плеча. И Федя с великим облегчением осознал, что это сон. Слава Богу, опять сон!..

Усилием воли он сжал потускневшее сновидение в комок, отбросил его. И стал со счастливым облегчением просыпаться.

В окно сквозь верхушку тополя било горячее солнце. И от того, что страх оказался пустым и что сейчас утро, лето и почти каникулы, сделалось удивительно радостно. А еще лучше стало, когда в приоткрытую дверь проник Степка. Живой, невредимый, с припухшими после сна губами и растрепанными волосами. Увидел, что Федя не спит, заулыбался (вместо зуба — черное окошечко). Федя лег на спину, руки заложил за голову, ноги подтянул — коленками вверх. Разрешающе глянул на Степку. Тот весело подскочил, забрался на постель. Сел Феде на колени и съехал с них на живот. Федя тихонько взвыл:

— Балда! Больно же...

Степка виновато засопел, но с живота не слез.

Из-за дверей донеслось:

— Эй, вы, там! Умываться и завтракать! Я из-за вас на работу опоздаю! — Это Ксения. Родители уже ушли. Мама заведовала регистратурой в зубоврачебной поликлинике (сто-ма-то-ло-ги-че-ской) и отправлялась на работу раным-рано. Отцу полагалось быть в лаборато-

рии к девяти, но он тоже всегда спешил. А в последнее время — особенно. Завод переходил на новую продукцию («Кон-вер-сия!»).

— Слышите, вы! — торопила Ксения.

Но Федя знал, что минут десять можно еще поваляться.

Степка потерся щекой о поцарапанное плечо и сообщил:

— Мне уже через неделю семь лет будет...

— Вот новость!

— Ты мне что подаришь?

— Ремень...

— Да ну тебя, — надул губы Степка. — Одно и то же...

— Что — одно и то же? — не понял Федя.

— От мамы только и слышишь: «Сейчас ремня получишь...» Катерина в садике тоже: «Сейчас как всыплю, будете знать!..»

— Опять, что ли, руки распускает?

— А ты думал! Вчера как вяпала, аж зачесалось...

— За что?

— Мы с Дрюшкой подрались. Помнишь, толстый такой...

Федя всех в Степкиной группе помнил. Андрюшка Сотин был тихий, добродушный человек. И к тому же Степкин приятель.

— Ненормальные, да? Чего не поделили-то?

— А чего он... Услыхал где-то считалку дурацкую и целый день, как магнитофон... — Степка сердито, но с выражением прочитал:

Грузди, обаб-ки,
Рыжики, синяв-ки.
В лес пошел Степ-ка,
Ободрал...

И, покосившись на дверь, Степка полным словом назвал то, что ободрал в лесу.

— А потом еще:

Не горюй, Степка,
Заживет...

Федя хихикнул:

— Подумаешь. Это же детское народное творчество. С давних лет. Во всех садиках такие дразнилки. Даже интересно.

— Это если про других — интересно. А когда про тебя...

— Без этого в детсаду не проживешь, — философски разъяснил Федя. — Сам небось знаешь, не первый год там...

— А тебя тоже дразнили?

— Естественно... «Дядя Федя съел медведя...»

Степка обрадованно подскочил у него на животе, и Федя опять охнул:

— Тихо ты, аппендикс выскочит...

— А ты вырежь, как у меня. — Степка потер на животе светлый рубец со следами-точками от ниток. Он гордился, что год назад перенес настоящую хирургическую операцию...

— Чтобы я свой родной аппендикс отдал добровольно? — возмутился Федя. — Брысь умыться!

— Счас... А Бориса тоже дразнили?

— Еще как! Хуже всех...

Ты иди все прямо, прямо,
Будет там помойна яма,
В яме той сидит Борис,
Он наелся дохлых крыс.

— Мы с ним тогда и подружались первый раз, — вспомнил о раннем детстве Федя. — В средней группе. Я за него заступился, и мы двое... против толпы...

— А когда он приедет? Скоро?

— Через неделю, наверно. Если в Москве не задержится...

— Я про Бориса тоже стихи сочинил, — сообщил Степка.

Плачет Боря на заборе,
У него большее горе:
Мама не дает Бориске
Съесть холодные сосиски.

Федя не пощадил автора:

— Это ведь не твои стихи. Такие уже есть, только не про Бориса, а про киску...

— Ну и что! Я же переделал!

— Так нельзя. Настоящим поэтам за такие дела знаешь как попадает!..

— Я ведь еще не настоящий, — опять надул губы Степка.

— «Еще»... — усмехнулся Федя. Степкина склонность к рифмотворчеству была всем известна.

— А какие ты еще дразнилки знаешь? — ушел Степка от неприятной темы.

— Да такие же, наверно, как и вы там...

«Вова-корова, дай молока.
Сколько стоит?» — «Три пятака...»

— Это все знают.

— А еще:

Игорешка-поварешка,
Недоварена картошка...

— Ой, эту я не слышал! — обрадовался Степка. — Игорешка у нас как раз есть!..

— Да ты что! — спохватился Федя. — Я тебе для этого, что ли, рассказываю? Чтобы ты людей изводил, да?

— Я же для запаса! Если они первые полезут!..

Ксения сунула голову в дверь:

— Да это что за лодыри! Еще и не думали одеваться!..

Федя дотянулся, взял со стула заряженный водяной пистолет и пустил в сестрицу струю. Ксения пообещала из-за двери:

— Подожди, попросишь еще нашивку...

— Ну Ксю-уша!.. — Федя вскочил, свалив на пол Степку. — Мы хорошие!..

ЭТОТ ДЕНЬ С УТРА ДО ВЕЧЕРА...

Красивый ярлык от иностранных шмоток нужен был, чтобы рассчитаться с Гугой.

Гуга — Федин одноклассник. Кличку свою он получил благодаря географичке Анне Григорьевне. Что-то ехидное сказал на уроке, и Аннушка не выдержала:

— Ох и змея ты, Куприянов!

До этого Гошка Куприянов был просто Купер. Но тут кто-то из девочек находчиво хихикнул:

— Не змея, а Большой Змей. Из романа Купера.

Ну и пошло: Большой Змей — Чингачгук — Гук — Гуга...

Было это еще в начале пятого класса. С той поры Гуга крепко повзрослел, обогнал многих одноклассников не только в росте, но и, как говорится, в «жизненных интересах». Имел касательство к компании некоего Герцога, что тусовалась в большом дворе на улице Мира. Завел себе в классе двух приятелей-адъютантов, на остальных же «пионерчиков» глядел снисходительно. Впрочем, агрессивности не проявлял, на прозвище не обижался, учился прилично и ни на каких «учетах» не стоял.

В конце мая Гуга спас Федю от большой беды. Учитель немецкого языка Артур Яковлевич — сухой, язвительный, но, надо сказать, справедливый — долго вытягивал из стоявшего у доски Федора Кроева путанные ответы и наконец сообщил:

— Сударь мой, ваша годовая оценка — в состоянии шаткого балансирования между спасительной тройкой и... вы сами понимаете чем. Поэтому — последний шанс. Если переведете предложение, можете гулять с ощущением спасшегося грешника. Если же нет — нас ожидают частые встречи на летних занятиях... — И начертил на доске немецкую фразу, в которой Феде был знаком лишь глагол «sterben», что означает «умирать». Ну, Федя и начал помирать от безнадежности. Старый Артур с

подчеркнутым терпением смотрел на семиклассника Кроева, а тот — с тоской на класс... Тут-то Гуга вдруг и поднял тетрадный лист с крупными буквами перевода. На две секунды. Феде хватило.

Он опустил глаза, почесал для видимости в затылке, потом без излишней торопливости и вроде бы даже с некоторым сомнением написал русские слова на доске: «Я смотрел фильм «Никто не хотел умирать».

— Фортуна оказалась благосклонна к вам, — заметил Артур Яковлевич. — Однако ежели вы и в следующем классе станете демонстрировать столь прохладное отношение к языку Гете и Шиллера... Впрочем, нотация — не лучший вид напутствия перед каникулами. Ступайте с миром...

После урока Федя выдохнул с искренним чувством:

— Ну, спасибо тебе, Купер...

Гуга, однако, не воспринял прочувствованного тона:

— «Спасибо» — это чересчур. А вот тройчок — в самый раз.

— Чево? — изумился Федя.

— А что? Разве дорого?

Федя сперва не поверил. Потом понял.

— А как насчет совести?

— Насчет чего? А-а... — Гуга был малость толстоват, но, в общем-то, симпатичный. И улыбался славно. — Вопрос этот неоднозначный. Пойди тогда к Артуру и расскажи, как ты перевел фразу про шедевр советского кино. Раз уж речь о совести... Я, между прочим, рисковал, а за риск в наше время платят.

Логика была убийственной. И Федя пообещал, что, раз такое дело, тройк он выплатит. Сейчас не может, в кармане пусто, но принесет на летнюю практику, где они все равно встретятся.

— Ну, гляди, — сказал Гуга. — Я проценты не начисляю, будь и ты джентльменом.

Удивляться, в общем-то, было нечему. Рыночные

отношения в седьмом «А», как и во всей школе номер четыре, давали себя знать. Девчонки, например, торговали косметикой. Алка Щепехина — та вообще притащила однажды целую коробку всяких заграничных тюбиков, пенальчиков и баночек. Одноклассницы налетели и завизжали: сперва от восторга, потом — узнав цены. Однако платили, у кого было чем. Кончилось, правда, скандалом. Алку поволокли к завучу, товар учительницы изъяли в свою пользу. Впрочем, Алка хвасталась, что заплатили честно...

В июле полагалось отработать две недели на ремонте школы, если не хочешь ехать в ЛТО. Федя не хотел... Но на практике Гуга не появлялся, и Федя забыл про долг.

А вчера Гуга вдруг осчастливил школу своим посещением. И даже взялся таскать с Федей на свалку носилки со строительным мусором. А перед тем сказал:

— Кроев-Шитов, привет. Нет ли у тебя моей трешки?

— Нету. Я же не знал, что увидимся. Ты столько дней не приходил.

— А может, завтра принесешь?

— Принесу, — вздохнул Федя. Не хотелось разменивать бумажку в двадцать пять рублей, это был их с Борисом запас. Да куда ж деваться-то? Если у родителей или у Ксении просить, сразу: «И так перед зарплатой без гроша сидим, а тебе на какие-то глупости! Зачем?» Не рассказывать же зачем...

— Я бы не торопил с долгом-то, да капиталы нужны, по крохам набираем, — поделился Гуга. — Совместное предприятие, в духе времени.

— Магазин, что ли, открываете? — хмыкнул Федя.

— Ага... Ох, Шитик, это что у тебя за лейбл на задку? — Гуга даже шаг сбил (он шел с носилками позади Феде).

— Фирма. «Фогелькёниг унд Брудер», Тироль, — на

ходу придумал Федя. Надпись все равно была неразборчива.

— Уступи, а? Как раз за трояк бы...

— Может, уж заодно штаны снять?

— Ну, как хочешь... А то были бы в расчете.

— Завтра будем в расчете... Слушай, а если тебе надо, я могу ярлык подыскать. Конечно, не такой, но не хуже...

— Вери-мери гуд! — обрадовался Гуга. — Неси!..

Вечером Федя подмазался к сестрице. Мол, один парень в школе ужасно как просит заграничный ярлычок.

— Ладно, утром дам. Сейчас не приставай...

И вот теперь, после торопливого завтрака, Федя опять насел на Ксению:

— Обещала же...

— Зануда какая!.. Отведешь Степана, потом ищи сам в ящике, в шкафу. Мне некогда... Ты сколько еще будешь возиться, горе мое постоянное?! — Это уже Степке. Он долго не мог найти сандалии, а теперь пыхтел, застегивая пряжки. Мать дала ему шлепка. Степка надулся. Обиден был не сам факт рукоприкладства, а что не удалось проявить ловкость и увернуться.

— Не горюй, Степ-пка... — усмехнулся Федя. — Пошли...

Уже на улице он вспомнил:

— А про ремень я не шутил. Правда подарю. Широкий, с пряжкой...

— Мама не разрешит, если военный, — надулся Степка.

— Не военный, а пиратский! У Бориса в кладовке пряжка нашлась, его папа из Польши привез, давно еще. Вся хромированная, блестящая, на ней медная пиратская рожа с повязкой на глазу и скрещенные пистолеты. А по углам — якорьки...

— Ух ты!.. — Степка заподпрыгивал на ходу.

— Да... Только нужно еще кожу отыскать для пояса...

Степка сказал озабоченно:

— Такой ремень надо ведь с длинными штанами носить. А нам не велят, говорят, не полагается в детском саду.

— Нашел о чем печалиться! В школу пойдешь — надоест еще и форма, и взрослый вид, и вся каторжная жизнь. Пожалеешь о беззаботном детстве в коротких штанишках.

— Ох уж о «беззаботном»...

— А ремень такой можно хоть на чем носить, хоть прямо на голом пузе. Пиратский ведь, а не форменный...

Проводив Степку, Федя вернулся домой. В Ксениной комнате подступил к платяному шкафу, с натугой вытянул нижний ящик. Здесь у Ксении был тряпичный «калейдоскоп»: пестрые лоскутки, ленты, куски кружев, обрезки меха и прочие отходы производства. Ксения работала не только в «Светлане», но и брала заказы на дом. Тут же, в ящике, валялись всякие пуговицы, застежки-«молнии», брошки и прочая дребедень. И среди этой рухляди — то, что надо Феде, — всякие нашивки и ярлычки.

Федя добросовестно выбрал для Гуги «нашлепку» покрасивее — шелковисто-черную, с вышитой серебряными нитками старинной пушкой. Из пушки вырывался желто-красный залп с дымом, а по нижнему краю золотились буквы: «McCARRON & CO».

Пора было в школу: отрабатывать неизбежные трудовые часы. Полагалось приходиться к десяти. Федя чуть не опоздал, потому что, когда уже спустился с четвертого этажа и вышел на расплавленный от жары двор, стукнуло в голову: хорошо ли выключена дома горелка на плите и не сочтется ли потихоньку коварный газ? Умом он понимал, что ничего такого, конечно, нет. Но «пере-

страховочное» воображение тут же подсказало: «А вдруг?» Приходит на обед мама, чиркает спичкой...

Ругая себя на все корки за бестолковость и трусость, с которой не умеет справиться, он вернулся домой. Горелка была, естественно, в порядке. Заодно Федя потуже закрутил краны на кухне и в ванной, проверил, не горят ли где лампочки, и тогда уж со спокойной душой направился в школу. Правда, по дороге подумалось опять: не остался ли, случайно, невыключенным в комнате родителей телевизор? Но глянул на свои поцарапанные часы — без пяти десять...

Кирпичная коробка школы была налита внутри сладостной прохладой. После уличного зноя — даже мурашки по голым рукам-ногам. И все здесь было сейчас необычно: запах извести, мусор, перевернутая мебель, распахнутые всюду двери и гулкость коридоров (как в тех пустых загадочных зданиях, которые видятся порой в снах про Город). И сам ты не такой, как обычно, — без формы, без увесистого портфеля, — словно гость, забредший сюда из другого мира. И ощущение разросшегося пространства и пустоты, хотя людей в школе немало: и рабочие, и ребята, и учителя... Впрочем, учителя тоже выглядели незнакомо — в заляпанных краской халатах, спортивных костюмах и всяких робах. Преподаватели помоложе сколотили бригаду, чтобы летом подзаработать на ремонте родной школы. В этой роли, кстати, они нравились Феде больше, чем на уроках. Даже Хлорвиниловна — в брезентовых штанах с ляжками, клетчатой рубашке и пестрой косынке — казалась вполне симпатичной...

Хлорвиниловна посетовала, что работы для ребят нынче мало, но обещала отметить всем полновесные четыре часа. Только пусть из двух классов повытаскивают парты и составят штабелями в коридоре. Федя, Витька Шевчук и несколько пацанов из параллельного седьмо-

го «Б» (то есть уже восьмого!) провернули эту работу за полчаса. Тут появился наконец Гуга.

Федя отозвал Гугу в сторону и вручил обещанное.

Гуга не скрыл удовольствия:

— Моща?!.. Никому не дам, себе пришлепаю.

И тогда Федю осенило:

— Имей в виду — не трешка, а пятерик! По прежнему ранту. Хоть кого спроси...

Гуга сказал только:

— Чё не предупредил-то заранее? Я сдачи не наскребу... — И зашарил по карманам модно потрепанных, оборванных у колен вельветовых штанов. — Гляди, всего рупь с полтиной...

— Ладно, полтинник потом отдашь. — Приятно было иметь в должниках не кого-нибудь, а всем известного Гугу...

А полтора рубля — это в самый раз! Именно столько стоит солдатский ремень. Пряжку с него — долой, а кожа — для подарка Степке...

Военторг располагался в старинном доме с высокими окнами, на углу Октябрьской и Красноармейской. Федя встал в тени тополя и стал ждать кого-нибудь из военных посимпатичнее. Если сам сунешься к прилавку — ответ один: «Гражданским покупателям военные товары не продаем, а детям тем более!..»

Наконец появился пожилой дядька — в очках, с двумя звездочками на гладком погоне.

— Товарищ прапорщик, можно вас попросить...

— Ну, попроси. Что такое?

— Не могли бы вы купить мне солдатский ремень?

А то ребятам не продают...

Взгляд за очками сделался настороженным.

— Зачем тебе? Вроде до призывного возраста еще не дотянул. А там казенный дадут...

— Ну, мне очень надо. Честное слово...

— Знаю, что надо, — как бы отодвигаясь, произнес прапорщик. — Намотали пояса на руку и пошли стенка на стенку друг друга пряжками кромсать...

Это болезненно царапнуло Федю. Но он сказал спокойно, без рисовки, даже с грустью по отношению к себе:

— Ну, поглядите: похож я на тех, кто дерется пряжками?

Он знал, что не похож. Щуплый пацан с аккуратной, еще не отросшей стрижкой, с ничем не примечательным лицом благополучного сына благополучных родителей. С жалобными, просящими глазами цвета жидкого чая.

Прапорщик вроде бы смягчился, но проворчал:

— Шут знает вас, нынешних. Раньше сразу было видно, кто шпана, а кто нормальный. Теперь же сам черт не разберет...

Было ясно, что дело не выгорит. И Федя сказал уже просто так, ради справедливости:

— Пряжка мне, между прочим, и не нужна. Я мог бы ее прямо при вас в урну выбросить. Мне только кожу надо... для подарка братишке... — И вот ведь некстати: от обиды сдавило горло. Федя сощурился и стал смотреть вдоль улицы.

— Ладно, давай деньги, — вдруг сказал прапорщик.

Федя обрадованно выгреб из заднего кармана рубль и мелочь.

Прапорщика не было долго. Появилась даже нелепая мысль: уж не зажали ли этот дядька Федин капитал и не слинял ли через другой выход (был такой — через двор). Но вот он вышел. Со сверточком в руке.

— Тебе ведь одна кожа нужна? Ну, я и выпросил без пряжки, за девяносто пять копеек. Держи товар и сдачу...

— Спасибо! Я, значит, марки куплю! — обрадовался Федя так, что у прапорщика рассеялись всякие сомнения.

— Ну, гуляй, отпускник! Каникулы небось?..

От Военторга Федя двинулся во двор к Борису. Тот жил на улице Грибоедова в старом восьмиквартирном доме, обшитом потемневшим тесом. Над домом, как над исследовательским кораблем, торчала щетина разнокалиберных антенн. На дворе в ряд выстроились дровяники и сараи. В одном из сарайчиков стоял их с Борисом «Росинант» — драндулет Пензенского завода. Дребезжащий от старости, но легкий на ходу, потому что втулки перебирали регулярно и о смазке не забывали... Сегодня надо было наконец разбортовать заднюю шину и подклеить заплату на камере, а то колесо спускало через каждые полчаса...

У сарая Федя встретил Борькину бабушку. Она обрадовалась и спросила, не хочет ли Феденька холодной окрошки. Феденька хотел. Поглощая на кухне окрошку, он узнал, что пришло письмо из Ярославля, где была очередная стоянка туристического четырехпалубного «Михаила Кутузова». Борис и его родители сообщали, что повидали множество городов и всяких интересных мест и уже соскучились по дому. Плавание по Волго-Балту очень увлекательное, только подводит погода: часто идут дожди...

— А у нас хоть бы капля перепала. На огороде все сохнет...

— Синоптики обещали грозу, — утешил Федя.

— Дай-то Бог... — Бабушка глянула на икону в углу.

Часа полтора Федя возился с велосипедом: приклеил резину, качнул во втулки жидкого масла, примотал покрепче проволокой тормозную планку. Потом отыскал в коробке со всякой мелочью ту самую пряжку. Борис давно говорил: давай подарим Степке, чего она без дела валяется... Федя поколотил поленом кожу (а точнее — твердый искусственный материал). Пояс, конечно, сделался обшарпанным, зато не таким жестким. Федя приладил его к пряжке и отрезал лишнее, а то хватило бы на шестерых Степок...

Когда Федя вернулся домой, на кухне хозяйничала мама. Сообщила, что сегодня с обеда у нее отгул.

— Отработал свою практику?

— Завтра еще день...

— Что же вы там, бочки с мазутом катаете? Ноги перемазаны...

— Это я «конягу» чинил... Мама, обедать не хочу! Мелня Оксана Климентьевна окрошкой кормила. Две тарелки!

— Сейчас на рынок пойдем. Помойся только, чучело.

Федя с удовольствием забрался под душ и заверещал под холодными струями. Сразу позабылась всякая жара... Но потом пришлось пустить и теплую воду, иначе смазка не отмывалась.

— Много мыла не трать! — крикнула из кухни мама. — Там последний кусок, по талонам опять не дали...

Федя сказал из-за двери, сквозь шумное журчание:

— Вот если бы ты пускала меня на речку, никакого мыла не пришлось бы тратить. Песочком оттирался бы...

— Приедет Боря, тогда пожалуйста, вдвоем. Он — человек надежный. А ты растяпа. Сам же говорил — плаваешь еле-еле...

— Там и плавать-то негде! Везде по пуп!

Речка Ковжа, что под заросшими береговыми откосами дугой опоясывала Устальск, была когда-то судоходной. До революции стояла на ней пристань купца Елохина и с низовьев подходили сюда грузовые и пассажирские пароходы с могучими гребными колесами. Федя видел их на фото в краеведческом музее. Но сейчас единственными судами на Ковже были «форфанки» с лодочной станции, моторки частников да трескучий катерок ОСВОДа. В середине лета взрослый дядька мог перейти Ковжу, не замочив подбородка. А у берега всегда было полно отмелей, удобных для купания. Правда, вода пахивала отходами фабрики «Восход», но местные жители, особенно пацаны, были неприхотливы...

Однако убедить маму, что купание в одиночку не связано ни с каким практическим риском, Федя всерьез и не пытался. «Перестраховочные тенденции» были в ней сильны не менее, чем в сыне...

Ходить на рынок Федя любил. Правда, с товаром в последнее время было небогато, но все же хватало интересного. Пестрели цветочные ряды. Предприимчивые кооператоры продавали всякие забавные штуки: раскрашенные индейские маски из гипса, игральные карты с портретами политиков вместо королей, дам и валетов, расписные глиняные копилки, вырезанных из дерева гномов и раскрашенных солдатиков ростом с палец.

Громадные, построенные еще в тридцатые годы павильоны «Мясо» и «Молоко» — с решетчатыми конструкциями и сводчатыми потолками — были почти пустыми по причине продовольственных трудностей. Они были похожи внутри на ангары для космических аппаратов (опять же из Фединых снов про Город). Зато среди открытых овощных рядов было оживленно. Правда, в середине июня овощей маловато: зеленый лук, укроп да тепличные огурцы и помидоры. Но вместе с прошлогодней картошкой и свеклой, связками золотистых луковиц и сушеных грибов они создавали видимость некоторого изобилия. К тому же приехавшие с юга торговцы продавали дряблые яблоки и свежую черешню. Цена на черешню била покупателя в упор, как залп картечи, но мама, поохав, купила все-таки полкило. Федя сунул одну ягоду в рот, и мир вокруг сделался сладким и прохладным...

Рядом с грудой черешни на прилавке лежал почему-то совсем не подходящий для этого места товар: приколотые к серой тряпице значки. Это были белые эмалевые кружочки размером с полтинник, а на них — фигурки всяких персонажей: Буратино, Незнайка, Кот в сапогах, Дюймовочка и прочая сказочная компания. Видимо,

торговец черешней подрабатывал еще и таким вот «значковым» промыслом.

Феде понравился значок, на котором красовался толстый человечек с пропеллером за спиной. Федя ткнул пальцем:

— Почему?

— Адын рупь! — обрадовался темнощетиный продавец. — Бэры, мальчик, хороший значок... — Он стал отстегивать Карлсона. — Ай, булавка отскочила... Ладно, мальчик, бэры бэз дэнег, приклеишь булавку, будэшь носыть...

— Спасибо! — Федя схватил значок и бросился догонять маму, на бегу размышляя, что не такие уж скаредные эти южные купцы, хотя все их обвиняют в рвачестве.

— Возьми сумку, там картошка, — сказала мама.

Федя подхватил отяжелевшую сумку и опять кинулся в сторону — к стеклянному киоску с открытками и журналами.

— Ты куда?! — всполошилась мама. Потому что сквозь стекла киоска светились на лаковых календарях голые девицы. Но Федю интересовали не девицы (к ним давно все пригляделись, этого добра хватало на каждом углу, где есть киоски). Федя издали увидел серию марок «Русские адмиралы». Марки стоили всего двадцать две копейки, сдачи от ремня хватило на два комплекта — один в альбом Феде, другой Борису. Федя сунул всех адмиралов в один конверт и спрятал его под майку...

Дома Федя приклеил эпоксидкой к подаренному значку булавку и сунул Карлсона в ящик стола: пусть смола застывает.

— Мам, я возьму «Росинанта» и покатаюсь! А потом заеду за Степкой.

— Осторожнее только, ради Христа, не носись как угорелый. И на шумные улицы не суйся.

— Я всегда осторожно. И никуда не суюсь...

— С той поры, как Лев Михайлович соорудил для вас эти колеса, у меня ни минуты покоя...

Лев Михайлович, Борькин отец, собрал им «Росинанта», можно сказать, «по косточкам». В прошлом году. Это получилось и дешевле, чем покупать новый велосипед, и, главное, их, новых-то, ни в одном магазине все равно не сыщешь...

— Не бойся ты за меня, я же перестраховщик...

— Болтун ты, — вздохнула мама.

...Федя уехал из района серых многоэтажек, в котором лишь несколько столетних тополей да кирпичный особняк с конторой домоуправления напоминали, что когда-то здесь были старинные, еще восемнадцатого века, улицы. Он покатил по тропинке вокруг стадиона — головки подорожников и золотые одуванчики шелкали по спицам. Конверт с адмиралами тихо шевелился на животе: Федя так привык к нему, что забыл выложить дома.

После стадиона Федя проехался по берегу Ковжи. Здесь над обрывом ремонтировали церковь. Еще недавно была она огорожена забором с проволокой, и там располагался цех пивоваренного завода. Теперь церковь отдали верующим, и строители возводили заново колокольню — вместо разрушенной в давние годы. Кирпичная двухъярусная башня с арками была уже готова, и рабочие стучали топорами среди стропил крыши. А вместо забора вокруг церкви стояла узорная решетка из чугуна.

Федя отдохнул здесь, свалившись прямо в траву навзничь. Зной плыл над травой, и Федя растворялся в нем, будто кусок рафинада в теплом чае. Это было приятно. Однако, чтобы не растаять совсем, он стряхнул с себя оцепенение и вскочил, распугав кузнечиков. Покатил опять. Решил выехать на Садовую и глянуть на вазу с синим городом...

Вот здесь-то, как известно, и случилось ДТП...

КИНО ОДИН НА ВОСЕМЬ

Итак, натянув защитную майку, Федя поехал в детсад.

Уже издалека заметно было за низкой зеленой изгородью мелькание пестрой детсадовской толпы. А человек семь сидели прямо на заборчике, свесив ноги на улицу. И конечно, завопили:

Едет Федя
На ве-ло-си-пе-де!
Едет Федя
На ве-ло-си-пе-де!

Степка выскочил встречать. За ним появилась известная своей занудностью Элька Лохматюк. Сообщила:

— А Степу сегодня ставили в угол...

— За что?

— А он дразни-ился. На Дениса Копырина...

— Как? — строго спросил Федя Степку.

Но ответила опять же Элька:

— А вот та-ак:

Ты иди все прямо, прямо,
Впереди помойна яма.
Погляди в ту яму вниз —
Там сидит дурак Денис...

— Между прочим, ябедничать стыдно, — сказал Федя Эльке. А Степку сурово спросил: — Я тебе для этого, что ли, утром устное творчество рассказывал?

— А это и не то вовсе! Я сам придумал!

— Ты переделал то, что про Бориса! Это свинство!

— А Денис первый задразнился! Опять «грузди-обабки...». А потом засунул мне под майку песочный шиш.

— Что вас мир не берет? — с досадой сказал Федя. — Все время грызетесь да царапаетесь. Зверята и те дружнее живут в зоопарке, на площадке молодняка...

— На них же воспитательша не орет каждую минуту...

— Катерина Станиславовна, мы поехали! — крикнул Федя «воспитательше» через изгородь. Велел Степке сесть на багажник, и они покатали по краешку щербатого асфальтового тротуара. Улица Хохрякова была спокойная — улица библиотек, поликлиник, детсадов и небольших контор, которые располагались в бывших купеческих и дворянских жилищах. Никто не ругался на мальчишек, едущих там, где место для пешеходов. Степка потряхивался на багажнике и недовольно молчал, обидевшись на «свинство». Потом все-таки спросил:

— А ремень сделал?

— Сделал. Потерпи до дня рождения...

— Лучше подари заранее. Тогда я буду дольше радоваться. А то неинтересно, когда все подарки за один раз...

— Ладно уж, — согласился Федя, потому что в Степкиных словах была логика.

А Степка вдруг поинтересовался:

— Где ты майку разодрал?

— Было дело... Ох!.. — Федя тормознул и хлопнул себя по животу. — Марки-то?

Степка пожелал узнать, что случилось.

— Потом расскажу... — Федя домчал его до своего двора, тормознул у подъезда. — Шпарь домой, скажешь, что я поехал... к одному знакомому. Я у него новые марки забыл. Скоро вернусь... На лифте не ездь, а то застрянешь, топай пешком! — И Федя рванул на улицу Декабристов...

Но через квартал он сбавил скорость. От нерешительности. Подумал: хорошо, если окно открыто и она по-прежнему сидит на подоконнике... А если не так, что делать? Стучать в дом, спрашивать о девчонке, про которую не знаешь даже, как зовут... Может, ну их, эти

марки? Нет, жалко... И по правде говоря, не только в них дело. Почему-то *хочется* вернуться к тому дому.

Сама девчонка Федю не интересовала. Даже лицо не вспомнить. Запомнилось лишь, как поднимала к губам костяшки и дула на них, будто обожгла. В общем, ничего привлекательного...

Не надо думать, что Федя вообще не заглядывался на девочек. Приходилось уже и влюбляться. Ну, Зойка Волошина в четвертом классе — это, конечно, была детская игра в тайную любовь. А вот в этом году, когда в их классе появилась Настя Шахмамедова, дочка вернувшегося из Польши офицера... Федя сладко млеял от нежности, глядя на нее. Другие мальчишки тоже на нее заглядывались, но Федя не ревновал: Настя со всеми держалась одинаково — весело и чуть насмешливо... На физкультуре она лучше всех крутилась на перекладине и брусьях и не скандалила, как другие семиклассницы, что Георгий Максимович заставляет их заниматься в «короткой форме» — в купальниках. Весной она раньше всех девчонок стала ходить в гольфах, с открытыми смуглыми коленками, и вся была смуглая, точеная и казалась Феде похожей на хрупкую певучую скрипку.

Он так однажды и видел ее во сне — в образе девочки-скрипки, которую надо отыскать в таинственных подвалах Города и расколдовать; томился, искал, зная, что в случае удачи наградой будет необыкновенная музыка... А бывали и другие сны — от которых он просыпался с колотящимся сердцем и капельками пота на лбу. И зарывался лицом в горячую подушку, мучаясь тайным стыдом и страхом... Но в снах случается такое, чего никогда не бывает наяву. А наяву все шло как полагается. Сперва — случайные разговоры, потом: «Ты читала «Марсианские хроники» Брэдбери? Неужели не читала? Давай зайдем ко мне, я тебе дам...» Затем — два билета на приезжую клоунату «Мимикричи»... А конец — тоже обыкновенный: «Извини, Федя, сегодня я ужасно

занята...» И отвратительного вида хлышеватый девятиклассник Потапов, который ждет ее на углу... К счастью, страдания прекратились в середине мая, когда Настинного отца с семьей опять срочно перевели куда-то. Недели две еще дотлевала печаль воспоминаний, а потом стало некогда — экзамены...

Федя знал, что с нынешней незнакомкой ничего *такого* не будет. И тянуло его к тому дому с палисадником не простое желание увидеть ее, а неясная подсказка, что должно произойти *событие*. Что-то интересное. Это было как предчувствие в снах про Город. Потому что Садовая и улицы рядом с ней, и ваза в окне, и новая колокольня, выросшая над заборами, — это ведь тоже частичка Города. Или хотя бы намек на него...

Окно оказалось открыто. Но девочку Федя там не увидел. Остановился у знакомого палисадника, нерешительно брякнул звонком. Потом еще... И тогда она выглянула. Не удивилась.

— Ты за марками приехал? Иди сюда...

Федя опять перебрался через палисадник. Девочка протянула конверт.

— Я почти сразу спохватилась, но ты так быстро уехал. Извини, я заглянула, он не заклеенный. Думаю, вдруг там что-то важное, тогда надо догонять...

— Да ну, ерунда... — пробормотал Федя.

— А ты марки про знаменитых людей собираешь?

— Только про моряков. У меня тема «Флот». И еще «Искусство»... Ты не интересуешься? — Это он просто так сказал, неловко было сразу обрывать разговор.

— Нет, я марками не занимаюсь, — вздохнула она.

— А чем? Фотографией? — вспомнил он. — Чуть под колесо не загремела, когда фотоаппаратом целилась куда-то...

— Это не фотоаппарат, а кинокамера...

— Такая маленькая? — удивился Федя.

— Да! — оживилась девочка. — «Экран» называется. Такие в шестидесятых годах делали... Хочешь посмотреть?

— Камеру?

— Ну... то, что она снимает. Как получается...

Федя видел, что ей важно не само знакомство, а просто хочется показать свою работу. И любопытно было взглянуть. Получалось, что и правда *событие*. Но он сказал:

— Да ну... куда я с великом-то... И вообще...

— Велосипед во дворе оставишь, — объяснила девочка и добавила просто, с неожиданной догадкой: — Ты стесняешься, наверно. Не бойся, дома никого, кроме меня, нет.

Федя почесал ногу о ногу и повел «Росинанта» в калитку.

Квартира оказалась необычная. С изразцовой печкой, с лепным узором на потолке вокруг люстры. Окна — высокие, но не широкие, со старинными ручками из синего стекла. Феде всегда казалось, что интересно жить в таком вот доме, который помнит многие поколения и где много старых вещей, книг и кресел, в которых сидели еще прабабушки и прадедушки...

Девочка усадила Федю как раз вот в такое кресло с потертой кожей и завитушками, а сама притащила два одеяла и стремянку. Стала цеплять край одеяла за гвозди над окном.

— Давай помогу, — неловко сказал Федя.

— Да я уже... Я привыкла.

Наступил полумрак, в котором отчетливо светился забинтованный локоть. Девочка поставила на стол небольшой пузатый аппарат с катушками. Умело заправила ленту. Потом вдруг засмушалась (видно было даже в полумраке), неловко, по-мальчишечьи как-то переступила плетеными сандалетками.

— Вот... Это я зимой снимала.

В проекторе вспыхнули шелки, заурчал мотор, луч уперся в лист ватмана, пришпиленный кнопками к обоям. Побежали по яркому экрану точки и царапины. И вдруг соединились в название разнокалиберные буквы: «Тик-так, или Маленький сон».

Федя увидел заснеженный двор, малышей с лопатками и салазками. Потом — забор со снеговыми шапками на столбах. Вдоль забора брел закутанный малыш лет пяти. Присмотрелся к чему-то в сугробе, присел, начал раскапывать снег. Вытащил старый (видимо, выброшенный кем-то) будильник. Крупным планом появилось на экране лицо малыша: довольное, конопатое. Весело глядел он из-под кудлатой шапки, радовался находке...

Потом пацаненок этот, уже без шубы и шапки, оказался в комнате, где шевелила зеркальными шариками елка и качали маятник старинные часы (из их окошечка разок выглянула кукушка). Малыш расстелил на столе серую бумагу, притащил плоскогубцы, молоток, отвертку и принялся «чинить» будильник. Сперва побрякивал им и слушал, потом стучал молотком и наконец начал потрошить. Свистнула наружу пружина. Множество шестеренок, винтиков и всяких железок посыпалось на бумагу. Причем таких, каких в механизме будильника и быть не могло. Но это даже смешнее, потому что кино ведь, сказка.

Малыш озадаченно заскреб в затылке. Попробовал было приладить внутрь одну детальку, другую, потом махнул рукой, отошел, забрался в кресло (кажется, в то самое, которое сейчас было под Федей). Сперва он сосредоточенно думал — видимо, о том, как все-таки починить будильник. Потом устроился головой на подлокотнике и прикрыл глаза. Уютно уснул, свесив ноги и уронив с них большие домашние шлепанцы (наверно, мамины).

Вот тут-то и началась у колесиков, гаек и прочей металлической мелочи своя жизнь!

Сначала выкатилась шестеренка, к ней — словно туловище к головке — пристроилась гибкая цилиндрическая пружинка. Снизу у пружинки веером развернулась юбочка из блестящих планок. Появились длинные суставчатые ножки и ручки. И получилось, что это девочка. Лица, конечно, не было — какое у шестеренки лицо! Но движения были чисто девчоночьи. Словно балерина, девочка на цыпочках прошлась туда-сюда, присела, выпрямилась, метнулась в сторону и в страхе схватилась за голову.

И было от чего! Всякие медные и железные штучки из груды деталей выползли на середину кадра и образовали механическое чудовище. Появились лапы с когтями, суставчатый хвост, рогатая голова с челюстями из длинных зубчатых планок. А внутри туловища поворачивались колеса и шестерни, двигались рычаги и балансиры. Машинное страшилище пульсировало и хотело есть. Оно двинулось к маленькой балерине, сжавшейся от страха. Тут бы ей и конец — челюсти распахнулись...

Но неведомо откуда выкатилась гайка. У нее появилось тело из короткой дырчатой полоски, ручки-ножки. По повадкам — явно мальчишка. Он вооружился шпагой из иголки и щитом из подвернувшейся тут же пуговицы. Мальчишка (скорее всего — принц) отдал страшилищу фехтовальный салют, и пошла у них война. Ух и сражались! Дракон дрался лапами, лязгал челюстями, колотил хвостом. Хитро рассыпался на части и складывался опять, прыгал на противника. Но мальчишка ловко увертывался и так трахал зверя шпагой, что от того уже навсегда отлетала одна железяка за другой. И хотя кино шло без звука, Феде казалось, что он слышит звон и грохот боя.

В конце концов принц с головой-гайкой вставил клинок поперек драконьей пасти, и чудовище уже не могло

захлопнуть ее. Замотало башкой и жалобно подняло передние лапы. Мальчишка пинками подогнал его к пустому корпусу будильника. Дракон развалился на детали, которые одна за другой попрыгали в будильник. Тот захлопнулся и встал на ножки.

Принц шагнул к балерине, та засмушалась, ручки опустила. Мелко засемила прочь на цыпочках. Мальчишка догнал ее, взял за руку. Вскинул голову-гайку, ожидая чего-то. На стол сел бумажный голубок. А для принца и балерины это был целый самолет. Они и вскочили в него, недолго думая. Голубок взмыл и полетел мимо люстры, мимо елки. Ключнул спящего малыша в нос и пропал. Малыш смешно сморщил конопатую переносицу, открыл глаза. Выскочила опять из часов и несколько раз открыла клюв кукушка. На столе заподпрыгивал, затарахтел язычком под блестящей шапочкой звонка сам собой починившийся будильник.

А под елкой улыбался большой ватный Дед Мороз — видимо, волшебник...

Девочка выключила проектор, откинула на окне край одеяла, прижала его стулом. Щурясь, Федя сказал вполне честно:

— Здорово интересно. Я даже в настоящем кино не видел, чтобы мультик из таких вот железных деталек...

— Это я случайно придумала. Когда будильник раскопала...

— Тут ведь каждый кадрик отдельно снимался, да?

— Там, где фигурки, конечно...

— Ох, наверно, долго это... Да?

— Возилась целый месяц. Ну... зато интересно.

— Отлично получилось, — опять похвалил Федя. —

А еще какие-нибудь фильмы есть?

— «Ну, погоди!» есть. Пять выпусков.

— Да я про твои говорю!

— Есть немного. Но не такие, а вроде хроники...

Я ведь только прошлой осенью заниматься этим начала. Раньше дедушка увлекался. Давно. Он умер, когда меня еще на свете не было. А все это хозяйство пятнадцать лет лежало в чулане: и камера, и проектор, и монтажный столик. И всякое другое... Я однажды увидела и думаю: дай попробую...

— Трудно было сперва?

— Если фотографировать умеешь, то не очень. Я маленько умела... Да и справочник кинолюбителя есть...

— Ну, покажи еще что-нибудь...

Опять замелькал экран: центральная площадь Устальска, громадная новогодняя елка, снежные фигуры, качели-карусели, ледяные горки. Толкотня, веселье, ку-ча-мала в конце ледяной дорожки, а с горки подъезжают все новые любители потолкаться-повалиться. Двое мальчишек, большой и поменьше, в одинаковых кроличьих шапках, тоже съехали с горы, и старший ловко дернул младшего в сторону, чтобы тот не угодил в свалку.

— Стой! — завопил Федя. — Это же мы! Я и Степка!

Фильм остановился. Экран слегка потускнел, изображение замерло.

— Точно! Степка и я! А еще где-то Борис недалеко...

— Надо же! Вот встреча, да?

— Да... А я и не видел, что кто-то нас снимает.

— Конечно, такая толкотня...

— Странно как-то, — сказал Федя, — среди летней жары настоящую зиму смотреть. И как ты сам в снегу... — Он даже поежился, будто повеяло январским холодом. Потом вдруг сообразил: — Значит, мы с тобой не первый раз встречаемся!

— Ага... — почему-то смутилась она. — Выходит, не первый...

— И не познакомились все еще, — слегка насупленно проговорил Федя. — Звать-то как?

— Меня? Ой... Оля...

— А меня «Ой Федя», — засмеялся он, ощутив неожиданную легкость.

Оля засмеялась тоже. И спросила:

— А Степка кто? Братишка?

— Племянник.

— Дядя Федя...

— Ага! Меня иногда так и зовут: дядя Федор. Как в мультике «Каникулы в Простоквашино».

— Может, мне тебя тоже так звать?

Федя дурашливо обиделся:

— Ну, погляди, похож я на «дядю»? Тот, в кино, хозьяйственный был, солидный. А я...

— А ты говорил, что перестраховщик, — поддела Оля. — А перестраховщики, они тоже солидные, предудотрительные...

— Это как когда!.. Показывай дальше.

Досмотрели ленту про зимнее веселье. Федя спросил:

— А сейчас ты про что снимаешь? Вот сегодня. Когда...

— Когда ДТП? — засмеялась опять она. — Я просто ветки над забором снимала. И как за ветками, далеко, башня, а по забору кошка идет...

— Но меня-то ты, надеюсь, не сняла? — вдруг испугался он. — Как я кувиркался. И потом?..

— Думаешь, до того мне было? Я решила, что ты убился...

— Если каждый раз убиваться... — с облегчением проговорил Федя. — А кошка тебе зачем? Для какого фильма?

— У меня летнее задание... В школе работы нет, наша Маргарита Васильевна и говорит: «Пусть каждый себе сам дело для летней практики ищет. А ты, Ковалева,ними кино «Наш город летом», а осенью на классном часе покажешь»... Потому что я в классе уже «Тик-так» показывала...

— А какое будет кино? Просто так, виды всякие?

— Не всякие... Тут главное — кадры хорошие снять. Можно ведь снимать по-разному. Скажем, если просто вид с берега, то это одно, а если сквозь травинки, когда они в капельках дождя, то уже будто сказка...

— Ага! Надо так сделать, чтобы все увиделось как бы по-новому, да? И город такой... загадочный.

— Правильно! Ты понимаешь! Главное — нужный ракурс! В одной книжке написано: «Чтобы увидеть необыкновенное в обыкновенном...»

Точно, они говорили об одном и том же! И, радуясь этому пониманию, Федя едва не сказал о вазе, на которой синяя картина с Городом. Но сдержался все-таки, словно излишняя откровенность могла сломать что-то хрупкое. Он только заметил сочувственно:

— Трудно ведь это — искать хорошие кадры, да?

— Конечно... Да и не всегда получается как хочешь. Пока снимаешь, кажется, что прекрасно, а проявишь, посмотришь — хоть плачь... А еще очень важно смонтировать как надо. Монтаж в кино — это вообще самое главное...

Оля увлеклась, такая разговорчивая сделалась. Непохожая на прежнюю, стеснительную. Видно, не часто ей приходилось говорить о любимом деле с тем, кому интересно.

А Феде и правда было интересно. В нем словно кто-то раскручивал пружинку *события*. Он сказал:

— Небось куча пленки в отходы идет?

— Ох, конечно... А главная беда, что достать ее почти невозможно...

— Подорожала?

— Да не в том дело! Такую вообще сейчас не выпускают, камера-то старая, один на восемь.

— Я в этом ничего не понимаю...

— Ну, смотри, пленка узкая, как лента на магнитофоне. Восемь миллиметров. Раньше ее специально де-

лали для кассетных камер «Кама» и «Экран». А сейчас — только два на восемь. То есть пленка шириной шестнадцать миллиметров, но снимают на нее в два ряда: сперва по одному краю, потом по другому. А после проявки разрезают вдоль специальным резаком...

— А если до съемки разрезать? В темноте, чтобы не засветилась. И зарядить в твой «Экран»?

— Так я и делаю. Только морока ужасная... Но и эта пленка тоже редко продается. Все больше «супер» для новых камер. Она тоже два на восемь, но на ней перфорация другая, помельче. И не подходит...

— Всюду дефицит, — посочувствовал Федя. И тут разговор замялся. Чтобы не получилось долгого неловкого молчания, Федя спросил: — А тот мальчик, что с будильником снимался, — твой брат?

— Нет! Это наших знакомых мальчик. Андрюшка. У меня брата нет, мы с мамой... Ой, вот она, кажется, пришла!

В прихожей хлопнула дверь.

— Я пойду тогда, — стесненно сказал Федя.

— Постой. Мама не съела ни одного человека, не бойся.

— Лёлька! — раздался густой голос. — Ты дома, душа моя?

— Мы тут! Кино крутим! Иди к нам!

Одеяло на одном окне было откинута, и Федя разглядел Олину маму сразу, с порога. Она была худая и высокая, с длинным складчатым лицом, густыми светло-желтыми волосами (наверно, крашеными). В ушах качались цыганские серьги-полумесяцы. Узкое зеленое платье переливалось, как змеиная кожа.

— Здравствуйте... — Федя неловко выбрался из кресла.

— Это Федя, — бодро сообщила Оля. — Мы познакомились на улице, когда я чуть не сыграла ему под колесо. Потом он бинтовал мне локоть, и забыл у нас марки, и приехал за ними, и я показывала ему свои ленты...

— И небось уморила человека... — Олина мама смотрела на Федю как на вполне знакомого. Зелеными спокойными-веселыми глазами. И он ощутил освобождение от всякой неловкости. Проговорил с дурашливой виноватостью:

— Дело не в марках, я все равно бы приехал. Преступника всегда тянет на место, где пролилась кровь его жертвы.

— Много пролилось-то? — обеспокоилась Олина мама.

— Да не слушай ты его! Я сама виновата, на гвоздь наткнулась. И не здесь это было, а на Садовой...

И тогда вдруг Федя сказал:

— Оля, а помнишь, там недалеко такой длинный дом? На спуске. А в крайнем окне — ваза с синим городом...

— Конечно! Я на нее часто смотрю!

— Вот бы ее снять для твоего фильма! В самом начале. А потом уже виды нашего города. Ну, понимаешь, вроде как переключка: сказочный город и наш...

— Фе-едька... — выдохнула она. — А ведь это в самом деле! Главный стержень фильма может из этого получиться... А я смотрела, смотрела на нее, и даже в голову не пришло. Ты только сейчас догадался?

— Раньше у меня знакомых кинооператоров не было...

Олина мама спросила:

— Есть хотите? Я вам гренок с яичницей нажарю.

— Ох... — спохватился Федя.

— Не охай, — велела Оля. — Не отказывайся.

— Я бы и не отказался, правда. Потому что не обедал, — бесстрашно признался Федя. Хорошо ему здесь было. — Но я от дома уехал только на минуту. Сейчас там уже переполох... Тут поблизости нет телефонной будки?

— У нас дома телефон есть! — обрадовалась Оля.

Федя никак не ожидал, что в этой квартире, где уместнее был бы граммофон с трубой, имеется телефонная связь. Аппарат, кстати, оказался под стать дому и мебели. Висячий, с деревянной ручкой на трубке, с двумя чашечками звонков.

— Его еще мой дедушка ставил, после войны. И до сих пор работает лучше нового. Крепкие вещи в старину делали...

Телефон и в самом деле работал отлично. Мамин голос — будто рядом:

— Федор, это ты? Где тебя носит?

— Меня не носит. Я у одной девочки... Ну, заехал на минуту, и пришлось фильмами заняться, крутим их тут... Господи, да какое видео! Она сама снимает, по заданию школы... Как это — я при чем? — Он весело глянул на Олю. — Я помогаю! Это... консультирую... Нет, недалеко, на Декабристов...

— Ничего себе «недалеко», — сказала мама. — Чтобы через час был дома! А то катаешься где-то, а Степку одного домой отправил. А он в лифте застрял! Минут пятнадцать сидел...

— Какая балда! Я же ему русским языком велел: иди пешком!

Мама сказала, что вот придет отец и разберется, кто там у них балда.

— И не носись, как на гонках! Понял?

Когда Федя повесил трубку, Оля сказала — опять с какой-то скованностью:

— Слушай... а может, ты правда мне можешь?

— Как?

— При съемках... Понимаешь, хорошо, если будет не просто город, а как бы со своим героем. Который ходит и смотрит... Город — глазами этого человека...

— Меня, что ли, снимать хочешь?

— Да... Я в классе кого только не просила, все на ле-то разъезжаются... Ой, а ты, может, тоже уезжаешь?

— Не-а... — с удовольствием отозвался Федя. — У родителей отпуск осенью будет. Меня, естественно, собирались в лагерь запихать, но я отбился.

— Значит, договорились?

— Да какой из меня артист...

— Нормальный будет артист! Не Гамлета ведь играть!

— А снимать научишь?

— Конечно!.. Ох, только хватило бы пленки. У меня всего пять катушек осталось...

На кухне трещало масло, и доносился оттуда восхи-тельный запах.

ЛИФТ

Ночью прогремела наконец обещанная синоптика-ми гроза — трескучая, с белыми вспышками и бурли-вым дождиком. Но долгой прохлады не принесла. Ут-ром, по дороге в детсад, Степка еще хлопал сандалиями по лужицам, но скоро они высохли без следа. И когда Федя после школы шагал на улицу Декабристов, день опять плавился от жары, как масло на желтой сковородке.

На Пушкинской, у Дома пионеров, раскидывал струи фонтан. В бассейне с чугунными осетрами по углам пле-скался народ Степкиного возраста и постарше. Федя поколебался: не скинуть ли кроссовки и не пробежаться ли по колену в воде под струями? Нет, не солидно...

Но все же не зря он поторчал у фонтана! Заметил, как дрожат в брызгах радуги и салютом рассыпаются искры. Хорошо бы это снять для фильма о городе. Жаль толь-ко, пленка не цветная, но все равно должно получиться красиво: такой праздник воды и солнца! Да и веселящая-ся среди струй малышня не будет лишней в этом кино... И Федя заторопился к Оле.

Он собирался прийти к ней позже, после обеда, но теперь все складывалось иначе. В школе Хлорвинилов-на сказала, что работы сегодня никакой нет, потому что

ремонтники не подвезли материалы, и что всем, кто добросовестно ходил сюда две недели (в том числе и ему, Кроеву), она «практику закрыла» — гуляйте с чистой совестью до сентября. Только последняя просьба к Феде: если ему не очень трудно, пусть он отнесет посылку Анне Ивановне Ухтомцевой. Это старушка, учительница на пенсии. Когда-то она работала в этой школе, а сейчас живет одна, и преподавательский коллектив опекает ее как может. Вот вчера отоварили талоны, надо теперь поскорее доставить продукты по назначению, а то здесь нет холодильника.

— А у тебя как раз вон какая сумка!

Холщовую сумку-мешок с портретом Майкла Джексона Федя прихватил дома, чтобы после школы забежать в булочную. А сейчас пригодилась для посылки...

И не только для посылки! Бывают же на свете удачи!..

Когда Федя, пряча в карман с «орлиной» нашивкой бумажку с адресом, скакал с тяжелой сумкой вниз по лестнице, его перехватил Дмитрий Анатольевич (в просторечии — Дим-Толь), учитель физики. Он был неплохой мужик, с учениками держался по-свойски и порой любил изобразить рубаху-парня.

— Дружище! Если ты не очень спешишь, помоги мне разгрузить стеллажи в кабинете! Я зашиваюсь! Придут штукатуры, а там бардак! — так он и выразился.

Федя сказал, что вообще-то он спешит. В сумке сливочное масло для Анны Ивановны растает.

— Ни фиги с ним не сделается за пять минут! А я тебе радиодеталей подкину, у меня там их куча. Интересно-ешься?

— Не-а, я гуманитарий... Ну ладно, идемте.

В кабинете физики Дим-Толь забрался на стремянку, начал снимать с полок коробки, ящики, вольтметры, лейденские банки и реостаты. Федя все это ставил и укладывал посреди помещения (столы уже были вынесены). Потом на голову Феде упало пыльное чучело со-

вы; неизвестно как попавшее в мир механики и электричества. Федя сел на половицы, поматывая головой.

— Жив? — спросил Дим-Толь. — А, черт! — И, закачавшись, с грохотом прыгнул со стремянки. А на Феде упали картонные коробки. Похожие на сигаретные блоки, только потяжелее. Одна открылась, рассыпались красные коробочки, вроде упакованных лент для пишущей машинки (была такая у отца). Федя машинально взял одну, прочитал на крышке: «Пленка для любительских кинокамер. ОЧ-45. Черно-белая, обратимая. 1Н8. Чувствительность 45 ед. ГОСТа. Казань».

— Ой, Дим-Тольич, откуда это?!

— Сверху, естественно! Сильно трахнуло?

— Да я не про то! Это же кинопленка! Она... зачем здесь?

— Когда-то кинокружок был. Потом камеры рассыпались, и дело благополучно скончалось. Как все на этом свете...

— Я возьму несколько штучек, а? Мы... с одним товарищем кино снимаем камерой «Экран». А пленки нигде нету...

— Да забирай всю! В порядке компенсации за контузию. Смотри только, тут срок годности кончился.

— Ничего, сойдет!

Из вчерашних разговоров с Олей Федя знал, что она уже снимала на просроченную пленку и получалось вполне прилично...

В двух упаковках было по двадцать катушек. Богатство! Федя уложил коробки на дно сумки, под продуктовый пакет, и решил, что отдаст эту славную добычу Оле не просто так, а как-нибудь по-хитрому, с сюрпризом. Вот она запрыгает!..

Оля обрадовалась, когда он пришел:

— Хорошо, что пораньше! Надо летнюю лабораторию оборудовать. Во дворе маленький гараж есть, от де-

душкиного мотоцикла. Мотоцикл давно продали, там сейчас просто кладовка...

Федя уже знал, что Олин дедушка был геологом, профессором. Научные книги писал. И до конца жизни оставался неутомимым путешественником и спортсменом. И умер не от старости и долгих немощей, а от жестокого, скоротечного воспаления легких, которое подхватил в поездке где-то на Севере... В прихожей, рядом с большим зеркалом в бронзовой раме и старым телефоном, висела полка, и на ней поблескивали друзья хрусталя и какие-то золотистые минералы — из коллекции деда...

Феде вдруг показалось, что в этой прихожей с желтым светом фарфоровых рожков на стене, с оленьими рогами и гнутой вешалкой он бывал тыщу раз, а вовсе не вчера оказался здесь впервые. И девчонку эту с зелеными капельками-сережками и забинтованным локтем знает с детсадовских времен.

— Ольга, — заявил он по-свойски. — С гаражом — это после. Заряжай камеру, и пошли.

— Куда?

— К одной бабушке-старушке. Я ей пакет ташу от учителей, она живет на двенадцатом этаже. Где новые дома за стадионом. Можно будет с верхотуры из окна панораму города снять. Помнишь, ты вчера говорила, что нужна панорама?

...Да, вчера говорили и про это. И еще много про чего. И Федя явился домой не через час, а через два с половиной, за что и поимел крупное внушение. Отец даже сказал задумчиво:

— Девочки — это хорошо, но не посидеть ли тебе, голубчик, денька три дома, чтобы ты мог обдумать, как плохо трепать родителям нервы?

— Не посидеть! — взвыл Федя. Торопливо и жалобно заобъяснял, что никак это нельзя, потому что, во-первых, все равно в школе еще практика, во-вторых, он обещал помочь Оле в съемках, а в-третьих, изматывать

нервы любимым родителям он никогда больше не будет, а будет их, родителей, всячески почитать и слушаться до собственной старости.

— Смотри у меня, — сказал папа.

На том и кончилось. И теперь, когда Оля спросила, не попало ли дома, он ответил просто:

— Дело житейское...

Она засмеялась:

— Ты у Карлсона этой поговорке научился? — Тронула мизинцем на его майке значок (булавка вчера приклеилась прочно).

— Точно, — засмеялся и он. — Пошли...

Анна Ивановна Ухтомцева жила в однокомнатной квартире. У нее горьковато пахло лекарством. Оказалась Анна Ивановна сухой бойкой старушкой, совсем непохожей на учительницу, даже на бывшую. Очень обрадовалась продуктам:

— На днях дочка из Ленинграда приедет, я пирожков нажарю и ватрушек с творогом напеку, она их с детства любит... — И огорчилась: — Ох, а вас-то и угостить нечем!

Федя и Оля дружно заверили ее, что оба они «только что из-за стола». И заторопились обратно. Потому что снимать из окон было нечего, панораму заслоняли соседние дома, такие же высокие. Не было здесь и намека на Синий город...

Уже на пороге Оля вдруг обернулась:

— Анна Ивановна, может, вам помочь чем-нибудь? Прибраться или в магазин сходить...

— Ой, что вы, что вы! И так уж помогли. Спасибо, мои хорошие...

«Мои хорошие!» Это она, Ольга, хорошая, а ему и в голову такое не пришло. А мог бы ведь и догадаться. Одна живет бабка-то, как ей со всем управиться?

— Вот, пожалуй, что помогите, — засуетилась вдруг

Анна Ивановна. — Мусор прихватите, бросьте на дворе в контейнер, если не трудно. А то я к нашему лифту с электроникой никак не привыкну, боюсь... — Она мелко засмеялась, принесла пластиковый пакет с мусором, пустыми консервными банками и картофельной кожурой.

Федя торопливо отдал Оле сумку и схватил пакет.

— А ты ведь из сумки не все выложил! — сказала Оля.

— Там еще... мои покупки кой-какие... — Он до сих пор не придумал, как поинтереснее преподнести Оле пленку.

Дом был новый, и лифт — самый современный. Просторный, с плафоном дневного света, с огоньками внутри кнопок на пульте, с красивой сеткой на диспетчерском динамике. Двери задвинулись с вкрадчивым шорохом, и кабина услужливо ухнула вниз. Но почти сразу затормозила — с мягкой перегрузкой. Двери раздвинулись, шагнул в кабину мальчишка лет девяти. Слегка взъерошенный, забавно курносый и толстогубый. В бело-голубой клетчатой рубашке-распашонке поверх серых трикотажных шортиков. С широким замызганным бинтом пониже колена. Глянул на незнакомых чуть настроенно и сказал излишне вежливо:

— Вы, наверно, тоже на первый этаж, да?

— Куда ж еще... — Федя нетерпеливо нажал кнопку с единицей. Лифт плавно провалился в глубину, но через несколько секунд вновь затормозил.

— Еще пассажир, — вздохнула Оля.

Но кнопка с номером этажа не зажигалась.

— Это не пассажир, — сказал незнакомый мальчик виновато, будто из-за него задержка. — Это, кажется, зас'стряли. Здесь такое с'случается. — Он заметно запынчался на букве «с». Может, от досады, а может, так, от природы.

Федя нажал опять «единицу». Кабина не шелохнулась.

— Ну, яс'сно. Приехали... — Мальчик протянул мимо Феде руку и надавил красную клавишу «Вызов диспетчера».

Динамик зашелестел, жирный дамский голос произнес:

— Ну, что у вас?

— То, что пос'стоянно, — капризно сказал мальчишка. — Опять с'стоим. Дом номер три, второй подъезд.

— Хулиганили небось там!

— У вас как неполадка, так всегда кто-то виноват! — со звоном сообщил мальчишка. — Лучше бы наладили с'систему!

— А-а! Это опять товарищ Березкин застрял! Ждите... — И динамик отключился.

— Ну вот, — печально подвел итог виноватый Березкин. — Теперь она нас промаринует назло мне. Я с ней уже с'сорился...

Он завздыхал и стал поправлять сползающий бинт.

— Подвешенный в пространстве лазарет, — заметил Федя. — Все в бинтах и ссадинах...

— Ты-то ведь, кажется, целый пока, — возразила Оля.

— Я душевно травмирован. Вчера Степка в лифте застрял, сегодня я сам. Сплошные ДТП. Не к добру...

Мальчик сказал, согнувшись и поглядывая исподлобья:

— Даже с'совершенно непонятно, отчего он отключается...

Оля прищуренно поглядела на потолок:

— А может, неподалеку пришельцы пролетали на своей тарелке. Когда они пролетают над дорогой, у автомобилей зажигание отключается. Читали?.. Может быть, и здесь так же...

Федя пообещал:

— Ну, поймаю одного из них, оборву щупальца.

— Разве у них есть щупальца? — удивилась Оля. — Говорят, что они гуманоиды, с руками-ногами. Только головы квадратные. Помните, в Воронеже приземлялись?

Мальчик оставил бинт и объяснил со знанием темы:

— Они ведь всякие бывают, эти пришельцы и НЛО. Потому что они звездный плафон.

— Что за плафон? — изумилась Оля.

— Ну, знаете, в океане плавает! Им еще киты питаются. Это крошечные такие живые существа. Все одинаково малюсенькие, а если поглядеть в микроскоп — тысячи разных пород... — Березкин объяснял, часто перетаптываясь от убедительности тона, и бинт у него опять съезжал. — Ну, это океанский плафон, а в космосе — звездный. Тысячи разных разумных существ и аппаратов. Некоторые на Землю случайно попадают, а некоторые... со всякими целями...

Оля засмеялась, поднося к губам костяшки. Весело глянула на Федю. Тот сказал мальчишке:

— Эх ты, биолог. Не плафон, а планктон.

— Ой, правильно... Я знал, да забыл.

Он опять стал подтягивать повязку.

— Все равно съедет, — заметила Оля. — Давай перебинтуем, у нас опыт. Да, Федя?

Мальчик почему-то испугался:

— Не надо! Это так... пустяки. — И быстро перевел разговор: — Это что? — Он показал на футлярчик с камерой, который висел у Оли через плечо.

Федя насупил брови:

— Это черный ящик, как в самолете. Для автоматической записи при аварии. Вот если трос оборвется и мы трахнемся, тогда тоже... — Он вдруг ощутил, какая глубокая под полом кабины шахта.

Оля, видимо, тоже ощутила. Сказала:

— Зачем ты дразнишь человека... — И мальчику: — Это киноаппарат. Любительский...

Федя не хотел обижать Березкина. Тот ему даже нра-

вился забавной смесью самостоятельности и беззащитности.

— Не дразню я. Это от злости на судьбу. Ни дня без приключений. — И примирительно объяснил Березкину: — Вчера с велосипеда летел, аж в дереве застрял, а сегодня — вот...

Мальчишка деловито понажимал кнопки — всех этажей и снова диспетчера. Лифт не дрогнул, динамик глухо молчал.

— С'ситуация... — вздохнул Березкин. Отступил в угол, потоптался. Потом уперся ярко-синими глазами Феде в грудь. Улыбнулся: — Какой хороший значок...

Спокойное и ласковое решение пришло Феде в один миг. Он отцепил значок и ловко прикрепил его к рубашке Березкина:

— Носи, раз хороший.

Мальчик замигал, заулыбался нерешительно:

— Ой, что ты... зачем...

— Ну, ты же говоришь «хороший». А у меня просто так...

Вовсе не «просто так» был значок. Федя с утра еще радовался ему. Но сейчас вроде бы и не жаль. Потому что Березкин был славный. Он, конечно, гораздо старше Степки (и не в пример образованнее!), но проскальзывала в нем такая же бесхитрость.

— С'спасибо...

— На здоровье, — вздохнул Федя. И быстро глянул на Олю: уж не думает ли она, что Федя Кроев ради нее решил показать себя добреньким? Но та смотрела со спокойным пониманием. Потом отодвинулась в угол, положила к ногам сумку, подняла опять к губам острые суставы пальцев и задумалась.

Постояли, повздыхали, помолчали.

«Может, сказать ей о пленке? Нет, пока не время...» И Федя опять повернулся к Березкину. Забавное было у того лицо. Губы, как у негра, наружу выворочены, а во-

лосы цвета пакли, и нос вздернут лихим сапожком. Густые брови — с изломом и постоянно приподняты, будто от грустного удивления. Даже когда мальчишка улыбается...

Впрочем, сейчас он не улыбался. Смотрел на Федю с напряженной виноватостью. Стоял скованно, съежил плечи, сдвинул коленки. Опустил глаза, вскинул опять. И вдруг незаметно, поднятым к подбородку пальцем, поманил к себе Федю. И очень понятно показал взглядом: «Только чтобы она не заметила...»

Федя шевельнул веками: ясно, мол. Придвинулся, будто случайно, приблизил к лицу Березкина щеку. В ухо Феде толкнулся теплый шепоток:

— Я не знаю, что делать. С'страшно хочется в туалет.

Может, кто другой и хихикнул бы. А Федя испугался за мальчишку. Потому что чего смеяться — положение безвыходное. Одними губами понятливо спросил:

— Всерьез или помаленьку?... — Как у Степки, когда того поджимало не вовремя.

— Не вс'серьез. Но с'сильно. Я не рас'считал...

Вот «с'ситуация»... Федя качнулся к пульту. Оля вздрогнула. Он нажал опять диспетчерскую кнопку, но динамик за современной сеткой хранил бесстрастное молчание.

— Понажимай другие, — посоветовала Оля.

Федя лихорадочно понажимал. Без толку. Он опять придвинулся к Березкину. Шевельнул губами:

— Потерпи. Наверно, скоро поедем... — А что еще он мог сказать? И что сделать? Вот если бы Оли здесь хотя бы не было... — Сожмись... Можешь?

Мальчишкины губы снова двинулись. «С'совсем ужас'сно...» — понял Федя. Глаза Березкина округлились, он втянул сквозь зубы воздух. На пределе чело-
век...

— Ольга, стань носом в угол! Зажми уши, закрой глаза!

— Зачем? — очень удивилась она.

— Надо! Скорее! И считай до двухсот! Только не быстро...

— И что будет? Поедем? — Она решила, что такая игра.

— Или поедем, или будет сюрприз. Такой, что за-
танцуешь. Честное слово! Ну, скорей...

Оля пожала плечами, но послушалась. Указательными пальцами заткнула уши. Зажмурилась и отвернулась.

— Ладно уж. Раз... два... три...

Федя развернул мальчишку лицом к стенке, поставил ему на сандалии большой жесткий пакет с очистками. Шепнул в маленькое порозовевшее ухо:

— Давай потихоньку. Он непромокаемый. — И на всякий случай загородил собой несчастного Березкина от Оли. А та добросовестно отмеряла секунды:

— Пятнадцать... шестнадцать... семнадцать...

На счете «сорок три» Федя уловил за спиной вздох и радостное шевеление. Оглянулся. Березкин держал пакет опущенной рукой и стоял со стыдливо-облегченным лицом. Федя приложил палец к губам, глазами показал на Олю.

— Шестьдесят три, шестьдесят четыре... — Она явно наращивала темп. Ладно, пускай теперь... И когда Оля сосчитала до девяноста, Федя снисходительно сказал:

— Так и быть, хватит уж.

Она быстро обернулась:

— Не едем! Где сюрприз?

— Подними сумку, посмотри, что там...

Оля вытащила коробку.

— Ой, Фе-едя-а... Где взял?

— Физик подарил. Сперва меня контузило, а... Ура! Лифт зажужжал и поехал вниз.

— Не шумите, а то сглазим, — быстро попросила Оля. И все молчали до конца. Кабина стала, двери разошлись. Человек семь рассерженных взрослых толпились перед лифтом. Толстый дядька в соломенной шляпе и белых штанах возмущался:

— Катаются, понимаете ли, безобразничают, а люди ждут...

— У вас всегда дети виноваты, — огрызнулся Березкин. А Феде быстро сказал: — Я пакет сам унесу... — И первым выскочил на двор. Побежал туда, где чернели мусорные контейнеры. Иногда останавливался и подтягивал бинт.

Оля почему-то вздохнула:

— Смешной, да?

— Ну нет. Пожалуй, наоборот, чересчур с'серьезный.

Они посмеялись.

Березкин от контейнеров не вернулся, убежал куда-то.

Оля и Федя вышли из тени дома под горячее солнце.

— Как ты все же пленку-то раздобыл? Чудо такое...

— Сейчас расскажу. Сперва мне на голову упала сова...

Вторая часть

ЗАКОН ТАБУРЕТА

СПИРАЛИ

Кинокамера была чернолаковая, размером с толстый портсигар. Внутри у нее жил хитрый механизм. Когда закручивали откидной рукояткой пружину и нажимали кнопку спуска, камера оживала в ладонях. Механизм чуть подрагивал в кожухе, урчал, как довольный котенок, а в окошечке видоискателя подпрыгивал черный стерженек — сигнал, что пленка движется нормально. А когда «Экран» жужжал вхолостую, стерженек не двигался.

Именно так, без пленки, сперва и учился Федя работать с аппаратом: не дергать им при съемке, выбирать нужный кадр, определять по экспонометру диафрагму в крошечном, похожем на капельку объективе. А еще — переключать скорости, перезаряжать кассеты, плавно вести камеру при съемке панорамы и учитывать хитрое явление под названием «параллакс» — то есть высоту видоискателя над объективом...

Пробную ленту Оля разрешила Феде снять лишь через два дня. И проявила ее сама, попутно объясняя, какие для чего растворы; их было целых пять! Конечно, Федя израсходовал первую пленку на что попало. Но Оля снисходительно заметила, что для начала получилось неплохо. А про одну сценку — где малышня в детсаду сидит на изгороди и перекидывается мячиком — даже сказала, что, может быть, пригодится для фильма.

— А теперь тебе надо научиться проявлять пленку.

Будь она неладна, эта пленка. Чтобы проявить, надо сперва зарядить ее в бачок. Намотать в полной темноте

десять метров капризной скользкой ленты на катушку с тонкой спиралью. И чтобы краешек нигде не выскочил из пазов этой спирали, а то эмульсия слипнется — и прощай, отснятый материал!

Они запирались в кирпичном, без единой щели гараже, и Оля в крошечной мгле подавала советы не спешить и сохранять спокойствие, а Федя поминал столько чертей, что такого количества не нашлось бы во всей преисподней, и тихо рычал. Потому что пленка не хотела вставляться в резьбу бачковой улитки, моток выскакивал из ладоней, лента шелестящей кучей вспухала на полу, щекочуще опутывала ноги, и нельзя было переступить. Под ногами тут же захрустит...

От мрака и бессилия у Феде в глазах прыгали зеленые пятна, и он в сердцах говорил, что зря тогда отвернул «Росинанта» от своей мучительницы. Она смеялась и разъясняла нарочитым голосом учительницы: каждый кинолюбитель должен всю работу делать от начала до конца. А кнопку нажимать на камере — этому может и макака научиться.

— Сама ты макака! — вопил во мраке Федя. — На свободу хочу! К солнцу и свету! Спасите!..

Наконец Оля смилостивилась. Но сказала, что даст ему домой засвеченную пленку и один бачок (в ее хозяйстве их было три). Пускай Федя тренируется в свободное время.

Поздно вечером он сидел на постели и, зажмурившись, вертел проклятую улитку, а щекочущая лента скользила в пальцах, готовая в десятый раз сорваться со спирали...

Наконец получилось! Раз, второй, третий! Оказывается, все дело в привычке, в натренированности пальцев. Ура!..

Федя завалился спать, а в глазах вертелась желтая спираль. И, погружаясь в полудрему, Федя философски размышлял, что все в жизни движется по спирали, — он

читал про это в журнале «Знание — сила». Явления делают круг и возвращаются, но уже не на прежнее место, а на новое. И вертит, вертит жизнь человека в спиральном завихрении событий...

Вот и опять жизнь принесла его, как перышко в потоке, к знакомству с девчонкой. Хотя еще в мае он поклялся, что никогда больше не позволит себе таких глупостей... Но ведь Оля — это совсем не то, что Настя! С ней... ну, почти так же, как с Борькой, про все можно говорить, спорить, подначивать друг друга. И когда в темноте гаража Олины волосы касаются Фединога уха, он только вздрагивает от щекочки. А будь на ее месте Анастасия Шахмамедова! Он бы одурел от... как это говорится?.. «от электрических токов любви»!

Нет, больше такого не повторится. И одно беспокоит Федю: как отнесется к этому новому знакомству Борис?

Федино увлечение Настей Борис не одобрял. Нет, он вовсе не ревновал друга к этой девчонке. Понимал, что одно дело такая вот влюбленность, другое — настоящая мужская дружба, завязавшаяся еще в детсадовские времена. Борис просто страдал, видя, как мается из-за этой Настасьи Федя. И с грустной иронией говорил: «Не понимаю я этого. Наверно, еще не дорос...» И он вздохнул с великим облегчением, когда Шахмамедова исчезла из их жизни. Даже вспомнил изящную поговорку: «Леди с фаэтона — рысаку легче...»

Но как будет сейчас? Когда Борис поймет, что Ольга — вовсе не какая-то там любовь, а просто... ну, в общем, хороший товарищ? Не решит ли, что есть здесь со стороны Феде измена? Мол, стоило уехать на три недели, как Феденька заимел нового друга...

«Ох, да что ты! — вдруг встрепенулся Федя. — Ты же сам это придумываешь! А Борька — он разве такой?»

Борис, он всегда все понимал в Фединой жизни. Даже лучше, чем родители. Не говоря уже о Ксении.

Старшая сестрица была несообразительная и бесцеремонная. Однажды утром высказала при отце и матери:

— У Феденьки явно опять роман... — Весенние страдания брата не были для нее (да и для родителей) секретом. — Каждый день удирает до вечера к какой-то Оленьке.

Федя не стал ни краснеть, ни даже злиться. Только хмыкнул и крутнул у виска большим пальцем: проверни, мол, шестеренки, а то заело. Люди делом заняты, кино снимают в соответствии со школьным заданием, а ты чепуху несешь.

Снимать начали на пятый день знакомства (когда обоим казалось, что знакомы давным-давно). И почти сразу все застопорилось... Казалось бы — совсем простое дело: Федя идет по улице, посвистывает, поглядывает по сторонам и видит всякие интересные мелочи — то хитрые башенки и флюгера на старом здании аптеки, то солнечные вспышки среди тополиной листвы, то хитрого толстого малыша, который комком черной земли рисует усы гипсовому льву в сквере у драмтеатра... То драчливых воробьев, устроивших потасовку на лепном карнизе краеведческого музея... А потом уж Федя должен был подняться на высокое крыльцо этого музея и оглядеть с него старую часть Устальска и берег Ковжи...

Малыш со львом и воробьи снялись отлично. Наверно, потому, что не заметили камеру. А Федя, когда знал, что на него направлен объектив, деревенел от неловкости.

— Ну, чего ты как неживой!

— Сам не знаю. Не получается...

— Да чему тут получаться-то? Шагай да смотри вокруг! Как на самом деле, когда гуляешь...

Нет, не выходило у него «как на самом деле». Ну, не артист он ни капельки, что поделаешь! Замечательно, когда сам жужжишь кинокамерой, когда вытаскиваешь

с замиранием из бачка мокрую пленку (получилось ли?), когда помогаешь Оле оборудовать в гараже лабораторию и при этом болтаешь обо всем на свете: об НЛО, о группе «Аквариум», о книге «Властелин колец», о школьных тяготах, о приключениях в раннем детстве, о фильме «Восстание на «Баунти»... И строишь планы: что снять в их собственном фильме... А вот как до дела дошло...

— Давай попробуем еще раз, — терпеливо сказала Оля.

Федя на неживых ногах опять поднялся на крыльцо музея, к чугунной пушке времен Петра Великого, и устало сел на верхнюю ступень. Оля села рядом.

— Ладно... Порепетируем еще, и получится.

— Не-а... — сокрушенно сказал Федя. — Бесполезно. На твоём месте я бы прогнал такую бездарь...

Он знал, что Оля его не прогонит, с друзьями так не обходятся. И будет он по-прежнему приходить в старый дом на улице Декабристов, где в комнатах с тяжелой коричневой мебелью живет и хозяйничает самостоятельная девчонка Ольга Ковалева. Очень самостоятельная, потому что мать у нее целый день на работе, в конторе какого-то треста, а потом еще руководит в этом тресте самостоятельным театральным коллективом и домой иногда приходит к полуночи, а на Оле — все хозяйство. Отец у нее тоже есть, но живет в Москве, и «там у него свое семейство; ездила я один раз, больше не хочется...». Научилась Оля многое делать и решать сама, потому что характер у нее спокойный и твердый, хотя сперва это незаметно. Кажется наоборот — нерешительная. Стоит такая sereneкая, с неприметным лицом, трогает губы костяшками пальцев...

И сейчас тоже — рассеянно водит по губам кулачком, как губной гармошкой. Думает: что же делать-то?

— Давай еще раз попробуем, — вздохнул Федя. И опять ощутил тоскливое замирание. — Ох, нет... Слушай, Ольга, тут кого-то другого надо. Ну, как это гово-

рится... «раскованного». И чтобы лицо у него было выразительное.

— У тебя вполне выразительное лицо, — деликатно сказала Оля.

— Да брось ты... Я внутри себя понимаю, как что надо делать, а вот изобразить это... Не такой человек нужен!

— Где его взять, «не такого»-то? — вырвалось у Оли.

В самом деле, где? Может, Степку попробовать? Нет, маленький. Тут нужен такой, который бы понимал суть фильма. Ведь это же не просто «Наш город летом», а намек, что живет в городе сказка...

Может, Бориса дождаться? Не-е-е... Борька при всех своих талантах уж точно не артист. Его даже в детском саду ни разу не могли заставить на утреннике стихи прочитать...

В общем, скверное дело... «С'скверное дело», — словно кто-то усмехнулся рядом.

— Ой... Оль! А помнишь Березкина? Ну, того мальчишку в лифте!

Она вроде бы и не удивилась:

— Конечно помню.

— Вот уж у кого лицо выразительное! И вообще он... — Федя хотел сказать, что Березкин, по его мнению, человек, на все отзывающийся живыми нервами. Но выразиться столь изящно не решился. — Пригодный для нашего дела.

— А что, пожалуй... — отозвалась Оля. Но без особого оживления. Может, боялась обидеть Федю замечанием. — Только согласится ли? Да и где его найдешь?

— Так и найдем, где встретили!

— Может, он там и не живет, а просто приходил к кому-нибудь... Я его там больше ни разу не встречала.

— А... разве ты там еще бывала?

Оля слегка смутилась:

— Я два раза к Анне Ивановне заходила... Ну, она же

совсем одна, дочка в Ленинграде. Вот я и думаю: может, помочь что... — И зацарапала костяшками по губам.

Удивительно, как люди стесняются добрых дел.

— Когда ты успела-то?

— А с утра пораньше...

Федя сказал с неловким упреком:

— Могла бы и меня позвать. Глядишь, и пригодился бы...

— Да там и делать-то нечего. Посуду помыла да пол подмела... А Березкина я ни разу не видела. Мальчишек утром полно во дворе, а его нет. Наверно, он не там живет...

— А откуда тогда диспетчерша лифта его знает?... Да чего гадать-то! Сходить надо да спросить у людей! — Федя был теперь уверен, что нынешняя «спираль жизни» — веселая, озорная даже — опять приведет их к этому мальчишке.

«Без всякого с'сомнения».

Федя оказался прав. И удачлив! На подходе к дому, где жила Анна Ивановна, они встретили Березкина.

Правда, узнали не сразу. Был он в другой рубашке — оранжевой — и в пыльных школьных штанах с пузырями на коленях. Издали казалось — незнакомый мальчишка. Шагает, похлопывает по штанинам сеткой-авоськой... Он узнал их первый. Сбил шаг, двинул приподнятыми бровями. На рубашке у него Федя разглядел знакомый значок. И тогда сказал издали:

— Березкин, привет! А мы тебя ищем!

Они сошлись. Березкин глянул на Олю, на Федю, потом в землю. Спросил боязливо:

— С какой с'стати... ищите?

— Дело есть, — объяснила Оля.

Он опять глянул на нее быстро и опасно.

Оля вдруг торопливо попросила:

— Федя, расскажи ему, ладно? А я пока к Анне Ива-

новне сбегаю, на две минутки! Узнаю, как она там... — И ускакала с неожиданной резвостью.

Федя слегка опешил от такого поворота. Но надо было как-то начинать разговор.

— Помнишь, ты про аппарат спрашивал? Мы кино снимаем...

Березкин выжидательно молчал. Федя спросил прямо:

— Хочешь сниматься?

— А почему... я?

— Ну, так... Мы про тебя вспомнили. Как сидели вместе в лифте. И решили: давай позовем. Нам человек нужен...

— С'странно... Меня раньше никто никуда не звал.

— Ну... тем более! Согласен?

— Странно, — опять сказал Березкин. Уже без запинки.

— Да что тебе странно-то? — Федю царапнула досада.

Березкин глянул синими неулыбчивыми глазами, помахал авоськой и вдруг признался:

— А я вас тоже вспоминал.

— Ну вот видишь! Значит, не случайно, — настойчиво сказал Федя.

Березкин вдруг посмотрел в сторону, куда убежала Оля. И опять опустил голову. Прошептал:

— А как ты думаешь, она догадалась... про тот с'случай? Ну, в лифте...

— Да ты что! — шумно возмутился Федя. — У нее же глаза-уши были заткнуты! А потом она без памяти от радости сделалась, когда я ей пленку отдал! Я эту пленку в тот день чудом раздобыл, дефицит такой... — Он, пожалуй, чересчур бурно доказывал. Потому что в глубине души был уверен: Оля догадалась. Тем более что, когда Березкин убежал к мусорным контейнерам, из пакета капало... И теперь Оля, скорее всего, покинула мальчишек не случайно: решила, что Федя с Березкиным без нее лучше объяснятся.

Березкин опять смотрел ему в лицо — стыдливо и недоверчиво. И тогда Федя сказал со всевозможной небрежностью и беспечностью:

— Ну а если бы и догадалась? Подумаешь! Дело житейское.

Оба они глянули на значок с Карлсоном. И Березкин чуть улыбнулся наконец. И спросил:

— А почему ты мне его подарил?

— Да просто так! Чего ты удивляешься?

— Я удивляюсь, — тихо признался Березкин, — как ты угадал. Я люблю всякое такое... что летает...

«Это с'случайно», — чуть не сорвалось у Феде. Он прикусил язык. В этот миг подскочила запыхавшаяся Оля:

— Ну? Вы договорились?

Березкин потупился и чуть заметно кивнул.

Феде стало весело.

— Это — Оля, — сказал он, слегка дурачась. — Очень хороший человек. А я — Федя... А ты? Как звать-то?

И вдруг понял наконец, кого ему напоминает Березкин. Года два назад в вечерней передаче для младших школьников появилась большая кукла — забавный таковой пацан Кирюша. Совсем как живой. И Березкин лицом был похож на этого Кирюшу. И показалось Феде, что имя у Березкина должно быть таким же — ласковым и не совсем обычным. И кажется, не ошибся.

— Данилка? — обрадованно переспросила Оля, когда Березкин ответил смущенно и неразборчиво.

— Да нет же! — сказал тот с неожиданной звонкой досадой. — Просто Нилка! — И объяснил доверчиво и сокрушенно: — Каждый раз, когда знакомлюсь, сплошное с'страдание. Папа с мамой придумали такое имя старорежимное — Нил! В честь прадедушки, он был знаменитый фотограф Нил Березкин!.. Он-то знаменитый, а я мучиться должен... Паспорт буду получать — переделаю в Данилу...

Федя и Оля переглянулись. Федя осторожно сказал:

— А какое тут мучение? Имя как имя. Ну и что же, что старинное? Данилы, Игнаты, Филиппы еще тоже недавно старинными были, а теперь сплошь да рядом...

— А Нил — это вообще здорово, — вставила Оля. — Великая река...

Нилка Березкин повеселел, но буркнул еще для порядка:

— Великая... Назвали бы уж тогда Миссисипи...

Оля смешно фыркнула, засмеялся и Федя. Нилка посопел и тоже заулыбался.

Вот так и появился в их компании Нилка, личность девяти с половиной лет, единственный сын родителей Березкиных, правнук Нила Евграфовича Березкина, который до революции был в Устальске самым известным фотомастером и репортером...

Они сходили с Нилкой в булочную, куда он был отправлен матерью за батонами. Потом проводили домой. Жил Нилка все-таки в *том самом* доме. А то, что Оля не встречала его во дворе, объяснил природной «домос'седливостью»... Нилка отнес батоны к себе на десятый этаж, вернулся и сообщил, что теперь отпущен «на все четыре стороны» до ужина.

Отправились к Оле — знакомить новичка с киношным хозяйством. По дороге объяснили, какая у него актерская задача. Нилка сперва испугался:

— Я же человек без малейших с'способностей.

— Все мы без способностей. — Оля покосилась на Федю. — Научишься, лето впереди... Ой, а ты куда не уезжаешь?

— Никуда! Папа хотел достать детскую путевку в санаторий, но я как завыл! Это чтобы здорового человека врачи мучили? С'страх такой... Да и толпа там, а я не-контактный...

— Завоешь тут, — посочувствовал Федя.

— Конечно!.. А папа с тех пор всем рассказывает: «Хотите послушать, как Нил волком воет? Спросите: «Хочешь в санаторий?» — «У-у-у-у!»

Оля засмеялась, а Федя сказал:

— Это старый анекдот. Про одного пенсионера... — Он покосился на Олю. — В общем, бородатая история. А при Ольге ни одного анекдота не расскажешь, беда прямо...

— Ну почему? Если приличные, то можно, — с пониманием заметил Нилка.

— Или детские. Про Вовочку, — разрешила Оля.

— Про Вовочку-то? — изумился Федя. — Много ты знаешь! Хочешь, как Вовочка алгебру изучал?.. Ну, вот то-то же...

Они вышли на Садовую. Тенистую, прохладную. Может быть, чуточку волшебную. Здесь не хотелось болтать и дурачиться.

— Вот она, ваза, — сказал Федя Нилке. Они задержали шаг.

— Ага... — выдохнул Нилка. — Красивая... А давайте прямо сейчас и снимем!

— Не получится, окно в тени, — объяснила Оля.

— А если дифирамбу пошире открыть? — профессионально предложил правнук знаменитого фотографа.

— Чево? — Федя ахнул. — Какую дифирамбу? Дифрагму!.. Ох, диво ты заморское, Нил!

Нилка слегка набычился:

— Подумаешь... Я знал, да забыл.

Никто не стал смеяться, и он тут же оттаял.

— И вообще, снимать лучше, когда окно открыто, — сказала Оля. — Стекло-то бликует...

Нилка робко предложил:

— Можно ведь попросить у тех, кто там живет, чтоб открыли. Объяснить им... Не хочется, да?

— Да. Не хочется... — признался Федя.

Оля сказала:

— Вдруг окажется, что там какая-нибудь вредная тетка живет. Заорет: «Ходят тут всякие!..» А так — пока тайна. И Город — он вроде наш...

Нилка шел посередине. Посмотрел на Олю, на Федю. Опустил голову. И вдруг тихонько спросил на ходу:

— А он вам часто снится... такой Город?

СЛОН БУВИ И ДРУГИЕ

Город снился...

Чаще всего он снился при луне. То есть на самом деле она могла и не светить, но во сне возникала над крышами многоэтажек — пятнисто-белый шар, окутанный искрящейся дымкой. Он испускал не только свет, но и пушисто-ласковое тепло...

Поток лучей входит в комнату через распахнутое окно, в этом потоке можно плыть, как в струях теплой речки.

Для начала нужно, отдавшись сладковатому замиранию, встать на согретый необыкновенной луной подоконник. Дождаться, когда эта светлая ночь пропитает тебя до последней клеточки. И тогда можно в полет... Надо только сбросить с себя все-все, потому что даже миллиграмм посторонней тяжести неумолимо потянет к земле. Даже пушинка от подушки, застрявшая в волосах... Ох, чуть не забыл размотать на ноге бинт!..

Теперь луна окатывает неслышными струями тепла и света все тело. Сматывает и растворяет накопленные телом за день ощущения: застоявшуюся в мышцах усталость, впитанный кожей солнечный жар, саднящую боль на сбитом локте, легкий зуд щиколотки — память о крапивном ожоге... И вот ты уже частичка ночного серебристо-искрящегося воздуха. Невесомый, как паутинка. Можешь оттолкнуться ступнями и плыть...

Не бойся, никто тебя не видит. Снявшийся тебе мир отгорожен от всех сотнями тончайших прозрачных границ. Днем они незаметны и проницаемы для каждого,

но сейчас повернуты под таким углом, что чужие взгляды, чужие мысли и желания, как скользящие лучи, уходят в сторону рикошетом. И никому из жителей Земли нет входа в этот мир...

Лететь можно по-разному. Хочешь — скользи над мерцающими крышами, темными горами деревьев и пустыми улицами в горизонтальном полете. Хочешь — вытяни руки вниз — и стремительной рыбкой помчишься к земле. А можно остановиться, повиснуть среди лунно-воздушного пространства, и тогда начнешь потихоньку всплывать к облакам, как всплываешь от песчаного дна к поверхности воды, если не выдохнул воздух.

Лучше всего так и сделать. Чтобы с высоты увидеть башни и сверкающую мостовую *того Города*. К нему не надо лететь долго, его надо просто разглядеть среди мерцания... А теперь — вниз! Ух, эта жутковатая прелесть стремительного приземления!.. У самой земли — руки и ноги в стороны, торможение. И вот уже подошвы касаются скользкого стекла, которым вымощена площадь. Теперь — постоять, оглянуться...

В окнах — ни огонька. Так и должно быть: люди еще не пришли в Город. Темные башни рисуются в лунной высоте — зубцы, конусы крыш, железные кружевные флаги. Лишь одна башня — с бесформенным, словно обглоданным верхом. Развалина... Не надо туда смотреть...

А почему не надо? Смотри! Это урок... Скажи спасибо, что Город простил и снова принял тебя. Счастье, что он опять твой. Теперь можешь идти по любой улице, заходить в любой дом, гулять по таинственным лестницам и переходам замка.

Замирает душа. Но не от страха. Страх здесь нет. В Городе не может быть зла. Оно могло бы прийти лишь со стороны, однако тысяча невидимых зеркал надежно охраняют это безмолвие и безлюдье...

Надо пройти по мостам и площадям. Надо посмотреть, есть ли уже в сводчатых библиотечных залах тяжелые старинные книги. Течет ли из труб вода, если покрутить узорчатые медные краны. Подвешены ли среди черных узловатых дубов лодки-качели... Когда придут в Город жители, все должно быть готово...

Лучше всего свернуть вот в этот переулок с арками. Здесь ты еще не бывал... Так приятно ступать на теплые булыжники мостовой... Потом булыжники сменяются плитами, переулок распаивается, открывая круглую площадь... Какой резкий свет у луны! Да он не только от нее! Еще две луны — не круглые, а половинка и тонкий, будто сабля, месяц повисли над домами... Но они же не настоящие! От них идет искусственное электрическое излучение! Зачем?..

И откуда это чувство беззащитности? Словно со всех сторон направлены на тебя изучающие взгляды. Неизвестно чьи. А ты — беспомощный, голый, как лягушонок на громадной сковородке, — не можешь двинуться. Ноги приросли к самому центру площади, на которой ты оказался неизвестно как... А свет все безжалостнее, будто в кабинете у зубного врача... Сжаться, зажмуриться, спрятаться в самого себя!.. Ух, какое счастье: оказывается, на тебе одежда!.. Но почему куртка и брюки из нездешней тяжелой материи с металлическим отливом?.. Значит, *это* все-таки случилось?!

Так и есть! На краю площади возникает аппарат. Пирамида из сверкающих колец, высотой в два этажа. Она висит в метре от плит. Она говорит. Мысленно:

— Это ты — Нил Березкин?

— Нет! Вы ошиблись! Это не я!.. Не он...

— Ты говоришь неправду. — Сбоку, из темного окна, ударяет невидимый шуп локатора, ползет по плечу, по рукаву, по штанине, считывая сквозь одежду сигналы излучающего кода. — Ты Нил... Иди сюда. Тебе пора к нам...

— Я не хочу!!

— Это не имеет значения. Есть программа.

Вороненый металлический жук размером с бочку выезжает из-под пирамиды. У него изогнутые щупальца-захваты.

Господи, что делать-то! Подошвы с трудом отрываются от плит. По клейким камням, сквозь вязкое сопротивление загустевшего воздуха так трудно бежать... А жук — не приближаясь и не отставая — погромыхивает сзади...

Вот уже опять переулок, арки, булыжники. А впереди — глухой торец каменного здания. На нем проступает мозаика: лицо старика с печальными внимательными глазами. Он похож на того, с улицы Тургенева...

Прямо на тебя эти глаза!

— Помоги мне! Ну, пожалуйста... — Это сквозь слезы и отчаяние. — Я тогда не нарочно... Я больше не буду...

Сзади — новый лязг и грохот. Что такое?.. Это спустилась поперек переулка решетка с черными коваными завитками! Перерезала путь жуку-машине!.. Жук трогает решетку щупальцами, разворачивается и едет назад, к сверкающей пирамиде, которая все еще видна за арками... Можно сесть на каменное крылечко, привалиться к выпуклым узорам деревянной двери. Жук не вернется. *Они* не достанут. Пока... Но как они проникли в Город? Потому что не с Земли? Значит, от *них* нет защиты?

— ...Они проникли случайно, — говорит неизвестно кто. Кажется, из-за двери. — Не бойся. Теперь Город поставит еще одну отражательную грань. *Сюда* они больше не придут. Но будь осторожен в других местах...

— Да, я помню...

Дверь сзади медленно отходит. За ней — нестрашный, мерцающий добрыми огоньками полумрак.

— Там что?

— Не бойся, заходи. Это дом, где исполняются желания.

— Всякие?!

Ответа нет. Но в молчании — доброта.

Огоньки начинают дрожать сильнее. И сон тоже дрожит, обретает непрочность. Не растает ли он совсем от того, что скажешь заветное: «Хочу... чтобы были друзья...»?

Огоньки, что сперва казались мерцающими в темной комнате светлячками, разбежались далеко-далеко. И тесная тьма раздвинулась до бесконечного ночного пространства. И стало ясно, что это переливается огнями Город, видимый с горы. Здесь, наверху, белели в сумраке, как березы, античные колонны — остатки древнего строения. А вниз по крутому склону убегала среди травы рельсовая колея.

Снизу, из пахнувшей ромашками темноты, подкатил дребезжащий вагончик. У него светились окошки и горел под козырьком крыши яркий фонарик.

— Поехали...

Степка боязливо заупрямился: очень уж крутой спуск.

— Поехали, не бойся...

Они сели у окошка, и трамвайчик помчался. С потряхиваниями и перезвонами. Скорость нарастала, напоминая жутковатое падение. Но в падении не бывает поворотов, а этот свистящий сквозь ночь вагон закладывал виражи, от которых стремительно замирала душа. Федя прижимал Степку к себе, чтобы тот не треснулся о твердое... Но вот скорость уменьшилась, трамвайчик прокатился по горбатуму мосту и выехал на улицу, где горели фонари и цепи разноцветных лампочек. Мелькало множество народа, но никто не входил в вагон (да он и не останавливался, только ехал уже медленно). Люди были в пестрых костюмах и масках.

— Пойдем! — жарко дохнул в Федино ухо Степка. — Здесь карнавал. Это ведь не толпа, а праздник...

— Но не вздумай опять исчезнуть... Стоп!

Трамвайчик послушно затормозил. Они вышли из праздничную круговерть, и Федя стал оглядываться, стараясь понять: был ли он уже на этой улице? Видел ли эту башню, у которой на шпиле большой белый шар с часовым циферблатом? Старинные дома казались полужнакомыми. В нижнем этаже одного из них — это помнилось точно — кафе-мороженое «Ква-Драт». Правильно! Вон в освещенной витрине пляшущие лягушата держат квадратный щит — на нем девчоночья рожица с красным языком, лижущим вафельный стаканчик... А справа, над крышами, знакомая кирпичная колокольня. Значит, недалеко берег Ковжи, где теперь, конечно же, построена новая пристань, к которой подходят украшенные иллюминацией пароходы с участниками праздника... Наконец-то река стала полноводной!..

— Степ, а вон там, за углом, есть магазин «Клоун»... — Федя прочно держит Степку за руку. Иначе не успеешь оглянуться, как нет его. Знаем мы это дело... — Если хочешь, пойдем купим какие-нибудь маски.

— У меня есть! — странным голосом говорит Степка. Оказывается, он уже в пышном девчоночьем платье и в маске хулиганского одноглазого кота!

— Когда ты успел?

Свободной рукой Федя сдергивает с него маску. Это... и не Степка вовсе! Незнакомая хохочущая девчонка!

— А Степка где?

Она радостно вырывается. Танцует.

Степка где?

Степка где?

Степка плавает в воде!

Этого еще не хватало! Он же не умеет плавать! Скорее...

А вот и фонтан! Водная карусель. Цветные струи бьют из центра большущего, как цирковая арена, бассейна, колокольчики играют переливчатый мотив, а по кругу плавают надувные крокодилы и динозавры. Их оседлали мальчишки и девчонки — хохочут, бултыхают ногами... Но Степки здесь нет.

Федя не чувствует большого страха. Беспокойство его — с оттенком приключения. Степка в конце концов найдется. Но хорошо бы отыскать его до утра, чтобы успеть еще ухватить кое-каких радостей от праздника. Например, вот так покататься среди струй на резиновом драконе. Никто не будет смеяться — здесь неважно, маленький ты или большой...

Куда же он девался-то?

Ощущение, что Степка недалеко, не покидает Федю везде. И в пустом вестибюле метро, где Федя очутился неведомо как. И в плохо освещенном переулке, где из высокой, по плечи, травы встают бревенчатые многоэтажные терема (а людей уже совсем нет). И на выщербленной лестнице, которая ведет на маленькую квадратную площадь...

И наконец-то!..

Здесь, на площади, нет ни фонарика, но маленький месяц светит между черными треугольными крышами. Свет его мягко расстилается по квадратным плитам. Степка — маленький, очень одинокий — прыгает по этим плитам, будто играет в классы.

— Ты зачем здесь один? — шепотом спрашивает Федя, и шепот этот крыльями шекочет окружающую тишину.

— Не мешай... — Степкины подошвы шелк-шелк по камню.

— Ты же сам хотел на праздник.

— Здесь интереснее... Я хочу разгадать...

На плитах — головоломка, смысл которой Федя улавливает смутно (а потом забудет совсем). Если ее разга-

дать, можно решить множество загадок Города. Но разгадать не удастся, не успеть. Да и надо ли? Так ли уж важно, почему Ковжа, недавно еще узкая и мелкая, теперь разлилась и впадает в морскую бухту Сун-Караса? Бухта эта совсем рядом, морской воздух приходит сюда, оседает влажным туманом на мраморе. А в просветах между домами движутся темные корпуса океанских судов — сами громадные, как дома с рядами желтых круглых окошек...

Пароход прошел среди гранитных набережных канала и едва не зацепил мачтой с огоньками светящийся стеклянный мост. Точнее, не мост, а перекинутую с берега на берег, от дома к дому застекленную галерею. В этой галерее — музей. Вчера там была выставка глобусов. Разных! Маленьких и больших, новеньких и старинных, земных и звездных. А были еще глобусы незнакомых планет! Самый лучший — это хрустальный шар метрового диаметра, в опояске сверкающих колец. Он был наполнен удивительно прозрачной водой, в которой змеились водоросли и резвились пестрые, как бабочки, рыбки.

— Это что же, вся планета состоит из воды?

— Совершенно верно. Планета-океан...

— А где такая? В каком созвездии?

— Тс-с, девочка. Об этом нельзя, глобус разобьется.

— Ой... А разумная жизнь там есть?

— Смотри сама...

Глобус вырастает, делается совсем великанским. Из глубины подплывает к прозрачной оболочке мальчишка с забинтованной ногой. Вопросительно и печально смотрит синими глазами сквозь воду и стекло. Потом хватает за кружевной хвост крупную серебряную рыбу, и та уносит его в заросли...

Вот такие дела... Это было вчера. А что будет сегодня?

Пароход швартуется у ступеней с чугунными львами.

— Девочка, ты сможешь унести в музей вазу?

— Конечно!

С борта ей подают легкую фарфоровую вазу, и при свете фонаря Оля узнает ее: синие дома, башни, мачты... Значит, сегодня будет выставка ваз! И на каждой — свой Город...

Так и есть. Молчаливые матросы несут за Олей большие хрупкие, как яичная скорлупа, сосуды с разными картинами на них.

— Девочка, осторожнее, не оглядывайся!

Поздно! Камень скользит под ногой... Ох, как болит локоть от удара о мостовую. И какой звон!.. Неужели конец?

Нет, не конец! Фарфоровые осколки сыплются с неба, как снегопад. И на лету складывают Город. Он вырастает вокруг — настоящий, обступающий со всех сторон. И теперь уже не поздний вечер, а день — синий от блеска неба и подступившего к Городу моря. Ветер реет вдоль улиц и треплет матросские ленты на соломенных шляпах мальчишек. Мальчишки гоняют по набережной синие мячи. Перемигиваются, поглядывают на девчонку. И среди них тот толстогубый, с бинтом под коленкой. Сейчас он смеется... Где же кинокамера? Ох, но почему в видеоискателе все так расплывается, становится нерезким?..

Головоломки, распластанные на городских площадях, решить можно только одним способом: заранее признав, что их законы действуют лишь в двухмерном пространстве.

В пространстве этом — стопроцентная тьма. И не глазами, а каким-то локаторным ощущением сознание воспринимает плоский беспросветный мир. Поэтому только можно понять, что в нем происходит.

Происходит вот что. Кто-то громадными ножница-

ми вырезает из плоской тьмы разлапистые, с острыми макушками, ели. В плоскости остаются дыры — по форме этих елей. В них можно проходить. Ели образуют лес. В этом частом лесу тоже можно идти. Ели чиркают по лицу плоскими, словно картонными, лапами и на миг проворачиваются ребром, как подвешенные на ниточках... Сам по себе этот лес не страшен, хотя приятного мало. Страшно другое. Где-то сзади, среди тьмы, едет, подминая ненастоящие деревья, громадный черный обруч. Он склеен тоже из полосы плоского пространства. И ладно, если бы склеен был по-честному, а то ведь как кольцо Мёбиуса — когда у обруча вместо двух сторон одна. И если это хитрое математическое колесо догонит и проедет по тебе, ты превращаешься в черный силуэт, причем тоже с одной, а не с двумя сторонами, что совершенно противно человеческому пониманию. Чтобы не случилось беды, надо спешить. Одна лишь надежда — на огонек, что должен забрезжить впереди. Не вечно же тянуться этой мгле, плоской, как будто ты попал в черный пакет для фотобумаги...

И вот он дрожит, спасительный маячок. Очень далеко и очень близко одновременно... И не один уже... Черные картонные деревья расступаются наконец. Тьма за спиной скатывается в рулон и пропадает — она упустила жертву. Теперь вокруг мир ночного поля, теплой щекочущей травы, ярких звезд. Таких ярких, что свет от них почти как от луны...

А среди травы — тоже звездочки. Желтые. Это огоньки свечек. Свечки горят у гранитных, в рост человека, шаров. Но если приглядеться, это не шары, а головы в глубоких круглых шлемах. Головы вросли в землю по губы. Глаз не видно во впадинах под прямыми строгими бровями. Линия бровей и носа у каждой гранитной головы как бы образует букву «т». Это суровые, грубо вырубленные лица под кромками шлемов.

Каменные головы — памятники тем, кто в давние времена полег здесь, защищая Город от нашествия.

А Город — вон, впереди. Густую ночь над полем приподняла малиновая полоса рассвета, и на этой заре четко рисуются дома, ажурные дуги мостов, средневековые контуры крепостей и решетчатые чаши локаторов космодрома. Черная плоскость этих контуров обманчива. На самом деле Город обширен, разноцветен. Веселая путаница улиц полна загадок и приключений. А главное, что отличает Город от других городов, увиденных на долгом пути, — там Федька. Он ждет...

...Этот сон снился Борьке Штурману, когда громадный теплоход уютно урчал двигателями, а за окном каюты в разрывах облаков медленно проплывали холодные зеленые звезды.

Федя и Борис узнали друг друга в незапамятные времена. Когда им было по пять лет. Кроевы переехали тогда в кооперативную квартиру, а Федю перевели (путем какого-то хитрого обмена) в другой детсад, поближе к новому дому. Садик оказался совсем не такой, как прежний. Тот был в деревянном доме, уютный, с закутками, где можно было в случае чего приткнуться одному. А здесь — громадные стекла вместо стен, блестящие желтые полы и множество всяких «нельзя». И громко-голосая Римма Эдуардовна вместо прежней Нины Петровны... Федя и в своем-то прежнем садике не был бойким, а тут совсем съезжился. Тем более что и ребята оказались чересчур шумные и приставучие. Обступили, загалдели, задергали. И конечно: «Дядя Федя съел медведя...»

Ох, как не хотелось Феде идти сюда на следующий день. До горьких слез. Но такая у нас в этом неласковом мире судьба: дают что не надо, ведут куда не хочешь... И быть бы этому Фединому дню горше первого, если бы не новый вопль толпы:

— Борька вернулся! Штурман болеть кончил! — И заплясали вокруг шуплого, с колючей стрижкой, мальчика в рубашке с якорями (может, потому и «Штурман?»). Кто-то просто орал и радовался, кто-то дал Борису шелчка. И конечно:

Ты иди все прямо, прямо,
Будет там помойна яма...

Борькины коричневые глаза беспомощно метались и наконец встретились со взглядом Феде. И что-то сдвинулось тогда в Фединой душе. Он поднял с пола за хвост надувного увесистого крокодила и, как палицей, прошелся по вопящей толпе. Пробился к Борису, рядом с ним прижался лопатками к стене. И они с Борькой молча, без слез, кулаками, ногтями и пятками отбивались от дружного коллектива средней группы, который был, естественно, возмущен таким поворотом дела... Пока не ворвалась в центр борьбы Римма Эдуардовна. Она быстро навела порядок, при котором досталось всем. Ибо она, Римма Эдуардовна, была уверена, что среди пятилетних воспитанников не бывает тех, кто прав...

После этого случая Федя и Борис всегда держались рядышком. И грустили, когда кто-то сидел дома из-за болезни. И радовались при встречах. Но настоящими друзьями они в ту пору не сделались. Просто не успели. Дело в том, что в Борькину семью приехала с Украины насовсем бабушка Оксана Климентьевна, и Бориса родители забрали из детсада.

Потом Федя и Борис встретились, уже когда стали первоклассниками. Оказались они в разных классах, но все равно быстренько прилепились друг к другу и старались быть вместе на переменах. И даже домой ходили вдвоем, хотя Борису приходилось делать большой крюк, чтобы проводить Федею.

Однажды Федя заташил стеснительного Бориса к себе. Тогда были не самые лучшие дни в семье Кроевых. Не улеглось еще горе после гибели Михаила, в комнате

у Ксении плакал хворавший в те дни крошечный Степа, у мамы с отцом что-то не ладилось в отношениях. И в квартире заметен был беспорядок — признак семейного неблагополучия. Зато было в этом свое удобство: никто, например, не требовал от Феде, чтобы он после игры убирал с пола электрическую железную дорогу. Рассеянно переступали через рельсы и вагончики.

Борис как увидел это железнодорожное хозяйство, так и присох к нему. Наверно, его, как и Федю, поразило, какое здесь все крошечное и в то же время в точности как настоящее, действующее. Правда, Феде в ту пору игра уже наскучила, а Борис никак не мог оторваться. Каждый день приходил теперь к Феде и тихонько, никому не мешая, колдовал над паровозиками, светофорами и стрелками. И про Федю забывал, не требовал, чтобы тот участвовал в игре. Федя не обижался. Брал «Волшебника Изумрудного города» или «Тома Сойера», устраивался здесь же на своей продавленной тахте, и они с Борисом жили рядом, но каждый в своем мире. Не знали тогда, что мир этот — один на двоих, Федин и Бориса. Именно такой, как есть, — с книжкой, жужжанием моторчиков, тихим дыханием, настольной лампой и ранними сумерками в окне...

Конечно, случалось, что посторонняя жизнь вторгалась в эту дружескую тишину. Своей-то комнаты у Феде тогда не было. Порой здесь же, в «гостиной», обособивался и отец — у телевизора или с газетами. А то и с приятелем Петром Петровичем — за шахматами. Впрочем, никто особенно не мешал друг другу. Только однажды со стола скатилась на рельсы и вызвала аварию шахматная фигура под названием «слон»...

Федя, кстати, не понимал, почему эта точеная штучка называется слонем. И вообще, он в ту пору ничего не понимал в шахматах. А слонов любил и собирал про них картинки.

Так вот, слон упал на рельсы, папа сказал Борису

«ах, прошу прощения». Борька поднял фигуру, встал с четверенек, подал слона папе и задержал взгляд на доске. Петр Петрович в это время двинул коня.

— Не-а... — вдруг тихонько сказал Борис. — Мат будет.

— Как это — мат? — встревожился Петр Петрович.

— А вот так... — Борис что-то там переместил на доске.

— Ты не подсказывай, не подсказывай, — заволновался папа. — Хотя... гм... честно говоря, я сам не догадался бы...

— Я пойду вот так, — решил Петр Петрович.

— А тогда вот так будет... — вздохнул Борис.

Два взрослых шахматиста уставились на него, как на пришельца из созвездия Козерога. Петр Петрович торопливо предложил ничью папе и выразил желание сыграть с мальчиком.

Мальчик, нетерпеливо поглядывая на включенную дорогу, в три минуты обставил дядю Петю и стукнул коленками об пол.

— А со мной? — жалобно сказал папа.

С ним Борис повозился чуть дольше. Минут пять.

— И давно ты так научился? — с почтением спросил папа.

Борис не знал. Ему казалось, что он умел играть всегда. Чуть ли не в ясельном возрасте постиг это искусство, узнав у отца, как ходят фигуры, и сядясь потом за игру с кем придется. Серьезным занятием шахматы он не считал и к семи годам потерял к ним былой интерес. То ли дело железная дорога!

А Федин папа с той поры проникся к Борису неподдельным уважением и симпатией. Каждый вечер предлагал: «Борис Львович, сразимся, а?» Непонятно, имелся ли в самом деле у Бориса необычный талант (как утверждал Федин папа), или шахматные способности самого Виктора Григорьевича Кроева были весьма средними,

но перевес обычно оказывался на стороне «юного поколения». Обыгрывание дяди Вити в шахматы Борис, видимо, считал скучной, но неизбежной обязанностью — чтобы потом можно было без помех заниматься железной дорогой. Впрочем, был Борис человеком понимающим чужие души и скоро осознал: надо шадить взрослое самолюбие и время от времени сводить партию вничью, а порой и проиграть не грех. Папа в такие моменты ликовал... В конце концов эти шахматные вечера стали домашней традицией. А Борис сделался не просто Фединым другом, а вообще своим человеком в доме Кроевых.

Плохо только, что сам-то этот дом терял свою былую прочность. Это чувствовалось порой и за папиной излишней веселостью, и за маминой непривычной рассеянностью, и за случайно схваченными Федей фразами родителей:

— Ну что ж, *она*, конечно, женщина эффектная. Детей нет, хватает времени следить за собой... — Это мама.

— Двадцать лет в роли ломовой лошади — это, выходит, личная жизнь? — папин вопрос. Ну и так далее. Что-то разладилось у них после двух десятков лет совместного существования. Но Федя не вникал. Его душа интуитивно защищалась от взрослых неурядиц. Федя прятался от них за книжками, за суетой школьных дел, за своими выдумками и заботами. Тут случилась как раз история со слонем.

Слон был размером с котенка. Он стоял на полке в универмаге. Так же как электрическая железная дорога, он был крошечный, но выглядел совершенно настоящим (хотя сделали его, очевидно, из фаянса). Живой казалась каждая складочка серой шероховато-замшевой кожи. Осмысленно блестели черные глазки. Чудилось, что слегка шевелится розовая влажная губа под задорно вскинутым хоботом. Настоящей слоновой костью све-

тились изогнутые полумесяцами клыки. Вот-вот колыхнется и пойдет, постукивая коготками-копытцами по лакированному дереву.

Федя придумал слону имя — Буби. Иметь Буби у себя казалось ему неслыханным счастьем. А стоило-то счастье не такие уж великие деньги — двенадцать рублей. Но родители, занятые своими раздорами, тут проявили единодушие, объявив Федино желание странной блажью.

— Добро бы заводная игрушка, а то статуэтка для комода! Ты что, девчонка?

— Мало тебе железной дороги? Откуда у нас лишние деньги? Спроси отца, когда он последний раз получал премию!

После школы Федя забегал в универмаг и со страхом смотрел: там ли еще Буби? Не купил ли его кто-нибудь? О том, что таких слонов на складе множество, Федя и помыслить не мог. Буби был единственный! Родной просто! Федина душа истосковалась по слону-малютке. И однажды Федя не выдержал — безутешно разрыдался при родителях и при Борисе. Ну что же это такое?! Неужели никто не может понять, как ему нужен этот маленький живой слон! Заберите назад, продайте железную дорогу, возьмите все, что у него есть! Ну, не кормите целый месяц, чтобы сэкономить деньги... Да никакая не истерика, а просто ему пуше жизни надо, чтобы Буби жил с ним... Ну, ремнем так ремнем, пожалуйста... А потом купите Буби?..

Борис во время этого горького крика и плача потихоньку исчез. И появился под вечер, когда уже остывший от слез, но тоскующий Федя сжался в печальном уголке между тахтой и кадкой с фикусом. Борис нахмуренно и деловито сказал:

— Вот, принес тебе слона... — И стал разворачивать газетный сверток.

Федя недоверчиво подался вперед. И... чуть опять не

заревел от обмана. Борькин слон походил на Буби лишь размером. Это было пластилиновое существо с ногами из березовых кругляшковых, с хоботом из резиновой трубки, со стеклянными пуговицами вместо глаз... Федя глянул на это нелепое создание, потом на Бориса — даже без обиды, только с новой горечью. Борис все понял. И прошептал виновато:

— Я думал, ну хоть такой... Зато у него глаза горят... Вот... — Пуговицы засветились огоньками. — Там лампочки и батарейка.

— Дай, — вдруг со всхлипом попросил Федя. От Борькиного голоса, от взгляда что-то сдвинулось у него в душе. Как при первом знакомстве, когда Федя схватил крокодила и они с Борисом вдвоем отмахивались от толпы... Он посадил пластилинового зверя себе на колени и стал гладить правой ладонью, а левой взял Борьку за тонкое запястье. И тот сел рядом. И они долго молчали в углу за тахтой, глядя, как мигают желтые глаза маленького слона. И Федя — без отчетливых мыслей, но глубоким безошибочным пониманием — осознал, что прежде их приятельство с Борисом было до этого вечера лишь вступлением к неразрывной дружбе.

...А слона Буби через день купили. И Федя был счастлив. Но к счастью примешивалась теперь печаль и даже виноватость перед Борискиным слоном, которого звали Фродо...

Долгое время оба слона стояли рядышком на книжной полке. Потом Фродо изрядно подтаял от весеннего солнца, а у Буби откололся хобот (его приклеили, но он опять отвалился). И слоны незаметно переселились в кладовку. Но тогда это не имело уже особого значения. Тем более что к тому времени Борька успел спасти Федю от настоящей беды.

...Это случилось в марте, перед каникулами. Наступил наконец момент, когда отцу пришлось заявить:

— Федя, ты уже не маленький. И если так получит-

ся, что мы с мамой... ну, ты понимаешь... Если мне придется жить отдельно, с кем ты решишь поселиться?

Наконец-то до Феде дошло, что все это всерьез! И так ошарашило, что он не заревел. Помолчал и сказал тихо:

— Я... не знаю. Я подумаю...

— Подумай, малыш...

Заплакал Федя, только когда пришел к Борису.

В тот вечер Борис явился к папе и маме Кроевым. Очень серьезный, подготовленный к разговору. И предложил вот что: раз уж они, Виктор Григорьевич и Татьяна Константиновна, решили разводиться, не надо Федю рвать на части. Пусть он тогда живет у него, у Бориса. У них в доме. Они привыкли друг к другу, и места хватит...

Мама всхлинула, приоткрыла рот. Папа остановил ее взглядом. И ответил так же серьезно:

— Мы подумаем, Боря. До завтра. Ладно?

Федя же сказал родителям, давя в себе слезы:

— А я к вам буду приходить в гости. По очереди...

Утром отец сообщил Феде, что их с мамой раздоры были делом временным. Что поделаешь, случается, мол, и со взрослыми людьми такое, жизнь — штука непостоянная. Но теперь они все обдумали... В общем, переезжать никому никуда не надо.

Потом уж Федя понял, что едва ли один короткий разговор с семилетним мальчишкой мог решительным образом повлиять на родителей. Наверно, сказалось многое другое. Но Борькины слова могли оказаться последней гирькой на чашке неустойчивых семейных весов...

По крайней мере, вечером папа взял Бориса за плечи, поставил перед собой и сказал тихонько:

— Спасибо тебе, Штурманок...

Штурманок — это от Штурмана. Такая была у Бориса фамилия. И Федя завидовал ему с детского сада: повезло же человеку иметь морское звание с рождения. Не

какой-то там Кроев! И долго в голову Феде не приходило, что может быть у Борькиной фамилии какая-то другая, неприятная сторона.

Открылось это уже в третьем классе. Пришла им тогда в голову фантазия записаться в секцию самбо — чтобы, если кто полезет, уметь дать отпор по-научному. На дверях детского клуба «Факел» висело объявление о наборе в младшую группу. Тетя с красным лицом и недовольным голосом сидела у входа за столом. Она стала спрашивать — сперва у Бориса:

— Имя, фамилия?.. Школа?.. Адрес?.. Где работают родители?.. — И стала заполнять анкету.

Подошел коренастый дядька — с мускулами под спортивным костюмом, с короткой стрижкой, с полотенцем на толстой (дембильской) шее. Заглянул в анкету. Хмыкнул, сказал вполголоса тете:

— Ну, опять...

Штурман, Фурман, Авербах —
Все навязло на зубах...

Учишь их, а потом они мотают за кордон...

Борька замигал растерянно, беззащитно.

У Феде мысли перетряхнулись в голове, вспомнились речи взрослых, беседы по телику. Он взял Бориса за рукав.

— Борь, айда отсюда... — И уже через плечо выдал дембилю: — Между прочим, есть еще одна национальность, международная. Фашисты называется...

— Ах ты... — зашипел тот, срывая полотенце. — Инна Андреевна, из какой они школы?

— Между прочим, из советской, — сказал Федя.

Уже на улице Борис виновато объяснил:

— Ты не думай, что я испугался ему ответить... Я просто не знал как... Потому что папа еврей, а мама у него русская. А у моей мамы отец был молдаванин, а ее мама — украинка. Баба Оксана... А меня никогда даже не спрашивали, кто я... А тут... этот...

Федя вспомнил, что в первом классе был у них Сашка Гринберг, славный такой, смиренный, а потом вдруг сказали, что он с родителями уехал в Израиль...

— Борька! — Федю тряхнуло мгновенным страхом. — А вы не уедете? Ну... туда...

— Фиг! — серьезно сказал Борис. — Папе один раз намекнули, так он мебель поломал.

Папа Штурман был огромен и рыж. Он работал бригадиром слесарей-ремонтников в автобусном парке. Тамто на собрании (как узнал Федя впоследствии) и случилась эта история. Слесари требовали сделать субботу нерабочим днем. Дирекция возражала, бригадир Штурман, в свою очередь, отстаивал интересы своего коллектива: мы, мол, как все нормальные люди, имеем право на два выходных в неделю. Тут встал какой-то вертлявый тип и начал распространяться, что надо думать о выгоде всего автохозяйства, а любовь к нерабочей субботе — это вообще дело подозрительное. Знаем, от кого идет, от какой религии. Если, говорит, очень уж кому приспичило чтить день субботний, пускай едет в известную страну...

Он не договорил. Кулак папы Штурмана, похожий на веснушчатый арбуз, описал дугу и грянул о трибуну, на которой бригадир как раз находился. Верхняя доска от этого канула в трибунные недра, боковые стенки расселись, словно картонные, а передняя — с эмблемой из колеса с крылышками — дала продольную трещину. Голосом, от которого выгнулись наружу оконные стекла, папа Штурман пообещал:

— Я тебе ... .. сейчас покажу дорогу не в ту страну, а в ... .. и ты побежишь у меня туда, как наскипидаренная ... ..

Вертлявого оратора унесло в угол потоком воздуха и хохотом слесарей и водителей. Над трибуной клубилась пыль.

— Милиция-а-а! — верещала секретарша директора.

— Зови, зови милицию, — добродушно согласился папа Штурман. — У меня, между прочим, неприкосновенность, я депутат горсовета...

Потом Борис показывал Феде газету-многотиражку, издававшуюся в автохозяйстве. Там была статья с очень длинным названием: «Александр Македонский тоже был неплохим бригадиром, но зачем же трибуны ломать?» Впрочем, упрек за трибуну был единственный в этой статье. В основном же позиция бригадира Штурмана признавалась обоснованной, а чиновники из аппарата подвергались всяческой критике.

Трибуну папа Штурман починил. Подумаешь, работа! Он был мастер на все руки. И Борис научился у него многому. Недаром Федя многократно говорил Оле:

— Вот приедет Борис, он тут у нас все наладит...

Борис прибежал утром, когда Федя и Степка еле продрали глаза. Степка завизжал и облапил Борьку за шею.

— Спасите, душат! — сказал Борис. — Ты чем это мне пузо царапаешь, террорист?

— Это пряжка! У меня день рождения был, Федя подарил от него и от тебя. Правильно?

— Само собой, — подтвердил Борис, потирая под белой футболкой живот. — А я тебе еще один подарок привез. Вот... — Он полез в карман на новеньких, еще хрустящих шортах из серой плащевой ткани. И вытащил пластмассовый пистолет. Щелк — из ствола выскочила клоунская головка, закачалась на пружинке.

Степка опять взвизгнул. И умчался хвастаться подарком.

— Наплавался, значит, — сказал Федя Борису. — Ну и как?

— Интересно. Столько всего насмотрелись, даже каша в голове. Здорово... Только потом уже домой хотелось... И погода еще фиговая, от Ленинграда до Ульяновска — везде холод. И в Москве дожди. А сюда прие-

хали — будто Африка. Первый раз оделся по-летнему, как нормальный человек...

— А я тут ни разу не искупался даже. Мать говорит: вот приедет Борис, тогда пожалуйста... Тебе полное доверие.

— Степку отведем и махнем! Ага?

— Ладно. Только...

— Что? — Борис чутко уловил Федину нерешительность.

А дело в том, что с утра должны были Федя и Нилка прийти к Оле и приводить в порядок лабораторию.

Борис глянул из-под ресниц. И сказал безошибочно:

— Чегой-то царапает твою грешную душу, дядя Федор. Раскалывайся...

— Ничего не царапает! Познакомился я тут... с одними людьми. Дело затеяли.

Ну и поведал все Борису, сердясь на себя за непонятное смущение и виноватость и понимая, что Борис все его чувства и мысли читает как на белом листе.

Но он же был замечательный, лучший на свете человек, Борька Штурман! Он поскреб щетинистую макушку и сказал с нарочитой опаской:

— А меня-то возьмут в эту компанию? Я тоже кином интересуюсь...

— На тебя там вся надежда, — с хмурой озабоченностью сообщил Федя. — Потому что никто не может ни молоток толком держать, ни паяльник. А работы всякой во сколько...

— Эх, рабо-ота... — протянул Борис на мотив «Эх, дороги, пыль да туман...».

Федя спрятал за деловитостью недавнее смущение:

— Кстати, у Ольги в школе можно будет для тебя справку выбить, что отработал практику на киносъемке. Сейчас ведь где угодно можно отрабатывать. Это чтобы тебе не вкалывать в августе на опытном участке... А то

прогулял июньские трудовые дела в родной школе, турист несчастный!

Борис вдруг сказал. Строго так:

— Ты мне зубы, Феденька, не заговаривай. Боюсь я...

— Чего?!

— Не получилось бы у тебя как с Настасьей. Опять будешь изводиться до нервного истощения...

— Да ты что!.. Вот ты сам на нее посмотришь! Разве Ольга похожа на тех, кто крутит людям мозги?

ЗВЕЗДНАЯ МЕТКА

Оля думала, что Борис, о котором не раз вспоминал Федя, — это рослый парнишка с ухватками мастерового и снисходительным взглядом старшего приятеля. Этакий Данила-мастер. А с Федей пришел невысокий, тонкий (даже ломкий какой-то) мальчишка с острыми локтями и торчащими, «гранеными» коленками. Смуглый, с темным ежиком стрижки. Он вздохнул стесненно, бормотнул «здрасьте», прошелся по Оле взглядом из-под густых, похожих на черные зубные щетки ресниц (Оле показалось даже, что они пощекотали ее). И сказал:

— Федор говорит, что паять надо что-то и приколачивать.

Паять надо было контакты у моторчика от старого вентилятора. Тогда моторчик станет через редуктор крутить катушку в бачке во время проявления пленки. А приколачивать следовало полки в старом платяном шкафу, который рассыхался здесь, в гараже. Федя и Нилка уже сделали наполовину эту работу, но Оля посмотрела на нее с недоверием. Подпорки полок были жидкие, ставить туда тяжелые банки с растворами — себе дороже.

Борис пошатал шкаф и сообщил, что «эту продукцию середины века» надо сперва сколотить и укрепить саму по себе, а уж потом ставить полки. Иначе это все равно что клеить обои в доме, который съезжает с обрыва в реку...

— Но сперва — на речку! Искупаемся! — напомнил Федя.

— Конечно... — охотно отозвался Борис. — Только вот сколочу этот памятник архитектуры... Нил, дай-ка отвертку, надо открутить шарниры...

Нилка прыгнул в угол, где валялись инструменты. С такой готовностью!

Провозились два часа. Потом сходили на узкий пляж под заросшим обрывом Ковжи. Оля плавала и ныряла наравне с мальчишками, а Нилка насупился и купаться отказался.

— Дома не велят, что ли? — сказал Борис. — Давай мы твоих родителей уломаем. Мол, на нашу ответственность...

— Да нет, мне самому не хочется. Нисколючко.

Но когда они вышли из воды, Нилка смотрел, кажется, с завистью. Федя наклонился к нему и спросил шепотом:

— Ты, может, плавать не умеешь? Давай научим. Да и мелко здесь, не потонешь.

— Нет, я умею. Нас учили во втором классе, в бассейне... — Он вдруг осторожно взял на ладонь Федин крестик — тот качался у его лица. — Можно, я посмотрю?.. А ты по-настоящему в Бога веришь, да?

Федя помолчал секунду и сказал:

— Да, Нилка.

— А... ты так думаешь? Бог только нашими делами распоряжается, на Земле, или везде-везде? Во всех галактиках?

— Я думаю, что везде, Нилка...

— Это хорошо, — сказал он серьезно и непонятно.

Когда поднялись по откосу, все чувствовали себя слегка виноватыми перед Нилкой: они-то купались, а он, бедняга, ждал и жарился. Но Нилка повеселел и вдруг сказал:

— Хотите посмотреть, где была мастерская прадедушки?

Борис, конечно, ничего не понял. А Федя хотел: вдруг показалось, что есть в этом завязка для нового события.

Оля спросила:

— А далеко это?

— Нет, что вы! Два квартала!

Они вышли на Пароходную улицу, всю в разлапистых кленах. Потом Нилка свернул в тесный проход между заборами, где тропинка пряталась в чертополохе и крапиве. Ему-то в школьных штанах ничего, а остальные...

— Ну С'усанин, — сказал Федя. Впрочем, себе под нос.

Вышли наконец на заросший репейником и бурьяном пустырь с какими-то сарайчиками и хибаркой без окон. За хибаркой поднималась кирпичная стена с еле заметными пятнами побелки.

— Вот тут, — слегка торжественно извещил Нилка. — Раньше здесь проходил Котельный переулок. А стена эта — для безопасности от пожара, называется «брандмайор»...

— «Брандмауэр», чучело ты ученое, — сказала Оля, почесывая ноги.

— Ну ладно, все равно... А за стеной как раз и стояла фотография. Деревянная. А передняя стена и полкрыши у нее из стекла... Смотрите, наверху еще буквы остались...

В самом деле, приглядевшись, можно было рассмотреть остатки крупных букв, написанных когда-то черной краской:

ФОТОГРАФЪ Н.Е. БЕРЕЗКИНЪ

Федя, почесываясь, как и Оля, объяснил Борису:

— Нил Евграфович его звали. Он до революции был знаменитый в нашем городе фотомастер.

— Да, — подтвердил Нилка. — После него осталась

с'совершенно уникальная коллекция негативов. Папа их целый год разбирал, когда составлял картотеку... Зато теперь он записал ее на дискету. Если надо какой-нибудь снимок найти — вставил, нажал — и пожалуйста... На этих негативах целая эпоха. С'страх подумать, что они могли пропасть.

— Куда пропасть-то? — сказала Оля.

— Очень просто. Прадедушки уже не было в живых, а за дедушкой пришли в тридцать с'седьмом году. Ну, как за многими тогда. Говорят: вы шпион. И обыск начали. А ящики с негативами бабушка заранее спрятала на чердаке, туда не добрались... А то бы с'с концом...

— А дедушку расстреляли? — тихо спросил Борис.

— Нет, он, к с'счастью, вернулся. Из лагеря он, когда война началась, попросился на фронт, и ему разрешили. А после войны пришел домой. А потом уж у них с бабушкой родился мой папа, он был поздний ребенок... А если бы дедушку расстреляли, тогда бы папа родиться не успел, и меня бы тоже на свете не было. Можете такое предс'ставить?

Представить такое было невозможно. Чтобы вот этого Нилки «с'совершенно не было на свете»! Страшно даже стало. И Борис тихонько спросил о другом:

— Ты про дискету говорил. У вас что, компьютер есть?

— Есть маленький, «бэкашка». «Электроника-001»...

Папа в прошлом году купил. Говорит: надо быть на уровне современности.

Оля оживилась и спросила с подходом:

— Нилушка, а папа его для себя купил или тебя тоже подпускает?

— Почему — для с'себя! Да я-то как раз и торчу за ним больше всех! Даже мультики на мониторе делать научился! А у папы он только для справок. Если надо, например, какую-нибудь старую фотографию для исторической передачи...

— А кто твой папа? — спросил Борис.

Федя и Оля переглянулись. Они этим до сих пор как-то не удосужились поинтересоваться.

— Папа-то? — Нилка вроде бы слегка удивился. — Он оператор областного телевидения... То есть сейчас не областного, он там поругался с начальством и стал работать в независимой программе «Усталские колокола». Знаете?

Программу знали, конечно. От нее кряхтели и ежились все бюрократы Усталской области. А еще в этой программе были передачи про городскую старину и детские выпуски «Здравствуйте, я ваша тетя...».

— И молчал! — жалобно сказала Оля. — Нет чтобы познакомить с папой! Он-то в тыщу раз больше нас понимает в съемках! Посоветовал бы что-нибудь для фильма...

— Я, конечно, познакомлю! Мама целый месяц говорит: хоть бы посмотреть, с кем это ты там связался? Может, с наркоманами или... с этими... на «ракетчиков» похоже...

— С «рэкетирами», горюшко мое... Большое твоей маме спасибо, — сказала Оля.

А Федя спросил:

— Почему «целый месяц»? Мы же всего несколько дней знакомы.

— Правда? — изумился Нилка.

День получился хороший, длинный, с веселыми разговорами и всякими полезными делами. Обустроили шкаф, расставили на полках киноимущество, наладили мотор для бачка. Борис развесил в нужном порядке инструменты. Потом снова сходили на «исторический» пустырь, чтобы снять, как Нилка разглядывает стену с именем прадедушки. Это Борис придумал: «Вы что, товарищи, разве можно упускать такой кадр! Здесь же та самая... как говорится, связь поколений! А еще надо старинные фотографии про город снять. Чтобы не только нынешние дни были, но и как раньше...» Идея всем по-

нравилась. А съемка на пустыре на этот раз сорвалась — забыли экспонометр. Ничего, успеется еще! Впереди июль, август...

К концу дня Оля стала смотреть на Бориса с особой ласковостью и уважительностью. Будь это Настасья Шамамедова, Федя вспылал бы ревностью. А тут... ладно уж...

В середине дня пришлось, конечно, сбежать домой, чтобы пообедать, а потом снова — чтобы доставить из детсада Степку. Затем Федя и Борис опять умчались туда, где урчал моторчик, вращая в бачке отснятые накануне пленки: о том, как Нилка бродит и разглядывает городские чудеса. Пленки получились что надо. Нилка во все не деревенел, как Федя, когда его снимали. Ходил, смотрел, оглядывался, задумывался, как положено, чтобы «создать настроение». Особенно хороши были крупные планы с его лицом. Смотрит сперва серьезно, тревожно даже, потом глаза теплеют, и наконец — улыбка...

Домой Федя и Борис возвращались уже после десяти. Хорошо, что дни в конце июня светлы до полуночи... Шли изрядно утомленные и потому, наверно, молчаливые. Федя все поглядывал и не решался спросить: «Ну, как они тебе — Оля и Нилка?» Но Борька, он же все чуял. И сказал:

— Нил этот — прямо уникальное существо. С ним не соскучишься... Полки приколачиваем, и он говорит: «Давай для прочности поставим кронпринцы...» — «Что-что? Кронштейны, наверно?» — «Ой, да. Я помню, что какое-то слово придворное. А точно забыл...»

Борис вроде бы подсмеивался над Нилкой. Но Федя знал, что это не так. Дело ведь не в словах «уникальное существо», а в том, каким тоном они сказаны. Тон был сдержанно-ласковый и почему-то тревожный. Впрочем, тут же стало ясно почему. Борис проговорил уже без намека на улыбку:

— Знаешь, Федь, по-моему, его в школе затюкивают.

— Ты думаешь? — обеспокоился Федя.

— Толпа всегда изводит таких вот... на других непохожих. Тех, кто сдачи дать не может... Он же языкастый и откровенный. Небось перед учителями права качает, а одноклассники гогочут. И потом его же клюют...

Картина была правдоподобная. Так, скорее всего, и есть.

— Жалко, что он не в нашей школе...

— И не в Олиной, — вздохнул Борис. — Она тоже могла бы заступиться, если что.

— Ты думаешь? — опять сказал Федя с сомнением.

Борис глянул искоса:

— А что! Она же храбрая девчонка.

— С чего ты взял?

— Ну... вообще. Сережки вот, например... Это не каждый решится — уши прокалывать. В живое иголку толкать...

— Ох уж! Некоторые девчонки с младенчества сережки носят. Все они, что ли, ужасно храбрые? А наша Ксения? Тоже уши проколоты, а такой трусихи свет не видывал...

Борис несогласно молчал. Федя добавил:

— А ухо кольнуть — подумаешь! Все равно что укол тоненьким шприцем...

— Уколы-то в какое место ставят! А здесь — рядом с головным мозгом.

Можно было бы заметить, что собственный Борькин мозг вдруг потерял склонность к здравым суждениям. Или хотя бы сказать с ехидной подозрительностью: «Ох, Боренька...» Но хватило ума придержать язык. И Федя сказал другое:

— А здорово ты придумал — старые фотографии снять...

— Это потому, что я в плавании на старинные города насмотрелся, — с облегчением отозвался Борис. — А наш Устальск, если приглядеться, разве хуже?

Нилка сказал, что фотографий про старый город у них дома целый альбом.

— Пойдемте, покажу!

— Да ну, — заробела Оля. — Ввалится такая компания... Что родители скажут?

— А что они скажут? — удивился Нилка. — Люди по делу пришли! А кроме того, они сами хотели познакомиться... Только их сейчас, к сожалению, нет дома...

Когда пришли, Нилка выволок с антресолей в коридоре могучий, чуть не с себя ростом, альбом и ухнул на пол. Кажется, загудела вся двенадцатиэтажка.

— Сейчас опять лифт отключится, — заметил Федя.

Альбом развернули на диване, сдвинулись над ним...

Подымая страницами медленный ветер, Нилка перелистывал устальскую историю. Узнавались, хотя и не сразу, старые улицы. Кое-что похоже, а кое-что совсем не так.

Оказывается, на здании городской думы, где сейчас краеведческий музей, возвышалась раньше пожарная каланча. В сквере перед Домом пионеров (бывшим дворянским собранием) стоял памятник царю Александру Второму. У памятника гуляли дамы в шляпах с цветами и в юбках до пят, бегали нарядные, по-старинному одетые мальчики и девочки с обручами... Где они теперь? Если и живы, то уже такие, как Анна Ивановна, что живет на два этажа выше Нилки...

А вот цирк с полотняным верхом на том месте, где теперь стадион... Хибары заводского поселка рядом с товарной станцией — там сейчас большущий микрорайон Сортировка...

— Смотрите, это церковь, которую сейчас ремонтируют! — узнал Федя. — Колокольню такую же опять построили!

— Забраться бы на нее, — предложил Борис. — Вот оттуда уж панорама вышла бы что надо! Все Заречье и старый центр.

— Попрут, — уверенно сказала Оля. — Я на одну церковь пробовала залезть, на ту, где сейчас архив, так сторож такой вой поднял: «Я сейчас в милицию!.. Хулиганка!..»

— То архив, а то настоящая церковь, — рассудил Борис. — Церковные служители должны быть добрые и милосердные, им так положено. И если попросить хорошенько...

Все почему-то взглянули на Федю. Словно подумали: «У тебя крестик, это вроде пропуска...» Федя не стал ни смущаться, ни обижаться. Только сказал:

— Я, между прочим, после крещения ни в одной церкви не бывал... Не понимаю, как люди могут молиться в толпе...

Оля возразила серьезно:

— Значит, могут, раз столько тысяч лет подряд храмы строят. Когда все вместе — это не обязательно толпа...

— Может быть... Тут, наверно, привычка нужна... — примирительно отозвался Федя.

Все вежливо задумались, потом Нилка прервал молчание:

— А вот прадедушкина мастерская! Совсем новенькая...

Стена мастерской блестела частыми квадратиками стекла. Над дверью четко выделялась вывеска: «Н.Е. Березкинъ. Художественная фотография». У тротуара стояла коляска извозчика, из нее выходил господин в шляпе-котелке...

Оля навинтила на объектив линзу — чтобы снимать с полуметра.

— Мальчики, свет!

Включили принесенный с собой рефлектор с лампой-пятисоткой. Оля начала снимать фотографию за фотографией. Это была хитрая работа — снять так, чтобы одно изображение заменяло другое постепенно, на-

пльвом. Приходилось плавно закрывать диафрагму, специальной ручкой отматывать ленту кадров на сорок назад и опять нажимать на спуск, медленно открывая диафрагму уже над другим снимком...

Борис держал осветитель, Нилка листал альбом. Федя по экспонометру следил, чтобы свет был какой полагается... На десяток снимков потратили, наверно, целый час. Аж взмокли. И так-то жара, а тут еще эта лампа!.. Наконец вернули альбом на антресоли, и Борис попросил нетерпеливо:

— Покажи «бэкашку»-то...

Компьютер стоял в этой же комнате, на угловом столике. Нилка охотно сдернул полотняный чехол, включил монитор, без боязни дал каждому понажимать клавиши. Конечно, на дисплее получалась абракадабра. Потом Нилка уселся за пульт сам.

— Сейчас переведу в систему «Бейсик» и покажу кое-что.

Он на память набрал несколько строчек иностранных слов и цифр — они засветились на экране. Нажал клавишу, строчки исчезли. На темном экране стали возникать яркие точки... Созвездия! Пролетел среди них метеорит. Потом одна точка выписала окружность. Светящиеся полосы неторопливо заштриховали этот кружок, и получился белый диск планеты. Вокруг него забегал продолговатый спутник. Затем в углу экрана веером разбросались короткие лучи, из них вылетела искра, ткнулась в планету, раскидав мелкие вспышки, и ушла рикошетом за пределы звездного неба...

— Вот, — слегка горделиво произнес Нилка. — Называется «Визит звездного корабля»...

— Здорово, — похвалил Борис. — А долго рассчитывал?

— Ну... не очень долго. Средне...

— А можно город на экране нарисовать? — спросила Оля.

— Такой, как на вазе, конечно, нельзя!.. Вообще-то у компьютерной графики неограниченные возможности, — виновато разъяснил Нилка, — но это маленькая машина...

— Нет, нет! Не такой, как на вазе! Попроще городок, но тоже сказочный. С домиками, башнями...

— Это, наверно, можно. Если рассчитать программу...

— А зачем тебе? — спросил у Оли Федя.

— Тогда можно было бы титры фильма с компьютера снять! Сразу и сказка, и современность...

— Сделать бы еще, чтобы в городке человечки бегали! — развеселился Борис. — Верно, Оль?

— Мы четверо, — сказал Федя. — Бегаем и снимаем.

— Лучше трое, — серьезно возразила Оля. — А Нилка пусть по воздуху летает, над крышами... Я знаете что придумала? Чтобы он в фильме тоже летал! И многое пусть разглядывает с высоты. Тогда еще сказочнее будет!

Нилка обвел всех настороженными синими глазами. Надулся почему-то и сообщил:

— У меня не получится. Я же почти не научился еще летать-то...

Федя и Оля замигали, а Борис изумился вслух:

— Как это — почти?

Но тут в прихожей послышались голоса.

— Папа и мама пришли!

Нилкин папа Феде понравился. Он был похож на Чехова, только не в пенсне, а в модных больших очках. Разговаривал он тихо, со спокойной такой усмешкой... А Нилкина мама не понравилась. Она была молодая, красивая, но Феде показалось, что красота эта для нее — главная задача. Он ощутил ту же настороженность и досаду, как при Ксении, когда та перед зеркалом по часу умишала и штукатурила себя косметикой.

Хотя что можно сказать о людях с первого взгляда...

— Здравствуйте, леди и джентльмены, — улыбнулся Нилкин отец в ответ на нестройное приветствие.

— Здравствуйте, ребятки, — одарила их улыбкой и Нилкина мама. Впрочем, весьма короткой.

— Роза, а ты боялась, что наш сын попал в подозрительную компанию. Смотри, какие интеллигентные молодые люди.

— В отличие от нашего беспризорника... Ребята, хотя бы вы на него повлияли! Ходит как одесская шпана: рубаха мятая, на коленях скоро дыры будут. Я от него эти штаны прячу, прячу, так нет же — опять откопает и жарится в них...

— Ну, все! — заявил Нилка. — Все, все, все. Хватит об одном и том же. Мы пошли проявлять пленку! Я приду вечером!

— Ты хотя бы пообедал?

— Да. Да. Да...

— Честно говоришь?

— С'совершенно честно, — с чистой душой отозвался Нилка. Потому что в самом деле обедал. Вчера или позавчера.

На улице Нилка сказал:

— Каждый раз такие с'семейные с'сцены...

— А чего ты, в самом деле, в этих штанах маешься? — заметила Оля. — Тридцать градусов в тени...

— Я жаропрочный... — буркнул Нилка.

Федя не удержался, подцепил его:

— У Нилки это возрастное: хочется солиднее выглядеть... Мой Степка такой же, все мечтает о взрослой внешности. Потом это проходит. У меня к десяти годам прошло, у тебя, Нил, тоже скоро кончится...

— Ничего у меня не кончится, — набычился он еще сильнее. — Вы же не знаете... Думаете, приятно, когда клеймо?

— Как это? — сказал Борис.

— А вот так... — Нилка остановился и решительно задрал правую штанину. На ноге, пониже коленки, сидела стайка черных родинок, напоминающих какое-то созвездие.

Все поглядели на родинки, потом друг на друга.

— Ну и что? — Оля пожалала плечами. — Мало ли у кого какие веснушки! Обыкновенная пигментация кожи...

— А это, что ли, тоже обыкновенная? — Нилка ткнул в родинку, которая сидела в центре белого, ровного, как копейка, кружка.словно кто-то взял циркуль и радиусом в полсантиметра провел вокруг этой точки границу, запретив переступить черту малейшему загару.

— Ну и что... — опять сказала Оля.

Нилка горько объяснил:

— Это вовсе не «ну и что», когда все смотрят и хихикают. В лагере дразнили «Канцелярской кнопкой». Я даже вынужден был попросить папу забрать меня оттуда...

— Ты поэтому и бинт носил? — сочувственно спросил Федя, вспомнив первую встречу.

— Да... Но бинт сейчас дефицит. Да и не будешь ведь все лето с повязкой ходить, это тоже бросается в глаза.

— Можно гольфы надевать, — посоветовала Оля. — Если тонкие, то не жарко...

— Мама не дает, нечего, говорит, зря трепать. Носочно-чулочные изделия по талонам, по две пары на квартал...

Оля деловито сказала:

— Бинт мы тебе найдем. Не могу же я снимать, как ты летишь в таких штанах. Они сольются с темным фоном, и останется от тебя половинка, выше пояса.

— Ничего не понимаю, — капризно сказал Нилка.

— Ты думаешь, как полеты в кино делают? Сперва человек, который будто летит, — он на черном фоне.

А потом на ту же пленку снимают места, над которыми он пролетает...

— А! Комбинированная съемка!

— А ты думал, тебя будут с колокольни бросать? — засмеялся Федя.

А Борис вдруг вспомнил:

— Стоп! Нил, ты тогда сказал: «Я почти не научился летать». Как это — почти? А чуть-чуть, что ли, умеешь?

— Чуть-чуть умею, — совсем обыкновенно сообщил Нилка.

— Ну, Нил... — сказал Федя.

— То есть не летать. Но я, если прыгаю откуда-нибудь, могу приземлиться гораздо медленнее, чем по законам природы. Я это в себе год назад открыл...

— Ох и фантазер, — сказала Оля.

— Я понимаю, что вы не верите. Но я покажу. Только для этого надо с'сосредоточиться...

Когда пришли к Оле во двор, она велела мальчишкам идти в гараж и заправлять в бачок отснятую пленку.

— А я зайду на кухню, бутерброды с колбасой вам сделаю, а то ноги протянете.

— Ты изведешь на нас месячный колбасный паек, и тебе влетит от мамы, — забеспокоился Борис.

— Это вам пусть влетает от ваших мам. А у нас равноправие...

В гараже затворили ворота, выключили свет, и Федя зарядил пленку. А когда снова включили лампу, оказалось, что Нилка сидит на шкафу. Шкаф стоял поперек помещения и частично перегораживал его. Гараж был узкий, но высокий, и Нилка под потолком помещался свободно.

— Вот глядите! Сейчас я спланирую...

— Куда ты, балда! — перепугался Федя. — Побьешь все! — На полу стояли банки с растворами.

— Ну, тогда на ту сторону... — Он перекинул ноги, толкнулся и ухнул вниз, пропал за шкафом.

В тот же миг Федя и Борис ждали стука об пол. Но стук этот раздался лишь через секунду после ожидаемого мгновения. Словно что-то и в самом деле задержало Нилку в падении.

Правда задержало? Странно... Федю даже холодком кольнуло. Он глянул на Бориса. Тот скреб затылок. Нилка с довольным лицом выбрался из-за шкафа:

— Ну?

— Ты, наверное, там штанами зацепился, — сказал Борис, чтобы приглушить свое недоумение.

— Или спарашютировал ими, — добавил Федя. Когда что-то непонятно, остается острить.

— Ну вас. Чего опять к моим штанам привязались...

— Потому что за тебя страдаем, как ты на себе этот инкубатор таскаешь, — сказал Федя. — Это же для здоровья вредно, когда перегрев паховой области. Знаешь, что там находится?

— Знаю, — без удивления откликнулся Нилка. — Железы внутренней секретности...

— Ох ты, чудо заморское! Не секретности, а секретиции.

— Какая разница!

— И вот если их в детстве перегреть постоянно, знаешь, чем это кончится?

— Чем?

— Когда вырастешь, у тебя детей не будет.

Нилка озабоченно возвел брови:

— Что-то я о таком не слышал...

— Господи, а где ты мог слышать? Я-то услышал в Степкином садике, там врач собрала родителей и лекцию им читала про это. Ну а я вместо матери всегда за ним прихожу, врач и говорит: пусть мальчик послушает, ему полезно... А ты ведь на такие лекции не ходишь...

— Зато я читал с'специальную литературу о половом воспитании, — спокойно сообщил Нилка.

Федя и Борис даже рты приоткрыли. Федя сказал:

— Любопытство прорезалось?

— Нет! Мне нужно было узнать, может ли кто-нибудь в человеческий зародыш внести чужую программу, со стороны.

Федя с Борисом так и сели. Потом Борька спросил:

— Какую же ты программу хочешь в зародыш внести?

— Да не я! — Нилка засопел и решил: — Хорошо, я вам скажу. То пятнышко на ноге... Я с'совершенно уверен, что это звездная метка... Инопланетяне вложили в меня какую-то свою программу, а метку сделали, чтобы потом отыскать меня... Я поэтому ее и прячу...

— Ну, Нил... — ошалело выдохнул Борис.

А Федя с не меньшим изумлением спросил:

— Что за программа-то?

— Если бы я знал! Может, для задания какого-нибудь. Или для опыта... Я ведь даже не знаю, добрые эти инопланетяне или злые. И чем все это кончится...

— Нилка, у тебя фантазии на целый Союз писателей, — сказал Федя.

Борис же поинтересовался:

— А ты в себе что-нибудь чувствуешь? Ну, такое, звездное?..

— Иногда... Вот, летаю маленько... А один раз бумажного голубя со стола взглядом сдвинул!

— Это телекинез называется, — разъяснил Федя. — Сейчас у людей тут и там необычные свойства проявляются! Экстрасенсы всякие, чтение мыслей, магнитные качества. Что ты, Нилка, разве это обязательно звездная программа?

— Но знака-то такого ни у кого нет! Он как созвездие... Наверно, это так выглядит наше Солнце среди других звезд, если смотреть с их планеты... Я даже на «бэ-кашке» хотел рассчитать, где она находится, но тут надо астрономию знать...

Нилка сел на край дошатого стола и пригорюнился. Феде стало жаль его: по правде ведь верит в свою звездную заклеяемость... Он хотел сказать Нилке что-то утешительное, но тут появилась Оля с бутербродами на тарелке:

— Лопайте... А проявитель залили?

— Нет еще. Тут Нилка нам свой полет показывал, — сообщил Борис. — Знаешь, немножко получается... Нил, покажи!

— Сразу второй раз это не выйдет... — Нилка, довольный, что признали его талант, потянулся за бутербродом, прыгнул со стола. — Надо подходящего момента дожждаться.

— Ну, дождись, — разрешила Оля. — Потом вместе полетаем. — Она решила, что ее разыгрывают. А Нилка обиделся. Не так, как раньше, — надуется и миг оттает, — а всерьез: влажно заблестели глаза. Он положил на доски бутерброд.

— Чего вы сегодня... такие... Дразнитесь и дразнитесь... Я думал, что хоть вы-то никогда дразниться не будете. Я вам все рассказываю, а вы...

Стыдливое молчание наполнило гараж. Потом Борис осторожно проговорил:

— Нил, да ты что... Мы же не дразним тебя, а шутим. Потому что... ну, друзья же всегда шутят. Вот если бы мы с Федором друг на друга за все шутки обижались, что бы тогда было?.. Среди своих какие могут быть обиды!

Нилка помигал, глянул на всех по очереди. Потупился:

— А я, что ли... совсем уже свой?

— А как же! — быстро сказала Оля.

Нилкины губы шевельнулись в намеке на улыбку. Он затеребил на оранжевой рубашке значок с Карлсоном.

Федя задавил в себе неловкость и сказал:

— Если ты обидишься до конца и уйдешь, у нас же все развалится...

— Кино? — шепотом спросил Нилка.

Борис жалобно возмутился:

— Да при чем тут кино? Все! По закону табурета!

— Какого... табурета? — Нилка опять замигал мокрыми глазами.

— Очень просто! Если у табурета одну из четырех ножек отломать, какой от него прок?

Нилка нерешительно возразил:

— Бывают ведь и с тремя ножками табуреты...

— Так это они с самого начала трехногие! — воскликнул Федя. — А если четырехногий с отломанной ногой, разве на таком усидишь!

— На специальном трехногом тоже плохо! — вмешалась Оля. — Ох, мальчишки, я, как нарочно, вчера об этом прочитала! Стихи!

— Где?! — мигом отозвался Борис.

— У Анны Ивановны. Я к ней утром забежала... У нее старые журналы есть, детские. Еще до революции печатались, с «ятами». И в одном там юмор, называется «Мистер Брет»...

— Ну-ка, рассказывай, — велел Федя.

— Ну... там так. Картинки, и под каждой — строчки...

Мистер Брет
Надел берет
И залез на табурет...

Потом не помню, но, в общем, он решил вытереть пыль с люстры и полетел с табурета. За люстру схватился. А дальше:

Прибежали сын и дочь,
Чтобы мистеру помочь.
Он кричит: «Подставьте стул!
Что такое?.. Караул!!»
Сын и дочь дрожат в углу,
Папа с люстрой — на полу...

И вывод у этой истории:

Никогда не стойте, дети,
На трехногом табурете!

Федя засмеялся. Борис сказал:

— Вот. Ясно тебе, Нил?

— Да! — стремительно повеселел Нилка. — Только неясно, зачем он висел-то? Если перед этим стоял на табурете — высота, значит, маленькая...

— Ну, это же так, для смеха... — объяснила Оля. — И вообще, это начало века. Юмор тогда наивный был...

— А про берет — просто для рифмы, — придирчиво заметил Нилка. — Зачем его надевать-то?

— Может, для техники безопасности, — возразил Борис.

— Мистер Брет надел берет! — с удовольствием продекламировал Нилка. Ухватил бутерброд, куснул и прыжком сел на стол. И... с грохотом сбил бачок с заправленной пленкой.

— Мама! — в настоящей панике завопила Оля. Потому что вся сегодняшняя съемка насмарку, да и сам бачок хрупкий!

Но... бывает же в жизни везение! Крышка не отскочила, и сам бачок не раскололся, хотя грохнулся о цементный пол со всего маху... Когда осмотрели, ощупали, Федя сказал с облегчением:

— Ура... А пленку все-таки надо перемотать. Наверно, вылетела из пазов.

Перепугавшийся сперва Нилка быстро обрел хладнокровие. Заявил, жуя колбасу:

— Я в этом отношении ужасно везучий. Старинную чашку грохнул на пол, прадедушкину. И представляете — целехонька. Только маму отпаивали валерьянкой...

— На месте мамы я бы тебя выдрала, — жалобно сказала Оля.

— Подумаешь! — не обиделся Нилка. — Это было бы абсолютно бесполезное мероприятие.

Оля хмыкнула:

— Откуда ты знаешь?

— Откуда! Из собственного опыта! Меня совсем недавно драли как с'сидорову козу!

— Тебя? — изумленно сказала Оля.

Федя и Борис тоже очень удивились. Во-первых, странно было, что Нилка говорит про это с такой легкостью. Во-вторых, вообще не верилось. Казалось, что дома это дитя не знает ни малейшей строгости.

— Да! — энергично подтвердил Нилка. — Мама скрутила газету, взяла меня за шиворот и этой газетой отчистила так, что ключья полетели!

Все с облегчением засмеялись.

— От тебя или от газеты ключья-то? — спросил Борис.

— Какая разница!.. Лупит, да еще приговаривает: «Не суй нос куда не надо!»

— А куда ты совал? — спросил Федя.

— В эту газету и совал! «Семья» называется. Там «Энциклопедия с'сексуальной жизни», специально для детей... Я говорю: «Это же для школьников, смотри сама!» А она: «Там написано, что с двенадцати лет! Дорости сперва!..» Дорастешь тут с такой жизнью...

Он теперь ничуть не обижался, что все смеются.

— Это, значит, и была твоя специальная литература насчет звездной программы? — спросил Борис.

— Ес'стественно. Где другую-то возьмешь?

Оля посмотрела на мальчишек:

— А что за звездная программа?

Те неловко примолкли. Потом Борис произнес решительно:

— Нил! Надо и Оле рассказать, раз уж мы все заодно.

— А я что... Ну, говорите...

И рассказали о Нилкиной «звездной болезни» Оле.

Она выслушала серьезно. Утешила:

— Ты не переживай. Даже если это что-то межпланетное, то, скорее всего, случайность. Ты же сам гово-

рил, что этих НЛО как планктона в океане. Пролетали, зацепили не глядя каким-нибудь излучением...

— Я и сам иногда так думаю! — обрадовался Нилка. — Зачем я им нужен? — И тут же поскуучнел: — Но кто их знает...

— А почему ты маме не объяснил, для чего газету читал? — рассудительно заметила Оля. — Не было бы такого шума.

— Ну да! Думаешь, она поверила бы? Сказала бы: «Очередная дурь!» Да и не хочу... раз она дерется.

— Газетой-то! — сказал Борис. — Разве это всерьез? Вот если бы она в эту «Семью» что-нибудь завернула! Например, пестик для ступки...

Нил сверкнул синими очами:

— Какая разница! Все равно это пос'святательство на человеческое достоинство! Устроила такую... эксгумацию.

— Чего-чего? — сказал Федя.

Оля фыркнула. Борис простонал:

— Ну, Нил... эксекуцию, наверно?

— Какая разница...

— Большая. Эксгумация — это знаешь что такое? Когда мертвецов из могилы выкапывают. Для всякого судебного следствия или опытов. Помнишь, как в «Томе Сойере»?

Федя притих. Вспомнилось все, что было с Мишей.

— Ну вас! — поехала Оля. — Нашли о чем говорить! Я и так от страха по ночам не сплю...

— От какого страха? — обеспокоился Борис.

— От видео. По кабелю на ночь теперь такую жуть гонят...

— На фига ты эту чушь смотришь! — возмутился Федя. — Автогонки, мордобой да пальба. Каждый вечер одно и то же.

— Не автогонки... Показывали про вампиров. Один тип ловил ребятишек и замучивал. А потом его самого

убили, но он продолжал за людьми охотиться, весь истлевший... бр-р... А потом рубаху на себе разорвал, и у него на груди лица детей, которых он замучил. Я чуть не завизжала...

— Всяких шизиков и садистов без кино хватает, — сумрачно сказал Федя. — В газетах пишут иногда. И в детском саду предупреждали. Заманит такой гад мальчишку или девчонку...

— Я тоже читал, — подал голос Нилка. — Они не только на детей охотятся, на разных людей... Вот если бы газовые пистолеты у нас продавались! Кто полезет — трах ему в морду!

Оля подула на костяшки и призналась:

— Я раньше, когда на съемки ходила куда-нибудь далеко от дома, баллончик брала. С карбозолью. За пояс суну, сверху майкой прикрою — всегда под рукой...

— С чем баллончик? — живо заинтересовался Нилка.

— С карбозолью. Жидкость такая, чтобы клопов и тараканов морить... Конечно, это не газ «черемуха», но все-таки...

— Они же большущие, баллоны-то эти, — сказал Федя.

— Всякие бывают. Есть и вот такие, — Оля развела пальцы.

— Дашь мне один? — подскочил на столе Нилка.

— Ох... я не знаю. А ты глупостей с ним не натворишь? Пульнешь в невиноватого...

— Да не пульну! Я в людей-то и не буду! А ес-ли те... ну, пришьельцы... Вдруг по правде захотят меня утащить...

Федя увидел, что Борис еле сдерживает смех. И сам закашлялся. Но Оля сказала серьезно:

— Я лучше вот что придумала. У мамы театральный грим есть, можно точно под цвет кожи подобрать. И никто твою отметину не разглядит: ни люди, ни инопланетяне.

— Правда? — обрадовался Нилка. — Ой, а если сморется?

— Снова замажешь. Я тебе весь тубик отдам.

Оля сбегала за коробкой с гримом. Включила лампу-пятисотку и при ярком, как в хирургической палате, свете «заштукатурила» Нилке ногу. Вполне удачно. Черные родинки, если очень приглядеться, еще можно было рассмотреть, но коварный белый кружок исчез без следа. Нилка радостно попрыгал.

Федя сказал задумчиво:

— А может, и не надо бы тебе прятаться? Вдруг это твоя звездная судьба, зачем от нее убегать?

Нилка тоже стал задумчивым.

— Я раньше про это так же думал: может, не стоит? А сейчас ни за что не хочу на другие планеты... без вас...

Он засмутился, засопел, стал раскручивать подвернутую штанину... Борис подошел к Нилке сзади. Выпрямил его. Взял за плечи. Уперся подбородком в его лохматое темя. Сказал вроде бы шутя, а на самом деле очень даже всерьез:

— Великий Нил. Ты такой мудрый, а одной вещи не понимаешь: никаким инопланетянам мы тебя никогда не отдадим...

СКАЗКИ И БЫЛИ ГОРОДА УСТАЛЬСКА

Договорились, что в десять утра соберутся у Оли. Федя и Борис прикатили на «Росинанте» минута в минуту. Нилка примчался через полчаса. Взъерошенный и виноватый.

— Проспал. Мы с папой до ночи одной такой работой занимались важной... — Он затоптался, завздыхал под насупленными взглядами. — Зато я к съемке готовый, вот...

Был он такой, как при первом знакомстве в лифте. Только рубашка не навывпуск, а завязана лихим узлом

на животе. И бинта не было — грим наглухо скрыл белую отметку.

Нилке объяснили, что комбинированной съемки сегодня не будет. В том-то и причина общего кислого настроения, а вовсе не в его, Нилкином, опоздании. Дело сорвалось, потому что пропал задник — черный кусок материи размером два на два метра. Это была старая штора для затемнения в кабинете физики. Оля специально выпросила ее в школе: надо, мол, чтобы снимать хитрые трюки. А неделю назад, оказывается, на эту «мануфактуру» наткнулась в шкафу Олина мама. Решила, что ненужная вещь, и, недолго думая, утащила в свой театральный коллектив. И требовать назад уже поздно, потому что из шторы сшита черная монашеская ряса для спектакля «Каменный гость».

— Я прямо чуть сама не окаменела...

Видимо, был у Оли с матерью крупный разговор, потому что даже сейчас она сердито кусала костяшки пальцев. Нилка же радовался, что на него не сердятся.

— Можно с'скинуться и купить черный материал. У меня десять рублей есть...

— Ты, Нил, наверно, правда инопланетянин, — печально сказала Оля. — Где ты сейчас купишь нужную ткань? Тем более что годится не всякая, а бархат или фланель... Не обижайся, пожалуйста, на «инопланетянина»...

— Я не обижаюсь! Зовите меня хоть как, хоть не Нил, а Миссисипи Аркадьевич! Я только думаю: что же делать? Должна же быть какая-то аль-тер-на-тива...

Все слегка развеселились. Из-за «Миссисипи Аркадьевича» и «альтернативы», которую Нилка произнес безошибочно.

Федя вспомнил:

— Хотите анекдот? Степка недавно из детсада принес... Значит, так. Воспитательница спрашивает: «Дети, кто назовет слова на букву «а»? Ну, все, конечно: «ар-

буз», «атомоход», «Африка» и даже «абизьяна». А Вовочка руку поднял и говорит: «Альтернатива!» — «Молодец, Вовочка, какой ты умный! А знаешь, что это такое?» — «Знаю. Это когда у мамы карточки на колбасу и она может идти или в этот магазин, или в другой...» — «Но, Вовочка, ведь колбасы ни в том ни в другом все равно нет!» — «А тогда это уже на букву «б». «Бардак»...

— Федор! — сказала Оля.

— Чего?

— Не стыдно?

— А что такое?

— Это непечатное слово! Вовочка не знает, а ты-то...

— Ничего себе непечатное! В газетах то и дело попадается!

— В газетах мало ли какие гадости печатают...

Федя надул губы с видом виноватого дошкольника.

— Ольга Афанасьевна, я больше не буду...

— Сам ты Афанасьевич! Я — Петровна.

— А у нас директор — Ольга Афанасьевна, я при-вык... Ой, народ, слушайте! Давайте к нам в школу заскочим! Я у Дим-Толя спрошу: может, в нашем кабинете тоже шторы есть ненужные? Хотя бы напрокат! Он мужик добрый, даст...

— Феденька, ты умница!

И они вчетвером отправились в школу номер четыре.

Нилка и Оля, как посторонние, остались на улице. Федя и Борис пошли на разведку. Было гулко, пусто, замусоренно. Зато желтели свежим деревом новые рамы с чистыми стеклами... Кабинет физики оказался заперт. Федя с Борисом заглянули в учительскую и там узрели Ольгу Афанасьевну. Та заулыбалась. Она и вообще-то ничего была директорша, а сейчас, в каникулы, особенно добродушна.

— Соскучились по школе, голубчики?

Федя изложил, что к чему.

— Ох, да ведь Дмитрий Анатольевич в отпуске... А думаете, он дал бы штору?

— Пленку вот подарил же, — опять сказал Федя. — А штору нам только на пару дней.

— Я бы вам свою из кабинета дала, да она цветная. Не подойдет?

— Нет, спасибо...

Оля не очень огорчилась неудачей. У нее был новый план. Сейчас они пойдут на улицу Репина, где торговый центр...

— В этот гадючник! — с отвращением сказал Федя. — Там толпа на толпе и дембили с толстыми шеями жарят шашлыки.

Но Оля возразила, что надо ведь снимать не только сказочные картины города, но и те явления, которые город уродуют. Для контраста. Борис, который очень не хотел, чтобы Оля опять стала печальной, виновато поглядывал на Федю:

— Может, правда? Для контраста...

Нилке было все равно, лишь бы с друзьями.

— Горе с вами, — сказал Федя. — Имейте в виду, добром это не кончится.

Толпа на улице Репина была густа. И запахи густы. Пахло разогретым асфальтом, пылью, потом, косметикой и почему-то бензином, хотя машины здесь не ходили. И дымом шашлыков, которые жарили дюжие парни в грязных белых куртках.

Человеческое месиво, покорно отдаваясь жаре, грузно двигалось, завихрялось у лотков и киосков, образуя заторы в проходах между торговыми фургонами. И каждый хотел что-то найти, получить, занять или, наоборот, сбить с рук. Под полотняными навесами и просто на солнце торговали кооператоры: меховыми шапками и майками, свитерами и плавками, пластмассовыми стульками и картинами с голыми девицами. Здесь было похоже на рынок, но без той веселой пестроты и без вся-

кого намека на романтику, которая чудилась Феде среди базарных рядов... На двух кварталах среди плоских каменных домов, на асфальте без единого кустика, разбухал, будто квашня в тепле, бизнес. Орала динамики студий записи и пунктов проката, голосили продавцы лотерейных билетов и каждому обещали столько счастья, что было удивительно: откуда еще берутся у нас люди, не преуспевшие в жизни?

— Же-вачка! Же-вачка! — монотонно пели растрепанные цыганки. — Мальчики, берите же-вачку!

Между их сборчатými юбками мельтешила чумазая курчавая малышня. «Что за люди? — не первый раз уже подумал Федя со смутной тревогой. — Вроде рядом с нами живут, а как с другой планеты...»

— Же-вачка! Рупь штука!

Нилка выколупал из тесного кармашка у пояса трехрублевую бумажку.

— Не вздумай, — сказал Федя. — В этой резинке канцерогенные вещества. По радио передавали: она запрещена для продажи. А здесь — хоть бы хны, знай торгуют...

— И запомни, — поддел Борис, — «кан-це-ро-генные», а не «канцелярские». А то скажешь где-нибудь...

— Опять дразниться, да?

— Я тебя проверяю: ты же обещал не обижаться.

— Ой, я забыл!

— То-то же... Миссисипи Аркадьевич, — назидательно проговорил Борис. Расчет оказался верен: Нилка закинул голову и захохотал. Так переливчато, что на них заглядывались...

А Оля между тем снимала. Умело так, незаметно: пристроит камеру между Борисом и Федей и короткими очередями в разные стороны... Сняла и цыганят, кланчивших у прохожих двугривенные, и шашлычников-дембилей, и общую круговерть. А еще — небритого старика нищего. Тот сидел у двери магазинчика «Детские

товары». Прислонился затылком к бетонной стене, закрыл глаза и не шевелился. В щетине его запутались крошки. Рядом на асфальте лежала мятая перевернутая кепка — в ней несколько медяков. Пока старика украдкой снимали, никто не бросил ему ни монетки. Только переступали через вытянутую ногу-деревяшку. Когда Оля перестала жужжать «Экраном», Нилка затоптался на месте, сжал толстые губы и вдруг потребовал — хмуро и стыдливо:

— Подождите... Это не снимайте.

Он торопливо, даже воровато как-то, подошел к нищему, быстро сел на корточки, положил ему в кепку мятую трешку, которую до сих пор таскал в кулаке. И почти бегом вернулся к ребятам.

— Пошли...

Когда уходили, Федя не выдержал, оглянулся. Старик смотрел им вслед — сквозь мельтешенье ног — широко раскрытыми осмысленными глазами. Нилка сказал, будто в чем-то виноватый:

— Все равно чуть не истратил на жвачку... — Потом еще: — Он ведь по правде несчастный. Лучше уж с такой ногой, как у меня, быть, чем совсем без ноги...

— Краска-то не тает от жары? — заботливо спросил Борис.

Все посмотрели на Нилкину ногу. Родинки слегка просвечивали. Нилка сказал, что надо отойти в уголок, подмазать.

— А я кассету сменю, — решила Оля.

Они отошли на свободный пяточок асфальта позади фанерного ларька. Тут-то и прихватила их местная компания.

Четверо возникли рядом бесшумно, будто из воздуха. Лет шестнадцати парни. Модные такие, с легкой небрежностью в движениях. С одинаковыми лицами. Не похожими, а одинаковыми своим выражением. Выра-

жение это... ну, когда кто-то смотрит на тебя, как на ползущего жучка: обойти или наступить? И при этом — легкое шевеление нижней челюстью, будто во рту та самая «жевачка»... Один привычно встал чуть в стороне, поглядывая на прохожих. Трое — перед «кинооператорами».

— Что это у девочки за аппаратик? — спросил смуглый, с монгольскими глазами, у другого — стройного и белокурого.

— Плеер? — предположил белокурый.

— Не, мужики, это кинокамера, — объяснил им третий, похожий в своей зеленой майке и пятнистых десантных «бананах» на огурец. — Девочка скрытой камерой снимает эти... как его... пороки общества.

— Разве так можно? — спросил в пространство белокурый. — В наше время открытости и гласности...

— Девочка, покажи аппарат. — Смуглый тонко улыбнулся и потянул пятерню.

— А ну, не тронь! — тонко сказал Борис. Хлестко получил пятерней по носу и стукнулся затылком о гулкий киоск...

Что было делать? Взывать к совести? Господи, у этих то — совесть? Драться? Но каждый из четвертых юных дембилей — натренированный в своих подвалах и подворотнях — раскидает троих мальчишек и девчонку в один миг. Да и как драться, если уже вяжет все мышцы и жилки клейкий неодолимый страх... А камера? Отберут или расшибут — и всему делу конец! Федя беспомощно глянул на прохожих. Рослый парень в расписной майке встретился с Федей глазами, крепче ухватил под руку свою девицу и ускорил шаги. Федя скрутил в себе стыд и отвращение к себе и громко сказал пожилому прохожему:

— Дяденька, чего они лезут!

Прохожий — этакий крепкий пенсионер и с виду ветеран — обратил грозное лицо:

— Вы зачем пристаёте к ребятам!

— Иди, иди, дядя, — тихо и выразительно сказал тот, что стоял в сторонке, и сунул в карман руку.

— Хулиганье, — с достоинством произнес «дядя» и пошел дальше, постукивая тростью.

Тот, что похож был на огурец, хмыкнул:

— Тихо, пионеры. Мы только посмотрим технику. Мы тоже любители... — И в свою очередь потянулся к камере. К Оле...

Тогда Нилка — маленький, лохматый — скакнул вперед. Странно изогнулся, вскинул перед лицом руки и направил на врага прямые, как досочки, ладони.

— Отстань, с'сволочь!

На миг все замерли. Огурец гоготнул:

— Это что за козявочка? Чудо...

Но это было еще не чудо. Чудо случилось через секунду.

— Здорово, парни! Из-за чего базар?

Это возник невесть откуда одноклассник Феди Кроева Гошка Куприянов — Гуга.

Глядя на белокурого снизу вверх, Гуга дипломатично сообщил:

— Иду это я мимо, вижу, вы, Геночка, с кем-то беседуете. Смотрю — да это мой друг Шитик!.. Шитик, привет! Вас тут не обижают, случайно?

— Шел бы ты, Гуга, — сказал белокурый Геночка.

— Дак я и шел! То есть мы... — Гуга оглянулся. Пятеро, похожие на компанию Геночки, стояли неподалеку редкой цепочкой. С абсолютно равнодушным видом. Подошел еще один, стал в двух шагах. Лет восемнадцати, похожий на индейца, со смоляными космами до плеч, с пестрой тесьмой на лбу, в куцей, выше пупа, узорчатой безрукавке и шортах из обрезанных джинсов. Он спросил без улыбки:

— Гуга, ты чем-то озабочен, брат мой?

— Да вот, Герцог... Друзей встретил, а у них с Геночкой вроде чего-то... такое...

— Нехорошо, Геночка, — едва разжимая губы, укорил Герцог. — Я же тебе говорил: эскалация немотивированных насилий дестабилизирует общество...

— Какие насилия! — светски улыбнулся Геночка. — Обижаешь, Герцог... Пошли, мальчики, нас не поняли... — И четверо зашагали походкой свободных и ленивых людей. Федя, не веря еще спасению, смотрел им вслед. А когда взглянул опять на Гугу и Герцога, те тоже уходили со своей компанией. Легко и небрежно. словно забыли про случившееся. Впрочем, Гуга обернулся и качнул над плечом растопыренной пятерней.

— Айда отсюда, — морщась, проговорил Федя.

Они были далеко уже от улицы Репина, но шли все еще молча, не глядя друг на друга. Федя стискивал зубы и сопел от унижения... Борис вдруг спросил со вздохом:

— Миссисипи, а что за прием ты изобразил? Когда эти полезли...

Нилка головы не поднял, сказал неохотно:

— Это я в кино видел, про Шао-Линь... Китайское единоборство. Стойка такая.

— А после стойки-то что делать? Знаешь?

— Не знаю... Я больше ничего не выучил.

Федя подумал, что Нилка в тот миг был похож на тощего взъерошенного котенка. И стало тоскливо. От беспомощности.

— Конечно, это было с' смешно, — шепотом признался Нилка.

Тогда Борис сказал тихо и безжалостно:

— Нам не смешно, а до жути стыдно. Верно, Федь? Нил один хоть как-то сопротивлялся...

— Почему один? Вы тоже... — нерешительно заговорил Нилка.

Оля, сердито размахивая камерой, возразила:

— А что можно было сделать-то? Ну, подумайте сами.

— Все равно тошно, — вздохнул Федя.

Оля спросила осторожно:

— А этот... который заступился... он правда твой друг?

— Гуга-то? Из нашего класса... У Гуги друзей, по моему, нет, есть компаньоны. Он деловой человек... Придется, кстати, пятерку отдавать. Думаете, он просто так нам пальчиками махал? Сумму показывал. Плату за спасение...

— Фиг ему! — возмутился Нилка.

— А почему фиг? — горько сказал Федя. — Они же нас правда выручили. Мы же им не друзья, никто... Могли мимо пройти, а вступились. Честный заработок.

— Милиции тоже платят зарплату, — в тон ему отозвалась Оля. — Только не видать ее, милиции-то, когда надо...

— Теперь еще частных телохранителей можно нанимать, — заметил Борис. — Коммерция.

Нилка сердито пнул на асфальте окурков.

— Лучше уж баллончики носить с собой. С этой... крабовой солью.

Никто не засмеялся. Оля сказала:

— Против такой банды пушка нужна, а не баллончик... Ну, брызнешь в них, они очухаются, догонят. Тут же, среди толпы... И никто не заступится, сами видели...

— Я же говорил: не надо соваться в эту дембильскую кашу! — вырвалось у Феди.

— Навсегда от нее все равно не спрячешься, — сказала Оля.

Нилка произнес тихо и непримиримо:

— Навсегда не спрячешься, но в нашем городе не надо, чтобы толпа была.

— Куда же денешься, раз она есть, — пробормотал Борис.

— Я же не вообще про город, а про который с' совсем наш. Тот, который мы... делаем...

Так второй раз сказал он, что есть у них свой, общий Город, ведомый им одним... И стало легче на душе.

Но Нилка не кончил разговор про толпу. Видно, что-то его зацепило. Он проговорил с болезненной ноткой, будто трогал языком больной зуб:

— В толпе или не замечают никого, или все прут куда-нибудь с'стадом... Папа говорит, что это с'синдром толпы... Он мне это сказал после одного происшествия...

— Какого? — спросил Федя. Было почему-то жаль Нилку.

— С'стыдно вспоминать...

— Ну, не вспоминай тогда, — покладисто сказала Оля.

— Нет, я с'скажу. Потому что мы ведь... вместе... Это когда я жил еще в старом доме на улице Тургенева...

И пока брели они вот такие, приунывшие, виноватые перед собой и друг перед другом, Нилка рассказал про то, что случилось два года назад.

Рядом с их пятиэтажкой тянулся старый квартал, и там, в покосившемся домишке, жил старик. Родственники у него умерли или разъехались, он один хозяйничал, как мог. Жил на пенсию, огород не вскапывал: видать, не было сил и охоты. Зато однажды — то ли была это память о детстве, то ли просто чудачество — начал он среди заброшенных грядок строить игрушечный город. Из глины, из гипса, из черепков и стеклянных осколков. Работал каждый день: клепал из проволоки узорные решетки, лепил и сушил на солнце кирпичики, складывал из них домики и крепостные стены...

Видно, старик был с талантом и кое-что понимал в архитектуре. Город — с причудливыми зданиями, с рыцарским замком посередине, с мостами через овраг — вырастал на заброшенном огороде, как маленькое чудо. Сперва люди посмеивались, потом стали стоять у низкой изгороди подолгу, смотрели уже серьезно. Нашлись и помощники — из ребят. Выкладывали жестяными бутылочными пробками сверкающую мостовую, собира-

ли цветные стеклышки для мозаик, резали из красного пластика кусочки для черепицы...

И не знал Нилка, не понимал, откуда у местных мальчишек появился «заговор». В том числе и у тех, кто днем, бывало, помогал старику. И «с'совершенно непос'стижимо», почему в этом заговоре оказался Нилка.

— Пришли в с'сумерках, позвали. Говорят, «тайная операция», чтобы отомстить за кого-то. Говорят, старик этот кого-то из ребят обидел, на двор не пустил... Все собрались, с'секретно так, будто разведчики. Интересно... Фонарики взяли... К огороду подобралась, фонарики включили — и давай по городу камнями, как бомбами... Торопятся, кидают, и я тоже, будто со мной что-то случилось... А потом от моего камня одна башня посыпалась. Будто меня самого по голове! Как заору: «Вы что делаете, гады!» Заревел — и домой... Папа выскочил, а там уже никого нет. И половины города нет... Папа меня потом все спрашивал: «Ну а ты-то зачем пошел? Зачем кидал? Ты же этот город так любил...» А я только реву, потому что сам не знаю. Вот тогда он и сказал про с'синдром...

— А тебя потом ребята не били? — нерешительно спросил Федя. — За то, что выдал.

— Не-а... Лучше бы уж били. А то я мимо того огорода ходить не мог. Мимо развалин... Потому что как предатель...

— Ты же маленький был, — попыталась утешить его Оля.

— Ну да, маленький. Семь с половиной!..

— А старик город не восстановил? — спросил Борис.

— Он чинил кое-что. Но как-то уже неохотно. А та башня, которую я... она так и осталась... А потом мы уехали. А старик, говорят, скоро умер... Может, из-за этого...

Федя сказал почти испуганно:

— Брось ты. Старики умирают от старости.

Оля жалобно попросила:

— Хватит вам о смерти. И так день какой-то похоронный.

Борис бросил на нее обеспокоенный взгляд:

— Ну ты что, Оля?.. Половина-то дня еще впереди.

Оля встряхнулась:

— Вот что! Пойдем сейчас к Анне Ивановне! Я обещала, что мы зайдем на днях, ковер ей выколоти́м. Может, и еще что помочь надо. Хотя одно доброе дело делаем.

Видно, отснятую пленку она добрым делом не считала.

Они вышли на Садовую. Оля на ходу сменила в камере кассету.

— Солнце сейчас как раз на тот дом светит, где ваза. Снимем, пускай хоть через стекло. Все равно надо когда-то.

Борис неуверенно предложил:

— А может, все-таки зайти да попросить: пусть откроют окошко? Необязательно же там вредные люди.

— Нет, — решила Оля. — Сегодня день невезучий.

День оказался еще невезучее, чем думали: окно оказалось задернуто шторой.

— Все! — Оля затолкала камеру в футляр. — Больше никаких съемок сегодня! Пошли к Анне Ивановне...

— Даешь тимуровскую работу, — поддержал ее Борис.

— Даешь, — согласился Федя. И вдруг завопил: — Ольга, камеру! Скорее! — Потому что взглянул на новую колокольню.

Колокольня была видна отсюда, с горки, в просвете среди тополиных крон, над невысоким забором. Красная, кирпичная, двухъярусная. Крышей служил ей небольшой купол, покрытый квадратиками оцинкованного железа. Над куполом поднимался похожий на тонкую шахматную фигуру шпиль с желтой головкой. К голов-

ке этой наклонно тянулась лестница от лесов, которые с одной стороны колокольни подымались до купола. Наверху лестницы, у самой маковки, была площадка с перильцами, на ней стоял человек. Отсюда казалось — совсем лилипутик. Другой поднимался по лестнице. Он нес на спине золоченый, играющий искрами крест — чуть не с себя ростом.

— Сейчас будут ставить! Снимай скорее!

— Телевик! — велела Оля.

Борис выхватил из сумки нужную насадку (спортивную сумку с кинопринадлежностями он бессменно таскал за Олей). Она навинтила объектив, нацелилась...

Человек с крестом поднялся к товарищу. Неторопливо и умело, не боясь высоты, они взяли крест за концы перекладины, как за крылья. Приподняли и нижним концом опустили на маковку шпиля — видимо, там, в этом шаре, было гнездо. Подержались за крест и, кажется, попытались шатнуть его. Но он стоял неподвижно. И солнечный зайчик горел на самом верху.

Люди стали спускаться.

Оля заводила в камере пружину.

— Феденька, ты умница! Такой эпизод ухватил!

— Ольга, смотри!..

Людей уже не было, а лестница вдруг шевельнулась. Наверно, ее тянули за веревки. Она встала вертикально, начала опрокидываться и наконец полетела с лесов. Потом донесся отдаленный гул.

— Сняла? — спросил Федя.

— Да. Здорово... Ой, мамочка, страшно даже: вдруг там по головам...

— Все небось рассчитано, — успокоил Борис.

— А будем проситься на колокольню? — вспомнил Нилка. — Панорама-то ведь нужна. Над которой я полечу.

— Попрут, — как и в прошлый раз, сказала Оля.

— Не имеют права! Мы скажем, что школьная кино-

студия! — заявил Нилка. — Папа говорит, что операторы обязаны везде пускать!

— Ага! — откликнулся Борис. — А дядя дьякон скажет: «Ваши удостоверения?»

— А мы значки покажем!

— Какие значки? — Это удивились все разом.

Нилка вдруг порозовел. Заковырял в кармашке у пояса.

— Только они самодельные... Я хотел сразу показать, да боялся. Вам, наверно, не понравится... — Наконец он протянул на ладони значок.

Тот был не совсем самодельный. Прозрачный пластмассовый кружок с булавкой, в который можно вставить любую картинку, был, конечно, куплен в киоске. А в ободке, за оргстеклом, черный на белом фоне рисунок: существо с табуретом вместо туловища, с вихрастой ребячьей головой и с тонкими ручками, в которых зажата большая многоглазая камера. И надпись по кругу:

STUDIA
TABURET

Оля тихонько завизжала от восторга:

— Ой, Нилка-а! Откуда?

Нилка заулыбался:

— С папой сделали. Вчера. До ночи сидели. Он сперва нарисовал, потом сняли, потом печатали на фотобумаге... Двадцать штук нашлепали на всякий случай...

— Качать великого Нила! — потребовал Борис.

Федя ухватил Нилку за бока.

— Ай! Я щекотки боюсь! Пусти, а то не дам!..

Но, конечно, он тут же дал значок каждому. И все украсили себя фирменной эмблемой, забыв на время о недавних неприятностях. И белый свет опять стал хорош, и четверо на этом белом свете были счастливы, что они есть друг у друга...

— Нил, а почему латинские буквы? — весело спросил Борис.

— Папа говорит, что, может быть, мы выйдем на международную арену. Когда-нибудь...

— Факт, выйдем, — заверил Федя.

— Папа говорит: наконец-то ты не один. Я то есть... Это, говорит, судьба.

— Значит, и правда судьба, — решительно подтвердил Борис. — Великий Нил впадает в Табуретное море! Ура!

Нилка обдал друзей синим блеском и выплеснул опять свою, именно Нилкину, искренность:

— Я сейчас думаю: какое же счастье, что ОВИР запретил нам выезд...

Всех обдало холодком тревоги.

— Кто такой Овир? — Ольга насупила брови.

— Куда выезд? — разом спросили Борис и Федя.

— В С'соединенные Штаты, насовсем. У нас там тетька есть, мамина родственница. Вызов прислала...

— И вы согласились? — Оля потянула к губам костяшки пальцев.

— Мама очень нас'стаивала... Папа говорит: «А куда денем прадедушкину коллекцию? Взять с собой не разрешат, это национальное достояние», вот... А мама: «Что же, так и жить в этой нищете из-за стеклянных картинок? О ребенке подумай!» Это обо мне, значит... А еще: «Ты же мастер, талант, лауреат всяких премий! А здесь так и останешься репортером из провинции...» Это уже про папу...

— В Штатах есть Флорида, — вдруг совершенно глупо сказал Федя. — Там круглый год тепло. Как у нас в эти дни...

— Если круглый год, это плохо, — грустно возразил Борис.

Нилка удивленно посмотрел на них.

— Нилка, неужели уедешь? — тихо спросила Оля.

Он радостно разъяснил:

— Да запретили же! Я же говорю!.. Знаете, из-за чего? Из-за с'секретности! Папа был на Севере и будто бы

снял какие-то объекты, про которые нельзя даже говорить. И сделался он невыездной! Он говорит, что это чушь, нарочно придираются, но теперь уже все равно...

— Нилка, а вдруг разрешат? — с опаской спросил Федя.

— Не раньше чем через пять лет! — с торжеством заявил Нилка. — Так с'сказали. А тогда я уже сам буду почти с паспортом! И вообще — это же вечность!

Они заулыбались вокруг Нилки. Потому что пять лет — это и правда вечность. Ну, не совсем вечность, однако все-таки громадный срок для того, кому нет и тринадцати. Чуть меньше, чем половина жизни.

Третья часть

БЕЛЫЙ СВЕТ БЫЛ СУРОВ И ОПАСЕН...

КОСТЕР В ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЕ

Церковный двор был обнесен новой узорной решеткой из чугуна — ее по специальному заказу отлили недавно на заводе «Маяк». Звенья решетки установили на кирпичном фундаменте между квадратными столбиками, сложенными тоже из кирпича. Красиво получилось! Как в старину...

Но внутри двора еще не убраны были кучи мусора и лежали штабеля всякого стройматериала.

Среди штабелей горел небольшой костер. В кастрюле с дужкой из алюминиевой проволоки варили строители похлебку.

К июлю на ремонте церкви людей осталось немного. Каменщики свое дело закончили, плотники убрали от колокольни леса и тоже ушли. На отделке работала небольшая бригада.

У костра сейчас были двое. Светлобородый, похожий на Добрыню Никитича Слава и высокий, худой Дмитрий. Его звали Дымитрий за то, что все время курил самокрутки, заходясь долгим кашлем... Узнав, что ребятам снова надо на колокольню, Слава спросил понимающе:

— Что, заporоли пленочку, эйзенштейны?

— Опять это чудо египетское, — в сердцах сказал Борис. Но не выдержал, захихикал, глянув на Олю.

Она объяснила:

— При обработке есть такой процесс, «засветка» называется. Перед вторым проявлением, когда пленка еще

желтая, надо ее на ярком свете подержать. Ну, мы включили рефлектор с пятисоткой, чтобы скорее, за несколько секунд. Я катушку взяла, Нилке говорю: «Держи лампу». Он говорит: «Ага...»

— И «а-апчхи!» на нее, на раскаленную, — вставил Борис.

Федя с мрачным удовольствием сообщил:

— Ее даже не на осколки, а в пыль разнесло. А нас — по углам... Когда очухались, Ольга в рев: «Нилка, ты живой?»

— Не ври, я не ревела!.. Я уж потом чуть слезу не пустила, когда катушку с пленкой нашли. Она в ванночку с фиксажем улетела. А гипосульфит — он же все избражение напрочь за полминуты слизывает, если до второй проявки...

— Достали пленочку, а она прозраченькая, — вздохнул Борис.

— Как Ольгины слезы, — вернул Федя.

— А Нил-то ваш как? Ничего с ним не случилось?

— Кабы с этим сокровищем что случилось, разве бы мы сейчас веселились? — задумчиво сказала Оля.

Борис опять усмехнулся:

— Сидит на полу и сокрушенно так спрашивает: «Ну, с'скажите, почему я никогда не вписываюсь в с'ситуацию?»

— Погоревали мы над пленкой, — объяснил Славе Федя, — а что делать-то? Пошли снова «вписывать его в ситуацию». Снимать заново, как летает.

«Летал» Нилка умело. На фоне темного бархата.

Этот бархатный задник оказался на студии «Табурет», можно сказать, чудом.

В конце июня Оле среди других творческих мыслей пришла в голову идея снять Анну Ивановну.

— Должны же быть в нашем фильме хорошие люди! Никто не спорил. Анну Ивановну все уже знали,

часто забегали к ней, чтобы помочь по дому. И вот принесли два фоторефлектора, Оля усадила Анну Ивановну на диван и начала снимать, как старая учительница разглядывает большие снимки — на них выпускные классы разных лет.

Чтобы Анна Ивановна не стеснялась камеры и вела себя естественно, по-домашнему, ее развлекали разговорами. Пожаловались и на трудности с комбинированными съемками. Нужен, мол, темный фон, чтобы отправить Нилку в полет над городом. Вот тут вдруг Анна Ивановна отложила фотографии, поднялась и достала из комода большущий квадрат гладкого бархата.

— Такой годится?

— О-о-о... — дружно выдохнула студия «Табурет».

Правда, бархат был не черный, а темно-лиловый, но это не важно. Все равно он отлично поглощал свет, не бликовал.

Анна Ивановна рассказала, что материя эта очень старинная. Еще от ее, Анны Ивановны, бабушки осталась.

— Когда в бабушкином доме справляли Рождество и ставили елку, этим бархатом затягивали стену, вешали на него серебряные звезды и золоченый месяц. Получалось просто чудесно! До сих пор помню запах елки и эту сказку со звездами...

— Анна Ивановна, тогда не надо, наверно, — смущенно сказала Оля. — Дорогая ведь вещь...

— Голубчики вы мои, что же с того, что дорогая! Вещи должны пользу приносить, а не в ящиках пылиться... Берите, не бойтесь. Если помнете да потреплете немножко, не беда...

Бархат натянули на воротах гаража. Над ними торчала крепкая балка: Олин дед когда-то подтягивал к ней на блоках мотоцикл — для ремонта. Теперь на балке подвешивали Нилку. Олина мама соорудила из брезента широкий пояс и пришила к нему крепчайшую петлю.

Пояс Нилка надевал под рубашку. В ней пришлось сделать на спине прореху для петли. Обычная веревка, чтобы подвешивать Нилку, конечно, не годилась. Олина мама в своем театральном хозяйстве раздобыла прочную черную тесьму. Но и с тесьмой пришлось повозиться, чтобы она не была заметна в «бархатной темноте». Замучились, пока нашли нужный угол освещения рефлекторами (солнце тут совсем не годилось, слишком высвечивало задник, поэтому снимали вечером).

Нилка в подвешенном состоянии освоился быстро. Вполне натурально то «парил», то «мчался» над землей, вытянув руки и легко помахивая ногами в сандалиях, у которых трепыхались ремешки. Кстати, несмотря на «штукатурку» на ноге, Оля все равно велела Нилке надеть бинт. Ей пришло в голову, что пускай марлевая лента во время полета трепещет и постепенно разматывается на ветру. Это, мол, прибавит реализма... Ветер делали вентилятором и включенным «на выдох» пылесосом.

Итак, Нилка «летел», покачиваясь на подвеске. Федя и Борис обдували его «бытовой техникой». Оля жужжала камерой. К аппарату с боков были приделаны «щетки» из черной бумаги, чтобы в кадр не влезли с краев посторонние предметы...

Сначала — в основном для пробы — Нилку сняли летящим среди звезд. Звезды сделал Борис. Он из черной бумаги от фотопакетов склеил широкую ленту и в ней иглами разной толщины проколол множество отверстий — созвездия. Работал Борис долго и сосредоточенно. У него к черной бумаге было особое отношение: будто он знал про нее какую-то тайну.

Черную ленту натянули между спинками стульев. Когда светили лампами с обратной стороны, созвездия горели и некоторые звезды лучисто вспыхивали. Их сняли на ту же пленку, где был Нилка, — «в несколько слов» и с разной скоростью движения. Когда проявили и

пустили пленку через проектор, Оля тихонько повизгивала от удовольствия. На экране искрился и плыл настоящий звездный хоровод, а мальчик в трепещущей светлой рубашке мчался сквозь сказочное пространство, и космический ветер откидывал у него легкие волосы...

Правда, несколько раз можно было заметить крючок за спиной. Однако на то и монтажные ножницы, чтобы убирать неудачные кадры...

Но это «звездное кино» для фильма о Городе было не так уж нужно. Разве что для маленькой сценки ночного полета. А главным-то образом нужен был полет над улицами, над рекой, над землей, освещенной солнцем.

Летающего Нилку сняли еще на одну пленку и — делать нечего — пошли на разведку к церкви. Может, и правда найдутся добрые люди, пустят на колокольню.

Добрые люди нашлись. Прежде всего тот же могучий бородатый Слава. Оля, когда увидела его на церковном дворе, сразу решила, что это главный. Повела за собой оробевших мальчишек и храбро обратилась к бородачу:

- Извините, можно вас попросить об одном деле? Тот обвел их спокойно-веселыми серыми глазами.
- Вальяйте просите... Экскурсия, что ли?

Осмелев, ему наперебой начали говорить про киносъемку, про то, что нужна «высокая точка». Подошел еще один строитель — тоже бородатый, но не такой могучий. Похож на Нилкиного отца, только помоложе, и борода шире, веером. И волосы длиннее. А лицо такое же худое, и очки — в точности. Глянул он из-под очков на Нилку. Спросил с интересом:

- Так, значит, это ты намерен стартовать с колокольни, аки ангел небесный?

Ему объяснили, что Нилка уже стартовал и с колокольни никто лететь не собирается. Надо только отснять панораму.

— Ну что, Женя? — усмехнулся бородач Слава. — Пустим юных тарковских в поднебесье?

— Не одних. Ты, Слава, их попаси. Лестницы круты...

— Угу... Вообще-то, хватило бы одного человека с камерой, зачем всем-то карабкаться. А?

— У-у-у... — печально взвыли Федя, Борис и Нилка.

Слава засмеялся:

— Ладно, племя младое, пошли...

Вход оказался в боковой стене колокольни — низкая сводчатая дверца. Лестница была деревянная, новая, от нее пахло свежей стружкой, на перилах к ладням липли капельки смолы. С непривычки казалось, что поднимались очень долго. Честно говоря, даже страшновато было. А потом, на верхней площадке, остановились, охнули тихонько и радостно — такой простор открылся в арочных проемах: и ближние улицы в гуще топей, и похожие на горную гряду новые микрорайоны, и петляющая Ковжа, и заречные рощи. Все это слегка дрожало в знойном полуденном воздухе. И почему-то здесь, на высоте, особенно отчетливо слышен был треск береговых кузнечиков.

Вроде бы и не так уж велика была церковь, и колокольня — пониже новых многоэтажек. Но ощущение высоты и свободного пространства охватило Федю, словно он на горной вершине. Или в корзине аэростата. Да и другие, кажется, чувствовали то же. Оля и та не сразу взялась за камеру... Но в конце концов она вскинула аппарат, зажужжала им, переходя от арки к арке.

— Я смотрю, профессионально работает ваш оператор, — заметил бородастый Слава.

— Еще бы! — сказал Борис.

А Нилка вдруг похвастался:

— Вы знаете, Оля сумела снять уникальную с'сцену. Как сюда, на колокольню, ставили крест.

— Да ну! Значит, это будет в вашем фильме?

— Само с'собой.

Слава поскреб бороду.

— Тогда вам надо бы, наверно, и еще кое-что снять у нас. Так сказать, для логичного построения сюжета. А?

— А можно? — обрадовалась Оля.

— Отчего же нельзя? Кстати, внутри церкви есть очень любопытные вещи. Чистили мы стены, и открылась, братцы мои, одна замечательная роспись... Не в традициях православной живописи, правда, а скорее итальянская школа. Но картина, прямо скажем, необыкновенная... Вы, кстати, что знаете о живописи, господа кинооператоры?

«Господа кинооператоры» переглянулись и дипломатично засопели. Потом Федя признался:

— Я в основном по маркам. Серия «Искусство»...

— У меня мама обожает авангард, — сказала Оля. — Но я в нем полный профан. Только в глазах рябит, когда смотрю...

Борис промолчал. Он-то знал больше других. Уже не один год он вырывал из журналов цветные репродукции Босха, Брейгеля и Сальвадора Дали. Называл он их коротко — «сюр». А еще собирал картинки с абстрактным переплетением плоскостей, линий и цветовых пятен. Говорил, что они — намек на многомерность миров и параллельные пространства. Но про это знал только Федя — Борис почему-то стеснялся своего увлечения...

Нилка вдруг сказал:

— У нас есть альбомы Третьяковки и художника Матисса. И картина Пикассо «Мальчик с собакой». Копия, конечно...

— Друзья мои, ваша эрудиция меня потрясает! — заявил Слава. — Лет восемь назад, еще до армии, был я вожатым в пионерском лагере и завел там разговор об искусстве. Юное поколение знало только художника Репина, да и то путало его с Шишкиным. А про Рублева дети сказали, что это министр финансов.

Нилка без улыбки пожал плечами:

— Рублев — это «Троица», это все знают. Даже кино есть. Там еще про одного юношу, который отлил большой колокол... Скажите, пожалуйста, а здесь будут висеть колокола?

— Будут. Хотя, конечно, не столь громадные...

— А роспись-то покажете? — напомнила Оля.

Когда оказались внизу, вновь увидели очкастого Евгения. Наверно, он был прорабом. Спокойный, деловитый и даже интеллигентный, несмотря на заляпанные брезентовые штаны, кирзовые сапоги и помятую клетчатую рубаху. Он что-то объяснял двум парням-штукатурам. Увидел ребят и Славу, подошел.

— Женя, этим людям ведомо, кто такие Матисс, Пикассо и Рублев. Посему кажется мне, что они достойны видеть наше открытие. А?

У Евгения блеснули очки.

— Вожатский синдром, Славик, ты никак не изживешь...

— Осуждаешь, отец мой?

— Отнюдь. Дело это сродни пасторскому служению... Идемте, дети мои, коли вам любопытно...

День тогда стоял еще жаркий, и после уличного слепящего зноя церковь обрадовала прохладой и мягким сумраком. Впрочем, сумрак — это лишь с непривычки. Скоро увидели, что здесь вполне светло. В стеклах длинного помещения были прорезаны узкие окна с кружевом решеток. С правой стороны били крутые лучи, укладывавая на замусоренный пол отпечатки солнца и оконных узоров. Над головами светилась вогнутая высота купола. От пола солнце мягко расходилось по церкви, высвечивая стены. Они были замазаны известью, а местами — в серых заплатах свежей штукатурки. Нигде еще не было икон и вообще никакого церковного убранства.

На стене между окнами, обращенными к северу, висела громадная грубая холстина.

Слава поднял с пола длинную рейку, подцепил и дернул у холстины верх. С крюков сорвался сперва один край, потом другой. Материя ухнула вниз — по ногам прошелся пыльный ветер.

И открылась настенная роспись.

Ну, на первый взгляд ничего в ней особенного не было. Тем более что и расчистили ее еще не полностью. Местами пятна. Вместо ожидаемого буйства цветов, какого-то волшебства — обшарпанная и вроде бы даже пылью припорошенная картина. Сразу и не разберешь про что... Федя, Борис, Нилка и Оля стояли перед ней и вежливо молчали. Ну да, для науки, для истории эта роспись, наверно, важна...

А все-таки что на ней?

Худой длинноволосый человек в красно-синих длинных одеждах стоит в окружении других, маленьких... Э, да это, кажется, ребята. Точно! Смуглая голоногая пацанва, в пестрых рубашках до колен, с непокрытыми растрепанными головами, окружила человека. И теперь Федя видел уже, что это Иисус. Только не было в лице Христа иконной строгости. Было оживление веселой беседы и, может быть, даже какого-то шуточного спора. Правой рукой он придерживал за плечо смеющегося светлогоголового мальчугана, а левую протянул к другому. Таким жестом, будто говорил: «Ну, посуди сам, разве я не прав?» Маленький собеседник его чуть приподнял губу и старался сохранить серьезное выражение. Было ясно: он видит, что Иисус прав, но из упрямства и озорства хочет поспорить хотя бы еще немного — прежде чем не выдержит и засмеется. Остальные слушают — кто весело, кто серьезно. Курчавый пацаненок с деревянной вертушкой в руках смешно приоткрыл рот. Другой, постарше, залиvisto хохочет, запрокинув голову. Девочка держит за руку голого малыша и грозит ему

пальцем: не мешай, не канючь. Двое мальчишек с задумчивыми полуулыбками обняли друг друга за плечи: сразу видно — хорошие друзья.

Федя поймал себя на желании оказаться среди этих ребят. На ощущении, что *это возможно...* Теперь не было на картине пыли и пятен. И еще — словно теплый ветер шевельнул складки одежды и волосы ребятишек. Плоское пространство обрело объем. Желтоватый, видимый в дымке горизонт с невысокими холмами отодвинулся от глинобитных домиков, и словно дохнуло жаром палестинское лето. Там, у этих домиков, несколько взрослых мужчин в накидках и тюрбанах осуждающе косились на Иисуса и мальчишек. Так же, как нынешние пенсионеры — добровольные блюстители порядка — косятся на своего соседа, когда он заводит на дворе с мальчишками добрый разговор.

— ...из Евангелия от Матфея, — услышал Федя голос Евгения. — Однажды Христос сказал своим ученикам: «Истинно говорю вам: если не будете как дети, не попадете в царство небесное...» Вот и картина об этом: как сердце Иисуса открыто для ребятишек...

— Теперь не знаем, что и делать, — объяснил Слава. — Или не трогать эту фреску совсем, оставить как есть, или все же попытаться отреставрировать. Вроде бы и надо, но страшно подступаться... Особенно к лицам...

«Лучше не касаться», — подумал Федя.

Борис вдруг сказал полупрошептом:

— Нил, смотри, на тебя похож... — И показал на мальчика, которого Иисус держал за плечо.

«И правда, похож слегка», — подумал Федя. Мальчишка был толстогубый, синеглазый, растрепанный... Нилка не спорил...

Оля спросила негромко:

— Значит, это правда можно снять?

— Для фильма? — сказал Евгений. — Ну что ж...

— Только сейчас света мало. Можно еще раз прийти? Мы фотолампы принесем... Здесь есть электропроводка?

— Да уж подключим как-нибудь, — отозвался Слава.

Федя слушал этот разговор отстраненно. Он как бы грелся в ласковой доброте, которая исходила от картины. И росло в нем желание осенить себя крестом. Слово кто-то теплыми пальцами взял за локоть и подталкивал...

Федя, хотя и считал себя верующим, почти никогда не крестился. Пожалуй, было это всего два раза в жизни. Когда увозили с острым приступом аппендицита Степку, Федя неумело, тайком, сотворил крестное знамение и прошептал: «Господи, спаси его...» А еще раз случилось так: на несколько минут он остался один на кухне в доме Бориса и пригляделся к бабушкиной иконе, которая золотилась под вечерним лучом. И увидел, какое ласковое лицо у Божьей Матери и как крепко, словно прося защиты, прижался к ней маленький Иисус. И от моментального наплыва какой-то печали и нежности Федя глубоко вздохнул и широко, свободным взмахом перекрестился.

Так же хотелось это сделать и теперь. Без молитвы, без просьбы о какой-то милости или помощи, без всяких слов, а просто с благодарностью. Как бы знак признательности к тем мальчишкам, которые обступили Иисуса. «Борька, Оля и Нилка тоже пусть будут с нами, ладно? Мы ведь из одного Города...» Он шевельнул рукой, но смущение удержало его.

«Чего ты боишься? — упрекнул себя Федя. — Ведь никто не засмеется, никто даже словечка не скажет...»

Но вязкая стыдливость была сильнее желания.

«Ты же сказал тогда: буду за Него заступаться. А теперь и заступаться не надо, просто честно сделать, что просит душа. Просто не скрывать, что ты с Ним...»

Нет, не смог он победить неловкость. И когда Слава

сказал: «Пошли, ребята», он побрел позади всех с опущенной головой. С едким сознанием своей измены и малодушия... И сколько же теперь, значит, мучиться!

Перед самым выходом Федя, с отчаянной ноткой, попросил:

— Подождите, пожалуйста! Я... еще... — И почти бегом вернулся к фреске. Несколько секунд стоял перед ней, снова пытаясь как бы войти внутрь этого доброго мира. И когда ветерок опять шевельнул ребячьи волосы и ожили все лица, Федя разорвал смущение и бросил пальцы ко лбу, к груди, от плеча к плечу... Сладко, как у малыша, которого простила мама, зашепотало в горле. Федя улыбнулся виновато и пошел к двери. Ни на кого не глядя, но и не опуская лица.

И никто ничего не сказал, конечно. Только Борька чуть заметно коснулся плечом его, Федькиного, плеча.

А на солнечном дворе Евгений сквозь очки пригляделся к Феде. К его белой футболке. Федя сперва подумал — к значку студии «Табурет». Но сквозь тонкую ткань проступал темный крестик. Евгений осторожно коснулся его пальцем.

— Это, значит, всерьез? Не просто так?

— Не просто, — бормотнул Федя.

Нилка, будто нарочно меняя тему, заговорил возбужденно:

— Мне, когда я церковь вижу, всегда кажется, будто там какая-то тайна. Ну, клады зарытые, подземные ходы, старина всякая. Как в волшебном городе.

— Проницательное дитя! — воскликнул бородастый Слава.

Евгений усмехнулся:

— Ты сейчас им все наши секреты выложишь...

— Но современным детям так не хватает романтики!

— И тебе...

— Но ведь сказано: «Если не будете как дети...»

— Ладно, развлеки детишек. Только пусть молчат... Тайны хранить умеете, люди?

— Клянусь! — быстро сказала Оля. Остальные вмиг и хором поклялись тоже. Явно наклеывалось приключение.

— Достаточно простого «да», — усмехнулся Евгений.

Слава опять привел их в церковь, в самый конец ее, где было алтарное закругление. Здесь громоздился штабель ящиков и стояла у стены тяжелая бочка с остатками цемента. Слава отодвинул ее. И все увидели неприемную крышку люка. Без ручки, без кольца. Здесь же валялся заляпанный цементом тяжелый скребок. Слава сунул его в щель, надавил, крышка приподнялась. Слава откинул ее. Дохнуло влагой подземелья.

— Ну вот, друзья мои, — провозгласил Слава. — Хотите — верьте, хотите — нет, но это натуральный подземный ход. Обнаружили, когда ободрали с пола верхний слой. Кто его вырыл и зачем — пока загадка...

— А куда ведет? — нетерпеливо сунулся вперед Борис.

— А пошли, посмотрим... — Слава первым втиснулся в темный квадрат. Ребята полезли за ним.

Сперва были под ногами крутые ступени. Потом каменный пол. Навалилась тьма, но Слава включил фонарик. Желтый круг заметался по тесным стенам, по низкому сводчатому потолку. Кое-где кирпичная кладка, а кое-где тесаные камни. Местами же — просто земляные проплешины. Коридор оказался очень узкий, идти пришлось друг за дружкой. Тем, кто невысокий, можно в полный рост, а Славе приходилось пригибаться.

Ход выписывал плавную дугу. И наконец впереди забрезжил свет. Вернее, впереди был земляной завал, а щель светилась сбоку. Сквозь плотную зелень проглядывало небо.

— Куда он раньше вел, этот ход, теперь неизвест-

но, — сказал Слава. — Видите, завалило. А потом здесь обвалился берег, и в боковой стенке получилось окно. Прямо на обрыв.

— Можно пролезть! — обрадовался Нилка.

— Вам, тощим, наверно, можно. Только не советую без нужды. Кто-нибудь посторонний увидит, а это ни к чему... Да и растительность там сами взгляните какая...

В щель густо лезли узкие темные листья так называемой татарской крапивы. Свое название она получила, наверно, в память о жестокостях татаро-монгольского ига. По крайней мере, жалилась не в пример злее городской крапивы, которая не так уж страшна продубленной солнцем ребячьей коже...

— Зато и снаружи никто не заберется, — отметил Борис. — Наверно, и не видно даже. Крутизна да чаша...

— А когда здесь был пивзавод, про этот ход не знали? — спросил Федя.

— Законный вопрос. Может, и знали. И пиво текло налево... Хотя едва ли. Люк был под настилом, а сверху стояло стационарное оборудование...

— Может, здесь клад где-нибудь зарыт? — прошептал Нилка.

— Может, и зарыт, — согласился Слава. Широкой ладонью взлохматил Нилкину макушку. — Ну ладно. Насладились дыханием тайн и приключений? Отряд, слушай мою команду: обратно шагом марш... И помните — никому ни слова. А то проберутся какие-нибудь подонки, изгадят роспись...

На следующий день притащили фотоосветители, подтянули от щитка провод, сняли фреску. И общий план, и крупно все лица. А потом еще снимали, как рабочие разгружают машину с цементом, как Слава и Евгений разглядывают эскизы внутреннего убранства, как молчаливый кашляющий Дымитрий и еще двое рабочих закладывают кирпичом большую пробойну в стене — здесь раньше проходила какая-то труба...

Затем раза два ребята прибежали просто так — навесить знакомых. И вот — опять по делу. Заново снимать панораму. Потому что вся прошлая работа пошла на смарку от Нилкиного чиха.

— А где виновник-то? — слегка обеспокоенно спросил Слава. Он явно симпатизировал Нилке.

— Прибежит, — хмыкнул Федя. — На него поправку надо делать: если сказано к двенадцати — жди в половине первого...

— Подождем, — решил Слава. — А потом уж полезем, а то Нил с'страсть как обидится...

Стали ждать. Федя сел на землю у церковного забора.

...Имя у церкви было Спасская. Построили ее в конце восемнадцатого века на деньги, что пожертвовал местный житель, купец Артамон Гвоздев. Он дал обет поставить на берегу Ковжи храм во имя Всемиловейшего Спаса в благодарность за избавление своего маленького сына от тяжелой болезни. Говорят, отдал на это дело половину состояния. Чтобы расписать внутри стены и свод, приглашал художников из столицы (и был среди них даже итальянец).

Сложили церковь из крупного кирпича. Недавно стены отскребли, отмывали как могли. Хотели даже почистить их пескоструйной машиной, да опомнились: песок содрал бы с кирпичей внешний гладкий слой, и они сделались бы пористыми, рыхлыми.

Колокольню возвели по старым чертежам. Но кирпичи-то были новые. Когда-нибудь их цвет сольется с темной, серовато-бордовой расцветкой старых стен, а пока двухъярусная башня светилась красно-оранжевой новизной. Празднично сверкали в синеве позолоченный крест и оцинкованная чешуя купола. Маленькие желто-серые облака бежали из-за Ковжи, и башня безостановочно клонилась, клонилась им навстречу, но оставалась прямой...

Двое суток назад, после сильной ночной грозы, ис-

портилась погода. С утра до вечера сыпал холодный дождь. Сперва все дышали с облегчением: измаялись от жары. Но вскоре забеспокоились: а что, если ненастье надолго? Вчера к середине дня прояснило. Ночью, однако, опять моросило, а сегодня было хотя и солнечно, а все еще зябко. Федя, прислонившись к фундаменту изгороди, ощущал сквозь джинсовую куртку прохладу кирпичей. Борис — тот из принципа не признавал больше плохой погоды: начало июля, какой может быть холод! И теперь грел у костра свои «восьмигранные» колени и голые руки.

Оля на штабеле досок укрылась брезентовой курткой Славы — перезаряжала кассету, в которой заело пленку. Из-под брезента торчали только ноги в вельветовых штанинах.

Ноги требовательно задергались. Борис тут же подскочил. Слава и Федя тоже подошли. Из-под куртки слышалось:

— Выпустите меня, я запуталась...

Олю распаковали. В это время появился Дмитрий:

— Слышь, я в контору наведуясь насчет красок. Если материал привезут, подпиши накладную за меня... — Он затянулся самокруткой, закашлялся. И когда отошел, Оля сердито сказала:

— Ему нельзя столько курить. Он же губит себя...

— Пойди объясни ему, — хмуро отозвался Слава. — Человеку и так тошно... Жена ушла, забрала пацана и не пускает отца повидаться с сыном. Такая стерва... Мужик только и спасается табаком и работой. Мы уж сколько говорили: ты, бригадир, кончай надрываться, а он знай новую козью ногу крутит...

— Разве он бригадир? — удивилась Оля. — Я думала, что дядя Женя...

И Славу, и других рабочих ребята звали по имени,

только Евгения — дядя Женя, хотя и был он не старше остальных. Просто чувствовали в нем главного.

— Дядя Женя? — засмеялся Слава. — Дядя Женя, он начальство другого рода. Разве вы не знали?

— Нет. — Оля почему-то смутилась. — А кто он?

— Он — отец Евгений. Настоятель, значит, этого храма.

— Ну-у... — не поверил Борис.

А Федя сказал стесненно:

— Священники, они ведь в рясах всегда. А он... вместе со всеми носилки таскает...

— О церкви печется, вот и таскает. Он, можно сказать, весь ремонт на своих плечах вытянул. Сегодня вот тоже — с письмом от митрополита в исполком поехал. Выбивает разрешение, чтобы музей отдал иконостас, который из церкви. Он весь такой золоченый, резной, красотища. Здешний мастер Коробицын его делал. Двести лет работе...

Оля виновато объяснила:

— Мы и не думали... Вы его просто «Женя» да «Женя»...

— Для меня он Женя и есть. С детсадовских времен. В одном дворе до самой армии жили. Он по старой дружбе и на работу эту меня сагитировал...

Федя поколебался и спросил тихо:

— А почему он в священники пошел? С детства хотел?

— Нет, что ты. Это уже после Афгана... Поступал он в Литературный институт, не получилось, взяли в армию... Мне вот повезло, на Северном флоте служил, а Женю — на юг, в пекло. Ну и насмотрелся он там... «Нет, — говорит, — не сотворить нам, Славка, на земле ничего доброго, если отвернулись от Неба...» Я его понимаю... — Слава присел у костра на ящик, шевельнул угли под булькающей кастрюлей. — А в детстве что...

В детстве мы, как водится, мечтали стать капитанами. Женя даже песню потом сочинил про это. Давно еще...

Все вопросительно молчали. Если сказано о песне, надо бы ее услышать. Слава еще раз шуранул угли, попросил:

— Вы меня только не выдавайте ему. А то скажет опять: разболтался по вожатской привычке... Борь, принеси из подсобки гитару, она в углу, за ящиком с красками...

Борька умчался и тут же прибежал с потертой шестистрункой. Слава взял гитару, тренькнул разок по струнам и запел сразу, без всякого вступления. Глуховато, слегка печально и вроде бы чуть насмешливо, под неторопливую мелодию:

Были тайны тогда неоткрытыми,
Мир земной был широк, неисхожен,
Мастерили фрегат из корыта мы
С парусами из ветхой рогожи.

Мы строгаи из дерева кортики,
Гнули луки тугие из веток —
Капитаны в ковбойках и шортиках,
Открыватели белого света.

Белый снег был суров и опасен,
Он грозил нам различными бедами.
Караулил нас двоечник Вася
И лупил — а за что, мы не ведали.

Мир являл свой неласковый норов,
И едва выходили из двери мы —
Жгла крапива у старых заборов,
Жгли предательством те, кому верили...

Мы, бывало, славались и плакали,
Иногда спотыкались и падали.
Но потом, сплюнув кровь, подымались мы,
Ощетинясь сосновыми шпагами.

Жизнь бывала порою как мачеха
И немало нам крови испортила.
И тогда вспоминал я, как мальчиком
Помнил честь деревянного кортика...

Слава оборвал песню, оглядел ребят. Они молчали и ждали. Казалось, что еще не конец. Слава совсем по-детски шмыгнул носом и признался:

— Там есть еще два куплета. Можно сказать, мне посвященные. Женя эту песню-то мне на день рождения подарил. Как говорится, на память о невозвратном детстве... В котором я, кстати, совсем на себя нынешнего был не похож. Это сейчас я такой широкий и волосатый, а тогда был... ну, вроде вашего Нилки...

— Вы уж допойте, — тихонько попросила Оля.

— Да уж допою... — И Слава запел уже несколько иначе, побыстрее и резче:

...А когда было вовсе несладко
И казалось, что выхода нет,
Будто в детстве, спасал меня Славка
Девяти с половиною лет.

...Вот он мчится, как витязь из сказки,
В тополиной июньской пурге.
И как рыцарский орден Подвязки —
Пыльный бинт на побитой ноге...

Слава прижал струны. Все опять молчали. А что делать, не аплодировать же. Песня хорошая, но тревожная какая-то. А тут еще слышали про бинт и, конечно, разом вспомнили: где же Нилка-то? Переглянулись.

— Может, случилось что? — вполголоса произнес Федя. Все посмотрели на ведущую от ворот дорожку. И...

— Легко на помине, — обрадованно выдохнула Оля.

— Явился молодец-огурец, — сказал Борис. — Имеется в виду расцветка, а не иные качества...

Нилка размашисто и сердито шагал от церковных ворот. Он и правда весь был «растительных тонов»: в мешковатом и длинном свитере — пыльно-зеленом, с желтыми полосками на груди, в салатных гольфах и широких полусапожках из блестящей резины изумрудного цвета. Только шортики прежние, серые, но их почти не

было видно из-под обтрепанного подола. Полусапожки болтались на ногах, но Нилка не сбавлял размашистого шага. Так вот примаршировал к костру, надул пуще прежнего губы и сообщил, ни на кого не глядя:

— Раньше не мог. Рядом с домом трубу прорвало, кругом с'сплошное море. Видите, с'сапоги...

— Ладно, хоть сам не потонул, — сказала Оля. Без всякой насмешки, с облегчением. Но обиженные глаза Нилки подозрительно заблестели. Борис быстро взял его за плечи.

— Не дуйся, Нил. Никто же не сердится, что ты опоздал. Подумаешь, полчаса...

Нилка объяснил сипловато:

— А еще мама не пускала. Говорит: нынче холодно, никуда не пойдешь, пока не оденешься теплее. Ну, я и надел этот балахон. В знак протеста. Пускай будет смешно...

— А чего смешного-то! — весело вмешался Слава. — Малость охламонисто — да. Зато оригинально... Знаешь что, Нил? Я тебе сейчас дам ведро с зеленой краской и кисть! Ты будешь мазать стену бытовки, а я расставлю мольберт и сделаю с тебя набросочек, а? С дальнейшим прицелом на картину! Во какая будет картина! Том Сойер конца двадцатого века, портрет в огуречных тонах! Согласен?

Славиным словам никто не удивился. Знали, что Слава не только строитель, но и художник. Правда, без диплома, потому что из института ушел, поспорив с начальством. Зато уже участвовал в областных выставках неформального творчества.

— Как хотите, — похоронно отозвался Нилка.

— Для Тома Сойера он сегодня слишком кислый, — озабоченно заметил Федя. — Нил, да что с тобой? Ну, подумаешь, семейные неприятности! У кого их нет...

— У меня это с'скоро пройдет, — шепотом сообщил Нилка.

Слава, пряча беспокойство, сказал:

— Ну, если не Том Сойер, то «Зеленый мальчик». И будет еще один цветной пацан в живописи. Шедевр номер два.

— Почему — два? — удивилась Оля.

— Потому что в мировом искусстве уже имеется картина «Голубой мальчик». Художник Гейнсборо, восемнадцатый век. Портрет Джонатана Баттла.

— Ой, у меня такая марка есть! — вспомнил Федя. — Нилка, я тебе потом покажу!

— С'спасибо.

— Слава, развеселите его, — попросила Оля. — Спойте снова ту песню!

Нилка проявил некоторый интерес:

— Что за песня?

— Одно и то же петь — это не дело, — решил Слава. — Слушайте другую песню. Бодрую, специально для повышения жизненного тонуса. — И он запел стремительно, будто прыгнул:

Окна-двери, лестницы, берлоги!
Вот такая в жизни колбаса.
Мы опять сидим среди дороги,
Вместо чтоб катить на колесах...

Елки-палки, лютики, ромашки!
Юбилей — не мед со стороны.
Мне купили сорок три рубашки,
Вместо чтоб купить одни штаны...

Приключениям счет на миллиарды!
Только дурни верят в чудеса.
Постригуся я как шар бильярдный,
Вместо чтобы красить волоса...

Все посмеялись и посмотрели на Нилку. Тот сказал: — Спасибо. Очень хорошая песня... — Опустился перед костром на корточки и всхлипнул.

Борис быстро сел рядом.

— Нил. Выкладывай...

Тогда прорвались у Нилки слезы. И прорвалась правда:

— Вы же ничего не знаете!.. Пришло разрешение из ОВИРа... Мама говорит: «Будем с'собираться...» То запрещение было неправильное, его отменили. И теперь — пожалуйста!..

Всех будто придавило. Слава — тот, конечно, не знал про ОВИР и планы Нилкиных родителей, но сразу понял главное. Федя и Оля сели рядом с Нилкой и Борисом. Что тут скажешь, чем утетишь? Мальчишку ведь не спросят, взяли да повезли... А они как без Нилки? Вот тебе и «Табурет»...

Слава, уткнувшись подбородком в гриф гитары, сказал:

— Вот оно, значит, что. Ребенка увозят в райские края, а он не понимает своего счастья.

Нилка рывком повернул к нему мокрое лицо:

— На фига мне такое счастье!

— Детский безрассудный идеализм, полагающий, что дружба превышает материальных благ... — печально подвел итог Слава.

А Федя спросил безнадежно:

— Может, родители еще передумают?

Нилка обвел всех сырыми глазами. Шевельнул под свитером колючим плечом.

— Ну, теперь-то с'само собой... Уже передумали. Но какой с'скандал мне пришлось устроить...

Все качнулись к нему — обрадованно, недоверчиво:

— Нил, правда?

— Не поедете?

— Неужели тебя послушали?

— Да, но чего мне это с'стоило! Я ревел и орал с самого утра... Вы еще не знаете, как я умею... Думаете, я правда, что ли, из-за с'свитера застрял...

Оля опять спросила с опасливой радостью:

— Неужели тебя послушали? Это точно?

Нилка шмыгнул носом, улыбнулся сквозь слезы:

— Папа сказал: «Видишь, мать, что получается. На детских слезах счастья не построишь...» Мама, конечно, говорила, что я глупый и папа тоже глупый, но потом... с'смирилась.

— С'слава Богу, — без насмешки, от души сказал Борис.

И Нилка не обиделся. Он улыбался все веселее:

— Знаете, какое я поставил ус'словие? Говорю, если хотите ехать, тогда забирайте всех! Весь «Табурет». Ус'сыновляйте! Папа засмеялся и говорит: это затруднительно...

— Тем более что меня невозможно усыновить, — заметила Оля. — Удочерить — это еще туда-сюда...

Нилка посерьезнел:

— Папа бы не отказался, наверно. Он про тебя говорит: «Какая талантливая девочка...»

— Чего ты выдумываешь, — смутилась Оля.

— Не выдумываю. Это после того, как он пленки посмотрел.

Все вспомнили, как Нилкин отец заходил к ним в гараж и смотрел уже готовые части фильма. И хвалил, как умело и остроумно смонтированы эпизоды. Оля тогда стеснялась, кусала костяшки пальцев, но потом все-таки попросила: «Аркадий Сергеевич, может быть, вы нам посоветуете что-нибудь? Ну, такое... профессиональное...»

Он и правда кое-что посоветовал. Но не много. Сказал, что у них, у «табуретовцев», свое видение мира. «Божью неуклюже вломиться в ваш стеклянный город...»

— А еще он обещал дать нам кассетник, чтобы озвучить фильм, — сказал Нилка.

Все чересчур громко обрадовались. Потому что тревога не исчезла совсем и ее старались прогнать лишним шумом. Пришла на помощь и погода. Зябкий ветерок

утих, последние клочки облаков улетели, и солнце обрadowанно обрушило с высоты густой июльский жар.

— Ух... — Нилка стянул через голову свитер.

— Э, Нилушка, — забеспокоился Слава. — А как насчет «Огуречного мальчика»-то? Попозируешь чуток?

— Ну, пожалуйста! С'сейчас?

— Сперва на колокольню! — весело скомандовала Оля.

Наверху Нилка вспрыгнул и уселся на точеные перила, которые перегораживали арочные проемы. Замахал тонкими руками, будто ошипанными крыльями. Борис быстро встал рядом:

— Вот сыграешь вниз, собирай тебя потом по деталям... Это тебе не со шкафа планировать.

— Не сыграю! У меня абсолютно никакого страха высоты... А колокола с'скоро здесь повесят?

— К осени, — сказал Слава. — Льют по заказу...

— А можно будет позвонить?

— Это уж как отец Евгений скажет, — рассудил Слава. — Если ты очень его попросишь, тогда...

— А чей это отец? — удивился Нилка.

Ему объяснили.

— Ну, он-то уж с'само собой разрешит! — Нилка радостно заболтал ногами. Зеленый сапожок слетел на кирпичный пол.

— Нил звонил, звонил, звонил и сапог свой уронил, — сказал Федя.

— Ох, идея! — обрадовалась Оля. — Когда Нилка опять полетит на съемках, пусть у него сандаля с ноги свалится! Такая будет... бытовая деталь. Для правдоподобия.

— И кому-нибудь по голове, — сказал Борис. — Реализм.

— Не по голове, а под ноги, — уточнил Федя. — А тот поднимает и бросает обратно, Нилке... Можно, чтобы Степка? Он давно просит, чтобы его хоть немножко сняли...

ПОЩЕЧИНА

Сниматься в эпизоде «Упавший башмак» Степка согласился с восторгом. Федя отпросил его у Ксении, чтобы не водить нынче в детский сад. Пошли к Оле. Борис оказался уже там. Они с Олей готовились проявлять вчерашнюю пленку. Борис небрежно сказал:

— Ты забирай камеру, да топайте со Степкой вдвоем. Там дела-то на две минуты, чего всей оравой идти...

Федя добродушно хмыкнул про себя: Борька не упустит случая побыть с Оленькой вдвоем. Ладно уж. В конце концов, самостоятельно поработать камерой — тоже хорошее дело.

— Экспонометр не бери, лишняя возня, — посоветовала Оля. — Ставь на солнце диафрагму шестнадцать, а в тени восемь... А телевик возьми на всякий случай. И это не забудь.

«Это» — небольшой, с елочную хлопушку, баллончик с карбозолью. После стычки на улице Репина «химсредство» всегда брали с собой, если шли на съемку. Федя сунул баллончик за резинку на поясе, выпустил майку поверх трусов, положил в задний карман телевизок-насадку.

— Ой, а сандаля-то! Что Степка ловить будет?

— Вон там, на полке, — засмеялась Оля. — Встрепанный Нил примчался ни свет ни заря, специально принес. «А то, — говорит, — опять из-за меня дело сорвется...»

— А где он сам-то?

— Двигет искусство, — сообщил Борис. — Пошли со Славой на пустырь, где прадедушкина стена. Миссисипи будет красить забор, а Слава писать шедевр... Они вчера договорились.

— А почему не у церкви?

— Чтoб никто не отвлекал от творческого процесса.

— Степан, поехали тоже двигать искусство!

Степка прыгнул на багажник, и они покатали на бе-

рег Ковжи. Именно там, у старинной беседки над обрывом (архитектурный памятник!), Федя решил снять падение Нилкиной сандалии...

Степка — он умница, артистом будет! Сразу понял, что от него требуется. Очень натурально оглядывал заречные окрестности, пустил с берега бумажного голубка, помахал ему рукой, сел в траву и весело удивился, когда к ногам его шлепнулась растоптанная сандалия. Глянул в небо, сделал вид, что заметил пролетающего Нилку, вскочил. Радостно швырнул сандалию вверх. То, как Нилка ловит ее в небе, снимут потом.

Вся сценка заняла двадцать секунд, не больше.

— Отлично, Степ!.. А давай снимем дубль! Для подстраховки... — Честно говоря, просто хотелось поснимать еще. — Давай теперь так: будто ты сандаля прямо в руки ловишь!

— Давай! — возликовал Степка.

Федя забрался на перила восьмигранной беседки, прислонился к обшарпанной штукатурке колонны. В правую руку взял камеру, нацелился. Левою собрался швырнуть вверх сандалию.

— Внимание!..

Степка с готовностью задрал вверх голову: кто, мол, там летит под облаками?.. Но Федя с досадой сказал:

— Стоп. Накладочка... — Потому что позади Степки, шагах в двадцати, на берегу появилась группа ребят с воспитательницей. Наверно, из городского летнего лагеря... Хотя нет, скорее интернатские или детдомовские. Девочки в мешковатых клетчатых платьях, мальчишки в потертой школьной форме (в такую-то жару!). Даже издалека заметна печать казармы и сиротства, которая лежит на таких вот пацанах...

А может, все-таки снять их? Вдруг пригодится для какой-нибудь монтажной перебивки?

Высокая воспитательница среди блеклых своих пи-

томцев ярко выделялась цветным, будто клумба, платьем и широкой соломенной шляпой. Она громко и раздраженно вещала:

— Теперь посмотрим на тот берег. По генеральному плану... Я сказала: посмотрим на тот берег! Южаков!.. По генеральному плану развития города Устальска, утвержденному сессией облсовета, на том берегу...

Нет, к хорошим, к лирическим эпизодам эти кадры, конечно, не отнести. Но для юмора, видимо, сгодятся. Тетка похожа на фрекен Бок из мультика про Карлсона... Федя пожужжал камерой... На него и на Степку не обращали внимания. Скорее всего, просто не видели... Да, забавные будут кадры: как воспитательница старается, а ребятам ее лекция до лампочки... Только дядька, появившийся на заднем плане, нарушает композицию кадра. Тьфу ты, еще и в милицейской форме... Надо снять ребят и наставницу покрупнее!

Федя навинтил телевизор, подзавел пружину и ухватил группу в рамку видеоискателя.

— ...микрорайон, в котором предусмотрены все удобства. В том числе и центр эстетического воспитания детей, которые... Да что это такое! Вам не эстетическое воспитание, а свинокомплекс нужен!.. Южаков, иди сюда! Я кому сказала!

Мальчишка Нилкиного возраста, в большом, не по росту, костюме, волоча ноги, подошел.

— Ты почему башкой вертишь и других отвлекаешь, когда я рассказываю? Ты долго будешь нервы людям мотать, свинья такая? Опустит руки!..

Мальчишка что-то бормотнул.

— Опустит руки, я сказала!..

Тот и руки, и голову уронил. Воспитательница пальцем подняла его лицо за подбородок, хлестко ударила по щеке.

Степка тихо вскрикнул.

Федя поймал себя на том, что все еще жмет кнопку

спуска. И прежде чем он выключил камеру и кинулся, рослая цветастая тетка ударила мальчика еще несколько раз: рванула вниз локоть, которым тот закрылся, и с двух сторон хлестанула так, что голова мальчишки дернулась туда-сюда, будто на резинке.

— Вы что делаете?! — Федя орал это уже в полете, когда прыгнул с перил. — Как вы смеете!! — Он врезался в толпу. Мельком увидел распахнутые глаза и открытые рты ребят. И — крупно, в бисере пота, в подтаявшей косметике — лицо интернатской дамы. Она не испугалась. Возвела выщипанные брови:

— Это что за явление? Заступник, надо же! За Южкова заступается!

— Какое вы имеете право! — яростно сказал Федя. Он и сам не ожидал в себе такого гневного клокотания. — Среди бела дня!.. Силы много, да?

— На тебя хватит, сопляк! — Она решительно надвинулась. Федя держал камеру у груди. Машинально нажал спуск.

— Он еще и снимает! — взвизгнула дама. — Шпион паршивый! Я узнаю, из какой школы!

— Я тоже узнаю... откуда вы... Пленка не соврет!

— В чем дело, граждане! — Это был веселый и мужественный голос. Рядом возник тот самый милиционер. Вот счастье-то!

— Товарищ старший лейтенант! Она мальчика била! По лицу! Прямо на глазах у всех!

У старшего лейтенанта было славное, смелое лицо. Красивое даже. Впалые щеки, сросшиеся брови, прямой нос над крепким ртом, темная полоска усиков на верхней губе. Краешком сознания Федя отметил про себя, что милиционер похож на офицера-подводника из какого-то старого фильма про войну...

— Как она смеет издеваться! Вы... составьте протокол!

— Протокол? — Старший лейтенант повел по лицам

взглядом, в котором смесь дружелюбия и служебной строгости. — А что случилось, Ия Григорьевна?

«Ия Григорьевна! — ударило по Феде. — Знакомы, значит! Вот вляпался!» — Симпатичность старшего лейтенанта вмиг потускнела. Но все-таки он же — милиция! Он же должен...

— Она ударила... — с болезненным выдохом произнес Федя.

Стекланным голосом Ия Григорьевна произнесла:

— Дети! Я кого-нибудь била? Я вас спрашиваю официально!

— Не-е... — раздалось робко и вразнобой.

Интернатское воспитание. Вот и заступайся за них...

— Она била! — звонко сказал Степка. Он стоял шагах в пяти позади Феде.

Уже ясно понимая, что справедливости здесь не будет, Федя сказал с обидой и горьким злорадством:

— Ладно! Пленка покажет...

Ия Григорьевна обратила к старшему лейтенанту блестящее от оскорбленности и капелек лицо:

— *Товарищ милиционер!* Разве детям разрешено вести съемку посторонних лиц?

— У тебя есть разрешение? — Старший лейтенант глянул на Федю без симпатии.

— Какое разрешение? И при чем тут я?.. Это же она...

— Разберемся, — казенно пообещал милиционер. — Дай-ка сюда аппарат.

— Зачем?

— Дай, говорю! — неожиданно рывкнул он.

От этого вскрика все вокруг будто рассыпалось на осколки и сложилось уже по-иному. Был теперь перед Федей дембиль. Не такой откровенный, как другие, без толстой шеи и казарменной рожи, но все равно — безжалостный, непробиваемый.

Дальше шло так, словно кто-то другой вселился в Федю — стремительный, пружинистый, находчивый.

— Степка! — Федя рывком обернулся. — Лови!.. Беги к Ольге, спасайте кассету!

Степка — ну до чего же молодец! Поймал камеру в ладони! И рванулся прочь, не потратив ни мига! И прошло секунды три-четыре, прежде чем Ия Григорьевна завопила по-базарному:

— Дети! Держите негодяя!

Несколько мальчишек переглянулись и... кинулись за Степкой. Гады, холуи проклятые! И они бы догнали, но Степка оказался умнее. Добежав до беседки, рванул на себя прислоненного к перилам «Росинанта». С натугой толкнул его, встал на педаль, просунул под раму другую ногу. И поехал так, вихляя и отчаянно переваливаясь на педалях.

Его и сейчас догнали бы — уже тянулись на бегу к багажнику. Но тропинка пошла под уклон, дребезжащий «Росинант» набрал скорость и унес на себе Степку в Беседочный переулок, откуда дорога на Песчаную, а потом на улицу Декабристов...

Докатит? Господи, он же ездить-то еще толком не умеет на большом велосипеде. И камера в руке, и за руль держаться надо! А если встречная машина? Спаси и сохрани — Федя сунул в вырез майки ладонь, сжал крестик...

Крепкая рука ухватила его за локоть, стиснула до боли, рванула. Федя вскрикнул, крестик вырвался из-за ворота, закачался поверх пятнисто-красной майки.

— Любитель кинотрюков, значит? Каскадеры, кинопогони... — Старший лейтенант говорил с легким придыханием.

— Пустите! — Федя отчаянно дернулся.

Милиционер сказал воспитательнице и мальчишкам, которые вернулись с виноватыми лицами:

— Сопrotивление сотруднику правоохранительных органов. Будьте свидетелями в случае чего...

— Вы... не право охраняете! А знакомую преступницу!

— Разберемся в отделении, кто преступница, а кто малолетний уголовник... — Он взял Федин локоть на излом. Больно так! Федя вскрикнул. И... что делать-то, пошел, даже почти побежал за своим мучителем, когда тот широкими шагами двинулся от ребят и воспитательницы. Сперва по берегу, потом по улице Красных Партизан, что тянулась вдоль реки...

— Больно же, — сказал Федя сквозь зубы.

— Еще большее будет, — пообещал старший лейтенант. И добавил издевательски: — Кинорепортеры должны уметь страдать. Им даже пули достаются. В горячих точках планеты...

Ярость рывком поднялась в Феде. Вместе со слезами. И все другие чувства пропали: и унижение от того, что смотрят прохожие, и боязнь. Даже страх за Степку на миг забылся.

— В горячих точках... это где вы на бэтэрах на беззащитных людей, да?!

— Ах ты, сволочь...

— Сам! — И опять вскрикнул от резкой боли в локте.

— Оскорбление сотрудника при исполнении... Ну, мотай, мотай себе дело, крепче пришьют...

— Еще посмотрим, кому пришьют! За издевательство...

Ни малейшего сомнения в конечной справедливости у Феде не было. Пусть суд, пусть всякие следователи и прокуроры! Он все равно докажет, как она была! И как этот... дембиль проклятый... кинулся на него! Одна лавочка — и этот тип в фуражке с кокардой, и визгливая Ия! Ворон ворону глаз не выклюет!.. Ничего, правда свое возьмет. Лишь бы доехал Степка!.. Федя свободной рукой опять взялся за крестик.

— Значит, в Бога веруешь... Ну-ну, проси его...

— А в кого мне верить? В ОМОН с дубинками?

Неудержимая ненависть звенела в нем. Неужели это он, Федька Кроев, осторожный, никогда не лезущий в

драки? Перестраховщик!.. Вот, значит, как это бывает, когда ни капли страха! Когда пусть убивают, а ты будешь орать им в рожу все, что думаешь! Всем этим... для кого чужое мучение — сладкая радость. Кто считает себя хозяином жизни, потому что у него резиновая палка!.. Кто убил Мишу!.. Кто довел нашу жизнь до того, что Нилку чуть не увезли в чужую Америку!..

Он пошел медленней. Вскрикнул опять от боли в локте, но уперся. Ненависть сильнее боли. Сказал сквозь слезы:

— Сломаете руку — ответите.

— Сломаем что надо. Не таких ломали...

Пусть ломает, гад! Федя решил, что потеряет сознание, но с места больше не двинется! Уперся опять. Кажется, трещала кость...

— Дембель проклятый... Все равно не пойду...

Но отделение было уже рядом. Уютный такой особнячок с колоннами у входа. Старший лейтенант перехватил Федю под мышку, ботинком двинул дверь, толкнул пленника головой вперед. И, пролетая через тамбур, Федя ощутил тяжелый, с оттяжкой удар по пояснице. Тягучая боль заполнила спину, живот, сбила дыхание. Федя влетел в светлое, с желтым полом помещение, грудью ударился о полированный барьер. От муки, от унижения, от ярости он потерял голос. Выговаривал с хрипом:

— Фашисты...

Мокрыми глазами увидел за барьером дежурного — белобрысого молодого дядьку, у которого сквозь редкие волосы просвечивала на голове нежно-розовая кожа. Блестели на серой рубашке старшинские погоны. Дежурный не удивился. Даже голову поднял не сразу.

Федя прижался к барьеру боком. Закусил губу, согнулся, прижал к животу локоть, стараясь унять боль. Ощутил рукой под майкой баллончик... Старший лей-

тенант опять ухватил Федю за плечо, открыл низкую дверцу, толкнул его за барьер.

— Вот такой ярко-красный фрукт... Оформи, Юра. Дело, видать, непростое, но пока так: нарушение общественного порядка, сопротивление, оскорбление со-трудника...

Белобрысый старшина Юра лениво предложил:

— Так, может, в детскую комнату?

— Нет. Я же говорю, непростое дело. Надо узнать кое-что.

Старшина из ящика стола вынул широкую бумагу. Мельком глянул бледными глазами на Федю. Вдохнул:

— Фамилия...

Федя молчал.

— Фамилия, спрашиваю...

— Чья? — всхлипывая, сказал Федя. — Вот этого лейтенанта, который меня ударил?

Старшина посмотрел на Фединогo мучителя:

— Может, малость добавить? Легонько так...

— Обожди, — сказал тот. И обратился к Феде: — Ты совсем шизик, что ли? В колонию захотел?

Федя отошел на шаг, прислонился к стене. Все равно скрутят, сомнут, но хоть несколько секунд он будет отбиваться... Надо протянуть время, чтобы спрятали пленку... Господи, только бы доехал Степка! Только бы не разбился!..

— Будешь говорить?

— Адвоката давайте, — хрипло сказал Федя. — Сейчас полагается, если арестовывают, чтобы сразу адвокат был.

Они посмеялись — негромко так, утомленно даже.

— Грамотный, — сказал старшина. — Интеллигенция, сразу видать.

«Говорят, Мишу так же травили: интеллигенция...»

— Верующая к тому же интеллигенция, — заметил

старший лейтенант. — А все равно дурак... Как мы тебе адвоката вызовем, если не знаем твоей фамилии.

— А вот так! При нем и скажу!

Конечно, даже сейчас, в ярости и слезах, Федя принимал, что никаких адвокатов попавшим в милицию мальчишкам не полагается. Но подчиниться, назвать себя — значит признать их власть! Их право хватать, издеваться, бить вот так подло, без свидетелей!.. Не дожидется! Пусть хоть убивают! Потом сильнее будет расплатиться... Господи, только бы доехал Степка...

— Совсем недоумок, — сказал старший лейтенант почти сочувственно. — Мы же тебя все равно не выпустим одного, без родителей. Хоть неделю молчи, будешь сидеть, пока не скажешь...

— А вот и давайте! — подавившись слезой, крикнул Федя. — Пустите к телефону, я сам родителям позвоню!

Это была мысль! Звонок на работу отцу! Маме не надо — она сразу в панику... Только крикнуть: «Папа, меня схватили ни за что! Он меня ударил!..»

Старший лейтенант и старшина что-то смекнули.

— Может, тебе персональную машину вызвать? — сказал старшина. И потрогал на подбородке розовый прыщ, поморщился. — Чтобы ты прямо к папочке поехал...

— Можно и машину, — подключился старший лейтенант. Серьезно, даже вкрадчиво. — К маме-папе отвезем, даже фамилию спрашивать не будем. Только плечу отдашь. Идет?

— Боитесь, — презрительно сказал Федя.

— За тебя боимся, несмышлениш... — Старший лейтенант захихикал, и храброе лицо его стало глуповатым. — Ты хоть напруги извилины-то, подумай малость! Ты откуда снимал? С высокого берега. Заречную часть, там же ТЭЦ. Закрытый объект! Это никому нельзя, даже настоящим киношникам! Уголовное дело! Знаешь, что такое закрытые объекты?

— Объект по имени Ия Григорьевна! Которая, как и вы, пацанов бьет! Только не украдкой, а нахально, при выкла...

Старшина оставил прыщ и растерянно глянул на офицера. Тот рывком подался к Феде:

— Ах ты...

Но резко, будто школьный звонок, загремел телефон. Старшина схватил трубку:

— Дежурный старшина Сутулов!.. Да, товарищ капитан... Никак нет... Старший лейтенант Шагов? Так точно, здесь... Есть, доложу... — Он опустил трубку. Сказал старшему лейтенанту по фамилии Шагов: — Валерий Палыч, капитан передал, что Галуцкий вас подменит. Так что, говорит, можете вечером гулять...

— Ну, Юрочка, ты меня обрадовал! Именины сердца... — Шагов уже рассеянно, сквозь мысли о своих делах взглянул на Федею: — А с ним надо что-то делать...

— Да чего нянчиться-то? Давайте я...

— Нет, постой! Мало ли что... Пускай посидит, подумает. Глядишь, и вспомнит анкетные данные...

Старшина Сутулов снова надавил прыщ, будто кнопку звонка, поморщился почти с удовольствием. И вдруг обрадовался новой мысли:

— Валер-Палыч, а если Фому попросить? Он же на этом деле... артист же!

— А Фома здесь? — радостно оживился Шагов.

— Туточки. С утра для профилактики... Ну и за это самое...

— Давай! Только не сразу... Пусть обмякнет малость...

Федя понял: говорят про него. Непонятное что-то, опасное. И как не о человеке, а... ну, будто о подопытной лягушке!.. Все равно не испугают! Он брыкнулся, когда старшина сказал: «А ну, пошли», и придвинулся к нему. Но твердые руки ухватили Федею за плечо, за шею, рывком двинули в боковой коридорчик, дали слегка по затылку и толкнули в камеру.

Да, это была камера! А что же еще? Комнатка с изгаженной надписями штукатуркой, с двумя дощатыми нарами у стен. Без окон. Только в двери — зарешеченный квадратик, закрытый снаружи. Горела замызганная лампочка в проволочном чехле. Пахло мочой, как в давно не мытом школьном туалете... Тюрьма! Подтверждая это, за обитой жестяными листами дверью брякнул засов.

С полминуты Федя стоял посреди камеры. Тупо смотрел на дверь.

Может, все это сон? Разве бывает наяву, чтобы хорошее утро, лето, веселый Степка прыгает на берегу — и вдруг — трах, все кубарем! И — тюрьма!

За что?

Будь у него граната — без малейшего сомнения шахрахнул бы в дверь! Чтобы и себя, и *тех!*..

Но вместо гранаты лишь баллончик с карбозолью торчал за резинкой. Что он против этой силы?..

Хорошо хоть, что не обыскали. А то бы ко всему вдобавок: «Химоружие, террорист!..»

— Сволочи! — громко сказал Федя в дверь.

Но это был уже последний всплеск ярости. Она уходила, уступала место горькой усталости. Нет, страха не было по-прежнему, но ослабела, пропала совсем тугая пружина праведной злости. Та, что давала силу. Теперь навалилась беспомощность — унылая, похожая на тягучую боль, которая все еще стонала в животе и пояснице...

Федя снова всхлипнул, осторожно сел на краешек нар... Еще и ногу саднило. Он посмотрел. Надо же, ободрал как. Непонятно когда и где. Наплевать...

Итак, он — заключенный. Когда же это кончится? И как?.. Если Степка благополучно добрался до Оли, тогда ясно. Борис уже кричит в телефон: «Виктор Григорьевич, Федю милиция схватила! Да ничего не натво-

рил, снимал, как интернатская воспитательница мальчишку бьет, а та — жаловаться милиционеру! Степка прибежал, рассказал!..»

Федин папа, он ведь понимает, что к чему. Он не будет, как другие отцы, орать на сына: «Уже до милиции докатился, мерзавец!» Он умеет говорить с дембиями, какие бы погоны они ни носили! Уж если разобрался с теми, кто погубил Мишу, здесь тем более... Скорее всего, он уже ловит на обочине попутку, чтобы мчаться сперва за Степкой, а потом — искать Федю. Он понимает, конечно, что сына не потащат далеко от места происшествия, доставят в ближайшее отделение. Разыщет! И тогда... Отец знает, как быть! Есть суд, есть газеты!..

Это если Степка доехал!

А если...

И та тревога, что приходила толчками, сквозь обиду и горячую злость сопротивления, сквозь боль, теперь вдруг хлынула на Федю, заглушая все остальное.

Степка же почти не умеет ездить... На любом камне, на любой кочке — с колес... Хорошо, если просто в траву... А если уже воеет сиреной «Скорая»? А если еще хуже — лежит он в переулке, где нет прохожих, и...

«Господи, спаси и сохрани...» — вновь всколыхнулось в Феде.

Что же делать-то? Нет страшнее пытки, чем неизвестность.

Застучать в дверь? «Поехали, я отдам пленку...» А там уж как-нибудь... Главное — узнать, что со Степкой!

«Если с ним что-нибудь случилось, я же за всю жизнь себе это не прощу...» — «Но я же не знал, что он вскочит на велосипед!» — «Знал — не знал, какая разница?» — «Так что, сдаваться теперь?» — «Степка дороже. Всех пленок дороже и всякой гордости...» — «А может, все с ним в порядке?..»

Лязгнула дверь. Федя сжался. Дверь отошла неши-

роко, в нее кого-то протолкнули... Парня какого-то. Небольшого, косоплечего, лет восемнадцати. С головой и лицом явного дебила.

Этого еще не хватало!

У парня почти не было лба. Короткая, как у зэка, стрижка начиналась у самых надбровных дуг — выпуклых, розовых и безволосых. Нос напоминал грецкий орех с дырками. Широкий рот обвисал нижней губой над маленьким подбородком. Парень постоял, оглядел камеру сидящими близко у носа глазками. Воткнулся ими в Федю. Сказал добродушно:

— Привет, корешок. Давно тута?

Федя промолчал. Парень был в замызганной длинной майке бурого цвета. В мятых штанах и полуботинках без шнурков. Даже за несколько шагов несло от этого типа вонью немытого тела и гадким запахом изо рта.

— Видать, неопытный, — понимающе произнес парень. Глаза на его нелепом лице были не такие уж глупые. Пожалуй, хитрые. — Первый раз, что ли?

Федя хрипло сказал:

— А что, похож я на рецидивиста?

— Снаружи оно ведь не всегда видать, кто он есть в натуре, — рассудил парень. — Знал я одного вроде тебя, чистенький, симпатичненький, просто мамин отличник. Пальчики оближешь. Сразу по трем статьям в спецуху пошел. В том числе за групповое... Ты по какому делу?

— По политическому, — буркнул Федя.

Парень, видать, не понял злого юмора. Покивал:

— Неформал, значит. То-то я гляжу: с крестиком...

Федя торопливо сунул крестик под майку. Парень, вихляясь в суставах и напевая, прошелся по камере. Сел наискосок от Феди.

— Ну, давай знакомиться. Звать-то как?

— Тебе зачем... — Федя отодвинулся к стене. А в голове толклось: «Степка... Степка...»

— Слышь, кореш, ты чего... — Парень ласково выдал словечко вроде «выпендриваешься», только покрепче. — Ты уясни: тута ведь не на воле, свои законы. С соседями надо жить задушевно, а то разотрут на повидло. Понял?..

Федя «понял», что парень не отстанет. Плотнее прижался к стене. «Степка... хоть бы доехал...»

— Ну дак звать-то как? — Парень дыхнул новой порцией гнили. — Меня, значит, Дрюня. Фомков по фамилии. Ну? — Он протянул немытую ладонь.

— Фома? — вырвалось у Феди.

— Ты чё? — Глазки у парня дернулись. — Слышал разве?

Злость опять горячо толкнула Федю.

— Подсадная утка!.. Читал про таких. Значит, *эти* тебя нарочно сюда сунули? Чтобы... расколоть меня, да?

Фома посидел секунду неподвижно. Потом хлопнул губами, зацепил скрюченными пальцами ворот, рванул майку чуть не до пупа. Заверещал:

— Па-адла! Ты чё-о-о! Ты спроси хоть кого! Фома когда стучал на своих?! Спроси, фраер? А?! Ты за кого меня держишь, сявка! Убью!

Федя вдавился в штукатурку до боли в плече. Он понимал, что Фома психует «по сценарию», но все равно было жутко. Фома надвигался. Федя вскинул на нары ноги, сжался в комок... Фома вдруг замолчал. Решил, видать, что мальчик «спёкся». Выпрямился, ухмыльнулся:

— Ладно, не трепыхайся, не трону. Только давай колись, пацан, по-быстрому, мне тута сидеть с тобой некогда, делов на воле под завязку. — Он чиркнул пальцем по тощему горлу. — Ну? Имя, фамилия, место жительства...

Глядя на Фому из-за ободранного колена, Федя сказал через силу:

— А еще что? Национальность, партийность? Образование?

— А-а-а... — заверещал опять Фома, но будто спохватился. Сделался укоризненно-ласковым: — Ай, мальчик, не уважаешь ты старших. Придется наказать... — Он сдернул с ноги растоптанный полуботинок, вытер подошву о штаны. — Ну-каними трусики. Будем чик-чик...

«Помогите!» — хотел крикнуть Федя. Но в горле — словно песок. Да и кто поможет? *Эти?* Только обрадуются...

— Уйди, свинья... — сказал Федя отчаянным шепотом. И крупно задрожал от стыда и отвращения.

Фома аккуратно поставил башмак на доски. Осклабился, гнусно заблестел глазками.

— Уй, какая трепыхалистая рыбка... Люблю таких. Дай-ка я тебя потрогаю... — Он зачем-то подышал на грязные ладони, вытер их о засаленную майку, потянулся к Феде... Федя стремительно выбросил вперед ноги — чтобы ударить, отшвырнуть гада! Ноги беспомощно ушли в пустоту. Ловко увернувшийся Фома надвинулся вплотную — потным телом, запахом, тяжестью.

— Тихо, тихо, рыбонька... — Он сжал правую Федину руку.

И тогда левой рукой Федя рванул из-под майки баллончик. И шипучей струей — прямо в рожу...

— А-а-а!.. Кха-кха! А-а-а-а! — Фома, хватаясь за голову, за горло, покатился по полу. Сразу же загремела дверь. И теперь Федя — словно опять же не Федя, а кто-то другой, стремительный, знающий, что делать, — метнулся к двери, вжался в косяк. И когда железная створка начала отодвигаться, он рванулся в просвет! Кажется, сшиб с ног старшину Сутулова, промчался по коридору, коленями и животом ударил низкую дверцу барьера, проскочил мимо остолбеневшего Щагова. На солнце, на свободу!

ЗАЩИТА

В беглеце просыпается звериный инстинкт, чутье жертвы, которая спасается от хищников. Отдавшись этому чутью, Федя кинулся не по улице, а вдоль боковой стены особняка, мимо гаражей, потом — через низкую изгородь, сквозь кусты заросшего садика. Снова изгородь. За ней, между заборов, — глухой, в сорняках по пояс проход. Цапнула за ноги кусачая трава. Тут, казалось, до стихов ли, но запрыгало в голове в такт бегу: «Мир являл свой неласковый норов... — И едва выходили за двери мы... — Жгла крапива у старых заборов...»

Не останавливаясь, Федя кинул за забор баллончик.

Проход вывел к речному обрыву. Вон и беседка. От нее по Беседочному переулку, по Песчаной, а там и улица Декабристов!... Но у беседки по-прежнему толпились ребята. Те самые или другие — поди разберись!.. Федя рванул в другую сторону. Все труднее было бежать, колело в боках. Может, спуститься по откосу, отсидеться в репейниках? Но сколько сидеть, мучиться неизвестностью про Степку?

Слева — откосы и Ковжа, справа — забор с проволокой наверху, владения частников. Значит — вперед... А впереди.. Совсем рядом, на береговой лужайке, красные кирпичи и литое кружево ограды!.. До ворот далеко, проще прямо через решетку. Тем более что с той стороны штабель досок...

Федя скатился со штабеля на двор и встал, дыша тяжело, со всхлипами. И увидел... человека в черной рясе с желтым блестящим крестом на груди. Со знакомой бородкой и очками!

— Дядя Женя... — Федя прислонился к доскам. — Отец Евгений...

— Федя! Ты откуда свалился? С тобой — что?

— Я... из милиции... — выдохнул он. И заплакал.

Отец Евгений подошел стремительно, легко. Обнял Федю за плечо широким взмахом (просторный рукав —

как крыло). Повел его, плачущего и послушного, к церковному крыльцу.

— Что случилось-то?

— Я снимал Степку. На берегу... А там интернатские ребята... Одного воспитательница прямо по лицу, со всего маху... Я полез заступаться, а тут милиционер... Ее знакомый... И меня... туда... — Вздрагивая, давась слезами, Федя рассказал и про Фому. И про баллон с карбозолью...

— Вот же ж ироды, — произнес отец Евгений. Не громко, но без присущего священнику смирения. — Ладно, Бог даст, все образуется... Здесь ничего не бойся.

— Я за Степку боюсь... — Федя вскрикнул опять.

— Сейчас поедем к Степке, — как о самом простом деле сказал отец Евгений. И крикнул в сторону: — Димыч!

Возник из подсобки кашляющий Дымитрий.

— Димыч, будь другом, выведи мой мотороллер. Надо Федора домой доставить побыстрее...

Дымитрий кивнул молча, пошел к кирпичной сторожке.

Но не пришлось Феде прокатиться на мотороллере отца Евгения. Протарахтел и смолк у церковных ворот мотоцикл. И увидел Федя, как оттуда шагает старший лейтенант Шагов.

— Я нутром чуял, — весело сообщил Шагов, — верующих надо искать под крылышком у святой церкви... Опять же и видно издали такого красненького... А бегать ты мастак!

Тяжелая тоска стремительно навалилась на Федю. Но отец Евгений сказал:

— Не бойся, чадо... — Он подтолкнул Федю по ступеням крыльца, а сам остался на нижней. Прислонился к каменному столбу, который поддерживал узорчатый чугунный навес.

Часть крыльца загорожена была штабелем кирпи-

чей, которые сложили здесь накануне (видимо, для внутренних работ). Проход оставался не шире метра. Шагов остановился в двух шагах.

— Я понимаю, святой отец, у тебя, наверно, душе-спасительная беседа с этим отроком, только я его должен забрать. Он из отделения сбежал да еще человека травмировал.

— Неужто? — удивился отец Евгений. — Прискорбно... Только я вам, гражданин сотрудник милиции, не «святой отец», а официальное лицо. Настоятель Спасской церкви. Так что давайте на «вы»...

— Эй, ты, — сказал Шагов Феде. — А ну иди сюда. Хуже будет... — Он сделал еще один шаг к ступеням.

Отец Евгений зевнул, снял очки, убрал их в складки рясы. Оттуда же достал очень белый платок. Приподнял черный подол и поставил на низкий кирпичный штабель кирзовый сапог. Стал обмахивать носок сапога платком. Таким образом проход оказался закрыт. Феде отец Евгений сказал:

— Ступай пока, отрок, в храм. — И добавил вполголоса: — А дальше... сам знаешь...

И Федя пошел. Отворяя тяжелую, в мелких квадратах стекла дверь, он оглянулся. Дымитрий подкатывал голубой мотороллер. Отец Евгений по-прежнему изящно махал платком над сапогом и что-то говорил Шагову...

Беседу отца Евгения со старшим лейтенантом Феда, конечно, уже не слышал. Он узнал о ней после. Дымитрий, хотя и молчалив был, передал этот разговор Славе, а тот не удержался, поведал ребятам. Речь велась такая...

— Значит, гражданин настоятель, укрываете нарушителя?

— Христос с вами... Это же дитя. Достойное ли дело для солдат правопорядка вести войну с ребяташками?

— Это уж мы сами разберемся. В соответствии, значит, с законом. Ножку позвольте, я пройду...

Отец Евгений не «позволил ножку». Махая платком по облезлому, давно не чищенному сапогу, произнес наставительно:

— Здесь ведь храм Божий, а не кооперативный кабак. Вы же в него с ожесточенным сердцем...

— Убери ногу, ты... — проникновенно сказал Шагов.

— Не торопись, сын мой...

Шагов, кажется, и не торопился. Наверно, думал, что из церкви мальчишка никуда не денется. Изобразил под усиками тонкую улыбку:

— Еще раз прошу официально: уберите ногу, отец настоятель. А то...

Отец Евгений убрал. Но нагнулся и стал что-то строить из кирпичей. Два поставил на ребро, третий положил на них плашмя. Задумчиво потрогал бородку и коротко рубанул по кирпичу ребром ладони. Тот распался.

— Дрянь кирпичи, — вздохнул отец Евгений. — Что построишь из таких? Ни стенку, ни... фундамент правового общества.

Шагов проявил некоторый интерес. Предположил:

— С третиной был.

— Ты так думаешь, сын мой? — Отец Евгений двумя короткими ударами развалил еще пару кирпичей.

— Гляжу я, святой отец, не всегда ты посвящал свою жизнь служению Божьему, — сказал Шагов с оттенком уважения. — Однако пора мне за мальчишкой. Пропусти.

Отец Евгений выпрямился с особым, неуловимым движением плеч. У Шагова сжались пальцы, закаменели прямые ладони. Все это на миг. Тут же оба расслабились, улыбнулись.

— И я смотрю, — вздохнул отец Евгений, — не всегда ты воевал только с детишками. Уж не был ли ты в одной далекой южной стране? Чую по ухватке...

— Видать, и тебя, настоятель, не миновала чаша сия?

— Увы...

— Чего же — увы? Хорошая была школа. Разве не так?

— Учились мы в этой школе разному, — тихо сказал отец Евгений и стал бледнеть. — Я вот так и не научился воевать с мальчишками... Ты видел убитых мальчиков, старший лейтенант? Подходишь, лежит пацан, будто спит, голова на локте. Только рухнувшей крышей придавлен по пояс, после гранаты... Крышу подняли, а там... половины мальчика нет. Месиво... Не встречалось такое?

Шагов помолчал. Колупнул ботинком кирпич. Усмехнулся:

— Я артиллерист. Издалека не видно, мальчик там или кто...

— Теперь, значит, решил поближе... разглядеть?

Шагов двинул желваками. Но попросил примирительно:

— Пусти, отче. Некогда мне. Служба...

— Пройди, служивый. Если сумеешь... Попробуй.

Шагов пробовать не стал. Сказал с укоризной:

— На провокацию тянешь? Нехорошо... Я в богословском плане человек неподкованный, но помню, что Христос учил уважать всякую власть. Ты же что себе позволяешь?

— Грешен! — охотно согласился отец Евгений. — Но покаюсь, и Бог простит... К тому же Господь наш Иисус Христос позволял и себе быть во гневе. Это когда бичом изгонял нечестивцев из храма. Гнев сей был свят...

— Иисус торговцев изгонял, насколько я знаю... А я тебе не фарцовщик, а сотрудник правоохранительных органов...

— Ежели воистину так, то должен ты охранять пра-

во. А ты погнался за мальчиком, который за это право как раз заступился.

— В курсе уже! Исповедался отрок!

— Мало того, есть у меня и свои догадки.

— Поделись, отче, — насмешливо попросил Шагов.

— Не так уж мал град наш Устальск, а тесен... Весною был я в интернате номер два для детей-сирот. Директорша их, женщина весьма склонная улавливать веяния времени, сочла за пользу, чтобы я побеседовал с чадами на тему Ветхого и Нового Завета. Там запомнил я и некую наставницу по имени Ия Григорьевна. Весьма горласта была эта женщина и к питомцам своим неласкова, не стеснялась даже священнослужителя... И фамилию помню — Новицкая. Заместитель начальника здешнего райотдела майор Новицкий — не супруг ли сей почтенной дамы? И не этим ли объясняется, поручик, твое служебное рвение?

Видно, в точку попал отец Евгений. Шагов нашелся не сразу. Но потом улыбнулся все-таки:

— Слышал ли, отче, анекдот про ковбоя Джона, который слишком много знал?

— А как же! — охотно отозвался отец Евгений. В этот миг, прервав их беседу, подлетел к церковным воротам взмыленный мотоцикл с коляской. Встал рядом с шаговским. Сверкнув забинтованными коленками, рванулся из коляски Степка:

— Дядя Лёва, вот он! Боря, вот он! Тот самый, который на Федю!..

Ничего этого Федя не видел, не слышал.

Оказавшись в прохладной и гулкой пустоте церкви, он глянул на стену с росписью. Она была закрыта холстом. Ну и хорошо. Немыслимо было бы проскочить мимо картины вот так, в спешке. А следовало спешить. Федя кинулся в алтарь. Люк наполовину заставлен был бочкой из-под цементного раствора. Федя отодвинул ее

с большой натугой. Можно сказать, силой отчаяния... А вот и скребок! Федя сунул его в щель, надавил... Ох, сил-то у тебя, Федька, не то что у Славы... Ну, еще!.. Еле-еле поддалась тяжелая крышка. Федя уцепился, отвалил ее. Как в прошлый раз, пахнуло холодом. Федя опустил ноги, прыгнул на ступени... Но ведь если оставить открытым люк, Шагов сразу все поймет, когда окажется здесь!

Федя потянул крышку на себя, принял ее на руки, поддержал головой. Опустил. Люк закрылся с чавкающим звуком, толкнуло по ушам воздух. И навалилась непроглядная тьма. Только зеленые пятна в глазах — следы недавнего солнечного блеска... Что же теперь? А ничего, вот так и шагай потихонечку. Здесь же пещера Тома Сойера, путь один...

Федя задом наперед, на четвереньках спустился по крутым ступеням. Встал. Взглянул за стену. И пошел, тараша во тьму глаза. Ничего, каменный пол здесь без ям, без неровностей. Постарался давний строитель, поработал...

Еще десяток шагов, еще... Ох, да сколько же можно так идти? Бесконечность какая-то... А может, выход уже завален? Вот тогда будет ловушка!.. А вообще-то это ведь классическое приключение! Как в книжке! Схватка, плен, побег... и настоящий подземный ход!.. Да ну тебя с приключениями, дурак! Если что стряслось со Степкой, тогда век не забудешь!

Наконец забрезжило впереди... Вот и щель... Ох и заросла, черт возьми! Федя сцепил зубы, стянул майку, намотал на руку. Рванул и отбросил один стебель, другой... Ух ты, даже сквозь ткань жжется, подлюга! Будто кобра кусачая... Ну, кажется, все, можно попробовать... Он протиснулся в лаз, царапая бока о корни и мелкие камешки. Ой, мамочка, сколько ее еще здесь, этой кусачей дряни!.. Подвывая, Федя скатился ниже, в упругие заросли жесткого, но безобидного репейника. А теперь

куда?.. Ага, еще ниже, метрах в пяти, вьется по откосу среди бурьяна и чертополоха тропинка...

Федя кинулся по тропинке, пробежал, наверно, метров двести. Потом крадучись поднялся по крутому склону. Сюда выходил переулок Тополиный. Пригибаясь, Федя ринулся вдоль домов. Сперва бежал с оглядкой, а потом, по улице Декабристов, — уже открыто. С маху толкнул калитку, влетел во двор к Оле. Встал, часто дыша. Оля выскочила из гаража:

— Ой, Федька! Тебя правда милиция забрала? Теперь отпустили, да?

«Знает! — возликовал Федя. — Значит, Степка добрался!»

Оказалось, что Степка все-таки грохнулся. Ободрал оба колена. Но вскочил, поднял «Росинанта», поехал опять, с треском и звоном вкатился во двор, ударив калитку передним колесом. Из колеса выскочила спица. Зато камера, хотя и падала, оказалась цела. Впрочем, это стало ясно позднее. А сперва Степка сбивчиво, со слезами, но понятно поведал о том, что случилось. Потом Оля, охая, мазала и бинтовала Степку, а Борис в прихожей быстро вертел телефонный диск...

Федя ошибся в одном: Борька позвонил не его, Фединому, отцу, а своему. И папа Штурман рванул из автопарка на собственном мотоцикле. Сперва на улицу Декабристов, затем — со Степкой в коляске и Борисом на заднем сиденье — к берегу.

Когда мотоцикл выскочил на пригорок, с которого виден был церковный двор, зоркий Степка вдруг запрыгал и завопил:

— Вот он, тот самый! У крыльца! Я узнал!..

Оля перепуганно тормозила Федю:

— Что случилось-то? Расскажи толком... Ой, да ты ободранный какой! И в волдырях все руки-ноги...

— Еще и на пузе, — сказал Федя. И задрал майку. — И на боках... — Только сейчас он опять начал ощущать жжение...

Оля быстро насупилась, покусала костяшки пальцев.

— Подожди, я ментоловую мазь принесу...

Федя стянул майку, сел на чурбак у ворот гаража. Оля прибежала через полминуты. Выжала из тюбика на ладонь белую гусеницу. Запахло ментолом.

— Ну-ка, давай... подними руки.

Федя закрыл глаза и послушался. Олины ладони пошли по его рукам, по ребрам, вмазывая в кожу спасительную прохладу.

— Ну, рассказывай...

Федя привалился спиной к стенке и, не открывая глаз, начал рассказывать. При этом он не ощущал никакой тревоги. Только сонное спокойствие. Теперь одно из двух: или папа Штурман с ребятами где-нибудь в своих поисках наткнется на Шагова, и тогда... это уже дело Шагова — оправдываться. Или, скорее всего, никого не найдут и вернуться сюда. В этом случае дело так все равно не закончится. Пускай родители пишут заявление: почему ребят можно бить, хватать, сажать, издеваться!.. Но это позже, а пока он посидит, отдохнет... В пояснице до сих пор тупая боль. Говорят, они специально бьют вот так, по почкам, чтобы следов не оставалось...

Федя услышал вдруг, что Оля плачет. И на ноги ему упали теплые капли. Он «растопырил» глаза:

— Ты что?!

— Ничего... Почему они такие звери?

— Они дембили... Звери, те зря не нападают... Ну, не реви ты, — попросил Федя. И пообещал: — Они еще ответят...

Оля локтем вытерла глаза, прикусила губу и занялась Фединой ногой. Он зашипел от боли.

— Терпи давай... Степка и тот терпел.

Федя улыбнулся:

— Это же Степка. Он у нас герой... Как ты.

— Я-то при чем?

— А помнишь, я тебе локоть бинтовал? Ты даже не пикнула.

Она тоже улыбнулась:

— Я... внутри вся пицала... А терпеливее всех Боря.

— С чего ты взяла?

— А забыл, что ли, как он палец стамеской разодрал? Я йод лью на порез, сама чуть не в обмороке, а он смеется.

— Ну еще бы, — не удержался Федя. — Потому что это ты. Ты с него хоть шкуру сдирай, он будет радоваться.

У Оли порозовели вокруг сережек мочки.

— Почему это?

— А вот потому это...

— Дурень!

— Кто? — хихикнул Федя. — Борька или я?

— Оба... Давай забинтую.

— Так подсохнет. Обойдусь без орденской ленты... Оля, а чудо египетское не появлялось?

— Нет, он сказал, что Слава будет его до обеда живописью мучить.

Федя взглянул на свои часы, которые уцелели во всех передрягах. Было половина первого. Надо же, и полутора часов не прошло с начала всех приключений! А кажется — целый день!

— Ох, Ольга, почему-то так в сон клонит. Хоть падай...

— Это нервы, — сказала Оля. — Иди в дом и ложись на диван. Дома никого нет...

— Я лучше здесь... — Федя как в тумане двинулся в гараж, убрал с лавки банки-склянки, лег на твердое дерево.

— Дай я постелю что-нибудь, — забеспокоилась Оля.

— Так сойдет... Ох, Ольга, а пленка-то где?

— Здесь пленка, все в порядке. Боря придет, и проявим.

— Угу... — И Федя поплыл, поплыл сквозь отрывочные воспоминания о случившемся, сквозь цветные пятна и рой несильных уже, щекочущих мурашек от ожогов...

Но дрему прервали треск мотоцикла и голосистая Степкина тревога:

— Федя здесь?!

Папа Штурман сказал:

— Ты, Федор, не кручинься, в обиду тебя не дадим. И папаше твоему я позвоню сам, чтобы воспринял дело в нужном ракурсе... — Он укатил, оставив ребят.

Подробности излагал уже Борис. Перескакивал с одной на другую, иногда смеялся, иногда тревожно смотрел на Федю. Кое-что добавлял от себя и возбужденный Степка. В итоге сложилась такая картина.

Во время темпераментной беседы папы Штурмана и старшего лейтенанта Шагова (в которую деликатно и всегда кстати вступал порой отец Евгений) возникли две непохожие друг на друга версии. По словам Шагова, некий подросток-хулиган без разрешения вел кино съемку с берега, а затем непонятно почему набросился на работницу интерната, которая проводила со своими воспитанниками экскурсию. Когда случайно проходивший там Шагов пытался выяснить, в чем тут дело, подросток набросился на него с оскорблениями, оказал сотруднику милиции злостное сопротивление и, будучи доставлен в отделение, продолжал вести себя вызывающе. Отказался назвать себя. А потом в комнате временного содержания без всякой причины травмировал другого задержанного каким-то химическим средством и бежал из милиции, что само по себе является преступлением, караемым по статьям таким-то и таким-то...

С точки зрения папы Штурмана, дело было иначе. Когда двенадцатилетний Федя Кроев и семилетний

лось. А не как живой пацан, которому, наверно, до сих пор больно.

Оля быстро сказала:

— Ну, вот и надо скорее проявить пленку! Чтобы доказательство было...

Федя толкнулся локтями, сел на лавке. И... опять поплыл в мягком головокружении.

— Ты давай-ка домой, дядя Федор, — озабоченно предложил Борис. — Вместе со Степкой. Отлежишься до вечера... Мы тебя сейчас проводим, а потом уж пленкой займемся, да, Оля?

— Давайте... Правда, я совсем сплю...

КИНОПЛЕНКА

Дома Федя ничком бухнулся на тахту и провалился в отрывочные, без всякого смысла сны. А потом и вообще в сплошную темноту. Наверно, так его нервы защищались от перегрузок.

Проспал он до шести часов. Едва очухался, как появились отец и мама. Они уже все знали. И конечно, подступили с расспросами. Вернее, отец с расспросами, а мама, разумеется, с ахами-охами и упреками, которыми то и дело прерывала беседу. Как всех нормальных мам, ее прежде всего волновала дальнейшая судьба сына. И судьба эта, по маминым словам, обещала быть ужасной, потому что если уже с таких лет он устраивает скандалы с милицией, что же будет дальше...

Федя не огрызнулся, терпеливо переживал эти мамины вставки в мужской разговор. Папа тоже переживал, только чуть заметно морщился. Потом вдруг сказал с легким стоном:

— Ну, подожди ты-ы, Таня, по-жа-луй-ста... Что ему было делать-то? Молча смотреть, как издеваются над человеком?

Мама в глубине души понимала, конечно, что смотреть спокойно на такие дела не должен никто, в том

числе и ее любимый сын. Однако в глубине. А снаружи были и женский страх, и женское упрямство. И мама сообщила, что, если в наше время не уметь вести себя сдержанно, если соваться в каждую уличную склоку (да еще с представителями власти!), то дело непременно кончится тюрьмой. К этому Федор и сделал нынче свой первый шаг...

Внуку Степке, который пытался заступиться за Федю, она посулила не менее горькие испытания в будущем и хорошего шлепка немедленно.

Разрастанию конфликта помешало появление папы Штурмана. Тут мама поняла, что «такую ораву мужиков» ей не переспорить, и удалилась на кухню, где загрохотала и залязгала посудой.

В папе Штурмане еще kloкотали отголоски дневной стычки со Щаговым. Он попросил Федю снова, подробно и по порядку изложить все, что было. И сказал, что пусть Федин папа напишет заявление о том, как незаконно обошлись с его сыном Федором Кроевым, а он, Лев Михайлович Штурман, сопроводит заявление подробной бумагой со своей стороны...

Отец поморщился:

— А может, ну их к лешему? Разводить бумажную склоку...

Но папа Штурман сказал, что хватит прощать всяким держимордам наплевательство на права человека. К тому же, если не подать заявление, это значит — оставить без защиты Федьку. Милиция, чего доброго, решит, что Федины родители считают его виноватым, и сама пойдет в наступление...

— Тут даже и не во мне дело, а в том пацане, — сказал Федя, — в Южакове. Пускай, что ли, эта Ия лупит его дальше? И других тоже? И ничего ей не будет?

— Вот! Я же говорю! — Папа Штурман поднял похотливый на волосатую морковь палец. А Федя пошел звонить ребятам.

Недавно в кладовке у Оли нашли еще один старый телефонный аппарат. Борис его вмиг отремонтировал и протянул провод в гараж. Теперь у студии была своя телефонная связь. Трубку взял Нилка:

— Федя? Ты полностью живой-здоровый?.. Вот хорошо... А мы мой с'сандаля нашли, который вы со Степкой на берегу оставили. А то я весь день в с'сапогах...

— Ой, Нилка! А я и забыл про него!..

— Ну, ничего, нашли ведь! А если бы и потерялся, он все равно с'старый... Ты иди к нам! Мы уже проявили!

И Федя пошел. Побежал...

Вернулся домой он уже около десяти. И не думал, конечно, что конец дня будет драматическим...

Оказалось, что до сих пор не вернулась Ксения. Правда, около семи она звонила, сказала: «Задержусь немного», но это разве немного — одиннадцатый час?

Больше всех беспокоился Степка. И наконец заявил, что пойдет на улицу встречать маму. Виктор Григорьевич сказал:

— Пойдем-ка, Степушка, вместе, я прогуляюсь заодно...

И они пошли. Было еще светлым-светло — июль на дворе, солнце зашло совсем недавно. И зоркий Степка разглядел мать издалека. Она шла не одна... Нет, Степка не бросился навстречу. Наоборот, сбавил шаги. Крепко-крепко сжал горячими пальцами руку Виктора Григорьевича:

— Деда, это ведь он...

Худошавый, стройный, с усиками на мужественном лице, провожатый Ксении был в рубашке без погон и штатских брюках. Но Степка узнал его сразу. Несколько секунд он стоял и часто дышал. Потом вырвал руку из ладони еще ничего не понимающего деда. Твердым, почти строевым шагом пошел навстречу матери и *тому...*

— Степушка... — виновато пропела Ксения.

Он остановился, задрал голову. Сказал на всю улицу:

— Ты с кем это идешь? Это же гад!

— Степан!!

— Гад! — взорвался слезами Степка. — Не смей с мамой! Никогда! Уходи!.. — Он сорвал с себя широкий, с пиратской пряжкой ремень, который всегда носил поверх майки. Огрел мамино спутника по коленям, по животу: — Уходи! Гад! Не смей с мамой!..

Дед ухватил внука в охапку.

— Деда, это ведь он! Который на нас! На Федю!..

Виктор Григорьевич понес его, бьющегося, к дому. А Ксении сказал через плечо, как маленькой:

— Марш домой.

Дома Ксения закатила истерику. Это что же, она так и будет маяться до старости? Ей всего двадцать шесть лет! До пенсии жить вдовой? И если хороший парень познакомился с ней и проводил до дому, то теперь всякий, даже родной сын, имеет право плевать на нее и ломать ей судьбу?.. Завтра она уходит в общежитие к подруге Вере, а этого... этого змееныша, которого она вырастила на свою беду, воспитывайте сами! Или пусть убирается в интернат!..

— Ладно! — рыдал Степка. — Пускай в интернат! Пусть меня там лупит эта гадючная Ия вместе с твоим Валерочкой!

Ксении, конечно, постарались объяснить, в чем тут дело, но она, само собой, слушать никого не хотела. Потому что с давних лет ей все старались загубить жизнь и теперь намерены довести это дело до конца...

Ошарашенный таким поворотом событий, Федя почти не совался в этот скандал. Только сказал всхлипывающей сестрице:

— Этот твой старший лейтенант такой же, как те дембили, которые убили Мишу...

Она закричала в ответ, что Миши давно нет на све-

те, а ломать свою жизнь из-за сопливых хулиганов, которые лезут в драки с милицией, она не собирается...

Федя пожал плечами и ушел спать. Но не спал, конечно... Появился Степка, с опухшим лицом, сумрачный.

— Можно я с тобой переночую?

Федя подвинулся, откинул пододеяльник. Но Степка не лег, сел на край тахты. Согнутый, печальный. Тогда Федя сел рядом. Обнял Степку за тоненькое, птичье плечо. Помолчали. В комнате стоял полумрак, и в нем отчетливо белели бинты на Степкиных коленках. И были заметны на них пятнышки просочившейся и засохшей крови... Степка прошептал наконец:

— Если она вздумает замуж за него... вы меня не отдавайте...

— Не бойся, Степка, до этого не дойдет...

— Кто их знает...

— Степ, а ты крепко его ремнем огрел?

— Ага. Два раза... Он теперь меня в суд потащит, да?

— Что он, совсем дурак, что ли?.. Да ты еще и маленький, для суда не годишься.

Степка недовольно примолк. Не любил быть маленьким.

— Не беда, что маленький, — поспешно сказал Федя. — Зато герой. Как ты здорово сегодня... пленку спас, и вообще.

Степка съезжился и молчал.

— Я тебе значок подарю, — пообещал Федя. — Тот, «табуретовский». Помнишь, ты просил... Теперь ты заслужил.

— Правда? — тихонько обрадовался Степка. — Завтра, да?

— Хоть сейчас.

— Завтра... Сейчас все равно спать пора. — Степка высвободил плечо, улегся у стенки. Федя тоже лег.

Степка посапывал. Федя решил, что он засыпает.

Тоже намаялся за день, бедняга... Но Степка вдруг сказал шепотом:

— Нет... не надо мне значок...

— Почему, Степ?

— Так... Я еще днем признаться хотел, да ты спал.

— В чем признаться-то? — встревожился Федя.

Все так же, носом в стену, Степка проговорил сбивчиво:

— Потому что я не из-за геройства... пленку спас. Наоборот... потому что трус... — Он всхлипнул.

— Степ, да ты что выдумал!

— Не выдумал... Думаешь, я почему побежал? Со страху. Перепугался, что меня тоже заберут... И когда мальчишки погнались, я это... от ужаса так на педали надавил... А про пленку даже не помнил нисколечко...

— Но ведь камеру-то не бросил...

— Я ее... наверно, случайно не бросил. Зато тебя бросил. Надо было заступаться, а я сбежал...

— Глупый... — дохнул ему в затылок Федя. — Ты же все правильно сделал. Пленка — это было главное... Если бы ты остался, все погубил бы... Я тебе точно говорю.

Степка ответил горько и рассудительно:

— Может, и точно. Только я ведь такой точности не понимал. Просто удрал, как заяц...

Федя утешил его, как сумел:

— Это тебе сейчас кажется, что ты боялся. Тогда ты очень даже смело действовал, а сейчас забыл. Так у многих бывает, даже у самых храбрых... И вообще, главное — не храбрость, а результат. Храбрыми и дураки бывают, и мерзавцы. Надо ведь еще знать, за что воюешь... Это мы однажды у костра сидели и про Афганистан, и вообще про войну заговорили, и отец Евгений подошел. Вот такое и сказал про храбрость... У него, кстати, орден Красной Звезды есть, Слава говорил...

Степка тихо и ровно дышал. Но явно не спал.

— Вот Миша, папа твой, он уж точно храбрый был, —

сказал Федя. — По-честному. За тех, кто слабее, заступался... Он бы тебе сказал, что ты молодец.

— Не знаю... — прошептал Степка.

— Честное слово... А то, что ты испугался маленько, так это с любимыми смельчаками случается... Настоящий трус, он разве решился бы признаться в этом?.. В общем, значок возьми обязательно.

— Ладно... — вздохнул Степка. И, кажется, сразу заснул.

— Вот такие дела, — сказал ребятам Федя. Грустно и виновато. Это было уже на следующий день, когда «Табурет» собрался у Оли. — Конечно, отец теперь не будет писать никакое заявление. Он хоть и поругался с Ксенией, а во вред ей делать не станет. Родной-то дочери...

— А родного сына можно, значит, отдавать на съедение? — непримиримо сказала Оля.

— Да никакого съедения не будет. Валера этот, Шагов, он ведь тоже не совсем идиот. Не станет же бочку катить на брата своей... симпатии.

— С'ситуация, — шепотом высказался Нилка.

— А сегодня утром Ксения говорит, — вспомнил Федя. — Ты, говорит, крест носишь, значит, должен прощать людям обиды по-христиански. Даже своим врагам...

— Может, и правда, — тихо сказал Борис. — Может, ну его на фиг, этого Шагова? Увязем в этом деле и сами остервенеем, как он...

— Да?! — возмутился Федя. — А Шагов пускай и дальше живет и ухмыляется?.. Глядишь, и на Ксении женится...

— Степка не позволит, — резонно вставил Борис. — Он упрямее, чем ты...

— Я тоже упрямый!

— Ты, дядя Федор, не упрямый, а мягкий. В тебе по-

ка еще обида сидит, а потом успокойсь и махнешь рукой на этого Валеру.

— Я не имею права, — насупленно возразил Федя. — Я за себя могу простить. А тот... Южаков? Может, пойдем объясним ему, что он должен левую щеку подставлять, когда Ия его лупит по правой?

— Ие все равно отольется, что положено, — пообещал Борис. — Папа сказал, что он это дело еще через Детский фонд раскрутит. Справедливость все равно должна быть...

— Никакой ее нет, справедливости, — грустно заметила Оля. — Если бы твой папа не был депутатом, сейчас бы Федю уже затаסקали по всяким комиссиям, спецшколой грозили бы. Да и весь наш «Табурет» объявили бы подпольной организацией. «Чем вы там занимаетесь в вашем гараже? Наркоманы небось!..»

— С'сожрали бы живьем, — подтвердил Нилка.

— Хорошо, что и мой отец с пониманием, — напомнил Федя. — Другой бы сразу за ремень... — И смутился: не надо бы про отцов при Ольге-то. И сердито сменил тему: — Ксения еще и такое выдала сегодня: ты, говорит, как Павлик Морозов! Родную сестру готов предать, как он отца предал... — Тьфу ты, опять про отца!

— Да он и не отец ему был вовсе, а мучитель! — вдруг взвилась Оля. — Я бы таких отцов своими руками... Он же бросил семью, на другой женился, а мать Павлика избивал! Такого любить надо, да?.. Теперь он чуть ли не герой, а сын — предатель! А то, что зарезали мальчишку, да еще с маленьким братом, никто даже не помнит! А за что? За то, что взрослым поверил, которые про революцию кричали! Он виноват разве, что вся эта коллективизация оказалась вредной?.. Я зимой на классном часе знаете как за Павлика Морозова со всеми разругалась! Маму вызывали: «У вашей дочери устаревшие взгляды...»

— Новый взгляд — это теперь царскую семью жа-

леть, — сочувственно глядя на Олю, заговорил Борис. — Особенно младшего, Алексея... А по-моему, что Павлик Морозов, что Алеша Романов — они одинаково пострадали. По одной причине. Взрослые рвутся друг из друга кровь пускать, а ребята между двух огней... Как сейчас на Кавказе. И виноватых вроде бы нет...

Нилка сидел на чурбаке у двери. Дергал ремешок сандалии. И, не подняв головы, сказал:

— Жалко, что у нас пленка не цветная, а то бы с'сняли... В Детском парке кто-то надпись на памятнике Павлику замазал красной краской. Ее оттерли, а в буквах все равно красное. Запеклось...

Оля первая стряхнула тяжкое настроение:

— Давайте-ка прокрутим то, что проявили.

— Только не ту пленку, — поморщился Федя. — Хватит уж...

— Да нет, не ее, конечно. Ту, где Анна Ивановна. И где Нилка приземляется после полета.

Зарядили проектор, посмотрели двухминутную ленту.

— Тридцать два кадра в секунду снимала? — спросил Федя. — Как он плавно в траву опустился!

— Нет же, в самом деле так, — сказал Борис. — Без всяких кинотрюков. Даже не верится!

— Я ведь говорил вам, — скромно напомнил Нилка, — что могу... такое... — И глянул себе на ногу, где сквозь коричневую краску светлым гривенником проступала звездная метка...

Через два дня, когда в гараже-студии вовсю шла работа над монтажом фильма, позвонила Ксения. Ласково и настойчиво попросила прийти домой. Федя после того вечернего скандала с сестрой не общался, поэтому отозвался кратко:

— На кой я тебе нужен?

— Ну, очень надо. Очень-очень. Прошу тебя... — Она чуть не плакала.

«Может, со Степкой что?» — встревожился Федя. Он вскочил на «Росинанта» и через десять минут вместе с велосипедом взгромоздился на лифте на четвертый этаж. Надавил звонок.

— Феденька... Только не скандаль сразу... Пойдем.

В комнате у нее сидел Шагов.

Федя резко шагнул назад. Не от страха, но от ощущения какой-то подлой ловушки. И где! У себя дома!.. Но не бежать же! Он прислонился к дверному косяку. Разбежалось по коже нервное жжение — словно не трое суток назад, а только что вырвался через крапивные джунгли из подземного хода... И метнул Федя на Ксению беспощадный взгляд. Вот, значит, как! Уже и родной сестре нельзя верить! Заманила, как суслика в силлок... И правда, как в песне:

Жгла крапива у старых заборов,

Жгли предательством те, кому верили...

На кого променяла брата! На дембиля паршивого!..

Впрочем, Шагов не был похож на дембиля. Красивый, даже изящный, в отглаженном светлом костюме, небрежно сидел он на стуле. Откинулся к спинке, одна рука на полированном столике — барабанит худыми пальцами. (Как эти пальцы хватали и стискивали Федю!)

Федя вдруг понял, на кого Шагов похож! На одного репортера с ТВ, который очень любит резать «правду-матку», ругать демократов, рассказывать, как в него стреляли всякие боевики, и сниматься в обнимку со спецназовцами в разных «горячих точках»... Лихие парни, храбрые парни. Береты набекрень и мужественные профили...

Нет, обида обидой, а надо держаться. Нельзя, чтобы сырость из глаз. Федя мигнул и сишло сказал Ксении:

— Значит, ты меня ради *этого* позвала?

— Феденька, но ты же должен понимать. Здесь просто недоразумение. Ты...

— Заткнись, — холодно сказал Федя сестрице. И оттолкнулся от косяка спиной, чтобы уйти.

— Постой, — с чуть заметным зевком проговорил Шагов. — Я не мириться, не объясняться пришел. Что ты про меня думаешь, я прекрасно понимаю и оправдываться не собираюсь...

— Нужны мне твои оправдания! — бросил Федя. Он сказал «твои» не потому, что хотел оскорбить Шагова. Просто этот парень был ровесник Фединой сестры, ее ухажер, и не имело смысла церемониться. Тот так и понял, не обиделся.

— Тем более, — кивнул он. — У меня деловой разговор...

— О пленке!

— Именно...

— А я не хочу с тобой разговаривать. — Федя радостно ощутил, что слезы ушли. Но злость закипела с новой силой.

— Я понимаю... — начал Шагов.

— Феденька! — вмешалась Ксения. — Ну пойми и ты его! В той ситуации на берегу что он должен был делать? Какой-то мальчишка кидается на его знакомую...

— На жену начальника!

— Вот именно, — спокойно подтвердил Шагов. — Неужели ее, а не тебя я должен был тащить в отделение? Логику жизни-то надо учитывать...

— А слабых защищать не надо? Того пацаненка, которого эта здоровая тетка по морде хлестала! Л-логика ваша... резиново-дубинная... — У Феде горела вся кожа, особенно лицо.

— Но, Федя! Валерий же не видел, как она его била!

— Неужели? — хмыкнул Федя. Глотнул и сказал Ксении с расстановкой и убедительно: — Ты правильно говорила, я плохой верующий. Только верить в Бога — это ведь не значит во всякие глупости верить. Например, в ад с чертями и котлами... Но если бы я даже знал, что

эти котлы есть и я буду в них вариться бесконечно, я все равно стрелял бы вот в *таких*, попади мне только в руки автомат... Очередями...

У Шагова красиво шевельнулись желваки. Но тут же он улыбнулся и спросил с интересом:

— Мальчик Федя, ты видел когда-нибудь, как стреляют в человека очередями? Как он сгибается, хрипит, а сзади из него летят кровавые ошметки?

Холодом пахнуло Феде в лицо. Но он ответил без промедления:

— Сколько раз! По телику! И художественно, и документально. Особенно по кабельному каналу. Каждый вечер палят из автоматов такие, как ты...

Шагов сказал тихо, даже сочувственно:

— И ты бы палил? Чем ты тогда лучше меня?

Все натянутые злые струнки в Феде ослабли. Словно Борька стал напротив, махнул ресницами-щетками. «Увязем в этом деле, сами остервенеем...» И уже на одном упрямстве Федя бросил Шагову:

— Чем лучше? Тем, что я не начинал! Только защищался!

— Ну-у, голубчик ты мой! Нашел аргумент!.. Тот, кто жмет на спусковой крючок, всегда отыщет себе оправдание. Но тому, в кого пули летят, от этого не легче...

— А тому... у кого брызги летят из глаз от удара... и голова мотается от пощечин... ему легко? — хрипло спросил Федя. — Это хорошо видно на экране. И как подошедший старший лейтенант смотрит на это... спокойно так...

— Значит, получилась пленочка?

— Еще бы!

— Вот об этом и речь, — в упор произнес Шагов.

— Вот об этом-то речи и не будет! Не получишь пленку!

— Феденька, но ты же...

— А ты молчи, — горько сказал Федя сестре. — Еще

про Павлика Морозова чего-то лопотала. Он в тыщу раз честнее всех вас... Ну ладно, брата можно продать. А сына-то! Ведь Степка тоже мог из-за твоего Валеры на смерть грохнуть!

— Это из-за тебя! — взвилась Ксения.

— Нет уж, не вали, сестрица, на чужую голову! Из-за него Степка все еще хромает! А мне этот «гражданин старший лейтенант» знаешь как врезал? До сих пор в почках отдаст... — Федя опять осип.

Ксения испуганно взглянула на Шагова. Тот улыбался:

— Ох, да я шутя его по заднице хлопнул.

Федя откашлялся и сказал с удовольствием:

— Для тебя чужие задницы — «шутя». А за свою дрожишь.

— И за твою, — не дрогнув, отозвался Шагов. — Вернее, за вашу общую. А еще точнее — за твоего дружка Березкина...

— Его там вообще не было!

— «Его там было». Только косвенно. Сейчас объясню. Да, я не хочу, чтобы эту пленку крутили где попало. До лампочки мне Ия Григорьевна, в конце концов, но там и моя персона. Это мне ни к чему... Но вам эта пленка тоже может доставить кучу хлопот. Вашему другу. У его папочки Аркадия Сергеевича уже были неприятности по поводу съемок закрытых объектов... Ну, знаю, знаю, не подтвердилось, но дыма без огня не бывает... А тут вдруг съемкой кинопанорамы со всякими объектами и ориентирами занимается детская студия, которую Аркадий Сергеевич заботливо опекает. А семье Аркадия Сергеевича только-только дали разрешение на выезд в Штаты. На постоянное проживание. И тут вдруг опять какая-то кинопленка, то да се. Заинтересуются определенные товарищи. А в ОВИРе чиновники осторожные. И поехало дело на попятную...

Федя глубоко вздохнул — задавил в себе новый при-

ступ возмущения. Помолчал, переваривая информацию. Потом сказал очень вежливо:

— Прекрасно работаете. Вот если бы и преступников так же ловко ловили... Быстро все разузнали. Кажется, это называется «собирать компромат»?

— Это называется «иметь информацию»...

— Вынужден вас огорчить: устаревшая информация. Семейство Березкиных раздумало уезжать. И объектов никаких на пленке нет. Только эти... субъекты...

— Все равно пленочку реквизируют. Для экспертизы. И пойдет-поедет новая волокита...

— Да какая там экспертиза! Все с первого взгляда видно! — Федю осенила радостная мысль. — Можете сами убедиться. Хотите? — Он опять, нарочно, перешел на «вы».

— А что, пленка здесь? — не сдержал нервного оживления Шагов.

— Нет, но если вы подождете... Я вижу, что подождете!

Федя вышел в прихожую, к телефону, и позвонил ребятам. Объяснил, что к чему, Борису. Тот посоветовался с Олей и Нилкой. Было слышно, как Нилка хихикнул, а Оля сказала что-то с укоризной. Потом Борька сообщил со вздохом:

— Жаль, конечно, пленочку, да уж ладно...

Он появился через двадцать минут. С маленьким кинопроектором «Луч». Скромно сказал Ксении и Шагову:

— Здравствуйте... — Сел в уголок, притих.

— Ксения, если тебя не очень затруднит, будь так добра, задерни, пожалуйста, шторы, — изысканным тоном попросил Федя. — Что?.. Нет-нет, полной темноты не надо, мы посмотрим на небольшом экране...

У себя он отыскал чертежный альбом и кнопки, вырвал лист, пришил его к обоям в комнате Ксении.

— Я думаю, этого достаточно? Почти как телевизор...

Рулончик пленки был крошечный, Федя решил пустить его через фильмный канал без катушек, прямо с ладони. Установил проектор на журнальном столике, покосился на молчаливого Бориса.

— Начинаем... — И пустил мотор.

На экране удивленно глядел в поднебесье Степка. Потом он досадливо обернулся. А за ним — толпа школьников на берегу.

Ия Григорьевна объясняла про «генеральный план», обводя руками горизонт... Вот она и ребята уже крупнее, средним планом, по пояс. Она очень чем-то недовольна, педагог Ия Григорьевна Новицкая. Она возмущена! Требуется, чтобы подошел к ней негодный Южак, который не слушал про генеральный план развития и других отвлекал! И вот они друг против друга в профиль к зрителю. Мальчишка опускает руки, приоткрывает рот... Трах по щеке! Он закрывается, она дергает вниз его локоть и по другой щеке — трах... И вот снова то же самое, только уже крупнее. На экране только голова Южакова с короткой, беспорядочно торчащей стрижкой и на тоненькой шее. Снова один удар, второй!.. И опять тот же кадр, но уже медленнее, цепочкой рассыпанных картинок: поднимается и припечатывается к лицу мальчишки пухлая ладонь — справа, слева. Мотается на шее-стебельке голова, летят из глаз хорошо заметные, сверкнувшие на солнце капли...

Вспыхнул неожиданной белизной экран. Как живая, шевелилась на полу пленка, до конца проскочившая через проектор...

Федя выключил мотор. Ксения закусила губу. Лицо ее было зеленовато-бледным. Впрочем, возможно, это от полусвета салатной шторы... Шагов сказал снисходительно:

— Эффектно снято. Особенно когда крупно, с повторением. Как это вы сумели?

— Плевое дело. Киноповтор — это простейший трюк. В кино и не такое возможно... А объектов-то и не видеть, верно?

— Н-не знаю. По-моему, ТЭЦ на том берегу все-таки видна. С трубой.

— Ну, давайте еще раз взглянем... Это, наверно, в том кадре, когда вы подходите и слушаете, как она орет на ребят... Не труба, конечно, а Ия Григорьевна... Включаем?

— Не надо... — сумрачно ответил Шагов. — Слушай, на кой черт вам всем эта заваруха? Давайте покончим разом! А?

— Как? — с интересом спросил Федя.

— А так! Чтобы пленка не вам и не мне! И разошлись полюбовно!..

Федя посмотрел на Бориса.

— Ладно... — кротко сказал тот из своего угла.

— Ладно, — вздохнул и Федя.

Шагов с удовольствием наступил модной туфлей на пленку, которая спиральной грудкой топорщилась на паркете. Захрустело. Шагов с натугой повозил подошвой. Потом поднял истерзанную киноленту, помял ее, покатав в ладонях.

— Хватит уж, — сказал Федя. — Давайте выкину.

Шагов косовато ухмыльнулся, протянул колючий черный комок, но на полпути рука его дернулась.

— Да не бойтесь, — бесцветным голосом успокоил Федя. — Вы, наверно, думаете, что мы ее разгладим и склеим? Зачем? У нас еще две такие... Или три? А, Борь?

— Три, если считать первую, со склейками, — вполголоса разъяснил Борис. — А эта была плохая, с царапинами...

Лицо Шагова утратило мужественную твердость и

поглупело. Федя ощутил в себе щекотание смеха и слез, но объяснил внешне спокойно:

— Это ведь просто делается. В камере есть две щелки. В них пропускается уже проявленная пленка, а вместе с ней — другая, из кассеты, эмульсия к эмульсии. Завел, направил на свет, нажал — и готово. За две минуты — контактная копия... А без этого как бы мы повтор кадров сделали? Еще и с экрана переснимать пришлось, с укрупнением. Целый день возились.

Шагов терпеливо дослушал Федю. Покивал, глядя в пространство. Пустил с ладони на пол упругий пленочный комок. Тот упрыгал под ноги Ксении, и она глянула на него, как на живую мышь... Федя защелкнул крышку проектора.

— Борь, пошли... — И оглянулся на Шагова: — Привет вашему другу Фоме...

Обратно катили на «Росинанте» вдвоем. Федя крутил педали, Борька сидел на багажнике, держал проектор. Ехать было тяжеловато, тряско, поэтому молчали. Но Феде казалось, что спиной он чувствует взгляд Борьки — то ли тревожный, то ли печальный...

В гараже Федя с хмурым смехом рассказал о беседе со Шаговым. Оле и Нилке это понравилось. Особенно Нилке:

— Здорово ты его!..

Борис тоже сказал:

— Да, хорошо ты его уел... Можешь быть доволен.

Последние слова царапнули Федю.

— А ты? — слегка ошетинился он. — Выходит, недоволен?

— Да нет, все нормально, — примирительно отозвался Борис. — Только... как ты теперь с Ксенией-то будешь?

Федя пожал плечами:

— Если бы знать как...

Борька осторожно сказал:

— И вообще... ты как-то перегорел на всем этом...

— Может, и перегорел... Ксения, наверно, правильно говорила... — Он усмехнулся. — Далеко мне до настоящей христианской веры. Не научился прощать... Ну, конечно, стрелять бы я не стал, это я просто психанул. Но вот сказать этому Валере Шагову: «Я тебя прощаю...» Легче головой о кирпич... Или Фома этот. Я его тоже должен любить как ближнего?

— Федь, ты вот что... — предложил Борис. — Когда откроется церковь, сходи к отцу Евгению и расскажи про все. Это называется исповедь. Он тебе простит грехи.

— Не надо смеяться над этим, — тяжело сказал Федя.

Борис вскинул ресницы. Первый раз Федька не понял его.

— Разве я смеюсь? Я по правде... Хочешь, вместе пойдем? Меня ведь тоже крестили, совсем маленького, баба Оксана это устроила... А грехов у меня — во сколько!

— Грехов у всех хватает, — заметила Оля. — Пора делом заниматься. — Особо срочных дел не было, но ей показалось, что разговор какой-то не тот. С намеком на ссору.

Нилка уперся в Бориса синими честными глазами:

— Борь... А ты, значит, тоже в Бога веришь, да?

— Каждый во что-нибудь верит, — быстро сказала Оля. — Ты вот, Нилка, в инопланетян своих веришь...

— При чем тут инопланетяне? Я же с'серьезно...

Федя вдруг понял: вот почему еще неладно на душе — из-за Нилки!

— Нил-крокодил! Ты лучше вот про что серьезно скажи: почему Шагов ОВИРом пугал? Будто неприятности из-за пленки случатся!.. Опять, что ли, родители уезжать надумали?

— Какая чушь! — возмутился Нилка. — После того с'скандала про это не было и речи! Да и посудите с'сами:

если бы папа думал про границу, разве стал бы он вспоминать о нашем фильме?

— А он вспоминает? — ревниво спросила Оля.

— Да! — подскочил Нилка. — Я рас'стяпа! Забыл про главное! Папа с'сказал, что можно наш фильм показать по областному ТВ. Там в детской редакции у него есть знакомая, она каждый год готовит передачу про летние каникулы. И вот он с ней про нас разговаривал...

— Ой, Нилушка, правда?! — возликовала Оля.

— С'совершеннейшая правда... Конечно, это трудно — пустить в эфир кино на такой узкой пленке, но иногда они делают восьмимиллиметровую прис'ставку...

— Озвучивать ведь надо, — забеспокоилась Оля, — музыку подбирать.

— Музыку-то несложно, — вставил Борис. — А вот текст...

— Мама обещала, что поможет сочинить, — сообщила Оля. — Она в своем театре целые пьесы сочиняет.

— А читать кто будет? — забеспокоился Федя. — Тут надо, чтобы как настоящий диктор...

— Нилка пусть читает, — сказал Борис. — Он летает, пусть сам и рассказывает.

— Я же с'сбиваюсь, — смутился Нилка.

— Ничего, — решила Оля. — Зато у тебя интонации выразительные.

Четвертая часть

СИНЕГРАД

ОСЕНЬ

Нилка и правда читал текст хорошо. Звонко так, совсем по-ребячьи и в то же время очень выразительно, не хуже, чем артист. И его запинки на букве «с» были почти незаметны, а если где и проскакивали в звукозаписи, то ничуть ее не портили. Даже наоборот...

Сперва записали текст на Нилкин кассетник. Но оказалось, что для телепередачи такая техника не годится. Пришлось Нилке читать свои слова перед студийным микрофоном. Смонтированный фильм тоже записали на магнитную пленку. И музыку...

Про музыку долго спорили. У Феде и Бориса вкусы были невзыскательные: самые любимые мелодии — песни Высоцкого. Борьке, правда, еще нравилась группа «ДДТ», а Феде — «Аквариум», но все это было не для кино про Город. Борис нерешительно предложил увертюру к фильму «Дети капитана Гранта» Дунаевского или Первый концерт Чайковского — это все, что он помнил из классики. Оля только вздохнула. Федя спросил, не пригодится ли «Кармен-сюита» композитора Щедрина. Эту пластинку они с Ксенией иногда крутили по вечерам — в те времена, когда еще жили мирно (эх, Ксения, Ксения...). Оля ответила, что «Кармен-сюита» совсем не в том ключе. Нилка поинтересовался, не пригодятся ли «Времена года» Вивальди. «Это с'самая любимая мамина музыка. Я ее тоже люблю...» Оля восприняла совет благожелательно. Однако после размышления отвергла и его.

Наконец она сама выбрала «ключевую тему». Задумчивую мелодию, которую исполняют на фортепиано. Оля сказала, что это вторая часть «Патетической сонаты» Бетховена. Все примолкли, задавленные такой эрудицией. Сразу видно — человек три года учился в «музыкалке».

Бетховен — это там, где сказочный город. А улицу Репина с торгашами и дембиями озвучивали «Ламбадой»... В конце концов пригодилась и «Кармен-сюита» — быстрая музыка для начального Нилкиного полета. И Вивальди кое-где пришлось к месту... Уговаривали Славу — чтобы спел для фильма песню про маленьких капитанов, но он засмутился. Заотбрыкивался, как дошкольник. Зато, правда, согласился сняться в одном эпизоде...

Вообще с этой передачей была масса хлопот. Лина Георгиевна Старосельцева — энергичная тетенька в джинсах (повадками иногда похожая на Олину маму) — в августе крепко взяла всех ребят в работу. Потому что она-то, Лина Георгиевна, и была режиссером передачи «Вот и лето прошло...». Пока оно не прошло, нужно было многое успеть.

Во двор к Оле приезжала машина с камерами, магнитофонами и осветительной аппаратурой. И с дядьками-операторами. Для начала, когда подключили к щитку толстый кабель, во всем доме вырубилось электричество. Это вызвало бо-ольшое недовольство Олиных соседей, проживающих в другой половине дома.

Однако все в конце концов наладилось. Сняли, как ребята проявляют пленку, как «гоняют ленту» на монтажном столике, как Нилка болтается на фоне бархатного задника. И как сидят у гаража на траве и на чурбаках, рассказывают о своих делах.

Потом, в сентябре, пришлось сняться еще раз, уже в телестудии. В беседе после фильма «Сказки нашего го-

рода». Беседа эта не очень понравилась ребятам. Но о ней позже...

Сентябрь подкрался незаметно, предательски даже. Как ухитрилось с такой стремительностью промчаться время? «Вот уж точно теория относительности Эйнштейна», — вздыхал Борис.

Исполнилась мечта Степки — стал он полноправным школьником. Причем сразу второклассником. И (прав оказался Федя) радости этой хватило ему на несколько дней. Оказалось, что в школьной жизни сладкого еще меньше, чем в детском саду. Надо постоянно выполнять всякие задания, и почему-то каждый день грозят «вызвать маму». Ученическая форма оказалась жаркой, неудобной и «кусачей». Хорошо хоть, что с этого года была она в школе номер четыре необязательной. И вскоре второклассник Степа Горецкий, как и многие другие малыши, бегал на уроки в летних штанишках и рубашке. Но это пока было тепло. Сентябрь не долго радовал хорошей погодой...

От продленки Степка отказался намертво. Из школы домой ходил самостоятельно и владел собственным ключом от квартиры. Впрочем, иногда ждал Федю, если у того было не больше пяти уроков. Но у Феде случалось их и по шесть, и по семь. И тогда он, конечно, нервничал: как там Степка, один-то?

Ксения приходила домой очень поздно. Сообщила, что занимается на курсах повышения своей швейной квалификации. О Шагове ничего не было слышно. Степка однажды по секрету прошептал Феде: «Мама сказала, что больше не желает его видеть...» Поумнела, значит...

Школа есть школа. От Хлорвиниловны только и слышно было: «Вы теперь восьмиклассники и должны отдавать себе отчет, что это накладывает на вас новые, взрослые обязанности...» Никто, конечно, такого отче-

та не отдавал. Втягивались в школьные будни трудно, со скрипом. Жили памятью недавнего лета.

Но память памятью, а встречаться «Табурету» каждый день стало теперь трудно. Феде-то с Борисом хорошо — в одной школе. А вот Оля и Нилка... Но все-таки встречались — без этого как жить? Повезло хотя б в том, что все четверо учились в первую смену. Сбегались чаще всего у Оли. В гараже было уже холодно, сидели в комнате. Оля была и здесь полной хозяйкой. Тем более что мама ее с головой ушла в новую постановку...

«Запустили в производство» новое кино: мультяшечка про мальчика Егорку, который подружился с бродячим котом, оказавшимся впоследствии инопланетным существом. Коллективно рисовали декорации, по ним потом бегали вырезанные из бумаги герои. Вырезал их Борис, он был мастер на такие дела.

Но двигался фильм так себе. Особого интереса к нему не чувствовалось. Да и пленка почти вся уже была израсходована. Однако не сидеть же без дела, когда собрались вместе! И вскоре дело такое появилось. Настоящая радость. Город Синеград!

Кто его первый назвал так, потом уже и не помнили. А возник он однажды вечером, когда сидели у Оли и разговорились: какие кому снятся сны. Про это и раньше говорили, но как-то мельком и со смущением, а теперь будто распахнуло каждому душу. И оказалось — многое снится одинаково. То есть города и события сами по себе не похожи, но похожими оказались ощущения в таких снах — будто это и не сон вовсе, а особый, «параллельный» мир, куда ты приходишь как в любимую страну — настоящую, только окрашенную сокровенной тайной. Приходишь со сладким замиранием, ожиданием приключений и каких-то очень хороших встреч.

Выяснилось вскоре, что в этих Городах, которые каждый видит по-своему, есть и похожие места — улицы,

площади, пристани. Стеклянные галереи над мостовыми...

Тогда Федя сказал, будто сделал еще один шаг в сказку:

— А давайте нарисуем карту...

Вот вам и «взрослые люди»! Ну, Нилка — тот еще туда-сюда, а остальные-то! Сидеть бы над алгеброй, писать сочинения про «Образ Пугачева в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», готовить лабораторные работы или хотя бы, как нормальным восьмиклассникам, толкаться на дискотеках и переписывать друг у друга кассеты с Майклом Джексонсом! Так нет же! Взались чертить план Синеграда — по всем правилам науки, отыскавши среди книг Олиного деда старинную «Картографию» какого-то М.М. Белковского со множеством иллюстраций.

На большом ватманском листе начертили центр Синеграда. С площадью Случайных Пришельцев, с проспектом Спелых Апельсинов, с улицами Старых Моряков, Стеклянного Глобуса, Веселых Прогульщиков, Хромого Рыцаря, Корабельщиков и многими другими. С широкой рекой Рио-Флус и ее притоками Каменкой и Бумерангом. Над Каменкой дугой поднимался сложенный из гранита мост. Посреди моста построена была белая, с высокой шатровой башней церковь Павлика и Алеши — мальчиков из деревни Герасимовки и Зимнего дворца. Вообще-то это была церковь в память о всех погибших детях. Где-то же должны вспоминать о том, как гибли мальчишки и девчонки по вине озверевших взрослых — тех, кому хотелось воевать и добиваться власти...

В церковь на мосту взрослым разрешалось заходить только в сопровождении детей. И каждый мог зажечь лишь одну свечку — у бронзовой скульптуры Упавшего Барабанщика. Мальчик лежал на плоском камне, одной рукой старался дотянуться до откатившегося барабана, в другой сжимал последним усилием тонкие палочки...

Как в песне «Последняя свеча», которую недавно спел ребятам Слава. Он даже согласился записать ее на кассету, но, конечно, не для телепередачи, а на память друзьям-«табуретовцам».

Теперь эту песню слушали иногда, и каждый раз шел по спине холодок. Слава пел глухо, и гитара рокотала, словно где-то в темной глубине.

Холодным пеплом замело их след,
Но мальчики стоят и ждут ответа —
Все те, кто среди войн и среди бед
Не дожил до пятнадцатого лета.
Их бесконечный строй угрюм и тих,
Шеренги — словно траурные ленты...
Так что же вы не взглянете на них,
Премьеры, полководцы, президенты?!

Все тише барабанщики стучат,
Но гаснущий их марш зовет к возмездию!
И вот горит последняя свеча,
Горит среди галактик и созвездий.
Затихший город съела темнота,
Угасли оробелые огни там.
Но эта свечка светит неспроста —
Она горит на бочке с динамитом!

Пускай весь мир вокруг уныл и хмур —
Свеча горит во тьме неугасимо,
Зажгли ее, как жгут бикфордов шнур,
Сгоревшие мальчишки Хиросимы.
Ее спокойный свет неумолим,
Не гаснет пламя, как бы мрак ни вился.
Свечу друзья погибшие зажгли
От тлеющего пепла Саласпилса...

Теперь от страха гаснут фонари
От Балтики до Крыма и Кавказа...
Скажите, кто услышит детский крик,
Когда звереют дизели спецназа?
Скажите, кто поймет, как в эти дни
Зажатый детской болью мир непрочен?
И что во тьме спрессован динамит,
И что фитиль у свечки все короче...

Над церковью всегда был ясный вечер, и оранжевые отблески горели на золотом кресте, который отражался в Каменке...

Но не так уж много печальных мест было в Синеграде. Гораздо больше — веселых. Площадь Летних Карнавалов, площадь Зимней Сказки, Цирковой бульвар, бульвар Кукольных Мастеров... А больше всего богат был город местами, где ждали всякие загадки и открытия, необыкновенные события и приключения. В путанице улиц, переходов, лестниц, воздушных галерей, крепостных стен и заросших оврагов можно было заблудиться и оказаться неведомо где — то в заброшенной мастерской средневекового оружейника, то в букинистической лавке, полной приключенческих книг, то в крошечном театре, где сами по себе, без людей, давали концерт деревянные марионетки. То провалиться в подземелье и заплутать в глухих подвалах и коридорах, где, по некоторым признакам, обитали привидения...

На углу улиц Тома Сойера и Юных Трубочистов жила в островерхом домике бабушка Аннет (похожая на Анну Ивановну, только не такая больная и усталая). Она зазывала в гости ребятишек, угощала их леденцами и менялась с ними марками...

На стрелке, у слияния неширокой реки Бумеранг с большой рекой Рио-Флус, выстроен был дом с башенкой, похожей на маяк. Там жил отставной бородатый боцман Крутислав Свайка с множеством своих и приемных детей. Бывало, что боцман целый день лежал на балконе и пел старинные матросские песни, а хор мальчишек и девчонок в окнах и на лестницах звонко вторил ему. Иногда этот ансамбль отправлялся выступать на бульвар Тополиного Пуха. Прохожие слушали и платили чем придется: пирожками с капустой, конфетами и старинными монетками, которые Крутислав Свайка коллекционировал...

В сторожке на старом бастионе Одноглазого Адми-

рала жил друг боцмана Свайки усатый и пузатый Бом Гранатто. В его обязанности входило каждый полдень палить холостым зарядом из древней бронзовой пушки. Бом Гранатто всегда палил раньше времени, потому что его большущие карманные часы вечно спешили. Жители Синеграда привыкли к этой досрочной пальбе и точное время узнавали по Большим Солнечным часам на площади Головоломок или по курантам на башне Музея Городской Истории.

Было, конечно, в Синеграде и много других интересных жителей. А в Музее каждый желающий мог узнать о прежних временах Синеграда. Например, о Большой Осаде два столетия назад, когда флот противника едва не прорвался с Залива в Рио-Флус, а на суше город был окружен вражескими траншеями. С той-то поры и осталось неподалеку от города кладбище с гранитными головами-памятниками...

Южные окрестности Синеграда с остатками укреплений, со старым военным кладбищем и — далее к зюйду — с краем Сумрачной области нарисовал Борис. На отдельном листе. Когда начертили центр, каждый взял себе по листу, чтобы присоединить к Синеграду *свою* часть Города. И вот Борис выбрал юг.

Нилка на северном листе изобразил в окружении окраинных улочек заброшенный парк, выросший на месте старого космодрома инопланетян. То, что это бывший космодром, знали немногие. Но зато всем было известно, что по вечерам в зарослях творились дела непонятные и с точки зрения науки необъяснимые... К парку примыкала Северная Болотная пустошь. Там среди мокрых кустов и косматых кочек водились мохнатые добродушные чуки и злые шкыдлы — полукрысы-полумартышки.

— Я когда рисовал, с'самому страшно было, — признался Нилка. Впрочем, страх быть похищенным пришельцами у Нилки почти прошел. Может быть, потому,

что звездная метка к концу лета изрядно потускнела — то ли от грима, то ли сама собой...

Оля взяла на себя восточные окрестности и «пристроила» к Синеграду кварталы с киностудией, которая сама по себе была целым городом. Здесь разрешалось каждому, кто захочет, снимать свое кино — быть и оператором, и режиссером, и актером. И часто действие фильма так волшебным образом переплеталось с настоящей жизнью, что было уже не разобраться...

Федя нарисовал часть Западного залива и Гавань с причалами. И путаницу Портовых Кварталов с маленькими площадями, где стояли памятники Колумбу, Крузенштерну и Лисянскому, адмиралу Герману Сегайло — командиру синеградской эскадры времен Большой Осады — и маленькому Юнге Всех Морей. Сюда, к причалам и пакгаузам, подходили рельсы ПТС — подземной транспортной сети. Она была как бы подвальным этажом Синеграда, и здесь иногда мог заблудиться целый поезд...

Когда соединили все листы, стало ясно, что карта имеет форму креста. Но ведь так не бывает! И пришлось рисовать четыре угловые территории: северо-запад и юго-восток, северо-восток и юго-запад... И потом еще снимать с каждого листа копии, чтобы Большая Карта была у каждого. И украшали эти карты надписями с завитушками, розами ветров, рисунками зданий, мостов, фонтанов, маяков и кораблей на рейде...

И признаться, это вдохновенное творчество занимало столько времени, что порой не было времени для физики или немецкого языка... В конце сентября, заглянув в дневник своего ненаглядного восьмиклассника, Виктор Григорьевич Кроев сперва озадаченно поскреб затылок, затем же произнес тоном не вопроса, а приговора:

— А не посидеть ли тебе после школы дома, скажем, с неделку? В целях выравнивания школьных показателей...

— Ну и посидеть, — буркнул Федя, чтобы не обострять обстановку. Подумаешь, беда какая! Все равно прибегают Борис и Нилка, можно звонить Оле, а можно одному (вернее, с тихо дышащим под боком Степкой) колдовать над картой. У карты как раз то волшебное свойство, что если даже все сидят по домам, то все равно будто вместе. В своем Синеграде. Идет невидимая для посторонних жизнь, идет Большая Игра.

Вначале игра шла так — каждый из четырех входил в Город со своей стороны, и надо было встретиться в условленном месте: или у Солнечных Часов, или у бабушки Аннет, или в книгохранилище у ворчливого Главного Библиотекаря... Но не так-то это было просто. Во-первых, можно было просто заблудиться: увезет тебя подземный поезд, скажем, в район Замковых подвалов, и плутай там... Могло отвлечь веселое театральное представление на площади. Могли таинственные силы заросшего космодрома перепутать пространства улиц или сбить время: палит, например, полуденная пушка, а колокол на Морском соборе корабельными склянками отмеряет четыре часа пополудни... А тут еще игральный кубик ложится на карту так, что показывает ветер зюйд-вест, который приносит плотные туманы — в них возникают призраки людей и старинных парусников...

Но, конечно, каждый раз все завершилось благополучно, все четверо сходились там, где было задумано. И тогда уже обязательно встречались по-настоящему — чаще всего у Оли. Готовили в большущем (дедушкином еще) чайнике «встречайный чай», жевали бутерброды с ливерной колбасой (дешевая и без талонов!) и договаривались о новых приключениях в Синеграде. Засиживались до темноты (впрочем, и темнело уже рано). Потом Федя и Борис провожали Нилку, ехали на «Росинанте» до Феди, а дальше Борис катил один, позвякав на прощанье звонком...

Окрашенные синеградской сказкой события случа-

лись не только в нарисованном Городе, но и на улицах Устальска. Он, если разобраться, местами незаметно примыкал к Синеграду. Однажды, например, Оля и Нилка придумали операцию «Огоньки». В сумерках надо было встать на улице Садовой, в квартале или двух друг от друга (от старой трансформаторной будки до поворота на улицу Декабристов) и каждому взять палочку бенгальского огня. Первым стоял Федя (вместе со Степкой). Когда он зажег свой маленький искрящийся факел, это увидел за два квартала Борис и сделал то же. Потом — Нилка. И наконец, недалеко от своего дома, — Оля.

Казалось бы, какой в этом смысл? Зачем такие сигналы? О чем и для кого? Но радостное замирание, ощущение чуда, рождалось в душе, когда видели, как, словно от твоего сыплющего искрами огонька, зажигается вдаль такой же — в сумраке осенней, без фонарей, с редкими желтыми окошками улицы. Было в этой живой цепочке маленьких маяков чувство щемящей до слез дружеской связи. Будто в космической черной бесконечности сигналият друг другу четыре звездных корабля...

И как хорошо, что не помешали прохожие. А то могли бы: «Вы что тут безобразничаете! В милицию захотели?!» Слава Богу, никто не пристал. Наверно, потому, что в Синеграде не было плохих людей.

Да, со времени Большой Осады у Города не было врагов. Не было в его домах и на улицах зла. Были загадки, непонятные явления, коварные фокусы пространства, но среди жителей не удалось бы найти ни злодея, ни просто вредного человека...

Потом все-таки нашелся. Его придумал Нилка. И не потому, что хотелось приключений пострашнее, а потому, что «ну пос'судите сами: не бывает так на с'свете, чтобы ни одного плохого; вот и наш фильм хотели мы сперва снять только про добрую с'сказку, а что получилось...».

Итак, появился некий Клавдий Шумс. Он долгое время жил отшельником на Болотной пустоши, дрессировал там шкыдл. А потом — серенький, съезженный, незаметный — пришел в Синеград и на окраине, в заросшем гигантскими лопухами сарайчике устроил переплетную мастерскую. Старые книги ремонтировал. Безобидное занятие, верно?.. Однако после хитрых поисков коварный Шумс раздобыл книгу под названием «Черная тень». В ней рассказывалось о тысяче способов скрытно вредить людям...

Дальше включился Борис. Нехотя, будто виновато даже (но деваться от подступившего зла уже некуда) он рассказал, что злонамеренный Шумс узнал в этой книге, как можно использовать двухмерное черное пространство. Кусок этого плоского пространства он добыл на краю Сумрачной области. Затем с помощью такого куска он стал превращать в пласты черного пространства обычную светозащитную бумагу от фотопакетов. Складывал эти пласты стопкой у себя в мастерской. Сколько ни складывал — стопка оставалась тоньше папиросной бумаги: ведь у двухмерного пространства нет никакой толщины...

Потом тихий переплетчик Клавдий Шумс куски черного пространства клеил в ленту и спрятал внутри своей пустой тросточки. Но иногда он доставал этот рулон, отматывал сколько нужно и вырезал из тонкой тьмы тех, кто должен был творить в Синеграде зло. Это были силуэты мелких чертей, колдунов, скрюченных ведьм и нахальных, довольных собой господ. Иногда «дети Шумса» притворялись обычными человеческими тенями. А порой они превращались в существа, похожие на подлинных жителей Синеграда, но это случалось редко. Да и ни к чему такое было «детям Шумса». Плоские, незаметные во тьме, они могли проникать куда угодно, в самые тончайшие щели...

Однако первый шаг в мир Синеграда этим злодеям

делать было непросто. Путь был один: по ночам Клавдий Шумс пробирался в музей, где стояли фарфоровые вазы. Под вазу, на которой нарисован синий город, переплетчик подсовывал вырезанные из тьмы фигурки. Оттуда они уже разбегались по Синеграду. И творили там всякие гадости...

Единственным оружием против черных злодеев были заколдованные зеркальца. Зеркальцем можно было заслониться от «детей Шумса», как щитом. Те, увидев свое отражение, съеживались и превращались в клочки безобидных сумерек. Но надо было, чтобы враг оказался в зеркальце в профиль или наискосок. А если ребром — то злодея не различишь...

Следует еще сказать, что спасало зеркальце не всякого, а лишь того, у кого нет на совести каких-нибудь подлых дел. Мелкие прегрешения — туда-сюда, без них не проживешь. Но если предал кого-то, забыл друзей или, скажем, трусил в решительный момент и потом не искупил этот грех, никакое зеркало тебя не защитит, пускай оно хоть с витрину аптеки добрейшего толстяка дядюшки Шарля де Флакона...

Волшебную силу зеркальце получало после того, как над ним прочитают секретное заклинание. И необходимо, чтобы в тот момент в нем отражалась ваза с синим городом...

Вазу — ту, что стояла в окне дома на Садовой, — все-таки сняли для фильма. Правда, через стекло, но получилось неплохо. И вовремя сняли! На следующий день окно оказалось закрыто плотной шторой, и с той поры штору не убирали.

А в середине сентября Оля сказала Феде, Борису и Нилке:

— Мы с мамой вчера заходили в комиссионный магазин. Я смотрю: наша ваза там на полке. Ох, мальчишки, мне как-то не по себе сделалось...

Пошли вчетвером в этот магазин. Стоит ваза. И цена такая, что хоть в обморок хлопайся! Пятьсот шестьдесят рублей!

— Может, и не наша? — осторожно усомнился Нилка. В самом деле, рисунок был незнакомый. Тоже написанный ультрамарином город, но с незнакомыми домами и башнями. Похожий, но не тот. Но, скорее всего, вазу поставили просто другим боком. Ясно же, что картины были нарисованы с двух сторон и сейчас открылась та, которую раньше не видели...

Посмотреть бы для полной ясности, что с другой стороны. Однако смешно было думать, что продавщица станет вертеть ради ребят дорогую хрупкую вещь. А когда Нилка пришел в магазин с отцом, вазы уже не было.

Грустно всем стало...

А в конце сентября случилось совсем горькое событие: умерла старая учительница Анна Ивановна Ухтомцева. Соседка рассказывала: «Утром я ей молоко купила, принесла, открыла своим ключом дверь, а она лежит, будто спит. Я и не поняла сперва...»

На похороны пришло очень много народу. Федя, Борис, Нилка и Оля принесли тяжелые белые астры. Гроб стоял на длинном столе, покрытом тем самым темно-лиловым бархатом. Анна Ивановна лежала маленькая, сухая и непривычно строгая. Словно была не очень довольна, что столько ее бывших учеников разом пришли в тесную квартиру, хотя и вели себя тихо.

В завещании, оставленном дочери, Анна Ивановна просила отпеть ее в церкви. Спасская церковь еще не работала. Отпевали в церкви на кладбище. Ребята туда не поехали. Постеснялись, да и места не было в автобусе. Они пошли к Оле и включили проектор. На экране Анна Ивановна была живая, улыбчивая, раскладывала на столе фотографии с выпускными классами... Вот ведь какая штука кино — нет человека, а он как живой...

Бабушка Аннет навсегда осталась жить в Синеграде. Там никто не умирал, несмотря на злые дела черных «детей Шумса».

В школе у Оли долго никто не вспоминал про ее летнее задание. Наконец Маргарита Васильевна спохватилась:

— Дорогая моя, а где же обещанный фильм?

Оля ответила, что пожалуйста, хоть завтра покажет. Для начала пожелали посмотреть фильм несколько учителей и завуч Елена Дмитриевна. Посмотрели. Хвалили. Но...

— Знаешь, Олечка, — сказала Елена Дмитриевна, — мне кажется, здесь вовсе ни к чему этот конфликтный эпизод на берегу... Ну, ты понимаешь, о чем я говорю. Нет, не думай, что мы боимся остроты! Но фильм получился такой славный, лирический, а этот кусок... ну, он поперек всего. Лучше бы тебе убрать его, перед тем как показывать ребятам.

Оля хмыкнула. Потом заявила, что решать это одна не имеет права: снимала-то целая студия. Надо спросить ребят.

— А вы не разрешайте! — сказала она мальчишкам.

Но рассудительный Борис возразил:

— А зачем тебе этот мелкий скандал? В передаче-то фильм пойдет целиком. И тогда уж все его увидят как надо...

ФИЛЬМ И ПОСЛЕ ФИЛЬМА...

Передачу «Вот и лето прошло...» включили в программу только в начале октября. Когда лето казалось уже давно прошедшей сказкой...

Смотрели, конечно, у Оли. Впятером (потому что и Степка тут же) устроились на диване против цветного «Темпа». За окнами синели сумерки, свет был выключен.

чен, экран светился предварительной заставкой «Приглашаем ребят».

Все уже было известно по съемкам и предварительным просмотрам, но Оля вдруг призналась шепотом:

— Ох, мальчишки, я что-то волнуюсь...

— Фу, — храбро сказал Федя. И тоже ощутил холодок под желудком...

Впрочем, сначала передача была не про них. Ведущая — симпатичная тетенька, которую звали Валентина Гавриловна, — сказала, что после каникул прошло уже больше месяца, память о лете «отстоялась и отобрала самое интересное», и теперь наступило время подвести итоги этой важной и веселой поры в жизни школьников. Стали показывать лагерь пионерского актива. Две активистки хорошо отрепетированными словами стали рассказывать, как в этом лагере было здорово: «Мы научились внимательнее приглядываться друг к другу и к себе, лучше разбираться в жизни, сильнее ценить дружбу и человеческое общение...» Потом сбились, смутились, посмотрели друг на друга и начали говорить уже нормально, наперебой. Вспоминать песни под гитару, ночную грозу, когда от молний «аж все белое».

Затем ребята из этого лагеря — уже в студии — еще вспоминали свои дела, пели под ту же гитару, а мальчишка-поэт (небольшой, вроде Нилки) прочитал стихи:

Пролетело такое короткое лето,
Отрубили его как ударом ножа,
Вспоминаю теперь я вожатую Свету
И еще — как поймал за палаткой ежа...

Посигналил шофер наш товарищ Васильев,
И сказала нам Света: «Прощай и прости».
Увезли всех домой нас почти что насильно.
А ежа, разумеется, я отпустил...

— Во как надо стихи-то сочинять, — прошептал Федя Степке.

Степка сказал:

— Подумаешь. Наша передача все равно будет лучше.

...И вот он — их двор, их гараж! Солнечно, листья качаются, соседская кошка крадется к воробьям. Будто в самом деле вернулся теплый август. Так все знакомо, и в то же время странно видеть себя среди яркой зелени, одетыми по-летнему, загорелыми, нестриженными... Валентина Гавриловна села у гаража на чурбак. Глянула с экрана:

— А теперь мы, ребята, во дворе дома номер двенадцать на улице Декабристов. На первый взгляд самый обычный старый двор, каких много у нас в Устальске. Но... летом здесь происходили удивительные события. Оказывается, в этом маленьком гараже работала... целая киностудия! Да-да, ребята киностудия с забавным, но полным смысла названием «Табурет»...

И крупно, во весь экран, значок «Studia TABURET».

— У табурета — четыре ноги, поэтому он прочно стоит на земле. В студии — тоже четверо. Наверно, поэтому такая прочная, дружная собралась компания. Вот они, все здесь. И главная среди них (пусть уж мальчишки не обижаются) Оля Ковалева... Оленька, расскажи нам: как появилась ваша студия?

Оля, покусывая костяшки пальцев и неловко поглядывая в объектив, рассказала, как досталась ей от дедушки камера.

— Ну, это ты про технику. А как вы все познакомились?

Тут наступила очередь Феди. Он засопел и сказал:

— Началось с того, что я чуть не переехал ее велосипедом... Но можно я не буду показывать, как это случилось? Мне хватило одного раза...

— Мне тоже, — вставила Оля.

Все посмеялись — и на экране, и на диване.

— А ты, Нилка? Надеюсь, познакомился с друзьями без приключений?

Нилка стрельнул с экрана синими глазами и порозовел:

— С приключением. Это был с'страшный с'случай, мы застряли в лифте... — Конечно, он не стал касаться подробностей. Тем более что считалось, будто Оля и Борис их не знают...

Съемку тоже показали: как Нилка болтается на веревке перед бархатным задником. А еще — как проявляют пленку и колдуют над монтажным столиком... И наконец:

— Ну а сейчас, ребята, давайте посмотрим, что же у студии «Табурет» получилось... Я должна сказать сразу: не будьте строгими к технической стороне фильма. Ведь снимали-то его карманной камерой, на узенькую, нецветную и к тому же с просроченным сроком годности пленку. Есть на ней пятнышки, царапины, следы склеек — то, что у профессионалов было бы названо браком. Обычно такие пленки студия для показа не берет, но на этот раз мы сделали исключение. Ведь авторы фильма — совсем юные, они только начинают свой путь в киноискусстве. И давайте будем видеть в фильме не мелкие ошибки и огрехи, а то хорошее, что сумели сделать эти ребята...

Хлоп! — заставка студии. Такая же, как значок. А потом — запрыгали вырезанные из бумаги буквы, сложились в название: «Сказки нашего города»...

На экране возник Нилка. Сидит за своей «бэкашкой», жмет на клавиши. Бегут по дисплею компьютерные строчки. Никого не забыли в титрах: ни тех, кто снимал и снимался, ни тех, кто помогал. И отдельно: «Студия благодарит за помощь в работе над фильмом Анну Ивановну Ухтомцеву». Так и не посмотрела Анна Ивановна это кино...

И вот — все видят окно. За стеклом — ваза. Стекло слегка бликует, и в нем отражаются ребята с камерой.

Но это даже хорошо — будто нарочно так задумано. А потом — крупно картина города на вазе...

И Нилкин голос:

— Мы часто ходили мимо старого дома на Садовой улице. Там в окне всегда стояла ваза, а на ней нарисован был город. Мы не знаем, кто в этом доме живет и откуда эта ваза взялась. Но город нам ужас'сно нравился. И нам даже казалось иногда, что он — частичка нашего Устальска. Ну, с'сказка такая придумалась... Потому что в самом деле — если приглядеться как с'следует — можно ведь и на наших улицах увидеть кусочки чего-то волшебного... С'смотрите сами...

И пошли кадры под неторопливую мелодию Бетховена...

Капли падают с края водосточной трубы в дождевую лужу, а в ней — забытый кем-то самодельный кораблик... Солнце выбрасывает лучи из-за башенок на здании аптеки, и башенки эти — будто замок из рыцарской легенды... Тень узорчатых листьев на кирпичной стене, деревянная резьба на створках покосившихся ворот... Кружево оконного наличника — по нему бегают воробы.. Потом — то место на улице Садовой, где так похоже на Синеград. И еще несколько таких же уголков и переулков... Радуги в струях фонтана, где плещется малышня... Куранты на городском музее. Пушка на музейном крыльце. Нилка сидит верхом на этой древней пушке, поглядывает сверху на улицу, на берег...

А вот Нилка в своем дворе, смотрит, задрвав голову, на дом, в котором живет.

— Я не люблю эти с'серые громадины, хотя сам живу в такой. Когда мне надоедает эта многоэтажная одиначность... я знаете что делаю? Забираюсь на подоконник и оттуда пускаюсь в полет над *нашим* Городом... Не верите? Смотрите с'сами... — Он у себя в комнате распахивает створки, вскакивает на подоконник (никто, конечно, не видит, что на всякий случай к щиколотке

его привязан прочный капроновый шнур, который держит Борис). Потом — Нилкино лицо во весь экран, рывком на зрителя: Нилка будто прыгает в пустоту. И вот он уже летит! Сперва — среди искрящегося хоровода звезд. Затем — в светлеющем небе, над снятым с высоты городом.

Хорошо летит Нилка! Ветер отбрасывает у него волосы. Постепенно разматывается, трепещет вдоль ноги марлевая лента. И наконец улетает совсем. Треплется рубашка... Нилка виден то издалека, то близко — летящим как бы на зрителя. Он смеется и щурится от встречного воздуха. Из бокового кармашка на шортах ветер выхватывает и уносит бумажный клочок...

Все четверо помнят, что съемку тогда пришлось остановить. Борис подхватил бумажку:

— Нил, это что? Это тебе нужно?

Казалось бы, не нужно. Израсходованный автобусный билет. Но Нилка на своей подвеске заболтал ногами, завопил:

— Ой, не выбрасывай! Это очень с'счастливый!

И объяснил, когда его опустили:

— Видите, здесь все сходится. Серия НБ — Нил Березкин. Восемнадцать и один — это я родился восемнадцатого января. И снова сто восемьдесят один — в час ночи в восемьдесят первом году. Видите, какие одинаковые цифры слева и справа! Так ведь редко бывает... А если их сложить вместе, будет двадцать.

— А что такое «двадцать»? — спросил Федя.

— Ну... это двадцатое июня. Когда вы меня позвали с'сниматься...

Все даже смутились малость. И сам Нилка. Билет вернули на место, Нилку опять вздернули на подвеске, начали снимать, как он роняет сандалию. Уронил он ее очень даже натурально. И ловко поймал обратно. Помахал рукой тому, кто бросил с земли. А в фильм перед этим вмонтировали, конечно, Степку: как сандалия шлепа-

ется рядом с ним в траву, как он хватает ее, смотрит на Нилку, бросает... И почти никто из зрителей сейчас не знал, конечно, что через минуту после этого началось на берегу.

А пока Нилка летел, под ним проплывал Город. Крыши, тополя, излучина Ковжи, бегущие по прибрежным улицам автомобили. И лучи солнца били сверху сквозь облако. И голуби кружили у пожарной каланчи, словно чайки у маяка...

Плавно, будто со специальным кинозамедлением (а на самом деле без него), Нилка приземлился в траву на пустыре у разваленной халупы. И сразу оказался в своем балахонистом свитере и широких полусапожках. С ведром и длинной кистью.

— Знаете, почему я здесь? Мы тут встречаемся с художником, которого зовут Вячеслав Муратов. В нашем Городе много хороших людей, и Вячеслав Анатольевич — один из них. Вообще-то мы зовем его просто С'слава... Однажды он увидел меня после дождя в такой вот с'спецодежде и говорит: «Давай я напишу твой портрет. «Том С'сойер наших дней». А мне, конечно, интересно, никогда с меня портретов не писали...

И вот Слава за мольбертом, работает кистью. Это еще не настоящая картина (ее Слава пишет до сих пор), а пока набросок, этюд. Сделан крупными быстрыми мазками. Но все равно Нилка очень похож. Он стоит вполоборота, приподнял кисть, которой только что мазал забор, а веселое лицо повернул к зрителю. Будто спрашивает: «Ну, как у меня получается?» Волосы у него растрепаны пуше обычного, рукава подвернуты до локтей, на руках, на щеке, на коленках — пятна краски... Теперь этот этюд висит дома у Нилки. Рядом с копией картины Пикассо «Мальчик с собакой». Пока Слава пишет Нилку, а тот позирует, Борис и Федя стоят неподалеку. Разглядывают остатки надписи на кирпичной стене — память о фотомастерской. Нилка наконец смот-

рит туда же. И принимается выводить кистью на покосившихся досках забора: «Н.Е. Березкин»...

— Знаете, почему я это написал? Когда-то здесь стояла мастерская моего прадедушки. Он был знаменитым фотографом. Когда смотришь на его снимки, кажется, что опять летишь над городом, только уже в машине времени, в прошлом...

Нилка бросает кисть и взмывает в небо (на самом деле — обратный ход пленки; по правде-то Нилка прыгал с забора в траву). И вот он снова летит — сперва через звезды, а потом как бы над старыми, столетней давности улицами. И меняются на экране снимок за снимком... И вдруг — молодые лица: парни и девушки, целый класс. По одежде, по прическам видно, что не нынешние, а из прошлых лет. Но уже не из таких далеких...

— А вот еще с'снимок. Но это, конечно, уже не прадедушкин. Таких фотографий много-много хранится у старой учительницы Анны Ивановны Ухтомцевой. Она полвека учила ребят в школах нашего города...

Анна Ивановна (живая, улыбочивая!) раскладывает на столе фотоснимки. Крупно видны ее чуть дрожащие сухие руки с прожилками...

— Теперь Анна Ивановна живет с'совсем одна в маленькой квартире на двенадцатом этаже, в доме номер три на улице Блюхера. Квартира с'сорок восемь... Если бывшие ученики навещают ее, она будет очень рада...

Поздно уже навещать. Об этом ведущая скажет в конце передачи...

— Вернемся на минутку в прошлый Устальск, ладно?.. Вот это церковь Всемиловейшего Спаса. Такой она была в те годы. Потом долго был в ней то склад, то завод, с'сломали колокольню... Но теперь восстановили...

Колокольня стоит над тополями. По лестнице поднимается человек со светлым крестом на спине. На площадке у маковки его ждет другой (это были Слава и Ды-

митрий)... И вот уже крест стоит в высоте, горит на нем солнечный зайчик. Люди спустились. Опрокидывается, бесшумно рушится вниз лестница... И вот двор. Несут куда-то доски, разгружают с машины кирпичи. Слава и отец Евгений (оба в клетчатых рубашках и брезентовых штанах) таскают носилки с цементом...

— В наше время люди думают по-разному. Кто-то верит в Бога, а кто-то нет. Но если строят церковь, то, по-моему, все делается добрее. Потому что... ну, вот посмотрите, какая внутри церкви открылась картина...

И во весь экран — роспись. А потом — крупно, по отдельности — лица всех, кто на картине... (Оля поставила тут пьесу Вивальди — ласковую, теплую такую старинную мелодию.)

— Взгляните с'сами, сколько здесь доброты! Просто так и хочется оказаться вместе с этими ребятами... Вот если бы все взрослые всегда так с'смотрели на детей... — И опять во весь экран — лицо Учителя...

А затем — наплыв темноты, жесткий аккорд и горький вскрик Нилки:

— Но так — с'совсем не всегда! Бывает и по-другому! Вот как бывает в нашем городе Устальске!.. — И понесли, замелькали те, десятки раз виденные и все равно бьющие по нервам кадры: группа на берегу... Гневная Ия Григорьевна... Удар, снова удар. И опять, крупно — раз, два! Блестящие брызги летят из глаз тонкошею Южакова...

— И пос'смотрите еще раз! Видите: в углу кадра милиционер! Подходит, глядит...

В слегка размытую, но хорошо различимую фигуру старшего лейтенанта Щагова уперлась черная стрелка (пришлось повозиться с этой комбинированной съемкой).

— Думаете, он вмешался? Заступился?.. То есть да, он вмешался: напал на того, кто снимал этот с'случай... Ну еще бы! Ведь та, кто била, — с'супруга милицейского

начальника!.. И пожалуйста, не с'смейте вырезать эти кадры!..

...А потом пошла беззаботная «Ламбада». И то, что снято на улице Репина. Толпа, шашлычники, торговцы, нищий (торопливые прохожие переступают через его деревяшку). Резвятся среди материнских юбок цыганята. Разевают в призывном крике рты продавцы лотерейных билетов...

— Город живет, будто ничего не с'случилось. И здесь уже нет никакого места для с'сказки... и мы не хотим, чтобы наше кино кончалось вот так. Лучше с'снова...

И опять возникает роспись на церковной стене. Потом плавно надвигается. Мальчишка, похожий на Нилку, смотрит со стены, с экрана... А вот — сам Нилка. На поляне у забора. Ставит ведро, кладет в траву кисть. Наклоняется, срывает пушистый одуванчик. Смотрит сквозь него на солнце... Бьют сквозь гущу семян-парашютиков лучи.

Одуванчик превращается в компьютерный рисунок — на дисплее «бэкашки». Нилка жмет клавишу. Одуванчик пропадает, вместо него рисуется бегучими линиями контур сказочного городка. Над ним появляется белый рогатый месяц. И, слизывая середину рисунка, бежит по экрану надпись: «Конец»...

Это было еще не все.

Уже в сентябре, когда записали почти всю передачу, позвонила режиссер Лина Георгиевна. Сказала, что хорошо бы снять в студии беседу после фильма. Потому что «приходится учитывать кое-какие обстоятельства».

Когда они явились на студию, там, кроме ведущей Валентины Гавриловны, встретила ребят полная тетя с добродушным лицом и погонами майора милиции.

— Брать будут? — без улыбки спросил Борис.

Взрослые охотно посмеялись. Валентина Гавриловна объяснила, что работники правоохранительных ор-

ганов, которые работают с детьми, тоже хотят высказать свое мнение. Они ведь имеют право, верно? Сейчас гласность и свобода мнений.

Сели на полукруглый диван, у низких столиков. Включились очень яркие, греющие-лицо софиты...

— Ну что ж, ребята, — сказала тетя-майорша, которую звали Полина Михайловна. — Я с интересом и даже с удовольствием посмотрела ваш фильм. Честное слово... — Она излучала этаким домашний уют, несмотря на погоны. Наверно, так и полагается работникам детских комнат. — Вы славно поработали. Местами даже талантливо... Но вот что хочу заметить. Талант — это ведь сложный инструмент. Им, как скальпелем хирурга, надо действовать очень умело и точно. Иначе можно вместо излечения принести вред...

— Короче говоря, — не выдержал Федя, — зачем мы зацепили в фильме милицию! Да?

Полина Михайловна грустно кивнула:

— Вот-вот! Этого я и боялась... Ожесточения! Вашей непримиримости к тем, кто за вас отвечает и кто вас охраняет. К педагогам и работникам милиции... Неужели вы думаете, что они — ваши враги?

— Разве кто-то говорит про всех педагогов и про всю милицию? — сказала негромко Оля.

— Вы, наверное, этого не хотели. Но ведь кино — могучее средство обобщения. И когда зрители посмотрят...

Борис глянул из-под ресниц:

— Разве зрители такие глупые? Разберутся, кто есть кто...

— Важно, чтобы вы разобрались! Чтобы в таком вот возрасте не ожесточили души ненавистью ко всем взрослым. О вас, ребята, моя тревога...

— Да? — опять не сдержался Федя. В нем начинала гореть та жгучая, «летняя» обида. — А мне кажется, о

другом. Тревога-то... Чтобы у старшего лейтенанта Шагова и у Ии Григорьевны не было неприятностей.

— Вот! — с торжествующей укоризной произнесла Полина Михайловна. — Вот-вот! Значит, я права. Вы думаете об отмщении. Только о нем!.. Да не волнуйтесь, взрослые разберутся в этом случае и примут все необходимые меры!

— До сих пор разбираются, — вздохнул Борис. — А Ия Григорьевна гоголем по школе ходит. Отец говорил...

— А что же вы хотели? Чтобы ее в тюрьму? А вы думаете, тот мальчик... с кем она поспорила... он ни в чем не виноват?

— А если виноват — с'разу по щекам! Да? — вскинулся Нилка.

— А если кто недоволен — тут милиционер наготове, — вставил Федя.

И Полина Михайловна опять печально покивала:

— Да, трудно с вами... Ну, посудите, ребятки. Из-за одного случая (в котором вы сами тоже не совсем правы) можно ли делать широкие выводы?.. В наше время, когда милиция напрягает все силы на борьбу с растущей преступностью, вы наносите ей удар со спины... Это же предательство!

— Вы с'лова выбирайте все-таки, — негромко, но отчетливо произнес Нилка.

Лицо доброй Полины Михайловны пошло пятнами (заметно на цветном экране). Но она сдержалась. Негоже педагогу в майорских погонах оскорбляться выпадами неразумного мальчишки.

— Я выбираю слова. Может быть, горькие, но справедливые... Вы должны понимать, что без милиции наша жизнь была бы просто невозможна. В конце концов, никто не отменял слова великого поэта, ставшие народной поговоркой: «Моя милиция меня бережет...»

— А что за этими словами дальше, никто не вспоминает, — задумчиво сказала Оля.

Все вопросительно глянули на нее.

Она объяснила:

— Эту поэму Маяковского «Хорошо!» мама наизусть читала, когда в школе училась. Выступала на сцене. И потом мне рассказывала, когда я подросла... Там ведь как: «Моя милиция меня бережет». А затем: «Жезлом правит, чтоб вправо шел. Пойду направо. Оч-чень хорошо...» Современные стихи, верно? Сейчас опять стараются, чтобы все шло направо. Дружными шеренгами...

«Ай да Ольга!» — подумал Федя.

Борис ее тут же поддержал:

— А кто хочет налево — тому по шее... Жезлом.

— Или по почкам, — ощутив щекотание в горле, вспомнил Федя. — Без свидетелей. И чтобы следов не было...

— Ну как тебе не стыдно! — ахнула Полина Михайловна.

— Мне стыдно? Я, что ли, бил?

Полина Михайловна мягко наклонилась к Феде:

— Мне говорили, что ты верующий мальчик и не скрываешь это...

— А почему я должен скрывать?

— Не должен... Но где же твое милосердие?

— А я милосерден... к тем, кто заслуживает.

— А как ты определяешь: заслуживает или нет? Ведь в Евангелии сказано: «Не судите, да не судимы будете...»

— А зачем тогда с'суды? — спросил Нилка. — И милиция?

— Мы вообще говорим о разном, — опять спокойно вмешался Борис. — Вы почему-то о милиции в целом. А мы о таких, как этот старший лейтенант...

— А знаешь ли ты... знаете ли вы... — в голосе Поли-

ны Михайловны зазвенела слезинка, — что этот старший лейтенант... что он сейчас лежит в больнице? Он был недавно ранен, когда задерживал вооруженного преступника!

Помолчали немного, потом Борис негромко спросил:

— Ну и что?

— Как — ну и что? Неужели не понятно, какой он замечательный, храбрый человек! Его представят к награде!

Федя, подбирая слова, сказал:

— Ну... наверно, он в самом деле храбрый. Трусу в милиции как работать?.. А тот преступник, он тоже, видимо, храбрый, иначе в схватку не полез бы. Значит, и его, что ли, замечательным считать?.. Храбрость — она сама по себе что? Она же... ну, нейтральное качество...

— Надо еще, чтобы с'справедливость!

— Ты хочешь сказать, что он вступил в схватку с преступником несправедливо?

— Да не об этом он хочет сказать, — поморщился Борис. — Вы же понимаете... А с преступником, видать, не так страшно воевать... как с женой начальника спорить...

Полина Михайловна уже без надежды обвела юных спорщиков полным упрека взглядом:

— Значит, как же?.. Вам, выходит, этого раненого человека совсем-совсем не жаль?

«Жаль?» — спросил себя Федя. Надо было что-то сказать.

Но сказала Оля:

— Ну почему же? Конечно, жаль. Ему же больно... А вам того, второго, не жаль?

— Преступника?!

— Да нет же! — опять очень звонко взвинулся Нилка. — Того мальчика, которого били!.. Показать еще раз?!

— Нет, зачем же! — всполошилась Полина Михайловна.

Однако режиссер на пульте (вот молодец!) снова пустил эти кадры. Опять полетели из глаз Южакова капли-искорки.

...Валентина Гавриловна сказала, что беседа получилась интересной, хотя ее участники не во всем согласились друг с другом. Ну, это вполне естественно, когда обсуждаются такие непростые вопросы. Возможно, и телезрители захотят высказать свои мнения. Пусть они пишут по адресу: Устальск, телестудия, редакция передач для детей и юношества...

На следующий день в школе Федю хлопали по плечу:

— Ну, дядя Федор, запузарили вы передачу! Прямо как «Пятое колесо» из Питера...

— Проблематика!

— Только зря ты так сопел и морщился...

— Попробуй не морщиться, когда тебе в рожу десять тысяч ватт... — огрызнулся Федя. Не станешь ведь объяснять, что от обиды порой перехватывало голос и намокали ресницы.

Гуга снисходительно посоветовал:

— Ходи теперь с оглядкой. Не дай Бог, если в автобусе без билета окажешься или не там улицу перейдешь. Менты — они злопамятные. И за свою корпорацию — горой...

А потом дело приняло совсем неожиданный оборот. На беду восьмого «А», немецкий в этом году преподавал у них не Артур Яковлевич, а Венера Платоновна. Артур — тот хоть и придирчивый, насмешливый, но, в общем-то, справедливый и без дамских эмоций. А Венера — та вся на нервах. Как заведется — уже себя не помнит. А потом: «Вон из класса!» За что и носила прозвище Фрау фон Из-кляссэ.

И вот заметила Фрау, что Федя шепчется с соседом Димкой Данченко (как раз передачу обсуждали).

— Кроев, встань! О чем я сейчас говорила? Отвечай!

Федя, слава Богу, слышал, о чем она говорила. Ответил без ошибки. Но это лишь раздосадовало Венеру Платоновну.

— Небось новый сценарий соседу рассказывал! Как над вами, над бедненькими, учителя издеваются! Чтобы опять снять кино... на ворованной пленке!

— Чего? — ошарашенно спросил Федя. — На какой... ворованной? Вы с ума сошли?

— Ах, я с ума сошла? Хам... А почему Дмитрий Анатольевич говорил в учительской: «Уж не на той ли пленке они снимали, что Кроев у меня летом стащил?»

— Как вы смеете... — беспомощно сказал Федя.

— Вон из класса!

Федя грохнул дверью и, пылая негодованием, кинулся искать физика. У того, к счастью, не было урока, он сидел в учительской. Дрожа от яростной обиды, Федя выговорил:

— Дмитрий Анатольевич, мне надо с вами... выяснить... Можно в коридоре?

Они вышли. Физик — добродушный, улыбчивый. Этаким свой парень-педагог, который всегда понимает мальчишек.

— Что стряслось у тебя, дружище?

— Вы говорили учителям, что я украл у вас кинопленку?

— Ты что, юноша? С антресолей упал?

— Фрау... Венера Платоновна объявила сейчас: Дмитрий Анатольевич сказал, что Кроев летом стащил у него пленку! На которой фильм...

— А-а... — Физик ухмыльнулся. На миг его глаза неловко скользнули в сторону. — Это утром, когда наша педагогическая общественность базарила про передачу.

Я сказал не «стащил», а «утащил». В смысле «унес». Что-то такое ведь было, да?

— Вы же сами мне отдали, списанную!

— Ну, отдал так отдал. По правде говоря, я не помню, такая круговерть в те дни была... Ты чего распереживался-то? У меня же никаких претензий к тебе...

— У вас-то претензий нет! А Венера...

Физик нагнулся, сказал вполголоса:

— Ну, дура же она. Это сугубо между нами...

— Вот вы так и скажите тогда! В учительской!

— Ты обалдел?

— Да не про то, что она... это... А что я пленку не брал! И чтобы все знали! А то «стащил» или «утащил»...

Дмитрий Анатольевич сузил глаза:

— Не понял. Ты что, ультиматум мне ставишь?

— Не ультиматум, а... вы тоже должны думать, когда говорите.

— А ты не должен думать, когда говоришь с учителем?

— А если учитель... можно плевать на ученика?

— Кроев! Я, конечно, добрый дядя, но...

— Я вижу, какой вы добрый... — опять сквозь царапанье слез выговорил Федя. — Наговорили на человека, а теперь... святая невинность, да?

— Дать тебе по-свойски по шее или на педсовет?

— Один уже давал... дембиль такой. Потом не обрадовался. — Федя глядел в позеленевшие, как у кошки, глаза Дим-Толя. Тот сдержался.

— Отлично. Тогда побеседуем на педсовете.

— Есть еще школьный совет! Там и побеседуем! —

Федя повернулся и пошел прочь.

Он спустился на первый этаж. Вспомнил, что уже пятый урок и что, возможно, Степка сидит в раздевалке, ждет.

Степка и в самом деле был там — в окружении еще

нескольких второклассников. Играли в бумажные автомобильчики. Увидел Федю, подскочил:

— Идем домой, да?

— Нет, сегодня топай один... Дай мне листок и ручку.

Устроившись у подоконника, Федя крупными буквами начертал на вырванном тетрадном листке:

«В школьный совет. От ученика 8 «А» класса Кроева Федора. Требую разбора с учителем физики Д.А. Жуховцевым. Он сказал в учительской, что я летом, во время практики, украл у него киноленту. Если украл, пусть докажет и пусть меня отправляют в колонию. Если этого не было, пусть при всех извинится за оскорбление. Ф. Кроев».

Свернутый вчетверо листок он бросил в ящик на втором этаже. На ящике была надпись: «Для жалоб, заявлений и предложений в школьный совет. Рассматриваются ежедневно». Да, не то что в прежние времена. Как говорится, демократия...

После урока Федя изложил историю Борису.

— Ай да Дим-Толь, — вздохнул Борис. — Вот они какие — «свои парни».

— Я ему всегда верил. Думал, правда он за ребят горой, — сказал Федя. И вспомнил: — А теперь как в песне: «Жгли предательством те, кому верили...»

— Ты только не перегорай, — попросил Борис.

— Больно надо! На совете я все равно докажу...

— Я тоже приду. Обязаны пустить, мы ведь вместе на эту пленку снимали!

Из школы пошли не домой, а к Оле. Борька сказал, что у нее сегодня четыре урока и она, наверно, уже дома.

— Надо же наконец договориться, как стыковать юго-западный лист со всей картой. Там такая каша...

— Каша... — рассеянно отозвался Федя.

— А еще... Слышь, Федь, что-то царапает меня. Почему Нилка вчера какой-то кислый был? Обратил внимание?

— Нет... не обратил. Ну, он, наверно, тоже сейчас прибежит! Узнаем...

Оля и правда оказалась дома. И сказала, что Нилка уже заходил.

— Совсем недавно. И опять ушел... Ох, он зареванный такой. Говорит, родители опять в Штаты засобирались.

Еще не легче! Сразу почти забылся скандал с Дим-Толем.

— А может, снова передумают? — беспомощно надеялся Федя. И понимал: нет, не передумают.

Пока сидели, горевали, рассуждали про свалившуюся беду, опять появился Нилка. Насупленный и будто виноватый.

— Что, правда? — тихо опросил Борис.

— Это все мама... Говорит: «Вы с ума с'сошли! Все бумаги оформлены, это единственный с'случай в жизни...»

— А... папа? — осторожно спросила Оля.

— А он... он маму жалеет. И еще тут, как назло, музей с'согласился взять в свои фонды прадедушкину коллекцию. Мама говорит: «Теперь тебя даже эти с'стекляшки не держат...» Но папа все равно не хочет. А она: «Почему мы должны маяться в этой нищей и бестолковой с'стране?..»

«Потому что наша», — подумал Федя. Но промолчал. Нилке-то какой прок от этих слов.

Борис грустно заметил:

— А тебя, значит, и не спрашивают.

— Меня как раз спрашивают: «С кем ты будешь, если разъедемся?..»

«Знакомо», — подумал Федя.

Нилка сидел у стола. Он лег на стол головой и тихонько заплакал. Открыто так, не стесняясь. Его успокоили, как могли. И разошлись. Ох и тошно было...

Наутро в школе Флора Вениаминовна сказала Феде:

— Зачем уж так сразу — на школьный совет? Завтра будет классный час, давай на нем и разберемся. Пригласим Дмитрия Анатольевича, Ольга Афанасьевна тоже собиралась зайти.

Федя пожал плечами. Теперь ему было почти все равно. Сверлило одно: «Нилка... Нилка... Неужели уедет?»

К концу уроков разболелась голова. Борис проводил его домой, а сам отправился к Оле. Оттуда они позвонили уже под вечер. Сказали, что Нилка сегодня не приходил, а к нему идти боязно: родители там небось выясняют отношения...

— Дядя Федор, а ты-то как?

Федя был так себе. Голова болеть не перестала, температура — тридцать семь и пять. Если бы не классный час, можно было бы завтра с полным правом не пойти в школу. Но ведь решат, чего доброго, что Кроев струсил.

«А может, с утра отлежусь. Завтра ведь со второй смены».

Такое дурацкое было в школе № 4 расписание: по субботам восьмые классы учились с двух часов. Причина тут была в тесноте, нехватке кабинетов и прочих неурядицах. Народ роптал. Директор Ольга Афанасьевна и учителя уговаривали: дело, мол, временное, только на первую четверть...

Утром и в самом деле стало полегче. В середине дня, правда, опять загудела голова, но Федя терпеливо отсидел четыре урока. Классный час был пятым.

Федя понимал, что при своем «вареном» состоянии да еще при беспокойных мыслях о Нилке едва ли он се-

годня сумеет крепко воевать за справедливость. Но когда все расселись, когда появились Дим-Толь и Ольга Афанасьевна, Федя опять ощутил нервное возбуждение. Жгучесть недавней обиды.

А Бориса Хлорвиниловна не пустила: «Извини, голубчик, но у нас автономия и суверенитет, а ты из другого класса... Ну и что же, что друзья! Потом все узнаешь...»

Дим-Толь, усмехаясь, устроился на задней парте. Ольга Афанасьевна села у стола.

— Ну, начнем, — вздохнула Флора Вениаминовна. — Хотела я говорить про успеваемость, да сегодня не до того. Иди, Федя, сюда, рассказывай...

И Федя вышел к доске. И сбивчиво, но с накалом поведаль, что случилось позавчера. Дим-Толь при этом смотрел в темное окно. С таким лицом, будто ему хочется насвистывать.

Флора Вениаминовна прочитала Федино заявление в совет.

— Ну, времена пошли, — бросил с места Дим-Толь. — Скоро первоклассники в ООН писать будут.

— Дмитрий Анатольевич, ну зачем вы так, — укорила Ольга Афанасьевна. — Мальчик действительно имеет право, если считает, что он обижен. Давайте разберемся...

— Да в чем разбираться-то? Я его разве обвинял? — Дим-Толь разгорячился не хуже восьмиклассника. — Я сказал «утащил пленку». В том смысле, что забрал с собой. А не украл... А он в коридоре берет меня за грудки и кричит: «Кайся при всех!» Я кто ему, мальчик, да?.. И я действительно не помню, разрешал ли я ему брать пленку. Помню, что он унес, но с позволения или, так сказать, по своей инициативе, не знаю... Да мне не жалко, списанная же!

— Да в том, что ли, дело, жалко вам или нет! — вски-

пел Федя. — Меня теперь вором называют! По вашей милости!

— Кроев, Кроев, — сказала Хлорвиниловна.

— А чего «Кроев»? Я... официально требую извинения!

— Ну-у... — Дим-Толь поднялся. — Если так официально, тогда я тоже... Докажи, что эту пленку я тебе подарил. Есть свидетели?

— Дмитрий Анатольевич... — с улыбкой произнесла Ольга Афанасьевна.

— Нет, я официально: есть свидетели, Кроев?

«А совесть? Есть она у вас?» — чуть не сказал Федя. Но понял, что вот-вот разревется от такого подлого приема. И тогда в классе раздалось:

— Я свидетель. — И встал Гуга.

Ну уж чего-чего, а такого не ждал никто!

— Ага, я свидетель, — в тишине подтвердил Гуга. — Вы, Дмитрий Анатольевич, разговаривали с Шитиком... с Кроевым то есть в кабинете, а я в это время отодвигал от дверей куль с алебастром. Ну и весь разговор слышал. Вы говорили: «Да забирай ее, все равно это мусор». Ну, в общем, такой был смысл... Официально подтверждаю...

Опять повисла тишина. Вопросительная. Чем же, мол, теперь это кончится?

Дим-Толь иронически развел руками:

— Ну, если так... мы живем вроде бы в государстве, которое борется за звание правового. Вынужден принести Кроеву свои извинения. А засим — честь, как говорится, имею... — Усмехаясь, он сделал поклон и зашагал из класса. Все молча смотрели ему вслед. А когда вышел, загалдели — дело кончено, можно по домам.

Хлорвиниловна пыталась было уговорить «неуправляемую массу»:

— Подождите! Еще вопрос об итогах сентября... А впрочем, ну вас, убирайтесь... Кроев, ты доволен?

— Вполне, — буркнул Федя.

Бориса в коридоре не было. Не стал ждать, значит. К Оленьке небось рванул... Ну и правильно! Как там Нилка?

Федю догнал Гуга:

— Вот так, старик. Выручил я тебя?

— Выручил... Даже не ожидал. Сколько я должен? — И вспомнил, как в сентябре честно вручил Гуге пятерку за летнее избавление от шпаны. Вернее, четыре пятые. Полтинник-то Гуга был должен с июня.

— Нисколько. За справедливость бьемся бескорыстно.

— А ты уверен, что тут справедливость? — усмехнулся Федя. — Ты же наугад... Не был ты у двери и разговора не слышал.

— Не слышал. Но я же точно знаю, что он был.

— Откуда?

— Ну, Шитик ты мой ненаглядный! Посмотри на себя. Разве ты похож на тех, кто ворует в школьных кабинетах учебное имущество?

Федя уловил у Гуги свои собственные интонации. Сказал с досадой:

— А сейчас по внешности не определишь.

— А я не по внешности... Ты хороший парень, на таких надежда в будущем...

Федя не обиделся на насмешливо-снисходительный тон. Скорее удивился:

— Надежда? А разве не на деловых людей... как ты?

— Это само собой, — с удовольствием согласился Гуга. — Но такие, как ты... без них тоже нельзя. Кто-то должен думать и о душе. А то выйдем ведь... Ну, будь! — И ушел.

Федя побрел в раздевалку, размышляя, куда пойти: домой или к Оле? У гардероба его окликнула Ольга Афанасьевна:

— Кроев! Зайди быстренько в мой кабинет.

Значит, ничего не кончилось? Он пожал плечами.

Извинение извинением, а сейчас начнется воспитание. Он пошел рядом с директоршей. И вспомнилось:

— Ольга Афанасьевна! А ведь я и вам говорил, что Дим-Т... Дмитрий Анатольевич мне пленку отдал! Летом рассказывал, когда мы насчет штор в школу приходили! Разве вы забыли?

— Верно! Да-да-да, был разговор... Ты прибежал весь такой... пылающий идеей. Веселый, загорелый, в трусиках. И Боря Штурман с тобой...

— Ну вот! А теперь...

Она поняла наконец:

— Да ты что! Думаешь, я тебя на проработку веду? Тебя кто-то по телефону разыскивает. Очень срочно...

Ох, что опять случилось?

Звонила Оля:

— Федя, а Боря с тобой?

— Нет! Я думаю, к тебе побежал... Ты что, из-за этого звонишь в кабинет директора?

— Федя... Нилка пропал...

— Как — пропал?

— Ну, так... — Она всхлипнула. — Его папа звонил. Ушел утром в школу и до сих пор не вернулся...

НИЛКИНЫ МОЛИТВЫ

Все-таки сбывся он, этот страшный сон, который не раз видел Федя. Исчезновение, мука неизвестности. Правда, снилось про Степку, а произошло это с Нилкой. Но Нилка... он ведь тоже почти как брат. И от мысли, что, может быть, нет его уже на свете, заходило сердце...

А каково отцу его и матери?!

...Выяснилось, что в школе Нилка был, отсидел вместе со всеми четыре урока, потом оделся, вышел на улицу, и больше никто Березкина не видел. Теперь, к вечеру, уже обзвонили или обежали всех его одноклассников. Никаких следов. Звонили и в милицию. Сперва дежурный успокаивал: не ночь же, мол, еще, чего пани-

ковать! Гуляет где-нибудь пацан. Кое-как убедили, что не такой это пацан, который где-то шастает в одиночку, он всегда с друзьями. Дежурный «сигнал принял». Обещал звонить, если что выяснится. У Березкиных телефона не было, дали номер знакомых, которые жили двумя этажами ниже. Никто, конечно, туда пока не звонил.

Злорадствуют теперь небось в милиции: это вам не кино снимать! Как беда стряслась, к нам же и кинулись! Да черт с ними, пусть злорадствуют! Лишь бы Нилка нашелся!

Когда Федя, Борис и Оля прибежали к Березкиным, Нилкина мать плакала не переставая. Аркадий Сергеевич старался держаться спокойно. Однако говорил уже без всякой уверенности:

— Ну ладно, ладно, Роза... Найдется же... Может, решил прокатиться за город, у мальчишек такое бывает... — И снова расспрашивал ребят: не говорил Нилка вчера о каких-нибудь своих планах, не намекал ли на что-нибудь?

Нет, не говорил, не намекал. Только горевал о том, что мать изо всех сил настаивает на отъезде. Да и какие могли быть у него планы, отдельные от Бориса, Оли, Феди? Немыслимо это. Если только... Если... Борис первый решил на вопрос:

-- Аркадий Сергеевич. А вдруг он нарочно? Ну, что бы вы не увозили его... и не расходились?..

Нилкин отец глухо сказал:

— Я уже думал... Неужели Нил способен на такое?.. — Руки и очки у него дрожали.

«Вы же способны... так его мучить...» — подумал Федя.

Сиди не сиди, горю не поможешь. И где искать — не придумаешь. Пришлось расходиться по домам. Нилкин отец обещал, что позвонит Феде сразу, хоть среди ночи, если что-то станет известно.

— И вы звоните, если вдруг что... В любое время. Хозяева телефона предупреждены, они хорошие люди...

На улице была совсем ночь. То есть, конечно, вечер, но черный и звездный. Звезды дрожали среди сухих кленовых листьев. Листья то и дело срывались, с шорохом падали в темноте. Казалось, что сами звезды шелестят...

А если... если все-таки Нилкин страх был не напрасен? Может, не зря на нем звездная метка?.. Недавно по телевидению выступал опять один специалист по НЛО, заявил снова, что несколько тысяч землян в прошлом году исчезли так необъяснимо, что без пришельцев тут явно не обошлось...

Видно, у всех появилась одна и та же мысль (очень уж яркие были звезды). И, как бы заранее отбрасывая такую фантастику, Борька сумрачно сказал:

— Надо все-таки думать о реальных вариантах.

— Не мог он сбежать, мальчишки. Как это — не сказавши нам! Он всегда все доверял.

— Доверял, пока имело смысл, — возразил Федя. («Имело с'смысл», — горько отдалось в нем.) — А сейчас-то он же прекрасно знал, что мы будем отговаривать, а помочь ничем не сможем... Или он просто подводить нас не хотел. Решил спрятаться где-нибудь и переждать, пока родители не помирятся и пока мать не раздумает ехать...

— Где он мог спрятаться? В лесу, что ли? — сказал Борис. — Не лето ведь...

Так они шли по улице Блюхера — еле двигая ногами, с грузом тяжко навалившейся тревоги. Феде представилась почему-то сделанная в лесу хижина — этакая груда веток, в ней черная нора, из норы выглядывает в своей вязаной шапочке-пирожке Нилка... Отсюда мысль скользнула к другой норе — в зарослях на берегу.

— Слушайте... А что, если он решил спрятаться поближе? В подземном ходе, у церкви! Помните, там в одном месте сбоку углубление? Ниша такая, будто комнатка крошечная... Можно несколько дней пересидеть...

Борис вздохнул.

— Я понимаю, что шансов мало... — понуро согласился Федя. — Но вдруг? И... надо же где-то искать...

— Мы же не найдем сейчас на берегу эту дыру, — сказала Оля. — Ни фонаря, ни спичек...

— А с берега и не надо! — Федя оживился. Потому что любое действие дает хоть какую-то надежду. — Можно же из церкви! Расскажем все отцу Евгению...

— Так он там нас и ждет, — сказал Борис.

— Но там же сторож есть! Спросим у него, где отец Евгений живет, сходим... Ну, надо же что-то делать!

Борис решительно ускорил шаги:

— Пошли.

В кирпичной сторожке, что стояла в углу церковного двора, светилось маленькое окно, закрытое изнутри газетой. Федя и постучал в это окно — без раздумий. Когда такое дело, тут не до стеснения.

Почти сразу послышалось через дощатую дверь:

— Иду... Что за гости?

Голос знакомый, не ошибешься...

— Дядя Женья!

— Отец Евгений!

— Мы по делу! — сказал Борис.

— Входите... А я сегодня здесь ночь коротаю. Сторож отпросился, а кому-то надо караулить...

В побеленной комнатке, с иконой в углу, с конторским столом, с раскладушкой, накрытой спальником, и с обшарпанными стульями, горела настольная лампа. Отец Евгений — в поролоновой куртке, солдатских брюках и сапогах — сел на заскрипевшую раскладушку, поправил блестящие очки.

— Рассаживайтесь, птички вечерние... Что случилось-то?

...Он не удивился рассказу. Будто ждал чего-то подобного. Насупился, снял очки, устало потер глаза. Потом сказал:

— Ход с той стороны заложен кирпичом. Два дня

назад. С лета собирались, а тут наконец пришлось... А с нашей стороны давно стоит железная дверь...

Оля приложила к губам костяшки пальцев. Охнула тихонько.

— А если он... Он ведь не знал про это. Вдруг полез искать проход и сорвался? Там ведь круто...

«Не так уж круто...» — подумал Федя. Отец Евгений качнул головой:

— Он знал, что проход заложили.

Борис вскинул ресницы-щетки.

— Откуда знал?

— Он приходил пару дней назад, — неохотно объяснил отец Евгений. — И я сказал ему...

— Один приходил, без нас? — вырвалось у Феди с ноткой ревности. Хотя до того ли было...

— Да... Так получилось. — Отец Евгений, видимо, не хотел говорить про это.

Не то чтобы подозрение, но чувство какой-то неясности, недоверчивости появилось у Феди. Но расспрашивать ни он, ни другие не посмели. Федя только сказал упрямо:

— Там ведь могла появиться и другая дыра. После оползня. И Нилка мог найти...

Конечно, это была почти полная невероятность. Все равно что пришельцы... Но отец Евгений вдруг быстро встал:

— Пошли. Дело такое, надо проверить самый крошечный шанс... Пойдите, фонарик возьму...

При свете фонарика не разглядеть было, открыта ли на стене роспись. Блеснули только оклады уже развешанных кое-где икон... В люк теперь было вделано большое кольцо. Отец Евгений поднял крышку, стал спускаться первым...

Через несколько метров показалась решетчатая дверь, сваренная из толстых арматурных прутьев. Отец Евге-

ний отпер висячий замок... Путь до новой кирпичной кладки не занял много времени, хотя двигались медленно — оглядывали стены: нет ли где случайного лаза на берег? Не было...

Пока шли вперед, была еще какая-то, пускай хоть самая крошечная надежда. А обратно — совсем похоронный путь. Вот опять полукруглая тесная ниша, где Федя думал отыскать Нилкино убежище. Фонарик снова метнулся лучом по углублению. Пусто. Лишь мусор на кирпичном полу, бумажки какие-то...

— Стойте! — Федя подхватил с пола короткую бумажную ленточку. Поднес к фонарику. Молниеносное предчувствие не обмануло. — Это же Нилкин! Смотрите, его счастливый билет! Он его всегда с собой носил!..

Отец Евгений опять, кажется, не удивился. Впрочем, лица его не было видно. Он проговорил негромко:

— Вон как... Значит, обронил в тот раз... Пойдемте, я вам, ребята, все расскажу. А то, чего доброго, вы меня в похитители запишете. А дело тут совсем другое...

Вернулись в сторожку, расселись в нетерпеливом напряжении. Отец Евгений сказал виновато:

— Обещал я ему молчать про это, да сейчас не тот случай. К тому же вы его друзья... В общем, виделся я с Нилкой в эти дни дважды. Вернее, даже не «в дни», а в один день, во вторник... Сперва, до полудня еще, его ко мне Дима привел. Ну, Дымитрий, как вы его зовете... «Вот, — говорит, — Нил тебя спрашивает...» Я смотрю, а у Нилки капли на ресницах и лицо такое... В общем, ясно — неладно что-то у мальчонки. «Что, — говорю, — Нилушка, случилось? Беда какая?» А он спрашивает, будто через силу, тихо так: «Дядя Женя, вы меня можете окрестить, чтобы я стал полноправный верующий?» Я растерялся малость. «Ну, — говорю, — вообще-то могу, конечно. Только это ведь в один момент не делается. Родителей спросить надо... А чего ты вдруг так, со сле-

зами?..» Тут он расплакался вовсе... И рассказал про то, что у него дома... Ну, вы про это не хуже меня знаете... Капли роняет и говорит: «У меня безвыходная ситуация. Никто из людей уже помочь не может, а к Богу я, наверно, не имею права обращаться, раз некрещеный...» Он ведь умеет иногда вот так обстоятельно выражаться. В ином случае и улыбнуться бы не грех, а тут у меня самого чуть не слезы к горлу. «Нилушка, — говорю, — к Богу любой обращаться может, если с чистым сердцем... А к тому же и я помолюсь, чтобы миновали тебя всякие горести... А еще, — говорю, — давай-ка я зайду на днях к твоим родителям. Ежели не как священник, то просто как твой знакомый, которому ты свое горе поведал. Тогда и побеседуем про все...» Конечно, я отговаривать Нилкину мать не помышлял. Да и какое право я имею? Может, им и впрямь там счастье судьбой предназначено, в Америке-то... Но думал, хоть успокою мальчонку малость... Смотрю, он повеселел вроде бы. Улыбнулся даже. «Ладно», — говорит. И ушел...

— А потом? — нетерпеливо спросил Федя.

— А потом... это уже под вечер... От двери-то от той подземной проводок идет, сигнализация самодельная, Вячеслав ее наладил на всякий случай. Ну и сработала. Тот же Дима пришел. «Звонит», — говорит. А люк в ту пору как раз открыт был, спустились мы неслышно, смотрю, у решетки копошится кто-то маленький. Увидел нас, дернулся было бежать. Потом замер. Ну, я сразу понял. «Нилка, — говорю, — постой...» Отпер дверь. Он стоит, голову опустил. Потом прошептал: «Простите, пожалуйста, я не знал, что теперь здесь заперто...»

«А зачем, — говорю, — ты тайком-то, под землей? Что с тобой, — говорю, — Нилушка, такое?»

Ну и признался он, когда уж я его сюда привел. Сказал, что хотел помолиться в церкви совсем один. Потому что, если при народе, то Бог, говорит, может и не услышать его, некрещеного. А вот так, в тишине... вроде

бы с глазу на глаз разговор с Создателем получится. И надо, чтобы именно в церкви, в доме Господнем. «Ох ты, — думаю, — вот как скрутило ребенка горе, если он с такой отчаянностью ищет выход...» И прошу его: «Успокойся, давай поразмыслим, как твоей беде помочь...» А что тут можно сделать?.. Нилка посидел, помолчал и вдруг спрашивает:

«А человек имеет право сам себя окрестить, если очень хочет?»

«Как это?» — говорю.

Он и рассказал... Днем, когда шел от меня, оглянулся на церковь. С утра дождь шел, а к полудню прояснило, небо синее, солнышко, листья желтые горят. У изгороди вода скопилась, в ней лучи играют и крест с колокольни отражается. Я это и сам видел... Ну и, как я понимаю, получился у Нилки такой проблеск, движение души... Подбежал он к этой луже, где крест отражался, встал на колени, руку смочил, брызнул себе в лицо. Слышал раньше, что водой крестят... Ну, вот и решил... И меня опрашивает:

«Это считается?»

Что мне делать было? Вижу, он совсем на нерве, как на тоненькой ниточке. Взял грех на душу... а может, это и не грех...

«Ладно, — говорю, — временно считается... Пойдем...» И повел в церковь. Затеplил свечку у образа Богородицы, сотворил молитву. «Теперь оставайся один, как хотел. Не побоишься?»

Он удивился.

«Чего же, — говорит, — бояться-то? Здесь разве может быть какое-то зло?» И остался... Я минут через пятнадцать думаю: пора пойти за ним, но он сам пришел сюда. Спокойный такой, только видать, что плакал недавно. Спрашивает:

«Это ничего, что я свечку гореть оставил?»

«Ничего, — говорю. — А ты, если захочешь, приходи

сюда, через подземный ход больше не лазь. Мы его завтра с утра кирпичами заделаем...» И заделали... А в тот вечер я его до самой квартиры проводил. Только родителей дома не оказалось. «Ну ладно, — думаю, — в другой раз приду». А на следующий день закрутили дела-заботы. Перегородку ставили временную, пока иконостаса нет, иконы развешивали. Скоро службы начнем, хотя и не кончили ремонт. Первая в день Покрова Богородицы будет... А тут еще оба мальчишки заболели, они у меня двойняшки трехлетние, все у них одинаково, даже с температурой валяются вместе... А про Нилку решил — зайду в понедельник... Знать бы, как обернется...

И опять тяжелая тревога легла на всех.

Борис вдруг вспомнил:

— Вторник — это ведь еще до передачи. А нам Нилка только в четверг про отъезд сказал. Про все эти споры... До того держался, значит. Молчал...

— Его понять можно, — вздохнул отец Евгений. — Бывает, что поделишься горем, и легче тебе, а бывает наоборот: и у тебя горя не убудет, и другим еще тяжесть. Он небось думал: чего зря друзьям душу томить, все равно помочь не смогут... Может, боялся даже...

— Чего боялся? — удивились Оля и Федя.

— Как вам сказать... Отчуждения, может быть. Что вы решите, не вслух, а про себя: уезжает, ну и что теперь, пусть... И пойдет по дружбе такая холодинка, трещина...

— Ну что вы такое говорите! — с упреком сказала Оля.

— Нилка так не подумает, — поддержал Борис.

Но Федя в глубине души почувал, что отец Евгений, может быть, и прав. Нилка ведь такой: иногда западет ему что-нибудь в голову, и сам он этому верит...

— Домой вам пора, люди, — тихо напомнил отец Евгений. — Самих-то вас небось тоже родители ищут.

— У меня мама на спектакле, — сказала Оля.

— А за нас, если мы с Федором вдвоем, никто не беспокоится, — хмуро объяснил Борис.

— Пойдемте, провожу немного... — Отец Евгений встал. — Надо надеяться. Может, скоро найдется Нилка живой и невредимый. Господь милостив...

— Если Господь милостив, почему вокруг... столько всего?.. — негромко сказала Оля.

— Потому что люди жестоки...

Двинулись к двери, но посреди сторожки отец Евгений остановился, обернулся к маленькому образу Спаса в углу. Перекрестился. Вполголоса произнес несколько слов. «Спаси и сохрани», — услышал Федя. Тогда он тоже перекрестился — с той же мольбой в душе, без слов. И без всякого стеснения. Борис с Олей стояли у него за спиной. Феде показалось, что они тоже двинули руками.

Хотя Борис и говорил, что дома не волнуются, на самом деле тревожились. Но ругать Федю не стали, знали уже про Нилку. Мама только сказала:

— С ума сойти можно. Один пропал, да и вас еще носит где-то. Борина мама уже звонила с автомата...

Надо было держаться. Федя попробовал даже поужинать. Ничего не лезло в горло. Потом с ним заговорила Ксения. Они с Ксенией еще в сентябре постепенно помирились. Теперь она спросила с заботой:

— Ну а как решилось в школе-то? С вашим физиком?

— Что? — не понял Федя. Потом только рукой махнул. Пустячной такой казалась теперь эта история. Все мысли были про Нилку.

Отец сказал:

— Я тоже в милицию звонил. И... в справочное о несчастных случаях. «Ничего, — говорят, — неизвестно»...

Было около одиннадцати.

Молча, печально, понимающе смотрел на Федю Степ-

ка. Не приставал. Наконец спохватились, погнали его спать...

Федя посидел еще. Рассеянно, не читая, полистал книгу «Малахов курган» писателя Григорьева. Потом лег, не раздеваясь. Выключил свет.

И потянулась эта изматывающая душу ночь. Эта пытка страшным незнанием. Это мучительное, почти физически ощутимое старание нащупать Нилку чувством и сознанием в пространстве, связаться с ним невидимым проводом: «Где ты? Что с тобой?» Но этот маленький локатор был бессилен в похожей на вечную тьму неизвестности...

Но ведь где-то же он есть, Нилка!

Прячется в каком-нибудь закоулке?

Трясется в ночном поезде?

Бредет, заблудившись, в лесу?

Или... может, правда летит где-то в космосе нездешний звездолет с маленьким пленным землянином на борту?

Ну, ведь бывает же, бывает какая-то телепатическая сила, когда, если отчаянно хочешь, можно получить отклик от того, кого ищешь!

А если... если уже некому откликаться?

Какой-нибудь гад, садист, шизик вроде того Фомы или просто грабитель затащил в подвал и...

Или подлый, трусливый водитель грузовика. Зацепил на повороте, видит, что конец мальчишке, кинул в кузов — и в лес, чтобы спрятать следы... Писали и про такое в газетах...

Если вдруг звонок и... «Вы можете опознать мальчика? Лицо, оно... ну, вы сами понимаете... На ноге несколько родинок, и одна — в светлом кружке величиной с гривенник...»

Дикие мысли, да? Ненормальные? Но ведь дико, ненормально и то, что Нилки нет... Нет... Нет...

Господи, хоть бы утро скорее!.. А что утром?

Федя задремывал иногда, и один раз показалось, что звякнул в прихожей телефон. Федя выскочил, схватил трубку. Длинный равнодушный гудок...

Под утро он все-таки заснул. И приснилось, будто Нилка в самом деле улетел на звездолете. Но без похищения, добровольно. И не в другие миры, а в Америку. И что прислал письмо с фотоснимком. Снимок был на толстом картоне, как старинный. На обороте — всякие завитушки, медали и надпись золотом: «Nils Bereskinъ & С°». Сам Нилка на карточке был мало похож на себя: слишком взрослый, гладкая прическа с пробором, белый отутюженный костюм, теннисная ракетка в руке. Этаким юный миллионер из Флориды... Ну да ладно, главное, что нашелся! И полному облегчению мешало лишь глубинное понимание, что это все-таки сон...

...Телефон трескуче взорвался в шесть утра. Федя вылетел в прихожую, рванул трубку.

— Федя?! Это Оля! Федя, мальчик прибежал! Из того интерната! Ну, тот самый, Южаков! Говорит, Нилку поймали большие ребята, избили и заперли! Он и сейчас там...

— Живой?!

— Федя! Я ничего не знаю! Беги сюда!

— Ты позвонила Березкиным?!

— Не отвечает телефон! Или отключили, или спят!

— Хватай мальчишку и давай туда! К Нилкиным родителям! Без взрослых не справиться! Я догоню!

— Федя, он еле стоит! Южаков... Я не знаю, что делать... — Она, кажется, плакала.

— Бегу!!

Главное, что нашелся! Ну, не насмерть же они его там!.. У, сволочи!.. Ладно, все потом! Главное — спасти! Скорей!!

Мама, отец, Ксения уже выглядывали из дверей. Запрыгал на пороге, натягивая колготки, Степка.

— Федя, я с тобой!

— Степка — ты к Борису! Пусть они с отцом на мотоцикле — к Ольге! Если опоздают — то к Березкиным!..

Ботинки, куртка, шапка... Что там мама кричит вслед? Какой еще шарф!

Свинство какое — лифт, конечно, занят! По лестнице, через пять ступеней... На улице еще темно... Резкий воздух осени, запах палых листьев забивает легкие... Квартал, другой, третий... Садовая... Декабристов... Калитка, дверь... Не надо звонить — Оля на пороге...

На кухне горел свет. Южак — со слипшимися волосами, в порванной школьной форме — сидел, привалясь к стене. Видно, так, без верхней одежды, и прибежал. Олина мама подсовывала ему кружку с чем-то теплым. Южак легонько мотал головой. Увидел Федю, слабенько так улыбнулся, виновато даже...

У Оли глаза и правда были мокрые.

— Федя, они его на улице после уроков поймали! Нилку! Утащили в интернат, в подвал, а там...

— Кто утащил?!

— Большие ребята! Любимчики Ии Григорьевны! Она ведь одних лупит, а других пригревает, разрешает им все, они там хозяйничают... Вот они и решили отомстить за нее! За кино! Подкараулили Нилку... Их много было, он не вырвался... А потом били в подвале. Говорят: «Заложника взяли»... И Павлика били...

«Павлик — Южак», — понял Федя. Сердце колотилось, он старался дышать ровнее, чтобы восстановить ритм.

— ...Сперва их вместе держали, а потом Павлика наверх увели, в спальне заперли, а то воспитатель хва-

тится. А Нилку внизу оставили... — Оля опять всхлипла.

— В милицию позвонили?

— Мама звонила. Там дежурный говорит: интернатские дела решайте с директором. А то, говорит, мы приедем, а про нас потом в газету: милиция врывается в детские учреждения...

Павлик вдруг сказал:

— Они днем нас заперли... Придут, побьют, потом опять запирают... Там кладовка такая, в ней маты старые... Но его не сильно били. Тех, у кого родители, боятся бить сильно... А я утром убежал из спальни. Ключ у них украл... от кладовки.

— Чего же ты Нилку-то не выпустил? — возмутился Федя.

— Меня бы поймали, если коридором... А я из спальни в окно...

— Он весь в синяках, — сказала Оля. — Его в постель надо. И врача...

Павлик с трудом встал:

— Вы без меня не найдете там... в подвале. И никто не покажет...

— Господи, да что же это... — совсем как Борькина бабушка, охнула Олина мама.

— Сейчас Борька с отцом прикатят!.. Ой, а если у них опять бензина нет?.. Ольга, а «Росинант» у тебя в гараже?

— Да!

— Ты... — Федя с беспокойством, с боязнью даже взглянул на Южакова, — удержишься на багажнике? Тут недалеко.

— Да... — Южак сжал губы. Маленькое треугольное лицо его казалось твердым. Красивым даже. На экране этого не было заметно, а тут...

— Ты как Ольгу-то нашел? Почему сюда прибежал?

— А по телику тогда... адрес сказали. Декабристов, двенадцать...

— Оля, куртку ему дай...

— Сейчас!

— Штурманы если приедут, пусть жмут к Березкиным... Или в интернат. Дядя Лева знает!.. Павлик, идем...

Растекалась по улице мутная синька октябрьского рассвета. Но сумрачно еще было, встречные машины ехали с фарами. Федя налегал на педали с яростной силой. Колело в боку, но пусть... Скорее!.. Сейчас — к Березкиным, потом с Нилкиным отцом — в интернат! Можно будет поймать такси или попутку...

Сидевший на багажнике Южаков сперва крепко держал Федю за бока. Но на полпути руки его ослабли. Он качнулся, сбив равновесие. Федя тормознул.

— Подожди, — выдохнул Павлик. — Я не могу... Голова кружится. — Он сполз с багажника, сел на край тротуара.

— Недалеко уже... — беспомощно сказал Федя.

— Ты... давай один... А потом за мной вернетесь...

Но как Федя мог оставить его? Он отчаянно оглянулся. Ну, хоть кто-то бы подошел, помог! Пускай даже милиция! Так нет же, безлюдная улица...

Слева уходил к берегу Фонарный переулочек. Мимо церковной ограды. Она всего в квартале отсюда! Может, судьба...

— Встань, — тихо, но решительно сказал Федя. — Держись за меня. Тут всего сотня шагов.

Он кинул руку Павлика себе на плечи, левой рукой схватил его за туловище. Поднял. Правой взял за руль велосипеда.

— Пошли.

— Ага... Я иду...

Вот наконец и церковный забор. Федя посадил Южакова на кирпичный фундамент.

— Жди здесь. Я быстро...

Вот удача-то: в окне сторожки свет! Федя забарабанил в стекло. И сразу распахнулась дверь, без вопроса. Будто отец Евгений ждал.

Он был теперь не в куртке, а в рясе, только без креста. Наверно, собрался куда-то. В перерывах между ударами сердца Федя выговорил:

— Нилку избили и заперли... интернатские... Он сейчас там... Мальчик прибежал оттуда, он тут. Только слабый, ийти не может... Где ваш мотороллер?

Ни вопроса, ни лишнего слова в ответ. Школа Афгана? Или просто давняя привычка спасать друзей?

— Нет мотороллера... Идем... Стой, дай запру велосипед... Все, пошли!

Южаков сидел, прислонившись к решетке. Не удивился, увидев священника. Может, уже не было сил удивляться.

— Сидите здесь! — Отец Евгений бегом кинулся к обочине. Потому что (бывает же и везение в жизни!) метрах в ста метался, приближаясь, двойной огонь автомобильных фар.

Федя не послушался, тоже кинулся к дороге.

Отец Евгений взметнул руки (крыльями взлетели рукава), скрестил их над головой, развел в стороны...

Не на всякую просьбу отзываются водители, обычно проскакивают без задержки мимо «голосующих». Но, с другой стороны, часто ли бывает, чтобы останавливал машину священник? Да еще вот так, с явным сигналом о беде!.. Старенький «Москвич» завизжал тормозами. Откинулась дверца.

— Товарищ! — нагнувшись, сказал отец Евгений. —

Мальчишка в беде, его избили и заперли хулиганы. Надо спешить, помощи, товарищ...

— Садись!

— Сейчас! Там еще дети...

Отец Евгений бегом вернулся к ограде, подхватил Южакова, принес к «Москвичу».

Водитель открыл заднюю дверь.

— Ребят давай назад, а сам со мной. Покажешь...

— Улица Королева... — слабо сказал, уже валясь на сиденье, Павлик. — Интернат номер два...

Отец Евгений втиснулся рядом с водителем, захлопнул обе дверцы.

— Я знаю, малыш, я покажу...

Павлик слабо потянулся к нему рукой:

— Ключ возьмите... от той двери...

Машина рванулась...

И в эти минуты, в отчаянной тревоге за Нилку, в напряжении от того, что близится развязка, толкалась в Феде и еще одна — казалось бы, посторонняя — мысль: о слове «товарищ», как бы взорвавшемся своим изначальным смыслом.

Ведь как теперь обычно? Вот так:

«Товарищ председатель школьного комитета! Классы средней школы номер четыре на торжественную линейку...»

«Товарищи, товарищи! Куда вы прете, соблюдайте порядок!...»

«Товарищ старший лейтенант! А этого-то, который из-под замка сбежал, не нашли еще?..»

Но ведь было же и по-другому! Ведь еще князь Святослав говорил дружине: «Товарищи...» И адмирал Нахимов матросам: «Товарищи! Враг подступил к Севастополю! Не посраим Андреевского флага...»

В зеркальце у переднего стекла вздрагивало лицо пожилого водителя. Вернее, лоб и внимательные глаза

за очками. Что-то знакомое в этих бровях, очках, взгляде... Уж не тот ли прапорщик, что когда-то летом купил по Фединой просьбе ремень в Военторге?

Водитель ни о чем не спрашивал. Гнал на всю железку. Вот сейчас, очень скоро все будет ясно... А если... Страшно сделалось так, что уж лучше бы ехать подольше, оттянуть решающий миг... Но «Москвич» резко затормозил у входа в типовое школьное здание.

Было уже почти светло.

Отец Евгений рывком выбрался из машины. Федя помог вылезти Южакову. Тот встал, покачнулся. Отец Евгений опять взял его на руки.

— Помочь вам там? — спросил водитель.

— Не надо, мы сами...

— Подождать?

— Подождите, если можете...

Коридор встретил их казарменным интернатским запахом — от близкого туалета, от несвежей еды из столовой... Тускло горели лампы.

— Направо, — прошептал Павлик.

Отец Евгений зашагал направо — ветер от рясы. Федя спешил рядом. «Жезлом правит, чтоб вправо шел...» — нелепо вертелось в голове... Испуганно завопила, метнулась прочь какая-то тетушка.

Поворот, дверь, ступени вниз. Снова коридор: бетонные стены, трубы какие-то, желтый слепой свет...

— Вон там... дверь...

Отец Евгений опустил Павлика у стены, тот сразу прислонился. Отец Евгений вставил в скважину плоский ключ. Обитая жестью дверь ослабла, лязгнула под напором плеча. Но не открылась. Павлик прошептал:

— Он, наверно, заперся... оттуда...

И опять увидел Федя вылезший из-под черного подола сапог. Удар подошвой о жесть сотряс дверь. Один...

второй... третий... От четвертого удара дверь отлетела в сторону.

Горела здесь такая же пыльная, как в коридоре, лампочка.

Нилка сидел на драном спортивном мате. Измученный, с грязным лицом, с темными запавшими глазищами... Но живой, живой!.. Попытался встать, потянулся навстречу. Отец Евгений схватил его...

Какие-то тетушки заглядывали в дверь: «Что? Кто?.. Кудях-тах-тах... Милицию!..»

— Дуры! Врача! — гаркнул отец Евгений.

— Дядя Женя... Федя... Не надо врача. Лучше домой...

Отец Евгений вынес Нилку в коридор. Тетушек разнесло в стороны. Павлик сидел уже на корточках.

— Федя, помоги мальчику. Тоже в машину... Нельзя же ему здесь...

— Да! — В каком-то радостном и горьком вдохновении одним рывком Федя подхватил Павлика Южакова на руки. Совсем нетяжелый, вроде Степки...

«Москвич» ждал у крыльца, водитель шагнул навстречу. А из-за угла — в реве мотора и сигнала, в вихре взлетевших с асфальта листьев — вынесся мотоцикл с коляской. Подлетел. Папа Штурман, Борька, Нилкин отец...

СИНИЙ ГОРОД

Те четыре дня, которые Нилка провел в больнице, были безоблачными, синими, в желтой россыпи тихого листопада. Видимо, как лекарство против памяти о той страшной субботе... Нилка два раза звонил по больничному телефону, говорил, что «ничего со мной с'страшного» и что «с'сороку отпустят». Мать ходила к нему ка-

ждый день. А ребят, конечно, не пустили. Ну и ладно. Главное, что нашелся и жив...

Где-то неторопливо, не задевая ребят, разворачивался разбор этого «досадного случая» в интернате. Говорят, семерых виновников — Ииных любимчиков-дуботолков — допрашивала милиция. Потому что папа Штурман поднял шум, не отвертисься. Дуботолки в ответ на все вопросы говорили: «А чё...», «Это не я...» — и объясняли, что били не сильно. Зачем били? «А чё... так просто...»

Было, конечно, все не так просто. Хотелось этим Ииным «гвардейцам» показать ей свою преданность, а услуга получилась медвежья. Ию, разумеется, таскали для объяснений ко всякому начальству. Она рыдала, что ведать не ведала о злых намерениях своих питомцев. И конечно, она, дура, и правда ничего не знала...

Директорша интерната, говорят, получила выговор. Но она была в городе на хорошем счету, и потому все выговором и кончилось... Да и кого мог занимать всерьез «мелкий случай», когда «несколько мальчиков побили двоих других»? На фоне многочисленных квартирных краж, убийств, угона машин, грабежей и прочих событий, от которых раскалялись и хрипели милицейские телефоны. А пацаны что? Живы и ладно... Впрочем, по слухам, тому милицейскому дежурному, который так по-дурацки реагировал на звонок Олиной мамы, все-таки попало...

В молодежной газете «Смена» появилась заметка о нападении на ребятишек — участников острой ТВ-передачи. Что, мол, страдают не только взрослые операторы в горячих точках планеты, но и маленькие корреспонденты.

Однако все это было много позже. А пока Федя, Борис и Оля отдыхали душой.

Даже мысль о неизбежном (и, наверно, близком)

Нилкином отъезде не была теперь такой тоскливой. Грустно, конечно, да ладно уж. В конце концов, не на другую планету, а всего-навсего на другой материк. И может, депутаты в Москве проголосуют наконец за тот закон, про который столько разговоров — о свободном выезде-въезде. Тогда, глядишь, можно будет отправиться в любую страну, как в соседнюю область (если, конечно, подзаработать валюты). И может быть, удастся побывать в гостях у Нилки или он сам приедет навесить друзей в Устальске...

Задумчиво-светлое настроение у Феде не разрушила даже двойка по физике, которую Дим-Толь с удовольствием вкатал в журнал.

— Если Кроев усматривает в этом несправедливость и месть за недавний инцидент, он может, естественно, обратиться в школьный совет. Но едва ли Кроеву удастся доказать, что есть причины, позволяющие ему не знать основные формулы теплообмена... Даже если у него найдутся надежные свидетели...

Федя проявил к данной реплике полнейшее безразличие. Не объяснять же этому дембилю, что в субботу и воскресенье восьмикласснику Кроеву было не до задач о нагревании и остывании жидкостей и тел... Впереди еще четыре школьных года, и двойку по физике Федя исправить успеет...

Третий раз Нилка позвонил Феде в четверг, в пятом часу.

— Я уже дома! Приходите ко мне!

— Нил! Твоя мама выставит нас с треском! Ты же еще больной!

— Я здоровый! А мамы дома нет! А я гулять хочу, я соскучился по с'свободе! А с меня взяли с'слово, что из дома я один не выйду!

— А откуда ты звонишь-то?

— От с'соседей. Но это же я не из дома ушел, а только из квартиры...

— Ладно, жди!

Федя позвонил Оле. Борька, естественно, торчал уже там.

— Идите к Нилке! Я сейчас прибегу!

Они все ожидали увидеть Нилку повзрослевшим, похудевшим, со следами той ночи в глазах. Но он был совершенно прежний! Веселый! Заскакал от радости.

— Пошли на улицу! Такая погода!.. Я только записку оставлю, что я с'с вами...

Погода и правда была чудесная. Солнце осторожно трогало крыши и заборы. Пахло палым тополиным листом и почему-то свежeweыстиранным бельем. И над головой — ни облачка.

— Тепло какое, — порадовалась Оля. — А ведь скоро Покров. Говорят, в этот день первый снег выпадает.

— Это когда как... — заметил Федя.

— В праздник Покрова будет служба в церкви, — вспомнил Борис. — Отец Евгений тревожится: успеют ли поднять колокола?

Нилка перестал улыбаться, задумался на ходу. Вздыхнул почему-то:

— Он ко мне в больницу звонил. Отец Евгений...

— Мы знаем, — кивнул Борис.

— Постой-ка... — вдруг сказал Федя. Полез в карман куртки, достал бумажную ленточку. — Возьми, Нилка. Твой...

Нилка узнал билет. И... он ведь помнил, где его потерял. Опустил голову, щеки слегка порозовели.

— Вы с'сами нашли? Или... отец Евгений?

— Сами, — сказал Борис. — Вместе с ним...

— Значит... он вам все рассказал, да?

Борис шагнул ближе, на ходу обнял Нилку за плечи.

— Ну, что ты, Нилище... Ну и рассказал. Такой момент был, до секретов ли? Да и зачем скрывать? Мы же... ножки одного табурета.

Нилка помолчал, шагая с опущенной головой. Потом шмыгнув носом и проговорил с виноватой ноткой:

— Я бы и сам потом, наверно, рассказал... Потому что оно ведь все-таки исполнилось. То, о чем я просил... там...

Федя даже вздрогнул:

— Что исполнилось?

— Ну, чтобы они помирились. Чтобы мама раздумала...

Все помолчали, грустно жалея Нилку за его наивность. И Оля все-таки не выдержала:

— Нилушка... Да теперь-то тебя уж точно увезут! Подальше от таких несчастий...

Он поднял голову. Посмотрел на каждого по очереди. Синими своими, чисто Нилкиными глазами.

— Вот теперь-то с'совершенно точно, что не увезут.

— Почему?! — Это они хором.

— Мама дала с'страшную клятву: если я найдусь, никуда меня не тащить нас'сильно.

Все помолчали опять, переваривая такое неправдоподобие. Федя сказал недоверчиво:

— Ох уж эти женские клятвы... Не обижайся, Нил...

— Я не обижаюсь! Но вы же с'совсем не знаете мою маму!

«А ведь правда...» — подумал Федя. Нилка объяснил с режущей откровенностью:

— У вас же только внешнее впечатление. А оно какое? Громкий голос да кос'сметика...

— Ну, что ты, Нилка... — бормотнула Оля.

— Это же только с'снаружи. А в характере у нее главное свойство: заряжаться идеей.

— Как это? — сказал себе под нос Федя.

Всем было неловко. За себя.

— Ну, так... С'сперва была идея перебраться в Ленинград. Давно еще. Потом — уехать с'совсем... из страны. Чтобы всех нас сделать с'счастливыми... А теперь мама говорит: «От с'судьбы не сбежишь». И еще: «Всех с собой не заберешь».

— Кого всех-то? — настороженно спросил Борис. Видно, он все еще не верил.

— Ну... — вдруг смутился Нилка. Зеленым своим полусапожком начал загребать листья. — Например... того с'самого Павлика. Южакова... Что же теперь, в интернат его обратно, да?

Тут опять все глянули на Нилку с удивлением и недоверием. А тот сказал, пиная разлапистый кленовый лист:

— Он ведь меня с'спас... Ну, то есть вы все меня спасали, но он... первый...

Никто не думал отрицать главную роль Павлика Южакова в Нилкином спасении. Молчали по другой причине: как-то все это очень уж невероятно. Только в старых сказках бывают такие концы.

— Усыновить хотите, что ли? — решил на вопрос Федя.

— Ус'сыновить сразу — это, наверно, трудно... Он ведь не полный сирота, где-то мать есть. Только он ее не помнит... Но бывают ведь разные формы, мама говорила. Опекунство, например... Главное, чтобы жил с'с нами... Мама говорит: не возвращаться же ему в этот кошмар... Всех оттуда, конечно, не с'спасешь, но одного-то можно...

— А папа? — осторожно спросила Оля. — Он что говорит?

— Папа... он, по-моему, с'счастлив. Ведь на Павлика-то нет документов в ОВИРе, значит, отъезд тем более отпадает...

Федя и Борис переглянулись. По-прежнему не велось в такой фантастический вариант. Оля вздохнула.

— Я знаю, о чем вы думаете, — серьезно сказал Нилка. — Что это с'скоропалительное решение. Что нельзя так сразу брать чужого мальчика в с' семью, почти незнакомого. Да еще интернатского. Они там такие-с'сякие...

— Ничего мы такого не думаем, — поспешно отозвалась Оля, у которой, видимо, как раз такие мысли и появились.

— Мамины знакомые ей так же с'советовали: не делай глупостей...

— Мы ведь не мамы знакомые, — сказал Борис. — А твои друзья.

— Ну, все равно... Для вас это, конечно, как снег на голову. А для нас эти четыре дня... Мы же с Павликом там в больнице все время вместе... И мама с нами... А знакомым она сказала: «Я знаю, что детдомовские дети не с'сахар, но мне не привыкать...» — Он опять быстро глянул на друзей. — Вы ведь маму не знаете. Она с'сама в детдоме росла...

— Нилка, — виновато сказал Федя, — ты будто уговариваешь нас... А чего нас уговаривать?

— Ну, вы какие-то... понурые бредете.

— Не понурые, а просто... ошарашенные. Оттого, что все так вышло.

— Боимся поверить, что тебя не увезут! — сказала Оля.

— Фиг меня увезут! — сказал Нилка весело, но тут же вернулся к своей главной заботе, к Павлику Южакову: — Мы там на соседних кроватях были, рядом... Он такой терпеливый, ни разу не пикнул во время всяких процедур... Только когда мама пришла забирать меня, заплакал. А мама говорит: «Не плачь, я Нилку домой отведу и приду опять, к тебе...» Он еще, наверно, целую

неделю будет там лежать. Ему же знаете как досталось... по с'сравнению со мной...

— А тебя?.. — не выдержал Федя. — Сильно били?

— С'средне... Я не хочу сейчас про это вспоминать... Противно. Они... будто не люди.

Феде казалось, что все, кто издевались над Нилкой, были похожи на Фому. Но Нилка сказал:

— Вот что... с'страшно даже. С виду они как нормальные люди, а на самом деле... будто автоматы для битья. Придут, попинают нас, уйдут гулять... потом отпрут дверь — и с' снова. А вечером Павлика забрали в спальню... раздели и по-всякому издевались. «Ты, — говорят, — предатель...» К двери кровать придвинули, чтобы он не убежал... А он рано утром оделся потихоньку и в форточку, со второго этажа...

— Нилка, неужели нельзя было докричаться? — со стоном спросила Оля. — До кого-нибудь из взрослых?

— С'суббота же. Там только дежурная воспитательница, с'спит наверху... Сперва я колотил в дверь, орал, а толку-то... Те же с'самые придут, добавят еще, вот и все... Я с'сперва отбивался, как мог...

Тяжелый, как черная вода, гнев колыхнулся в Феде. Пойти бы и вцепиться в этих сволочей...

— А когда Павлика утащили, я с'сообразил наконец, что можно запереться. Там петли на двери, я нашел палку и с'сунул...

— Ох, Нилка... Как ты там всю ночь-то... — чуть не плача, проговорила Оля. Чисто по-девчоночьи. — Я бы умерла...

— Я даже не понимал: день или ночь. Часы-то они с'сорвали... Окошка нет, лампочка горит одинаково. И время будто... застряло... — Он вдруг на ходу привстал на цыпочки, прижался плечом к Феде и шепнул ему в щеку: — Там только одна проблема была невынос'си-

мая... Ну, как тогда, в лифте... Но пол старый, я в нем шелку отыскал...

Вот уж в самом деле слезы и смех рядом...

Борис деликатно сделал вид, что не слушает, а Оля — она шла чуть поодаль — ревниво спросила:

— О чем это вы шепчетесь?

— Нилка спрашивает, можно ли новый анекдот рассказать, — нашелся Федя. — Про Вовочку... Я говорю, что при тебе лучше не надо...

Борис хихикнул.

— Дурни, — сказала Оля.

Нилка тоже хихикнул. Но сразу же посерьезнел:

— Я потом решил, что буду сидеть и ждать. Хотя с'сколько. Потому что, думаю, все равно это должно когда-нибудь кончиться... И знаете, про что думал еще? Про С'синеград. Как будем опять играть, когда меня освободят... Я там лифт придумал!

— Какой лифт? — недоуменно сказал Борис.

— Ну, такой... Будто у Города несколько пространств. Ну, помнишь, ты рассказывал про параллельные пространства?... Ну вот, надо найти кусочек волшебного мела, и тогда на любой двери можно написать: «Лифт». После этогоходишь, а там кабина и кнопки. И едешь в с'соседнее пространство... Только для него уже нужна, наверно, другая карта.

— И про это ты думал там? — выговорила Оля.

— Конечно! Я же знал, что вы все равно меня с'спасете! — Нилка вдруг негромко, но торжественно рассмеялся: — Как вы ворвались!.. Я перед этим, кажется, немного с'спал — и вдруг — трах!.. А потом еще мотоцикл... Боря, мне надо поговорить с твоим папой.

— О чем? — удивился Борис.

— Ну, он же депутат! Может быть, он поспособствует, чтобы без лишней волокиты оформили полное ус'сыновление Павлика.

— Ну да! А потом твоя мама вас обоих подмышку — и в С'соединенные Штаты!

Нилка не обиделся на поддразнивание. Ничуть! Борису он это прощал. Он засмеялся залиvisto, будто после нового анекдота про Вовочку:

— Я же говорю, что нет! Хотите, мама даст рас'списку?

— А что! Пусть даст, — согласился Борис.

Брели, брели и вышли на берег. К беседке. Был закат, солнце ушло в тонкую сизую дымку. На светлом небе рисовался старинный Троицкий монастырь, в котором обещали скоро отдать верующим большой собор, но пока были мастерские... Четко так выделялись колокольни, купола и сторожевые башни.

Сели рядышком на перила между колоннами беседки. Федя, Нилка, Борис, Оля. Лицом к закату.

— Красиво, да? — тихонько сказала Оля. — Будто Синеград.

Нилка нерешительно спросил:

— Вы не будете на меня с'сердиться?

— Что ты опять выдумал, Нил? — встревожился Федя.

— Я не выдумал... В больнице я Павлику... рассказал про наш Город. Ну, мы там про многое говорили, вот я и... выдал с'секрет.

— Да какой же это секрет! — успокоил его Борис. — Вон сколько людей знают! Правильно, что рассказал.

Нилка оживился:

— Павлик все понимает! С'сразу включился... ну, будто с нами вместе Город придумывал, с самого начала. Он вообще с'сообразительный... И у него тоже... с'свойства...

— Какие свойства? — не понял Федя.

— Ну, не с'совсем обычные. Как у меня. Я, например, немного летать умею, а он...

— Ох, Нилка... — вздохнула Оля.

— Ну, правда же! Он всякие предметы умеет к телу примагничивать! Ложку, например, или ножик... Из с'соседних палат приходили глазеть на это... И еще знаете что? — Нилка опять посерьезнел. — Он ключ тот, от двери, так же украл... у тех парней... Когда его били в спальне, то ключ на пол уронили и не заметили. А Павлик упал и примагнитил его к спине... Честное с'слово! Не верите? Он с'сам потом показывал.

— Да верим, верим, — сказала Оля.

Федя обнял Нилку за плечо. А Борис проговорил вроде бы дурашливо, а на самом деле ласково:

— Нил-крокодил, ты путаешь все на с'свете. Важно, что не ключ к нему примагнитился, а ты. А он — к тебе. Значит, и к нам. Чего ж теперь...

— А можно пририсовать пятую ногу к табурету? — обрадованно спросил Нилка. — Чтобы он тоже... в студии?..

— Тогда уж и шестую, — напомнил Федя. — Степка, он ведь тоже... Ходит по школе со значком и хвастается, что он в студии «Табурет»...

— Степка — герой, — согласился Борис. — Тогда как забарабанил в дверь: «Заводите мотоцикл! Нилку спасать!» Мы сперва ничего понять не могли, за окнами еще темно...

— Ох, сейчас тоже темно будет, — заметила Оля. — Нилка, тебя не хватятся дома?

— Я же оставил записку! Если я с вами, мама не боится... А там, в подвале, я знаете чего боялся? Только одного: что лампочка сгорит. Думаю, будет полная темнота и полезут из нее эти... «дети Шумса»... С'сейчас смешно, конечно...

— Ох уж до чего смешно, — сказала Оля.

— А Павлик... он знаете что придумал? Как с'справиться с «детьми Шумса»? Он сказал, что надо их не поодиночке уничтожать. Надо найти обрывки тех кусочков

черного пространства, из которого Шумс их вырезал. Там ведь остались дыры... ну, по форме этих злодеев. И эти дыры — как бы их души. Если сжечь обрывки, «дети Шумса» останутся без душ и превратятся в простые бумажки...

Федя вдруг вспомнил, как нес маленького Павлика Южакова по интернатским коридорам. Легонького, доверчиво притихшего.

— По-моему, надо еще вот что! — оживилась Оля. — Похитить у Шумса тросточку с черным рулоном и сжечь! Чтобы он не мог навырезать новых своих деток...

Борис не любил спорить с Олей, но тут возразил:

— Черное пространство не сожжешь. Оно ведь неистребимо.

«Значит, и вообще зло неистребимо? — подумал Федя. — И в сказке, и на самом деле? Но как оно получается в людях?»

— Вот понять бы, откуда всякие гады, всякие дембили в жизни берутся... Ведь не Шумс же их вырезает! Может, правда, какие-нибудь пришельцы чужую программу в генетический код вкладывают? Помнишь, Нилка, ты летом боялся?

Нилка хмуро сказал:

— Да ничего в них не вкладывают. Там с'совсем пусто... — Он покачал сапожком и объяснил: — Про это один человек говорил там, в больнице, он во взрослой палате лежит. С'седой такой... Его вечером какие-то бандиты избили, шапку сорвали... Он говорит: «Я с такими еще в тридцать с'седьмом году встречался. У них вместо души дыра...» А другой ему в ответ: «Тут, папаша, не мистику разводить надо, а с'стрелять без задержки. Я, — говорит, — промахнулся с первого раза — и вот...» Знаете, это кто? С'старший лейтенант Щагов. Он там же лечится.

— Небось героем себя выставляет, — сказал Борис.

— Нет... Я с'случайно догадался, что это он...

— Как? — спросил Федя. В самом деле: как? Живьем Нилка Шагова не видел, на пленке лица не разобрать (напрасно Шагов боялся).

Нилка вдруг смешался, замолчал напряженно. Застукал пятками по перилам. Все мигом почуяли неладное — будто Нилка опять на краешке беды. А он, видя, что ждут ответа, выговорил страдальчески:

— Я это не могу вам с'сказать. Только Феде... И то... наверно, не надо. — Врать он «с'совершенно» не умел.

— Сестрица моя, что ли, туда к нему приходила? — догадался Федя.

Нилка — голова ниже плеч — выдавил еле-еле:

— Теперь получается, что я доносчик...

— Да брось ты! — утешил Федя. — Я и так знаю. Она давно по нему страдает.

Он врал. Ничего такого он не знал, думал: все позади. Вот опять забота. И хуже всех будет Степке, если это всерьез... Но особой тревоги у Феде теперь не было. Решил: авось обойдется. Хватит душу травить. Хотя бы сегодня.

Закат быстро темнел, за Ковжей засветились огоньки.

— Пошли дальше, — решил Борис. Прыгнул с перил.

В этот момент над заборами, в темнеющем небе прокатилась желтая капля с лучистым следом. Вернее, даже маленький светлый шарик. Сверху вниз. И пропал без звука.

Несколько секунд все молчали.

— Ой, — сказала наконец Оля. — Что это?

— Мало ли... — отозвался Федя. Потому что побегал по спине холодок. — Может, метеорит маленький.

— Это же совсем близко, — сказал Нилка. — Где-то рядом упал. Метеориты бесшумно не падают, они с'свистят.

— Почему ты решил, что близко? — спросил Борис.

— Не знаю... То есть знаю. Чувствую. По-моему, это на пустыре, где С'слава меня рисовал.

— Наверно, пацаны какую-нибудь игрушку светящуюся запустили, — решил успокоить всех Федя. — Или, может быть, кто-то сигнальной ракетой баловался...

— Не похоже, — заметил Борис.

— Может быть, атмосферное явление? — жалобно спросила Оля.

— Не похоже на атмосферное. Это вполне материальное тело. Оно приземлилось на пус'стыре.

— Ох уж «приземлилось»! — постарался быть смешливым Федя. — Таких пришельцев-малявок не бывает!

— Они всякие бывают! — весело сказал Нилка.

«Звездный планктон», — вспомнил Федя.

Борис решил:

— Все познается только опытом, пошли.

— К-куда? — спросила Оля.

Борис вытянул руку:

— Вперед. Навстречу контакту.

— Когда-то же он должен состояться, — храбро поддержал его Федя. — Должно быть, в туманности Андромеды узнали про Синеград... Ольга, ты слезешь, наконец, с перил?

— Ой, мальчишки, не надо! Я боюсь...

— Это же замечательно! Даже интереснее, когда с'страшно.

Оля бурно возмутилась:

— Тебе еще мало страхов, да?.. После всего, что было, не хватало, чтобы тебя марсиане уволокли! Сам ведь летом вздрагивал!..

— Кончился тот с'срок, когда я боялся, — храбро возразил Нилка. — Идем!

— Ненормальные... — Оля сделала вид, что надулась, и прыгнула с перил. Наверно, она и правда боялась. Да и остальным зябко щекотало нервы. Но ведь на то и тайна! Синий Город подарил своим жителям загадку, сказку, и вот — словно Устальск и Синеград незаметно слились друг с другом.

В густеющих сумерках, по шуршащим сухой листво-вой переулкам, проходами среди заросших репейником заборов Федя, Борис, Оля и Нилка двинулись на пустырь — к кирпичной стене с надписью. Говорили шепотом. Нилка вдруг остановился:

— Боря, помнишь, летом вы обещали меня не отдавать? Никаким инопланетянам...

— Ага! — поддела его Оля. — А говорил, не боишься.

— Это я на всякий с'случай.

...Никаких инопланетян и даже никакого космического осколочка они, естественно, не нашли. Нашли только мусорную кучу, сваленную у хибары-развалины. Раньше кучи здесь не было. Наверно, местные жители решили, что на пустыре подходящее место для свалки.

— Вот вам сказки и правда жизни, — философски заметил Борис.

«Не надо было идти, — подумал Федя. — Осталась бы тайна...»

— Зато ничего страшного, — вздохнула Оля.

Постояли, поглядывались. Как скала, чернела в небе стена с неровным верхом. Над ней переливалась белая звездочка. На остатках кривого забора и хибарке еще различимы были надписи, сделанные светло-зеленой краской: «Studia TABURET» и «Н.Е. БЕРЕЗКИНЪ».

Нилка вдруг подбежал к забору, вцепился в шаткую перекладину, зацарапал подошвами:

— Подс'садите меня!

— Зачем, Нилище? — сказал Борис — Кувыркнешься.

— Нет, я посмотрю с высоты! Может быть, оно в траве где-нибудь с'светится.

Борис подсадил. Сам встал внизу, глядя, как покачивается Нилка на кромке шаткого забора.

— Нету нигде, — сообщил Нилка печально. — Ладно... Я полетел! — Махнул руками и сиганул вниз. Оля ойкнула.

Лишь через секунду после того, как все ждали шумного падения, Нилка мягко упал на четвереньки. На край мусорной кучи. К нему подбежали.

— Вот с'свернешь шею, балда, — сказал Федя.

— Кажется, я что-то разбил. Хрустнуло под с'сапогом.

Он сдвинул ногу, откинул в сторону кусок мягкого картона. Под картоном оказался осколок фаянса — размером с мужскую ладонь. Белый с синими пятнами — это еще можно было разглядеть в сумерках.

— С'смотрите! Это же от той вазы!

Борис шелкнул маленьким, как карандаш, самодельным фонариком. Правда! На белой блестящей поверхности был нарисованный синей краской угол кирпичного здания, ствол узловатого дерева, часть булыжной мостовой и несколько островерхих домиков, как бы расположенных в отдалении. И пухлое облако над крышами.

Кусок фаянса был расколот надвое.

— А где же остальное? — вслух подумал Федя.

Раскопали мусор ногами, но больше ничего не нашли.

— С'странно...

— Ничего странного, — сказал Борис. — Ваза сбежала от того, кто купил ее в комиссионке. Летела и светила. Почти вся сгорела в атмосфере, а этот кусок сохранился. Так бывает и при падении космических объектов... Согласен, Нил?

— С'согласен!

Федя и Оля тоже были согласны. Сказка хотя и вперемишку с шуткой, но понемногу возвращалась.

— Только надо разобраться, хорошо это или плохо, — сказал Федя. — С одной стороны, хорошо: будет у нас теперь... ну как бы осколок Синеграда. А с другой...

— Не надо с другой. Давайте делать так, чтобы хорошо, — решил Борис. — Нилка, дай-ка вон тот обломок кирпича. — И не успел никто охнуть, как Борис крепко тюкнул по куску фаянса. Раз, два... Одна половинка сразу развалилась на три части, по другой пришлось тюкнуть еще разок, чтобы получилось три черепка. Всего — шесть...

— Зачем? — жалобно и непонятливо сказала Оля.

— Чтобы каждому. Когда соберемся вместе — сложим. Когда разбежались — у каждого кусочек Города... Оля, ты выбирай первая...

Они сидели на корточках — вокруг осколков и вокруг фонарика, похожего на светлячка. Оля зажмурилась и ткнула наугад. Спрятала в ладони выбранный черепок.

— Нилка, теперь ты...

— С'себе и Павлику, да? — ревниво спросил он.

— Конечно!

Нилка тоже зажмурился и дважды ткнул в осколки. Сжал по одному в каждом кулаке.

— Дядя Федор, давай... И Степана не забудь.

— Забудешь это сокровище... — Федя удачно ткнул пальцем в краешки сразу двух черепков. И сунул их в карман не глядя.

— Какой вы мне красивый оставили, с домиком. Хоть в рамке вешай, как картинку... — сказал Борис.

— А Слава обещал нам настоящую картину, «Вид С'синего Города», — вспомнил Нилка. — Только не так скоро, а когда вернется с выс'ставки...

Они поднялись уже, но все еще стояли кружком. Борис не выключил фонарик. Нилка разжал ладони.

— У меня тоже один с домиком... Я его завтра маме дам, чтобы отнесла в больницу... И значок с «Табуретом».

— Неужели ты значок ему до сих пор не подарил? — удивился Борис.

— Я... как без вас-то? — смутился Нилка.

Оля грустно сообщила:

— Ох и свиньи мы все-таки. Даже ни словечка не передали Павлику в больницу за эти четыре дня...

— Я приветы передавал! — заспорил Федя. — Верно, Нилка? Когда ты звонил...

— Подумаешь, приветы! — не утешилась Оля. — Давайте письмо завтра сочиним.

— Лучше с'сегодня! Пойдем ко мне и напишем!

— Пойдем, — решила Оля. — А то тебя небось опять уже ищут.

Но сначала решили сделать круг, пройти по Садовой. Слово Город не хотел отпускать их так быстро.

Было по-прежнему тепло, светились окошки, светились над крышами тонкий месяц. Когда подошли к повороту, к длинному дому, где в первом окне стояла когда-то их ваза, по привычке глянули в ту сторону... И остановились...

Желтая штора была высвечена изнутри, и ваза рисовалась на ней четким силуэтом. Та самая! Не было сомнения. Слишком хорошо знаком был ее округлый контур...

— Целехонькая... — шепотом сказала Оля. — А мы-то... Значит, в магазине была другая...

— Тем лучше, — солидно заметил Борис. — И может быть, та, магазинная, тоже не разбивалась. И у наших осколков совсем другое происхождение.

— Какое? — обрадованно спросил Федя.

— По-моему, все-таки не исключен космический вариант...

Нилка переливчато засмеялся, смех посыпался по всей Садовой.

В этот миг промчался мимо них мальчишка — небольшой, вроде Нилки, с частым веселым дыханием. Убежал вниз по спуску. И вдруг там загорелся огонек. Сперва — как слабая свечка. Потом — вспыхнул, рассыпал искры! А через несколько секунд впереди, за два квартала отсюда, загорелся еще один искристый маячок.

— У нас подсмотрели, — слегка ревниво заметил Нилка. — Какие быс'стрые...

— Пусть, — сказал Федя. — Жалко, что ли?

И Нилка согласился:

— Пусть... Можно через весь город устроить цепочку, если с'собраться...

Не сказал он, кому именно собраться, но и так было ясно.

Ближний огонек уже догорел, а дальний все сверкал и сверкал. Словно сигналил о том, что в Городе больше не будет несчастий и тревог.

По крайней мере, в ближайшие дни...

1991 г.

ТРИДЦАТЬ ТРИ —
НОС УТРИ...

*Юному поэту Даше Крапивиной,
чтобы помнила деда*

Первая часть

ВИНЬКА И ЕГО ДРУЗЬЯ

ОТКРЫТИЕ СВЕРХНОВОЙ

1

Ясным утром в последний понедельник мая Винцент Аркадьевич Греев узнал, что он окончательно спятил.

Эта новость прилетела к нему в приоткрытую дверь кабинета. Из прихожей. Там дочь Клавдия сердито шваркала шваброй-лентяжкой по линолеуму.

— Ну, Зинуля, твой дед спятил бесповоротно. Вместо того, чтобы купить чего-нибудь такого для дома, всю пенсию высадил на дурацкую самоварную трубу. И вторые сутки тешится с ней у окна, как дошкольное дитя.

Седой, высокий и грузный — во всю ширину и высоту двери — Винцент Аркадьевич возник на пороге.

— Ты что это за слова говоришь про родного отца, кукла недокрашенная! Вот возьму за косу да как вздую по хвостовой части!

Клавдия не дрогнула. Во-первых, у нее давно не было косы. Во-вторых, «вздую» свою дочь Винцент Аркадьевич лишь раз в жизни, когда ей было семь лет. За то, что Клавочка Греева вместе с друзьями-первоклассниками каталась на плоту в залитом дождями заброшенном котловане и запросто могла потонуть, если бы чахлый плот разъехался по бревнышкам. Но и тогда отцовские шлепки носили чисто символический характер. Исправлению Клавочки они не способствовали.

Впрочем, сейчас Клавдия все же сбавила тон.

— А чего... Ну в самом деле, лучше бы новый костюм купил. Или подарил бы внучке чего-нибудь из одежды, ребенок ходит оборванцем...

«Ребенок» вовсе не ходил оборванцем. Наоборот, было у него столько заграничного тряпья, что желающий мог бы изучать по этикеткам географию мира. Клавдия при случае замечала с удовольствием: «Не хуже, чем другие дети...»

Но вчера Зинуля устроила родителям сцену со слезливыми воплями — требовала какие-то «лосины с латунным блеском».

Зинулин папа тут же сбежал в гараж. Винцент Аркадьевич заперся в кабинете. Но и там он слышал, как внучка наседала на свою маму... Что за дети! Винцент Аркадьевич даже не знал толком, что такое лосины. В эпоху наполеоновских войн так назывались белые офицерские штаны в обтяжку, которые шили из лосиной кожи. Неужели сейчас бедных лосей сживают со света ради капризов таких вот девиц? Едва ли. Да и при чем тут латунный блеск?

Зинуля ревела, что лишь такие лосины подходят к «тому самому тайландскому свитеру с желтыми павлинами». И что они есть уже у Наташки и Люси, и что без таких лосин девочкам появляться на улице просто невозможно.

В общем, рев был на всю квартиру. Но Клавдия тогда не проявила к Зинуле сочувствия и наорала на нее: «Скоро не на что будет кусок хлеба купить, а ты лезешь со своей дурью!»

Зато сейчас Клавдия сумела превратить дочку в свою союзницу. Против деда, который мог бы трижды обрядить внучку с ног до головы, если бы в субботу не притащил из комиссионного магазина «эту никому не нужную бандуру».

Надо сказать, что Андрей, Зинулин папа, «бандуру»

одобрил. За это он услышал от супруги энергичную лекцию на вечную тему: «У всех мужья как мужья, а у меня...» Он махнул рукой и ушел в гараж чинить старенький «Москвич». Этой работой можно было заниматься бесконечно, потому что «у всех машины как машины, а у нас музейная керосинка, на которой стыдно выехать со двора».

А сегодня, в понедельник, Андрей раным-рано уехал на завод и тем снова избавил себя от участия в семейной перепалке. Решил «выйти из боя» и Винцент Аркадьевич. С грустью обвел взглядом женскую половину своего семейства и удалился — плотно прикрыл дверь кабинета и шелкнул замком.

Потом Винцент Аркадьевич приласкал взглядом укрепленную на треноге «бандуру», но подавил в себе желание устроиться перед ней на табурете — работа прежде всего, даже если ты на пенсии. При этом он по привычке воровато оглянулся на дверь, хотя она и была заперта.

Доктор технических наук, бывший профессор Института железнодорожного транспорта Винцент Аркадьевич Греев стеснялся своего поздно проснувшегося литературного дара.

...Однажды на банкете, где обмывали его очередное изобретение, Винцент Аркадьевич принял сверх нормы рюмочку коньяка и запальчиво поспорил с друзьями-сослуживцами, что может проявить свои таланты не только в конструировании погрузочно-разгрузочных механизмов для железной дороги, но и в области литературы. А что такого? Он весьма недурно писал акварели, умело резал по дереву, в юности играл в самодеятельном театре, так почему же не преуспеть и в изящной словесности?

— Хочешь сказать, что запросто напишешь художе-

ственную книжку? — поддел его приятель-оппонент Максим Гаврилович Ступка.

— Хорошая книжка не пишется «запросто», — мудро рассудил доктор Греев. — А рассказ пожалуйста!

— Спорим!

— Давай!

Винцент Аркадьевич загорелся юношеским азартом и за три дня сочинил фантастическую историю о визите инопланетян, которые приняли кота Архипа (он гулял на пустыре) за представителя земной цивилизации. Потом набрался смелости и отнес этот опус в редакцию областной газеты, которая раз в месяц печатала «Литературную страницу».

Рассказ «Созвездие Архипа» опубликовали в первом же выпуске. Правда, под псевдонимом — на этом настоял Винцент Аркадьевич. Своим коллегам, однако, автор «Созвездия» сообщил, что В.Аркадьев — это он и есть. И в доказательство предъявил черновик рассказа.

Максим Гаврилович Ступка с похожим на кряхтение вздохом отдал новоявленному писателю-фантасту проигранный портсигар из серебра с чернью. Винцент Аркадьевич великодушно вернул проигрыш хозяину — тем более что все равно не курил. Коллеги рассказ весьма одобрили — кроме директора института, который в образе кота Архипа усмотрел намек на себя.

Винцент Аркадьевич, увлекшись новым делом, написал еще семь рассказов. Через два года в местном издательстве вышла книжка В.Аркадьева «Созвездие Архипа и другие достоверные чудеса». Книжку похвалил в газете местный критик Ф.Раздольный.

Своим сослуживцам Винцент Аркадьевич подарил по экземпляру. Клавдии, Андрею и Зинуле — тоже: теперь уже было невозможно скрывать свои писательские дела.

Андрею книжка очень даже понравилась. Зинуля тогда читать еще не умела, однако пришла в восторг от то-

го, что дед ее — писатель. Но потом заметно охладела. Видимо, под влиянием своей мамочки. А та, когда узнала, что за книжку Винцент Аркадьевич получил меньше, чем за самое мелкое свое изобретение, пожалала плечами:

— Вроде бы серьезный человек, а чем занимаешься. Ты еще поэмы писать начни...

Винцент Аркадьевич устыдился и сердито разъярился, что книжка была «разминкой ума и временной забавой, не более».

— Просто решил доказать себе и другим, что могу и такое. А теперь — хватит...

Но Клавдия проницательно заметила:

— Насчет «хватит» — это еще как получится. Сочинительство — оно такая зараза, хуже вируса. У нас в салоне была Генриетта Васёнкина, все стихи писала да посылала в разные журналы... Один раз до того досочинялась, что про все позабыла и клиенту выстригла полголовы. И теперь — не мастер и не поэт...

Клавдия работала в салоне модных мужских причёсок. Прически — это настоящее искусство. Это вам не книжки писать и не красками по бумажкам мазать...

Винцент Аркадьевич возразил, что он если и продолжит литературные труды, то станет писать не фантастические истории, а серьезные воспоминания о своей долгой жизни.

На это Клавдия пожалала плечами. А Винценту Аркадьевичу с той поры все казалось, что дочь как увидит его за письменным столом, так усмехается про себя. Не станешь ведь объяснять каждый раз, что пишешь конспект лекций или статью в журнал «Транспорт» (тем более что это неправда)...

Свою мысль взяться за воспоминания Винцент Аркадьевич не оставил. Идея окрепла, когда он вышел на пенсию.

Коллеги уговаривали профессора Греева на пенсию

не уходить. Но директор не уговаривал. И Винцент Аркадьевич сказал, что читать в институте лекции он устал, а научной работой можно заниматься и дома. Даже больше времени будет для статей и новых разработок. А на самом деле помышлял о своих мемуарах.

Он придумал для мемуаров название, которое очень ему нравилось: «Тени как шпалы». Известно ведь, что жизнь у человека — полосатая. Бывают солнечные моменты, а бывают — наоборот, как сумрачные тени. Вот и топаешь по жизни, как по дороге, пересеченной светлыми и темными полосами. Таков был у названия философский смысл. А кроме того, название это подчеркивало принадлежность автора к железной дороге.

Но, увы, писать про то, что было на самом деле, оказалось труднее, чем сочинять сюжеты про пришельцев и загадочные пространства. Винцент Аркадьевич измучился. Он не брлся по трое суток. Писал, перечитывал и рвал листы. Казалось ему, что получается бессвязно и уныло...

А сегодня, этим солнечным (совсем уже летним!) утром Винцент Аркадьевич ощутил прилив творческой бодрости. Несмотря даже на стычку с Клавдией. Он сел к столу и решил приступить к делу заново. С первой строки. И был уверен, что сейчас все получится.

2

Вверху чистого листа Винцент Аркадьевич начертил название мемуаров, а под ним — заголовок первой главы: «Елочный шарик».

Свое жизнеописание доктор Греев начинал с давнего-давнего, раннего-раннего детства. А самым ярким воспоминанием той поры был зеркальный шарик — его собирались повесить на пушистую пахучую елку.

Винцент Аркадьевич не помнил других игрушек. Не помнил, кто именно украшал елку. Помнил только, что еловые лапы ласково покалывали голые до локтей руки,

а шарик был гладкий и прохладный. И в нем — размером с небольшое яблоко — отражалось все-все! Это «все-все» жутковато и радостно поражало Виньку. Понимаете, в таком крошечном шаровом зеркальце вдруг собрался весь известный Виньке мир! И комната со знакомыми вещами, и дверь на кухню, и улица за двумя широкими окнами, где искрился морозный день. И синее небо, в котором мелькали удивительно малюсенькие, но совершенно настоящие воробьи. И весь этот отраженный мир, конечно же, был настоящий — крошечный двойник того мира, который вокруг.

В неполные три года человек далек от всякой философии. И все-таки смутная догадка шевельнулась в душе у Виньки. Видимо, это было первое ощущение того, что мир непостижим и удивителен. Что он может быть бесконечным и, тем не менее, сжиматься до размеров мячика. Что в нем бесчисленное множество пространств, где по-разному повторяются наши жизни. И что он — мальчик Винька — маленькая, но неотрывная частичка этого мира. И в то же время (это было самое главное!) весь мир в руках у него, у Виньки...

— Мама! Вот... — Винька поднял шарик, чтобы мама все поняла. Чтобы вобрала в себя Винькину радость и тут же защитила его от страха. От жутковатости, когда понимаешь: мир, который ты обнял пальцами, необъятен...

Как соединить в простых словах это детское ощущение и взрослые мысли о бесконечности, о многогранности миров во Вселенной?

Винценту Аркадьевичу казалось, что сегодня он сумеет. Он написал:

«Морозный день за окнами сверкал слюдяными блестками. Елка пахла праздником. И казалось, что шарик, который Винька взял без спросу, отражает этот запах. Ведь елку-то он отражал до последней иголки...»

Винцент Аркадьевич исписал полстраницы и дошел

до момента, когда шарик выскользнул из Винькиных пальцев. Упал и негромко лопнул на желтой половице...

Винька не плакал. Он был ошарашен и подавлен — тем, как мгновенно и как непоправимо может разлететься на мелкие осколки целая Вселенная. Винька не знал такого слова — «Вселенная» — но чувствовал именно так. Весь день он был тихий и молчаливый, пугал и расстраивал этим взрослых. К вечеру праздник взял свое. Тем более что в других шариках мир отражался по-прежнему невредимо...

Винцент Аркадьевич закончил страницу:

«И все же Виньку долго не оставляло подозрение, что один из миров сегодня днем был разрушен безвозвратно...»

Он писал о себе в третьем лице. Так было легче. Писать «я» про себя — ребенка он почему-то стеснялся. Словно маленький Винька мог обвинить его в непростительном самозванстве.

За дверью поскреблись. В дверь стукнули.

— Что надо? — Винцент Аркадьевич сморщился. Только стало все получаться — и нате вам!

Поскреблись опять. Тьфу ты... Он встал, открыл.

— Деда, можно я у тебя немножко посижу?

— С чего такая честь?

— Ну... так просто... — Зинуля со сдержанным кокетством переступала на пороге. Она была в свитере с желтыми павлинами. А ноги обтянуты чем-то шелковым, тускло-желтым с искорками. Значит, все-таки требовала у мамы что хотела.

— Не воображай, пожалуйста, что я буду восхищаться твоим «латунным блеском». Я работаю.

— Ну и работай. А я посижу тихонько.

Что тут поделаешь? Все же родная внучка...

Она забралась в старое велюровое кресло, чихнула от поднявшейся из обивки пыли и притихла. Ну и ладно...

«Следующее Винькино впечатление, — начал писать Винцент Аркадьевич, — игрушечный медный паровозик. Винька увидел его у маминых знакомых, когда оказался там в гостях. Паровозик был чуть больше спичечной коробки, но в то же время казался Виньке настоящим. И удивительно красивым! Его ювелирные детали отливали латунным блеском...»

Ну, подвернулись словечки! Как же тут не вспомнить ненаглядную Зинулю! И она словно отозвалась:

— Деда...

— Что скажешь?

— А можно... я немножко посмотрю в твою трубу?

— Надо же! Мне казалось, что тебя и твою маму сей предмет ничуть не интересует.

— Интересует... меня...

— Ну, садись, смотри... Подожди, я сделаю пониже...

Винцент Аркадьевич укоротил «ноги» подставки, чтобы окуляр длинной подзорной трубы оказался на уровне Зинулиного лица (та уже устроилась на табурете).

— Только не дергай трубу, поворачивай плавно.

— Я остороженько...

Винцент Аркадьевич опять сел к столу. Пожалуй, истории с паровозиком надо посвятить отдельную небольшую главу. Так и напишем: цифра «два», «Медный паровозик»...

— Зинаида, что ты так пыхтишь и возишься! Не даешь сосредоточиться.

— Сиденье твердое...

— Нежности какие!

— Это у тебя нежности. Я тихонько пыхтю, а ты сразу злишься. Я не виновата, что у тебя не пишется.

— У меня все прекрасно пишется!

— Ты роман сочиняешь, да?

— Что за глупости! Не роман, а ме-му-ары. То есть воспоминания. И не сочиняю, а пишу про то, что было.

— Вот потому и не получается.

— Почему «потому»? Ну-ка объясни, если ты такая умная.

— Потому что неинтересно. Мама говорит, что воспоминания бывают интересные, если человек путешественник или артист. А когда он всю жизнь в одном городе, в одном институте... Ну, ты чего! Это мама говорит, а не я.

Винцент Аркадьевич посопел, успокоился и веско разъяснил:

— Она хотя и твоя мама, но в то же время моя дочь. И это дает мне право сказать, что она круглая дура.

— Неправда!

— Во-первых, я не всю жизнь в одном городе провёл, бывало всякое. Иногда такое, что лучше бы и не надо... А во-вторых, самое интересное в жизни не путешествия и приключения, а люди. А всяких людей я встречал столько, что на сто книг хватило бы...

— Они были знаменитые?

— Они были... всякие. Кто тебе сказал, что интересные только знаменитости? Мама?

— Ничуть не мама... Сама подумала... Ой, смотри, коты дерутся на крыше!

— Где? — Винцент Аркадьевич с живостью прикнулся к Зинуле.

— Вон, на сарае...

3

Рыжий и серый коты короткими ударами лупили друг друга по усатым мордам. Потом сплелись в клубок и покатались по шиферной крыше. Сорвутся? Нет, на краю коты расцепились, отскочили друг от друга, вздыбили спины и распушили хвосты.

— Как на ладони, — с удовольствием заметил Винцент Аркадьевич. — А ведь простым глазом и не разглядишь: где это?

— Деда, а он во сколько раз увеличивает?

— В сорок... Только не увеличивает, а приближает. И не он, а она. Это же подзорная труба.

— А я думала — телескоп...

— Ну... да. Она может служить и телескопом. Собственно говоря, я исходил как раз из этих соображений, когда покупал... Вообще-то такие трубы раньше использовались в стрелковых тирах, чтобы издали наблюдать попадания в мишени... Но разглядывать кратеры на Луне и спутники Юпитера в нее тоже можно...

Винцент Аркадьевич говорил с увлечением. Но не стал добавлять, что и земную жизнь разглядывать в сорокакратном приближении ему тоже нравится.

Нравится смотреть, как по дальней насыпи бегут милые сердцу грузовые составы, резвые зеленые электрички и разноцветные экспрессы. Как в сквере позади старого закрытого кинотеатра мальчишки гоняют пятнистый мяч. Как в просвете между кирпичными домами блестит кусочек реки и по нему проскакивают юркие катера. И как в стеклянной кабине, вознесенной высоко над тополями, юная крановщица в желтой косынке двигает рычагами (кажется, что она в пяти метрах от тебя)... Нравится читать объявления, приклеенные к ярко-синему павильончику автобусной остановки, который недавно поставили в соседнем квартале. Ну и многое другое. Вообще всякую жизнь...

Длинный девятиэтажный дом, в котором жил Винцент Аркадьевич, занимал полквартала на Тобольской улице. Другая сторона улицы была одноэтажная — с бревенчатыми домами, палисадниками и лавочками у калиток. Позади косых заборов зеленели обширные огороды. Улица тянулась по верху пологого склона, и вид из окон пятого этажа открывался просторный.

За огородами виден был громадный пустырь. Среди репейных джунглей и чертополоха торчали бетонные балки, валялись треснувшие панельные плиты и ржавые-

ла брошенная стрела подъемного крана. Когда-то городские власти надумали строить там новый квартал. Сил и денег, однако, хватило, только чтобы вырыть два котлована для подвалов.

Теперь котлованы превратились в покрытые ряской пруды, а среди строительного мусора паслись козы и бродили вольнолюбивые коты. Они, наверно, воображали себя рысями и леопардами. Впрочем, на коз коты не нападали, зато часто дрались друг с другом.

Иногда на пустыре играли в индейцев мальчишки.

За пустырем виднелись дома улицы Стахановской. Двухэтажные, обшитые почерневшими досками строения с квадратными окнами и деревянными балкончиками. Построены они были в давние времена, которые назывались «эпоха первых пятилеток». Давно следовало их снести и дать жильцам нормальные квартиры. Но на это у городского начальства, конечно, тоже не было денег.

За крышами синел дымчатый лесной горизонт.

Винцент Аркадьевич поводил трубой по зубчатой кромке елового леса. Потом поймал в объектив маневровый тепловоз, неторопливо катившийся по далекой насыпи. Далекой — это когда смотришь просто так. А если в трубу, насыпь — вот она. Различим каждый стрелек от откосе, каждый цветущий одуванчик. А в открытом окне кабины виден усатый седой машинист и рядом, под локтем у него, лопоухий пацаненок в полосатой майке.

Винцент Аркадьевич привычно вздохнул. Конечно, хорошо, что есть внучка Зиночка (родная и любимая, несмотря на все вредности). Но жаль, что Клавдия не догадалась родить заодно и мальчишку. Могла бы постараться. Вон у Максима Гавриловича Ступки невестка принесла из роддома аж целую тройню! И все пацаны...

Винцент Аркадьевич вздохнул еще разок и повел

трубою вниз, на пустырь. Там наскакивал на мирных коз бестолковый клочкастый щенок. Козы лениво мотали рогами и по-лошадиному отбрыкивались от дурня задними ногами. Щенок наконец обиделся и ушел...

— Деда, а на Луну ты дашь мне посмотреть? — напомнила о себе Зинуля.

— Луна будет вечером.

— Иногда она бывает и днем.

— Да, — сдержанно согласился дед. — Но в эти дни она восходит после восьми часов вечера, на востоке. Сейчас полнолуние...

— Деда... я тебе надоела, да?

— Ну что ты такое говоришь, — устыдился своей сухости Винцент Аркадьевич. — Просто я... гляжу в окуляр и в это же время думаю о своей работе. Поэтому неразговорчивый...

— А в эту трубу можно открыть новую звезду? Или они уже все открыты?

— М-м... не знаю. Я ведь не астроном... Наверно, можно открыть. Какую-нибудь сверхновую...

— Как это «сверх»?

— Бывает, что в небе зажигается новая звезда, которую вчера еще никто не видел. Где-то в космосе была она совсем маленькая, даже для телескопов неразличимая, а потом вдруг разгорелась, взорвалась ослепительным светом. И кто ее первый увидит — тому честь и слава...

— А! Тогда я знаю!

— Что ты знаешь? — подозрительно спросил Винцент Аркадьевич, не отрываясь от окуляра.

— Я догадалась! Ты специально купил трубу, чтобы открыть сверхновую звезду!

— Что за глупости! Я купил... просто ради удовольствия. Потому что с детства мечтал о такой оптике, да все не мог собраться. То денег не было, то времени... А звезду... гм... подожди-ка... Ха! Кажется, я и в самом деле... открыл что-то такое...

Звезда была не на небе. На пустыре. Среди свежих лопухов что-то синело, и на этой синеве как раз и светилась звезда. Белая, пятиконечная.

Может, упала с неба и застряла в зарослях? Чем не сюжет для нового рассказа...

— Где звезда? — Зинуля решительно оттерла деда от телескопа. И тут же изошла шипучим презрением:

— Это просто Печки-Лавочки!

— Что за лавочки?

— Прозвище такое, вот что! Вовка Лавочкин из нашего класса!.. Балда такая! Что-то прячет в траве. Или рогатку, или дневник...

— Ну-ка... — Винцент Аркадьевич в свою очередь оттеснил Зинулю.

Да! Вовка там или нет, но, безусловно, мальчишка. Он стоял на четвереньках, сунув голову в лопухи. Теперь можно было различить зеленый школьный рюкзачок и рубчатые подошвы кроссовок с желтой прилипшей кожурой тополиных почек. А между кроссовками и рюкзачком был тощий зад, обтянутый пестрой материей. На этом зад и была звезда. Вернее, на его левой половине. Мальчишка попятился, и стало видно, что правая половина зада расцвечена красными и белыми полосами.

Ясно стало, что Зинулин одноклассник одет в костюм, сшитый как бы из американского флага. Такая мода появилась пару лет назад. На рубашке сзади обычно красовался разлапистый штатовский орел или ковбой на вздыбленном мустанге.

Каждый раз, когда на глаза попадался такой вот «америкэн бой», Винцент Аркадьевич усмехался и думал: а что, если бы он, Винька Греев, полсотни лет назад пришел бы в школу в таком вот наряде? Или появился бы в нем на улице Зеленая Площадка? Весь окружающий мир встал бы на уши! Мало того, что такая

девчоночь пестрота! Она еще и *американская*. «Трумэн! Генерал Макартур! Поджигатель войны!»

Все на свете меняется: и моды, и политика...

Лавочкин между тем выпрямился, повернулся. Отряхнул и заправил в мятые шорты куцую рубашонку. Она была заметно полинялая: видать, костюм служил Вовке не первый год. Вовка поправил лямки рюкзака, расставил крепкие, покрытые майским розоватым загаром ноги, сунул пальцы в кармашки у пояса и глянул вверх.

Лицо у Лавочкина было скуластое, нос вздернутый, с двумя аккуратными дырками, толстогубый рот — приоткрыт. Вовка водил по губам кончиком языка и о чем-то размышлял. Кажется, о серьезном. Возможно, он видел в небе что-то свое, незаметное для других.

Винцент Аркадьевич ощутил к незнакомому Вовке симпатию.

— А почему Печки-Лавочки? Глупое прозвище.

— Ничего не глупое! Из-за фамилии...

— А чем плохая фамилия? Был в свое время такой ученый, знаменитый конструктор боевых самолетов!

— Ну, так это конструктор — знаменитый. А наш-то Лавочкин просто «Вовка — не боли головка»...

— Вы его еще и так дразните?!

— Ага... Только не часто. Он такой. Терпит-терпит, а потом как бросится! Не дай Бог, если догонит!

— А что сделает?

— Мне один раз чуть косу не выдрал.

— Ну и правильно.

— Ничего не правильно! Ты ведь не знаешь, в чем дело!

— Я знаю *тебя*.

— А я его тоже огрела. Он даже ревел, вот...

Сообщив это, Зинуля надулась. Всерьез. А Вовка Лавочкин между тем еще раз поправил рюкзачок и деловито удалился из поля зрения.

Зинаида тяжело сопела. Чтобы смягчить обстановку, Винцент Аркадьевич примирительно сказал:

— А зачем ему дневник-то прятать? И почему он с рюкзаком? Ведь каникулы же у вас!

— Каникулы у тех, кто добросовестно учился в году, — с ошутимым самоуважением сообщила Зинуля. — А такие, как Лавочкин, будут заниматься до тридцать первого мая. А кое-кто и дальше. Так решила наша завуч Венера Григорьевна.

«Ясно, что за Венера», — сказал себе Винцент Аркадьевич. И опять посочувствовал в душе Вовке Лавочкину.

— А что, неужели он двоечник?

— Не двоечник, а... он *непредсказуемый!* Так говорит Анна Сергеевна. В этом все дело.

— Не понимаю...

— Ну... от него не знаешь, чего ждать! То пятерки, то еле на троечках ползет! То тихонький ходит всю неделю, а то... в субботу притащил во-от такую брызгалку! С мягкой бутылкой из-под газировки! Говорит: это салют в честь окончания учебы. И прямо на уроке давай всех поливать!..

— Но вы же сами, наверно, все визжали от радости!

— Мы-то от радости... А Анна Сергеевна говорит: кому-то конец учебы, а кто-то еще походит в школу до конца месяца. За свое поведение... Только он ведь все равно не ходит! Ты же сам видел: гуляет в лопухах и гапок в небе считает...

— Я бы тоже гулял. Разве это справедливо — лишнюю неделю гонять человека на уроки за какую-то брызгалку!

— Не за брызгалку, а за всякое...

— Зинуля, ты зануда, — Винцент Аркадьевич встал. — Шагай отсюда, моя дорогая, мне надо работать.

МАЛЬЧИК В ОКНЕ ВАГОНА

1

Сейчас работа шла хуже. Мешали сосредоточиться посторонние мысли. И почему-то все время вспоминался тепловоз на насыпи — с усатым машинистом и мальчишкой.

Винцент Аркадьевич не устоял перед соблазном, опять сел к трубе. Но теперь насыпь была пуста. Лишь скакали по блестящему рельсу воробьи. Винцент Аркадьевич повел трубой пониже: нет ли чего интересного в других местах? В поле зрения косо поплыли дощатые дома Стахановской улицы. В одном доме на втором этаже было распахнуто окно. И... в этом окне Винцент Аркадьевич увидел уже знакомого Вовку Лавочкина.

Он узнал Вовку по звездно-полосатой рубашке. Вовка был виден по плечи (видимо, стоял у окошка на коленках). Локти он поставил на подоконник, а лицо его было скрыто кулаками и подзорной трубой, которую он в этих кулаках держал — приставил ее к глазу.

Труба была не такая, как у Винцента Аркадьевича, маленькая. И скорее всего, самодельная: над объективом топорщился клочок отклеившейся бумаги. Конечно, приближала она не в сорок раз, а где-нибудь раз в пять, не больше. Но... все-таки приближала. И когда две трубы сошлись — объектив в объектив, — Винцент Аркадьевич понял, что Вовка видит его.

Он, Вовка Лавочкин, оторвался на миг от окуляра, отвел в сторону лицо. Брови его смешно приподнялись, глаза округлились, лоб сморщился. Вовка прикусил нижнюю губу. Потом почесал кудлатое темя. И снова приник к окуляру.

Так они смотрели друг на друга с полминуты. Потом Вовка поднял над плечом ладонь и качнул ею из стороны в сторону. Помахал ему, незнакомому пенсионеру. И будто ниточка протянулась между двумя объектива-

ми. От улицы Тобольской до улицы Стахановской. Над огородами и крышами, над заросшим пустырем... Винцент Аркадьевич тоже поднял руку.

Нет, он не помахал Вовке. Словно что-то его толкнуло — он качнул пальцы к себе. Этаким приглашающий жест. Иди, мол, ко мне, Вовка.

И тот понял!

Высунулся из окна по пояс и закивал. И скрылся...

Вот как все получилось. Неожиданно и странно. Винцент Аркадьевич был смущен. Что же теперь делать? Ждать Вовку Лавочкина в гости?.. Ну а что такого? Пусть придет. Посмотрит большую трубу, расскажет, как мастерил свою... Возможно, этот эпизод пригодится для мемуаров «Тени как шпалы».

Конечно, со стороны может показаться смешно: сошлись старый да малый. Но... может быть, судьба теперь более удачно повторяет давний случай?

Ох, но как Вовка найдет его в большущем этом доме? Едва ли мальчишка за несколько секунд сумел определить, на каком этаже, в каком по счету окне увидел дядьку с телескопом. Их, окон-то, по фасаду чуть не полтыщи! И девять подъездов. Недаром окрестные жители именуют это здание Великой Китайской стеной.

Пойти, что ли, встретить?

«Ты ищешь повод, чтобы улизнуть от работы».

«Но я написал полторы страницы! Имею я право на утреннюю прогулку?»

На улице было чудесно. Тепло, а на солнце — просто-напросто жарко. Но это была приятная жара, сквозь нее пробивался ветерок, пахнувший тополями. Их листва была еще молодой, клейкой...

Каким же путем идти навстречу Вовке?

Логичнее всего — напрямик через пустырь.

По пустырю, среди бурьяна и бетонных обломков разбегались тропинки. Винцент Аркадьевич зашагал

по той, что вела (как ему казалось) точно к Вовкиному дому.

Тропинка сперва шла прямо, а потом стала петлять среди зацветающего иван-чая и осота с желтыми пушистыми головками. Один раз гукнул тепловоз, простучал по насыпи поезд, но дальний шум не прогнал здешнюю тишину. Она тихонько звенела, и казалось, что звон этот — от жаркого солнечного света.

Винцент Аркадьевич увидел, что тропинка уходит в сухие репейные джунгли, и озабочился: он был в новых светлых брюках и такой же куртке. Пойти в обход?

И в этот миг из джунглей возник Вовка Лавочкин.

Остановился.

В спутанных его волосах и на звездно-полосатой рубашке были прошлогодние репы, на ногах и руках — белые царапины, а на скуластой рожице — нерешительность и ожидание. Вовка тронул языком трещинку на верхней губе и улыбнулся. Чуть-чуть.

— Привет, — сказал Винцент Аркадьевич. Кажется, получилось чересчур небрежно, нарочито. Вовка отозвался отчетливо:

— Здравствуйте. — Он шмыгнул ноздрей, улыбнулся заметнее и голой пяткой почесал косточку на другой ноге. Видать, ужалил в зарослях.

— А чего ты босиком-то?

— А! — он будто обрадовался. Весело зашевелил пальцами ног. — Не успел кроссовки надеть, заторопился.

— Почему заторопился?

— Ну... я подумал: вдруг вы правда меня позвали?

— А я правда позвал! — И Винцент Аркадьевич ощутил, как скованность у него исчезла. — Позвал, а потом подумал: как ты меня отыщешь в нашей громадине?

— Я бы отыскал! Походил бы, поглядел бы на окна!.. А вы... — Он опять шмыгнул ноздрей и поглядел исподлобья.

— Что?

- Вы, что ли, специально пошли мне навстречу?
— Естественно...

Вовка посмотрел на свои ноги. Опять пошевелил пальцами. Кажется, с сомнением. Мол, так ли это «естественно»?

— Раз уж встретились, давай-ка сядем да побеседуем. Вон там... — Неподалеку лежали друг на друге две расколотых серых плиты. Забыв о новых брюках, Винцент Аркадьевич уселся на пыльный бетонный край. Вовка вспрыгнул на плиту в метре от него — как воробушек. Сел на корточки, обхватил колени. Сбоку по-птичь глянул на Винцента Аркадьевича.

«Интересно, что он думает про меня? Станный седой дядька, поманил зачем-то... А может, он меня боится?»

— Ты, наверно, гадаешь: «С чего это старик надумал заводить со мной знакомство?»

— Не, я не гадаю! Я догадался! Потому что у вас телескоп и у меня. Дело ведь не в том, кто старый, а кто маленький, а в том, что дурачества одинаковые... ой... Это бабушка так говорит: «Дурачество у тебя с той подозрительной трубой». Я говорю: «Не с подозрительной, а с подзорной». А она все равно...

— Знаешь, друг мой, мне говорят то же самое. Только не бабушка, а дочь. Она уже взрослая... Видимо, таковы женщины. А?

Вовка не отозвался на эту излишнюю (опять нарочитую) доверительность. Помолчал. Потеря облупленным ухом о колено. Деловито спросил:

- У вашего телескопа какая кратность?
— Сорок...
— Ух ты! А у меня всего шесть. С половинкой...
— Сам сделал?
— Ага... А вы?

— У меня, брат, система ленинградского завода. Правда, старая, в комиссионке взял. Но работает отлич-

но. Так что я тебя, конечно, разглядел получше, чем ты меня.

— Ну... я тоже... разглядел... Я вас случайно увидел. Вы не думайте, что я люблю в окна подглядывать. Я за самолетом наблюдал, за «Ан-два». А потом качнул трубу, а в ней — вы...

— У меня почти так же получилось. Только я за тепловозом следил... В силу своей приверженности к железнодорожной профессии.

— Значит, вы не астроном... — В голосе Вовки было скрытое огорчение.

— Нет... я конструктор... Кстати, зовут меня Винцент Аркадьевич. А тебя — я знаю — Вова Лавочкин.

— Ой! А кто вам сказал? — Он спустил с плиты ноги, вцепился в бетонный край. Вытянул шею.

Винцент Аркадьевич не стал хитрить.

— Внучка сказала. Она с тобой в одном классе учится. Зина Коновалова... Она тебя сегодня в трубу разглядела, когда ты что-то в лопухах... искал... — Он чуть не сказал «прятал».

— А-а... — тихонько отозвался Вовка. И стал смотреть в сторону.

— А чего ты так... увял? У тебя с Зинулей что, нелады?

Вовкино острое плечо неопределенно шевельнулось под синей с белой звездой материей. Потом он спросил крайне равнодушно:

— Она небось наговорила про меня всякое?..

— М-м... нет, — соврал Винцент Аркадьевич. — Сказала только, что Анна Сергеевна заставила тебя учиться до тридцать первого. Несправедливо, из-за брызгалки.

— Да она уже отпустила! Я сегодня на первый урок пришел, а она говорит: «Ладно уж, гуляй, моя радость...» Потому что отметки-то у меня нормальные, только по рисованию тройка...

— А чего же так? Нет способностей?

— Не знаю... Учительница говорит: «Мне тут нужны

не вангоги, а обыкновенные дети, которые рисуют по правилам...» Вы не знаете, кто такая вангога?

— Не «такая», а «такой». Французский художник Винсент Ван Гог... Он тоже рисовал не по правилам, поэтому жизнь у него была несладкая... Зато после смерти прославился...

— После смерти — это поздно, — рассудил третьеклассник Лавочкин. И спохватился: — Ой! А у вас, значит, такое же имя, как у этого художника!

— Почти. Он Винсент, а я Винцент. Испанский вариант произношения.

— А вы... разве вы испанец?

— Ни в малейшей мере!.. Тут такая история. У моего отца был друг, испанский летчик Винцент Родриго Торрес. Он погиб. Ну а меня назвали в память о нем...

— Почему погиб-то? — насупленно спросил Вовка, глядя перед собой.

— На войне. Была в тридцатых годах в Испании гражданская война. Отец там воевал добровольцем, против фашистов...

— Он тоже был летчик?

— Нет, он был техник на аэродроме. Помогал готовить к полетам и ремонтировать истребители, которые Советский Союз посылал на помощь республиканцам... А ты, наверно, про ту войну и не слышал, а?

— Слыхал... Я ее в кино видел, в старом. Называется «Парень из нашего города».

— Да уж, действительно старинный фильм! Я его смотрел, когда был такой, как ты.

Вовка глянул искоса: неужели, мол, вы были когда-то такой же, как я? Но спросил о другом:

— А тот художник, Ван Гог, он тоже в Испании воевал?

— Нет, он жил гораздо раньше... Кстати, у меня висит его картина. Ну, то есть не совсем его, а копия, но хорошая. С кораблями... Если ты не откажешься побы-

вать у меня в гостях, то сможешь разглядеть ее во всех деталях... А заодно познакомишься с моей трубой. Мне кажется, она тебя интересует. А?

— Когда?

— Что — когда?

— Ну, побывать-то, — вздохнул Вовка.

— Можно прямо сейчас. У тебя же, как я понял, каникулы...

— Не... — опять насупился Вовка. Вытянул ноги горизонтально и повертел ступнями. — Куда же я вот так-то, босиком... А если за кроссовками пойти, бабушка больше не выпустит, скажет: иди картошку чистить или посуду мыть...

— Что за церемонии! Ты же не на прием в британское посольство собираешься!.. Я в твои годы гулял босиком куда угодно и без всяких сомнений...

Вовка бросил быстрый взгляд: какие, мол, это были годы-то! До нашей эры...

— А Зинка... она дома?

— Не все ли равно? Я живу, как говорится, автономно. Если она будет к нам соваться, мы ее про-иг-но-рируем.

Вовка Лавочкин подумал секунду и тряхнул головой с репьями:

— Тогда ладно...

2

Винцент Аркадьевич хотел вернуться прежней тропинкой. Но Вовка сказал, что есть другая, покороче. И зашагал вперед.

Шагов через сто Вовка остановился у лопуховой гущи. Винцент Аркадьевич понял: это те заросли, где он недавно увидел звезду. Он узнал место по кривому тополю, который рос неподалеку.

— Знаете, что я там смотрел? — Вовка таинственно кивнул на лопухи.

— Не знаю...

— Смотрите... — Вовка встал на четвереньки и раздвинул большущие листья. Пришлось присесть рядом. В лопухах была спрятана поломанная корзина, а в ней вылизывала новорожденных щенков серая кудлатая собачонка. Она глянула доверчиво: видать, знала Вовку и не боялась.

— Она ничья... Потом, когда щенки подрастут, надо их кому-нибудь раздать, чтоб не стали беспризорными. У вас есть собака?

— Гм... У нас есть кошка Лолита, любимица Зинули. Я не думаю, что она уживется со щенком.

— Да что вы! Это неправда, что кошки и собаки враги! Они знаете как дружить могут!

— Ну... поживем — увидим...

— Ага, увидим... — Вовка задвинул лопухи.

Винцент Аркадьевич встал и чертыхнулся. Кругом все усеяно было шелухой тополиных почек, она прилипла и к светлым брюкам. Винцент Аркадьевич стал сбивать ее шелчками. На ткани оставались желтые пятнышки. Отстираются ли?

А Вовка, тот оказался облепленным тополиными кожурками с ног до головы. Они приклеились даже к щекам. «Чучело», — усмехнулся про себя Винцент Аркадьевич.

К большой досаде, он забыл ключ, и, когда оказались у двери, пришлось звонить. Открыла Клавдия. И конечно же, уставилась на «чучело».

— Это Вова. Он пришел ко мне в гости, — независимо сообщил Винцент Аркадьевич.

Клавдия уперлась взглядом в пыльные Вовкины ступни.

— Ноги вытирайте, я пол мыла...

Вовка послушно зашоркал голыми подошвами о расстеленную влажную тряпицу. Винцент Аркадьевич

сбросил туфли и сунул ноги в шлепанцы. Взял Вовку за плечо. Все еще надеясь на мир, объяснил Клавдии:

— Вова интересуется моей трубой. Потому что у него тоже есть телескоп. Самодельный...

— Рыбак рыбака... — сказала Клавдия в пространство.

— Клавдия Винцентовна! По-моему, у вас дела на кухне! А мы займемся *нашими* делами. — И повел оробевшего Лавочкина к своей двери.

В прихожую высунулась Зинуля. Обалдело помолчала и пропела:

— О-о! Кто к нам пришел!..

— Не к «вам», а к Винценту Аркадьевичу.

— Ах! Ах! Ах! Какие мы важные...

Из открытой кухонной двери на Зинулю широко светило солнце. И она была опять желтая и блестящая. Вовка сообщил с язвительным восхищением:

— Ты блестяшь, как медный самовар.

— А ты... ты... как дворовый Бобик, весь в репьях!

— Да, я такой! — И Вовка глянул на Винцента Аркадьевича: мол, не слишком ли я нарушаю приличия? Тот похлопал его по плечу: все в порядке.

Вовке профессорское жильё понравилось. Он с удовольствием обозрел деревянные резные маски на стенах, большущую карту железных дорог, модель тепловоза (подарок друзей к шестидесятилетию) и стеллажи с книгами. И — конечно же! — копию картины «Рыбачьи лодки на побережье Сен-Мари». Постоял перед ней с минуту и покивал. Оглянулся.

— Я, наверно, тоже так смог бы...

— Ты уверен?

— Ага... то есть почти... А трубу можно посмотреть?

— Конечно!

Прежде чем сесть к окуляру, Вовка внимательно осмотрел трубу снаружи. Потом — треногу. И наконец —

табурет. Погладил некрашенное, но отполированное за полвека сиденье.

— Старинный?

— Не вяжется с остальной обстановкой, да? Видишь ли, это единственная мебель, которая сохранилась у меня с детских лет. Она из старого деревянного дома.

Вовка еще раз погладил табурет — с уважением.

— До сих пор крепкий...

— Да... А внучка его не любит, говорит, что слишком твердый.

Вовка оттопырил губу — молча показал свое отношение к Зинаиде Коноваловой и ее дурацким нежностям. Затем устроился на сиденье, укрепив пятки на перекладинке между ножками. И придвинулся к окуляру.

— Ух ты... — И после этого примолк минут на пять. Потом обрадовался: — А вон моя бабушка. В окно высунулась. Наверно, смотрит, куда это я провалился...

— Будут неприятности? — встревожился Винцент Аркадьевич.

— А! Несильные. Обыкновенное дело...

И опять примолк. Надолго.

Винцент Аркадьевич сел к столу. Прочитал, что написал сегодня. Решил, что не так уж плохо. Иногда за дверью слышалось дыхание и шевеление — Зинуля. Винцент Аркадьевич и-гно-ри-ро-вал. А Вовка, видимо, просто не слышал. Шевелил трубой и облизывал губы. Долго. Наконец сообщил:

— В Коленчатом переулке ребята змея запустили, красного и желтого. А по рельсам петух гуляет. Под поезд не попадет?

— Успеет удрать.

— А бабушка закрыла окно. Наверно, на рынок ушла...

— Бабушка, конечно, серьезный объект для наблюдения. Но, знаешь ли, на Луну и планеты смотреть не менее интересно.

— Но они же ночью!

— Или вечером. Ты приходи ко мне часов в девять, когда встанет Луна. Отпустят тебя?

— Ага... Только знаете что...

— Что?

— Можно я свой телескоп с собой принесу? А то...

— Что «а то»?

— Ну... — Вовка крутнулся на табурете. Глянул виновато и честно. Глаза у него были цвета свежей сосновой коры. — Понимаете, ему обидно будет. Что я его, самодельного, бросил и убежал к настоящему.

— Приноси, конечно! Мне, кстати, любопытно, что за конструкция...

— Простая конструкция, — вздохнул Вовка. — Два стекла да две трубки... — Он встал и потер себя сзади. Видать, отсидел с непривычки.

— Отдохни, Вова. Садись вон туда. — Винцент Аркадьевич кивнул на кресло, где любила устраиваться Зинуля. За дверью задышали шумно и ревниво.

Вовка послушался. Но сперва аккуратно отклеил от ног все тополиные кожурки. Бросить их на пол он не решился и затолкал в нагрудный кармашек (пополам красный и белый). Потом прыгнул в кресло спиной вперед.

— Здорово! Как батут!

Он опять обвел глазами комнату. Боком лег на пухлый подлокотник. Ладонью подпер щеку. И вдруг — полупешотом:

— Винцент Аркадьевич...

— Что, голубчик?

— А вот вы... вы меня позвали потому, что у меня труба? Или... почему-то еще?

Ух ты, как он... Можно сказать, прямо в яблочко. Что ответить? Про свое одиночество (хотя вроде бы и семья, и немало знакомых)? Или...

— Не только потому, что труба... Я вспомнил одну давнюю историю.

Вовка сказал тихо, но с настойчивым ожиданием:

— Какую историю?

— Одну встречу...

Он собирался написать о ней в «Тенях и шпалах». В главе «Мимолетная улыбка». Не раз обкатывал в голове этот эпизод. Поэтому сейчас заговорил довольно складно.

— Было это лет двадцать назад. Мы с дочкой ехали из Крыма, отдыхали там. Ехали южной дорогой, жара была, степи кругом. Поезд грязный, в вагоне духотища... Ни в ресторане, ни на станциях — никакого питья, только липкий персиковый сок, от него еще больше пить хочется. А тут еще, как говорится, одна беда к другой: Клава, дочка, схватила какую-то лихорадку, лежит в купе с температурой тридцать девять, хнычет, губы облизывает...

Выпросил я у проводника пол-литра кипяченой воды, но она теплая, противная...

Ну, дал я Клаве аспирин, она уснула наконец, я вышел в коридор, встал у окна. А кругом даже не степь, а полупустыня какая-то. И солнечный жар... Это где-то перед Волгоградом. Ветер в окошко врывается, но без прохлады, пыльный и горячий. А в коридоре еще к тому же тетушки беседуют, что в здешних местах, мол, холера объявилась...

В общем, тошно на душе так, будто в нее, в душу, вылили банку того самого персикового сока. Думаю: что дальше-то будет? Еще двое суток ехать...

И тут встали мы на каком-то разъезде. На соседних путях — поезд, такой же, как наш. Такие же пыльные вагоны, так же стекла в окнах опущены. И вдруг вижу — наискосок от меня в окне мальчик. Лежит на верхней полке и смотрит на белый свет. Оперся подбородком о

край приспущенной рамы... Обыкновенный такой мальчик, белобрысый, уши оттопыренные. И конечно же, хорошо ему. Наверно, и питье прохладное есть, и на жару наплевать, и много радостей впереди: к морю едет... И хворей никаких...

Признаться, меня даже зависть кольнула. А он... тут он посмотрел на меня, мы глазами встретились. И знаешь... мне кажется, он что-то понял про меня. Улыбнулся чуть-чуть и ладонью помахал. Вот так. Держись, мол, дядя, все еще наладится в жизни... И я... Хотя и несладко было, но помахал в ответ. Думаю, вот хороший человек. А тут его поезд дернулся и пошел. Он высунулся и еще помахал. Ну, и уехал...

— И все? — шепотом спросил Вовка.

— Не все... Как ни странно, стало мне полегче. Все вокруг то же, что и раньше, но какая-то надежда появилась. И вот представь себе, через полчаса въехали мы под могучую грозовую тучу. И грянул по вагонам ливень. Вспышки, грохот, брызги в открытые окна. И свежий мокрый ветер по вагонному коридору. И долго это было... А потом за окнами — влажная зелень, радуга и уже никакой духоты. И вскоре на станции погрузили в вагон-ресторан холодную газировку, и минералку, и пиво, и квас...

А у Клавы разом кончился жар. Она сказала, что, наверно, с перепугу: она ужасно грозы боялась, а над вагоном один раз грянуло так, что он чуть с рельсов не соскочил... Вот такая история, брат ты мой... — И Винцент Аркадьевич заулыбался. С облегчением.

А Вовка не улыбнулся.

— Хорошая история. Только...

— Что?

— Ну, я-то здесь при чем?

— А! Видишь ли... Да, казалось бы, ни при чем. Но... когда ты в своем окне взял да и помахал мне, я сразу вспомнил того мальчика. Похоже очень... И подумал:

тогда мы разъехались, потому что в поездах. Но дома-то, они ведь не вагоны. Чего ж нам так — помахать да развезжаться? А?

— Ну да... — неуверенно сказал Вовка. И напомнил: — Значит, сегодня будем смотреть Луну?

— Если ты не против. Приходи к половине девятого...

3

Вовка появился точнехонько в восемь тридцать. На этот раз — в кроссовках. И в длинной вязаной безрукавке — по случаю вечерней прохлады. Мало того, были заметны недавние старания расчесать его кудлатые волосы на косо́й пробор.

Под мышкой Вовка держал коричневый футляр, в каких носят свернутые чертежи.

Окна кабинета смотрели на запад, а Луна всходила на востоке. Винцент Аркадьевич и Вовка перенесли треногу на балкон — через большую, «общую» комнату. Под негодующее молчание Клавдии. И под любопытное сопение Зинули.

Конечно же, Зинуля просочилась на балкон следом за «астрономами». Но не вредничала, молча присела на перевернутую кадушку из-под капусты.

— Принеси-ка табурет, дорогая, — сказал Винцент Аркадьевич.

— А ты дашь мне посмотреть на Луну?

— Неси, не торгуйся.

Зинуля послушалась. Когда она ушла, Вовка насупленно сказал:

— Пускай уж она тоже поглядит.

— Договорились.

Зинуля приволокла табурет.

— Все ноги об него пооббивала... Ты, Печкин, мог бы и помочь.

— А ты просила?

— Мог бы и догадаться.

— А я недогадливый.

— И вообще головкой стукнутой...

— Поймаю на улице — косу выдеру, — шепотом пообещал ей одноклассник Лавочкин.

— Кто?! Ты?! — завелась Зинуля. — Да я тебя вперед поймаю! Вперед выдеру... Тебя и так все девчонки в классе лупят!

— Меня?! Да я просто связываться с вами не хочу! Чуть что, сразу: «Анна Сергеевна-а! Чего он лезет!»

— А кто ревел, когда от Косицкой указкой по шее попало?

— Балда! Не по шее, а по локтю! Он и так был разбитый, а она по нему, по больному! Давай я тебе сперва локоть расшибу чем-нибудь, а потом по нему указкой! Тогда узнаешь!

— Я сама тебе что-нибудь расшибу!

— Цыц, — сказал Винцент Аркадьевич. — Храните сдержанность и достоинство перед лицом восходящего космического тела. Смотрите, вот оно...

Большая, не совсем еще круглая Луна появилась над стоящей во дворе котельной, справа от трубы.

Солнце до сих пор не зашло, бросало оранжевый свет на асфальтовый двор, на кусты и гаражи. Но на востоке небо уже было лиловым, и шар Луны выступал на нем четко.

Вовка заспешил, вытащил из футляра свой телескоп. Труба была оклеена глянцевой зеленой бумагой. Надо сказать, не очень аккуратно оклеена, со складками...

— Дай-ка мне, — велел Винцент Аркадьевич. — Я посмотрю в него, а ты в большую трубу. Я-то в нее уже насмотрелся.

— Ладно... Только у меня там все вниз головой видится.

— Знаю. Это не беда... У меня когда-то был такой же

самодельный инструмент. Я его чертеж в «Затейнике» нашел. Выходил такой детский журнал в сороковых годах.

— Да ведь и я в «Затейнике»! У нас этих журналов целая пачка, от дедушки остались! Дедушку я не помню, а журналы в кладовке разыскал.

— Ну, значит, та самая конструкция! Объектив из стекла от очков?

— Ну да. От бабушкиных, от старых...

— А у меня... у меня не от бабушкиных...

— А от чьих? — осторожно спросил Вовка. Видать, что-то почуял.

— Они попали ко мне после одного случая. Грустного... Это давняя история.

— Такая же, как та, про поезд?

— Что ты! Гораздо более давняя. Ведь я тогда был такой же, как ты. Или, наверно, постарше на год...

В СЕРЕДИНЕ ВЕКА

1

Полсотни лет прошло, но и сейчас иногда, в тоскливые минуты, Винценту Аркадьевичу слышится тот жалостный крик. Будто наяву. Протяжный, горестный — вестник беды...

Он, этот крик, был совершенно неуместен в лагере «Ленинская смена», где полагалось звучать песням о кострах и красном галстуке, хриплым сигналам горна, рассыпчатому барабанному стуку и бодрым речевкам. И вдруг — словно на деревенском дворе, где узнали о несчастье:

— Ох ты, горюшко мое горькое! Ох ты, маленький мой, соколик ты ясный, солнышко мое упавшее!..

Это во весь голос причитала старая повариха тетя Тоня. Крик доносился от реки. Он был слышен повсюду, потому что лагерь только-только притих, покорив-

шись послеобеденной лени «мертвого часа». Сонный покой разлетелся вдребезги. Все кинулись к берегу — из дверей, из окон.

У Виньки в трусах была слабая резинка, они сползали, проклятые, и он прибежал, когда с полсотни ребят уже кого-то обступили на берегу у самой воды. Кого-то или что-то... Винька, тяжело сопя, ввинтился между голых спин и плеч. На него заоглядывались. И странное дело, не огрызались. Раздвигались молча и виновато. И Винька всем сердцем понял — Глебка...

В том году, в конце мая, Винька Греев сдал первые в жизни экзамены и перешел в пятый класс. А первого июня они с отцом отправились в лагерь. В разные. Винька — в «Ленинскую смену», а отец — на военные сборы. Как досадливо сказала мама — «опять загремел в солдаты».

Мама была не совсем права. Обмундирование отцу дали и правда солдатское (и к тому же поношенное, белесое), но погоны были майорские. Причем золотые и новенькие. Отец объяснил, что полевых погон для старших офицеров на военном складе почему-то не нашлось.

В этих вот сверкающих погонах, полинялой форме с чужого плеча и в пахнувших ваксой кирзовых сапогах отец зашел домой попрощаться. Он отправлялся с колонной машин за двести километров от города в какую-то Сухую Елань, где разворачивался запасной военный аэродром.

Мама была очень раздосадована. Не только потому, что расставалась с мужем на полтора месяца (а то и больше — знаем мы это военное начальство!). Дело еще и в том, что в их квартире начинался ремонт.

Дом был деревянный, двухэтажный, никаких ремонтов здесь не делали с довоенной поры. Двухкомнатное жилище Греевых совсем обветшало. И наконец-то

мама договорилась в своей конторе «Горпотребсоюз» о штукатурке, покраске полов и о перекладке печи, у которой в дымоходе вываливались кирпичи. Договорилась — и вот, пожалуйста! В доме не остается ни одного мужчины!

— Я могу не ездить в лагерь! — вскинулся Винька.

По правде говоря, он туда не очень рвался. До сих пор в пионерских лагерях он не отдыхал, и теперь душа его была полна сомнений. С одной стороны, интересно, а с другой... Опытные люди рассказывали всякое. И о суровых порядках, и о том, что, если сразу не поставишь себя как надо, могут превратить в «лагерного тютю». У такого «тюти» судьба самая горькая.

Но мама на Виньку цыкнула: с таким трудом раздобыли путевку, а он фокусничает! Потом сказала:

— Самая лучшая помощь, если ты не будешь тут торчать целый месяц и мешать взрослым людям.

А отец сказал, что главный мужчина в доме — мама. Командовать она умеет лучше всех. А работать самой ей не придется, на то есть штукатуры и маляры. Да и про-раб Василий Семеныч — хороший знакомый, не подведет.

— А уборки-то сколько будет после ремонта! Рабочие не станут этим заниматься!

— Ну, Людмилу позовешь, поможет...

Людмила была старшая Винькина сестра. Она с мужем и маленькой дочкой жила не здесь, а снимала комнату на улице Зеленая Площадка.

Мама только рукой махнула:

— У нее сессия в институте. Галку мне притащит на постой в воскресенье, когда ясли закрыты, вот и вся помощь... Ты хоть пиши почаще. Почта-то там есть?

— Будет...

— Полевая, да? — сунулся Винька.

— Авиапочта, — усмехнулся отец. — Аэродром же. Каждый день будут специальный самолет гонять.

Он укладывал бритву, полотенце и сверток с бельем в большой штатский портфель, с которым ходил на лекции в техникум.

Винька потрогал висевшую на отцовском ремне пустую кобуру (от нее пахло, как от новых ботинок).

— Папа, а пистолета почему нет?

— Дадут, когда надо будет. Предлагали получить прямо сейчас, да ну его. Потеряешь — голову снимут...

— А ордена почему не надел?

— И ты туда же! Военком тоже пристал: «Товарищи фронтовики, прошу, чтобы все были при наградах. Для воспитательного влияния на молодое поколение... «Любушка, где они, эти регалии?»

Мама принесла жестяную коробку из-под чая, в ней брякало. Отец прицепил медали и стал прокалывать в гимнастерке дырки для «Отечественной войны» второй степени и двух «Красных Звезд».

Первую «Звезду» Аркадий Матвеевич получил еще за Испанию. Там он пробыл несколько месяцев и вернулся осенью тридцать восьмого года. А в августе тридцать девятого родился Винька. Вроде бы налаживалась мирная жизнь (хотя и не очень спокойная, как потом узнал Винька: в любой день, в любую ночь могли прийти люди в синих фуражках и забрать человека — доказывай тогда, что ты не враг народа). А когда началась война, отца призвали в первые же дни.

Сперва отправили на тыловой аэродром, в запасной полк. Но очень скоро — в прифронтовую зону. Стрелять по фашистам папе не пришлось, но под бомбежки и обстрелы попадал часто. А один раз горел в транспортном самолете и прыгал с парашютом. Об этом случае он говорил без всякого героизма: «Хорошо, что приземлились в болото, никто не узнал, что галифе стали сырые еще в воздухе».

Но это все, конечно, шуточки! Тем, у кого сырые га-

лифе, орденов не дают. Один раз отец был ранен — осколком в плечо, один раз контужен. Вернулся домой в начале сорок шестого. Уговаривали его остаться в армии, но он сказал, что хватит, навоюался. И пошел на прежнюю должность: учить студентов техникума, как надо строить самолетные моторы... Но вот через несколько лет армия вспомнила о нем опять.

Она, Советская армия, должна была «держать порох сухим», потому что заатлантические агрессоры и их прихлебатели во всем мире точили на нас зубы. Отчаянно боялись, что в Советском Союзе наконец построят коммунизм. А отец-то, он как раз из тех, кто строил, потому что в партии с тридцать пятого года. Он маме так и сказал, когда принесли повестку:

— Дело ведь не только в том, что я майор запаса. Есть еще и партийная дисциплина.

Сказал это, правда, без мужественной нотки, со вздохом. Но он всегда такой...

Отец ушел ночевать в казарму, объяснил, что в военном городке много дел, на рассвете они отправляются. В то же утро покинул родной дом и Винька. Впервые в жизни. Мама отвела его на двор своей конторы, который назывался теперь по-военному — «сборный пункт». И покатил Винька в деревню Полухино, что в сорока километрах от города. Покатил в кузове трехтонного «ЗИСа», вместе с двадцатью другими мальчишками и девчонками и толстой вожатой Валею, которая то и дело вскрикивала, чтобы не вставали со скамеек и не перегибались через борт.

Сбоку от кабины полоскалось и реяло на ветру шелковое знамя с бахромой и кистями, с горящим на солнце наконечником. С золотыми словами, которые все знали наизусть: «К борьбе за дело Ленина — Сталина всегда готовы!»

Это алое трепыханье и встречный ветер прогнали из

Виньки слезы, которые скопились внутри от прощания с мамой. И стало казаться, что впереди — праздник и приключения. И страха как ни бывало.

Страх вернулся, когда приехали в лагерь.

2

Оказалось, что опасения не напрасны. Витька Жухов с коровьим прозвищем Мума — лагерный старожил и авторитет — сразу углядел в толпе новичков «милого ребенка» в желтых скрипучих сандаликах, в алой сатиновой испанке на аккуратной стрижке, в отглаженной белой рубашечке и вельветовых лямках с перекладиной на груди. И, наверно, с растерянно приоткрытым пухлым ртом.

Ох как ненавидел Винька свою внешность примерного мальчика и пионера-ударника. Сколько раз приходилось, сжимая страх, доказывать делом, что он не «такой», что «свой». Неужели и сейчас?

Мума уперся в новичка жидко-рыжими глазами:

— Эй ты, Мотя! Ну-ка, иди сюда. Тебе говорю...

«Мотя» — значит еврей. Может, Мума решил так про Виньку Греева из-за его темной челки и похожих на сливы глаз? Неважно. Важно, что он, Мума, сволочь. Потому что лишь сволочи, белогвардейцы и фашисты могут издеваться над человеком за то, что он еврей. Винька слышал это от отца. И в книжках читал. В своей любимой повести Гайдара «Военная тайна» и в его же рассказе «Голубая чашка».

Кстати, и папин друг Винцент Родриго Торес был еврей. Испанский. И сгорел в самолете после того, как сбил двух фашистов...

Человек, читавший «Военную тайну», не может быть окончательным трусом. Обмирать в душе может, но поддаться какому-то гаду, да еще на глазах у всех...

Подрагивающим голосом он сказал:

— Вообще-то меня зовут Винька. Но можно и Мотя, пожалуйста, не жалко. Только идти к тебе мне неохота.

Мума скривил пухлую рожу.

— Это чего же так?

— А вот так. Сено к корове не ходит.

— Намекаешь, Абраша?

В толпе хихикнули. Подумали, что Винька и правда намекнул на «мычащее» прозвище Жухова.

— Я тебе покажу ког'ову... если не будешь слушаться.

— А как надо слушаться? — спросил Винька, чтобы протянуть время. А там, глядишь, кто-нибудь из взрослых подойдет. Вопрос прозвучал вроде бы смиренно, однако с насмешечкой.

Но Мума насмешку не уловил. Покивал:

— То-то... Возьми-ка мой рюкзачок да уволоки в палату. Ты ведь пионер, должен старших уважать. У меня чегой-то спина заныла на старости лет.

— Зарядку надо делать, — опять обмирая внутри, посоветовал Винька.

— Чё такое ты сказал?

— Ты еще и глухой... по старости. Да? — Это Винька вежливо и вполголоса. Но от мягкости тона дерзость таких слов не уменьшилась.

— Пионеры и школьники, смотрите! — с дикторским пафосом возгласил Мума. — Сейчас мальчика будут учить примерному поведению!

— Смотри не обкакайся, — звонким от ужаса голосом предупредил Винька. Потому что было уже ясно: все равно схватки не избежать и бой будет смертельный. Кругом радостно загоготали: и оттого, что новичок ловко отбрил Муму, и оттого, что ожидалось зрелище.

Жухов-Мума с неожиданной резвостью поднял свой грузный (по хозяину) рюкзак, прыгнул с ним к Виньке. Ухватил Виньку за шиворот и начал с сопением натягивать на него брезентовую рюкзачную сбрую. И Винька

коротко вдарил ему пяткой в... ну, так сказать, пониже живота.

Про этот прием (когда нападают сзади) Виньке однажды рассказал Николай, муж сестры Людмилы. Шепотом, чтобы не услышали женщины. Винька запомнил, но применять на деле такой способ еще не приходилось. А тут — будто само собой!

Мума зашипел, словно из него выпустили газ. Согнулся. Винька отшвырнул рюкзак и ладонями пихнул Муму в плечи. Тот покатился навзничь. В гущу свежей крапивы, которая вольготно разрослась у крашеной лагерной изгороди. Крапива эта (как потом узнал Винька) крепко жалилась даже сквозь сатиновые шаровары.

В кусачих зарослях Мума секунды две лежал и моргал. Потом завыл с нарастанием звука и, как выстреленный из рогатки-великанши, ринулся на Виньку. Облапил, сшиб. Замолотил по нему. Винька тоже замолотил по врагу — с радостью и облегчением, потому что было не очень больно и совсем уже не страшно.

Первой из взрослых подскочила повариха тетя Тоня.

— Это что еще за такое взаимодействие! Жухов, опять ты тут свои законы прописываешь! Вот возьму хворостину да по заднице!

Грозные слова не возымели действия, бой продолжался. Но от лагерной фанерной дачи уже спешила, вскрикивая и махая пухлыми руками, вожатая Валя. Она стащила Жухова с полузадавленного, но неустрашенного Виньки. Пообещала Муме «немедленно и сию же минуту» отправить его домой. Тот опять стоял согнувшись и кряхтел: видать, подкатила новая боль.

Виньку Валя ругать не стала. Привела в заваленную пионерским имуществом комнатку, смазала зеленой царापину на щеке и ссадины на коленях, велела снять перемазанную рубашку и пришла к штанам полуоторванную ляжку.

— Ты с этим Жуховым больше не связывайся...

— Пускай первый не лезет!

— А он и не полезет. Понял небось, что не на того напал...

Мума и в самом деле понял. И другие поняли. Никто больше не приставал. Иногда, правда, окликали «эй, Грелка», но не ради дразнилки, а просто у всех здесь были прозвища. Такая лагерная жизнь. Как, впрочем, и в школе...

И Винька оказался в этой жизни как все. И ему нравилось. Только на первой неделе, пока не совсем еще привык, порой подкрадывалась печаль о доме. Чаше всего в вечерние часы, перед отбоем, когда лагерь притихал. Вспоминалась мама, ну и... В общем, сами знаете, как это бывает.

Винька в такие минуты уходил на край лагерной территории, за сарай, где хранились прогнившие лодки. Между сараем и глухим забором была заросшая лопухами щель, там валялись дырявые ведра. Никто про это место не знал, иначе здесь наверняка устроили бы свое убежище курильщики.

Винька усаживался на перевернутое ведро и смотрел вверх. Розовели облака. С забора на сарай и обратно прыгали воробьи. От вечернего солнца они казались рыжими. Воробьям было хорошо: дом их был рядом и по маме они не скучали.

Один раз, когда Винька вздохнул особенно горько и размазал по грязному колену упавшую слезу, кто-то в двух шагах от него колыхнул лопухи. Винька испуганно вскинул глаза.

Рядом стоял очкастый мальчик из их третьего отряда. По прозвищу Ужик.

3

Звали его Глеб. А фамилия была Капитанов.

Он так и сказал на сборе знакомства: Глеб Капитанов. Но многие поняли это как «Глебка Питанов». Прозвища в первый день лепили наскоро — сокращая фа-

мили. Но «Питан» было непонятно. Почти сразу переделали в «Питон». А потом кто-то из лагерных остряков заметил:

— Не питон, а кобра, потому что очковая змея.

Но «Кобра» тоже не прижилась. Рассудили, что кобра — змея грозная и ядовитая, не подступись. А Глебка был из тех, кто муху не обидит. И потому еще один остряк внес поправку:

— Не кобра, а безобидный уж. Хоть узлом завязывай — не укусит...

Уже в окрестностях лагеря было множество, их не боялись даже девчонки. И все согласились, что Глебка по натуре своей смирный, как уж. Кроме того, ужи отмечены были желтыми пятнышками, а Глебка — редкими желтыми веснушками. Впрочем, они были почти незаметны.

Но «уж», слово слишком короткое, неудобное. И стал Глебка не «Уж», а «Ужик». Это еще больше ему подходило...

Несмотря на тихий характер, «лагерным тютей» Глебка не сделался. Его не обижали. Сперва, с подначек Мумы, пробовали приставать, но Глебка смотрел в ответ с какой-то непонятной жалостью. Не к себе, а к обидчику. Серые глаза его за очками были спокойными и снисходительными: «Странные вы люди. Что за радость изводить человека?» И любители изводить один за другим отступились.

Ужик не участвовал ни в шумных играх, ни в проказах и дисциплину почти не нарушал. Почти — потому что однажды вожатая Валя подняла крик: узнала, что ее пионер Глеб Капитанов без спросу ходит к реке.

С рекой шутки были плохи, она — совсем не широкая, но быстрая, вся в упругих струях течения и воронках. Купаться в ней разрешалось не везде, а только в одной заводи, в огороженном «лягушатнике». Да и то под строгим наблюдением вожатых и физрука Бори. Паца-

ны из ближней деревни — те купались где угодно, потому что смелые и без нянек-воспитателей. Но смелость обходилась им недешево: почти каждое лето кто-нибудь из деревенских тонул.

Поэтому насчет реки правило было железное: без спросу и в одиночку на берег ни шагу. И вдруг — самовольщик! Нарушитель! И не кто-нибудь, а тихий Ужик!

Ужик в ответ на вопли и упреки Валентины пожимал плечами и негромко ей втолковывал:

— Ну, посудите сами, что со мной может случиться? Я же просто сижу на берегу и ничего не нарушаю. Даже близко к воде не подхожу. Только так, чтобы камешек бросить.

— Все говорят: не подхожу! А потом не успеешь оглянуться — уже барахтаются по уши в воде!

— Да зачем же я полезу барахтаться, если я совершенно не умею плавать?

— А что ты тогда там делаешь?

— Ну... я сижу и смотрю. Мне нравится смотреть на течение...

Другого бы пропесочили на вечерней линейке и дали бы такой строгий выговор, после которого, если еще одно замечание, — сразу домой. Но тут Валя только рукой махнула. Потому что Глебка никогда не врал. Раз сказал, что не лезет к воде, значит, оно так и есть.

В самом деле, чего ему соваться в воду, если и правда плавать не умеет? Он не купался и тогда, когда в лягушатнике плескался весь третий отряд. И даже одежду не снимал.

Он ходил в мешковатых серых брюках и в рубашке с длинными рукавами. Наверно, стеснялся своего бледного ребристого тела и тощих незагорелых рук и ног. В палате, когда все укладывались в постели, он старался поскорее залезть под одеяло. И койка его была самая дальняя, в углу.

...И вот теперь этот Глебка Ужик стоял тут, почти рядом с Винькой. По пояс в лопухах.

Винька глянул сквозь мокрые ресницы:

— Чего тебе?

Другой бы тут же выпустил в ответ колючки: твое, мол, какое дело? Где хочу, там гуляю, ты это место не купил. Но Ужик тихо объяснил:

— Я не знал, что здесь кто-то есть... Ладно, я пойду, если мешаю... — И повернулся спиной. Уши у него были будто круглые крылышки, шея — тонкая, с желобком, который зарос рыжеватым пухом. А под просторной ковбойкой горбатились треугольные лопатки. И Виньке почудилось в Ужике то же одиночество, что в нем самом.

— Глебка, да ты чего? Сиди тут, если тебе надо. Мне разве жалко...

Конечно, это было не по-здешнему, не по-лагерному. И то, что Винька сказал не «Ужик», а «Глебка», и сам его тон — слишком мягкий, даже виноватый.

Ужик обернулся. Глянул сквозь очки, словно спросить о чем-то хотел. Не спросил. Потрогал зачем-то нижнюю губу, подумал, кивнул:

— Тогда я побуду здесь.

— Садись вон на то ведро.

— Ладно... — Глебка устроился по плечи в лопухах. Боком к Виньке. Помолчали. Сильно пахло гнилыми бревнами и репейным соком.

Глебка посмотрел вверх и вдруг осторожно спросил:

— Ты, наверно, по дому соскучился, да?

Следовало возмутиться: «Чё выдумал! Какое твое дело!» Винька промокнул ресницы и выдохнул:

— Ага...

— Это понятное дело, — сказал Глебка полупешепотом, — оно со всеми случается.

«Только не с такими, как Мума», — подумал Винька.

— Только не с такими, как Мума, — слово в слово

повторил его мысль Глебка. Будто прочитал. И добавил: — Потому что такие, как он, — деревяшки.

— А ты скучаешь? — спросил Винька шепотом.

— А чего бы я сюда приходил, — так же шепотом отошел Глебка. И все смотрел вверх. И в очках отражалось вечернее небо. — Здесь хорошо дом вспоминается.

— А ты на какой улице живешь?

— На Октябрьской. Недалеко от пристани.

«У-у», — подумал Винька. Это было очень далеко от его дома, на другом краю города. Но чтобы Глебке стало приятно, он сказал:

— Тебе хорошо. Там, наверно, из окон пароходы видать.

— Из окон не видать. Но там рядом обрыв, с него пристань видна и вся река до поворота... Только я больше люблю смотреть на паровозы.

— Почему?

— Ну... так. Там под обрывом, у воды, рельсы в несколько рядов, и по ним все время туда-сюда паровозы с вагонами движутся. Возят грузы на пристань и обратно. Сверху так интересно смотреть. Будто игрушечная железная дорога на столе... Ты, может, видел такую за стеклом в «Детских товарах» на Первомайской?

Винька видел. В те времена такая игрушка была великая редкость. Иногда дорогу включали. В эти минуты у витрины собиралась толпа — и ребяташки, и взрослые. Не толкались, не огрызались друг на друга, маленьких пропускали вперед.

Стоило это железнодорожное чудо триста рублей — сумма для Винькиных родителей непомерная. Для Глебкиных, видимо, тоже.

Но Глебке-то и ни к чему эта игра, раз рядом с ним настоящая дорога. Вернее, *под ним*. «Как на столе»...

— Кажется, там и станция есть, да? Я когда ходил на пристань, видел. Домик с башенкой...

— Конечно, есть! — почему-то сильно обрадовался

Глебка. — Станция Река. Там моя мама работает диспетчером!

Хвастаться мамой, которая работает бухгалтером, было глупо. И Винька сказал:

— А мой отец служит на военном аэродроме. Он майор.

Уточнять, что служит отец временно, Винька счел излишним.

— Он, значит, был на фронте, да? — уважительно спросил Глебка.

— Конечно! У него три ордена и куча медалей.

— У моего папы тоже... были. Он погиб в Германии, когда война уже почти кончилась.

Винька стыдливо притих: вот похвастался дурак... Глебка, видимо, уловил его виноватость. И быстро сказал:

— Смотри, у тебя на локте кровь. Капелька...

— Где? Ой... это божья коровка!

Винька осторожным шелчком сбросил коровку в лопухи. Глебка с сожалением заметил:

— Надо было сказать: «Божья коровка, улети на небо...»

— Они вечером не летают. Только при солнышке...

— А я вчера бабочку павлиний глаз видел. Вот такую большущую...

— Не поймал?

— Нет. А зачем ловить?

— Ну, может, для коллекции.

Глебка словно отодвинулся. Снял очки. Стал тереть стекла о ковбойку.

— Я не люблю такие коллекции. Мертвые...

— Я тоже не люблю.

Вдали хрипло затрубил горнист Юрка Протасов. Глебка надел очки и встал.

— Ну вот, поговорить не дадут. — Он сердито отрянул широкие штанины. — Надо идти...

— Надо, — вздохнул Винька.

В палате Глебка с привычной суетливостью разделся и юркнул под простыню. Лег носом к стенке. Виньке казалось, что Глебка хочет оглянуться на него, но не решается. Винька тоже лег. Приподнялся на локтях, глянул через несколько кроватей на укрытого простыней Глебку и откинулся на спину.

Какие дураки придумали делать отбой, когда за окнами почти что белый день? Солнце золотится на вершущках сосен.

Прошлась по палате Валентина, задернула марлевые шторы (толку-то!).

— Ну-ка всем спать! — И ушла. Небось на свидание с баянистом Васей.

Всюду шептались. Кого-то огрели подушкой. В углу, где койка Андрюхи Козина (дружка Мумы), рассказывали старый неприличный анекдот:

— Однажды Пушкин, Лермонтов и Маяковский идут по улице, а навстречу им гимназист. Гимназист говорит: «Все поэты дураки...» А Пушкин...

Винька натянул простыню на голову. После разговора с Глебкой было нестерпимо слушать всякую похабщину. стыдно даже. Как если бы ты сам сказал мерзость, а Глебка Капитанов смотрит на тебя сквозь очки с тихим отвращением. Словно ты на его глазах прищипил гвоздем к забору бабочку павлиний глаз.

4

На следующее утро Винька подъехал с хитрыми переговорами к Юрке Шарову. Юркина койка стояла рядом с Винькиной. Шаров был вертлявый и озорной. Насмешливый. Сейчас он сидел на постели и деловито надувал засунутую под майку волейбольную камеру. Видать, его забавляло, как раздувается под майкой тугое пузо.

— Шарик, хочешь я твою рогатку достану, которую Валентина забросила в крапивную гущу?

Юрка зажал резиновую трубку зубами и возвел брови.

— М-м? — Это, наверно, означало: «Ты ненормальный?» В ядовитые джунгли, что позади кухни, человек со здравым рассудком никогда бы не сунулся.

— Думаешь, не достану? Спорим!

Шарик помотал головой. Трубка вырвалась из зубов. Брюхо под майкой опало, струя воздуха вздыбила русый Юркин чубчик. Шарик досадливо сморщился:

— Зачем она мне, эта рогатка? Валька, прежде чем кинуть, порвала ее и поломала.

— Ну... хочешь тогда три моих компота? Сегодня, завтра и послезавтра!

— А я тебе что за это?

— А ты... поменяешься с Ужиком койками. Ты туда, а он сюда. — И Винька почему-то отчаянно смутился.

Юрка, он... бывают же чудеса! Он вытащил из-под майки слутую камеру, хлопнул Виньку плоской резиной по голове. Дурашливо так, необидно.

— Чудной ты, Грелкин. Если тебе охота рядом с Ужиком быть, зачем в крапиву-то лезть и компот продавать? Я и так... Мне в углу даже больше нравится.

Винька застеснялся еще пуще и даже выдавил «большое спасибо», что совершенно не вписывалось в рамки лагерного этикета.

Глебка перебрался на новое место охотно. И теперь они с Винькой после отбоя сдвигали железные койки вплотную. Можно было разговаривать хоть до утра. Если, конечно, шепотом.

Ложились они не так, как все: головой не к окнам, а к двери. В этом заключался некоторый риск — можно было не заметить появления Валентины, которая терпеть не могла ночных шептаний. Зато в окне, выше

марлевой занавески, им видно было июньское светлое небо.

Ближе к полуночи в небе проступали звезды. Одни — еле заметные, другие поярче. Про самую яркую Глебка шепнул:

— Это планета Юпитер.

После этого они целый час говорили про небесные тела, про книжки «Аэлита» и «Из пушки на Луну» и про то, есть ли на планетах и Луне люди. Решили, что, наверно, есть. По крайней мере, на Марсе. Потому что ученые говорят, будто там есть атмосфера...

Юпитер между тем подобрался к самому краю занавески.

Глебка придвинулся плечом к Виньке, поднял ладонь.

— Смотри, планета сквозь ладошку просвечивает... — Он повертел рукой перед Винькиным лицом.

— Хитрый. Это ее лучи у тебя между пальцев проскакивают.

— Ну и что. А можно представить, что вся ладонь прозрачная.

— Можно, — согласился Винька.

...Потом — и в детстве, и во взрослые годы — Винцент Аркадьевич не раз видел Глебку во сне вот так: он стоит в ночном окне, раскинув руки и упираясь в косяки, а сквозь него просвечивают звезды. И планета Юпитер...

Видимо, дружба с Винькой прибавила Глебке уверенности. Стал он вести себя смелее, разговаривать погромче. Один раз даже заспорил с вожатой Валею на отрядном сборе.

Отряд собрался на костровой площадке, чтобы обсудить важный вопрос: кто как выполняет летние школьные задания. Оказалось, что почти у каждого задание —

собрать гербарий. Но у двоих — у Машки Ресницыной и Валерки Савенко — составить коллекцию местных насекомых. Вот тут-то Ужик и подал голос, что убивать насекомых не надо. На Ужика со всех сторон закричали, что это, мол, для науки. Когда приутихли, Глебка негромко возразил, что науке тут пользы нет, потому что здешние мотыльки и стрекозы давно изучены, а коллекции эти — только для отметки в школе или вообще просто так.

Валентина строго сказала, что летние задания — это не просто так, а выполнение учебной программы.

— Бабочкам и жукам от этого не легче, — тихо, но упрямо возразил Глебка.

Раздосадованная Машка Ресницына (конопатая и задиристая) вскочила с пенька.

— По-твоему, наверно, и комаров нельзя убивать! Ты потому и ходишь весь такой закутанный, чтоб они тебя не ели и чтоб не хлопнуть случайно!

Глебка подумал и сказал, что комаров бить можно. Потому что они враги Человечества. Тут все от хохота покатались по траве (кроме Виньки). И к Ужику чуть-чуть не прилипло новое прозвище — Враг человечества. Чтобы оно не прилепилось совсем, Виньке пришлось даже слегка стыкнуться с Валеркой Савенко и его приятелем Олегом Крышкиным по кличке Лысый Мыш. К счастью, подоспела Валя, иначе Виньке пришлось бы туговато. Валентина разбираться в глубине вопроса не стала, и все трое в тот день были оставлены без купанья. А Глебка, когда узнал про такое дело, сказал:

— Спасибо, что заступился. Но этому Мышú я и сам дам по шее, если будет еще обзываться.

Конечно, ничего никому Глебка не дал бы. Но все же решительности в нем сделалось побольше. И он даже согласился стать барабанщиком.

У прежнего барабанщика Гошки Лопухова (по прозвищу, конечно же, Лопух) случился приступ аппенди-

цита, и его, беднягу, срочно увезли в город. Вожатые и совет дружины собрались, чтобы обсудить, кого теперь сделать новым барабанщиком, и баянист Вася вдруг предложил Глеба Капитанова.

На Васю со смехом замахали руками, но он сказал:

— Подождите гоготать-то. У этого Ужика природное чувство ритма. Я однажды слышал, как он по окну барабанил. Сидел один в палате и об стекло стучал ногтями по-всякому — заслушаешься.

Винька был тут же, в пионерской комнате, потому что разрисовывал заголовок стенгазеты «Наш костер». И удивился: никогда он не замечал у Глебки какого-то чувства ритма. Но если оно есть — тем лучше.

Когда Глебке предложили барабан и палочки, тот не устоял перед соблазном. Ну, кому же не хочется быть барабанщиком! И тут уж Глебке пришлось расстаться со своей застегнутой до шеи рубахой и мешковатыми штанами до пят. По крайней мере, перед линейками. Потому что все сводное сигнально-знаменное звено (это и отрядные флажконосцы, и дружинный знаменосец, и его ассистенты, и горнист с барабанщиком) на утренние и вечерние построения выходили в специальной форме: в синих блестящих трусиках и в голубых безрукавках с матросскими воротниками.

Гошка Лопух на барабанах стучал умело, но маршировал по-медвежьи. Кругловат он был и неуклюж. А тут — другая крайность. «Шкелетик в галстук», — сказала ехидная Машка Ресницына. Парадная одежда делала Глебку непохожим на прежнего Ужика. Получалось вообще уж беззащитное существо — с тонкой шеей, с руками, будто составленными из лучинок, и с беспомощным лицом — потому что без очков. Очки Глебка перед каждой линейкой снимал. Он считал, что очкастый барабанщик — явление совершенно ненормальное.

Но беспомощность пропадала, когда Глебка — слева от знаменосца и его ассистента — выходил на площадку

у мачты с флагом. Когда несли вдоль строя знамя, он шагал на своих похожих на очищенные от коры вербовые прутья ногах твердо и даже красиво. И барабанил с веселой ловкостью и отвагой. Так барабанил, что горнист Юрка Протасов (он шел всегда справа от знаменной группы) с каждым разом дул в свою хриплую трубу все тише — чтобы не заглушать веселящий душу марш мелькающих желтых палочек.

Винька в такие минуты радовался за Глебку. Но радость была смешана с тревогой. Странное такое чувство — будто Глебка шагает впереди атакующего строя и в него вот-вот полетят пули.

...Уже потом Винька понял, что это была не пустая тревога, а предчувствие.

Дней за десять до конца смены в лагере затеяли футбольный турнир. Глебка, разумеется, и не помышлял, чтобы его взяли в игру. После каждой линейки он опять превращался в привычного тихого Ужика, который не суется в шумные дела и многолюдье. Вожатые теперь и не старались втянуть его в какое-нибудь мероприятие. И даже на то, что он уходит один к реке, смотрели сквозь пальцы.

А Виньку в команду записали. Не столько за умение, сколько за старание и азарт. Теперь с утра до вечера шли тренировки. Даже с мертвого часа Валентина футболистов отпускала (тайком от неумолимой лагерной врачихи Марты Геннадьевны).

С Глебкой Винька виделся только в столовой да после отбоя. Но теперь не было сил для долгих ночных разговоров. Сон за минуту обволакивал и укачивал измотавшегося правого полузащитника команды «Линкор».

С утра же — все снова.

А Глебка что? Наверно, так и бродил целыми днями в привычном одиночестве.

...И вот этот протяжный жалобный крик. И отчаянный бег до берега — далеко за территорию лагеря, за привычный лягушатник. И молча расступающиеся ребята...

Глебка лежал на спине — очень вытянувшийся, с прилипшей ко лбу рыжеватой челкой. Тяжелые брюки облепили его тощие ноги, сквозь рубашку проступали ребра. Очков не было. Веки были полуоткрыты, под ними резко светились белки. Казалось, Глебка старается глянуть из-под намокших ресниц.

«Неужели это... *то самое?* Насовсем?.. Да сделайте же что-нибудь!»

Но крик этот, скачущие эти слова были внутри Виньки. А стоял он ослабело и неподвижно. Потому что позади мысленных вскриков, позади надежды выросло понимание: Глебка уже не здешний, другой. Навсегда...

Может, кто-то говорил, кричал опять или плакал — Винька не слышал. Навалилась ватная тишь. В этом беззвучии врач Марта Геннадьевна измученно поднялась с колен и покачала головой.

Откуда-то появилась очень белая простыня. Глебку накрыли с головой. Ткань во многих местах сразу намочла.

Завхоз Иван Ильич и физрук Боря принесли садовые носилки. К ним прибиты были дополнительные дощечки (новые, желтые) — чтобы Глебкины голова и ноги не свешивались. Глебку унесли в изолятор.

Часа через два приехала крытая полуторка и увезла Глебку в город. В той же машине уехала опухшая от слез вожатая Валя. На нее смотрели с горестным пониманием: мало того, что ей жаль Глеба Капитанова, так еще и отвечать придется — плохо смотрела за своим пионером.

Третьим отрядом стал командовать баянист Вася.

Винька ушел в лопуховую щель за сараем и, скорчившись, просидел там до вечера. Что он чувствовал? Пожалуй, не столько горе, сколько потерянности и бо-

лезненное недоумение — как же так: был Глебка, и вдруг нет его?

И пришло ощущение непрочности мира — как в младенчестве, когда разбился шарик...

На вечерней линейке не выносили знамя. А флаг на мачте приспустили до половины и так оставили на ночь. Начальник лагеря — худой однорукий Платон Андреевич, бывший артиллерист, — глухо, с прикашливанием сказал притихшим отрядам:

— Вот, значит, как... Жалко нашего барабанщика... А только все же я должен сказать, что все это потому, что нету у нас дисциплины... Ну, сколько же можно говорить, что берег — зона запретная? Теперь вот и мальчишка не вернешь, и взрослым придется отвечать по всей строгости...

После отбоя Винька лег рядом с непривычно пустой койкой. Глебкина постель была убрана, лежал голый полосатый матрац.

Подошел баянист Вася, сказал шепотом:

— Хочешь перейти на другое место?

Винька помотал головой. Если уйти — это похоже будет на измену. Он натянул на голову простыню, и пришла прерывистая нервная дремота. И сквозь нее казалось, что Глебка рядом, на своей постели. Иногда Винька вздрагивал, открывал лицо в радостной догадке, что Глебка и правда тут и все, что случилось, — был сон.

Но в сумерках безжалостно светились белые полосы пустого матраца. И Виньку встряхивало.

После очередной такой встряски, в середине ночи, он заплакал. Вздох. Наверно, его многие слышали и многим он мешал. Но все лежали тихо.

...А через день все пошло как прежде. Как в повести «Военная тайна» после гибели малыша Альки. Потому что жизнь есть жизнь. И снова слышались веселые крики и смех, и анекдоты по ночам рассказывали.

Провели футбольные соревнования. И Винька играл, да. Правда, не очень удачно, однако его не упрекали.

Почти всё сделалось как было. Только Глебкину койку убрали и все кровати переставили по-иному. И Винька теперь ложился так, чтобы не видеть окно и планету Юпитер. Он больше не плакал по ночам, только иногда прикусывал подушку...

Зная на линейку сопровождал только горнист с ассистентами, барабанщика больше не назначали. Ленка Черкизова, подружка конопатой Ресницыной, сказала:

— Дураков больше нет. Один в больнице, другой — того хуже, третьим быть кому охота? Никто не пойдет.

Винька подумал, что он пошел бы. Но его не звали. Да и барабанить он не умел, а учиться поздно — скоро конец смены.

Вернулась из города Валентина. Побледневшая, не улыбочивая, но по-прежнему решительная. Видимо, начальство рассудило, что виновата она не очень.

А за два дня до прощального костра в лагере появилась худая, очень загорелая деревенская жительница. За руку она вела (вернее тащила) белобрысую девчонку в длинном выгоревшем платье. Маленькую, лет семи. Увидела на крыльце начальника лагеря — и прямо к нему.

— Вот... она рассказывает — (И дерг девчонку за руку!) — Была на берегу, значит, с маленьким братом, с Костюшкой двухлетним, да не углядела, тот в воду. И помочь — толку нету. А с вашего берега — какой-то мальчонка! Выпихнул его на мелкое место... Ленка Костюшку в охапку да бежать... И ничего не говорила цельную неделю. Вчерась только призналась. Мы с бабкой спрашиваем: а где этот пионер-то, хоть спасибо сказать ему. А она ревет: «Не знаю», — говорит. А потом очки мне дает. «Только вот они, — говорит, — у воды в песке нашлись»... Уж не тот ли это парнишка, упаси Господь, про которого рассказывают, что утонул.

Платон Андреевич взял очки.

— Тот...

— Пресвятая Богородица, прости нас грешных, беда какая... Цельный день в поле, разве углядишь за ими окаянными... — Села на ступень, концы косынки прижала к щекам...

Как Глебка это смог? Каким отчаянным рывком он, совсем не умеющий плавать, преодолел хотя и узкую, но быструю Лебедку? Наверно, с последней силою толкнул бестолкового Костюшку на отмель (и при этом слетели очки), а сам от отдачи — на глубину... Обнаружили его быстро: колхозный сторож за поворотом реки рыбачил посреди русла, и тело зацепилось за лодку...

Наступила справедливость.

Был теперь Глеб Капитанов не утонувший по своей вине нарушитель дисциплины, а барабанщик-герой, который ценою жизни спас двухлетнего мальчишку.

Про это написали письмо Глебкиной маме, и подписался весь третий отряд.

На вечерней линейке Платон Андреевич сказал:

— Значит, не зря он, да... Это, конечно, меняет картину. И мальчик тот, Костя, будет жить ради нашего Глеба... Но все-таки, родные мои, будьте вы, пожалуйста, осторожнее. Очень уж больно это, когда героями делаются в десять лет. Это в нашей мирной жизни вовсе даже лишнее...

Накануне отъезда Валентина позвала Виньку.

— Ты вот что, Греев... ты возьми очки Глеба. Вы ведь были друзья. Пусть будут на память... Или его маме отнесешь. Пусть хранит...

Винька взял очки осторожно, даже с опаской. Глебки нет, а они... вот... все такие же...

Стекла были круглые, в оправе из тонких пластмассовых ободков. А дужки — длинные и гибкие. Они мягко зацепились за Винькин мизинец.

— Я... ладно. Отнесу...

Винька не отнес очки Глебкиной маме. Он смалодушничал и схитрил...

Сперва-то он твердо решил, что отнесет — сразу, как вернется из лагеря. Ну, не совсем сразу, а на следующий день. Виньке казалось, что это его долг. При таких мыслях он даже испытывал печальную гордость.

Вернулись в воскресенье, а утром в понедельник Винька и в самом деле пошел на Октябрьскую улицу. Прошагал через весь город и оказался в пристанском районе. Глебкина улица тянулась над речным обрывом.

Адреса Винька не знал. Он понимал, что самое правильное — пойти на станцию Река и спросить диспетчера Капитанову. Если ее нет на работе, то скажут, где живет.

Но тут сомнения и страхи, которые и раньше копошились в душе, стали сильнее решимости.

Что он, Винька, скажет, когда увидит Глебкину маму? Она, конечно же, сразу заплачет. А он? Будет стоять и переминаясь? Или... тоже?

У Виньки заскребло в горле. Он сердито зашагал по Октябрьской и вышел на самый край обрыва.

Отсюда все виделось так, как рассказывал Глебка.

Справа был речной вокзал: зеленое деревянное здание с часами, дебаркадеры, пытящий пассажирский пароход «Орджоникидзе». Чуть дальше — грузовые причалы, краны, эстакады, кирпичные башни и водокачки... Внизу под обрывом лежали в несколько рядов рельсы, и по ним неспешно двигались маневровые паровозы. Толкали туда-сюда вагоны, платформы и цистерны. А между рельсами и откосом стоял коричневый домик с башенкой. Сверху видна была его крутая пожелавшая крыша.

Это и была станция Река. К ней вела извилистая деревянная лестница.

Ну что? Идти?..

А правильно ли он сделает, если сунется с очками теперь к маме Глеба? У нее ведь горе-то совсем свежее. Надо ли беречь еще сильнее?

Винька в эти дни то и дело вспоминал книгу «Мальчики» писателя Достоевского. Мама подарила ее зимой, на Новый год. (Винька уже потом узнал, что книжка эта — часть большого романа под названием «Братья Карамазовы».) Там рассказывалось про ребят старого, еще «царского» времени. Один из этих мальчиков, Илюша, в конце книжки умер от неизлечимой болезни... И как убивался его отец! Просто невозможно было про это читать...

У Глебки отца нет, но мать-то страдает, наверно, еще сильнее. Отцы, они все-таки мужчины...

Винька постоял у верхней площадки лестницы и отошел в сторону. Сел над обрывом, на лужайке среди пыльного клевера и мелкой городской ромашки.

Внизу шла своим чередом портово-паровозная жизнь. С пыхтеньем котлов, лязганьем буферов и частыми гудками.

Было интересно... В самом деле интересно! Винька теперь понял, почему Глебке нравилось глядеть отсюда на движение дышащих паром великанских механизмов. На все эти переплетения рельсовых стрелок, фонари, шлагбаумы и диспетчерские будки. На могучие колеса и шатуны, на трубы, топки, тендеры, выпуклые крыши вагонов и штабеля грузов на платформах...

Все это связано было между собой каким-то сложным взаимодействием, словно там, внизу, обитало исполинское существо, занятое малопонятным для посторонних делом.

Это существо пахло угольным дымом, теплым железом, просмоленным деревом шпал и масляной смазкой.

Запах долетал сюда, наверх, и смешивался с привычным запахом лета: речной воды и песка, ромашек и клевера, тополей и сохнувших на солнце поленниц.

Была во всем этом заворуженность и сказочность. Ясно, почему Глебка в лагере уходил к Лебедке: его тянуло на берег. Пускай он там невысокий, без всяких паровозов, но можно ведь было сидеть и вспоминать. Можно было смотреть на бегущую воду и представлять движение составов... И Глебка сидел и смотрел. Сквозь эти вот очки...

Винька вынул очки из нагрудного кармана и надел.

Он поступал так уже не первый раз. Вначале это было трудно — приходилось преодолевать суеверное опасение. И Винька преодолевал — он не хотел, чтобы хоть что-то связанное с Глебкой внушало страх. От Глебки — только хорошее.

И теперь надел он Глебкины очки спокойно, как свои.

Хотя какие там свои! У него-то, у Виньки, зрение было отличное без всяких очков, а за круглыми стеклами весь мир размазался в зыбкие цветные пятна. Кучевые облака над рекой растеклись желтым киселем.

Зато, если снять очки и смотреть в одно стеклышко, как в лупу, близкие предметы виделись увеличенно и четко. Винька поразглядывал засохшую ссадину на колене и севшее рядом с этой ссадиной семя одуванчика. Потом — головку клевера и божью коровку на сухом стебле. Надо было сказать: «Божья коровка, улети на небо...» — «Они летают только при солнышке...»

Сейчас было яркое солнце, и божья коровка послушалась. Улетела... Куда?

Может, на то самое небо, где теперь Глебка?

Пионер Винцент Греев прекрасно знал, что *такого* неба нет. Не бывает никакого небесного царства, все это выдумки неграмотных людей и попов-обманщиков. Смешно даже думать, что может быть иначе!

Но и признать, что Глебки нет совсем-совсем — тоже не получалось.

Иногда казалось, что Глебка рядом. Оглянись — и вот он. Или, когда закрываешь глаза перед сном, он садится на край постели, можно дотронуться. Это было совсем не страшно. Это было... хорошо. Винька порою даже разговаривал с ним — шепотом или просто мыслями. Спрашивал о чем-нибудь, а Глебка отвечал. Иногда согласным молчанием, иногда незаметным кивком...

И вот сейчас он будто присел слева от Виньки.

— Я еще побуду здесь немного, ладно? — шепнул Винька. Глебка понимающе нагнул голову.

Винька вытащил из кармана ковбойки небольшое выпуклое стеклышко. В лагере такие были у многих. С их помощью солнечными точками выжигали на сосновых тросточках узоры, а на деревянных лавочках — свои имена.

Очки Винька взял в левую вытянутую руку, а маленькую линзу поднес к глазу. Навел стекло на стекло. Получилось, будто объектив и окуляр. Если вставить стекла в трубку — будет телескоп.

Чертеж такого телескопа Винька нашел в последний лагерный день. Ждали машину, Винька в пионерской комнате от нечего делать листал старые «Затейники» и в одном увидел схему и рассказ, как самому сделать астрономический прибор. Нужные стекла оказались под рукой. Винька тут же навел на очко выпуклую линзу и глянул в открытую дверь. Восьмилетний Димка Ковшов (по прозвищу Ковшик) из пятого отряда, сидевший под березой, оказался гораздо ближе, чем на самом деле. Правда, теперь он сидел вниз головой, но это мелочь, пустяк! А если смотреть на Луну и планеты, то и вообще не имеет значения!

Винька украдкой выдрал из журнала лист...

А сейчас в стеклах был перевернутый буксирный катер — он тянул плоты по середине реки. Река-то была не

то что Лебедка, шире раз в десять. На носу катера сидела рыжая собачонка, видно было каждую шерстинку... «Если отдать очки, телескопа не будет», — уже не первый раз подумал Винька.

Нет, можно, конечно, накопить денег и купить такое же стекло в аптеке. Но это окажется уже совсем не то... А если взять стекло от Глебкиных очков, получилось бы, что телескоп их общий. И будто Глебка вместе с Винькой смотрит на звезды. Как они в лагере смотрели на планету Юпитер...

Винька знал, что он хитрит и тянет время. Страшно было встречаться с Глебкиной мамой. Но и в рассуждениях о телескопе была правда. В самом деле — получилось бы, что Глебка ушел не совсем, не весь, и частичка его здесь, рядом...

От этой мысли у Виньки опять зацарапало в горле. Почему так вышло, что впервые за десять лет появился у него верный друг, и сразу — беда! Как взрыв снаряда. Будто на войне...

Конечно, есть Кудрявая. Она тоже верная. Но... с ней все же в разведку не пойдешь. Не мальчишка же...

А Валентина про очки сказала, что можно их отдать, а можно и взять себе на память.

У Глебкиной мамы, наверно, и без того осталось немало его вещей. А у Виньки даже фотокарточки нет. Это разве справедливо?

А можно ведь еще и так. Сейчас он использует Глебкино стекло для трубы (оно ведь легко достается из гибкой оправы и вставляется обратно), а в конце лета отнесет очки его маме. К тому времени она, наверно, переживет уже самое горькое горе и встретит Виньку без больших слез. И, может быть, Винька попросит у нее Глебкин фотоснимок.

«Как ты думаешь, можно так сделать?» — спросил Винька у Глебки, который будто бы тихо дышал рядом.

Глебка молчал — кажется, с согласием. По крайней мере, без осуждения.

Винька убрал маленькую линзу в карман. А очки прицепил на грудь — дужкой за перемычку между лямками. Уже по-хозяйски. И встал. Сомнения отступили. И пока они не подкатили вновь, надо было заняться делами.

Самое первое — даже не телескоп. Сначала необходимо было обустроить свое летнее жилище. Во дворе дома над оврагом.

2

Приехав из лагеря, Винька узнал, что концом ремонта «еще и не пахнет». Так сердито сообщила мама. Отпуск, который мама взяла специально «под ремонт», кончился, помогать рабочим и подгонять их она уже не могла, а знакомый прораб Василий Семеныч слег с радикулитом.

По этой причине мама встретила Виньку без особых восторгов. Порадовалась, конечно («Ух как вырос, как загорел»), но тут же озабоченно сказала, что жить ему придется у Людмилы, потому что в их собственной квартире черт ногу сломит.

— А ты?

— А я уже привыкла к этому бедламу...

Винька помнил, что «лучшая помощь — это не мешать взрослым людям», и спорить не стал.

Сестра Людмила с мужем Николаем и маленькой Галкой снимали комнату в старом доме на улице Зеленая Площадка. Но если говорить точно, дом стоял не на улице, а за огородами, над самым оврагом.

Овраг тянулся через весь город, а здесь было его начало. «Хвост» оврага упирался в железнодорожную насыпь. Из-под нее, из бетонной трубы, вытекала похожая на простой ручей речка Туринка. Текла она и выше, за насыпью, среди болотистой ложбины по окраине по-

селка Малая Сортировка. А здесь, в овраге, Туринка местами пряталась среди густой осоки, ольховника и дикой смородины. Журчала там, бормотала.

Заросли пахли сыростью. Но они тянулись только вдоль речки. А склоны оврага были без единого куста, травянистые.

По другому берегу оврага шла Вокзальная улица. Там, где она кончалась, сумрачно краснела громадная кирпичная церковь без колокольни. Теперь в ней был цех Завода пластмасс имени Кагановича. Если ветер дул с той стороны, от завода пахло не очень-то хорошо. Зато на свалке, ниже бывшей церкви, можно было отыскать интересные вещи: целлулоидных кукол, медвежат и рыбок, пластмассовые портсигары и гребешки, автомобильчики и пистолетики, пудреницы и шахматные фигурки. Все это помятое, со следами брака, но для игры вполне пригодное.

Попадались там и куски блестящего пластика — синие, малахитовые, лимонные, алые. Винька однажды собрал из них целую картину-мозаику: желто-красный самолет в бирюзовом небе над изумрудной поляной с цветами. Жаль только, что скоро картина осыпалась: конторский клей плохо держал на картоне пластмассу...

Дом, в котором жила сестра, был очень старый и несуразный. Приземистое длинное строение с горбатой крышей и кривыми окнами на разном уровне. Стены кое-где были обиты досками или фанерой, а местами темнели щелястые бревна. Хозяйка дома Евдокия Федотовна (или попросту тетя Дуся) была пожилая вдова, бывшая работница железнодорожной бани. Она жила в проходной комнатке с одним окном.

Такую же комнатку по соседству занимала одинокая сестра хозяйки тетя Катя, тоже пенсионерка. А на просторной кухне обитал еще один жилец — паренек шестнадцати лет, Никита, внучатый племянник тети Дуси и

тети Кати. Он приехал из деревни и учился в лесном техникуме.

Никита был белобрыс, кроток и молчалив. По вечерам он сидел над учебником или клеил из блестящей соломки узоры на фанерных шкатулках и рамках. Эти деревянно-соломенные штучки у Никиты получались удивительно красивыми. По воскресеньям тетя Дуся носила их на рынок. Немного вырученных денег она давала Никите — на кино и на автобус (техникум был далеко, в Заречной слободе). Остальные брала себе — в уплату за жилье и кормление родственника.

Людмиле, Николаю и Галке хозяйка выделила самую большую комнату, с тремя окнами — одно смотрело в проулок с тропинкой-спуском, два других на двор.

Двор этот был необыкновенный.

Когда-то дом стоял не у самого оврага, поодаль. Но с годами берег оползал и оползал, двор с его сарайчиками и грядками постепенно съезжал в глубину. Чтобы отстоять «жизненное пространство», тетя Дуся и ее муж (пока был жив) заменяли канувшую в овраг территорию дощатыми настилами. В конце концов получилась обширная, во всю длину дома, платформа. Она была сложена из всяких случайных досок и горбылей. А держалась на многочисленных столбиках, балках и бревнах — они были врыты в косою склон оврага.

Николай, муж Людмилы, называл здешнее шаткое жилище таверной «Адмирал Бенбоу». Он любил всякие литературные сравнения, особенно из приключенческих книжек. Николай был веселый, энергичный и непоседливый. Недавно он окончил биологический факультет и работал в управлении охотничьего хозяйства. Он часто ездил в командировки — проверять, как идут дела в дальних северных угодьях. У него было все, что положено путешественнику: большущий рюкзак, шляпа с накомарником, спальный мешок и двухствольное ружье двенадцатого калибра.

Весной Николай пошел в дальний закоулок оврага проверять ружье. Позвал Виньку и дал выстрелить. Предупредил:

— Прижимай приклад крепче, а то ударит отдачей.

Винька прижал. Но все равно в плечо шарахнуло изо всех сил. А грохот был такой, будто в руках у Виньки взорвался снаряд от «катюши». Но все же несколько дробинок пробили трухлявое от ржавчины ведро, в которое Винька целился.

— Молодец, — услышал он сквозь гул в ушах. — Может, хочешь еще?

Винька помотал головой. Какое там «еще», когда еле жив остался!

— Чего зря патроны тратить, — выговорил он. — Попал разок, и ладно...

И они вернулись в «таверну».

С тем, что дом похож на трактир из «Острова сокровищ», Винька был согласен. Ему здесь тоже чудилось что-то приморское и корабельное. Дощатый настил был шатким, как палуба. Его ограждали поручни — перила из примотанных к столбикам ржавых труб.

Недалеко от калитки сквозь «палубу» торчала прямая, будто мачта, береза. Корни ее уходили в склон оврага. От березы к столбу у крыльца тянулась веревка. На ней то и дело болталось под ветром разноцветное белье — как морские флаги.

И что еще было морского — так это риск. Ощущение легкой, но постоянной опасности, как на судне в открытом море. Потому что и там, и здесь могла разгуляться стихия. Судно могло потонуть, а дом... он при сильном ливне мог в конце концов съехать в овраг.

Людмила и Николай надеялись, что это случится не раньше, чем они получат квартиру («А если уж поедем вниз, главное — спасти Галку»).

Тетя Дуся относилась к опасности со спокойствием старого моряка:

— Ну, обвалимся, так и ладно. Когда-нибудь все едино — помирать. Да, может, еще и не завтра...

Однако степень риска для жильцов она все же учитывала. Поэтому брала с квартирантов совсем небольшие деньги, и это было очень важно для Николая и Людмилы. Зарплата у рядового охотоведа так себе, а стипендия студентки-третьекурсницы — совсем кот наплакал.

Впрочем, когда Винька вернулся из лагеря, Людмила уже перешла на четвертый, сдала летнюю сессию.

— Ух, Винчик, вымоталась я. Как голодная лошадь на пахоте, чуть копыта в борозду не откинула.

— Будущая учительница, а так выражаешься!

— А что! Это же литературный образ!

Людмила обрадовалась, что Винька будет жить у нее. С братом веселее. Тем более что Николай опять улетел в Ханты-Мансийский край.

— Может, и за Галкой приглядишь иногда.

Винька не спорил, двухлетнюю племянницу он любил. Галка тоже любила юного дядюшку: он, случалось, катал ее на плечах и рассказывал сказку про козу, от которой было страшно и весело до визга. Впрочем, днем Галка чаще всего была в яслях...

Виньке и раньше приходилось ночевать в этом доме. Людмила и Николай укладывались на звенящей пружинами кровати за клетчатой занавеской, Галка спала в своей кроватке на колесах, а Винька ложился на полу — между ножками стола и подоконником. Забирался в спальный мешок Николая. Получалось, будто он в экспедиции.

Особенно интересно было зимой. Играли лунными искрами застывшие на стекле узоры. Сами собой поскрипывали на дворе доски. В морозном воздухе разносились паровозные крики — вокзал и товарная станция были недалеко. По оврагу пролетал иногда вьюжный ветер. Можно было представить, будто ты в каюте шху-

ны «Святая Мария», которая собралась в полярное плавание...

Но теперь стояло лето, мешок Николай увез с собой, в доме было жарко. И Винька решил оборудовать себе дачу.

Вернувшись с Октябрьской улицы, Винька забрался под настил двора. Здесь было прохладное, пахнущее глиной пространство. Ближе к дому оно смыкалось со щелястым потолком из досок, а со стороны оврага делалось просторным — стоять можно было в полный рост.

В одном месте Винька нашел широкое углубление: такая полуосыпавшаяся ниша в глинистом откосе. У Виньки была с собой лопата. Он добросовестно работал ею часа три, сбрасывая вниз рыжую землю.

Получилась пещерка кубической формы, метра полтора в ширину и высоту. Конечно, такой подкоп не укреплял «таверну» на краю оврага. Но Винька решил, что это не беда, немножко-то подрить можно.

Зато вон какая получилась каюта!

Позади дома, у забора, Винька нашел несколько горбылей и три листа рыхлой от влаги фанеры. Листы эти встали в «каюту» как по заказу! Из них получились задняя и боковые стенки.

Из горбылей Винька сколотил два узких топчана: один для себя, другой на всякий случай. Может, Кудрявая в гости придет, они будут сидеть друг против друга и пить чай за перевернутой кадлушкой — Винька поставил ее здесь как столик.

Передней стенки не было, и Винька решил сделать занавесь. Для этого он попросил у тети Дуси старые рогожные кули из-под картошки, они валялись в сарае.

Тетя Дуся, когда узнала про подкоп, ахнула и заворчала: «И без того еле-еле на краешке держимся, а ты такую мину подпустил». Но потом вспомнила, что «все едино», и махнула рукой. И отдала кули.

Винька завесил вход в новое жилье рогожами. Стало полутемно, сверху засветились щели. Когда солнышко, это красиво. А если дождь? Винька решил, что потолок надо обить кусками толя.

Но толь можно было раздобыть лишь на свалке. Винька отправился на склон под заводом...

Оборудовать «каюту» он кончил уже под вечер, когда Людмила привела из яслей Галку.

Увидев брата, Людмила уронила руки.

— Это где же тебя черти носили? Посмотрел бы в зеркало! Из какой мусорной кучи ты вылез, обормот несчастный!

— А еще будущий педагог, — привычно завелся Винька. — Этому вас в институте учат, да?..

— Будет тебе сейчас педагог... Вся голова в глине!

Людмила стремительно вскипятила на гневно гудящем примусе воду в трехлитровой кастрюле. Разбавила этим кипятком воду в жестяном тазу и бурно вымыла Виньке голову прямо посреди «палубы».

Винька визжал — в основном от мыла и слегка от смущенья. Но не брыкался. Все равно бесполезно. Сестра умела обходиться с ним решительно.

Галка стояла тут же и наблюдала процедуру с тихим восторгом.

— Нечего глазеть, как издеваются над человеком, — сумрачно сказал ей Винька.

Людмила велела ему самостоятельно отмыть руки, ноги и шею и убираться с глаз.

Потом Людмила стала стирать Винькины штаны и рубашку, а он в трусах полез на крышу. Прихватил с собой старые газеты, пакет от фотобумаги и скользкий клубень вареной картошки. А еще — круглую прямую ножку от сломанного стула. Ножка была — ну прямо готовый шаблон для трубы. И по длине, и по диаметру. Она сужалась к одному концу. Значит, и труба будет сужаться, как у настоящего телескопа.

Винька обмотал ножку бумагой от пакета (внутри телескопу положено быть черным). Обмазал ее липкой картошкой, наклеил слой газеты. Затем еще и еще, и так десять раз. И пристроил заготовку у печной трубы на солнышке — пусть сохнет. Затем смастерил маленькую трубку для окуляра.

После этого Винька лег животом на теплое кровельное железо, положил на гребень крыши локти и подбородок.

Дом хотя и невысокий, но с горбатой крыши видна почти вся Зеленая Площадка. Посреди улицы гоняли мяч мальчишки. Знакомые и вполне дружелюбные, хотя Винька и был не совсем «ихний». Среди них Эдька Ширяев — можно сказать, приятель.

Но идти к мальчишкам не хотелось: спина, руки и ноги ныли после долгих трудов. Винька стал смотреть в другую сторону. Там, среди редких тополей, за невысоким станционным забором двигались черные спины и трубы паровозов. Теперь Винька смотрел на них по-иному, не то что раньше. Как бы Глебкиными глазами. Картина была не такая, как под обрывом у пристани, но и здесь ощущалось дыхание разумного существа по имени Железная Дорога. То же чувство сказочности и... непонятной тревоги. Словно тайный голос зовет куда-то...

И опять показалось, что Глебка рядом — вроде бы тоже прилег на кровельные листы, слева от Виньки. Винька закрыл глаза.

«А знаешь, — сказал он Глебке, — как красиво бывает зимой, в темноте, когда пар клубится высоко над паровозами и его просвечивают прожектора. Будто серебряные великаны шевелятся в небе... Я и раньше любил смотреть на это, а теперь вспомнил... ну, с новым интересом...»

Он вспомнил это специально для Глебки, в подарок ему. И Глебка молчал рядом понимающе и благодарно.

...А может быть, все-таки не так уж пусто во Вселенной?

Да, конечно, там везде безвоздушное пространство, в котором звезды и планеты и больше ничего. Никакого бога, никакого небесного царства, ни ангелов, ни душ с крылышками. В этом единственная и строгая научная правильность. Но... может быть, все-таки есть где-то уголок, куда с Земли улетает... то, что остается от человека после смерти? Улетит, а потом нет-нет да и коснется живых. Тех, кого этот человек любил...

Ведь бывает же, что рядом с главной правильной истиной существует еще одна. Не очень заметная и... другая. Как бы отступление от правильных рассуждений.

Вот, например, советская власть. Никто же не спорит, что она самая справедливая, против богачей, за свободу всех людей, за мир во всем мире. Недаром же мы победили Гитлера и освободили много стран. И... все-таки в этой власти есть другая, боковая линия. Иначе как объяснить случай с маминым братом, дядей Сережей, которого Винька видел только на снимке?

Давно, еще до Винькиного рождения, к дяде Сереже пришли люди в синих фуражках, сказали, что он — японский шпион, и увели неизвестно куда. С той ночи до сих пор ничего о нем не известно.

А на фотографии дядя Сережа был в буденновском шлеме со звездой, с шашкой на ремне и с орденом на шинели. Как, спрашивается, такой человек мог быть врагом народа и шпионом?

Правильности тут не было ни малейшей, но почему-то до сих пор о дяде Сереже говорили вполголоса и с оглядкой...

Но нет, пример с дядей Сережей неудачный! Это отступление от главной истины — плохое, вредное для людей. Но что плохого, если окажется, что от человека остается живая бессмертная частичка? И что Глебка в

самом деле иногда напоминает о себе тихим своим дыханием?

Может быть, это что-то вроде радиоволн, только еще более незаметное и до сих пор не открытое учеными...

Винька повернулся на спину. Невидимый Глебка чуть отодвинулся, но не исчез.

В небе стояли белые облака — словно круглый пар от прокатившихся по синеве паровозов.

3

Прошло три дня. Винька сидел в своей каюте под досками. Рогожный полог был откинут. Винька читал старую подшивку журнала «Огонек». Ее откуда-то принес тихий Никита. В журналах был напечатан роман писателя Лагина «Патент АВ». (Непонятно только, как говорить: А Вэ, А Бэ или коротко: Ав?)

Ничего роман, фантастический и с приключениями. И против поджигателей войны. Про то, как один ученый придумал лекарство, чтобы всякие мелкие существа превращались в крупные. С помощью этого лекарства выросли до нормальных размеров два лилипута, один — музыкант, а другой — миллионер. Вырасти-то выросли, но после этого пришлось им нахлебаться всяких бед. А коварные поджигатели-агрессоры раздобыли это лекарство и стали из трехлетних мальчишек выращивать взрослых дядек. Из дядек получались солдаты, которые умели только стрелять и выполнять команды. Такие и нужны были генералам-злодеям. Воспитывали этих солдат очень просто: если подчиняешься — будешь сытый, а капризничаешь — сиди без обеда. Возвращаясь из столовой, трехлетние вояки бодро пели:

Дяденьку мы слушались —
Хорошо накушались.
Если б мы не слушались,
Мы бы не накушались!

К Виньке привязалась эта дурацкая песенка. Задумаешься и сам не замечаешь, как уже мурлыкаешь: «Дяденьку мы слушались...» Это на мотив другой глупой песенки, которую в лагере любила напевать вожатая Валя:

На дворе у Машки
Сорок три ромашки,
На дворе у Нинки
Ни одной былинки...

Винька опять задумался о лагерных днях.

Несмотря на то, что случилось с Глебкой, он вспоминал лагерь по-хорошему. И костры с горячими искрами в густо-синем небе, и песни про аиста, про чибиса у дороги и про тихую сторожку на краю пути; и ребят... Даже толстого дурня Муму вспоминал без враждебности. Мума был действительно дурень, но не фашист и не белогвардеец. Иначе бы он не подружился под конец смены с маленьким Яшкой Гольдбергом, тихим шахматистом, слегка похожим на Глебку...

А еще Винька вспоминал, как Глебка барабанил на утренней линейке. Солнце пробивало густые березы, осыпало на Глебку круглые желтые пятна и загоралось на блестящих обручах барабана. В этом воспоминании была и печаль, да. Но печаль как бы с проблесками света.

...Наверху послышались шаги. Незнакомые, явно мужские. Прогнулись доски, с потолка на журнал посыпалась труха. Винька поднял лицо. Шаги стихли. Но Виньке почудилось, что тихо скрипнули сапоги.

Винька выбрался из «каюты» — и вверх, через трубчатую ограду!

— Папа!

Теперь отец был не в солдатской, а в новенькой офицерской форме. При всех наградах. В фуражке с голубым околышем и с «крылышками» над окруженной золотистыми листиками «летчицкой» кокардой. В португее. И кобура — не плоская, не пустая.

— Ой, па-па-а... Какой ты! — И лишь после этого Винька облапил отца, щекой прижался к гимнастерке (под щеку попала пряжка наплечного ремня). От отца пахло шерстяной тканью, одеколоном и ременной кожей.

Отец гладил на Винькином затылке отросшие волосы.

— Папа, ты насовсем вернулся? — И Винька вопросительно отодвинулся.

— Нет, что ты... Я только до вечера. Это случайный приезд. Машину отправил куда надо, а сам — сюда. Знаю, что мама на работе, а ты здесь...

— У-у! Я думал, ты отслужил...

— Ну-ну, не гуди... Люда дома?

— Нету ее дома. Пошла в институт библиотечные учебники сдавать. А потом еще по всяким делам и к подругам, а после этого в ясли за Галкой и тогда уж домой.

— Жаль... Ну ладно. А ты как живешь?

— Я? По-всякому... Папа, я телескоп сделал, сейчас покажу! — Винька сбегал в дом за трубой. — Вот! Можно глядеть на что хочешь, только там все вниз головой. Он вообще-то для небесных наблюдений. Я Луну жду, но пока что ее не видать, новолуние...

Отец приставил трубу к глазу. Навел на дальний берег оврага.

— Да, приближает. Ощутимо. Это ничего, что вниз головой. В крайнем случае можешь сам встать на голову и наблюдать в такой позе.

— Ох, правда! Я попробую!

— Только шею не сверни... Ты, наверно, в лагере узнал, как эту штуку смастерить?

— В лагере... Папа! А еще я себе каюту устроил. То есть землянку. Пойдем!

Конечно, майору военно-воздушных сил несолидно было лезть через перила. Винька повел его через калитку и вниз по тропинке.

В землянке отец пригнулся, сел на застеленный одеялом топчан.

— Форменный блиндаж, — похвалил он. (И с того момента Винька называл свое жилище только блиндажом.)

Отец погладил одеяло, заметил под ним край простыни.

— Ты что же, и спишь здесь?

— Да! Здесь как... в полевых условиях. Людмила сперва не хотела отпускать, но я ее переупрямил. Тогда она дала полушубок для подстилки и простыню с одеялом. И подушку...

Отец придвинул к себе Виньку, спросил вполголоса:

— А ночью-то не страшно... камарадо Винцент? — И глянул из-под козырька то ли с насмешкой, то ли с сочувствием.

— Нисколечко!.. Ну... то есть сперва чуть-чуть жутковато было. Но я со свечкой. Поставил ее в тарелку с водой, чтобы случайно не наделала пожара. А в другой раз уже без свечки, только рогожу откинул. Интересно смотреть, как среди ночи в овраге туман появляется. Такими пластами...

Винька не стал говорить, что в первую ночь, когда страх поднажал на него, он шепотом позвал: «Глебка...»

Может быть, Винька ненормальный. Нормальные люди, чтобы избавиться от страха, разве зовут тех, кто умер? Наоборот, мертвых полагается бояться. Но Виньке, едва он представил присевшего рядом Глебку, стало гораздо спокойнее.

Чего бояться-то?

От Глебки разве может быть что плохое?

От друзей не бывает несчастий...

«Ты не сердисься, что я взял для телескопа твое стекло?»

«Ничуть...»

«Жаль, что нынче не видать Юпитер. А то бы понаблюдали».

«Успеем еще...»

— Ты что шепчешь, Виньчик?

— Я?.. Не знаю. Так просто... Папа! А ты как там живешь? Тоже в блиндаже?

— Нет, что ты! В вагончике. Такой домик на колесах. У меня там отдельная комнатка. Вполне цивилизованная жизнь. И люди там неплохие. Скучаю только без вас... — Он посадил Виньку рядом, обнял за плечо, прижал. Винька боком ощутил выпуклую кобуру.

— Папа, а когда насовсем-то?

— Не знаю пока. Возможно, через две недели. Но могут и задержать. Дел там хватает...

— Каких дел?

— Военных. Переподготовка летчиков. И тех, кто в запасе, и кадровых. На новых машинах...

— Пап... Что ли, опять будет война?

— Ну... будет — не будет, а истребители всегда нужны. Может, как раз для того, чтобы ее не было... К тому же надо помогать друзьям-братьям...

— Кому?

— Ну, ты радио-то слушаешь?

— Папа... Корея, да?

Отец вытянул губы трубочкой и стал смотреть перед собой. Я, мол, ничего не говорил.

— Я понимаю. Военная тайна... Папа! А тебя не отправят *туда*?

— Никуда меня не отправят дальше Сухой Елани, не бойся. Возраст уже не тот...

— Пистолет вот дали, однако, — заметил Винька и шевельнул боком.

— Ну, пистолет положен. Потому что боевая техника там. И начальником караула быть приходится...

— Па-а... А можно его посмотреть? — выговорил наконец Винька жгучее желание. — Ну, хоть только в тво-

их руках! Я даже пальчиком не коснусь, вот! — Винька встал и спрятал за спину ладони.

Отец вздохнул почему-то и расстегнул кобуру. Вытащил вороненый пистолет. Вынул обойму, положил на топчан. Рывком затвора проверил: не осталось ли в стволе патрона. Щелкнул спуском. Взвел курок.

— На, пощелкай. Только не наводи ни на меня, ни на себя...

Винька еле поверил счастью. Взял во вспотевшие ладони плоскую рифленую рукоять. Тяжесть боевого оружия ощутилась не руками, а всем телом и нервами. «Ух ты...» Винька нацелился в сучок на фанере, нажал. «Чак» — отчетливо сказал боек.

— Можно еще раз?

— Можно. Еще три раза. Взводи сам...

Щелк... Щелк... Щелк.

— Папа, это «ГТ»?

— «ГТ». Давай сюда... И теперь послушай.

— Что? — Винька даже обиделся на неожиданно сухой тон.

— Вот что. Поиграл, а сейчас запомни: оружие — не игрушка. И если где-нибудь увидишь, не вздумай трогать без спросу и баловаться.

— Да знаю я! Мне и Николай говорил то же! Про ружье. Я и не касаюсь. Понимаю же...

— Все говорят «понимаю», — отец устало сгорбился на топчане. — А потом... Ты думаешь, зачем я приехал? Привез погибшего солдата, хоронить... Он тоже все понимал, уставы читал, инструкции слушал. А тут на стрельбах вдруг взял да зачем-то прикладом карабина о землю. А в стволе патрон. Пуля вошла в подбородок, а вышла из затылка... Не приведись тебе в жизни видеть такое...

Винька стоял, будто виноватый, пока отец вставлял обойму и прятал пистолет.

— Папа, я знаю... Ты теперь за всех боишься. И за меня...

— Правильно знаешь... В жизни столько случайностей. Вроде бы и мирное время, а иногда как на войне...

— Да, папа... — шепнул Винька.

— Что «да»? — Отец снял фуражку, придвинул лицо. На лбу — красный след околыша.

— Папа, у меня тоже... друг погиб. В лагере. Ушел на речку, а там деревенский малыш в воду сорвался. Глебка кинулся, а плавать не умел. Маленького вытолкнул, а сам... — Винька глотнул.

— Боже ты мой... — И Винька в глазах отца увидел: «На месте этого Глебки мог быть и ты».

— Я-то умею плавать...

— Плавать-то умеешь... А если что другое? Например, этот блиндаж. Ты не боишься, что тебя придавит, если вдруг оползень? Подмоет дождем...

— Ничего не будет, уже испытано, — сообщил Винька с подчеркнутым спокойствием. — Позавчера был такой ливень, мы думали, все поплывет. А ничего не шелохнулось. Потому что очень много подпорок в берег вкопано. Да еще у березы корни тут...

— Кто знает. А вдруг более сильный ливень?

— Сильнее, чем был, некуда. Знаешь как хлестало! Туринка вышла из берегов, у Кудрявой рядом с домом забор смыло и повалило. Я вчера помогал ее бабушке ставить его обратно. Она сейчас одна в доме.

— Одна? А где твоя подружка-то?

— Па-а! Чего ты дразнишься?

— Я? Дразнюсь? — изумился отец. И Винька был рад, что он отошел от тревожной темы.

— Конечно! Что за слово «подружка»!

— Ну... по-моему, обыкновенное слово. Хорошее. Разве нет?

— Подружки у девчонок бывают! А она просто... мой товарищ, вот и все.

Винька знал, что отцу нравится слово «товарищ». По-испански — «камарадо».

«Камарадо Винцент...»

Отец забавно так, по-штатски, повздыхал.

— Я ведь не хотел обидеть... ни тебя, ни ее. «Подружка» тоже звучит неплохо. Виконт де Бражелон, например, не стеснялся так называть свою возлюбленную...

Винька... он даже возмущаться не стал. Только пожал плечами.

— Ты, папа... ты, наверно, переутомился там на военной службе... «Возлюбленная»...

Отец спустил ему эту маленькую дерзость, только усмехнулся.

— Ладно, не распускай хвостовое оперение, виконт. А где все-таки... госпожа де Лавальер?

— Уехала с мамой в деревню, к другой бабушке. На неделю. Я ее еще не видел после лагеря.

— Когда вернется, передай мое глубокое почтение.

Винька засмеялся. Прыгнул к отцу на колени, опять прижался лицом к гимнастерке. К холодным медалям.

— Передам...

ГОСПОЖА ДЕ ЛАВАЛЬЕР

1

О том, что жила когда-то на свете такая французская красавица, Винька узнал в прошлом году. В начале октября.

В тот день отец вернулся со своими студентами из колхоза, где они убирали картошку. Вернулся с простудой. А Винька пришел из школы тоже пострадавший — с крепким синяком под левым глазом.

Отец присвистнул и закашлялся. Он знал, что сын драчливостью не отличается, даже наоборот (настолько «наоборот», что отца это даже огорчало иногда).

— Где вы, сударь, заработали такой знак отличия?

— В бою, — сообщил Винька сумрачно и гордо.

— А можно узнать подробности?

— Какие там подробности... — Винька вдруг застеснялся.

— Ну, например, с чего началось.

— Со случайности...

Как много случайности меняют в человеческой судьбе! Если бы обшарпанный Валькин портфель пролетел тогда мимо, не появилась бы в жизни у Виньки Кудрявая...

Но портфель, шурша в опавших листьях, подъехал по дощатому тротуару прямо к Винькиным ботинкам.

Была в ту пору у четвероклассников (у тех, кто понахальнее) дурацкая забава: когда все выходят из школы, подскочить к кому-нибудь — и трах по портфелю! Сверху вниз! А потом погонять выбитую из рук добычу ногами! Как футбольный мяч. И у мальчишек выбивали, и у девчонок.

Ну, ладно, если у обычной девчонки. Но у такой-то...

Винька скользнул глазами от портфеля назад — по линии полета — и сразу понял, чей он. Вальки Зуевой. Не из Винькиного класса, а из четвертого «Б».

Валька стояла — маленькая такая, щуплая. С опущенными руками и... с улыбкой. Но улыбка была беспомощная, со слезинками. Слезинки искрились в уголках глаз.

Можно было, конечно, с достоинством отпихнуть портфель и пройти мимо. Сама виновата: нечего рот разевать, когда рядом носится беспощадный Пузырь с дружками. Но... глаза-слезинки эти встретились с Винькиными глазами. И он поднял портфель. Отнес бестолковой Зуевой, сунул в руки.

— На. Да не зевай больше... — И отвернулся. И увидел Пузыря, который стоял в трех шагах.

Пузырь был небольшой, не выше Виньки, и очень

худой. Просто Кощеев внук. И при этом — бесстрашный. Чуть что — кидался без разбора. Даже на тех, кто выше и здоровее. И еще он был ехидный.

Сейчас Пузырь приоткрыл в улыбке желтые кривые зубы.

— Да, яга-коряга, держи его крепче. И сама держись, чтоб не подкосило...

— Свинья ты все-таки, Пузырь, — вырвалось у Виньки. Он тут же испугался.

Но Пузырь не рассердился. Ласково посоветовал:

— Вали, Шуруп, домой, пока рыло не намылили.

У Виньки была в классе такая кличка — Шуруп. (Винька — Винчик — Винтик — Шуруп — это понятное дело.) Прозвище, конечно, не героическое, но и у шурупов есть своя гордость. И она заставила Виньку сказать:

— Как бы самому тебе не намылили...

— Ты, что ли? — удивился Пузырь.

— Если надо, могу и я, — сообщил Винька совсем уже слабым голосом. Дело заваривалось скверное, без надежды на хороший конец.

Пузырь больше не тратил слов. Размахнулся — и Виньке в глаз! Мамочка! Голова будто взорвалась! Такая боль! И Винька заревел.

Но частичка здравого сознания все же работала в гудящей голове. Винька увидел себя будто со стороны — глазами тех, кто стоял вокруг. И... синими мокрыми глазами Зуевой. Какой он перепуганный, ревуший, облитый позором. И пружинистая мысль (а может, просто инстинкт) сказала ему, что смыть позор можно только отчаянной дерзостью.

Винька рванул с головы кепчонку и толчком обеих ног бросил себя вперед — головой в нос противника!

В нос не попал, зато губы Пузыря — в лепешку.

Это уже потом он любил себе говорить: «Губы Пузыря — в лепешку». А сейчас просто увидел, как того отне-

сло на три метра. И как он прижал к губам ладонь. По-стоял так... и тоже заревел. Тонко, по-девчоночьи.

Теперь была пока ничья! А дальше? Вздрагивая, Винька сбросил на тротуар ремень полевой сумки. Выставил перед собой сжатые кулаки. Но... вот счастье-то! Пузырь оторвал от губ руку, увидел на пальцах красное и завыл. И покинул поле боя.

Пузырь уходил и оглядывался, и при этом сквозь рев говорил все, что полагается в таких случаях: о страшной расплате в другой раз, о дружках и старшем брате, о «женихе и невесте» и о том, какой он, Шуруп, подлый. Теперь это не имело значения.

Шурупа сразу зауважали. Надели на него ремень сумки, отряхнули куцее (со второго класса еще) пальтецо. Вовчик Махотин дал (на время) старинную трехкопеечную монету — приложить к глазу. Винька приложил, но тут же вернул. Фингал? Ну и ладно! Винька имел право гордиться им, как медалью «За отвагу».

Кто-то протянул Виньке его кепчонку — пыльного «гимнастерочного» цвета, с надломленным козырьком... Не «кто-то», а Валька Зуева! Яга...

— На, ты уронил...

Победа добавляет человеку благородства. Винька взял Ягу за рукав.

— Ты где живешь?

— В Овражном переулке...

— Пойдем. А то вдруг еще привяжется какой-нибудь... пузырь дырявый...

Она опустила голову.

— Я ведь не быстро хожу.

— Ну а куда торопиться-то!

И пошли рядом. Винька даже хотел взять ее портфель, но не посмел.

Валька и правда шла медленно. Слегка переваливалась, потому что правую ногу ставила криво — набок и носком внутрь. Винька слышал от ребят, что у Зуевой

это от рождения. «Не повезло бедняге», — думал он иногда.

Но вообще-то до нынешнего дня он почти не обращал на Вальку Зуеву внимания. Потому что маленькая, не приметная ничем, кроме хромоты. Лицо такое, что не запомнишь. И всегда она в чем-то сереньком, блеклом, не за что зацепиться глазу. К тому же из другого класса...

Но теперь они шли бок о бок, и поневоле надо было проявлять внимание.

— Слушай! Зачем ты на это прозвище отзываешься, на Ягу? Не откликайся, чтобы... дуракам неповадно было.

Глядя под ноги, Зуева сказала тихо и рассудительно:

— Куда же деваться-то? Привыкла. Это с первого класса.

Да, первоклассники — они люди безжалостные. Увидели, что хромает, значит — Баба Яга. А потом, для краткости, — просто Яга. А затем уже — Яга. Потому что легче окликать, когда ударение в начале...

Зуева быстро глянула на Виньку и сказала еще:

— Это хоть понятное прозвище. А бывают совсем глупые. Не поймешь, откуда взялись...

— Например?

Уж не про Шурупа ли она?

— Ну, вот этот Пузырь. Какой же пузырь, если одни кости?

— Это как раз понятно! Это по «наоборотному» правилу!.. Ты слыхала про Робин Гуда?

— Ага... В него Том Соьер играл, я читала.

— А есть еще специальная книжка про него. Я сам не читал, но мне Коля рассказывал, муж моей сестры. У него эта книжка в детстве была... У Робин Гуда были друзья, и один из них — по прозвищу Малютка Джон. Он был такой громадный силач, а звали Малюткой, чтобы веселее было...

Зуева опять быстро глянула на Виньку. Блестящими синими глазами. И улыбнулась.

— Тогда тебя надо звать «Блóндя».

Винька понял. «Блондя» — значит, блондин. А по правде-то он совсем темный. По-взрослому — брюнет.

А у Зуевой волосы были почти белые и совершенно прямые. Они спускались на уши и щеки из-под серого, «мышинного» беретика отвесными прядками.

— А ты тогда... кудрявая! Я буду звать тебя Кудрявая, вот!

Он сам удивился себе: как расхрабрился!

Зуева отозвалась шепотом:

— Ну, зови... если хочешь.

Овражный переулочек на самом деле не был переулочком. Два домика на краю оврага да огороды рядом с ними. А от них в овраг спускалась крутая дощатая лестница с перилами из брусьев.

Овраг в этом месте заметно расступался, и внизу стояла мазанка, а рядом — сарайчик, поленница и черные, уже без зелени грядки. Их окружала изгородь из жердей.

«Прямо хуторок какой-то», — подумал Винька. Он в прошлом году читал старую книжку «Юркин хуторок».

Над темной тесовой крышей мазанки дымила побеленная труба. День был сухой, но холодный и ветреный. Дым расходился по оврагу, и клочья летели вверх. Даже здесь был ощутим запах березовых дров.

— Ну, я пойду, — сказала Зуева.

— Подожди... Кудрявая. Помогу.

— Не надо! Я же привычная. Каждый день туда-обратно.

Она ухватилась за перила и боком, но очень быстро начала спускаться по ступеням.

Снизу Кудрявая посмотрела на Виньку. А он на нее. Хотел помахать, но не решился.

И пошел домой.

Все эти подробности говорить отцу Винька не стал. Рассказ его был лаконичен:

— Ну что... Там один дурак, Пузырь то есть, стал к девчонке... к девочке то есть, приставать. Я говорю: «Не лезь», а он мне в глаз. Тогда я ему по губам. Он заревел и пошел...

Аркадий Матвеевич безошибочно угадал в тоне сына скрытые героические нотки. И все же посмотрел с сомнением. Тогда Винька сказал:

— Честное пионерское.

— А что, симпатичная девочка?

Винька возмущенно взметнул ресницы:

— Разве только за симпатичных надо заступаться?

— Я просто так спросил...

— Никакая не симпатичная. У нее... нога поврежденная, она хромотает... А этот псих у нее портфель выбил.

— Понятно... Кстати, хромота не всегда уродует. Несмотря на нее, бывают красавицы.

— Ну уж...

— А разве ты не помнишь Луизу де Лавальер?

— Кого?

— Ну, ты же читал про мушкетеров!.. Ах да, ты знаешь только первую книгу. А Лавальер во второй и в третьей, где про виконта де Бражелона...

Винька «Трех мушкетеров» прочитал недавно, от корки до корки. Эту пухлую книгу со шпагами на обложке принесла от подруги соседка, десятиклассница Варя Бутырина. Винька увидел и буквально вымолил знаменитый роман на несколько дней. У книги был не только вид, но даже запах особый, приключенческий...

А о том, что у «Мушкетеров» есть продолжение, Варя ни словечком не обмолвилась.

Папа сказал, что есть еще несколько томов. Он читал в детстве. И в тот же вечер он кое-что рассказал Виньке: про любовь юного виконта Рауля к девочке Луизе, про

железную маску, про гибель мушкетеров в конце последней книги... Но это был короткий пересказ. И чтобы про все узнать подробно, Винька решил записаться в городскую детскую библиотеку.

2

До той поры Винька был записан в ближней, районной. В ней ни мушкетерами, ни виконтами, как говорится, и не пахло. За «Васьком Трубачевым» и то приходилось занимать очередь.

В городскую библиотеку ребят из начальной школы брали «со скрипом». Только если принесут записку от своей учительницы. На школьном бланке. Марина Васильевна такую записку Виньке дала — в обмен на обещание, что он исправит тройку по арифметике хотя бы на четверку.

— А то я пойду в библиотеку и скажу, чтобы выписали обратно, раз книжки отвлекают тебя от учебы. Такой способный мальчик, а в примерах со скобками до сих пор путаешься...

Винька сказал, что исправится обязательно. И, конечно, обещания не сдержал. Но Марина Васильевна про свою угрозу позабыла, и в библиотеку четвероклассник Греев ходил без помех.

Нужные книжки здесь были. И «Двадцать лет спустя», и «Виконт де Бражелон». Но только в читальном зале, домой не унесешь. Винька иногда приходил в библиотеку сразу после уроков и сидел до «отбоя».

Отбой давался ударом колокола.

Колокол был небольшой, вроде тех, что висят на пожарных машинах. Многие считали, что он такой и есть — самый обыкновенный, пожарный. Однако некоторые мальчишки (и Винька среди них) верили, что это — «рында». Колокол с корабля. Был слух, что рынду принес сюда Петр Петрович — единственный мужчина сре-

ди работников библиотеки, заведующий читальным залом, а в прошлые годы — бывалый моряк.

Рассказывали, что на краю колокола даже выбито название корабля. Только повернуто оно к стене, поэтому никак не узнать — какое? Подсмотреть было невозможно: колокол висел там, куда заходить не разрешалось — на боковой стенке могучего книжного шкафа, позади похожей на прилавок стойки. За этой высокой (Виньке до груди) стойкой Петр Петрович заполнял читательские карточки и выдавал книги.

Он, кстати, совсем не был похож на моряка, хотя и ходил в поношенном флотском кителе. Сухой, сторбленный на одно плечо старичок, с гладко расчесанными на пробор седыми волосами.

Несмотря на инвалидную и совсем не суровую внешность, порядков Петр Петрович придерживался строгих. Именно морских. Когда стрелка на старинных восьмиугольных часах — с римскими цифрами и надписью «П. Буре» — доходила до половины седьмого, заведующий бил «первую склянку». Готовьтесь, мол. Без четверти семь — второй сигнал: пора сдавать книги. А ровно в семь — для тех, кто зачитался или замешкался — частый требовательный трезвон: имейте совесть, друзья! А то как впишут вам в формуляр замечание — на неделю останетесь без книжек!

Впрочем, нарушителей почти не было, Петра Петровича уважали.

К Виньке Петр Петрович проникся симпатией. То ли за вежливое поведение этого темноглазого смиренного четвероклассника, то ли за его преданность книжкам. Он позволял Виньке сдавать книги после всех, даже с задержкой. И придерживал для него специально томики Дюма — растрепанные, маленькие, напечатанные еще до войны в издательстве «ACADEMIA». (Иностранный язык в четвертом классе не учили, но латинские буквы Винька знал — папа показал.)

Роман «Двадцать лет спустя» был в двух томах, а «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» — аж в шести. Но Винька к Новому году одолел их все. И кроме того, он не только про мушкетеров читал. Еще и «Слепого музыканта», и «Чапаева», и «Человека-амфибию», и «Пещеру капитана Немо» — это как черноморские мальчишки вредили фашистам.

Библиотека располагалась недалеко от Винькиной школы, в бывшей церкви, только не в красной и перестроенной, как цех пластмасс, а в белой, нарядной, с фигурными, похожими на шахматы, башнями. Внутри были гулкие чугунные лестницы, таинственные переходы, много всяких комнат и коридоров.

А читальный зал был просторный, одна его часть — закругленная, с высокими сводчатыми окнами. Между окнами стояли потертые плюшевые кресла и диван. Сбросишь валенки, заберешься с ногами в кресло — и головой в книгу...

Особенно хорошо было, когда мало народу. В тишине звонко тикали часы «П. Буре», покашливал за стойкой Петр Петрович. Желтовато светили лампы, в сводчатых окнах сквозь голые ветки тополей синели сумерки...

Если читателей было немного, Петр Петрович звякал в колокол осторожно, вполсилы...

Один раз случилось, что Винька остался с заведующим один на один. И тогда решил на вопрос:

— Петр Петрович, а правда, что этот колокол с корабля?

— Тс-с, голубчик. Это вопрос тонкий, каждый для себя решает его сам.

Винька ничего не понял. Но читальный зал полюбил еще больше.

Домой Винька приходил в восьмом часу, съедал сра-

зу обед и ужин и с грустью думал про домашние задания. Мама добавляла этой грусти:

— Ты вовсе голову потерял в твоей библиотеке! Худой как щепка и уроки не учишь совсем!

— Господи Боже ты мой! — стонал не веривший в Бога Винька. — Только и слышишь: уроки, уроки! Ну, должно же быть у человека что-то еще, кроме школьной каторги!

Мама видом своим и поведением была решительной и строже отца. Но с ней Винька позволял себе разговаривать вот так, без особых церемоний. Иногда, прямо скажем, с излишним нахальством. А с папой попробуй-ка. Он и голос не повышал никогда и ни разу в жизни Виньку не шлепнул, но если что — как *взглянет*...

— Вот скажу отцу, когда придет с занятий...

— Ну, ма-а-ма...

— Марш за учебники!

Но, конечно, в библиотеке Винька бывал не каждый день. Ведь надо было еще и навещать Кудрявую. Винька пересказывал ей прочитанное. Кудрявая в читальный зал не ходила, стеснялась, хотя книжки любила.

А еще больше любила она слушать Виньку...

Но такая дружба началась не сразу. Еще долго после героической драки с Пузырем Винька поглядывал на Зуеву издалека. И она на него — так же. А когда сталкивались в школьном коридоре, Винька говорил:

— Здорово, Кудрявая.

— Здравствуй... — Это она шепотом и с полуулыбкой.

Впрочем, сталкивались они часто. Классы-то рядом, да и вся школа — маленькая, одноэтажная.

Пузырь не приставал, хотя и глядел волком. На следующий день после драки он ходил с губами, похожими на автомобильные шины. Особенно нижняя...

Так прошел месяц. А потом, перед Октябрьским праздником, случился Северный морской путь.

Это была водная переправа. Придумали ее братья-близнецы Мартьяновы, Винькины одноклассники. Шурка и Лёха. Их, малоразличимых, для краткости звали одним именем — Шурилёхи.

Братья были умелые, деловитые и добродушные. Они отыскивали жестяное корыто и приволокли в Северный переулочек, что в квартале от школы.

Через переулочек ходили многие. Надо было его пересечь, чтобы выйти на улицу Кирова. Дело это не всегда оказывалось простым. Посреди переулочка немощеная дорога слегка опускалась — там была длинная впадина. «Понижение земной коры», — значительно говорил Толик Сосновский, Винькин сосед по парте.

В «понижении» даже в сухие дни блестела лужа. А во время дождей здесь появлялось озеро. Его преодолевали по уложенным на кирпичные подпорки доскам. Доски прогибались, плюхали по воде, было много визга, веселого риска и мелких несчастных случаев.

Но это пока глубина водоема оставалась небольшой. А во время весенних разливов и осенних затяжных ненастий доски смывало. В брод же не совались даже те, кто хвастался высокими резиновыми сапогами: глубь такая, что вода чуть не до пупа. Хочешь не хочешь, а топай в обход. А это лишние два квартала.

В те первые дни ноября погода стояла гадкая — то дождь, то снежная крупа. Потом слегка потеплело, зато ночью грянул такой ливень, что деревянный Винькин дом гудел, как фанерный ящик, по которому лупят пятками. А утром в Северном переулочке — целый океан. С издевательской синевой и отраженными желтыми облаками, потому что небо прояснилось.

— Нелюдимо наше море, — сказал Толик Сосновский, когда они с Винькой встретились на берегу. Толик любил стихи. Винька согласно кивнул. Его сосед по

парте был хороший человек, хотя и нельзя сказать, что близкий приятель.

Последним уроком в тот день было пение, и Марина Васильевна прогнала Шурилехов из класса, потому что те не пели, а блеяли и мычали. Братья под носом у дремлющей тети Симы выудили из раздевалки свои фуфайки и пошли гулять. И обнаружили на чьих-то задворках большущее, как лодка, корыто. Когда уроки кончились, переправа была готова.

Один Шуриলেখ стоял на школьном берегу, другой на противоположном. Каждый держал разлохмаченную веревку. Это были буксирные тросы, привязанные с двух концов к «судну».

Четвертый «А» высыпал на берег первым.

— Внимание, внимание! — зазывающе голосил ближний к ним Шуриলেখ (кажется, Шурка). — Каждого, кто смелый, можем перевезти через море! Открывается Великий Северный морской путь!

Толик Сосновский заметил, что «Великий» — это слишком нахально. Даже в Арктике морской путь называется просто Северный. Покладистый Шурка согласился:

— Пускай и у нас просто Северный... Ну, кто хочет первый?

Хотели все мальчишки. Но вперед полез, конечно, Пузырь.

— Куда прешь! Я раньше подошел! — дерзко заявил Винька.

— Шас как вмажу, поплывешь без корыта!

Винька внутри напряжился, но без большого страха.

— Да пускай Пузырь плывет, — рассудил Толик. — Поглядим, потонет или нет.

— Пузыри не тонут, — находчиво сказал Винька. Но больше не спорил.

Пузырь переправился благополучно. Шурка подтянул корыто обратно. Следующим был Винька.

Оказалось, что плыть здорово. Тащат быстро, вокруг бурление и брызги, а в душе радость и замирание!

Потом поплыл Толик. А дальше началось! Переправиться желали все мальчишки из четвертого «А» и четвертого «Б». И некоторые девчонки. Возили и первоклассников — тех, кто очень просил. А обратно — ребят из вторых и третьих классов, они шли на вторую смену.

Появилась на берегу Марина Васильевна. С пачкой тетрадок в авоське.

— Марина Васильевна, давайте переправим! — радостно заголосили Шурилехи. Они не помнили зла.

Утомленная заботами Марина Васильевна грустно сказала:

— Вы хотите меня утопить, потому что завтра контрольный диктант за первую четверть. — И пошла вдоль «Северного моря», несмотря на громкие уверения в самом добром к ней отношении и полной безопасности.

Никакой платы за переправу Шурилехи не брали. Они были бескорыстные и любили приносить пользу человечеству.

А раз бесплатно, значит, можно несколько раз! Толик этого не понял и ушел, а Винька сумел прокатиться туда-сюда еще дважды. И все не уходил, надеялся, что исхитрится снова.

И вдруг он увидел Зуеву. Она стояла на другом берегу среди девчонок.

Винька замахал своей мятой ушанкой со «звездочным» следом (той, в которой отец пришел с войны).

— Эй, Кудрявая! Плыви сюда!.. Шурилехи, пустите без очереди!

Кое-кто завозмушался: с какой это стати Ягу пускать без очереди? Но Шурка на той стороне отодвинул двух одноклассников:

— Вы чего, совсем без понятия? Садись, Яга, чего тебе лишнее-то шагать... Не бойся.

— Я и не боюсь, — тихо сказала Зуева. Села в корыте на корточки. Одной рукой взялась за бортик, другой прижала к груди портфель.

— Тяни осторожно, — велел Винька Лехе. Тот и потянул потихоньку.

И надо же так, чтобы именно сейчас началось корабельное бедствие!

— Ай, — негромко сказала Кудрявая посреди разлива. И качнулась. Потому что корыто дало бурную течь.

Оно же было старое, это проржавевшее плавсредство. Шурилехи залепили дырки гудроном, и вот сейчас одна заплатка отскочила. Из днища вырвался клокочущий ключ! Это увидели все, на обоих берегах.

— Тащи скорее! — заорали одни Лехе (и Винька заорал).

— Тяни обратно! — закричали другие Шурке.

Шурилехи дернули — каждый к себе. Изо всех сил. Обе веревки оборвались и прилетели к ногам хозяев.

Стало тихо, только одна первоклассница пискнула по-мышинному.

Винька увидел, что сию минуту Кудрявая вот так на корточках, с портфелем у груди, опустится в воду по горло. А то и по макушку...

До корыта было метров пять. Винька вспорол воду ногами. Она, ледяная, залила короткие резиновые сапожки, вмиг пропитала фланелевые шаровары (которые назывались тогда «лыжные»), захлестнула по карманы куцее пальтишко.

Винька одним махом подхватил Кудрявую на руки. (Потом удивлялся: откуда силы взялись?) Валькины ботики с пражками все же макнулись в воду, но лишь на секунду. Не беда...

Винька вышел и поставил Кудрявую на сушу под одобрительные возгласы. В том числе и глупые:

— У, Шуруп! Второй раз невесту спас!

— Герой Северного морского пути!

— Челюскинец!

— Мамка челюскинцу надает по заднице за сырые штаны!

— Ты что! Он подвиг совершил!

— Пойдем, — презирая крикунов, сказал Винька Кудрявой. Она кивнула и пошла (из ботишков — пузыри). И хромала сильнее, чем обычно.

— Ты чего? — неловко сказал Винька. — Ушибла ногу, что ли?

Она вздохнула — кажется, сквозь боль:

— Нет, это бывает. Скоро пройдет. Называется «нервное»...

— Чё нервничать-то? — неловко буркнул Винька. — Придешь домой, ноги согреешь, и все пройдет. Держись за меня...

— Ага... — Кудрявая взялась за Винькино плечо. — А тебе очень холодно?

— Сейчас не холодно, привык уже, — соврал он.

— Пойдем скорее! — И Кудрявая заковыляла решительно.

Была Кудрявая в меховой потертой шапчонке с очень длинными ушами — их можно завязывать на груди. Сейчас уши не были завязаны, сильно мотались, один раз щекочуще попали Виньке по щеке.

— Скоро придем, — виновато сказала Кудрявая. На этот раз она не стала спорить, когда Винька решил помочь ей на лестнице. Спустились. Добрались до «хуторка».

— Ну, я пошел...

— Куда?! — очень удивилась Кудрявая.

— Домой, куда еще...

— Ты, что ли, помереть решил от простуды? Пойдешь к нам, сушиться будешь.

— Да вот еще... — опять застеснялся Винька.

Негромко, но почти как Марина Васильевна, Кудрявая сказала:

— Ну-ка, не рассуждай. Марш в дом.

В низкой кухне трещала печка-плита. И хозяйничала маленькая женщина с такими же, как у Кудрявой, белыми волосами. С худым лицом и глубокими складками у рта.

— Мама, это Виня Греев. Помнишь, я про него говорила? А сегодня он меня из лужи спас, из глубокой. Смотри, какой мокрый... А я тоже ноги промочила.

— Горюшко мое! — Мама Кудрявой стряхнула с фартука картофельные очистки. — Два горюшка! Ну-ка...

Она ловкими движениями стащила с Виньки пальто, велела снять сапоги, сдернула с него промокшие штаны, двумя взмахами стянула сырые чулки. Винька ойкал, но не очень стеснялся. Под лыжными «шкерами» у него были надеты для тепла еще летние штаны. Стало даже приятно, будто опять лето — от печки тянуло по ногам сухим теплом. Мама Кудрявой придвинула к печке некрашеную лавку, открыла дверцу.

— Садитесь к огню... водоплавающие. Грейте мокрые лапы.

Винька сел. Кудрявая — рядом. Она тоже была босиком, с белыми тонкими ногами. Винька не выдержал, покосился: отличается ли у нее правая ступня от левой? Размером не отличалась, только сильно была повернута внутрь. Кудрявая заметила этот взгляд. Винька съежился, и то ли от смущения, то ли в ответ на печное тепло, его запоздало тряхнуло резким ознобом.

Мама Кудрявой накинула на Виньку и на дочь пахнувший овчиной полушубок. На спины и на головы.

— Грейтесь как следует.

Теперь Винька и Кудрявая поневоле оказались совсем рядышком. Винька ощутил острое плечо Кудрявой. Она прошептала:

— Это мамин полушубок. Сторожевой...

— Как это «сторожевой»? — отозвался Винька. Тоже шепотом.

— Она в нем на работу ходит. Ночью. Она сторожем работает на автобазе.

«Ох, а как же ты одна-то здесь по ночам? — испуганно подумал Винька. — В такой глуши». Сам он точно помер бы со страху.

Кудрявая, кажется, догадалась.

— У нас еще бабушка есть. С бабушкой никогда не страшно, она знаешь какая... Она военной была, во фронтовом госпитале.

— А где бабушка сейчас?

— В магазине или на рынке, по хозяйству... Винь...

— Чего?

— Помнишь, ты тогда про Робин Гуда говорил?

— Ну...

— Расскажи еще, а?

Винька уже не вздрагивал. Тепло ему было под мохнатой овчиной рядом с Кудрявой, которую он героически спас. И которая сидела рядышком, как... ну, как девочка Герда рядом с мальчишкой Каем, когда его еще не похитила Снежная королева. И вовсе не какие они не жених и невеста! Да и не было рядом никого, кто мог бы задразнить так...

— Ладно, слушай... В общем, это было в давние-давние времена. Английский король Ричард по прозвищу Львиное Сердце ушел в дальний поход и долго не возвращался. А без него бедняков угнетал Ноттингемский шериф... ну, это вроде областного начальника милиции... И многие люди стали скрываться в лесу...

4

За один раз поведать все известные ему истории о Робин Гуде Винька не смог. Пришел снова и снова. Потому что Кудрявая каждый раз спрашивала: «Придешь еще?» И он говорил: «Ладно уж...»

А в середине ноября такое совпадение!

— Кудрявая! В «Победе» новое кино идет, трофейное! «Приключения Робин Гуда»! Говорят, цветное! Хочешь?

Она опустила голову — тихая такая среди гвалта школьной перемены.

— Я не знаю... У нас, наверно, денег нет...

У Виньки была лишняя грешка: он копил деньги на трехцветный фонарик — их иногда продавали в «Электротоварах». Он подумал пять секунд и героически решил:

— Ладно! Все равно пошли!

— Нет, я сперва у мамы спрошу.

— Ну, пойдем спросим...

Мама разрешила. И дала Кудрявой три рубля на билет. И Кудрявая тихо цвела от счастья: и по дороге в кино, и обратно.

— Мировая картина, да?! — поддерживал радость Винька. Разноцветный Робин Гуд все еще лихо махал мечом перед его взором.

— Ага... — с улыбкой выдохнула Кудрявая. — Все, как ты рассказывал. Только у тебя еще лучше...

— Ненормальная, — искренне обиделся Винька за расчудесный фильм.

— Нет, правда... — Она вдруг быстро заковыляла вперед, хитровато оглянулась на Виньку.

— Ты куда? — Дело было рядом с лестницей, а Кудрявая вдруг — мимо.

— Там подальше другой спуск есть!

Вот это был спуск!.. Погода стояла уже зимняя, и на крутом склоне оврага ребята накатали ледяную полосу — фанерками, сумками, штанами. Сверху донизу. Кудрявая еще раз оглянулась на Виньку и бесстрашно ухнула вниз (только длинные меховые уши взметнулись).

Виньке что делать-то? Зажмурился — и следом... Мамочка! Завертело, понесло на животе, на спине...

Внизу Винька встал, отряхнулся, подобрал приехавшую следом шапку.

— Ну, К-кудрявая...

Она тихонько смеялась рядом.

И Винька подумал: как хорошо, что они сейчас придут к ней домой и сядут у печки и будут снова разговаривать про Робин Гуда, и бабушка или мама дадут им по кружке горячего сладкого чая, и...

Суровая жизнь едва не разбила Винькины мечты. Она, эта жизнь, придвинулась вплотную в лице пяти незнакомых мальчишек. Мальчишки были, как потом Винька узнал, с Зеленой Площадки, что находилась неподалеку. Самый высокий, в кожаном шлеме летчика, сказал без малейшего дружелюбия:

— Чё тут посторонние делают, которые не с нашей улицы?

— Эдька, не лезь, — испуганно попросила Кудрявая. — Он ко мне идет, а не к тебе...

— А ты, Яга, не плачь. Пускай идет, если охота, по лестнице. А мы эту катушку своими ж... не для чужих намазывали.

Мысли у Виньки прыгали. О том, что и здесь, оказывается, Кудрявую зовут Ягой; что бежать нельзя — позор хуже смерти; что без драки дело не кончится и надежды никакой...

Он все же попытался воззвать к здравому рассудку здешних жителей:

— У ваших ж... убавилось, что ли, если один посторонний человек один раз здесь скатился?

Скуластый пацан в ватнике до колен и клочкастой шапке деловито сообщил:

— У наших не убавится, а ты по своей шас поимеешь... — И нацелился разлапистым валенком дать чужаку пенделя.

— Пятеро на одного, — уныло сказал Винька.

Длинный Эдька засмеялся:

— Чё пятеро-то! Выбирай кого хочешь!

Да, Винька знал: скопом не полезут. Не было во времена Винькиного детства такого подлого обычая, чтобы все на одного. По крайней мере, среди ребячьего народа — не было. Но Винька понимал: отмахнешься от одного, тут же выставят другого, третьего... Да и как отмахнешься, если руки ослабли и внутри от страха — будто безвоздушное пространство?

Но счастливая судьба в тот день помогала Виньке! На помощь примчались Шурилехи. Как люди Робин Гуда! Они друг на друге съехали сверху и мигом разобрались в обстановке.

— Ширяйчик, а ну, кончай! Это же Греев из нашего класса! Он Ягу всегда провожает! Чего такого!

— Чего ему от Яги надо-то... — пробурчал Эдька. Уже без агрессивности.

— Закорешились, вот и ходит с ней, — сказал один Шурилех (кажется, Шурка). Дело, мол, обыкновенное.

Тот, что в телогрейке и в большущих валенках (маленький, а настырный), непримиримо заявил:

— Корешились бы в школе, а не на нашей горке. Ходят тут...

Другой Шурилех объяснил ему, неразумному:

— Ты, Груздик, соображай, на кого скёшь. Он за Ягу даже Пузырю один раз рожу начистил.

Пятиклассник Эдька Ширяев был не лишен сообразительности и благородства (потом Винька в этом убеждался не раз). Груздику Эдька натянул шапку на нос, а Виньке сказал:

— Так бы и объяснил сразу... А ты, Валька, тоже: по уму ничего не скажешь, моргаешь только.

— Я не просто моргаю. Я хотела снег за шиворот тому, кто ползет...

Тогда все засмеялись (даже Груздик), и Винька сразу сделался почти что свой.

А скоро он стал законным соседом этих пацанов с Зеленой Площадки. Потому что в декабре Людмила, Николай и Галка перебрались в дом над оврагом. Этот адрес подсказала Винька бабушка Кудрявой. Услышала от него, что старшая сестра с мужем и дочкой маются без жилья, и помогла.

Николай часто уезжал, Винька ночевал у сестры, помогал возиться с Галкой (она была добрая и совсем не ревучая). А от дома тети Дуси до мазанки Зуевых в овраге — рукой подать. Съедешь на лыжах-коротышках до Туринки, а там вдоль кустов до «хуторка» метров двести...

Мама и бабушка Кудрявой привыкли к Виньке, смотрели совсем как на своего. С бабушкой Винька и дрова пилил, и печку растапливал, и однажды помог починить перекошенную дверь.

— Халупа эта при царе Александре построена, — бодро жаловалась бабушка. — Еще моим старым дядюшкой, который купил этот участок за копейки. Одиночка был и чудак, прости его Господи... Вот снесет нас однажды паводком, куда денемся?

В халупе были кухня и комната — низкая, но просторная — с четырьмя кривыми окошками на две стороны. Стояла в комнате обширнейшая кровать со спинками в виде лебедей, выгнутых из железных прутьев. На ней спали бабушка и Кудрявая. А еще одна кровать — узкая и простая, как солдатская койка, — была мамина.

Был здесь также стол под синей клеенкой, посудный «буфет», этажерка с книжками, дощатый облезший шкаф и разного (но одинаково старого) вида стулья. Среди этих неказистых вещей чужим выглядело тоже старое, но все же аристократическое пианино с медными подсвечниками. Кудрявая сказала, что это инструмент двоюродного дедушки.

Иногда она садилась к пианино и наигрывала разные мелодии. Некоторые — довольно бойко. В том чис-

ле и «Танец маленьких лебедей», хорошо известный Виньке.

— Тебя кто учил? — спросил он однажды.

— Мама.

Винька удивленно примолк. Кудрявая поняла.

— Мама ведь не всегда была сторожем...

— А... кем?

— Она в клубе работала и в библиотеке... А потом мы сюда к бабушке в эвакуацию приехали из Дмитрова. Тут уж какая работа нашлась, такая и ладно...

Винька чувал: что-то здесь не так. Но с расспросами не лез. И про отца Кудрявую не спрашивал. А однажды бабушка проговорила, что отец умер еще до войны и даже до рождения Кудрявой, за два месяца.

— Ниночка тогда так изводилась, бедная. Может, потому Валечка и родилась такая... А Константина, папу ее, ох как жалко. Видный был мужчина, пост занимал, и вдруг в одночасье...

Что «в одночасье», было неясно. И Винька подумал: «Может, тоже синие фуражки?»

Незадолго до Нового года бабушка попросила:

— Не мог бы ты, Винюшка, нынче заночевать у нас? Меня вечером в гости позвали, друзья-подруги собираются, что были в санитарном поезде, а Нина опять на дежурство уйдет. А Валентина-то наша такая трусиха, если за окнами темно, ни за что одна дома сидеть не будет...

Винька обмер. Представил сразу это «за окнами темно». И заснеженную халупу на отшибе от всякого другого жилья. А если еще и свет отключат на ночь? Такое в ту пору случалось нередко.

Звонким от искусственной храбрости голосом он пообещал:

— Я... ладно! Конечно!

— Дома-то отпустят?

Тут бы и спохватиться: «Ой, я не знаю... Могут не отпустить. Мама за меня всегда так беспокоится». Но черт его дернул за язык:

— Людмила отпустит! Я все равно сегодня хотел у нее спать.

Людмила, конечно, отпустила:

— Давай охраняй свою Кудрявую. Дело рыцарское. Ей-то что! Хорошо ей в доме, полном людей...

5

К Зуевым Винька отправился в восьмом часу. По оврагу идти было не страшно, светила круглая луна. Да и Людмила, накинув пальто, долго смотрела с «палубы» Виньке вслед. И лыжи так весело: хрусть-скрип, хрусть-скрип. Не робей, мол.

Бабушка накормила Виньку и Кудрявую вареной картошкой с молоком, постелила Виньке на узкой, «Ниночкиной» кровати и ушла. Сказала на прощанье:

— К полуночи приду обязательно. А вы допоздна не сидите, ложитесь спать, я дверь своим ключом отопру...

Винька и Кудрявая сели в комнате к столу — плести корзинки и мастерить из фольги цепи для елки.

— Кудрявая, включи радио. Погромче.

— Ага, включи... У нас его отцепили, потому что за три месяца не плачено...

«Начинается», — обреченно подумал Винька. И даже разозлился на Кудрявую. Про себя, конечно.

— Винь, ты чего молчишь?

— А чего говорить-то?

— Винь, ты что-нибудь говори... А то мне кажется, будто по чердаку кто-то ходит. Скрипит...

И Винька тут же услышал: скрипит, ходит...

— Это... балки скрипят от мороза.

— А если не балки?

— Ты всегда такая ненормальная? Ну, кто там может быть? Медведь, что ли?!

— Я не знаю... А вдруг воры?

— Что у вас воровать-то! — в сердцах выдал Винька.

— Не знаю... Может, пианино.

Виньке сквозь страх сделалось смешно.

— Попробуй вытащи его! — И захохотал старательно.

Кудрявая тоже засмеялась. Стало полегче. И они, посапывая от старания, закончили серебряную цепь, а потом начали вырезать из цветной бумаги флажки.

Но скоро Кудрявой показалось, что кто-то бродит под окнами. Может, и правда бродил...

— Ты своим ужасом хоть кого в могилу сведешь, — с жалобным отчаяньем сказал Винька.

Кудрявая сказала, что не надо про могилу. Потому что и так...

Винька пообещал отрезать ей язык. И подумал: «А прочный ли замок-то?»

...В наше время было бы проще: включи телевизор, и можно перед экраном позабыть о всех страхах. Если, конечно, не смотреть про гангстеров и привидения. Но в ту пору Винька о телевизорах читал только в фантастическом романе писателя Адамова «Изгнание владыки» (там они назывались «телевизифоны»).

Впрочем, телевизор все равно бы не работал. Потому что (вот какое же свинство — все несчастья одно к одному!) электричество все же выключили. Около девяти часов.

Лампочка погасла не сразу: бледнела медленно, будто умирала. Кудрявая несколько раз успела сказать «ой». Сквозь морозные двойные стекла неторопливо вступил свет луны.

— Не ойкай, а говори, где спички!

Ушибаясь о стулья, они побежали на кухню. Коробок оказался на месте. Керосиновая лампа тоже нашлась — на подоконнике. Ломая спички, Винька зажег фитиль, поставил на горелку пузатое стекло. Желтый

свет неохотно растекся по кухне, ходики на стене застучали подчеркнуто громко.

— Винь, давай в комнату не пойдем. Мне кажется, будто там кто-то...

— Сиди здесь, если такая бояка. А я пойду... — И пошел. Потому что еще хуже, если рядом пустая темная комната. И Кудрявая пошла, куда она денется-то? Опять сели к столу. И при свете лампы вырезали еще по флажку. Тени от рук и ножниц разлетались по стенам. Кудрявая ежилась.

Винька сказал с последней решительностью:

— Вот что! Ложись-ка спать! Залезешь с головой под одеяло, там не страшно.

— А ты?

— Я тоже.

Лампу гасить, конечно, не стали. Не глядя друг на друга, разделись, залезли в постели. Винькино одеяло было ватное, тяжелое. Он натянул его до макушки. Кудрявая шумно повозилась и затихла. И стало так беззвучно — до звона в ушах. И сквозь этот звон, сквозь ватную одеяльную плотность все равно слышались ходики на кухне. И скрип за окном.

А дома, у Людмилы, сейчас, наверно, все сидят на кухне, играют в лото или в подкидного. А тихий Никита негромко бренчит на мандолине...

Винька вздрогнул и подскочил: его взяли за плечо. Он перепуганно сел. Кудрявая стояла рядом — с голыми руками и ногами, в холщовой рубашонке до колен.

— Винь, можно я посижу рядышком? А то на чердаке опять...

Винька понял, что сейчас он как есть — в трусах и майке, даже без валенок — вышибет дверь и с воем помчится через овраг, в безопасный дом к сестре.

Он не побежал. Он... со злостью вскрикнул про себя и сломил этот страх. Встал, взял Кудрявую за холодные локти, отвел к ее кровати.

— Ну-ка лезь обратно... — Вернулся к своей постели, прихватил увесистое одеяло и снова пришел к Кудрявой. Забрался на кровать с ногами. Набросил одеяло на Кудрявую и на себя — как шатер. И стало как тогда, под полушубком у печки.

— Глупая. Почему ты с бабушкой не боишься, а со мной... такая...

— Потому что... ты тоже боишься, — догадливо шепнула она.

— Да нисколько! Вот... честное пионерское! — В эту секунду он не врал. — А ты... теперь тебе ведь тоже не страшно, а?

— Ага...

— Ну вот. И больше ничего не выдумывай.

Тогда она спросила то, чего он совсем не ждал:

— Винь, а ты веришь в Бога?

— Ты что? С ума сошла?

— Да нет, я так... — Кудрявая словно чуть отодвинулась. А Винька вспомнил иконку в кухонном углу. Он всегда думал — бабушкина.

— Ну... понимаешь, Кудрявая... это, наверно, кто как хочет. Если человеку верится, то пускай... Может, ему так легче живется...

— Винь... Расскажи что-нибудь.

— Ладно... Помнишь, я рассказывал, что Арамис сделался главным начальником в тайном ордене иезуитов? А д'Артаньян в это время...

— Ты лучше про Рауля. И про Луизу.

— Подожди, надо про все по порядку. Иначе будет непонятно...

По порядку получилось длинно. Винька вдруг понял, что Кудрявая спит, привалившись к его плечу.

— Ну, ты не слушаешь.

— Я слушаю. Я только маленько подремлю. Подожди... Я сейчас. — И прилегла.

И Винька прилег тут же. Зачем уходить, если скоро рассказывать дальше...

Он даже не почувствовал, как вернувшаяся бабушка отнесла его на другую постель.

Ух и спал он после всех страхов! Когда открыл глаза, солнце уже искрилось на медных подсвечниках пианино.

Кудрявая сидела, укрытая по пояс. Тянулась руками за спину, пытаясь застегнуть пуговики на детском лифчике с резинками для чулок. Увидела, что Винька не спит, застеснялась, но поняла, что поздно.

— Винь, помоги, а? Я не дотянусь...

Винька вздохнул и откинул одеяло.

Петли были тугие

— Надо вперед пуговицами носить, тогда не будет мороки, — посоветовал Винька со знанием дела.

— Мне всегда бабушка помогает. Или мама...

— А где они?

— Мама еще не пришла с дежурства. А бабушка ушла пораньше на рынок, велела нам спать. А я уже совсем выпалась... Ты доскажешь про... Вальер?

— Про Лавальер, горюшко мое. Сколько раз тебе повторять... — И подумал, что она еще маленькая. И... как сестренка.

С той поры Винька с Кудрявой не церемонился. Покрикивал на нее, когда простужалась и боялась глотать таблетки. Вместе с бабушкой ставил ей горчичники. («А ну не дергайся, а то как шлепну, еще горячее будет!») Силой завязывал у подбородка длинные меховые уши, чтобы не застудила железы.

А когда случалось «нервное» и снова болела нога, Винька чуть ли не на себе доставлял Кудрявую домой, усаживал на кровать, сдергивал с нее чулок и начинал решительно растирать, разминать кривую ступню — это его тоже научила бабушка Александра Даниловна.

Летом Кудрявую должны были отвезти в Ленинград. Там в детской клинике работал известный хирург, хороший бабушкин знакомый военной поры. Он обещал «сделать все возможное».

После массажа Винька заматывал ногу согретым полотенцем, подтаскивал Кудрявую ближе к печке, устраивал ее на лавке и садился рядом.

— Ну, слушай... — И начинал очередной рассказ.

Историю про Рауля и Луизу Винька пересказывал не по книжке. Ему совершенно не нравилось, что юная и доверчивая де Лавальер сделалась потом коварной, изменила своему виконту и стала возлюбленной короля. Он придумывал другие приключения...

А иногда Винька рассказывал и о себе. Про всякое. Как прошлым летом ходил с отцом в лес, заблудился и один бродил целый день, видел лосей и волка. И как однажды сделал громадный воздушный змей в виде самолета, и тот едва не стащил его с крыши. И как они с Толькой Сосновским смастерили из медной трубки пушку и Толька стянул у дядюшки-охотника горсть пороха, и они из этой пушки жажнули на огороде так, что соседский вредный петух в обмороке свалился с забора и с той поры потерял голос...

Привирал, конечно! Где понемногу, а где и о-го-го как! Но Кудрявая Виньке верила. И не только его рассказам, вообще...

Весной они вместе готовились к экзаменам. Классы разные, но билеты для экзаменов у всех одни и те же. Кудрявая все ответы на вопросы зубрила старательно. Потому что ужасно боялась: вдруг не сдаст. А когда отрывалась от учебника, делалась печальной.

— Ты чего опять скисла?

— Жалко...

— Чего тебе жалко?

— Что ты в лагерь уедешь.

— Это же всего на четыре недели.

- А потом я уеду на операцию.
- Ну, приедешь же, никуда не денешься...
- Это уже осенью. Мы в разных школах будем.

Это она верно. Винька пойдет в двадцать четвертую, в мужскую десятилетку, в ту, что напротив городского сада. А Кудрявая — в шестую, в женскую, на улице Лермонтова.

— Ну и что! После операции ты знаешь как будешь прыгать! Я тебе не нужен буду, чтобы провожать... А после уроков — все равно вместе...

— Винь, я боюсь...

— Да не бойся, там хорошая школа. Там моя соседка учится, Варя Бутырина. В десятом...

— Я операции боюсь.

— Трусиха! Ты же ничего не почувствуешь, это под наркозом.

— Я боюсь, что не получится...

— А вот про это и думать не смей! Вот как стукну «Родной речью» по шее! Не выводи меня из терпения...

ЧЕРНЫЙ МЯЧИК

1

После того, как отец и Винька побеседовали в блиндаже, они решили сходить к себе домой.

— Надо посмотреть, как движется ремонт, — сказал папа.

— Надо, — согласился Винька.

Идти было совсем недалеко: прошагать по Зеленой Площадке, пересечь неглубокое ответвление оврага, подняться на улицу Короленко и пройти еще два квартала. И вот он — их дом. С темной обивкой из досок и покривившимися окнами первого этажа...

Но Винька сказал:

— Папа, пойдем через Вокзальную.

— Это же в два раза дальше!

— Мне надо зайти в «Культтовары». Там продаются наконечники для карандашей. Ну, такие острые, похожие на пули, только пустые. Из них головки для стрел получаются прямо как настоящие!

— Это чтобы оставить друг друга без глаз...

— Па-ап! Да никто же не стреляет в людей! Мы по мишеням! Мы их делаем из старых корзин, как в кино про Робин Гуда!

Винька хитрил. Он знал, что карандашных наконечников в «Культтоварах» давно нет: их мальчишки раскупили сразу после фильма о благородном разбойнике из Шервудского леса, еще в начале зимы. Просто Виньке хотелось пройти с отцом по людным улицам и посмотреть, как тому будут козырять встречные солдаты и офицеры. В том районе их всегда было много, потому что на Вокзальной военная комендатура.

И они пошли. И майору Грееву козыряли: и солдаты, и сержанты, и старшины с лычками на погонах, похожими на букву Т. А также лейтенанты и капитаны. Отец каждому отвечал, аккуратно поднося пальцы к блестящему козырьку.

— Папа, а если майор встретится, кто из вас первый должен отдавать честь?

— В этих случаях считается: тот, кто умнее.

— Тогда не опоздай...

Но майоры не попадались. Зато встретился седоватый полковник, отец приветствовал его первым. Полковник ответил с подчеркнутой вежливостью, глянул на Виньку и чуть улыбнулся.

Наверно, у Виньки был ужасно гордый вид. Потому что рядом с отцом он чувствовал себя тоже чуть ли не офицером. Или, по крайней мере, суворовцем. Хотя, если поглядеть со стороны, был он похож на суворовца, как... ну, в общем, ясно. К Виньке эта ясность пришла довольно скоро — когда он, топая по-строевому, запнулся за асфальтовую кочку своей штатской, на босу

ногу надетой сандалией и чуть не закопался носом. Отец поймал его за плечо.

— Смотри под ноги, когда маршируешь...

Винька запылял ушами.

Оказалось, что ремонтные дела крепко продвинулись. Штукатурка на стенах уже высохла. Печку наконец переложили и обмазали тонким слоем глины. Но кавардак был — просто страх смотреть. Всюду мусор, на нем глиняные ошметки и сажа. Стекла — в плямбах грязи и подтеках.

Сейчас тут работали две девушки — Рита и Рая. Штукатуры-маляры и мастера на все руки. Рита стояла на стремянке и шкрябала железкой доски потолка. Рая совковой лопатой грузила мусор в мятое ведро.

Виньку Рита и Рая знали.

— А это мой папа, Аркадий Матвеевич. Майор Греев.

— Здравия желаю, товарищ майор, — сказала со стремянки бойкая на язык Рита. — У вас такой героический вид, будто вы с Парада Победы.

— Да нет, я тут, к сожалению, по другим делам... Когда позволите нам отпраздновать новоселье?

— Скоро! Побелить осталось, полы покрасить да потолок. Да окна... А там уж как краска высохнет.

— Рабочих рук маловато, Аркадий Матвеевич, — пожаловалась Рая. — Крутимся, вертимся...

— Их везде нынче маловато, рук-то, — виновато сказал отец. Он потоптался, пооглядывался и понял, что больше здесь делать нечего. Сказал, что пойдет в Горпотребсоюз повидаться с мамой.

Винька с отцом не пошел. Вероника Акимовна, мамина начальница, всегда косилась, если он появлялся в бухгалтерии. Попрощались у калитки.

— Когда снова приедешь?

— Как получится...

— Папа... а ты можешь мне звездочку от пилотки

привезти? Или «крылышки» с фуражки? Или еще что-нибудь такое, военное...

— Попробую.

Винька помахал вслед отцу и вернулся в квартиру.

— Глазеть или помогать? — спросила Рита из-под потолка.

— Чего помогать-то?

— Вытащи мусор на помойку, — попросила Рая.

Винька вытащил. Одно ведро, второе, десятое... И умалялся. Ведра-то нелегкие были. Да и попробуйте-ка бегом столько раз со второго этажа и обратно по крутой лестнице.

В комнате и на кухне стало почище, зато Винька собрал на себя немало пыли и сажки. И добавил синяков на ногах, потому что все время стучал ими о ведро.

— Ох и пугало сделалось, — сказала Рита.

Винька похлопал себя по рубашке и штанам и пошел во вторую, дальнюю комнату.

Сюда была сдвинута почти вся мебель. А по углам — груды всяких мелких вещей. Винька решил поискать коробку с фильмоскопом и диафильмами.

Коробку он не нашел. Но под кучей пыльных валеков обнаружил свою рогатку. Хорошую такую, с ошкуренной ручкой из ветки сирени, с красной резиной. Вот она где! А мама грозила выбросить...

Винька сунул рогатку под ковбойку. Потом отодвинул корзину с кухонной посудой. Нужной коробки не было и за ней. Зато в углу Винька увидел мячик. Старый, из потертой черной резины.

Винька про такой и не помнил. Наверно, им еще Людмила играла в детские годы, а потом он до ремонта валялся в каком-то дальнем закутке.

Пригодится!

Винька сжал мячик в ладонях. В нос ему ударила воздушная струйка. Это что же, в мячике дырка? Да, вот

она, почти незаметная... Ладно, от такого мячика тоже есть польза.

Винька опять прошел на кухню. Здесь у плиты стояло чистое ведро с водой. Винька выдавил из мячика воздух. Мячик стал похож на круглую кукольную шапочку. Винька погрузил его в ведро. Мячик зашевелился там, стараясь принять прежнюю форму: стенки его были толстые, упругие. Он вбирал в себя воду.

Когда Винька вынул мячик из ведра, тот был блестящий, будто новенький. И очень тяжелый.

Винька шагнул в комнату, от порога пустил из мячика длинную струйку. В Риту. Она замахала на стрелянке руками.

— Винька! Шпана! Уши оторву!

— Не поймаетшь!.. — Он попрыгал на пороге. — Ладно, Рита-Рая, не случайте без меня!

— Приходи снова, — сказала Рая. — Мусора еще много.

2

Винька поскакал вниз по лестнице и опять оказался на дворе. Побросал над собой скользкий увесистый мячик (в нем булькало). Обогнул дом.

С другой стороны дома было высокое крыльцо. На его ступенях, в тени разлапистого клена, устроилась соседка Варя. С учебником. Она в этом году закончила школу и готовилась поступать в институт. Зубрила физику.

Варя была Винькина любовь. Настоящая. Не то что Кудрявая.

Кудрявая не вызывала никаких нежностей и замираний в душе. Винька относился к ней... ну, как, наверно, будет относиться к племяннице Галке, когда та подрастет. Варя — другое дело. Винька млел от влюбленности в нее еще с давних, дошкольных лет.

Нельзя сказать, что Варвара была красавица. Боль-

шеротая, курносая, с круглыми глазками не поймешь какого цвета — то ли серые, то ли зеленые. Но что поделаешь, любовь — штука необъяснимая.

Особенно любовь эта расцвела во втором классе. Винька после уроков шел не домой, а к женской школе номер шесть и ждал, когда у восьмиклассниц кончатся занятия. Домой шли вместе, и Винька преданно волок полный учебников Варин портфель.

— Оруженосец, — одобрительно хихикали Варины подружки.

— Рыцарь, — говорила Варя. — Айвенго.

Но вообще-то она с Винькой не церемонилась. Если надоест, сразу: «Брысь, не мешай!» А то и шлепка даст. И дразнила иногда. Винька прощал все. И насмешки, и эти «брысь», и то, что, дурачась, иногда ловила его и устраивала всякие «щипалки» и «дергалки». Ухватит, положит к себе животом на колени и пальцами — как тупыми ножницами — по волосам:

— Мы сейчас поймали Вовку, пострижем ему голову...

— Ай! Я не Вовка!

— Да-а?.. Значит, мы поймали Гошку, быстро выдергаем ножки...

— Ой! Я не Гошка!

— Неужели?.. Значит, мы поймали Генку, пощечком под коленкой...

— Ай! Ха-ха-ха! Я же не Генка!

— И правда не Генка! Значит, мы поймали Степку, надаем ему по...

— Ты чего! Я не Степка!

— Вот как? Значит, мы поймали Мишку! И на лбу поставим шишку!

— Не Мишка я!

— В самом деле!.. Значит, это вредный Винька! Разорвем на половинки! — И дерг за уши в разные стороны.

Но это не больно нисколько. Только страшновато

и щекотно. И... приятно. Потому что Варя тепло дышит в затылок, а от ее пальцев по всему телу (и по душе) как бы разбегаются пушистые шарики...

А как счастлив бывал Винька, если Варя говорила: «Хочешь со мной в кино?» Или в городской сад, или на карусель, или хотя бы на рынок за капустой...

Когда у Вари появился некий Олег Зайцев из соседней мужской десятилетки, Винька испугал маму полной пропажей аппетита и по ночам несколько раз пускал слезы в подушку.

Зато какое было торжество, когда Зайцев оказался «несносным типом» и был предан забвению!

А потом в любви у Виньки случилось изменение. Она не то чтобы ослабела, а... в общем, в ней поубавилось трепетности и появилось этакое озорство. Винька сам с той поры подзуживал Варвару всякими дразнилками и приставалками. Хотя и знал каждый раз, что даром ему это не пройдет....

Сейчас Варя сидела почти спиной к Виньке. Она была в цветастом куце сарафанчике. Шею закрывали густые каштановые кудряшки (Винька никогда не видел каштанов, но знал, что этот цвет называется именно так). А спина была открыта чуть не до половины. Лямка сарафана сбилась и открыла незагорелую полоску. А на загаре густо сидели родинки. Винька постоял, посмотрел, вздохнул. Подошел на цыпочках. И струйкой из мячика — по загару, по родинкам!

— Ай! Мама!.. У, Винегрет!..

Это прозвище придумала она. Понятно почему. Имя и фамилия «Виня Греев» сами складывались в такое слово. Странно даже, что в школе, а потом в лагере до этого никто не додумался, только и знали Шуруп да Грелка.

— Ах ты, Винегретище злодейское! Ну, подожди! — Варя вскочила, учебник полетел на траву.

Винька стрельнул струей еще раз, бросил мячик под забор — и наутек!

— Не уйдешь, хулиган!

Он знал, что не уйдет. Потому что все это — по давнему сценарию. Надо обежать вокруг двора, проскочить через бурьян между сараем и забором и начать карабкаться на поленницу. И здесь, будто случайно, притормозить, иначе она не поймает...

Варя поймала Виньку за штаны. Сдернула его вниз. Ухватила за бока. Винька, вереща от щекотки, присел, рубашка под лямками сбилась до подмышек, рогатка вывалилась к ногам.

— Ах, ты вот с чем ходишь! Беспризорник! А ну, пойдём...

— Ай, Варечка, я больше не буду!

— Пойдем, пройдем, — и потащила его обратно к крыльцу. — Сейчас будет стр-рашная кар-ра. За нападение со спины на мирную выпускницу средней школы...

— Кар-ра — Варвар-ра...

— Еще и дразнишься? Хорошо же!.. — Она уложила Виньку пузом на гладкие холодные колени. — Что с тобой делать? Живота или смерти?

— Ой, живота... — Винька слабо подрыгал ногами. И зажмурился — будто и правда весь в страхе.

— Тогда — взбучка, — деловито решила Варя. — Сто сорок горячих.

— Ой...

— Двести сорок! — И она хлопнула его учебником физики.

— Ай...

— Это еще не «ай», — злорадно сообщила Варя. — «Ай» — это когда вот так!.. Тьфу! Откуда в тебе пыль да сажа всякая!

— Так тебе и надо... Ух ты! Смотри! У твоей ноги!

У Вариной босоножки двигался, подминая травинки, тяжелый, как танк, жук-рогач.

— Что? Где?... А-а-а!!

Варя взлетела со ступеней, Винька — кубарем с ее колен. Встал на четвереньки — и обратно к жуку.

Виньке нравились эти жуки-великаны. Они были мирные и красивые. Могли, конечно, тяпнуть за палец, но, во-первых, не надо зевать, а во-вторых, следует обращаться умело.

— У, кровожадная Варвара! Чуть не раздавила беднягу... — Он ухватил рогача за твердую спинку. — Чего испугалась? Погляди, какой замечательный! — Винька встал, протянул Варе жука.

— А-а-а! Уйди, Винегрет!

— Трусиха. А еще в учительницы собираешься. Подумай, что будет, если тебе однажды такого зверя под классный журнал подсунут?

— Помру на месте, — убежденно сообщила Варя издалека. — Винька, не подходи... Кому сказала! А-а!..

— Да не буду, не буду... — Винька сел на ступень, вытащил из тесного кармана штанов спичечный коробок.

Спичек в коробке не было, а лежали всякие полезные вещи: сломанный довоенный значок «Ворошиловский стрелок», сделанный из проволоки кузнечик-прыгун и несколько гильз от патронов мелкокалиберки. Эти гильзы назывались «пистончики». В лагере пистончики водились у всех мальчишек, потому что неподалеку находилось стрельбище областной организации «Досарм».

Такие крошечные гильзы годились для многого: ими стреляли из рогаток, в них свистели, ими играли как солдатиками. А еще их можно было присасывать к нижней губе: идет человек, а губа у него, будто у дикаря, украшена латунной звенящей бахромой...

Мелкие вещи Винька затолкал обратно в карман (все это левой рукой, в правой был жук, он сердито ше-

велил рогами и лапами), посадил в коробок пленника. Рогач еле поместился.

— Засушишь для коллекции? — понимающе сказала Варя.

— Ненормальная, да? Если тебя засушить, тебе понравится?

— А тогда зачем он?

— Кудрявой покажу. Поиграем и выпустим...

Винька встал, отправил коробок в карман. Варя передернулась:

— Ходить с таким страшилищем в кармане... И сам страшилище. Умылся бы ты, Винегрет, а то как папуас.

Голосом, каким в лагере рассказывали жуткие истории, Винька продекламировал:

— Вот идет черный-черный папуас Винегрет. На его черных штанах черный-черный карман. В кармане черная-черная темнота. В темноте сидит рогатый и кусачий черный-пречерный жук...

Варя, осмелев, сказала, что Винька не черный, а просто чумазый. И штаны его когда-то, может, и были черными, но теперь...

— В них пыли больше, чем вельвета.

— Зато жук-то уж по правде чернее черного!

Но Варя заявила, что жук тоже не черный.

— Он с зеленым отливом, я разглядела.

— Она *разглядела!* Зажмурилась и орала...

— А сперва разглядела... И, если хочешь знать, ничего полностью черного вообще не бывает на свете. Никогда.

— Как это?

— А вот так. Я про это как раз недавно повторяла по физике. Черный цвет — это полное отсутствие всякого света. *Абсолютное*. А такого в природе быть не может.

— А если самая-самая темная ночь?

— Все равно есть проблеск. Хоть какой-то... — Варя сделалась почему-то очень строгой.

— А если... в комнате, где все щели заколочены, и за стеклами ни луны, ни звезд, ни фонарей?

— Даже в самой темной темноте... что-то есть, Винька. Ну, хотя бы цветные пятна, которые в глазах плавают...

«А ведь это хорошо», — неожиданно подумал Винька. Но тут же и пожалел:

— Значит, никак-никак никогда нельзя увидеть полную черноту?

— Нельзя... Можно только *почти* полную. Ну, практически неотличимую от полной. Знаешь как? Надо где-нибудь взять пустой шар, выкрашенный черной краской внутри. Или сделанный из чего-нибудь черного. И проковырять в нем маленькое отверстие. И вот то, что увидишь в отверстии, будет почти совершенно черный цвет... Нам учитель Евграф Павлович рассказывал про такой опыт.

— Черный шар... Подожди-ка!

Винька побежал к забору. Отыскал в лебеде мячик. Тугой струйкой выдавил из мячика воду себе на колени, помыл их ладошкой (попутная польза). Мячик опять стал похож на черную шапочку. Винька вернулся к крыльцу, сел, надел резиновую шапочку на скользкое колено, достал из кармана пистончик.

Острые края гильзы Винька вонзил в резину — там, где дырка. Надавил, завертел. Резина сопротивлялась недолго. Винька с чмоканьем выдернул пистончик из мячика. Теперь в резине вместо чуть заметной дырки было аккуратное круглое отверстие. Калибром пять целых и шесть десятых миллиметра. Мячик сквозь отверстие быстро втянул воздух и обрел привычную форму.

— Вот, смотри... Это почти полная чернота, да?

Варя села рядом.

— Да... Ох, Винька, какой ты находчивый!

— А ты как думала!

Они еще поглядели на «черную черноту» в отвер-

стии. Она была... какая-то нездешняя. Круглая дырка — словно глазок в другой мир.

Уж не в эту ли нездешнюю тьму ушел две недели назад Глебка?

«Да нет же, нет, — будто вздохнул он рядом. — Не бойся...»

Винька зябко повел плечами и сплющил мячик. Сунул в карман. Тот задергался там, как живой, карман растопырился. Винька повертел в пальцах пистончик. Забитая резиновыми крошками гильза теперь не могла быть ни присоской, ни свистком.

Винька пошел к поленнице, подобрал рогатку и пульнул из нее пистончиком в небо. Гильза исчезла в синеве, но перед этим успела блеснуть солнечной искрой. Было красиво. Винька нащупал под мячиком еще один пистончик и стрельнул опять. Пустая гильза не только заискрилась, но и засвистела. Это Виньке понравилось еще больше. Он вытащил из кармана третью гильзу. Но... пожалел. Пистончик был последний. Винька присосал его к губе.

Щелкая ногтем по латунной подвеске, Винька вернулся к Варя. Та опять сидела со своей «Физикой».

— Пойду я. Может, Кудрявая приехала. Она не такая вредная, как некоторые.

— Гуляй, гуляй. Мне надо зубрить.

— Зубри... Ни пуха, ни пера, ни двойки, ни кола!

— К черту... Да ну тебя, экзамен-то еще не завтра.

— Все равно этот ч-черный день наступит, — предсказал Винька.

— Ох, наступит... Брысь...

* * *

— А она сдала свой экзамен? — спросила Зинуля, когда Винцент Аркадьевич рассказал Вовке и ей про Варю.

— Сдала. И физику, и другие экзамены. И поступила в институт.

— И стала учительницей?

— Мало того! В десятом классе она учила физику и Виньку Греева. И на выпускном экзамене украдкой помогла ему решить трудную задачу.

— Вообще-то это нехорошо, — лицемерно заметила Зинуля. И Вовка шепотом сказал ей «дура».

— Хорошо или нет, но Винька был очень благодарен Варваре Михайловне. И благодарен до сих пор... Кстати, потом, после выпуска, Варя целый месяц занималась с Винькой, чтобы он смог поступить в железнодорожный институт. Он сдал физику на пятерку и поступил...

— А сейчас эта Варя... Варвара Михайловна, она... где? — осторожно спросил Вовка. Наверно, думал: «Жива ли?»

— Сейчас она на пенсии. Живет в Петербурге у сына. Он художник...

ДУХ ТЬМЫ ПАХНЕТ РЕЗИНОЙ

1

Изгородь, окружавшая хуторок Зуевых, была высокая. Винька забрался по ней, как по лесенке, лег животом на верхнюю жердину.

— Эй, Кудрявая!

Она сидела на качелях, привязанных к балке, которая торчала далеко из-под крыши. Заулыбалась:

— Винь... Иди сюда.

Винька прыгнул вниз, подошел, взялся за веревку.

— Когда приехала?

— Вчера вечером. Думала, ты утром придешь, а тебя нету, нету...

— Ремонтные дела замаяли...

— Сразу видно, что ремонтные, — вздохнула Кудрявая. — Вон какой перемазанный. С головы до ног.

— Ага. Надо искупаться. Пойдем на бочагу!

Бочагой назывался крошечный неглубокий пруд неподалеку от мазанки. Там Туринка была перегорожена плотиной из досок и кирпичей. Местные тетушки в бочаге полоскали белье, а ребяташки бултыхались и учились плавать.

— Не... — забоялась Кудрявая. — Там, наверно, мальчишки...

— Да никого там нет, я только что по плотинке пробежал! Пошли! Ты ведь в этом году небось еще не купалась!

— Купалась. В деревне с девочками, в озере.

Деревенских подружек она не стеснялась, а при мальчишках было страшно.

— Трусиха! Кто тебя съест?

— Мама не отпустит. Мы скоро должны в поликлинику идти на осмотр. Потому что перед Ленинградом надо всякие анализы сделать и рентген, а для этого надо направления получить...

— Мы же за пять минут управимся! Окунемся и обратно. Вон какая жара, неужели не охота купнуться?

Кудрявой, конечно, хотелось. А кроме того, она не умела спорить с Винькой. И очень скоро они оказались у окруженной ольховником бочаги.

Здесь никого не было. Только на песчаной полоске у воды топтались две белые утки да трепетала над мостками стрекоза «богатырь».

Винька мигом разделся. Кудрявая стянула через голову тесное блекло-сиреневое платьице. В синих трусиках она сделалась похожей на тощего длинноволосого мальчишку.

— Ох и костлявая, — озабоченно вздохнул Винька. — Тебе перед операцией нужно усиленное питание. И витамины.

— Я питаюсь. Но все равно не толстею. Бабушка хочет козу купить, потому что козье молоко очень полез-

ное. Но это уж после... Сейчас у нас денег еле-еле на поездку в Ленинград...

Винька прыгнул с мостков. Вода была прогрета до дна. Глубина — самое большее по плечи. Винька протянул руки:

— Прыгай, не бойся!

— Я не боюсь... — Кудрявая зажмурилась и плюхнулась. Винька ее подхватил. Поставил.

— Хочешь, научу плавать?

— А я в деревне маленько научилась. Возьми меня за руки...

Винька взял. Кудрявая набрала в себя воздух, вытянулась на воде, заболтала ногами.

— Видишь? Держусь!

— Молодец! А теперь отпусти одну руку... Вот так. Гребь ею! Сильнее!.. А сейчас отпустись совсем!

— Нет, не надо!

— Надо, надо! — Винька выдернул руку из ее пальцев.

— Мама! — Кудрявая забарахталась, ушла в воду с головой. Винька тут же вскинул ее на поверхность.

— Кха... Тьфу... Винька, ты сумасшедший, да? Я чуть не потонула.

— В этой-то луже!.. Давай еще. Учись!

— Нет, потом... Я озябла.

— В такой-то воде! Она совсем вареная!

— Я, наверно, с перепугу...

Она и правда вздрагивала.

— Ну, давай на берег, выжимайся там. А я еще окунусь.

Он бултыхнулся несколько раз и тоже выбрался из воды. Голова Кудрявой виднелась над густыми листьями.

— Винь, у меня плохо выжимается. Силы мало...

— Говорю же, витамины нужны... Давай сюда!

Кудрявая бросила ему сырую синюю тряпицу. Винь-

ка изо всех сил выкрутил ее. Кинул обратно. Кудрявая поймала, скрылась с головой, ветки закачались.

Винька прямо на себе стал выжимать сатиновые трусы. И вдруг услышал:

— Ой, Винь! Кто-то идет...

С другого края бочаги к воде выбрались Шурилехи. Обрадовались:

— Шуруп, здорово! Давно приехал?

— Недавно, — буркнул он. Знал, что теперь Кудрявую даже за уши не вытащишь из чаши. Что без платья, это ерунда, но она отчаянно стеснялась своей голой кривой ступни.

— Шурка-Лешка, видите тополь? Да вон, верхушка торчит! Сосчитайте, сколько там ворон.

— Где?.. Да ни одной там нет!

— Ну, все равно считайте! Пока не скажу «хватит». Бестолковые, что ли?

Шурилехи были толковые. Повернулись к Виньке спиной, задрали головы и послушно затянули:

— Одна, две, три, четыре...

Винька вытащил Кудрявую из ольховника, стремительно растер своей ковбойкой, усадил на траву, помог натянуть носочки и сандалии. Поставил ее, набросил и дернул вниз платье, застегнул сзади пуговку...

— Тридцать шесть, тридцать семь... Ну, долго еще считать?

— Да все уже, все, — засмеялся Винька. — Они давно улетели!

Шурилехи обернулись. Сделали вид, что удивились.

— Ой, Яга! То есть Валька! А мы думали, Шуруп тут один... Вода теплая?

— Как козье молоко, — сказал Винька, влезая в штаны.

— Винь, ты приходи сегодня на Площадку, — попросил Шурка. — Смоленские зовут в футбол играть,

обещают нас раздолбать всухую. А у нас ребят мало, поразъехались.

— Приду.

— А ты, Зуева, приходи болеть, — предложил Ле-ха. — Будешь топтать и свистеть, как на «Динамо».

— Я не умею свистеть...

— В другой раз придет, — сказал Винька. — Сегодня у Кудрявой важные дела.

Они подошли к мазанке со стороны огорода.

— Подожди-ка! — вспомнил Винька. И присел на плоском бугорке, где густо цвели веселые лютики. Достал спичечный коробок. — Смотри, Кудрявая, кто у меня есть!

— Кто! — она села на корточки рядом.

— Вот... — Винька вытащил жука.

— У, какой красивый... — Она мизинцем погладила твердую спинку, разделенную вдоль чуть заметной щелкой. Спинка и правда была не совсем черной, отливала на солнце зеленым золотом.

— Винь, он у тебя зачем?

— Чтобы ты полюбовалась.

— Спасибо... Ну, я полюбовалась. Теперь отпустим, да? Смотри, он просится на волю.

— Пусть еще потерпит минуту...

— Винь, он знаешь будто кто? Генерал Монк! Тот, которого д'Артаньян украл и привез во Францию в ящике. Ты зимой рассказывал...

— Правда!

— А английский король его отпустил!

— Правильно! Значит, я буду король... А ты королева... Вы свободны, ваше превосходительство!

Жук, переваливаясь, ушел в траву. Винька подумал, что здесь «генералу Монку» будет не в пример вольготнее, чем на дворе. Но он был слегка огорчен, что Кудря-

вая не оценила его смелость в обращении с рогачом. И напомнил:

— В книжке про Тома Сойера написано, как такой же зверь вцепился в собаку. Во время церковной службы...

— Да... — Кудрявая улыбнулась, но как-то рассеянно. Или задумчиво. — Я еще другую книжку вспомнила. Про Буратино. Там стихи, будто про нас.

— Какие?

— Такие...

Мы сидим на кочке,
Где растут цветочки, —
Желтые, приятные,
Очень ароматные.

И засмеялась уже не задумчиво, а переливчато.

— Ага! — обрадовался Винька.

Будем жить все лето
Мы на кочке этой...

И закончили вместе:

Ах — в уединении,
Всем на удивление...

Винька даже на спину повалился от смеха. Но Кудрявая опять сделалась серьезной:

— «Все лето» не выйдет. Сейчас мама позовет.

И точно:

— Валюшка! Ты где?!

Винька помог Кудрявой перебраться через изгородь и прыгнул сам.

— Тут мы, тетя Нина!

— А! Встретились, друзья-товарищи! С приездом!

— Мама, Виня мне во-от такого жука показал!

— Жук — дело хорошее. А где вы были-то? Купались небось?.. Купались, купались, не отпирайтесь!

— Мы не отпираемся, — храбро сказал Винька. — Мы только чуть-чуть окунулись. Да вы не бойтесь, тетя

Нина, я ее с любой глубины вытяну, если что... — И почему-то суеверно вспомнил про Глебку. Но не поддался страху. — А там и глубины-то всего вот так! — Он чиркнул себя по животу, где под ковбойкой пряталась рогатка.

— Да я не про то. Голова-то мокрая, а нам в больницу пора, чадо ты непутевое...

Мама Кудрявой сходилла в мазанку и вынесла полотенце.

— Давай вытру как следует.

— Я сама... — Кудрявая села на валявшийся в траве чурбак, принялась тереть голову.

— Подожди! Давай как в парикмахерской!.. — Винька вытащил мячик с дыркой, нажал. Вырвалась воздушная струя. И еще, еще! Подсохшие светлые пряди разлетались, воздух шекотал Кудрявой уши и шею. Она смеялась:

— Что это у тебя?

— Специальная сушилка.

— Ой, мячик...

— Не мячик, а физический прибор. Для разглядывания черноты.

Винька сел рядом и разъяснил Кудрявой про настоящий черный цвет.

— Вот, смотри в дырку. Там самый-самый черный мрак. Самая-самая *Тьма*... Видишь?

— Вижу, — выдохнула Кудрявая. — Страшно немножко...

— Все-то тебе страшно! — Винька нажал мячик, воздух ударил Кудрявой в нос. Она чихнула и весело замотала головой.

— Винь, черная чернота пахнет резиной.

2

Винька проводил Кудрявую и ее маму вверх по лестнице, шепнул: «Не бойся там никаких врачей» — и поспешил в «таверну «Адмирал Бенбоу».

Людмила была дома.

— Носишься где-то голодный. Возьми на печке суп и макароны.

Винька поел. Перед футбольной встречей с пацанами со Смоленской улицы нужны были силы.

...Игру команда Зеленой Площадки продула со скандальным счетом: три — одиннадцать. Ну, пару голов можно было оспорить, однако все равно разгром полный. Эдька Ширяев разглядывал разодранную на колени штанину и жаловался:

— Ведь раньше-то мы их обыгрывали как дошкольников. А тут... будто злой дух нас преследовал... — Он был начитанный человек, хотя и не очень интеллигентный снаружи. — Одиннадцать штук нам вдолбали, это же удар по самолюбию. Да еще за штаны попадет...

У Виньки тоже не обошлось без потерь. Во-первых, один из «смоленских» крепко саданул ему по косточке. Во-вторых, сперли рогатку. Перед игрой Винька сунул ее под бревно, лежавшие у забора, а когда хотел взять обратно — там не рогатка, а фиг на постном масле. Скорее всего, ее прибрал кто-то из малолетних болельщиков, которые пришли со Смоленской. А кто еще? Никакой дух, даже самый злой, рогатки не крадет.

Да, он не крадет, но... он может, наверно, нагнать всякие несчастья...

Нехорошая догадка зашевелилась у Виньки в душе. Или где-то в желудке, не поймешь. В общем, неприятно засосало внутри. Винька сплюнул и сердито прогнал глупые мысли.

Он пошел к себе домой, на улицу Короленко, чтобы повидаться с мамой. Повидался. Узнал, что папа уже уехал.

— Расстроенный такой. Ведь дело-то, с которым он приезжал, сам понимаешь, невеселое. А тут еще всякая волокита с начальством, не хотели принимать документы. Подписи, мол, не там поставлены...

Винька горестно примолк. Он ведь, по правде гово-

ря, забыл, по какой причине отец оказался в городе. А если о чужих несчастьях быстро забываешь, это не к добру: как бы не случилось *свое*...

А мама тут еще добавила:

— Такой кавардак везде. Утром оставила на подоконнике ножи для мясорубки, а вечером прихожу — исчезли. Может, девчата куда убрали? Но зачем? Да еще замок в двери стало заедать. Будто нечистый дух завелся...

У Виньки опять стало нехорошо внутри.

...Ну да, он не верил ни в бога, ни в царство небесное, ни во всякие потусторонние чудеса. Потому что все в мире устроено по науке и законам природы. Но... законы законами, а все-таки есть всякие приметы, от них тоже никуда не денешься. Недаром же перед экзаменом говорят: «Ни пуха, ни пера». И попробуй-ка, чтобы не сказали...

А если запнешься левой ногой — очень просто может случиться неприятность, это известно любому школьнику. Так же, как и то, что обязательно надо плюнуть налево (хотя бы мысленно), когда учительница водит по журналу пальцем — кого бы вызвать? — а ты ни бум-бум. Если плюнешь, иногда помогает...

А чтобы не приснилось, как тебя на ночной улице ловят бандиты и бросают в глубоченную, просто бездонную яму, надо вечером прошептать несколько слов. Молитву или заклинание — называйте как угодно.

Поскольку бога нет, можно с этими словами обратиться к солнышку. Уж оно-то есть точно. И, может быть, оно живое и помогает тем, кто его просит...

— Ты что пригорюнился, Винчик?

— Устал... Днем мусор таскал, потом футбол был. Два часа мяч гоняли, и никакого толку. Как шведы под Полтавой...

Мама сказала, что это не беда. Петр Первый тоже не

всегда побеждал, сперва учился на поражениях — у тех же шведов.

— Беги к Люде и ложись спать пораньше. Завтра встанешь как огурчик.

Винька не пошел сразу в «таверну» над оврагом. Он снова убежал к Кудрявой. Она вернулась из поликлиники с кучей разных медицинских бумажек и сейчас опять грустно сидела на качелях.

Винька развлекал ее самокритичным рассказом о футбольном разгроме. Можно ведь про такое говорить и с юмором, чтобы повеселить собеседника. Но потом не выдержал, поделился тревогой. Вроде бы шутя:

— Ох, Кудрявая, а вдруг это дух Тьмы начал мне вредить? — Слово «Тьма» он говорил как бы с большой буквы. Потому что одно дело обычная темнота, а другое — именно Тьма.

— Откуда этот дух возьмется-то?

— Да из мячика же! Вдруг он жил там в черной черноте! Это ведь для него самое подходящее место! А потом я как нажал...

— Тогда он ко мне привязался бы, а не к тебе, — печально возразила Кудрявая. — Ты же дунул мячиком прямо мне в нос.

— Да при чем здесь ты! Духи всегда привязываются к тем, кто их выпустил. Не читала, что ли?

— Ну... тогда загони его обратно. Подмани как-нибудь и всоси в мячик с воздухом.

— Думаешь, он такой дурак? Он теперь... разгуляется. Только оглядывайся...

Кудрявая покачалась, подумала. И вдруг оживилась:

— Нет! Никакого духа в мячике не было!

— Почему?

— Духи же очень старинные, из давних времен! А мячик резиновый. Резину же не очень давно изобрели, не в древние времена!

Это была правда. В самом деле, разве может дух Тьмы пахнуть резиной? Смешно даже.

И они развеселились. И Винька ушел в «таверну», пообещав, что завтра принесет телескоп.

— Завтра, наверно, появится тонкий полумесяц. На нем хорошо наблюдать лунные цирки.

А по дороге к дому Виньку зацарапало опять.

Конечно, мячик не старинный. Но дух Тьмы мог ведь поселиться в нем не так давно. Сперва жил где-нибудь в другом месте, а потом сделался бездомным и стал искать убежище. А тут — никому не нужный мячик с крошечной дыркой и с абсолютной чернотой внутри. Лучше не придумашь.

Но тревога была уже не такая сильная, как прежде.

Людмила покормила Виньку оставшимися от обеда макаронами, он поиграл с Галкой, потом она уснула. Винька вышел на «палубу».

Над обрывом и Вокзальной улицей распахнулся оранжевый закат. Солнце ушло за старую церковь, но еще выбрасывало в небо лучи. И, чтобы избежать несчастий и тревог, стоило обратиться к нему. На всякий случай.

Винька взялся за трубчатые перила и зашептал:

— Солнышко ясное, Солнышко красное, золотое и живое! Сделай, чтобы все было хорошо — у мамы, у папы, у Люды, у Галки, у Коли. И у Кудрявой... И у меня... И Варя пусть сдаст экзамены... И пусть мне не приснится яма... И...

Но тут его из окна окликнул тихий Никита:

— Винчик, будешь в лото играть? Иди, все на кухне собрались.

— Подожди... Ладно, буду! — Винька любил играть в лото.

Никита не дал закончить просьбу к Солнышку. Винька не успел сказать про защиту от духа Тьмы.

Если заклинание кто-то перебивал, надо было начи-

нать его снова, такое правило. Но все повторять — это долго. Да Никита и не отстанет, будет торчать в окне и звать... А может, хватит и того, что сказано? Ведь Винька же успел шепнуть, чтобы с ним не случилось ничего плохого. Может, специально упоминать про духа необязательно?

Винька решил, что необязательно.

Потом он со всеми обитателями «таверны» играл на кухне в лото, и довольно удачно: выиграл пятьдесят копеек, закрыв «квартиру» бочонком с двумя тройками.

— Тридцать три — нос утри! Баста!

Еще три таких выигрыша, и можно будет купить билет на утренний сеанс в «Победе».

Но полузабытое опасение чуть осязательной занозой все же сидело в нем.

И оказалось, что опасался Винька не зря.

Вторая часть

ВИНЬКА И ТЬМА

ЗНАК КОМЕТЫ

1

Новый день был не похож на вчерашний — небо хмурилось. Но холоднее не стало, и дождиком с утра не брызгало.

Винька побежал к Кудрявой. Но бабушка сказала, что Кудрявую мама увела сдавать анализы.

— С самого раннего часа... Замучают дитя еще здесь, до операции.

Винька понимающе повздыхал. Он перед лагерем тоже помаялся с анализами.

Затем Винька пошел к Эдьке Ширяеву. У его дома собрались восемь ребят. Разделились на две команды и гоняли мяч до полудня. Эдька сказал, что надо тренироваться до упаду. Нельзя же допустить нового позора, если опять придется играть со «смоленскими» или еще с кем-нибудь.

Тренировались героически, хотя временами сеял дождик, трава стала скользкой, а мяч разбух. Наконец умаялись. Рядышком сели на мокрые бревна у Эдькиного забора. Винька пожаловался, что вчера из-под бревен кто-то «увел» рогатку.

Кудрявый Ромка, младший Эдькин брат, — человек справедливый и дерзкий — рывком обернулся к соседу.

— Груздик! Ты же сегодня утром рогаткой хвастался! Говорил, что нашел!

Груздик (тот, что больше всех наскაკивал на Виньку зимой, при первой встрече) заелозил на бревнах.

— А чё?.. Ну, нашел. Вовсе и не под бревнами, а в траве. Я иду, а она лежит...

— Ну, Груздь, — нехорошим тоном сказал Эдька.

— Паразит, — более четко высказался Ромка. Красть оружие считалось делом бесчестным. Да еще у своих!

— А чё! — завопил Груздик. — Я, что ли, знал, что она его?! Твоя, что ли, Шуруп?! Да бери ты ее! — Он бросил Виньке рогатку. — Я вчера спрашивал: «Чья-чья?» А все молчали, как дохлые рыбы!..

Изничтожать Груздика до конца никому не хотелось. Все равно он такой, какой есть. Сделали вид, что поверили. Осмотрели рогатку, одобрили. Набрали в размытой земле у водопроводной колонки мелких галек, нарисовали на заборе фашистскую рожу, постреляли в нее (и Груздику дали). Снова одобрили рогатку.

— Отец, может, кобуру мне для нее привезет с военных сборов. От «ТТ», — сообщил Винька. Это пришло ему в голову лишь сейчас, но тут же он подумал: «А почему бы и нет? Попрошу в следующий раз...»

Эта выдумка надолго Виньку обрадовала. После обеда он в хорошем настроении опять заглянул к Кудрявой. Она была уже дома. Но, в отличие от Виньки, грустная.

Винька спросил, в чем дело. И Кудрявая опять призналась, что боится операции. И он снова сказал: «Глупая, это же под наркозом». И она опять объяснила ему, что «сам глупый, я же не боюсь, что больно, а боюсь, что ничего не выйдет».

Тогда Винька малость разозлился на нее и выдал:

— Ну, не выйдет — и наплевать! Хуже-то все равно не будет!

Кудрявая горько сказала:

— Куда уж хуже-то...

— Балда ты, Кудрявая, вот кто! Ты же... и так красивая!

Чего не скажешь, чтобы спасти человека от тоски.

— Я?! — изумилась Кудрявая.

— Ну... не я же!

Она проговорила со старушечьей горестью:

— Глупый мальчик. Где ты видел хромых красавиц?

— А Луиза де Лавальер?!

— Это же не по правде. В книжках одни выдумки.

— Ничего не выдумки. Мне папа говорил, что мушкетеры по правде были! И все, про кого там написано! В этих книжках... подлинная историческая основа, вот! Я зря, что ли, столько дней сидел в читалке, чтобы тебе про это рассказывать? А ты — выдумки!..

Винька нарочно распалялся, чтобы отвлечь Кудрявую от страхов. И его понесло:

— Один раз почти что головой рисковал!

Кудрявая распахнула синие глаза.

— Как головой?

— А вот так! — Винька решил, что если уж врать, то на «всю катушку». — Надо было четвертый том «Виконта» дочитать поскорее, потому что Петр Петрович хотел его завтра в переплетную мастерскую отдать, в ремонт. Уже вечер, а у меня еще половина не прочитана. А он уже в колокол третий раз: бом-бом-бом... Ну, я вышел в коридор, будто домой иду, и — за шкаф. Сидел там, сидел, пока тихо не сделалось и темно. А потом — обратно в читальный зал... — Винька передернул плечами, будто все по правде. — Знаешь, какая жуть в старой церкви в темноте! У меня фонарик был, но он еле горел, батарейка слабая... И в каждом углу будто по привидению. Сразу все такое вспоминается: и «Вий», и индеец Джо, и всякие истории про колдунов и чертей...

— Ой, мамочка... — выдохнула Кудрявая. Она опять верила Виньке безоглядно. — А потом что?

— Потом, потом... Побоялся и привык маленько. Включил лампу и читал до утра. А на рассвете — обратно за шкаф. А когда библиотеку открыли, выбрался незаметно и скорее в школу. А там спал на всех уроках...

— А дома тебя разве не хватились?

— Дома... думали, что я у Людмилы ночую. Обыкновенное дело.

— Винька, ты отчаянный, — восхищенным шепотом сообщила Кудрявая.

Это было приятно. Однако следовало соблюдать правдоподобие. И он самокритично сказал:

— Какой там отчаянный, если от страха сперва чуть не помер.

— Но все равно! Ты же дочитал до конца.

— Это да, — скромно согласился Винька. — Хотя казалось, что кто-то копошится в углах.

— Ой, Винь... Но ты же не веришь ни во что *такое*.

— Это днем легко не верить, когда светло и люди кругом. А там — хоть веришь, хоть нет, а все равно мороз по коже...

— А в того духа Тьмы... ну, который в мячике жил, веришь?

— Ха-ха! Да ты что! Я же вчера просто тебе голову дурил! Ради смеха! — И Виньке стало не по себе.

Дернуло же Кудрявую за язык! Он и забыл совсем, а тут опять...

2

Вечером Винька у себя в блиндаже дочитал «Патент АВ». И начал маяться от безделья. Ложиться спать было рано. На дворе хотя и пасмурно, а все равно еще светло, как днем. Идти снова к Кудрявой не имело смысла. Он обещал принести телескоп, но зачем он сейчас, если небо в серой хмари. А кроме того... чего доброго, она опять начнет про духа Тьмы. Глупости, конечно, но от таких глупостей портится настроение...

Мячик, чтобы он не попался на глаза, Винька спрятал в лопухах за домом.

Винька со двора поглядел в телескоп на окрестности, поймал в объектив крышу «хуторка», потом край

двора. Там перевернутая вниз головой *бабушка Кудрявой* развешивала на веревке белье. А какой в этом смысл, если на дворе сырость?

Воздух был влажный. Между крышами Вокзальной улицы и серыми облаками просвечивал желтый закат, и было очень тепло, но пахло дождем. У досок настила был тот же запах, что у отсыревших деревянных тротуаров и заборов. Из оврага тянуло сладковатой болотной плесенью и туманом.

Чем бы заняться? Игра в лото или в дурака на кухне сегодня, кажется, не предвиделась...

Винька в блиндаже оторвал от старой фанеры несколько дранок. Сплел из них пятиконечную звезду. Концы связал нитками, чтобы звезда не развалилась. Потом приделал к звезде хвост — из такой же дранки.

За хвост звезду удобно было держать и запускать в воздух. В лагере одно время очень увлекались такими «запускалками». Несколько дней подряд сплетенные из дранок звезды реяли над территорией, как громадные снежинки. Их умели делать все. Но это были обычные пятиконечные звезды. А особую, с хвостом, придумал Глебка.

И научил Виньку.

У хвостатых запускалок было свойство бумерангов. Пущенные в воздух, они описывали несколько кругов и возвращались к хозяину. Но... только те звезды, которые делал Глебка. А потом и Винька. У остальных тоже это получалось, но не всегда. Не часто.

— Потому что они не верят, что звезда вернется, — говорил Глебка, обучая Виньку. — А ты, когда делаешь ее, знай заранее, что она будет прилетать обратно. Тогда... пальцы сами все сплетут правильно.

Винька понял и поверил. Пальцы и правда чувствовали, как сложить легкие упругие полоски, чтобы запускалка вернулась из хитрого кругового полета. Случались и неудачи, но редко...

Винька с летучей звездой подошел к перилам. Глебка опять словно дышал тихонько у его плеча. Винька мысленно улыбнулся ему и с размаха пустил звезду над оврагом.

Звезда пошла горизонтально, потом взмыла ввысь, выписала в небе восьмерку, помчалась обратно. Свистнула у Винькиного уха и упала на доски у него за спиной.

Не сломалась.

«Молодчина», — сказал ей Винька (и Глебка одобрительно молчал рядом).

Винька пустил звезду снова. И все повторилось в точности.

Но когда Винька обернулся, чтобы подобрать запускалку, началось необычное.

Звезда лежала не просто на досках. Она упала к узким желтым полуботинкам. Над полуботинками виднелись клетчатые носки и коротковатые брюки в черно-серую узкую полоску. Подымая взгляд, Винька увидел старый костюмный жилет, порванную под мышкой серую рубаху, пестрый полураспушенный галстук и наконец — голову незнакомца.

Незнакомец был худой, высокий и пожилой. Длинное лицо его было в продольных морщинах. Большой, плоский с боков нос выглядел кривым, и на переносице был бугорок, словно ее когда-то перебили. Сидящие близко от переносицы маленькие глаза непонятно смотрели на Виньку. Большие, очень белые зубы в улыбке выпирали из-под губ («Наверняка искусственные», — мелькнуло у Виньки).

— Изумительный эффект, — произнес незнакомец неожиданно высоким голосом. — Позволено ли мне будет, молодой человек, взглянуть на ваш летательный аппарат?

— П-пожалуйста...

От растерянности Винька даже не сообразил, что надо поднять запусалку и дать ее пожилому гражданину. Тот наклонился (будто сложился пополам) и поднял сам.

— Поразительно. Как это у вас получается? Кто вас научил?

— Меня... один мой друг. В лагере...

— Судя по всему, ваш друг и вы неосознанно нащупали некоторые свойства данной магической конструкции... Я говорю «неосознанно», потому что на сознательном уровне в наше время таким даром владеют лишь немногие. Это, как правило, представители уходящего поколения вроде меня...

Винька опасливо мигал. А незнакомец говорил все более увлеченно. Однако запусалкой не махал, осторожно прижимал ее к жилету.

— Видите ли, пентаграмма, то есть составленная из пяти линий звезда, сама по себе уже обладает необычными свойствами, это древний магический знак. Он известен многим. Но вы изготовили символ более редкий и... я бы сказал, более хитрый. Пентаграмма с хвостом — это так называемый «Знак кометы». Сам по себе он не обладает силою чудадейства, но... требует все-таки осторожного обращения. Ибо он может служить ключом для попадания в пространства и ситуации, полные непредсказуемых событий.

— К-каких событий?

Незнакомец обмяк и ответил устало:

— Кабы знать...

— А вы... кто? — с жалобной ноткой спросил Винька. В нем всколыхнулись всякие страхи и нехорошие догадки.

— О! Я не представился! — Незнакомец сдвинул желтые полуботинки и наклонил плешивую голову. Лысина была перечеркнута редкими прилизанными прядками. — Рудольф Яковлевич Циммеркнабе. Иллюзио-

нист. Временный жилец этой романтической обители. Следовательно, ваш сосед...

И тогда Винька сообразил!

Тетя Дуся еще несколько дней назад говорила, что переберется жить на кухню, а свою комнату отдаст новым квартирантам. Зять, мол, попросил приютить оставшихся без жилья своих приятелей.

У хозяйки «таверны» была замужняя дочь. Ее муж работал в филармонии. Тетя Дуся говорила про него по-научному: «Артист разнообразных жанров».

Этот артист — маленький кругловатый Кузьма Сергеич — в самом деле умел многое. Он и частушки пел про бюрократов и поджигателей войны, и на маленьких гармошках играл (сразу на нескольких), и в акробатических номерах участвовал — вместе со своим приятелем, хмурым костлявым дядей Максом. С этим же партнером Кузьма Сергеич демонстрировал сеансы французской борьбы. Это были не настоящие соревнования, а «показательные» — просто концертный номер. Борцы заранее договаривались, кто кого положит на лопатки. Главное было удивить зрителей хитрыми и ловкими приемами. Но зрители-то не знали, что это понарошку, и болели от души.

Винька один раз был на таком представлении — в Клубе имени Кагановича, при заводе пластмасс (Кузьма Сергеич дал контрамарку). И несколько раз видел репетиции: Кузьма Сергеич и дядя Макс готовились к выступлениям иногда на этом дворе. Наверно, дощатый настил напоминал им сцену. Особенно Виньке понравилось, как они изображали клоунов. Хотя и без костюмов и номер был известный («Пчелка, пчелка, дай мне меду»), но все равно смешно...

Станный дядька с длинной заграничной фамилией был, конечно же, знакомый Кузьмы Сергеича.

Он теперь слегка нагнбался и смотрел на Виньку непонятно, чуть ли не виновато.

— Мне говорила о вас здешняя милая хозяйка. Вас, кажется, зовут Винцент?

— Винька меня зовут... И что вы со мной все на «вы» да на «вы», как в старинной гимназии...

— «Винька» — тоже неплохо. А не могли бы вы... Не мог бы ты, любезный Винька, подарить мне эту «комету»? Я, к сожалению, лишен таланта изготавливать подобные вещи, хотя и знаю теорию... — Рудольф Яковлевич Циммеркнабе все еще прижимал запусгалку к жилету.

— Да берите, если надо! — с облегчением сказал Винька.

— Гран мерси! Эта вещь может очень пригодиться на выступлении...

— Вы фокусник, да?

— Ил-лю-зи-о-нист! «Фокусник» — это вульгаризм. Хотя, надо признать, он довольно точно отражает сущность профессии...

Рудольф Яковлевич взял комету в левую руку, правую поднес к губам, надул щеки и вытащил изо рта белый целлулоидный мячик. В лагере такими играли в настоящий теннис «пинг-понг».

Винька вежливо улыбнулся. Этот фокус он видел не раз — в цирке и на том же представлении в «пластмассовом» клубе.

«Ил-лю-зи-о-нист» спрятал шарик в брючный карман и вытащил изо рта второй. Поднес к Винькиному лицу. Винька чуть отодвинулся — показалось, что от шарика пахнет нечищеными зубами.

— Ап! — Шарик исчез из пальцев и тут же появился опять. — Вот-с... Подарить, к сожалению, не могу, это казенный реквизит. Мой ассистент весьма строго следит за его сохранностью... К стати, тебе любопытно будет с ним познакомиться...

Рудольф Яковлевич вытянул шею и оглянулся на дом:

— Маленький!.. Эй, Маленький! Покажись нам, друг мой!

Никто не появился.

— Не хочет. Это существо с характером... Ну, познакомьтесь позже. Еще раз мерси за подарок... — И Рудольф Яковлевич, сутулясь, пошел к дому. Винька подумал, что полуботинки у него, как у Остапа Бендера из растрепанной книжки, которую они втроем, с Людмилой и Колей, весной читали вслух и хохотали.

Винька решил, что сейчас возьмет «Золотого теленка» в блиндаж и будет перечитывать при свечке самые смешные страницы. Пока не захочет спать.

Но сначала имело смысл навеститься в дощатую будочку, что стояла на отшибе, за калиткой. Винька двинулся по тропинке. Дверь у будочки открылась, и на встречу вышел... Винька сперва подумал — мальчишка.

Странный мальчишка. Нормальные пацаны не ходят в отглаженных светлых брюках модного покроя. Особенно такие небольшие. Кроме шикарных брюк, на маленьком незнакомце были крохотные лаковые штиблеты (они блестели даже в пасмурном свете) и белая, тоже модная, тенниска. И прическа была не ребячья — гладкая, с косым пробором.

Винька догадался почти сразу. А когда сблизились — понял окончательно: не мальчик... а будто герой из романа «Патент АВ». Лицо — молодое, но явно взрослое. И чуточку обезьянье.

Винька невольно сбавил шаг. Лилипут остановился в двух шагах. Сказал злым голоском:

— Ну, чё пялишься? Не видал уродов?

Винька совладал с собой.

— Я не пялюсь. И ты вовсе не урод... И... по-моему, я тебя ничем не обидел.

Ему самому понравилось, что ответил он с таким спокойным достоинством. Хотел Винька обойти карлика и двинуться дальше, по своим делам. Но от калитки донеслось:

— Эй, Маленький! Вот ты где! Идем, нам пора! —

Рудольф Яковлевич хотел взять подошедшего лилипута за плечо, но тот увернулся. — Винцент, это мой творческий помощник, очень артистическая личность. Зовут его Ферапонт! Оригинально, не правда ли?

Поскольку Винька и Ферапонт смотрели набыченно и молчали, Рудольф Яковлевич заговорил опять — тонко и громко:

— Ладно, познакомитесь позже! А пока нам пора! У нас небольшая дополнительная гастроль в ресторане «Сибирь». Так сказать, для поправки финансовых обстоятельств!.. Маленький, идем...

И они пошли вдоль забора на Зеленую Площадку. А Винька — куда хотел.

А потом в блиндаже, при свете огарка, Винька лежал с книжкой, но читал мало, больше раздумывал. Не понравился ему этот иллюзионист Цим-мер-кнабе (язык сломаешь, пока выговоришь). Белые мячики, которые он вытаскивал изо рта, напомнили о другом мячике — черном, с дыркой.

А что, если этот дядька — дух Тьмы, который при творяется артистом?.. Недаром он болтал о всяких колдовских делах. О том, что «комета» — ключ к каким-то событиям. Наверняка — нехорошим.

«Глебка, как ты думаешь?»

Но Глебки рядом не было.

Винька рассердился на себя. «Сам себе забиваешь голову дурью, а потом дрожишь!»

Конечно, все это была чепуха! Но все же Винька опять решил обратиться с молитвой к Солнышку. Правда, Солнышка не было видно, однако услышать Виньку оно все равно могло.

Винька не стал выходить из блиндажа, прочитал заклинание прямо на топчане. Но зато очень старательно, ничего не забыл.

ФЕРАПОНТ

1

Винька проснулся в блиндаже от запаха папиросного дыма. Запах сочился в щели рогожного полога. В них же сочился свет солнечного утра.

Винька откинул отсыревшие рогожи и высунул голову. Ночью прошел последний дождик, и теперь блестяла трава.

Пониже Винькиного жилища была скамейка (он сам вкопал там два полешка и прибил к ним доску). На скамейке сидел Ферапонт. Сидел среди мокрой травы и глины, на грязной доске, ничуть не заботясь о своих светлых брючках и лакированных башмачках. И курил.

Он обернулся. Они с Винькой встретились глазами. Ферапонт небрежно сказал:

— Ну, чего смотришь? Иди, посиди рядышком.

Винька поддернул трусы и, ежась, вылез в прохладу. Спустился, независимо сел на другой конец лавочки. Солнце сразу пригрело плечи.

Из брючного кармана Ферапонт вынул блестящий портсигар. Со щелчком откинул крышку.

— Хочешь?

Винька помотал головой.

— Небось еще и не пробовал? — сказал Ферапонт. Без насмешки, скорее добродушно.

— Пробовал. В лагере. Там все пробовали. Противно сделалось, я больше не стал... — Винька чувствовал, что честная независимость сейчас уместнее хвастовства.

Ферапонт покивал, защелкнул портсигар.

— Ну и правильно. И не привыкай.

Взрослые манеры его не вязались с тонким квакающим голоском. Винька чуть усмехнулся:

— А сам-то зачем привык?

Ферапонт не обиделся, не огрызнулся. Выпустил из губ дымок.

— Должна же быть в жизни хоть какая-то радость.

Винька подумал и осторожно спросил:

— А у тебя... что ли, больше никаких?

Ферапонт бросил вниз окурок и сплюнул. Попал на брючину, сорвал лопух, вытер. И смотрел перед собой.

Винька пожалел о своем вопросе. О глупом. Из романа «Патент АВ» он и так знал, что у лилипутов радостей в жизни нет. Ни у бедных, ни у богатых. Даже лилипут-миллионер, который мог купить все на свете, готов был отдать все, до последнего цента, чтобы стать нормальным человеком... И стал! Благодаря чудесному лекарству. Но это фантастика. А чем утешить настоящего карлика (который к тому же явно не миллионер, хотя и не бережет дорогие брюки)?

Винька проговорил нерешительно:

— А когда выступаешь, это разве не радость? Тебе же аплодируют. Бывает же это... артистический успех. — И подумал: «Сейчас, наверно, опять плюнет. И обругает».

Но Ферапонт лишь потер ладошками взрослые щеки (а локти поставил на колени). И объяснил:

— Аплодируют за то, что ростом им по колено... Какой я артист! Это Рудольф... воображает себя знаменитостью. А я у него на подхвате. Давно бы ушел, кабы знать куда...

— А что? Он... плохой? — несмело поинтересовался Винька.

— Да ну его в... — Ферапонт четко сказал, куда именно «ну» иллюзиониста Циммеркнабе, встал и, не оглядываясь, начал подниматься к дому.

А Винька посидел еще с полминуты и решительно сбежал вниз, к Туринке. Там он вдоль кустов добрался до бочаги, окунулся. Вода с утра была холодноватая. Винька попрыгал на мостках, вытряс из ушей воду и пошел к «хуторку».

Бабушка ходила между грядок. Винька лег пузом на изгородь.

— Баба Саша, здрасте! Кудрявая еще спит?

— Да что ты, Винюшка! Раным рано опять ушли с мамой в поликлинику. От ленинградского доктора письмо пришло, торопит. Скоро поедут... Велел он все анализы готовить и ходить побольше, ножку разрабатывать.

— Тогда пусть, когда вернется, ко мне зайдет! А то все только я да я к ней... Я ей блиндаж покажу!

После завтрака Винька сбежал к себе на улицу Короленко. Помог Рите и Рае окончательно расчистить кухню и большую комнату — они готовили квартиру к побелке. За этой самоотверженной работой застала Виньку мама, она пришла на обед. Мама принесла покупку: новое изобретение для хозяек — керогаз. Это такая штука вроде маленькой печки на керосиновом горючем. Гораздо мощнее обычных медлительных керосинок и безопаснее гудящих примусов, которые иногда (по слухам) взрываются...

На этом серебристом, похожем на большую кастрюлю с ножками керогазе мама сварила вермишелевый суп и пожарила картошку: для Виньки, для Раи и Риты и для себя. Они пообедали прямо на полу, на расстеленных газетах, потому что все столы были задвинуты «в тартарары». И это было чудесно — почти как в экспедиции.

Когда Винька вернулся в «таверну», Людмила шумно хлопала развешанные на перилах половики. Ей помогала Кудрявая.

— Я уж давно тебя тут жду, — сказала она без упрека.

— Дела ремонтные... — вздохнул Винька.

Он для вида тоже поколотил палкой по сплетенному из тряпиц коврику и потащил Кудрявую в блиндаж.

Кудрявая Винькино жилье одобрила, только сказала, что надо бы прибраться.

Они прибрались. Потом сели на топчаны друг против друга и поболтали о том о сем. Винька рассказал о новых квартирантах. Поэтому Кудрявая не удивилась, когда они, поднявшись на двор, увидели там Ферапонта.

Ферапонт байковой тряпочкой полировал свои туфельки. Брюки на нем были другие, чистые, а гладкая прическа блестела.

— Здорóво, — небрежно сказал Винька.

— Привет, привет, — отозвался Ферапонт своим квакающим голоском. Поднял голову и уставился выжидающе.

— Это Валя, — сказал ему Винька. — Она во-он там живет, — и мотнул головой в сторону «хуторка». А Кудрявой объяснил (будто до той минуты не говорил ей о лилипуте ни слова): — Это Ферапонт. Он артист. Ассистент ил-лю-зи-о-ниста... — Выговорить это стоило труда.

Кудрявая — она молодчина! — не показала ни капельки любопытства к маленьким размерам артиста.

— Вы, значит, фокусы показываете, да?

— Всякое, — доброжелательно откликнулся Ферапонт. — И фокусы тоже...

— А «Ферапонт» — это настоящее имя? Или специальное, для артиста?

— Ты думаешь, псевдоним? Нет, это по правде... — Ферапонт махнул еще раз по башмачкам и выпрямился. — Прошу прощения, уважаемая публика, пора на работу.

— А вы где выступаете? — вежливо поинтересовалась Кудрявая.

— Где придется. Мы народ бродячий. Нынче гастроли в Летнем театре на рынке. Но сейчас не представление, а репетиция. Готовим новый аттракцион.

— Какой? — проявил любопытство и Винька.

— «Человек-невидимка».

— Ух ты!

— Вот так! Приходите на выступление, уважаемые, не пожалеете! — возгласил Ферапонт, будто кукольный зазывала у входа в театр Карабаса Барабаса. И застучал башмачками к калитке.

Кудрявая сказала, что пора домой. Винька пошел с ней. Они помогли бабушке окучить на двух грядках картошку. Потом сходили к бочаге, искупались (там опять никого не было, кроме стрекоз). Затем Винька вернулся в «таверну» и уселся с телескопом на крыше.

За тополями шипели и двигались паровозы. Винька стал думать о Глебке. О том, что все-таки есть, наверно, какая-то заоблачная страна, где сейчас живет Глебка. Светлая. И Глебке там хорошо... И потом они, может быть, встретятся... Было грустновато, но не страшно. Раньше Винька боялся думать о смерти, а теперь — не очень.

Потом Винька увидел в трубу, как по переулку шагает к калитке перевернутый вниз головой Ферапонт. Его обезьянье личико было не улыбочивым.

Винька по лестнице спустился на доски. Встретил Ферапонта у крыльца. Сказал пренебрежительно:

— Тоже мне приглашалыщик. «Приходите на представление!» Спросил бы: «А деньги у вас есть на билеты?» Мог бы и провести по знакомству-то...

Ферапонт ответил с превосходством взрослого, который не обижается на пацана:

— Я предусмотрел. Будет для тебя контрамарка.

— Тогда и для Кудрявой!

— Для кого?

— Ну... для Валентины. С которой я тебя познакомил.

— А! Конечно! Для нее тем более...

— Почему «тем более»? — слегка возревновал Винька.

— Убогие должны помогать друг другу.

— Никакая она не убогая!

— Хромая же, — сказал Ферапонт грустно и не обидно.

Винька все равно обиделся.

— Не знаешь, а говоришь! Ей скоро операцию сделают! И все будет нормально!

— Ну и ладно тогда, — покладисто отозвался Ферапонт. — Раз нормально, тогда конечно... А мне вот никакая операция не поможет. Длиннее не стану, хоть тракторами растягивай.

Винька виновато примолк. Затоптался босыми ногами на щелястых досках. А Ферапонт достал из кармана тенниски два бумажных квадратика:

— Держи.

Бумажки были обычные, из клетчатого тетрадного листа, но на них — размашистая непонятная роспись и круглая печать с блеклым словом «Госфилармония».

Винька затоптался сильнее и пробормотал «спасибо».

— На здоровье... Это завтра в два часа. Приходите пораньше, сядете ближе. Места не нумерованные...

2

В длинном доме над оврагом все комнаты — кроме крайней, где жила Людмила с семейством, — были проходные. Чтобы не беспокоить других жильцов, Винька обычно пользовался окном: прыг — и у себя в комнате! Снова прыг — и на дворе! Но сегодня он ради любопытства прошел дом насквозь. Как там устроились квартиранты-артисты?

Оказалось, что устроились необычно. Явно по-артистически. На столе Винька увидел блестящую высокую шляпу — цилиндр. Рядом лежал прозрачный шар зеленоватого стекла (размером с *тот* мячик). Кровать была отгорожена ширмой из бамбуковых реек и блестящей материи с нарисованными тиграми — наверно, японской! Винька не стал задерживаться, поскольку из-за ширмы раздавалось похрапыванье. Видимо, Рудольф

Яковлевич Циммеркнабе почивал после артистических трудов.

А Ферапонта нигде не было: ни на дворе, ни на кухне, где тетушки, Никита и Людмила опять играли в лото. Винька играть не стал. Он умаялся за день и хотел спать.

Когда Винька спустился к блиндажу, он увидел сквозь рогожный полог желтые проблески — горела свечка. Кто там? Винька опасливо просунул голову.

На топчане, качая башмачками, сидел Ферапонт.

— Я тут... в гости к тебе без спросу. Можно?

Винька пожал плечами: чего, мол, спрашивать, если уже влез. И сказал нахмуренно:

— Курил, что ли?

— Нет, здесь не курил. Просто надышал...

Винька сел напротив. О чем говорить, он не знал. Нельзя сказать, что он чувствовал себя с Ферапонтом свободно.

И Винька спрятал неловкость за небрежностью тона:

— Вот только угощать нечем...

— Да ладно, я сытый! Ты... знаешь что? — Ферапонт заболтал ножками сильнее (они не доставали до пола; в башмачках отражались свечки). — Ты... разреши мне у тебя переночевать, а?

— Ну... ночуй... — Винька пожал плечами. Радости, конечно, было мало. Но как откажешь человеку, который одарил тебя двумя контрамарками.

И все же Винька спросил:

— А что, в доме мало места?

— Кровать-то хоть большая, но одна на двоих. А Рудольф опять выдул чуть не поллитру, паразит, и стонет, как беременная корова. И дышит... Я не терплю, когда водкой в меня дышат...

— Ложись, — опять согласился Винька. — Только не кури здесь, ладно? Ты водочный дух не любишь, а я табачный...

Слово «дух» сказалось само собой. И тут же напомнило про другого духа. Того, что жил *во Тьме* и недавно выбрался наружу.

А что, если фокусник Циммеркнабе в самом деле — этот самый дух? Или его слуга. И Ферапонт тоже...

Лучше бы, конечно, оставить карлика здесь, а самому пойти спать в комнату. Найти бы только причину... А, вот!

— Ты как на голых-то досках будешь? Ложись на мое место, а я — в доме...

— Да не беспокойся! Я привык хоть на чем спать!

Ферапонт, оказывается, опирался спиной на маленький тюк. Он размотал его — это были два одеяла и жесткая подушечка, которая называется «думка» — с тети-Дусиной кровати.

— Твердо будет, — неуверенно сказал Винька.

— Хорошо будет! Мы люди привычные...

Ферапонт ловко застелил топчан, сложил на его краю одежду, остался в красных трусиках и забрался под одеяло.

Теперь деваться было некуда. Ферапонт сразу поймет, что Винькин уход — не хозяйская вежливость, а постыдное бегство.

Да и не стоило дрожать. Не похоже было на злого духа это существо с незагорелым шуплым тельцем мальчишка из октябрятского отряда.

Еще спокойнее стало после разговора о свечке.

Ферапонт повозился (наверно, одеяло было колючее) и нерешительно спросил:

— Ты свечку на ночь не гасишь?

— Как когда. Если долго читаю, то не гашу. Леня подыматься и задувать. Да ты не бойся, видишь, она в воде. Безопасно...

— Я и не боюсь, что опасно. Я... наоборот. Ты не задувай, ладно? Я, по правде говоря, темноту не очень-то люблю. Нервы такие...

— Как хочешь, — самым небрежным тоном откликнулся Винька. А в душе возликовал: не могут же духи Тьмы и их слуги бояться темноты!

Полежали, помолчали. Свечка потрескивала. Она была длинная, новая. Хватит до рассвета.

Ферапонт опять повозился.

— А чего она... Кудрявая эта... решила, что мое имя ненастоящее?

— Ну... решила и решила. Согласись, оно же редкое, не Вася, не Ваня... Ты обиделся, что ли?

— Нет... Просто подумал: ее тоже непонятно зовут. «Кудрявая», а ни одной кудряшки.

— Это я ее так прозвал. По закону «наоборот»...

— А сам ты... тоже не «Ваня». Винцент — имя иностранное.

— Испанское. У отца друг был в Испании, они там вместе воевали...

— Мой тоже воевал. А потом пропал без вести. А мать убили при бомбежке. Она меня собой закрыла, когда налет был на эшелон... Когда из Смоленска эвакуировали... Меня подобрали контуженого, я три месяца ничего не помнил и говорить не мог. А боец, который меня в санитарный поезд принес, был по фамилии Ферапонтов. Ну и дали на память о нем такое имя. А фамилию — Смоленцев. Документов-то при мне никаких не было.

— Но потом-то ты вспомнил?

— Потом... По правде-то мое имя было Федор, а фамилия Цыпкин... Ну а документы переделывать — такая волокита. Директорша детдома и говорит: «Ты будь Ферапонт по документам, а так — просто Федя, имена-то маленько похожие»... А фамилия Смоленцев мне и самому больше нравилась. Потому что и без того ростом с цыпленка, да еще Цыпкин... Только Федей меня в детстве никто не звал, так уж привязалось: Ферапонт да Ферапонт... Сперва я думал поменять имя обратно, ко-

гда буду паспорт получать, а потом не стал, привык... С ним, с паспортом-то, и без того хватило мороки...

— Не верили, что взрослый? — понимающе сказал Винька.

— Не то что не верили, а... Ну, всякое там... Сначала-то про меня думали, что маленький такой просто с голодухи. И от контузии... А потом наконец врачи сказали: какая-то железа не работает в организме, и это на всю жизнь... Сперва я даже радовался. Всех пацанов, кому четырнадцать лет стукнуло, — из детдома в ремесленное училище. А мне куда идти? Ну и жил за маленького, даже когда паспорт дали. Семилетку окончил, а все как дитё... Жалели... Но без конца-то так нельзя. И тут как раз подвернулся Рудольф...

— Как подвернулся? — спросил Винька, потому что Ферапонт вдруг примолк.

— Наш детдом в Ялуторовске был. Рудольф там выступал с концертной бригадой. Их позвали в детдом, чтобы они там концерт дали, шефский. Рудольф меня там и углядел. Говорит: «Пойдем работать со мной, в люди выведу». Мне из детдома не очень хотелось в люди-то. Но директорша обрадовалась: надо ведь было меня куда-то пристраивать, а тут такой случай... Ну и сам я потом вроде бы загорелся... Рудольф обещал: «Белый свет повидашь, артистом станешь». Заманчиво сделалось... Он, паразит, еще знаешь чем купил меня?

— Чем?

— Нашептал по секрету... Врачи, мол, тебе помочь не могут, а я тебя, если повезет, вылечу. Я, говорит, знаю белую и черную магию, у меня всякие книги про это есть. Нынешние люди в колдовство не верят, время не то, да и запрещено это нынче, но иногда, мол, оно все-таки помогает. Я поверил. У меня это последняя надежда была...

— А он что... правда колдун?

— Да не колдун он, а... — И Ферапонт в рифму ска-

зал нехорошее слово (когда человек часто портит воздух). Хотя книги-то у него и правда есть. Старинные. Он иногда их читает и похвальноется, будто знает великие чудеса. Только я не видел ни разу, чтобы из его колдовства что-то получилось...

— А фокусы?

— Фокусы — они же обыкновенные. Ловкость рук да всякие приспособления. Хоть кто может научиться... То есть не «хоть кто», здесь тоже талант нужен, как всякому артисту, но колдовство тут ни при чем...

— А у Рудольфа талант?

— Вообще-то он мог бы стать известным, если бы пил поменьше. И если бы его в большие города пускали...

— А его разве не пускают?

— С такой-то фамилией! Это же все равно что Гебельс или Геринг!

— Можно же, наверно, сменить...

— Ему советовали, а он упрямый. Говорит: «С какой фамилией родился, с такой и помру». Да и хоть на «Иванова» сменяй, все равно по паспорту немец. В МГБ ведь не дураки сидят... Ему еще не самое плохое выпало. Многих немцев, которые в Советском Союзе жили, знаешь куда в начале войны загнали?

Винька вздохнул. Он кое-что знал, кое о чем догадывался.

— Сперва его тоже на Север, в трудармию, а потом как-то посчастливилось: отпустили по здоровью, даже выступать разрешили...

— А ты... тебе с ним не надоело? Можно ведь, наверно, в другое место устроиться, филармоний и цирков много.

— Можно... Меня звали год назад в одну труппу, в большую. Да как-то не получилось. Честно говоря, жалко его стало. Он же без меня сопьется на фиг за неделю... А теперь жалею, что не ушел.

— Разве теперь нельзя уйти?

— Можно... Раньше он мои документы у себя держал, а недавно я отобрал. Храню при себе. Свободный человек... Наверно, уйду. Я и так вон сколько терпел, четыре года. Он ведь такой псих иногда бывает. Один раз, давно еще, ремнем излупил, сволочь. Целую неделю сидеть было больно. Сам небось знаешь, как это...

— Ничего я не знаю! — уязвленно откликнулся Винька. — Никто меня никогда не лупил!

— Ну, так узнаешь еще. Без того ни один человек в детстве не проживет.

— Ничего я не узнаю! Чего ты чепуху городишь!

— Да ты не злись...

— А ты не ворожи зря! Тоже мне цыганка-гадалка!

Оба насупленно замолчали. На станции обиженно вскрикивали паровозы.

Винька примирительно сказал:

— Но, наверно, не всегда же Рудольф такой вредный?

— Не всегда. Бывает наоборот... А как выпьет, так вообще... слюни пускать начинает: «Маленький, где ты?» А то еще лапаты начинает потными ладонями. А я ему кто, невеста, что ли?.. Я один раз ему суп в морду выплеснул. А он думаешь что? Реветь начал, как баба: «Ты у меня один на свете, а как со мной обходишься...»

И опять замолчали.

Как Винька мог утешить Ферапонта?

— Знаешь, что? Медицинская наука сейчас ведь очень сильно развивается. Например, пенициллин придумали, чтобы от заражения спасать. Раньше заражение крови было смертельно, а теперь запросто вылечивают. Может, и для твоей железы придумают препарат, чтобы она заработала...

— Может, и придумают когда-нибудь... Только мне он не поможет. Эту мою болезнь надо в детстве лечить, а я-то буду уже застарелый...

— Может, скоро придумают.

— Ты хороший человек, Винька, — вздохнул Ферапонт. — Ну, давай спать... Свечку-то не гаси, ладно?

Проснулись они поздно. По доскам топали, и слышен был громкий голос иллюзиониста Циммеркнабе:

— Маленький! Эй, Маленький, где ты? Ну, хватит прятаться, дядя Рудик тебя ждет! Пора на работу!

— Началось, — пробурчал Ферапонт и стал натягивать брюки.

ТАЙНЫ НЕВИДИМОК

1

Собираясь на спектакль, Кудрявая принарядилась. Пришла к Виньке в белом платье с красными горошинами и с красной ленточкой на белых своих, отросших до плеч волосах.

— Де Лавальер, — похвалил Винька.

Она засмушалась:

— Да ну тебя...

Винька похлестал штанами о забор — выбил из вельветовых бороздок скопившуюся пыль. Попросил у Людмилы чистую ковбойку — с зашитым плечом, но поглаженную и со всеми пуговицами. Под сандалии надел синие носочки — и решил, что он «вполне». А чего еще наряжаться-то? Во-первых, все равно не во что, а во-вторых, не в театр же идет...

То есть как раз в театр! В летний... Но это лишь одно название!

Летний театр на рынке представлял собой длинный дощатый сарай со сколоченной внутри сценой. Винька бывал здесь и раньше. Один раз вместе с классом, когда заезжий кукольный театр показывал концерт «Раз Петрушка, два Петрушка!». А еще с мамой, когда выступала

дрессировщица Буранова с обезьянами, собачками и попугаем.

Стоял театр-сарай на краю рынка. За ним был широкий пустырь с неработающей водокачкой-избушкой, а дальше — забор, за которым улица Профсоюзная. В заборе были проделаны две калитки, от них к театру вели тропинки. Но можно было подойти и с другого конца — если шагать через рынок.

— Кудрявая, пошли через рынок!

— Там же толкотня...

— Зато интересно!

Виньке рынок всегда казался особой страной. Не похожей ни на что другое. Он был громаден. Занимал прямоугольную площадь в три уличных квартала длиной и в два шириной. Посреди площади возвышались павильоны, похожие на ангары для дирижаблей (Винька видел такие в кино) — молочный, мясной и овощной. Но не все продавцы помещались в павильонах, поэтому снаружи тянулись открытые торговые ряды — длинные, как дощатые тротуары, столы.

В ту пору не продавали в Винькином городе южных и заморских фруктов. Но груды белых кочанов, желтой репы, алых помидоров, вишневой свеклы, золотистого лука и всякого оттенка огурцов (от желтовато-салатных до изумрудных) раскрашивали рынок в цвета богатого приморского базара.

Всюду тянулись улочки и переулки фанерных киосков, фургонов, магазинчиков. Некоторые эти постройки были довольно причудливого вида — теремки и китайские фанзы. Они остались от прошлогодней осенней ярмарки. Этот полуигрушечный торговый городок пересекали длинные деревянные магазины (вроде театра-сарая): «Ткани», «Книги», «Электротовары», «Хозтовары»...

Среди построек бурлила и голосила толпа. Сновали

добродушные, но независимые псы. Мотали головами и хвостами запряженные в телеги кобылы (с телег торговали картошкой и тыквами).

Пахло сеном, конским навозом, укропом и новыми рогожами. Патефоны торговцев пластинками разносили над возами и овощными грудями голоса Клавдии Шульженко и Марка Бернеса. И не только патефоны. Винька видел однажды старинный граммофон с большой трубой.

По соседству с магазинами возвышались на жердях живописные полотна: с морскими пейзажами и рыцарскими замками. Всякий, у кого были деньги и желание, мог сфотографироваться на этом романтическом фоне. Громадные аппараты на треногах блестели желтым лаком и медными кольцами...

Раздвигая толпу костылями и позвякивая медалями, двигались взад-вперед сердитые инвалиды. Тут и там попадались тетушки-торговки с леденцовыми петушками на палочках, с жареными семечками подсолнуха, с пестрыми мячиками на резинках, с раскрашенными вертушками, с шариками-пищалками «уйди-уйди» и с разноцветными ковриками, на которых были пышные лебеди и балерины.

Иногда толпу рассекал беглец — какой-нибудь парнишка в клешах и кепочке-восьмиклинке или здоровенный дядька в галифе и драной тельняшке. Это был или карманник, или спекулянт, которого (одного из многих, для примера) решил изловить милиционер. За бегцом летела переливчатая трель свистка. Но Винька не помнил, чтобы кого-то хоть раз поймали...

На рынке не только торговали. Тут случалось много всего. Бывало, что на краю площади раскидывался приехавший откуда-то зверинец — на голом квадрате земли выстраивались клетки с грустным плешивым львом, тощими волками и лисами и с затянутым густой сеткой

корытом. Надпись над корытом извещала, что это «Нильский крокодил». За сеткой угадывалось неясное шевеление.

Иногда крикливо пела частушки и шумно топала колхозная самодеятельность — на дощатой эстраде под громадным, нарисованным углем на холсте портретом товарища Сталина. (В верхнем углу портрета была дырка, ее деликатно не замечали.)

Бывало, что среди киосков и павильонов появлялся круглый балаган. Он гудел и сотрясался. Внутри его, ужасая зрителей, носились по вертикальной стене отчаянные мотоциклисты.

А еще были столбы с качелями, карусель, цыганки-гадалки, торговцы неприличными фотокарточками, бесшумная шпана с финками, сидящие у заборов слепые гармонисты и нищие, безразличные ко всему бродячие кошки и желтые груды новых корзин, которыми торговали у входа...

И было особое ощущение, что за этой разноцветной бурливой жизнью таится другая — непохожая на обычную, полная странных событий и невидимых персонажей. Днем она прячется среди торгового многолюдья и гвалта, а когда рынок пустеет, здесь начинает полностью царствовать *иной мир*. Он — как бы повторение дневных страстей, настроений, хитросплетений и разнообразных случаев. Но повторение в чистом виде, без людей. Оно — в воздухе, в запахах, в пыли, в теплых досках, в рулонах снятых на ночь и свернутых фотодекораций.

А людей нет. Вместо них — существа-тени. Что они делают, чего хотят, непонятно. Может быть, они и не желают людям зла, но и добра им тоже не несут. И власти своей над рынком не уступят никому. По крайней мере, над ночным. Поэтому сюда лучше не соваться после захода солнца...

Винька смутно догадывался обо всем этом еще давно. А совсем недавно он увидел про ночной рынок сон.

Он спал в блиндаже и в то же время будто встретился с Глебкой на дощатом дворе «таверны». Глебка был почти неразличим в темноте. Его и Виньку окружала душная ночь без единого фонарика и без звезд.

Они должны были пройти через весь город, до обрыва у пристани, под которым ходят паровозы и вагоны. Это было почему-то очень важно для Глебки. И Виньке было важно, чтобы Глебка дошел туда обязательно. А без него, без Виньки, он мог и не дойти.

И они пошли. Сперва — вниз, к журчащей Туринке, потом тропинкой вдоль береговых кустов, мимо «хуторка», где спала и ничего не знала Кудрявая. По лестнице поднялись на Вокзальную, вышли на Первомайскую. Фонари не горели, в окнах ни огонька. Но в этой тьме все чувствовалось удивительно ясно: какие теплые и твердые пальцы у Глебки (он и Винька держались за руки), какой теплый асфальт на Первомайской и какие колючие на нем крошки — Винька шел босиком. И запах — от бензина исчезнувших куда-то автомобилей и от нагретой за день лебеды...

Винька был рад, что Глебка опять рядом, но и тревога от него не уходила. Они молчали. Пока не оказались у входа на рынок.

— Давай обойдем, — не скрывая страха, прошептал Винька. — Ну его...

— *Его* нельзя обойти, — ответил Глебка. Негромко, но так, что Винька понял: и правда нельзя.

Ворота были заперты, но Винька и Глебка нашли в заборе щель.

Ночь как бы раздвинулась. Она не стала менее темной, но темнота уже не липла к лицу, не обволакивала. Она превратилась в громадное пространство.

Это пространство было полно электричества, как

перед грозой. Несколько раз у Винькиного лица проскакивали длинные ломаные искры.

В электрической темноте ощущалась жизнь. Среди черных киосков, балаганов, заборов и торговых рядов шло непонятное движение сгустков мрака.

— Они кто? — слабея, шепнул Винька.

— Не бойся...

— Может, они... — Винька побоялся выговорить «духи Тьмы».

— Нет... — чуть досадливо отозвался Глебка. — Это... совсем другое. Не обращай внимания, и *она* тебя не тронет. А тот, кого ты боишься, бывает лишь на самом черном пустыре, у водокачки. Но мы туда не пойдём.

— Правда не пойдём?

— Пока не захочешь.

— Я... никогда не захочу.

Из темноты выступили еще более темные три главных павильона. Перед ними на небольшой высоте зажглась и тихо пролетела шаровая молния. Она высветила пространство на несколько секунд. Оказалось, что кругом пусто. Одни лишь запертые строения. Но спокойнее не стало. Молния пропала, и ночная жизнь снова начала тайное движение теней и невидимок. Ими словно двигали пружины, свитые из тугого мрака.

И Виньке стало совсем невольно от страха.

Тогда Глебка сказал:

— Посмотри на звездочку.

Винька ощутил, что Глебка приблизил к его лицу ладонь. Через ладонь — как искра сквозь стекло — светила синеватая лучистая звезда. То ли тот самый Юпитер, то ли еще какая...

Непонятное дело! Небо непроглядное, а звезда — вот она!

— У тебя *такая* ладонь, да?

Глебка сказал странно, виновато как-то:

— Дело ведь не в ладони, а в самой звезде. И в том, кто *на нее смотрит*.

— Потому что ты *нездешний*?

— Я не про себя, а про тебя. Ты ведь тоже когда-нибудь сможешь вот так же... — непонятно ответил Глебка. Или... понятно?

Казалось бы, надо испугаться еще больше. А Винька — наоборот. Вздохнул с облегчением. И они в тот же миг оказались на Садовой улице. Здесь кое-где светились неяркие окошки — главным образом в полуподвальных этажах, сквозь цветы и узорчатый чугун палисадников. Дома здесь были небольшие и старинные. А тротуары — из гранитных плит. В каменных выбоинах застоялись теплые лужицы.

— Теперь не бойся, — шепнул Глебка. — Это хорошая улица. Видишь, недавно дождик прошел.

Не было уже сухого электричества, вверху проглядывали звезды, а впереди засинел рассвет. Садовая вела к Октябрьской и к берегу. Винька и Глебка встали над откосом. Внизу шло могучее железное движение. Совсем не такое, как на рынке. Оно было праздничное, разумное, полезное людям. И по-доброму сказочное. Все — в блеске фонарей, прожекторов, синих и желтых огоньков на стрелках. В клубах наполненного светом пара. В бодром лязге, шипении и гудках...

А потом из-за реки быстро всплыло умытое малиновое солнце...

2

Шумную круговерть залитого солнцем рынка Винька и Кудрявая пересекли быстро. Надо было спешить, чтобы занять места поближе к сцене.

У Летнего театра была приколочена к столбам большая фанерная афиша. На ней — черный силуэт художника в цилиндре и разноцветные слова:

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА

чудо-аттракцион
знаменитого иллюзиониста
Рудольфа
ЦИММЕРКНАБЕ

Сорок минут
необъяснимых фантастических
событий!

*Предварительная продажа билетов
в кассах Госфилармонии*

Винька с опаской протянул контрамарки дородной тетеньке-контролерше: вдруг закричит, что недействительные?

Но контролерша добродушно сказала:

— Ишь ты, свои люди. Ну, прыгайте, галчата, занимайте места.

Два первых ряда оказались уже заполненными. Винька и Кудрявая сели на хлипкие откидные сиденья в третьем ряду, у самого прохода. Головы взрослых зрителей и зрительниц слегка мешали, но в случае чего можно было высунуться в проход. После рыночного зноя в театре было прохладно, пахло грибной сыростью. Под двухскатной крышей боязливо светили желтые лампочки. Зато шели в дошатах стенах горели горячо и дерзко.

В гулкой внутренности театра-сарая таилось обещание необычных событий. Этакая приключенческая загадочность, как в книге о золотом ключике.

Кудрявая сидела чинно, смотрела на сцену, закрытую вишневым блестящим занавесом. Винька знал, что материал занавеса называется «саржа» — у мамы из такой же саржи была подкладка на новом пальто. Но он почти не смотрел на чуть шевелящийся занавес, вертел головой.

Щелястый зрительный зал заполнялся. Входили

пацаны и девчонки разных возрастов, колхозники, решившие сделать перерыв в торговле; тетушки с корзинами; дядьки в потертых пиджаках и гимнастерках; несколько солдат — видимо, отпускники. День-то рабочий, поэтому на представлении в основном ребята и случайная взрослая публика — из тех, кого дела и любопытство привели на рынок...

Винька поглядел направо и... увидел знакомого. На том же третьем ряду, но по другую сторону прохода.

Винька сунулся в проход мимо Кудрявой:

— Петр Петрович! Здравствуйте!

— А?.. О! Винцент Греев! Здравствуй, голубчик. Интересноуешься чудесами?

— Я... ну да... У нас тут знакомый артист выступает, он контрамарки дал. Мне и вот ей... А вы... тоже интересуетесь?

Винька вдруг ощутил неловкость, словно застал Петра Петровича за несерьезным делом вроде школьной игры в перышки. Казалось, что пожилой и образованный заведующий читальным залом должен ходить лишь на умные театральные спектакли и на концерты с музыкой знаменитых композиторов.

— Да... — покивал Петр Петрович. — Признаться, с детства люблю цирковое искусство. А сейчас к тому же случай особый... — Петр Петрович значительно понизил голос: — Рудольф Циммеркнабе, столь большими буквами обозначенный в афише, мой давний знакомый. Еще с тех старинных лет, когда мы учились в одном классе здешней гимназии. Мы ведь оба уроженцы этого города...

— А! — обрадовался Винька. — Значит, вы тоже по контрамарке!

— Нет, что ты... Мы расстались давно, и, возможно, Рудольф Циммеркнабе меня уже не помнит. Но я по радио услышал извещение об этом аттракционе и решил взглянуть: чего достиг в жизни мой давний приятель?..

Ты, Виня, меня не выдавай, ладно? — Это прозвучало таинственно, как в беседе заговорщиков. И Винька то-ропливо закивал.

Опять показалось, что в театре — необычная таинственность. Может, в полутемных углах застоялись остатки ночного загадочного сумрака, который Винька видел во сне?

Наконец сильнее осветился и уполз вверх занавес. Открыл декорацию, изображающую березовый лес. Зрители захлопали.

Первая часть отделения была без чудес.

Рослая певица в алом сарафане и блестящем кокошнике исполнила песню:

Не найти страны на свете
Краше родины моей...

Потом два сатирика в черных костюмах — толстый коротышка и худой дылда — пели под маленькую гармошку частушки на злобу дня: о том, как президент Трумэн сломал зубы о единство борцов за мир; о том, как трудно получать справки у бюрократов; о том, как бесконечно долго строится через реку новый мост — в общем, клеймили недостатки.

После сатириков на сцене красиво делала стойки и шпагаты, ходила колесом и по-всякому изгибалась девушка в желтом блестящем трико. Оказалось, что ее зовут Нинусь Ромашкина, а номер назывался «Акробатический этюд».

Нинусь Ромашкиной долго хлопали (даже дольше, чем сатирикам). Кудрявая под боком у Виньки завороченно вздыхала.

А потом были еще клоуны (Кузьма Сергеич и дядя Макс), сеанс французской борьбы (они же), опять певица («Снова замерло все до рассвета...»), жонглер и музыкант, который играл на чем придется: на пустых бу-

тылках и стаканах, на стиральной доске, на кирпичках и на вертящемся колесе велосипеда.

Им тоже хлопали. Но с растущим нетерпением все ждали «Человека-невидимку».

3

Аттракцион начался после десятиминутного антракта (никто не выходил из театра).

Опять поднялся занавес.

Сейчас не было декорации. Глубину сцены заполняла густая темнота: наверно, там висел задник из черного бархата. Различить в этой темноте ничего было нельзя, потому что яркие фонари вдоль рампы теперь светили в сторону зрителей. Те жмурились, но терпели.

Женщина в блестящем платье (конферансье!) торжественным голосом объявила то, что было написано на афише. И вышел Рудольф Яковлевич Циммеркнабе.

Он был в светлых брюках, голубом фраке и черном цилиндре (который Винька видел дома на столе).

Рудольф Яковлевич со значительным видом поклонился, прижав ладони к груди, выпрямился, развел руки.

— Глубокоуважаемая публика! Как вам известно, чудес не бывает. И то, что вы сейчас увидите, есть не более чем результат извечной борьбы света и тьмы... Голос его был высокий, громкий и с иностранным акцентом. Этого акцента при своем разговоре с Рудольфом Винька не заметил.

— ...Света и тьмы. И никаких сверхъестественных явлений. Ну, разве что... — он тонко улыбнулся, — разве что самая малая доза старинного колдовства.

Рудольф Циммеркнабе снова церемонно поклонился. В отнесенной в сторону руке — снятый цилиндр. Вдруг цилиндр выскользнул из пальцев, улетел назад и растворился в темноте. Рудольф Яковлевич растерянно оглянулся.

— Э... позвольте! Мы так не договаривались! Попрошу обратно...

Цилиндр не появлялся. Циммеркнабе пожал плечами. Сложил перед грудью ладони. Между ними возник голубой диск. Циммеркнабе развел руки — в ладонях оказался новый цилиндр, небесного цвета. Рудольф Яковлевич потряс его, повертел и с довольным видом водрузил на голову.

Все захлопали.

Циммеркнабе поклонился, но тут же опять озабочился. Снял цилиндр. Вытащил из него за шкурку белого сибирского кота. Раздраженно сказал за кулисы:

— Послушайте! Я же просил: не надо сегодня таких трюков!

Поспешно вышла женщина-конферансье, взяла кота на грудь, погладила.

— Сударыня! Публика ждет человека-невидимку! Почему его нет?

Женщина встала на цыпочки и что-то сказала Циммеркнабе на ухо.

— Как это задерживается на обеде?! — возмутился тот. — Он срывает представление!

— Но вы ведь тоже еще не обедали. Выпейте хотя бы чаю! — Женщина хлопнула в ладоши. Сам по себе выплыл и стал посреди сцены некрашенный дощатый стол на прямых ножках. Опять раздались аплодисменты. Женщина улыбнулась и величественно унесла кота.

— А где же чай? — сварливо спросил Циммеркнабе. Оглянулся. — Да, без колдовства нынче, видимо, не обойтись...

И он вынул из-за пазухи... запускатку! Сделанную из реек звезду с хвостом!

Наверно, это была не та, что он выпросил у Виньки, она блестела желтым лаком. Но по форме и размеру — в точности такая же. Циммеркнабе с размаха пустил ее в зал над головами зрителей.

Конечно, риск был немалый! «Комета» могла задеть за стены, за стропила под крышей. Но, видимо, Циммеркнабе немало репетировал с этой штукой. Запускалка сделала в воздухе большую восьмерку и вернулась в руки иллюзиониста. Он поднял ее, как волшебную палочку, постучал ею о снятый цилиндр. Показал всем, что цилиндр пуст, повернул, вытянул из него широкую желтую скатерть с цветами.

— Ап! — Он широким взмахом накрыл стол. Скатерть свесилась до половиц.

Циммеркнабе достал из цилиндра и поставил на скатерть чашку с блюдцем, сахарницу, фаянсовый чайник. Вытащил большую связку баранок, уложил на край стола. Затем опять пошарил в цилиндре и сделал озабоченное лицо.

— Самовар... Попрошу самовар! — И потряс цилиндр.

Кукольный, как у полена в радиоспектакле про Буратино, голосок сказал неизвестно откуда:

— Ты пор-размысли своей головой! Р-разве самовар поместится в твоей дур-рацкой шляпе?

— Это что за грубиян?! Кто?! Это ты, маленький проказник? — Циммеркнабе посмотрел по углам и вверх. Заглянул в шляпу. Откинул скатерть — под столом было пусто. Тяжелая ткань с цветами опять скользнула до пола.

В это время из-за кулис выплыл и приземлился на стол шаровидный самовар — он горел начищенной медью.

— Вот тебе и чай! Кр-расота! — опять раздалось неизвестно откуда. Циммеркнабе снова сердито вздернул скатерть. Под столом сидел Ферапонт!

Он был в белых атласных брюках и таком же пиджачке.

— Маленький! Как я рад! Откуда ты?!

— Как видишь, из-под стола!

— Мне сказали, что ты в отпуске!

— Как же я тебя оставлю? Ты без меня пр-ровалишь пр-представление!

— Оно и так проваливается! Человек-невидимка опаздывает!

— Не беда! Попьем чайку!

Циммеркнабе подставил чашку под кран. Воды не было. Циммеркнабе схватил и перевернул самовар, с того слетели крышка и конфорка.

— Он пуст!

— Как это пуст? — Ферапонт вскочил на стол, уперся в края самовара, сделал над ним стойку на руках. Потом на одной! А другой осторожно дотянулся до крана, крутнул. Ударила струя!

— Это старый фокус! — Циммеркнабе недовольно закрыл кран. Потянулся за чашкой. Она взмыла и улетила за кулисы. За чашкой — блюдо, сахарница, баранки! Крышка и конфорка наделись на самовар. Он медленно поднялся и толчками двинулся прочь со сцены.

— Безобразие! — возмутился Циммеркнабе.

Я хочу напиться чаю,
К самовару подбегаю,
А пузатый от меня
Убежал как от огня! —

радовался Ферапонт.

— Ну и пусть, — сварливо сказал Циммеркнабе. — Все равно заварки не было...

— Вот завар-рка!

Из темноты выплыла громадная коробка, разрисованная, как пачка грузинского чая, — такие, только маленькие, продавались во всех продуктовых магазинах.

Коробка встала на стол. Ферапонт вскочил на нее и ловко отбил блестящими башмачками чечетку.

— Ну-ка, пусти! — Циммеркнабе откинул крышку. — Да в ней же ничего нет! Даже дна! — Он повернул коробку так, что она стала видна насквозь.

— Абсолютно ничего нет! — возликовал Ферапонт.

Пролез через коробку туда-обратно и сделал на ней стойку на руках. Потом скакнул на пол и прошелся по сцене колесом. Коробка от толчка опрокинулась в прежнее положение, крышка захлопнулась. Циммеркнабе опять откинул ее.

— Ну-ка, ну-ка... Нет, заварка все же имеется... — Он стал выбрасывать из коробки на сцену пачки чая. Потом достал оттуда же улетевший самовар. Баранки. Посуду. И наконец — лохматого рыжего петуха. Бросил его за спину. Бедняга замахал крыльями, завопил и... пропал.

Зрители хлопали и веселились. Они уже не обращали внимания на бьющие в глаза фонари.

— Но где же человек-невидимка? — опять с досадой вспомнил Циммеркнабе.

— Потер-рпи! Или поколлуй, чтобы он появился поскор-рее!

— Мне для колдовства нужен помощник!

— Я буду помощником! Только мне для этого нужна одежда мага!

— Пожалуйста! — Циммеркнабе вытащил из цилиндра длинный синий халат с серебряными звездами. Накинул на Ферапонта. Халат затвердел на карлике неуклюжим колоколом. Циммеркнабе вынул из цилиндра зеленый колпак, украшенный золотым полумесяцем. Колпак был Ферапонту велик, закрыл его голову по плечи.

— Я так не игр-раю, — сказал из-под колпака Ферапонт.

— Потерпи! Все идет по законам колдовства! — В руке Циммеркнабе опять появилась «комета». Он вновь пустил ее в зал и поймал на излете. Тронул концом звезды колпак. — Сейчас я сделаю из тебя настоящего мага.

Пирамида из жесткой ткани и колпака была неподвижна.

— Маленький, ты слышишь? Ты готов? Начинай колдовство!

Молчание...

— Ты будешь работать? Начинай, или я огрею тебя дубиной!

— Сам дубина! — глухо донеслось из-под колдовской одежды. — Не имеешь права!..

— Ах, так?.. Дубину, пожалуйста! — потребовал Циммеркнабе.

Дубина явилась из мрака и прилетела прямо в руки иллюзиониста.

— Будешь работать?.. Считаю до трех... Раз! Два! Три! — И Циммеркнабе с размаху огрел колпак и халат! Они сплющились. Циммеркнабе схватил халат с пола. В нем никого не было.

Театр загудел от аплодисментов.

Циммеркнабе притворился испуганным:

— Маленький, где ты?

— Да здесь я! Здесь!

Откинулась крышка на чайной коробке. Ферапонт ловко выпрыгнул на стол.

— Ах ты, негодник! — Циммеркнабе бросился к карлику. Тот — наутек. Они побегали по сцене. Потом Ферапонт нырнул под скатерть. Циммеркнабе закинул край скатерти на стол. Ферапонт испуганно ежился на полу.

— Ну-ка, вылезай!

— А ты не будешь драться?

— А ты будешь хорошо себя вести?

— Непременно!

Ферапонт снова вскочил на стол. Скатерть опять скользнула до пола. Циммеркнабе зацепился за нее ногой, снова сердито закинул ее вверх. Ферапонт уже стоял на коробке.

— Спускайся!

— Ни за что! — И он вновь ударил чечетку. Да такую, что все притихли. Было слышно только дробное

шелканье башмачков. Оно сплеталось в сухую узорчатую мелодию. И это было довольно долго.

Наконец Ферапонт замер и нагнул голову с гладкой прической.

Шквал аплодисментов. Восхищены были все, кроме Циммеркнабе.

— Спускайся! Ты забыл, что сегодня не твое выступление, а человека-невидимки!

— Ладно! Меня ты тоже больше не увидишь! — Ферапонт откинул крышку и прыгнул в коробку. Крышка захлопнулась сама собой. Циммеркнабе постучал в нее.

— Хватит баловаться... Маленький, я кому говорю! — И прислушался. И открыл коробку. Заглянул. — Маленький, где ты?

Коробка была пуста. Повернутая на бок, она опять сделалась видна насквозь.

— Маленький, где ты? — жалобно возгласил Циммеркнабе во тьму.

— Да здесь я, здесь! — донеслось из зала. Ферапонт шагал по проходу к сцене. Прыгнул на нее с разбега. — Что, испугался?

— Нисколько не испугался! Я давно знаю эти твои штучки!.. Я боюсь другого: вдруг человек-невидимка совсем не придет?

— Да какой же ты несообразительный! Он уже давно здесь!

— Как здесь?

— А вот так! Кто, по-твоему, таскал самовар и посуду? Кто дал тебе дубину? Кто украл петуха?.. Ха-ха-ха!.. И вот еще, смотри!

В воздухе летали цветные шары и бутылки — невидимка жонглировал ими!

...Потом еще было много всего. Улетел стол. Прыгали и строили пирамиду стулья. Танцевал скелет, сколоченный из деревяшек и потому нестрашный, забавный.

Но Ферапонт испугался его и взмыл в воздух, подхваченный неведомой силой.

Наконец освещение потускнело, занавес упал, и Циммеркнабе с Ферапонтом вышли кланяться.

Зрители отчаянно хлопали. Кто-то закричал:

— Человека-невидимку!

Циммеркнабе поднял руку.

— Благодарим уважаемую публику за теплый прием нашего скромного труда. А что касается человека-невидимки, то его, товарищи, нет. Вообще нет. Это лишь результат взаимодействия света и тьмы. Той тьмы, природа которой разгадана еще не до конца... Ну и немножко колдовства. Впрочем, это шутка...

Человек-невидимка был. Самый обыкновенный, не какой-то там дух Тьмы, как в один из моментов подумалось Виньке. Им оказалась Нинусь Ромашкина, которая в первом отделении исполняла акробатический этюд.

Нинусь надевала черное трико, черные перчатки и глухую маску и двигала по воздуху все «летающие» предметы. И жонглировала, и управляла скелетом. На фоне черного задника, да еще при фонарях, горящих впереди сцены, она была неразличима. «Довольно простой эффект», — небрежно объяснил Ферапонт.

После представления он за кулисами познакомил Виньку и Кудрявую с Нинусь. Она оказалась веселой и славной.

Когда шли домой, Ферапонт тоном деревенского ухажера сказал:

— Хорошая девка. Будь я чуть подлиннее, запросто женился бы на ней.

Кудрявая порозовела от смущенья.

Винька тоже чувствовал себя неловко. Но не от слов Ферапонта, а от того, что встречные с любопытством пялятся на них. Лилипут — зрелище не столь уж частое. Но оставалось одно — шагать как ни в чем не бывало...

Вечером в блиндаже Ферапонт открыл Виньке еще кое-какие «фокусные» секреты.

Оказывается, в сцене были два незаметных люка. Один — там, где Ферапонт исчез из-под одежды. Второй — под столом.

— Но как ты попал в люк из коробки? Ведь видно было, что под столом пусто!

— Зеркальный трюк. Ты видел, что скатерть то падала до пола, то ее поднимали? Ну вот, когда она один раз упала, между ножками опустилось зеркало. Пол-то гладкий, он в зеркале отразился, будто под столом по-прежнему пустота. А я в это время отвлекал всех чечеткой.

— Петр Петрович сказал, что у тебя талант.

— Кто сказал?

— Один мой знакомый, он в библиотеке работает. Мы почти рядом сидели. Я после представления спросил: «Вам понравилось?» А он говорит: «Рудольф Циммеркнабе, безусловно, талант». А потом еще: «Но не меньше таланта и у его маленького помощника. У него, — говорит... как это? А! — изумительное чувство ритма...» Это он про твою чечетку.

Конечно, говоря про это, Винька помнил о Глебке: у того тоже было удивительное чувство ритма...

— «Чувство»... — сумрачно сказал Ферапонт. — Что мне толку от этого таланта...

И надолго замолчал.

Чтобы растормозить его, Винька спросил:

— А как Рудольф столько всего ухитряется впахнуть в цилиндр?

— Техника, — вздохнул Ферапонт. — И ловкость рук... Главное, чтобы зрители ничего не заметили. Думаешь, зачем он пускал в зал твою «летучку»? Это отвлекающий прием. Зрители на нее глазуют, а он в это время кое-что готовит...

— Все равно много непонятного...

— А ты думаешь, мне, что ли, все понятно? Дума-

ешь, он мне все свои секреты открывает? Если спрашиваю, он хихикает или ругается. Или говорит: «Я же тебе сколько раз объяснял: кол-дов-ство!» Я иногда верю, что он и правда колдун.

И у Виньки — опять колючки по коже...

ТЕАТР НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

1

Клавдия купила себе и мужу десятидневную путевку на турбазу «Каменные ворота».

— Говорят, замечательное место! Хочешь — ходи в походы, хочешь — просто загорай у озера...

Беда только, что с детьми в это замечательное место не пускали. Вот Клавдия и начала подъезжать к отцу, чтобы тот на полторы недели остался с внучкой.

— Она же самостоятельная! Надо лишь посмотреть, чтобы вовремя встала да вовремя легла! Да покормить три раза в день.

— У меня работа! — отбивался Винцент Аркадьевич. — Почему обязательно я? У Зинаиды бабушка есть!

Но бабушка — мать Зинулиного папы и свекровь Клавдии, — узнав о таких делах, тут же «заболела».

А Зинаида вдруг притерлась щекой к рукаву Винцента Аркадьевича, заглянула ему в глаза и прошептала:

— Деда, я не хочу к бабушке. Давай останемся с тобой. Я буду слушаться...

Он, старый дурень, и растаял.

Хотя почему «старый дурень»?хлопот с внучкой и правда оказалось немного. К концу июня Зинуля будто подросла — сделалась более рассудительной и менее капризной. Может быть, потому, что часто появлялся Вовка Лавочкин?

Он приходил к Винценту Аркадьевичу уже по-свойски. Не мешал, если тот работал. Устраивался перед телескопом или в кресле с какой-нибудь книжкой.

Иногда они беседовали. Вовка рассказывал о своих домашних делах и об играх на пустыре. Там, среди обломков бетона и в подвалах под заброшенными фундаментами, мальчишки играли в гангстеров и охотников за привидениями.

Зинуля тоже иногда слушала эти рассказы. И случилось, что пфыкала. Тогда они с Вовкой переругивались. Но не сильно, полусшепотом. «Чего фыркаешь-то? Сама боишься в подвал даже нос засунуть...» — «Больно надо. Там этот нос от запахов воротит...» — «Это от тебя воротит. Когда ты маминой помадой намажешься и пахнешь, как магазин «Парфюмерия»...» — «Чего ты врешь! Когда я мазалась? Это ты всегда перемазанный неизвестно чем! С весны не умывался!»

Звездно-полосатый, исцарапанный и загорелый Вовка поудобнее устраивался в кресле.

«Я каждый день купаюсь. А ты боишься к пруду подойти...» — «Потому что там лягушки. Они, Вовочка, еще противнее, чем ты...» — «Зачем ты так про своих родственниц?» — «Дед, ты слышишь, что он про тебя говорит?» — «По-моему, он про тебя...» — вставлял слово Винцент Аркадьевич. «Но если я лягушка, то ты кто?» — «Старая жаба», — с удовольствием подсказывал Винцент Аркадьевич. «Я же про вас ничего такого не говорил! — виновато, но не теряя достоинства, возражал Вовка. — Я же про нее! Потому что она все время квакает и сама не понимает...» — «Выйдешь на улицу — получишь», — обещала Зинуля. «А последний раз кто получил?..»

— Цыц! — не выдержал однажды Винцент Аркадьевич. — Тихо тут, а то выставлю. Мне надо работать. Вы тормозите мой творческий процесс.

— Дед, а ты расскажи нам еще про Виньку и Кудрявучу, — сменила тон Зинуля. — Ну, деда... Тогда мы не будем ссориться.

— Я же сказал: мне надо работать.

— Но ты ведь все равно про Виньку пишешь. То есть про себя про маленького. Сперва расскажешь, а потом все это — на бумагу...

— Откуда ты знаешь, про что я пишу?!

— Я догадливая.

— Чересчур...

— Она проницательная, — подал голос из кресла Вовка.

— Деда, можно я стукну его трубой?

— Ни в коем случае!

— Понятно. Трубу жалко...

— Если будешь все время выступать, Винцент Аркадьевич ничего не расскажет, — рассудительно заметил Вовка.

— Вот именно... Если хотите слушать, садитесь вместе, я не могу вертеть головой от одного к другому.

Зинуля решительно подошла к креслу.

— Ну-ка, подвинься. У дедушки остеохондроз, он не может вертеть...

— Пжалста! — Вовка уселся на пухлый подлокотник, уступая сиденье.

Но скоро он съехал с подлокотника, и они с Зинулей оказались рядом — кресло было просторное. И потом они часто сидели так, слушая рассказы про давнего пацаненка Виньку и его друзей. Про те времена, когда не было ни компьютеров, ни кукол Барби, ни шоколадок «Марс» и «Сникерс», ни телевизоров. Даже шариковых ручек (с ума сойти!) еще не было, и в тетрадках писали, макая стальное перышко в чернильницу-непроливашку. И тем не менее мальчишки и девчонки ухитрялись как-то жить и временами были даже счастливы...

Когда Зинуля и Вовка слушали, они забывали вредничать. Поглядишь — ну прямо сестрица и братец. Зинуля разыскала в шкафу красно-белую полосатую кофточку — хотя и не со звездами, но все равно немного похожую на Вовкин костюм. Интересно, случайно это или нет?

Один раз Винценту Аркадьевичу показалось, будто они как одно существо: с двумя одинаково приоткрытыми ртами и четырьмя коричневыми босыми ногами, на которых от интереса одинаково шевелились пальцы.

Винцент Аркадьевич достал из ящика свой старенький «Зенит».

— Вот так и сидите... — Он отдернул штору: для съемки нужно побольше света. Солнце упало на кресло. — Зиночка, опусти ноги. У тебя коленки торчат и бликуют...

— Что делают?

— Бликуют. Блестят, как елочные шарики. На снимке будут белые пятна.

— Ты ко мне всегда придираешься. У Печкина тоже торчат, а ты ему ни словечка...

— У него не бликуют.

— Потому что немытые.

«Печкин» саданул немытым коленом Зинулю под ребро. Она слетела с кресла, подхватила с пола плюшевого жирафа и огрела им своего вечного недруга. За миг до свалки Винцент Аркадьевич успел шелкнуть спуском. Теперь шелкнул снова.

«Надо сделать еще один снимок, и будет великолепный триптих», — думал он, растаскивая внучку и юного астронома.

— Зинаида! Имей в виду, твоя мама просила меня в случае неповиновения драть тебя как сидорову козу!

— А Вовку?!

— А про Вовку *его* мама ничего мне не говорила.

Вовка, трогая затылок, показал Зинуле язык. Но потом признался:

— Вообще-то мама была бы только рада. Она говорит, что на меня нету мужской руки.

— Учтем...

Третий снимок Винцент Аркадьевич сделал через день.

Случалось, что Зинуля с утра уходила к подружке Леночке Косицкой, в соседний подъезд, и торчала у нее до вечера. У Леночки был компьютер, а в нем разные игры. Винцент Аркадьевич ворчал: как можно часами сидеть у экрана, давить кнопки и смотреть на глупые мультяшные фигурки, которые только и знают что стрелять друг в друга, махать дубинками и прыгать... Но, с другой стороны, было даже хорошо, что Зинуля исчезала и не отвлекала его от работы. Вовка — тот деликатный: придет ненадолго, присядет у телескопа и не лезет с разговорами, если Винцент Аркадьевич занят...

Однажды Зинуля застряла у Леночки допоздна. Винцент Аркадьевич забеспокоился и пошел за ней сам. Прихватил аппарат, решил снять подружек у компьютера — вроде как в благодарность семейству Косицких за то, что приглядывают за его внучкой.

Но Зинуля вышла навстречу деду из подъезда. А с ней — Вовка!

— Мы там заигрались немножко, — беззаботно пританцовывая, проворковала Зинуля. Дед удостоил ее ледяным молчанием, а Вовке сказал:

— Я и не знал, что ты тоже увлекаешься компьютерами.

— Ими же все увлекаются, — виновато отозвался Вовка.

— Он Леночкой увлекается, — сообщила Зинуля и на всякий случай укрылась за дедом. Вопреки ожиданию, Вовка не помыслил о мести.

— Глупая ты, — сказал он грустно. И пошел рядом с Винцентом Аркадьевичем с другого бока. И... взял его за руку.

Шагов через двадцать они вышли на участок тротуара, освещенный поздним солнцем.

— Подождите-ка... Зря я, что ли, ташу с собой аппарат? Идите рядом, а я сниму вас, как благовоспитанных детей. Возьмитесь за руки... Ну, возьмитесь, возьмитесь!

Все равно ведь вы больше валяете дурака, чем ссоритесь по правде...

Они посмотрели друг на дружку, потом себе под ноги. И... сцепились пальцами. И пошли с опущенными головами. Но Винцент Аркадьевич поймал момент, когда они опять украдкой встретились взглядами — с промелькнувшими улыбками.

Потом Винцент Аркадьевич поместил все три снимка в длинную горизонтальную рамку под стекло. И поставил «триптих» на своем столе. В середине был снимок, где они идут рядышком; слева — где Зинуля замахнулась жирафом, а Вовка дурашливо вжал голову в плечи и закрылся ладонями; справа — где они сидят в кресле спокойно, слушают про Виньку. На Зинулиных коленках все же получились солнечные зайчики, но не очень яркие, снимок не портили.

Но все это было позже. А в тот вечер Вовка напросился в гости. Сказал, что мама и бабушка ушли на чьи-то именины, а ему одному дома неинтересно.

Винцент Аркадьевич напоил Зинулю и Вовку молоком из картонного пакета, а потом рассказал о представлении в Летнем театре на рынке. О «Человеке-невидимке».

2

За день до возвращения Клавдии и Андрея Зинуля и Вовка тоже устроили представление. Тоже с человеком-невидимкой.

В прихожей и в комнате у Зинули они возились часа два. И все это время просили Винцента Аркадьевича не выходить из кабинета.

А когда он по их приглашению вышел — зажмурился. В глаза ему светили с порога Зинулиной комнаты две яркие настольные лампы. За ними был мрак.

Винцент Аркадьевич догадался, что «мрак» изготовлен из черного одеяла, которое Вовка притащил из до-

ма, и черных же штор — ими завешивались окна, когда надо было печатать фотографии.

Звонкий, но зловещий голос донесся из темноты:

— Сядьте на стул и не двигайтесь! И смотрите внимательно!

Винцент Аркадьевич послушно сел. На сцене (то есть в проеме двери) появился артист Владимир Лавочкин — в полосатом халате и в чалме из полотенца. Неловко поклонился и по-турецки сел на табурет. Поднял похожую на указку палочку. Она была, без сомнения, волшебная. Потому что тут же из темноты возник деревянный орел (который обычно стоял на платяном шкафу). Он описал над Вовкиной чалмой круг и пропал.

Винцент Аркадьевич поаплодировал.

Затем полетали в воздухе два мяча. Человек-невидимка жонглировал не очень профессионально, однако мячи не уронил ни разу.

Вовка сошел с табурета и сделал палочкой приглашающий жест. На табурет вскочила длинноногая плюшевая обезьяна Мокки — любимая Зинулина игрушка. Она исполнила акробатический этюд, а потом какой-то современный танец — под бряканье и вяканье портативного магнитофона.

Винцент Аркадьевич уже пригляделся и различал иногда позади обезьяны тощую фигурку в черных колготках и свитере и, видимо, в черном чулке на голове. Он был уверен, что это Зинуля. И очень удивился, когда она в конце «обезьяньего» номера тихонько подошла сзади и спросила:

— Ну как?..

— Очень неплохо... Но кто же там все это делает?

— Как кто? Человек-невидимка!

Зинуля была в обычной полосатой кофточке. Она осталась рядом с дедом, когда обезьяна Мокки раскланялась и уковыляла «за кулисы». А концерт продолжался.

Куклы Барби и Джон лихо исполнили сценку из

американского фильма. То есть подрались. И при этом говорили ненатуральными голосами:

— Дорогая, с тобой все в порядке?

— Да, дорогой, сейчас я тебя застрелю!

Винцент Аркадьевич смеялся и аплодировал снова. Но почему-то не отступала беспокойная мысль: «А кто же все-таки этот человек-невидимка?»

Леночка Косицкая?

Но она утром уехала из дома. Винцент Аркадьевич сам видел из окна, как семейство Косицких погрузилось в свой зеленый «жигуль» и явно отправилось на дачу.

В общем-то, ничего загадочного. Зинуля могла пригласить любого из одноклассников или приятелей со двора. Она девица контактная...

После «американцев» было еще несколько фокусов, в том числе пузатый летающий самовар, который Вовка тоже притащил из дома. Самовар рассердился на «волшебника», грозно летал над его головой и наконец стукнул его медным пузом по чалме. «Волшебник» брякнулся с табурета, задрал ноги в кроссовках китайского производства.

Это был последний номер.

Вовка встал и сказал, что благодарит зрителей за внимание. И добавил:

— Вы, конечно, знаете, что человек-невидимок не бывает. Здесь просто обыкновенное колдовство, вот и все.

Винцент Аркадьевич зааплодировал с новой силой и выразил горячее (пожалуй, даже слишком бурное) одобрение. После этого ему было предложено удалиться к себе.

Тайну человека-невидимки ему так и не открыли. И он не настаивал. Прилег на диван и улыбался, старый дурень, баюкая в себе тайную мысль, что там был... Глебка.

Ну, что поделаешь, если хотелось так думать? Все

равно об этом никто не узнает, а себя стесняться не имело смысла.

А Глебка... он как в прежние времена, присел на край постели и тихонько дышал рядом.

«Ты, главное, не забывай, как был Винькой. А то нам трудно будет узнать друг друга...»

«Я не забываю...»

«Почаще рассказывай ребятам...»

«Я рассказываю. И пишу. Про Рудольфа, про Ферапонта и Петра Петровича мне вспоминать хочется даже больше, чем про всяких лауреатов и академиков, с которыми встречался потом...»

«Про знаменитостей и так известно много... А те, о ком ты сейчас пишешь, они, может, даже интереснее. Только никто этого не знает...»

«Да... например, тихий Никита. Мог бы, наверно, стать знаменитым художником и знатоком народных промыслов, если бы не погиб в пятьдесят третьем. В конце февраля он поехал в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, а вскоре случились похороны Сталина. Его едва не задавили в толпе, он выбрался, но зазевался чуть погода, на почти пустой улице, и попал под машину. Умер в больнице... Та золотистая рамка, где ребячьи снимки, его работа...»

Винцент Аркадьевич задернул шторы и закрыл глаза. И подумал, что надо будет рассказать ребятам о подвигах Ферапонта.

Эта история началась с таинственных пропаж.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРОПАЖИ

1

Кудрявая уехала в Ленинград. Со своей мамой. Винька проводил их до вокзала и взгрустнул. Тем более что его мама тоже уехала. Оказывается, на работе ей полагались еще несколько свободных дней в счет отпуска, ко-

торый она «недогуляла». Она выпросила их у начальства и укатила в Сухую Елань, к отцу.

А почему не поехать? Ремонт закончился, осталось только просохнуть покрашенным полам. О Виньке — забот никаких, все равно он днями и ночами пасется у Людмилы. Там, на Зеленой Площадке, у него и приятелей больше, чем здесь, на улице Короленко.

Винька просился с мамой. Тоже ведь соскучился по отцу! Но мама объяснила, что детям туда нельзя — военный объект. Будто он, Винька Греев, американский шпион!..

Чтобы Винька не печалился, Ферапонт снова дал ему контрамарку. Но второй раз оказалось не очень интересно.

Лучше всего было по вечерам. Уютно так. Все жители «таверны» собирались на кухне. Здесь пахло подгорелым луком и клеем от Никитиных шкатулок и рамок. У потолка горела яркая лампочка под эмалированным колпаком — как на уличном столбе. Загадочной пещерой темнел зев покосившейся русской печи. Блестел в углу медный оклад иконки.

Тетя Дуся грузно усаживалась за стол, говорила, что «всё это грехи, ну да чего уж теперь». И спрашивала:

— Катерина, где он, мешок-то с бочонками?

Тетя Катя доставала увесистый ситцевый мешочек, в котором постукивало. И голосила через все комнаты:

— Лю-у-у-да! Ви-и-нька! Айда играть!

Винька шел. И Людмила шла. Ей вообще-то хотелось чего-нибудь повеселее: в кино на вечерний сеанс или в городской сад. Но она считала, что это нехорошо, пока Николай в командировке. Да и Галку оставлять без материнского присмотра на ночь глядя было боязно.

Женщины рассаживались у стола. Винька — на подоконнике открытого окна. Он оказывался как бы на границе двух пространств: слева — кухня с ее запахами

и желтым светом, справа — «палуба», овраг и закат над темными крышами.

Тихий Никита оставался на своей узкой койке между печкой и дверью. Он редко играл. Чаще возился с цветной соломкой и клеем. В те вечера он из блестящих соломенных квадратиков составлял на фанере прекрасную картину «Салют Победы в Москве». На картине были кремлевские башни, Мавзолей, множество человеческих фигурок, а больше всего — гроздьев ракет с серебристым дымом и широких голубых лучей от прожекторов, которые скрещивались над площадью и собором Василия Блаженного.

Роскошная была картина — шириною чуть не метр и вся такая сверкающая. Понятно, что отрываться от этой работы не было Никите никакого резона. Он только поглядывал на всех из-за фанеры и тихонько смеялся, если в игре случались забавные перепалки или путаница.

Вытаскивать из мешка бочонки и выкрикивать числа чаще всего поручали Виньке. Он это делал звонко и с удовольствием. У многих чисел были прозвища. Одиннадцать — «барабанные палочки», двадцать два — «гуси-лебеди», восемьдесят восемь — «вагонные колеса». Ну и так далее.

Винька нашаривал и выхватывал очередной бочонок, вскидывал над головой:

— Сорок восемь — еще просим!.. Дед — девяносто лет!.. Тридцать три — нос утри!..

И если были на его картах такие цифры, ставил бочонок на нужную клетку.

Остальные закрывали клетки кто чем — орехами, денежками, пуговицами. Главное было — не пропустить число.

— Винька, окаянный, ты чего как из пулемета! — по очереди обижались тетушки. — Давай не так быстро!

— А вы не зевайте! Зачем набрали столько карт!..

Семнадцать — красна девица!.. «Кол с картошкой!» — (Это значит десять.)

Чем больше у тебя карт, тем больше надежды выиграть. Но каждая карта стоила пятачок. Сколько их взял, столько пятаков ставь на кон. Риск... А где риск, там азарт!

Если закрыл все числа в нижнем ряду — кричи «баста!» и греби деньги с кона. Если закрыл средний ряд — твоя половина кона. А если «баста» на верхнем ряду — гляди, чтобы не поколотили. Потому что в этом случае никому никакой выгоды и все, кроме тебя, должны добавлять на кон еще по пятаку...

С некоторых пор стал играть и Ферапонт. Садился на углу стола, лицом чуть не ложился на карты, следил за числами молча и с колючим напряжением. Выигрывал он часто. И сразу быстро, сердито греб к себе пятаки.

А однажды принял участие и Рудольф Яковлевич Циммеркнабе. Посмеиваясь, присел к столу, взял три карты и сразу начал фокусничать: щелкнул пальцами и показал на открытой ладони бочонок с числом «сорок четыре». Щелкнул снова — и нет бочонка.

— Винцент, он там, у тебя в мешке.

Его фокус никого не обрадовал. Тетя Дуся насупилась:

— Ты, Яковлич, давай без этого. У нас игра честная, и твои бесовские штучки нам излишние.

— Не буду, не буду...

И хотя был он колдун и фокусник, играл неудачливо. Наверно, потому, что отвлекался. Часто уходил к себе, а когда возвращался, от него все крепче пахло «Московской». Наконец после очередной игры он сказал: «Минуточку, сударыни» — и больше не появился. Видать, прилег за своей ширмой с тиграми.

— Ну и ладно, — проворчала тетя Дуся. — Или игрой заниматься, или с бутылкой целоваться. А то захотел два горошка на ложку...

— Хоть и силен во всяком колдовстве, а она, проклятушая, все одно сильнее, — умудренно добавила тетька Катя.

На обезьяньем личике Ферапонта было полное безразличие, словно речь о незнакомом.

В тот вечер играли еще долго. Наконец Людмила сказала с досадой:

— Винька, ты чего «нос утри» никак не вытащишь? Оно у меня на всех картах, я никак не могу закрыть.

— А и правда, — заметила тетька Дуся. — Давно не выкликал.

— При чем тут я? Если не попадается! Я же вслепую тащу!

— Вслепую-то вслепую, да уж шибко долго нету... Может, завалился куда бочонок-то?

Решили проверить. Расставили бочонки по порядку — в шеренги по десять. Того, что с числом «тридцать три», не было.

— Я же говорила! — обрадовалась Людмила. Потому что проигрыш ее теперь оказался недействителен.

— Куда его унесла нечистая сила? — всерьез обеспокоилась тетька Дуся. А тетька Катя глянула на дверь.

— Может, это опять он, фокусник наш?

— Нет, — заступился за Рудольфа Винька. — Я «нос утри» вытаскивал, когда он уже ушел. Я им средний ряд закрыл три игры назад...

— Ну, тогда в кармане посмотри! — велела тетька Дуся. Винька обиженно вывернул на штанах единственный карман.

Тетька Дуся окончательно расстроилась:

— Что за напасть! Может, в щель укатился? Вроде ничего на пол не падало.

— Как же не падало! — резким своим голоском вдруг напомнил Ферапонт. — Вы же сами один раз рукавом пуговицы смахнули.

— А и правда!.. Тогда и смелá, наверно. Завтра надо пошарить под полом. Шелей-то в ём, как в заборе...

На этом игра закончилась, Винька пошел спать в блиндаж.

Ферапонт в блиндаже больше не ночевал. Он устроил себе гнездо на чердаке. Тетька Дуся сперва ворчала: «Спалишь нас своими папиросами...» Но Ферапонт пообещал курить только на дворе, и хозяйка успокоилась.

2

Винька не стал зажигать свечу. Он уже привык и не боялся темноты.

Потому что темнота — это вовсе не Тьма. Темнота — это просто когда мало света или вовсе нет его. Даже и без света, в темноте, мир остается прежним, обыкновенным, и самая большая опасность в нем — набить шишку...

Тьма — другое дело.

Лежа в блиндаже, Винька часто размышлял о природе Тьмы. И чем больше размышлял, тем понятнее делалось, что Тьма многообразна. У нее множество разных слоев и пространств. И множество сил, которые живут в слоях мрака.

Эти силы необязательно враждебны. Они могут быть просто чужими. Совершенно иная природа, которая живет по законам, неведомым человеку. Ну, вроде тех черных существ на ночном рынке. Если их не задевать, не соваться близко — не тронут. Но если зазеваешься, раздавят, разотрут во мгле, не заметив, как трактор не замечает букашку. И как их винить за это?

А есть в многоэтажных черных пространствах особенно глубокие и беспросветные норы. В них-то и рождаются духи Тьмы. Вроде того, которого Винька неосторожно выпустил из мячика...

Винька съезжился под одеялом. Вызывал в себе спасительную память о солнце.

Солнышко ясное,
 Золотое, красное,
 Пусть все будет хорошо
 Со всеми, кого я люблю...
 И со мной...
 И пусть у Кудрявой получится операция...

Если страх становился слишком сильным, Винька звал Глебку. Тот усаживался на край топчана и молчал успокоительно. Порой даже ладонь клал на одеяло: не бойся, мол...

Делалось гораздо легче, хотя совсем страх не уходил.

Он и не мог исчезнуть полностью, страх-то. Он — неотъемлемый признак Тьмы. Как бы ее запах. И Винька покорно впитывал его. Хочешь исследовать Тьму — дыши ее воздухом, никуда тут не денешься.

К тому же Винька знал: Тьма, где есть страх, еще не самая полная. Ведь если чего-то боишься, значит, это *что-то* еще не случилось. И значит, есть хоть самая маленькая надежда, что и не случится. А если есть надежда, абсолютной Тьмы быть не может. Надежда — это проблеск.

Абсолютная Тьма — когда в ней уже нет страха. В ней только безнадежность.

Один раз Винька увидел сон про такую безнадежную Тьму.

Ему приснилось, что все умерли. И мама, и папа, и все-все на свете. Он один на Земле. И нечего ждать, не на что надеяться, нечего желать — потому что бесполезно. Плакать, кричать, звать — тоже совершенно бесполезно. Не будет больше ни-че-го.

Кстати, там не было темноты. Винька стоял посреди ровного пустого поля и видел одинокий телеграфный столб с оборванными проводами. И светило тусклое, какое-то лиловое солнце. Но все равно это была *абсолютная Тьма. Абсолютнее той полной черноты, которую Винька видел в отверстии мячика. Непроницаемая.* Винька хотел умереть, чтобы не ощущать этой самой безна-

дежной безнадежности, но и умереть было нельзя. *Такая Тьма была сильнее смерти...*

Но и она не была сильнее *всего*.

Через нее острым своим плечом пробился Глебка. И взял Виньку за руку.

— Идем...

Тут же погасло лиловое солнце, спустился сумрак. Но это был обыкновенный сумрак, в нем пахло клевером и дождем.

Винька и Глебка долго шли в сырой траве, пересекали в темноте ворчащий теплый ручей, и впереди проступила синяя щель рассвета. В ней видны были силуэты причудливых крыш и пирамид. *Что там, Винька не узнал, сон кончился.* Винька отчаянно ухватил его за хвост, не дал забыться и долго лежал в темноте, перекачивая воспоминание взад-вперед.

И наконец понял важный закон.

Да, Абсолютная Тьма может существовать. Но она не может быть вечной. Она — как пограничная полоса. Пускай очень широкая, но все же ее можно перейти. Или переждать. Надо только собраться с силами. Или дожидаться, чтобы кто-то пришел на помощь. Перейдешь, дождешься — и там... ну, непонятно, *что там.* Возможно, совсем иной, неведомый мир (кто знает, вдруг тот самый, где теперь Глебка?). Лучше он или хуже, неизвестно. Однако ясно, что там опять есть надежда...

На следующий день бочонок «нос утри» так и не нашли. В полу и правда хватало щелей, но не таких, чтобы бочонок провалился.

Тетя Дуся опять помянула нечистую силу, а тетя Катя снова вслух заподозрила Рудольфа.

Винька подумал: «А может, и правда он? На расстоянии, с помощью колдовства...»

Но зачем Рудольфу бочонок от лото?

А кто его знает!

Все-таки Рудольф Яковлевич Циммеркнабе имел отношение к Тьме. Ведь тот черный мрак в аттракционе «Человек-невидимка» был не просто темнотой. Он, как ни верти, — кусочек Тьмы. Пускай нестрашной, из самых верхних слоев, почти шуточной, но все-таки... Подозрительность по отношению к иллюзионисту-пьянице не оставляла Виньку. Непонятный он человек. Феррапонт — другое дело. Просто несчастный парнишка, больной и попавший в сети злого фокусника... Или не злого, а тоже несчастного. Но такого, кто знает с духами Тьмы...

Без числа «тридцать три» какое лото?

Тихий Никита обещал выточить в мастерской новый бочонок и вырезать на нем цифры, но это после каникул. А пока он занят был своей картиной. Поэтому вечером решили поиграть в подкидного. Вчетвером — в самый раз. Рудольф и Феррапонт куда-то ушли. Может, снова подрабатывать в ресторане.

Но Людмила Виньку к игре не допустила.

— От тебя пластмассовой дрянью несет! Опять копался на свалке?

Винька копался именно там. По Никитиной просьбе. Никита хотел раму картины оклеить кусочками серой, коричневой и темно-красной пластмассы. Он спешил: работу свою он готовил для областной выставки народного творчества. Винька набрал много цветных квадратиков, и Никита сказал большое спасибо. А со стороны сестрицы — никакого понимания:

— Снимай, обормот, штаны и рубаху, придется опять стирать... А сам иди вылей на себя ведро воды.

Винька лить на себя из ведра не стал. По вечернему оврагу сбегал к бочаге, окунулся в теплую воду. Было тихо, безлюдно и уже сумрачно. В кустах копился мохнатый туман. Над откосами светились окошки. Где-то пела пластинка:

О, голубка моя-а!

Как тебя я люблю-у-у...

Сразу слышно, что не патефон, а радиола. Их теперь продавали в «Культтоварах». Небольшой приемник «Рекорд», у которого сверху откидывается крышка. Под крышкой патефонный круг, а вместо блестящей головки с мембраной — похожий на пластмассовую ложку звукосниматель. Не надо крутить ручку пружинного завода, нажимаю кнопку и слушаю! И звук без всякого шипенья, и можно регулировать громкость. Людмила обещала, что, когда Николай вернется с Севера, они купят такую штуку...

Винька потанцевал на мостках, растерся прихваченным из дома полотенцем и заскакал назад по тропинке. Были сумерки, но не было и намека на Тьму. Наоборот, уютно даже. Лишь комары вели себя по-свински. Винька отмахивался полотенцем...

Когда Винька вернулся, его штаны и ковбойка уже висели на веревке. Спустившиеся до досок лямки цапал коготками черный котенок Степка.

Степку недавно подобрал на улице и принес Никита. Рудольф просил котенка себе, для фокусов на сцене, но тетя Дуся сказала:

— Ишшо чего! Мучить животную...

Степка цапнул раз, другой, потом вцепился в лямку накрепко и закачался на ней. Винька не стал прогонять. Пусть дурачится, жалко, что ли...

Потом Винька лежал в блиндаже и слышал, как Степка легонько ходит по доскам... Интересно, зачем он Рудольфу? Наверно, для эффекта, связанного с Тьмой: самого котенка не видать, а зеленые глаза горят во мраке. Только пришлось бы замазывать белые пятнышки на лапках.

«Ишшо чего! Мучить животную!»

Раздались другие шаги. Тоже легкие, но все же человечьи. Наверно, Феррапонт спустился с чердака поку-

рять... Так и есть, потянуло сквозь щели табаком. Дым-то вечером жметя книзу...

Дурак, зачем он курит? Годами взрослый, а легкие-то как у первоклассника, спалит их на фиг никотином. А скажешь — сразу в ответ: «Ну и спалю! На кой черт мне такая жизнь!»

Может, он и прав...

3

Утром, когда Винька выбрался на «палубу», одежды на веревке не было. Неужели Людмила сняла так рано?

На пустом курятнике сидел Степка и жмурился.

— Где мои манатки? — спросил Винька. Степка уклончиво отвел глаза, стал вылизывать лапу. На березе злорадно закричала ворона.

Винька через окошко пролез в комнату. Людмила и Галка еще спали.

— Люда... Слышь, Люда... Где мои штаны и рубашка?

— А?.. Что?.. Чего тебя в такую рань подняло?.. Что «где»? На веревке, конечно.

— Нету...

Потом был переполох на весь дом.

О ворах в той округе в ту пору не было слышно. По крайней мере, о таких, которые тягали бы с веревок поношенную ребячью одежку. Да еще специально подбирались бы для этого из оврага, лезли на шаткие доски через перила...

«Да я бы и услышал, — думал Винька. — Палуба-то скрипучая...»

Людмила дала Виньке другую рубашку и сатиновые шаровары, которые он брал в лагерь для защиты от злых вечерних комаров и случайного холода. Но вид у шаровар был затрапезный, и бегать в них было неловко, резинки давили живот и щиколотки. Дома в сундуке ле-

жал купленный «на вырост» костюм, но без мамы его не найти. А мамы нет. Да она и все равно не даст: «Истреплешь до школы». К тому же в нем жарко в такую погоду, и мешковатый он, большой чересчур, и вообще Винька в этом пиджаке с лацканами и в брюках с отворотами чувствовал себя жених женихом. Приди-ка в таком виде на Зеленую Площадку...

У какой скотины зачесались руки на чужое добро?

Как ни крутил мозгами Винька, а все сходилось к Ферапонту. Некому больше!

Но ему-то зачем?

Несмотря на малые размеры, Ферапонт презирал всякую детскость. И одежда его была уменьшенной в три раза копией взрослых костюмов. С другой стороны, Винькины рубашка и штаны, хотя и ребячьи, Ферапонту оказались бы, конечно, велики. Ковбойка — до колен, а в штаны можно было бы засунуть двух Ферапонтов.

Когда мама покупала эти штаны Виньке, он, второклассник, был уже больше Ферапонта, а в штанах все равно бултыхался и путался. Лишь после третьего класса они сделались в самый раз. А в начале этого лета мама переставила пуговицы на лямках и на поясе и хотела распустить внизу вельветовые штанины, чтобы снова стали до коленок, но Винька спешил на улицу и сказал «на фиг надо» (за что получил по затылку).

Винька не утруждал себя излишними заботами об одежде. И обновки не любил. Жизненный опыт убедил его, что самое лучшее выглядеть таким, какой ты есть.

Уличные понятия о моде среди Винькиных ровесников были снисходительны и демократичны, однако чутко улавливали несоответствие «формы и содержания». Если очкарик и скрипач Владик Гурченко ходил в голубом матросском костюме с галстучком, это не вызывало никаких замечаний. Но если бы в таком кос-

тумчике появился разухабистый и вредный коротышка Груздик, смеху было бы на всю Зеленую Площадку.

Винька знал про себя, что его вид нынче вполне отвечает репутации «мальчика из культурной семьи, но вовсе не маминого сыночка» (так однажды выразилась в школе Марина Васильевна). Некоторая потрепанность здесь была уместна: когда пацан донашивает старое, это всем понятно. И Винька рассчитывал в своих заслуженных вельветовых штанах пробегать не только это лето, но, может быть, и следующее. Надо только отрезать лямки и сделать из них на поясе петли для ремня. К тому, что куцы, никто придираяться не станет, могли дразнить лишь за шкеровозы.

Шкеровозами назывались лямки. Потому что штаны назывались «шкеры» или «шкерики», в зависимости от размера.

Но теперь в Винькиных шкериках будет гулять кто-то другой. Или пустит их на тряпки, зараза. А перед этим прочитает, конечно, почти законченное письмо для Кудрявой. Винька его написал, чтобы отправить, когда станет известен точный адрес. Пока от Кудрявой и ее мамы бабушка получила только телеграмму: доехали хорошо, подробности письмом...

В Винькином письме ничего особенного не было, лишь про всякие мелкие новости, про котенка Степку и про погоду. Но все равно противно, если сунет нос посторонний... Да и писать письмо заново — это такая работа!

О письме Винька жалел, пожалуй, не меньше, чем о штанах и рубашке.

Неприятностей добавила шумная соседка Полина Сергеевна. Пришла к тете Дусе и заявила, что «братишка-то вашей квартирантки сегодня у меня в саду учинил сплошное разбойство, все ветки на яблонях обломал, бессовестный».

Винька услышал и возмутился от души. Дикие яб-

лочки в том саду были не крупнее крыжовника, а вкус такой, что от них и от спелых-то скулы сводит, а сейчас они были еще сплошная зелень.

— На кой мне ваша кислятина! От нее челюсти вывихиваются!

— Вот я про что и говорю! Кишечную слабость только заработаешь! Да хоть бы ветки-то пожалел!

— Да не был я там! — Винька чуть не заревел.

— Уж будто бы не был! Я твою клетчатку рубаху не спутаю, я ее из окна каждый день вижу на улице!..

Полину Сергеевну разубедили. Рассказали про кражу. Она поохала вместе со всеми. Потом обмерила Виньку глазами.

— Ну да, тот вроде поменьше был. Юркий такой, а штаны на ём как юбка...

Но и тут никто не подумал на Ферапонта, хотя его с утра не было дома. Рудольф похрапывал за ширмой — выходной нынче, — а Ферапонт где-то гулял. Ну и что? Он и раньше, случалось, исчезал на целый день. Иногда один где-то бродил, иногда они с Нинусь Ромашкиной ходили в кино...

А на следующее утро штаны и ковбойка опять висели на веревке. На прежнем месте. На шкеровозе снова качался Степка.

— Кыш, черномазый! — Винька первым делом проверил карман: там ли письмо?

Письмо было на месте. И желтый помятый рубль. И два пятака. И... еще то, чего раньше не было! Винька нащупал бочонок от лото!

Гладкая деревяшка скользнула из пальцев, стукнула у ног. Степка обрадованно погнал ее по доскам. Бочонок прыгнул в большую щель. Винька махнул через перила, забрался под настил, отыскал бочонок среди бледных травинков.

Да, это был он — две тройки!

Винька так и сел там, под досками. По-турецки. В растерянной задумчивости.

Кому это все было надо?

Может, выходки духа Тьмы? Но они же не злое-щие, а просто глупые!

Размышляя, Винька рассеянно оттискивал на себе цифры бочонка. На ладони, на ноге, на животе. Отпечатки были уже не тройки, а старинные буквы Е. Похожее на вензель Екатерины Второй на трехкопеечной монете, которую Винька когда-то прикладывал к глазу...

Сидеть так и ломать голову не имело смысла. Винька опять выбрался наверх. Натянул вновь обретенные шкерики и ковбойку. Спрятал бочонок в карман. И полез на чердак.

Ферапонт не спал. Дымил, уставясь в крышу. Дернулся, хотел спрятать папиросу, но понял, что глупо.

— Напугал. Я думал, Авдотья. Опять крик подняла бы...

— Ну и правильно подняла бы. Спалишь всех.

— Да я же не во сне. Одну с утра...

Тогда Винька сказал прямо:

— Ты зачем брал мою одежду?

Ферапонт затаился, покашлял и не стал отпираться:

— Ну и что же, что брал. Вернул ведь. Жалко тебе?

— Я не говорю, что жалко. Я говорю: *зачем?*

Ферапонт дымил и молчал. Виньку вдруг осенило! Он слегка застеснялся этой догадки, но все же спросил:

— Захотел, что ли, вспомнить, как был пацаном?

Ферапонт опять не стал отпираться.

— Ну, может, и так... — Он плюнул на окурок. Затолкал его обратно в пачку, а ее сунул под подушку.

Винька помолчал виновато.

— Ну, ладно... А бочонок-то для чего ты стырил?

Ферапонт глянул ошестиненно, отвернулся.

— Ты сам-то не допёр, что ли, для чего? Для колдовства...

ПОДВИГИ ФЕРАПОНТА

1

Винька молчал слегка опасливо и выжидательно. Он чувствовал, что Ферапонт сейчас все расскажет.

Ферапонт натянул рваное ватное одеяло до носа. Под этим одеялом, съезженный, он казался еще меньше.

— Я ведь кое-чего поднабрался от Рудольфа-то, — сказал он наконец сипловатым полусшепотом. — Он где-то халтурщик, а где-то... наверно, кое-что знает про магию. Про колдовство то есть... И в книгу его я заглядывал... Я тебе про нее говорил. Толстая такая, растрепанная, без корочек. Читать трудно, буквы всякие старинные попадают, которые были еще до революции. Но я кой-чего осилил... Там есть одна глава, называется «Магия чисел»...

Винька глотнул от волнения. Что-то непонятное, имеющее отношение к Тьме, просочилось на этот утренний, с солнечными щелями, чердак.

— Там есть одна такая хитрость, — покашливая и глядя вверх над собой, продолжал Ферапонт. — Сперва надо загадать, что хочешь. А потом выбрать наугад число. И от этого числа танцевать дальше. Это... головоломная система, надо сильно шевелить мозгами, пока весь план построишь. Тут и от цифр много чего зависит, и от того, *что* ты загадал. И от твоего соображения. А когда план готов, надо убедиться, что он правильный...

— Как?

— Ну, это просто. Хоть как можно. Можно денежку кинуть семь раз. Если орел выпадет больше, чем решка, значит, верно...

— И ты кидал?

— Кидал... Не это главное. Главное было правильно станцевать от цифр. Я ведь не знал, какие выпадут, я наугад бочонок-то стащил. А когда увидел две тройки, прямо чуть не завизжал от счастья. Тридцать три — это

же одно из самых волшебных чисел. С ним что хочешь может получиться...

— А чего ты хотел-то?

— Чего хотел... Я же не зря твои шмутки с веревки увел. Думаешь, мне просто захотелось в коротких штанишках побегать да вспомнить, как до войны по садам лазил?

— А зачем тогда?

— Помнишь, ты сказал, что, наверно, скоро придумают лекарство для излечения... малорослости?

— Ну...

— Может, и правда придумают. Только на меня оно не подействует, во мне эта болезнь уже застарела. Она и не болезнь уже, а так... устройство организма... Его не вылечишь. А если снова стать пацаном, когда организм еще такой весь... ну, податливый, послушный всякому лечению, тогда другое дело... Я даже подумал: если опять сделаюсь ребенком, и буду нормально питаться, и зарядку делать, и вообще всякие режимы соблюдать, может, и без лекарств в рост пойду...

— Значит, главное дело в том, чтобы... помолодеть?

— Да! А тут уж без магии — никак. Потому что обычная наука бессильна... Я и решил выстроить пирамиду. Так называется вся эта... колдовская операция, которая состоит из чисел и всяких поступков. На числе «тридцать три» она прямо сама собой строится... — Ферапонт шептал уже без неловкого покашливания, горячо и торопливо. Потому что Винька слушал, доверчиво округлив рот и «растопырив» глаза.

— А какая она? Пирамида-то...

— Ну, это дела всякие. Во-первых, три дня надо погулять в ребячьей одежде. Во-вторых, совершить несколько поступков, тоже ребячьих. Сколько число указывает...

— Тридцать три?!

— Нет. В магии, там другая арифметика. Не три-

дцать три, а три и три. Чтобы половина из них были хорошие, а половина — вредные. Ну, как в жизни нормального пацана...

— И опять станешь мальчиком?

— Если все сделать правильно... Тогда через тридцать три дня станешь будто первоклассник...

Винька представил Ферапонта-первоклассника с гладким лицом, пухлыми щеками и растрепанной мальчишечьей прической. Наверно, славный получился бы пацаненок...

— Подожди! А почему ты не стал все это делать-то? Одежду вернул...

— Потому что не додумал все до конца. Неправильно выстроил план. Я в первый же день это понял: запутался с последней тройкой. Их ведь на бочонке-то четыре, две с одной стороны, две с другой. С тремя ясно: три дня, три хороших дела, три плохих... А четвертая — что?

— Что?

— Я сперва думал — с одеждой связано: одна рубаша, одни штаны — они же множественного числа, штанин-то две, вот и выходит снова тройка...

«Глупо это», — мелькнуло у Виньки.

— Глупо это, — эхом откликнулся Ферапонт. — В магии такая чушь не допускается. Я это к вечеру понял, когда голова закружилась и затошнило... Дело вовсе не в том, сколько там чего. Просто нельзя, чтобы одежда была ворованная, это сразу разрушает всю пирамиду.

— Может, купить в «Детских товарах»?

— Да нет же! Тогда она будет не ребячья, а ничья. Надо, чтобы ее уже поносил какой-то мальчик. И чтобы подарил ее... тому, кто колдует. Сам, по-доброму...

— Я могу. Только не эту. Без этой я никак... Да и велика она тебе!

Ферапонт опять засмушался, натянул до носа одеяло.

— Видишь ли, тут одно условие нужно. С последней

тройкой связанное... Понимаешь, человек должен быть правдивый. Иначе пирамида получится искаженная, вместо пользы будет беда... Он не должен никому врать перед тем, как подарит свою одежду.

— Три дня? — опасливо догадался Винька. И лихо-радочно начал припоминать: было ли в последние три дня что-нибудь *такое*? Ох, наверняка было...

— Если бы три дня, — печально откликнулся Ферапонт. — Тут вступает в силу другая хитрость: острые точки пирамиды...

— Чего? — замигал Винька.

— Вот слушай. Ты вообще-то знаешь, что такое пирамида?

Винька знал. Во-первых, так назывались детские игрушки из цветных кружков, которые надевались на деревянный стерженек с подставкой. Во-вторых...

— Это как в Египте, что ли?

— Нет. У тех в основании квадрат. А здесь — шестигранник. Понимаешь, кладутся три хороших поступка и три плохих и соединяются линиями. А над этим шестигранником — острая вершина, самая главная точка. Она — то самое желание, которое ты задумал. От точек шестиугольника тянутся к этой верхушке прямые линии. Вот и получается шестигранная пирамида... Ну, ты геометрию еще не учил, тебе трудно представить...

— Нет, я представляю... — Винька и правда как бы увидел повисшую в пространстве колючую фигуру с блестящими треугольными гранями и с шестигранным донышком (будто каменная плитка на полу в фойе кинотеатра «Победа»). Подошел по воздуху к пирамиде Глебка, тронул пальцем острую вершину, сунул палец в рот — уколол, наверно. Покачал головой, но без осуждения, с улыбкой. И пропал...

— Я понимаю, — повторил Винька. — Только не понимаю, сколько дней надо без вранья...

— Я тоже сперва не понимал. А потом просчитал.

У пирамиды семь точек. Их-то и надо умножить на последнюю тройку. Получается двадцать один день. Это сколько хозяин одежды должен перед этим не врать.

— Ни один нормальный человек столько не сможет, — с унылой уверенностью сообщил Винька. — Чтобы за три недели не соврать ни разу!

— Но ведь не всякое вранье здесь считается! Если например, тебя спрашивают «как живешь», а ты говоришь «спасибо, хорошо», а на самом деле тебе фигово, это ведь не ложь, а так... вежливость. Или кавалер барышне говорит «вы сегодня прекрасно выглядите», хотя она мыра... это ведь тоже...

— Это комплимент!

— Ну да... А вот если ты у мамыши спер деньжат на кино и говоришь «не брал»...

— Никогда я ничего не спирал! — возмутился Винька.

— Или когда тебя спрашивают «как дела в школе», а у тебя «пара» за диктант, а ты — «все нормально»...

— Сейчас давно уже каникулы, — слегка покраснев, напомнил Винька.

Он быстро перебрал в голове все дни прошедших трех недель. Да, по мелочам врать случалось. «Винька, ты опять зубы не чистил?» — «Да ничего подобного! Я их так скреб, что чуть щетка не сломалась!» Но большой бессовестной лжи не было, это он помнил точно.

И Винька обрадовался. И за себя и, главным образом, за Ферапонта.

2

Днем Винька побывал в отремонтированной квартире. Полы уже высохли (желтые, блестящие!), но мебель не была еще расставлена. Винька сквозь завалы стульев и узлов добрался до сундука с одеждой. Покопался и нашел что надо.

Это была мятая сатиновая матроска — когда-то синяя, а нынче белесая от многих стирок. А еще — серые,

из похожей на мешковину ткани штаны, которые застегивались на щиколотках, у ботинок. Винька в первом классе ходил в них в школу осенью и зимой. Жарковато в них будет Ферапонту, но зато длинные, хотя в то же время вполне детские. Винька догадывался, что двадцатилетнему Ферапонту они придутся по душе больше, чем те, которые когда-то прилагались к матроске.

Ферапонт одобрил Винькин подарок. Переоделся в блиндаже, повертелся, оглядывая себя.

— В самый раз, по размеру. Если кто к роже не приглядится, не отличит от пацана... Теперь бы на три дня смотаться куда-нибудь от Рудольфа, чтоб не приставал. Ты не знаешь про какую-нибудь... подпольную квартиру?

— Попробую узнать...

Во второй половине дня Винька собрал на дворе Эдьки Ширяева приятелей с Зеленой Площадки. Откровенно изложил им историю Ферапонта.

Отнеслись с пониманием. Тем более что дело пахло приключениями.

Только Груздик плюнул сквозь дырку от выпавшего зуба.

— Бабушкины сказки.

Груздику объяснили, по какому месту он получит, если не перестанет «скрести на свой хребет». Про Ферапонта кое-кто уже знал, были на аттракционе «Человек-невидимка».

Очкарик и скрипач Владик Гурченко сказал:

— Мама совершенно не будет возражать, если Ферапонт несколько раз переночует у нас.

— Мама грохнется в обморок, — предсказал Эдька.

— Ну, тогда можно оборудовать убежище под нашей верандой. Мама про это место не знает, я сам иногда укрываюсь там от занятий музыкой.

Этот вариант приняли. Потом Винька привел и представил Ферапонта.

Ферапонт очень смущался. Он, артист, привыкший выступать перед сотнями зрителей, тут вдруг обмяк и даже начал заикаться.

Груздик снисходительно ободрил гостя:

— Да ты не бойсь, тута все свои. Живи как мы.

И... Ферапонт заулыбался. И попросил, чтобы его звали Федей.

Был разработан план трех дней. За этот срок Ферапонт должен был совершить шесть подвигов (три добрых и три — наоборот), которые изменят его дальнейшую жизнь.

Первое хорошее дело — пусть забьет гол в матче-реванше со «смоленскими».

— А если не получится? — засомневался Федя. — Я уже лет десять не играл. Да и раньше-то кое-как...

— Мы создадим тебе условия, — пообещал Владик Гурченко (интеллигент и музыкант, в футбол он играл тем не менее весьма прилично). — Прорвемся и сделаем тебе пас. Только не лезь в офсайд...

Второй добрый поступок — пускай Ферапонт рано поутру проберется на двор к старой домовладелице Климовне и, как целая тимуровская команда, сложит ее разваленную поленницу. Складывать все равно пришлось бы: бабка была ветхая, а дрова развалили ребята, когда оравой пронеслись через двор во время игры в мушкетеров и гвардейцев из кино «Железная маска».

Третье дело Ферапонт предложил сам: в каком-нибудь сарае или на сеновале он даст представление для юных жителей Зеленой Площадки — тех, кто сейчас собрался здесь.

— Только без посторонних, ладно? А то Рудольф проведает да нагрянет...

Со скверными делами, как всегда, оказалось проще. Первое — подбросить в огород вредного семейства Колуяновых пластмассовую дымовуху. Пожарного риска от нее нет, а вонь будет на весь участок.

Второе — на чьем-нибудь дворе, где сохнет белье, завязать тугими узлами рукава выстиранных рубашек.

— А третье получится само собой, — вздохнул Ферапонт. — Я сорву выступление Рудольфа. Сегодня он не работает, потому что на рынке выходной. Завтра тоже не работает: в балагане выступает какая-то самодеятельность. А послезавтра будет крик — куда я девался. Ну, совсем-то аттракцион не провалится, там есть запасной вариант, без меня. Но будет жидко, могут освидетельствовать... Ладно, зато уж правда худое дело...

— А сегодняшний день считается? — озабоченно спросил Груздик.

— Конечно! До вечера можно успеть еще много!

3

Вечером артист «Федя» на пустом сеновале Шурилехов дал представление для избранного круга.

В раскрытый квадратный лаз и щели светило золотистое вечернее солнце, и в этих лучах Ферапонт жонглировал мячиками и палками, кувыркался, делал стойки и показывал фокусы с картами, которые принес с собой. Но самое лучшее — это была чечетка. Ферапонт отбивал разные ритмы, наверно, полчаса, а зрители продолжали кричать «еще!».

Специально для чечетки Ферапонт попросил Виньку принести лаковые башмачки. А вообще-то он ходил сейчас в дырявых сандалиях, которые дал ему на время Груздик.

В тот же вечер Ферапонт успешно запустил вонючую дымовуху в чужой огород. Крик был на весь квартал, взрослые обзывали ребят шпаной и бандитами, но не пойман — не вор.

На рассвете следующего дня Ферапонт, спавший под верандой, был разбужен добросовестным Владиком, съел принесенный им бутерброд, был препровожден ко двору Климовны и успешно справился с полен-

ницей. Ему помогали добровольцы Шурилехи. Доброе дело не становится хуже, если в нем участвуют не один, а трое.

Чтобы не терять времени, Ферапонт проник на двор по соседству, где на шнуре сушились старые галифе. Шурилехи стояли на «полундре». Ферапонт суетливо скрутил узлами узкие внизу штанины. Все обошлось. А могло и не обойтись, кончиться разрывом сердца. Потому что, когда Ферапонт завязывал вторую штанину, из-за сарая вышел кудлатый пес ростом с теленка. Ферапонт закостенел. Шурилехи сдавленно крикнули:

— Не бойся, это Пират, он не кусается!

Пират обнюхал крошечного злоумышленника, подышал ему в застывшее от ужаса лицо и махнул хвостом, похожим на помело.

Когда Ферапонт слегка отмяк, сказал: «Песик, песик...» — и пошел к забору, Пират проводил его. И даже подтолкнул носом в спину, когда Ферапонт протискивался между досок. Подождал несколько секунд и наконец гавкнул, потрясая окрестности.

Диверсанты припустили по Комаровскому переулку и остановились только на дворе у Шурилехов. Ферапонт держался за грудь. Сказал, что сердце прыгает так, будто вот-вот выскочит из заднего прохода. Но сердце не выскочило, и он пошел на сеновал — досыпать.

Дальше Ферапонт целый день жил, как все мальчишки. Бегал на бочагу купаться, по-мушкетерски дрался на палках, гонял футбольный мяч — тренировался перед завтрашним матчем. Заработал несколько ссадин на лбу и на локтях, порвал штаны и, кажется, был счастлив.

На следующий день Ферапонт довершил задуманное. В матче со «смоленскими» он заколотил соперника гол. Красивый такой, с подачи Владика Гурченко.

Этот гол оказался решающим. Он спас Зеленую Площадку от очередного разгрома, получилась ничья: во-

семь — восемь. «Федю» поздравляли. Тем более что он вообще играл неплохо. Навыка у него не было, но все же вчерашняя тренировка даром не прошла. Помогали и природная проворность, и ловкость артиста-акробата.

Конечно, «смоленские» разглядели, что незнакомый пацан какой-то *не такой*. Их капитан Валерка Маслов по кличке Нога даже спросил:

— А этот парень в порванных шкерах, он чё, лилипутик?

Винька, оказавшийся рядом, ответил небрежно:

— Сам ты лилипутик. Просто у него осложнение на лицевых мышцах после болезни. Кардиотифозный энцефалит.

Такое сверхмудреное название любил повторять Николай, муж Людмилы, когда к нему привязывалась какая-нибудь хворь.

Нога сделал понимающее лицо.

Когда отдышались после игры и проводили «смоленских», Эдка предложил снова сходить на бочагу. А то, мол, пыльные все.

Пошли. Ферапонт поглядывал по сторонам, чтобы не наткнуться на Рудольфа.

— Да не бойся, — сказал Винька. — Он же сейчас на представлении.

— А как он вообще-то? — неловко спросил Ферапонт. — Сильно психует?

— Да по-всякому... То ходит по двору и канючит: «Маленький, где ты?» А то орет: «Убью паршивца, когда вернется!» — честно сказал Винька. — А потом опять: «Маленький, куда ты ушел, как я без тебя...»

Ферапонт засопел. То ли сердито, то ли жалобно.

Виньке там, в «таверне», было непросто. И Рудольф, и Людмила, и тетушки приставали наперебой: «Ты, наверно, знаешь, куда девался Ферапонт!»

— Да отстаньте вы, ничего я не знаю! — кричал в от-

вет Винька. — Он только сказал недавно: «Скоро устрою себе отпуск дня на три, а потом вернусь. Пускай Рудольф не шумит, как на базаре...»

Теперь врать было можно с легкой душой, на колдовстве это не скажется, одежду-то он уже подарил.

Рудольф горько кивал и шел за ширму с тиграми утешить себя рюмочкой.

— Может, в милицию заявить? — спрашивала жалостливая тетя Катя. — А то, не дай Бог, сгинет мальчонка...

Рудольф махал рукой и снова объяснял, что с Маленьким такое случается не впервые.

— Никуда не денется. Вот только с выступлением будет худо. Без ножа режет, мерзавец...

Когда искупались и, вытряхивая воду из ушей, прыгали на мостках и на траве, Груздик вдруг завопил:

— Ух ты, рёбя, гляди, какой зверь!

Раздвигая травинки, шел по берегу могучий черный жук-рогач. Над ним наклонились, но тронуть никто не решался.

— В коробку бы его, — опасливо предложил один из Шурилехов.

— Тебя бы самого в коробку, — сказал Винька. — Он и так в ней насиделся. Это мой знакомый... — Он ухватил рогача за спину и отнес подальше в кусты. Его провожали уважительными взглядами.

«Гуляй и больше не попадайся», — мысленно сказал жуку Винька. Ему нравилось думать, что рогач и правда *тот самый*. — А то опять угодишь в ящик, как генерал Монк...»

От невезучего генерала мысли прыгнули к Луизе де Лавальер из той же книжки. От Луизы — к Кудрявой. «Как она там?»

Вспомнилось, как недавно морочил ей голову своими придуманными приключениями в ночной библиотеке. Даже совесть слегка царапнула. Ну да ладно, это

же для интереса. И давно уже это было... Да нет, не так уж давно. Наверно, недели две назад...

Две?

А как же с трехнедельным запретом на вранье?

ДУХ ТЬМЫ ГДЕ-ТО РЯДОМ

1

Следующие два часа были полны тяжких раздумий. Винька сидел в блиндаже и держался за голову.

Пытался успокоить себя. Это же, мол, несерьезное вранье, пустяковое. Вроде того, когда: «Как живете?» — «Спасибо, хорошо», хотя хорошего мало.

Чем дольше он себя уговаривал, тем понятнее делалось: не пустяк это. Он же сочинил историю про серьезное приключение, про победу над страхом, и Кудрявая до сих пор верит, что *все это было*.

Нет, такой случай неспроста. Возможно, дух Тьмы, выпущенный из мячика, не рассеялся постепенно в воздухе, как на то надеялся Винька. Он улучил момент и сотворил зло. Помешал доброму колдовству и спасению Ферапонта.

Завтра утром Ферапонт появится здесь полный счастливых надежд: ведь он выполнил все волшебные условия! И не будет знать, что его хитрости с числом «тридцать три» и пирамидой — псу под хвост!

Что же Виньке делать, как смотреть в глаза Ферапонту? Сразу про все честно рассказать? Или ждать, будто ничего не случилось? Может, колдовство все же подействует? А если не подействует, кто догадается, что виноват здесь он, Винька?

А бедняга Ферапонт так и будет маяться всю жизнь?

И ему, Виньке, маяться? Потому что он-то до конца своей и Ферапонтовой жизни будет знать, чья здесь вина!

«Но ведь я же не хотел! Я же честно не помнил про то вранье! Какой толк, если я в нем признаюсь? Фера-

понту это не поможет, он только начнет мучиться раньше срока. А так хоть тридцать три дня поживет с надеждой... Ведь все равно же сделать *ничего нельзя*, да, Глебка?»

Присевший рядом Глебка уклончиво молчал. Как бы говорил: решай сам.

Он-то, Глебка, знал: сделать кое-что еще можно.

Знал и Винька.

Только думать про это было страшно.

И все же это не страшнее, чем мучиться долгие годы.

Винька встал с топчана, стряхивая сомнения. Стукнулся макушкой о провисшую доску. Этот удар еще больше отрезвил его.

До закрытия библиотеки оставалось чуть больше часа.

Если сегодня, до конца трехдневного колдовского срока, сделать то, о чем он рассказывал Кудрявой, ошибка, может быть, исправится? Ведь придуманная история станет правдой!

А если уже поздно?

«Исправить вранье никогда не поздно», — словно услышал Винька назидательный мамин голос. Так она говорила, когда Винька скрепя сердце признавался в полученных двойках.

А Глебка молчал одобрительно.

А дух Тьмы тоже молчал — обозленно и трусливо, потому что его коварство готово было рассыпаться от Винькиной решимости.

Чтобы решимость эта не угасла, Винька начал готовиться к тайной операции *с лихорадочной спешкой*.

Операцию вполне можно было назвать, как аттракцион Рудольфа, — «Человек-невидимка». И, конечно, очень пригодился бы черный костюм — вроде того, что у Нинусь Ромашкиной. Но где его взять? Да и как идти в таком по улицам? Нужно было обходиться тем, что есть.

Винька охлопал веником штаны, чтобы выбить из

них белесую пыль. Бросил в блиндаже пеструю ковбойку, а у Людмилы попросил темно-синюю рубашку.

— Надоели эти клетки, просто уже с души воротит. А синяя — вон какая красивая!

— С какой стати ты решил наряжаться под вечер? На свидание идешь, что ли? Скажу Кудрявой, когда придет...

Винька с ходу придумал, что идет не на свидание, а к однокласснику Толику Сосновскому, которого сегодня случайно встретил на улице.

— Он приехал из Киева, от бабушки. Звал меня в гости, мы будем новые диафильмы смотреть. Я у него переночую, его мама разрешила...

Конечно, это было тоже немалое вранье. Но оно же для доброго дела! А кроме того, уже после трех недель.

— Избегался ты весь, — вздохнула Людмила, как мама. — Нет на тебя управы.

Винька сказал, что управы не надо, потому что он и так очень послушный.

Мы сестрицу слушались —
Хорошо накушались!
Если б мы не слушались,
Мы бы не накушались!

С этой дурашливой песней (исполняемой для подавления страхов) Винька побежал со двора. Якобы к Толику.

Он выбрал дорогу через овраг. Заглянул к бочаге. Здесь никого не было, только искрились в предвечернем солнце стрекозы. Тепло, безветренно, вода — как зеркало. Виньке и нужно было зеркало. Он встал на краю мостков, наклонился над своим отражением.

Да, темная рубашка хорошо сольется с сумраком. Штаны тоже. Лицо, руки и ноги, конечно, не как у негра, но такие загорелые, что и они Виньку не выдадут. И волосы. Они, хотя и посветлели к середине лета, но

все же не как у блондина. Вот только белые пуговицы были явно не к месту.

Винька прыгнул с мостков на берег и безжалостно замазал пуговицы сырой глиной. Затем так же поступил с коленями, чтобы закрыть розовые проплешины от сухих отвалившихся корост. И с пряжками на сандалиях — чтобы не заискрились.

По лестнице он выбрался из оврага и помчался на Кировскую, к библиотеке.

2

Летом читальный зал закрывался в восемь. Времени оставалось с полчаса.

Три белые узорчатые башни церкви казались золотистыми в свете июльского вечера. Винька привычно любовался ими от угла Кировской и Первомайской и наискосок пересек пустую мощеную дорогу.

С независимым видом потянул тяжелую дверь. А что такого? Пришел мальчик в библиотеку. Поздновато, ну да мало ли какие могут быть причины...

Полутемный вестибюль обдал Виньку резкой прохладой и привычным, но все равно таинственным запахом, который источали старинные кирпичи и тысячи книг. Сердце застучало. «Глебка, не отставай, ладно?»

Сперва Винька думал, что честно подойдет к Петру Петровичу, попросит томик «Виконта», посидит с ним «до упора», а при последнем ударе колокола выйдет из зала и притаится в коридорном сумраке.

Но сейчас он почуял, как безлюдна в этот момент библиотека. Наверно, никого, кроме Петра Петровича, в ней уже нет. И поскольку никто Виньку не встретил, зачем хитрить-мудрить?

Винька на цыпочках пошел по чугунным ступеням плавно изогнутой лестницы. В коридоре второго этажа ярко светились полукруглые окна с узорчатыми решетками. Но в тамбуре, который соединял читальный зал с

коридором, окон не было. Горела под потолком неяркая лампочка. А дальний угол просторного тамбура укрывала густая тень. Кроме того, там стоял застекленный шкаф — между ним и окрашенной в темно-зеленый цвет стеной оставался узкий проем — в нем совсем темно.

В этот проем и задвинул себя проникший в тамбур Винька. Прижался лопатками к прохладной стене.

Где расположился Глебка — непонятно. Однако он по-прежнему был рядом. Без него Винька, наверно, совсем ослабел бы от боязливости.

Оставалось ждать и бояться. Бояться пока что не темноты и гулкости пустой церкви, а того, что его, Виньку, обнаружат.

Но как? Если Петр Петрович, проходя через тамбур, и глянет в сторону шкафа, Винька все равно неразличим. Он — человек-невидимка.

Лишь бы скорее...

Виньке ведомы были все здешние порядки. Он знал, что дверь в читальный зал не запирается. Замок лишь на той двери, что ведет из тамбура в коридор.

Утром опять придется прятаться здесь же, чтобы выскользнуть незаметно. Но до этого еще далеко. Впереди ночь — неведомая и долгая... У Виньки холодело в животе.

Дважды ударил колокол. Значит, в зале все же есть читатели. Да, прошли через тамбур две аккуратные девицы-старшеклассницы. Может, как Варя, готовились поступать в институт?

Хорошо, если Петр Петрович не задержится в зале после восьми...

Он не задержался. Вышел почти сразу после девиц, даже не позвонил больше. Значит, в зале никого уже не осталось.

Скрипнула дверь... Ох, ну скорее же! Да идите же вы, Петр Петрович, домой! Без задержки!

Он остановился в тамбуре. Сутулый, седой, в своем

потертом кителе. И... конечно же, глянул туда, где Винька!.. Нет, это он на шкаф. Подошел к нему, растворил дверцы. Что-то искал на полках и мурлыкал:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы... Товарищ... Товарищ...

— А куда же, товарищ, она подевалась? Неужели я ее оставил дома? Будь ты, товарищ, неладен...

Неужели он не слышит, как колотится Винькино сердце? Будто кулаком по пустому ведру!..

Все кончается. Кончилось и это испытание. Бормоча, Петр Петрович покинул тамбур. Увесисто прикрылась наружная дверь. Шелк — погасла лампочка. Сразу мрак хоть выколи глаза!.. Нет, не совсем. Сквозь щель у двери читального зала пробивался свет.

Винька помаялся в темном углу еще несколько минут. Вдруг Петр Петрович что-нибудь забыл и вернется? И тогда — здрасте, дорогой товарищ Греев! Это будет, пожалуй, неприятней всяких привидений и духа Тьмы.

«Не думай о них», — подсказал Глебка.

«Не буду. Честное пионерское...»

Винька выбрался из-за шкафа и толкнул дверь, ведущую в зал.

Пахнувший книгами простор открылся навстречу Виньке. Пустой зал казался куда шире, чем в обычное время, при читателях. Он был косо просвечен желтыми лучами — они входили в узкие, с полукруглым верхом окна. Пробивались через частые переплеты рам и листья тополей за стеклами.

Свет лучей был неяркий, желтый и какой-то торжественный. Словно здесь все еще настоящая церковь. «А может, Бог все-таки есть? — мелькнуло у Виньки. — Вон какая красота...»

Страха не было. Даже тревоги не было. Наоборот, какая-то успокоенность и тишина в душе. И Винька по-

думал, что так будет еще не меньше часа: солнце в июле заходит около девяти. А потом долго тянутся светлые сумерки. Чтобы все было по правде — страх, сумрак и ночное чтение, нужно дождаться полуночной темноты.

Ох, сколько ждаться-то...

Винька решил заранее взять книгу. Томики Дюма стояли на полке позади стойки, за которой Петр Петрович восседал в течение рабочего дня.

Винька впервые в жизни зашел за стойку — в запретную зону. Влез на стремянку, взял наугад один из томов «Виконта». Прыгнул на пол и зацепил при этом локтем холодный, пахнувший медью колокол. Тот отозвался полузвонком. Винька присел, зажав уши.

«Вот смешной, кого ты боишься-то? Пусто вокруг», — шепнул Глебка.

Винька выпрямился. Самое время было узнать тайну: с какого корабля эта рында? Но на краю колокола, обращенном к стене, надписи не обнаружилось. Никакой. Винька поскучнел.

Лишенными тайны оказались и те предметы, которые Винька разглядел на полках под стойкой: электроплитка, эмалированный чайник, несколько стаканов, какие-то банки и завернутая в обрезок вафельного полотенца хлебная горбушка... Ну и ладно, нечего соваться к чужим вещам.

С книжкой Винька ушел в закругленную часть зала, где раньше был алтарь. Примостился на вытертом плюшевом диване. В ближнем окне была открыта форточка. За ней, в тополе, шелестели крыльями и вскрикивали воробьи. Прогудел на Кировской грузовик. Где-то далеко раздавались удары ладоней по волейбольному мячу.

Глебки рядышком теперь не ощущалось: он, видимо, решил, что пока не нужен Виньке.

Винька прилег щекой на мягкий подлокотник. Читать сейчас не имело смысла, не ночь. Вот когда стемнеет — другое дело.

Фонарика у Виньки не было, он прихватил свечной огарок и спички. Конечно, от свечи останется запах, но в таком громадном помещении он не будет замечен. Да и рассеется к утру.

Когда свечка догорит, Винька заберется опять в закуток за шкафом и там на корточках подремлет до утра. В тесном уголке оно как-то... безопаснее, что ли...

А если страхи не станут подползать очень прилипчиво, можно до рассвета поспать и здесь... Глаза почему-то слипаются уже сейчас...

Винька проснулся, когда за окном была густая синева. Его заставил очнуться тот природный будильник, который иногда среди ночи подымает человека и велит идти куда следует... Ой-ой-ой, как же он, Винька, раньше не подумал о такой опасности? Как теперь быть?

Хотелось ужасно. Так, что даже сгустившийся мрак сводчатого зала не казался очень страшным... Нет, вглядываться все же не надо. Известно, что страхи, которые прячутся в темноте, могут выскочить неожиданно. А это способствует испусканию жидкости из человека. Но что делать-то? Не в форточку же... Да и не добраться до нее, высоко...

Вот будет скандал!..

Винька понял, что уповать можно только на великое чудо. На то, что Петр Петрович по какой-то причине, на его, Винькино, счастье, не запер наружную дверь.

Подвывая в душе, Винька ринулся через жуть сумрачного пространства. Да, она ощущалась, жуть-то, но задерживаться и ужасаться не было времени и сил. Винька почти на четвереньках пересек зал, толкнул ладонями одну дверь, затем вторую, в тамбуре... О, небывалая радость! Дверь была не заперта!

Ну и правильно! Зачем ее запирают, если снаружи на библиотеке все равно во-от такой замок!

Винька думал об этом, пробираясь по коридору и

чугунной лестнице. Двигался он почти на ощупь, но быстро. Духи Тьмы (не один, а стая), конечно же, метались над Винькой и задевали его чем-то мохнатым и пыльным. Однако болезненная пружина внутри Виньки была чувствительнее страхов.

Хорошо, что Винька знал библиотеку, как свой дом. И в конце черного коридора на первом этаже он безошибочно уткнулся в узкую дощатую дверьцу.

Уф, наконец-то...

Здесь Винька, чтобы не промахнуться, зажег огарок. Поставил его на полочку умывальника... Вот и все...

Но чем больше ощущалось облегчение внутри, тем сильнее сгушался внешний страх. Страх перед страхами!

Ох, если бы Винька не оставил книгу на диване, как прекрасно можно было бы провести ночь здесь! Со свечкой и «Виконтом». В такие тесные уютные помещеньица никакие злые духи не заглядывают. Эти заведения — только для людей.

Но сколько ни жалей, а надо идти обратно.

Может, со свечкой?

Но с ней идти придется медленно, чтобы не погасло пламя. В переходах и на лестнице будут метаться тени, а из углов и ниш смотреть... Кто будет смотреть, лучше не думать.

Лучше опять рывком в темноте. В ней меньше видно всякого *такого*.

А в зале схватить книжку — и опять сюда!

Винькин бег был похож на прорыв сквозь густой, как кисель, черный туман. Тьма липла к лицу, сопротивлялась напору Винькиного тела. Да это была уже не темнота, а Тьма! Вдобавок на лестнице кто-то ухватил Виньку за слетевший с плеча шкеровоз, рванул назад.

— А-а-а! — Винька сел на корточки и зажал уши. Пообмирал с полминуты, готовясь к гибели. Потом сквозь ужас до него дошло, что это был заваренный от-

росток на коленчатой трубе отопления — за него иногда зацеплялись и днем.

Похныкивая, Винька пошел дальше. В затылке сидела тупая боль. Оторвавшаяся ляжка скребла концом по ступеням.

Опять тамбур и зал. Синева узких окон, черные тайны отдаленных углов. Почти неразличимые в сумраке столы с твердыми краями...

Винька добрался до дивана, тихонько постонал на нем, не глядя по сторонам. Нащупал книжку. Ох, а теперь еще назад...

«Не надо назад-то, — шепнул оказавшийся рядом Глебка. — Нечестно это. Ты же говорил Кудрявой, что читал «Виконта» в зале...»

«Не все ли равно?»

«Если было б все равно, люди лазали б в окно...»

«А я и так лазаю в окно! Часто!»

«Это неважно. Хочешь исправить вранье — делай все точно. А то вон какой хитрый...»

«А сам-то... тоже хитрый. Куда ты девался, когда я там один, в коридорах...»

«За тобой не угонишься», — хихикнул Глебка. Он иногда мог и такое.

Виньке стало чуть полегче. Хотя Тьма все равно подползала отовсюду.

Может, очертить защитительный круг? Как Хома Брут в повести Гоголя «Вий»?

«Зачем? Тебе не поможет, ты же неверующий... Ты лучше про такие книжки сейчас не вспоминал бы...»

Это, Глебка, правильно. Только ведь все равно вспоминаются!

Винька, одолевая тягучую, как резина, боязнь, чиркнул спичкой, зажег огарок, поставил его на пол сбоку от дивана. Там, у батареи, был тесный уголок, в нем все же защищеннее, чем на диване. Винька сел на паркет, придвинул книжку к огоньку, открыл наугад.

«— Смерть им, смерть! — кричали пятьдесят тысяч глоток.

— Да, смерть им, смерть! — ревело несколько десятков особенно яростных голосов, точно отвечая толпе».

Тем же самым криком откликнулось в темно-синем зале эхо — неслышное, но тугое. Надавило на Виньку. Он приказал себе не менять страницу. Перелистнешь, а там что-нибудь еще хуже. Дочитал лист до конца. Больше и не надо. Главное, что он *читал* здесь.

Винька опасливо поднял глаза. От светлой страницы, от свечи металась в глазах зеленые пятна. Сквозь них Винька видел окно. В этом окне за стеклами не было листы. Ночное небо там синело чисто и пустынно.

Потом в окне возникла (будто всплыла!) высокая женщина в платье до пят. Женщина встала на подоконнике, упираясь ладонями в края оконной ниши. Она смотрела на Виньку. Частый черный переплет рамы смутно просвечивал сквозь нее.

Винька сдавленно завизжал. Зажмурился. Сидел так долго — ничего не случилось. Винька открыл один глаз. Женщины не было.

«Чего не покажется с перепугу», — сочувственно прошептал Глебка.

Винька опасливо подышал и задул свечку. Чтобы не привлекла к себе *кого-нибудь*. В темноте он, Винька, незаметен.

А еще незаметнее он будет за диваном, под наклонной спинкой, в щели у стены. Винька ужом ввинтился в тесный промежуток. Теперь все будет хорошо. Теперь... ай! В зале зажегся свет.

Не яркий, не от люстры, но явно электрический.

Духи Тьмы не выносят электричества. Они... наоборот...

Винька, обмирая, слегка пролез вперед. Высунул голову. На стойке горела настольная лампа с белым фаян-

совым абажуром. У нее возился с плиткой и чайником Петр Петрович.

То, что испытал Винька, называется «смешанное чувство». Сразу улетели все страхи. Ни Тьмы, ни духов, один только заведующий читальным залом, знакомый и привычный. Но тут же — новая тревога: как выбраться отсюда, если Петр Петрович вздумает провести здесь ночь?

Зачем его сюда принесло?

Ох, добром все это не кончится...

Ежась от предчувствий, Винька смотрел, а Петр Петрович хозяйничал. Достал сахарницу, нарезал горбушку, намазал чем-то ломтики. Чайник наконец забулкал. Тогда Петр Петрович, не оборачиваясь, сказал:

— Кажется, все готово. Ну-с, любезный Винцент Греев, вылезайте из-под дивана, и прошу к столу.

ГИМНАЗИСТЫ

1

Винька понимал, какой он *сейчас*. Взъерошенный, с оторванной лямкой, в мятой рубаше с перемазанными глиной пуговицами, с той же глиной на коленях и сандалиях. Виноватый весь, от пяток до опущенной ниже плеч головушки, он топтался перед Петром Петровичем и хотел одного: чтобы все поскорей закончилось. Пускай хоть как, лишь бы скорее.

Заведующий залом, однако, не спешил. Он вел себя по-светски:

— Ну-с, как же насчет чайку? Предпочитаете с сахаром или с медом? А можно с тем и другим...

Винька мученически поднял глаза: к чему издеваться над человеком?

— Ладно, — сжалился Петр Петрович. — Все равно мы не уйдем от главного вопроса: зачем ты здесь оказался?.. А?

Винька опять уперся глазами в сандалии. Кашлянул, чтобы перебороть слезную осиплость. Но все равно получилось еле слышно:

— Я ничего плохого не хотел... Самое честное слово...

Петр Петрович вдруг засмеялся — дребезжаще и весело:

— Голубчик мой, да в этом-то я не сомневаюсь! Я тебя немножко знаю. Уверен, что ты не замышлял ни диверсии, ни хищения редких книг. Но *что именно* ты замышлял? А? Мне это крайне любопытно...

Винька опять виновато покашлял. В нем шевельнулась надежда на благополучный исход. Но маленькая, чуть-чуть.

Петр Петрович от ближнего стола придвинул два стула. На один мягко, но решительно усадил за плечи Виньку. На другой сел сам. Против Виньки.

— Так что же?.. Скорее всего, тобой двигала страсть к приключениям, разбуженная книгами бессмертного Дюма. А?.. Если ты скажешь, что это так, я поверю, ибо сам был отроком десяти лет отроду...

— Мне уже почти одиннадцать, — буркнул Винька.

— Отроком одиннадцати лет я был тоже, представь себе! Правда, тебе покажется, что этот факт имел место на заре каменного века, поскольку было это еще задолго до революции. Но все, мой друг, относительно! Мне-то кажется, что это было почти вчера... И память о приключениях тех лет до сих пор свежа...

Винька царапал сандалией паркет. Отколупывал от колена чешуйки высохшей глины (все равно маскировка уже не нужна). И понимал: самое простое дело — признаться. Сказать, что да, захотелось испытать ночные тайны и переживания. Поспорил, мол, с ребятами, что переночует один в библиотеке. Как, например, маленький Максим Горький спорил, что переночует на кладбище...

Но ведь опять будет неправда! Может, и безобидная, потому что после трехнедельного срока. Но, с другой стороны, она имеет отношение к истории, которую он рассказал Кудрявой. Значит, есть опасение, что повредит. Да и вообще... как-то стыдно врать в глаза этому старику во флотском кителе, хорошему человеку, который всегда по-доброму относился к Виньке.

А говорить все как есть тоже было стыдно.

Винька все же выговорил:

— Какие там приключения. Страх один...

— Но ведь в страхе, по-моему, есть свой интерес, а?

Винька помотал головой:

— Нету интереса...

— Тогда что же тебя привело под своды этого хранилища знаний?

Винька (по-прежнему с головой ниже плеч) колупнул еще одну глиняную чешуйку.

— Просто... не было выхода.

— Вот как?

— Ну да...

— А можно узнать подробности?

— Я... даже не знаю, про что тут говорить...

— Когда не знаешь, лучше всего говорить правду.

— Да это само собой! Только... вы, наверно, скажете, что я дурак...

Петр Петрович прижал к груди кулаки.

— Вот этого я не скажу никогда! Потому что это не так!

— Ну... у меня есть одна... товарищ. То есть знакомая девочка. Я ей рассказывал то, что читал здесь, у вас. А однажды наврал ей, будто пробрался сюда, когда уже все ушли, и читал всю ночь... А потом оказалось, что это вранье может принести вред. И я решил, чтобы все стало по правде...

— И правильно решил. И молодец... Только я не по-

нял, какой тут мог случиться вред? Вполне безобидная фантазия...

— Я сперва тоже думал, что безобидная. А потом оказалось...

— Ну-ну?

— Вы помните Ферапонта? Того лилипута в «Человеке-невидимке»?

— Еще бы! Весьма симпатичная личность!

— Ну вот. Это из-за него...

— Минутку. Давай-ка сядем к столу, возьмем стаканы, и за чаем ты не спеша расскажешь мне обо всем... Подожди, а дома-то тебя не ищут?

— Да нет, я все устроил!

— Тогда давай! Видишь ли, я любопытен от природы. А то, что связано с моим бывшим другом Циммеркнабе, мне любопытно вдвойне...

Винька рассказал про Ферапонта и колдовство. Сперва стеснялся так, что чай застревал в горле. И кусочки хлеба, намазанные медом, застревали.

Но потом разговорился. Только в конце снова стало неловко, и Винька насупленно спросил:

— Вы, наверно, скажете, что все это чепуха, да?

— Как знать, как знать... На свете еще столько непонятного. Я не берусь судить... По крайней мере, в таких делах надо использовать все шансы. И ты, конечно, прав, что не оставил своим участием Ферапонта... В любом случае он будет знать, что у него есть друзья.

— Петр Петрович... А как вы узнали, что я за диваном?

— Что?... А! Ха-ха! Да то, что ты в библиотеке, не было для меня секретом с самого начала. Я видел в окно, как ты вошел! Перед самым закрытием. И главное — вошел, но не вышел. А потом — этакое напряженное дыхание за шкафом. У меня, дорогой мой, отличный слух. Профессиональный. Думаю, ладно, посмотрим, что

дальше. Домой не пошел, остался в кабинете нашей заведующей. Через час заглянул в зал, а ты спишь на диване — уютно так, будто у себя дома. Ну, что же... А потом твое ночное путешествие по темным коридорам...

Уже победивший смущение Винька весело сказал:

— Мне казалось, что кругом привидения и чудовища...

— Понимаю, что *ощущений* тебе хватило. Я слышал, как ты, бедняга, стонал и вскрикивал на лестнице. Хотел даже поспешить на помощь, а потом подумал, что каждый должен пройти выбранные испытания до конца... А?

— Ага...

— А теперь, когда ты их прошел, могу дать совет. Есть простой способ, как избавиться от ночных страхов. И от веры в Запределье...

— Во что?

— В Запределье. Это я еще мальчишкой придумал для себя такое слово. Называл так всякое... такое, что не поддается объяснению. Разные миры, где водятся чудеса — добрые и злые. И где, наверно, обитают и духи Тьмы, о которых ты обмолвился... Понимаешь, в Запределье царит чересполосица светлого и черного, как частые тени деревьев на солнечной аллее в саду. Можно, конечно, перешагивать через тени, ступать лишь по светлому. Как по шпалам на железной дороге. Но мало кто умеет приспособить свой шаг, чтобы не сбиться никогда. Не бывает, голубчик, чтобы ни разу не попасть во Тьму... А к тому же порой оказывается, что шпалы-то и есть Тьма. Понадеешься: они, мол, твердые, прочные, а на самом деле... Я непонятно говорю, да?

— Понятно, — вздохнул Винька.

Ему ясно увиделся прямой железнодорожный путь с серебристыми рельсами на черных (наверно, просмоленных) шпалах. Вдалеке путь уходил в синеватую загадочную мглу... Увидев железную дорогу, Винька сразу

подумал о Глебке, который так любил (так любит!) рельсы и паровозы.

— ...Понимаешь, голубчик, избавиться от всего такого, от веры в потусторонний мир, не очень сложно. Необходимо лишь некоторое усилие воли. Три дня подряд, утром и перед сном, надо делать глубокий вдох и негромко, но внятно двенадцать раз говорить себе: «Не бойся. Не бойся...» И в конце концов почувствуешь, что от всего *этого* ты избавился. Сделай так... если хочешь.

— А вы? Избавились?

— Гм... дать тебе еще меду?

— Ага... то есть пожалуйста.

— Видишь ли... Избавиться от Запределья можно лишь от всего разом. Не получится так, чтобы только черные полосы пропали. Добрые чудеса исчезнут тоже. И светлые пространства...

«И где тогда будет жить Глебка? Он... он же исчезнет тоже! На-со-всем!..»

Винька уткнулся носом в стакан. Петр Петрович покашлял и попросил:

— Пускай этот разговор останется между нами, ладно? А то меня, старого дурня, чего доброго, уволят за суеверия...

Винька шепотом сказал в стакан:

— Я никому... никогда...

— Вот и хорошо... Вообще-то, мне уже пенсия положена, я свое отслужил. Но вот без этой работы было бы мне трудно, привык я к книгам. И к вам, обожателям Дюма и Жюль Верна...

Винька решил на вопрос:

— А раньше вы моряком были, да?

— Что ты! Какой моряк мог получиться из юноши с дефектом плечевого сустава! Ты же видишь... Даже в армию не взяли, когда хотел добровольцем на Первую мировую, бить Вильгельма... А в Красную Армию взяли. И надо сказать, флотскую форму я все-таки надел, да.

Здесь, когда наступал Колчак, создали речную флотилию, и я попал на буксир «Витязь», переделанный под канонерку. Радиотелеграфистом. Я в этом деле тогда уже понимал...

Ну, канонерку нашу пустили на дно в первом же бою. Конечно, все на ней были красные герои, но Колчак-то — он адмирал, профессионал. И офицеры его... Как уцелел, сам не знаю...

— Но наши же все равно потом победили!

— Безусловно. А я стал работать на береговых пунктах связи и в портовых конторах. Всю жизнь провел у телеграфных аппаратов и радиостанций. Поскольку учреждения эти были под началом у морского и речного ведомств, форму давали с якорями. И китель свой я донашиваю законно, хотя на экваторе и в Сингапуре не бывал.

— Все равно у вас интересная была профессия. И важная, — вежливо сказал Винька.

— Несомненно. Я и сейчас еще балуюсь этим делом. Как любитель... А чем еще дома заниматься? Дети разъехались, жены давно нет. Такие вот дела...

Наступило молчание. Грустноватое. И чтобы разбить его, Винька спросил, хотя ответ знал заранее:

— А вот этот колокол, он, значит, тоже не с корабля?

— Это один из самых маленьких колоколов Спасской церкви. Той, где мы сейчас сидим. Когда церковь закрывали, большие колокола увезли на переплавку, а этот чудом сохранился. Я отыскал его однажды в подвале.

— Петр Петрович... А как это люди столько веков верили, что Бог есть, а потом сразу поняли, что нету? Потому что революция, да?

— Выходит, потому... Когда революция, многие сразу видят, что нет на свете Бога...

— Умнеют, да?

— Выходит, так. Поумнеешь тут...

— Петр Петрович, вы говорили, что Рудольф Яковлевич ваш бывший друг. А потом... вы поссорились?

— Очень давно. Даже не поссорились, а... так...

— Наверно... потому что он к белым ушел? — высказал Винька тайную догадку.

— Да никуда он не ушел, выступал со своими фокусами в цирках и ресторанах. И перед теми, и перед другими, всех цветов... Тогда это было обычное дело. Считалось, что власть — одно, а искусство — другое... А разошлись мы с ним гораздо раньше. Было нам тогда по тринадцать лет... Ты знаешь красный дом на берегу, там сейчас училище ФЗО?

— Конечно!

— Раньше в нем была мужская гимназия. Я уже говорил, что мы с Рудольфом учились там в одном классе...

2

— Папаша Рудольфа — Яков Циммеркнабе — был владелец часовой мастерской, — рассказывал Петр Петрович. — Мастерская захудалая, жили они бедно. А наше семейство тоже было небогатое. Отец служил в пароходстве на чиновничьей должности, каким-то там помощником, ранг невысокий. Один кормил всю семью. Голодом не сидели, денег хватало и на квартиру, и на еду, и на мелкие радости, вроде пластинок для граммофона. И чтобы выписать журналы «Нива» и «Вокруг света». Но и только. Даже дачу снять на лето не могли, хотя для чиновничьей семьи дело это было обыкновенное...

Сошлись мы с Рудольфом еще во втором классе — на общих интересах. Оба читатели были такие, что от книги за уши не оттащишь. Майн-Рид, Жаколио, Стивенсон... А еще — техника! Тогда аэропланы, мотоциклы, телефоны, кинематограф — все это было в новинку. Особенно здесь, в провинции. Мы про эти чудеса знали

в основном понаслышке и отчаянно желали поскорее к ним приобщиться. Возились с батарейками, лампочками, звонками, магнитами. Еще до первого полета братьев Райт сконструировали модель летательного аппарата, тяжелую, как тачка, пустили с обрыва. И оба не сдержали слез, когда наше творение бесславно рассыпалось на куски...

В общем, сдружались так, что жить не могли друг без друга. Тем более что других приятелей ни у него, ни у меня не было. Я — маленький, кособокий, он — тощий, длинношей, тоже, как говорится, малопривлекательный. И возникло у нас этакое родство душ... В третьем классе мы даже клятву дали на берегу. Как Герцен и Огарев на Воробьевых горах. Не читал еще «Былое и думы»? Ну, понятно, это у тебя впереди...

А в четвертом классе у нескольких ребят возник к Рудольфу интерес. Дело в том, что Рудольф уже тогда увлекался фокусами и поднаторел в этом деле изрядно. Я им восхищался от души, он и правда талант... Ну вот, показал он кое-что на переменах раз, другой и вызвал симпатию некоего Вениамина Крутова. Отец этого Венички, Федор Иннокентьевич Крутов, человек был состоятельный, акционер пароходной компании. Ну, у Вени, конечно, и круг друзей соответствующий. Они даже формой своей гимназической от нас, разночинцев, отличались. Все в мундирах, сшитых по заказу, отглаженных, с тугими талиями, как гвардейцы. А мы в своих коломанковых блузах и поясах с бляхами — словно деревенские рекруты...

И вот стала эта крутовская компания приваживать Рудольфа к себе. А поскольку я его друг, то и меня. По правде говоря, и Рудольфу, и мне это было лестно. И любопытно. Бывали мы в крутовском доме, катались в его экипаже, угощали нас обедами и чаями. Сестры у Вени — такие милые, вежливые, в платьицах с кружевами... Потом рождественская елка, подарки...

Но я-то скоро почувал, что сбоку припёка. Рудольф — тот свою причастность к компании честно отрабатывал. Такие представления устраивал, что даже взрослые открывали рты и аплодировали, как столичному гастролю. Даже сам папаша Крутов... А я — что? Мои нехитрые самоделки кому нужны?.. Еще я стихи писал, но стеснялся этого так, что скорее бы на плаху пошел, чем прочитал публично...

Нет, меня не отшивали явно, все было корректно, прилично. Воспитанные мальчишки. Но... то забудут пригласить куда-нибудь, когда зовут Рудольфа. То соберутся в кружок, ведут свой разговор, а я в сторонке. Подойду, а они умолкают...

А я, надо сказать, был маленький, шуплый, но жутко самолюбивый... Вот ты рассказывал сейчас про Феррапонта, а я вспоминал себя...

Но все-таки я переживал не столько за себя, сколько за Рудольфа. Я видел то, чего не видел он (или старался не видеть). Понимаешь, они держали его при себе для забавы. Были с ним предельно милы, подчеркнута вежливости, но внутри, по-моему, прятали пренебрежение. И между мной и Рудольфом появилась трещинка. Однажды я сказал ему:

«Они с тобой поиграют, а потом прогонят, как надоевшую собачонку».

Рудольф искренне возмутился:

«Да ты что! Они настоящие друзья! И мои, и твои! Веня сказал, что пригласит нас в летние каникулы на дачу! Со всей компанией. Хоть на целое лето!»

И представь себе, пригласил...

— И вы поехали?

— Да, поехал... Понимал, что нечего соваться с суконным рылом в калашный ряд, но победило любопытство. А главное — не хотел я оставлять Рудольфа. По правде говоря, просто боялся: потеряю друга окончательно...

Посадили нас на пароход и повезли до деревни Верхний Бор, там небольшая пристань. А от пристани до дачного поселка еще верст двадцать. Доехали на лошадях...

— Верста — это километр?

— Да. Подлиннее на самую малость... Интересно все было, ново. Казалось сперва, все будет чудесно. Экзамены за четвертый класс сданы, лето впереди — бесконечное... Но очень скоро появилась во мне этакая съезженность. Почти как у оборванного уличного мальчишки в королевских покоях. Помнишь «Принца и нищего»? Ну вот... Вся эта крутовская команда — в соломенных шляпах, в летних костюмчиках с матросскими воротниками, а мы с Рудольфом в своих старых гимназических штанах и блузах-косоворотках, ничего специального для летнего сезона у нас не нашлось... Однако все время ежиться не будешь, тем более что всяких радостей и удовольствий хватало.

Купанья, лодки, походы по лесу, игра в крокет, вечерний чай на веранде. Мотыльки у керосиновых ламп. Сирень... она в том году поздно цвела... Короче говоря, первая неделя прошла почти безоблачно.

А потом... Потом-то все равно должно было что-то случиться. И случилось.

Сестры Крутовы затеяли домашние концерты. С пением под пианино и гитару, со стихами, танцами... Я-то, конечно, отсиживался в уголке, а Рудольф развернулся во всю силу своих дарований. Так увлекся ролью фокусника и мага, что целыми днями не снимал тюрбан, сделанный из купального полотенца. И не только уже на концертах, а при любом случае свои таланты показывал... Понимаешь, все хорошо в меру, а он, можно сказать, увяз в своей роли по уши. То и дело трюки: с шарами от крокета, с картами, с карманными часами, с чайными ложками. И при этом всякие ужимки. В ответ, конечно, аплодисменты и смех. Вскоре уже так пове-

лось: где Рудик, там цирк и веселье. Мне это веселье казалось обидным.

Я несколько раз говорил Рудольфу:

«Чего ты паясничаешь!»

А он:

«Я оттачиваю мастерство».

«Они же не над мастерством смеются, а над тобой.

Ты не фокусник уже стал, а клоун...»

«Да ну тебя! Ты просто злишься, что на тебя Лидочка не глядит».

Лидочка была на год старше своего брата Вениamina. Очень милая такая девочка, изящная. Пела чудесно. Конечно, она мне нравилась. Но я чувствовал себя чуть ли не уродом и, разумеется, не помышлял о взаимной симпатии, понимал, кто есть кто. Поэтому в ответ лишь обругал Рудольфа. Довольно грубо. Впервые в жизни. А он не разозлился. Будто даже не заметил...

А Лидочка через день вдруг подошла ко мне:

«Петя, правду ли говорят, что вы пишете стихи?»

«Кто говорит?» — вспыхнул я. И захотелось огреть Рудольфа по башке. Скотина длинноязыкая!

«Ах, это совершенно неважно. Талант все равно нельзя удержать в секрете... Скажите, вы не могли бы сочинить два-три куплета для своего друга? Нужен мадригал...»

Я заморгал:

«Что нужно?»

«Хвалебное стихотворение. Мы на сегодняшнем концерте собираемся возвеличить Рудика за его замечательные способности».

Я набычился и пробормотал:

«Не... я такие не пишу...»

«А какие же вы пишете? Наверно, про любовь?»

«Нет...»

Я писал про рыцарей и морские приключения. Но сказать про это постыдился и буркнул:

«Про электричество...»

«Ах как интересно! А мадригал, значит, не ваш жанр? Извините...» И упорхнула.

Стихи о Рудольфе сочинил кто-то другой. Я их помню по сей день.

Вечером на широком крыльце, которое служило сценой, устроили «коронацию». Рудольфа усадили на покрытый чем-то золотистым стул, и приятель Венки Крутова, Игорь Субботин, постоянный тогдашний декламатор, возгласил:

Знаменитый наш комнатный мальчик
То и дело творит чудеса!
Лишь поднимет магический пальчик —
Сразу дыбом встают волосы!
Он с утра до вечернего чая
Потешать нас все время готов.
И за это его мы венчаем
Сей роскошной короной шутов!

И тут Лидочка и ее сестра Аня надели на Рудольфа картонную корону с бубенчиками...

Я думал, Рудька вскочит, растопчет ее. А он... сидел и улыбался.

Неужели он и в ту минуту ничего не понял? Ведь смеялись почти неприкрыто.

Понимаешь, Виня, если бы его величали как артиста, как восточного мага, другое дело. А то ведь воспели как шута! И вот эти слова — «комнатный мальчик»... Будто комнатная собачка или мальчик-прислуга для уборки комнат. И вдвойне обидно, что обыграли при этом его фамилию... Ты еще не учил немецкий язык?

— Нет. Мы в пятом классе будем. А может быть, английский, я не знаю...

— Дело в том, что «Циммеркнабе» по-немецки как раз и означает «комнатный мальчик». Не исключено, что какой-то предок Рудольфа — из тех немцев, что приехали в Россию искать счастья еще при Екатерине Великой, — действительно был комнатным служкой в чьем-

то поместье... И вот здесь, на даче, эти «друзья» Рудольфа своими стихами как бы предсказали ему на всю жизнь: быть тебе слугой и шутом. Так мне, по крайней мере, показалось.

Я не выдержал и крикнул:

«Рудька, встань! Уйди! Они же издеваются!»

А он сидел и улыбался.

Лидочка повернула ко мне хорошенькое личико:

«Петя, да что с вами? Мы ведь шутим!»

Тогда я вскочил со скамейки и убежал в сад, в самую глушь. И ужинать не пошел. А ночевал на сеновале. Меня сперва искали, окликали, потом оставили в покое. Видно, решили: перебесится мальчик и остынет... Взрослые в наши отношения не вмешивались. Наверно, считали, что свои дела дети утрясут сами...

На сеновале я всю ночь сочинял стихи. Горячие и романтические, в духе Михаила Юрьевича Лермонтова. Сперва для Рудольфа:

Я не могу резвиться и смеяться,
Когда измены взмахнута праща.
Ты другом был, а стал теперь паяцем,
И потому я говорю: «Прощай!»

Потом Вениамину Крутову и его друзьям и сестрам:

А вы, когда ленивою ногою
Столкнуть шута решите с корабля,
Не отпускайте в путь его нагого
И за старанье дайте два рубля!

«Нагого» — то есть нищего, голого, голодного. Никому не нужно...

Ранним утром я пришил бумагу к столбу веранды — кухонным ножом! — и отправился в Верхний Бор, на пристань... Стихотворные строчки все прыгали в голове, а в горле скребло от горечи прощания и от слез.

Я теперь, Виня, понимаю, что стихи были смешные и неуклюжие, но...

— Хорошие стихи! Справедливые! — Винька всей

душой переживал страдания гимназиста Пети. Словно сам этим Петей сделался!

— Ну... хорошие или нет, а тогда я излил в них всю свою обиду, все терзания...

Повесил я на палку узелок с вещами и ботинки, положил палку на плечо, подвернул свои гимназические штаны и зашагал по лесной дороге. В кармане у меня была кое-какая мелочь, я знал, что на дешевый палубный билет до города хватит.

Часа через два, на полдороге, догнала меня бричка с кучером Мироном. Сытый такой бородатый дядька.

«Так что велено вас, — говорит, — подвезти...»

Я обрадовался, в бричку влез.

«Ладно, — говорю, — поехали».

А он заворачивает.

«Ты куда, Мирон? Пристань не там!»

«А мне велено не на пристань, а на дачу».

Я кубарем с брички. Он — ко мне и руки растопырив:

«Не балуйте, сделайте одолжение. Потому как приказано доставить непременно...»

Я узелок и башмаки скинул в траву, палку наперевес:

«Только сунься!»

Ну, Мирон потоптался, да и поехал назад. А меня вскоре догнал на телеге мужичок из ближней деревни. «На пристань, гимназист? Садись, чего зазря ноги бить...»

Доехали. Купил я билет на пароход «Рюрик». Он, кстати, и теперь еще ходит, под именем «Дзержинский»... И к вечеру был я дома.

— А дальше? — после короткого молчания сказал Винька.

— А дальше было уже все другое. Как бы следующая страница жизни. Я будто разом повзрослел... С Рудольфом мы больше не вступали, как говорится, ни в какие контакты. Будто не замечали друг друга, и так до самого

выпуска из гимназии. Потом он на время куда-то исчез. А я поступил на технические курсы при пароходстве... Хотел в инженеры, да политехнического института в нашем городе не было, а уехать я не мог: отец к тому времени умер, мама болела, а в доме еще младший брат и сестренка...

Однажды, в январе семнадцатого, незадолго до революции, мы с Рудольфом столкнулись на улице. Рудольф был в офицерской фуражке, но в штатском пальто. Может быть, он служил по военному ведомству в какой-то тыловой конторе. Мы... посмотрели друг на друга, отвели глаза и разошлись. До сих пор жалею, что не сделал к нему шага...

— Но он же... сам виноват.

— Не знаю, голубчик. Не думаю. Скорее всего, виноват в конце нашей дружбы я...

— Почему?!

— Не надо было там, на даче, оставлять его. Я, как ни крути, был покрепче характером, хотя и выглядел заморышем... Мы ведь тогда на берегу поклялись ни за что на свете не бросать друг друга...

— Но если он сам... приклеился к этим буржуям!

— Приклеился... Я, кстати, оказался прав, дружба его с компанией Венички к осени кончилась. Так что я мог торжествовать. Но торжества не было, только печаль, хотя и приугасшая. А иногда и совесть щипала: все-таки я его бросил... хотя и знал, что он слабовольный.

— Он и теперь слабовольный. Это Ферапонт говорит. Поэтому он и пьет все время.

— Грустно...

— А может... вам еще не поздно встретиться и помириться?

— Какой смысл? Мы оба уже не те. В лучшем случае посидели бы за рюмочкой да вспомнили бы детские годы. Два расчувствовавшихся старикана... Меня почему-

то больше тревожит судьба этого малыша, Ферапонта. Не сгинул бы он по вине Рудольфа.

— Ферапонт ведь не слабовольный, хотя и маленький. Он... наоборот. А теперь еще и колдовство это... Вдруг поможет?

— Кто знает... Ладно, голубчик, укладывайся на диван. Смотри, уже рассвет в окнах.

— А вы?

— А я почитаю до утра. Бессонница...

Петр Петрович разбудил Виньку, когда часы «П. Буре» показывали восемь.

— Глотни чайку на дорогу и беги домой. А то как бы там не догадались о ночных похождениях...

Запивая чаем сухие ломтики с медом, Винька вдруг признался:

— Петр Петрович, а мне вчера тут привиделось такое... Будто женщина в окне, почти прозрачная. Стоит и руки вот так. Я чуть не помер... Вы никогда такого не видели?

Заведующий залом позвенел ложечкой.

— Видишь ли... те, кто приходит навестить нас *оттуда*, всегда кажутся прозрачными. Возможно, это была моя супруга Елизавета Кузьминишна. Решила повидать меня, да перепутала окна... Ну-ну, не открывай так рот, захлебнешься. Считай, что это утренняя шутка. Для зарядки...

НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

1

Винька рассчитывал, что утром встретит Ферапонта в «таверне». Но тот не появился. Винька побежал к Эдьке Ширяеву. Ферапонт был там, в компании друзей-приятелей. Веселый и беззаботный. Виньке даже показалось, что лицо карлика сделалось более мальчишечьим.

Ферапонт на лужайке перед крыльцом опять ходил колесом и жонглировал мячиками. Потом прыгнул на ступень и отбил чечетку — с разными ритмами, будто всякие фразы выбивал шелканьем подошв.

Винька вспомнил трофейное кино «Сети шпионажа». Там красавица-танцовщица рассыпчатым треском кастаньет передавала по азбуке Морзе своему возлюбленному сигнал опасности. За это ее застрелили. Ферапонта застрелить было некому, но все равно Виньку заскребло беспокойство. Он вспомнил историю Рудольфа-гимназиста. Как бы и Ферапонт не попал в шуты!

Винька хмуро сказал:

— Рудольф рвет и мечет. Сейчас орал, что пойдет в милицию.

— А пусть идет хоть на... — заявил Ферапонт при общем одобрительном хихиканье. — Я только что попросил Груздика, чтобы он письмо отволок, бросил в ящик у калитки. Там я написал, что еще погуляю. Мне отпуск полагается еще за прошлый год... Ты меня только не выдавай.

Винька не собирался выдавать Ферапонта. Но и оставаться здесь, с компанией, не хотелось. У него хватало своих забот.

Все больше тревожило Виньку, что мама до сих пор не приехала из Сухой Елани. И Кудрявая не пишет. И Николаю пора бы возвратиться из тайги, а о нем ни слуху ни духу, Людмила ходит сумрачная...

Когда Винька вернулся в «таверну», Рудольф на дворе размахивал письмом Ферапонта. Он был трезв и потому ругался особенно зло. Причем выражался как-то несвойственно для себя и вообще для нормального человека. Почти лозунгами:

— Он что, паразит, думает, на него нет трудового законодательства? Он такой же советский трудящийся, как все! Думает, если от горшка два вершка, дак отвечать не будет? Дезертир трудового фронта!..

Потом он увидел Виньку. Уставился.

— Где он? Ты знаешь?

— Я-то чё! Я за вашим Ферапонтом сексотить не занимался! — выдал Винька в ответ. В полном соответствии с нравами Зеленой Площадки.

— Совсем шпаной стал! — возмутилась Людмила. — Подожди, скажу маме!

«Да скажи, скажи! Только бы она приехала скорее...»

Мама не приехала, зато появился Николай! В своей брезентовой робе путешественника и с могучими лосиными рогами — таежным трофеем.

— Господи, куда мы их денем-то? — радостно запричитала Людмила. — Самим повернуться негде!

Николай сказал, что не век они будут жить в тесноте.

Рудольф к тому времени успел хлебнуть и уже не ругался. Бродил, заглядывал во все углы и причитал:

— Маленький, где ты? Как я без тебя-то, а? Маленький, не бросай дядю Рудика...

Появились Кузьма Сергеич, дядя Макс и Нинусь Ромашкина. Начали успокаивать Рудольфа. Он приходил в себя так же стремительно, как хмелел. И скоро уже рассуждал трезво и деловито:

— Но вы же сами понимаете: аттракцион летит к чертям собачьим без этого мерзавца!

— Надо придумать чего-нибудь такого, — задумчиво сообщил дядя Макс.

— Да вернется он, — успокоила Нинусь. — Первый раз, что ли?

— Это я и должен объяснить зрителям? — с грустным ехидством спросил Рудольф.

Нинусь глянула на Виньку, который вертелся поблизости.

— А давайте Винцента возьмем! Как мальчика из публики! А?.. Помните, у нас так Лилечка выступала в номере «Волшебная ваза», дочка Ильи Васильевича!

Рудольф Яковлевич Циммеркнабе обратил на Виньку оценивающий взгляд. Потом тяжело хмыкнул:

— Нет... Тут неделю репетировать надо.

— Да зачем неделю-то! — разгорелась идеей Нинусь. — Сейчас еще утро, а начало в четыре! Сделаем два прогона, и все пойдет как по маслу! Винька — мальчик способный, это же сразу видно!

Непонятно, какие способности она в нем увидела сразу. Винька на всякий случай попятился.

— Не... Я не хочу...

— Трусись? — в упор спросила Нинусь.

— Да не трушу! А просто...

— Не трушу, а «просто боюсь». Неужели нынешние мальчишки перестали любить приключения? Ты подумай: после каникул сможешь всем в школе рассказывать, как участвовал в «Человеке-невидимке»!

Нинусь чуяла, чем взять Виньку за живое.

— Но я же... сделаю что-нибудь не так...

— Экая беда! Ты же будешь «мальчик из публики», а не артист. Если где-то собьешься, зрители решат, что так и надо...

— А после получишь четвертную, — пообещал сумрачный Рудольф.

— Чего получу?

— Двадцать пять рублей. Без вычетов.

Сумма была фантастическая. Мама никогда не давала больше пятерки. Новый электрический фонарик с цветными стеклами засиял перед Винькой будто наяву.

— А чего надо делать-то? — обмирая, сказал Винька.

— Сейчас пойдем в балаган и все там объясним, — пообещал Кузьма Сергеич. — Главное, не выпускай пар, побольше куражу...

Винька поглядел на дырявые свои сандалии, на рубашку с остатками глиняной «маскировки», шевельнул талией — вокруг живота был обмотан оторванный шкеловоз.

— Куда я такой-то... Костюм надо, а мама уехала.

— Да не надо костюма! — обрадованно простонала Нинусь. — Почистим тебя немножко, вот и все. Ты должен быть такой, как есть! Мальчик, который случайно оказался на сцене!

2

Оказалось, что в халате, который раньше накидывали на Ферапонта, а теперь на Виньку, — пружинно-проволочный каркас. Он-то и заставлял «одежду мага» делаться жесткой, будто кокон. Главное было — не зацепиться за край узкого круглого люка, когда крышка плавно опускает тебя под сцену. Первый раз Винька зацепился локтем и сбил на нем старую болячку. Но фокус повторили еще несколько раз, и Винька приноравлился.

Под сценой было прохладно, пахло мусором и влажными опилками. Присевший там дядя Макс подхватывал Виньку и подсаживал в другой люк — под столом с «чайной» коробкой. Крышка стола подпирала Виньку снизу — это дядя Макс нажимал на длинный бесшумный рычаг. Винька оказывался в коробке. Было тесно, Винька-то крупнее Ферапонта. Но он приспособился и здесь: надо только съежиться посильнее.

А потом — снова вниз. Под сценой — квадратный лаз в комнатку за кулисами. Из этой комнатки — наружу, потом к дверям зала. Контролер тетя Валя незаметно пропустит Виньку, посадит на свободное сиденье в заднем ряду. Зрители не обратят внимания, они будут глазеть, как Рудольф гоняет по воздуху «комету»...

А когда Рудольф, заглядывая в коробку, начнет жалобно голосить: «Мальчик, где ты?», Винька весело выскочит в проход: «Вот я!» И снова на сцену, чтобы раскланяться.

Конечно, Винька не умел ходить колесом и бить че-

четку, ну да это ему простят: ведь не артист же, а свой брат-зритель.

Кроме того, договорились, что Винька выхватит у Рудольфа запускатку и пустит ее в зал над головами. И поймает. На репетиции это получалось. Оно и понятно: ведь «комета» — его, Винькина, конструкция... Ну а если на выступлении случится сбой, простят и это.

— Ты только веди себя смелее, не смущайся, — учила Нинусь. — Ну, как этакий самостоятельный, даже слегка нахальный мальчишка.

Винька не был таким, но обещал.

В конце концов, он своим выступлением выручал Ферапонта, и это прибавляло смелости.

Если нынешнее выступление пройдет нормально, Рудольф не станет устраивать большой скандал Ферапонту, когда тот вернется. Он это обещал.

3

И все же перед выступлением Винька ощутил, как у него замирает в груди и холодеет в желудке.

Но если бы представление отменили, он огорчился бы ужасно! Потому что, кроме страха, ощущался и азарт. Разгорался. Нет, Винька был не из тех, кто любит приключения только в книжках.

Винька сел в заднем ряду, когда зрителей еще почти не было. Ждал и томился. А потом подумал: чего переживать раньше времени! Ведь «Человек-невидимка» лишь во втором отделении. И когда начался концерт, Винька стал просто смотреть номера. Смотреть уже без интереса, потому что третий раз. Только Нинусь Ромашкина — тонкая, гибкая, золотистая — опять вызвала у Виньки такое теплое восхищение, что он даже застеснялся себя.

В антракте Винька сбегал за кулисы, где ему сказали: «Держись, брат, ничего не бойся. Ни пуха, ни пера». И он всем сказал: «К черту», а сердце замерло.

И замирало до той поры, когда расстроенный иллюзионист Циммеркнабе обратился к зрителям:

— Уважаемая публика! Мой маленький ассистент Ферапонт неожиданно захворал. Агтракцион «Человек-невидимка» под угрозой. Спасти его можно только одним способом. Надо, чтобы среди юных зрителей нашелся такой, кто поможет мне на сцене! Есть желающие? А?

— Есть! Я! — Винька вскочил и вскинул руки. Он вдруг испугался, что захочет кто-то еще — мальчишек и девчонок было немало. Тогда что делать-то? Получится неразбериха!

— Очень хорошо! Прошу сюда! — радостно завопил Циммеркнабе. Винька и так уже спешил по проходу между стульев.

— Шуруп, давай!.. Не бойсь, Грелка!.. Молодец! — кричали из рядов. Значит, в зале были знакомые! Винька не понял, радует его это или пугает. Некогда было изучать внутри себя чувства. Он взбежал по боковой лестнице на сцену (от крайней лампы на миг ударило по ногам тепло).

Встал перед Циммеркнабе. Заправил в штаны выбившуюся рубашку, вскинул голову. Храбро сказал, как учили:

— А что надо делать?

— Сейчас, сейчас! Вы, молодой человек, должны будете исполнить роль волшебника! Иначе выражаясь, мага!

— Всего-навсего? Пожалуйста!

В самом деле нахальный пацан. Так, наверно, думали в зрительном зале. Не знали, что у него по-прежнему душа в пятках. Лампы светили в сторону зрителей, и можно было при желании разглядеть все лица. Но Винька боялся смотреть в зал. Лучше считать, что там никого нет. Как на репетиции!

Вот и жесткий халат с колпаком. Душная темнота,

запах пыльной ткани... Поехали вниз! Кромка люка опять сбила на локте подсохшую коросточку.

— Ах ты, бедолага... — Дядя Макс прижал к Винькиному локтю платок. Но медлить было нельзя.

— Терпи, маэстро...

— Ладно...

Царапая макушкой доски, Винька встал на квадратную площадку. Она плавно вытолкнула его вверх. В тесноту чайной коробки. Винька, как царевич Гвидон в бочонке, вышиб головой крышку.

— А я — вот где!

— Молодой человек! Мы так не договаривались! Вы начинаете безобразничать, как мой прежний помощник!.. Ну, я тебя!

Они побегали по сцене, Винька увертывался от Рудольфа, нырял под стол. В воздухе в это время летали стулья, самовар, чашки и ложки. Метались горящие факелы. Танцевал деревянный скелет. В общем, шла веселая волшебная неразбериха. Когда Рудольф запыхался, Винька выхватил у него «комету» и пустил в зал. Удачно! Сплетенная из дранок хвостатая звезда вернулась Виньке в руки! Значит, и дальше все будет хорошо! Винька забыл про страхи.

Иллюзионист Циммеркнабе опять попытался поймать расшалившегося мальчишку. Винька бросился в глубину сцены. Здесь его за штаны и лямки на спине ухватила невидимая зрителям Нинусь. Какая сильная! Винька по воздуху совершил путешествие до чайной коробки и снова оказался внутри. И опять уехал вниз!

Дядя Макс подхватил Виньку.

— Bravo! Ай, bravo! Молодчина! Беги...

Оставалось немного: оказаться в зале, а потом вновь на сцене. Там еще пара фокусов, где Винька почти не участвует. Только подаст Рудольфу колоду карт да поймает на руки белого кота Мотю, которого Рудольф вы-

тащит из цилиндра (каким образом это получается, Винька так и не понял).

Он беспрепятственно пробрался на свое место, никто не оглянулся. Потому что на сцене Рудольф смешно вытягивал шею над чайной коробкой и голосил:

— Мальчик! Где ты!.. Эй, мальчик!..

— Здесь я! — Винька сорвался с места, шагнул в проход. Но Рудольф его, кажется не слышал. Лег на край коробки грудью, уронил в нее с головы цилиндр.

— Маленький, где ты? — сказал он жалобно.

· Смех почему-то стих.

— Да здесь я! Здесь!

— Маленький, где ты? — Рудольф совсем свесил голову и плечи в коробку.

— Но вот же я... — испуганно отозвался Винька. И, сам не зная почему, остановился на пути к сцене.

Руки, которыми Рудольф упирался в стол, обмякли. Он налег на коробку всем телом. Слышно было, как она скрипит.

— Маленький... ты...

И стало совсем тихо. На сцене и в зале.

Из тьмы возникла Нинусь в черном трико. Стянула с головы черный глухой колпак с прорезями для глаз. Нагнулась над Рудольфом, взяла его за плечи. Быстро пошел вниз блестящий занавес.

Женщина-конферансье вышла из-за вишневых полотнищ.

— Уважаемые товарищи зрители. Мы приносим свои извинения. У Рудольфа Яковлевича Циммеркнабе легкое недомогание. Ничего страшного, но представление на этом мы вынуждены закончить. Извините еще раз, и всего вам доброго...

Жидкие хлопки. Недовольные голоса. Гул какой-то... Винька с толпой оказался на улице. То есть на площадке перед театром-сараем. В ушах у него тонко звенело. Он был уверен, что Рудольф Яковлевич умер.

Как же это так? Только что был живой-здоровый, гонялся за Винькой по сцене, вытаскивал из шляпы Мотю...

Минут пятнадцать, а то и полчаса Винька отрешенно бродил по рынку. Потом понял наконец, что ведет себя как трус. И вернулся к театру.

От театра отъехал белый фургон с красными крестами. У входа тесной группой стояли артисты. Рослая певица в атласном сарафане спросила с капризной ноткой:

— Узнали хотя бы, в какую больницу-то повезли?
«Слава Богу, значит, не умер!»

Нинусь в халатике поверх трико держала у груди белого пушистого Мотю. Тот был ленив и неподвижен, как муфта. Нинусь сказала:

— В первую городскую, на Пролетарской...
— А что с ним? — шепотом спросил Винька.
— Сердце, — вздохнула Нинусь. — Это уже бывало...
— Это... из-за Ферапонта?

— Из-за всего на свете, — сказала Нинусь и опустила Мотю на землю.

— А он не умрет?

Виньку взял за плечо дядя Макс.

— На этот раз, может, и не умрет. А вообще-то все умрем...

На Виньку дохнула Тьма.

Он побежал на Зеленую Площадку, к Ферапонту.

Но Ферапонт исчез.

ТИХИЙ ВОЙ НА ЧЕРНОМ ПУСТЫРЕ

1

Ж-жих! — свежеструганное лезвие деревянного меча размазало в воздухе желтой полосой. Головки цветущего репейника отлетели далеко в сторону. Ж-жих! — подкошенная крапива легла горизонтально. Ж-жих! — и следом за ней лег бурьян.

Винька проводил военные учения. Он готовился к самому решительному бою. К битве с духом Тьмы.

Потому что не было выхода!

...Все так перепуталось в жизни! Страх перед Тьмой, злые приметы, мамино долгое отсутствие, тревога за Кудрявую, сердечный приступ Циммеркнабе...

Нинусь побывала в больнице и узнала, что у Рудольфа Яковлевича «состояние средней тяжести».

— Поправится, наверно, — сказала она Виньке. — Но дальше-то что? Скоро опять сляжет, если будет пить...

Да, возможно, Рудольф Яковлевич на этот раз поправится. И мама (конечно же!) скоро вернется. И от Кудрявой придет письмо. Но нынешние страхи наверняка сменятся другими. И появятся новые тревоги. Потому что Винька выпустил из черноты духа Тьмы, и тот его не оставит так просто, не уйдет без боя.

Все сплелось в тугой черный узел. И последняя беда была та, что пропал Ферапонт.

Его не было уже вторые сутки.

Шестилетний Валерик Сотин, младший брат Игоря Сотина, Эдькиного друга, уверял, что Ферапонт ушел куда-то с «каким-то дяленькой». И что был он не в ребячьей одежде, а в своем взрослом костюме. Но что за дяленька и куда он увел Ферапонта, Валерик не имел понятия.

Что это было? Похищение? По крайней мере, в театре и в «таверне» Ферапонт не появлялся. И про болезнь Рудольфа, скорее всего, не знал...

Мало того, что Винька боялся за Рудольфа! Он чувствовал себя виноватым. Ведь это же он дал Ферапонту одежду, он познакомил его с ребятами! Короче говоря, способствовал его побегу!..

Что теперь делать? Рассказать про все Нинусь Ромашкиной? Пусть заявляют в милицию?

А если Ферапонт просто ушел с каким-то знако-

мым? Разве не может у него быть знакомых среди взрослых людей?

В голове у Виньки была путаница. Замешенная на страхе. И он решил, что в конце концов необходимо во всем разобраться.

В чем причина несчастий?

«Не надо было выпускать духа из мячика... Не надо было отдавать Рудольфу «комету» — это она, будто ключ, открыла дверь бедам и тревогам... Не надо было оттискивать на себе цифры бочонка — получилась колдовская печать, сам себя заклеил... Не надо было ввязываться в Ферапонтово колдовство...»

«Не надо было верить во всю эту чушь!» — со злым отчаяньем сказал себе Винька. Потому что понимал: теперь-то не верить — уже поздно.

«Все гораздо проще. Не надо трусить», — возразил оказавшийся рядом Глебка.

«А как я размотаю этот узел?»

Глебка усмехнулся:

«Как Александр Македонский».

В лагере Валентина читала им рассказы из древней истории, в том числе и про знаменитого царя, который очень просто разделался с хитрым узлом одного мудреца: р-раз по узлу мечом — и нет вопросов.

Вот бы так — р-раз мечом по духу Тьмы!..

«Но как это? Значит, мне втыкать меч в себя?..»

Винька помнил слова, которые Петр Петрович сказал утром в библиотеке. Не про свою прозрачную супругу, а позже, когда уже прошались у дверей:

— ...А что касается духов Тьмы, то веришь ты в них или нет, а они существуют. Только рождаются и живут они не в черных мячиках, а в нас самих. Я не говорю тебе ничего нового, это давняя истина. И победить злого духа можно лишь внутри себя...

И Винька поверил Петру Петровичу. Вернее, почувствовал, что старик прав. Но... в духа из мячика продол-

жал верить тоже. И получалось, что дух Тьмы — и внутри Виньки, и где-то снаружи. Казалось бы, так не может быть. Но это было. Потом Винька узнает, что такие противоречия встречаются в жизни повсюду и называются взрослым словом «диалектика».

Но в те дни Винька этого не знал. Он просто понял, что, если победит духа Тьмы снаружи, тот сдохнет и внутри его, Виньки. Вот так!

И Винька сделал меч.

Было ясно, что для боя с бесплотным духом неважно, какой у тебя клинок. Булатный или сосновый — все равно. Главное, чтобы он обладал магической силой. Ни книг, ни знаний про магию у Виньки не было. И он пошел по этому пути на ощупь, с помощью рассуждений. И решил, что на мече должен быть знак «кометы» — будто ключ, который откроет дверь в пространство, где прячется дух Тьмы.

А где это пространство?

Винька знал. Страшно было, но от этого знания он спрятаться не мог. Он помнил сон про ночной рынок и про то, что самое черное место — на пустыре за водочкачкой.

И выход был один: в темноте пойти через рынок (именно через рынок, как в *там* сне!) на пустырь, дожидаться полуночи (самого зловещего и колдовского времени!) и сразиться с духом Тьмы насмерть!

Сперва-то Винька подумал, что, конечно же, никуда не пойдет. Что он, совсем псих, что ли? Переться в жуткое место среди ночи и махать там мечом в пустоте! Вместо того, чтобы спокойно спать в своем блиндаже...

Но в том-то и дело, что «спокойно» не получится. Где мама? Где Ферапонт? Что с Кудрявой? Что с Рудольфом (который попал в больницу и по его, Винькиной, вине!).

И что скажет Глебка? Не уйдет ли от Виньки, от труса, за глухую пограничную полосу Тьмы?

«Не уйдешь?»

Глебка молчал. Без осуждения молчал, виновато, но не говорил «не уйду»...

Вот после этого молчания Винька и выстругал меч.

Винька рубил сорняки, но понятия не имел, как будет сражаться с духом Тьмы. В каком виде тот появится? В образе настоящего зловещего бандита? В виде черного чудовища?..

Хуже всего (или лучше всего?), если не появится совсем.

Винька понимал, что все это станет ясно только там, на пустыре за старой водокачкой. В полночь.

Когда именно придет полночь, узнать будет легко. Недавно на башне городского музея починили старинные куранты, и они каждый час разносили над городом дребезжащие удары. Среди ночной тишины их слышно было даже в Винькином блиндаже. А уж на рынке-то, в двух кварталах от музея, — тем более!

2

Все было, как в том сне про ночной рынок. Тучи обложили небо, и белесая летняя ночь стала черной. И полной сухого электричества. Иногда за крышами и тополями зажигались зарницы, но после них мрак делался еще непрогляднее.

Впрочем, на улицах кое-где горели фонари. Особенно на большой, на Первомайской. И у главных ворот рынка. Но только сумасшедший мог сейчас соваться к главным воротам. Винька крадучись пошел вдоль забора, пахнувшего нагретыми досками. И чем дальше он шагал, тем гуще делался мрак...

...Потом, уже через много лет, вспоминая Виньку, словно какого-то другого мальчишку, Винцент Аркадьевич поражался его отваге. Отваге, заставлявшей Виньку шагать вперед, несмотря на ужас, который был внутри и вокруг. Винцент Аркадьевич снисходительно улыбался Винькиной глупости (вернее, наивности), но отвага искупала эту глупость. И, постепенно проникаясь этой рыцарской смелостью, Винцент Аркадьевич снова превращался в маленького, взъерошенного от страха и решимости бойца Виньку. Того, кто шагал через ночь, чтобы сразиться с Тьмою — за себя и за всех, кого он любил. И за кого отвечал...

Винька знал, где можно раздвинуть доски, чтобы проникнуть на рынок. И раздвинул. И проник. И пошел через мрак, от которого закладывало уши.

Да, все было, как тот сон. Предчувствие грозы, непонятная жизнь в слоях тьмы, громадные павильоны, которые были чернее окружающей черноты. Упругость ночного пространства, которое буквально приходилось расталкивать грудью... И даже шаровая молния, медленно пролетевшая между павильонами... И опять — густой мрак.

Главное — не обращать внимания на то, что шевелится и бесшумно мечется вокруг. Этому чужому миру нет дела до мальчишки. Дело *до него* будет там, на пустыре.

И вот он — пустырь. Между бревенчатой будкой, из которой торчит длинная (давно уже пересохшая) труба, и дощатой стеной театра-сарая. Будку и сарай Винька лишь ощущал обострившимися нервами. Но не видел. Потому что здесь-то была совсем уже непроглядность.

Винька до онемения в пальцах стиснул рукоять меча. Что делать-то? Ждать?

Не было ни единого постороннего звука. Только его, Винькино, частое дыхание. Зато из черноты налете-

ли комары. Может, это разведчики духа Тьмы? Винька левой ладонью принялся лупить себя по щекам и по шее, а плоским мечом по ногам. Комары исчезли так же стремительно, как появились. Да, неспроста...

А темнота вокруг Виньки наливалась все более густой враждебностью. Вот-вот кто-то высунет из нее руки, схватит Виньку...

Винька широким взмахом клинка очертил вокруг себя охранительный овал.

Поможет ли?

А что, если прижаться спиной к бревнам водокачки?

«Не надо, — шепнул на ухо Глебка. — В ней тоже опасность».

«Тогда охраняй меня с тыла».

«Хорошо».

Господи, скорей бы уж началось *это*...

И началось!

«День-бряк, день-бряк», — жиденьким звоном пробились через ночь колокола курантов. И Виньку будто прошло током. И он чуть не заревел, но пружинисто встал в фехтовальную позицию — как киношный Робин Гуд перед решительной схваткой с шерифом Ноттингемским.

Ну?! Где *ты*?! Подходи...

Никто не подходил.

А может, *оно* подкрадется сзади? Нет, там же Глебка! А может... вот *оно*!

Какие-то сгустки мрака шевельнулись перед Винькой. Он сдавленно крикнул и откестился от них мечом. А потом — вперед! Рубанул! Еще!..

Разве поймешь, задел ли твой клинок существо, состоящее из воздуха и Тьмы?

А вдруг задел? Вот тебе! Вот!..

И Тьма ушла.

Да, темнота осталась, но Тьма ушла. Мрак сделался прозрачным, ночь — обыкновенной. В ней опять запе-

ли комары, но уже не злобно-колдовские, а всегдашние, привычные (просто родные!). И бодро закричал под обрывами у пристани паровоз.

Вверху проклюнулась белая звездочка...

А дух?

Он был, конечно, жив (духа убить нельзя). Но беспомощен. Растерзанный на куски, он копошился у Винькиных сандалий и воздушной своей шкурой заделвал его ноги. Так, по крайней мере, казалось Виньке.

Винька вытащил из кармана дырявый мячик. Нагнулся.

— А ну, полезай обратно! — И всосал духа Тьмы во внутренность резинового шарика. Без остатка. А затем нащупал в кармане припасенную гильзу-пистончик и заткнул ею отверстие, как пробкой.

Вот и все...

Нет, не все. Надо было избавиться от опасного груза навеки. И Винька знал — как. Для этого он прихватил из дома сетку-авоську.

Винька положил мячик в сетку (жаль его, конечно, он тут без вины виноватый, мячик-то, но что поделаешь).

Будка-водокачка стояла на кирпичном фундаменте, и некоторые кирпичи в нем еле держались — Винька это помнил. Он подобрался к будке. Нашупал теплый торчащий кирпич, расшатал, вытащил отколовшуюся половинку. Сунул в авоську, к мячику. Завязал сетку морским узлом, которому научился в лагере. Перебросил ее за спину через плечо (кирпич ободрающе стукнул между лопаток). А меч он сунул под лямки на животе.

Было уже не страшно. Почти... И осталось сделать немного. Винька шагнул... Навстречу ударил электрический свет!

Луч метнулся по земле, по Виньке, ожег его новым страхом.

Сторож? Бежать!.. Но тут от всех переживаний нава-

лилась ватная слабость. Винька обмяк и заслонился локтем.

- О! Да это опять Винцент Греев! Какая встреча!..
- П... Петр Петрович?

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

1

— Представь себе, голубчик, это я...

— Вы... что ли, следили за мной?

А что еще мог подумать Винька!

Петр Петрович, кажется, обиделся.

— Здрате! С какой это стати я буду следить за вами, молодой человек? Меньше всего ожидал увидеть тебя здесь...

Фонарик светил теперь в сторону. Винька мигал, чтобы прогнать из глаз зеленые пятна. И не знал: радоваться или бояться?

Второй раз Петр Петрович приходит, когда Винька один в темноте. Что за странное совпадение? А если он... заодно с духом Тьмы?

Да ну, чушь какая! Бояться больше не было сил.

— А вы... здесь зачем?

— Законный вопрос... Возможно даже, что нас привело сюда одно и то же дело. Тебе... кто-то что-то поручил?

— Нет. Я сам...

— Странно. Что же ты тут делаешь?

Тогда Винька сказал с отчаянной правдой, которая была уместна только здесь, на черном пустыре, в ночь колдовства:

— Я побеждал духа Тьмы! Вот!..

Петр Петрович помолчал.

— Ну... и как? Победил?

— Да.

— Прекрасно... А можно я задам старый осторожный вопрос? Дома-то тебя не хватятся?

— Нет. Все думают, что я сплю в блиндаже.

— Тогда, может быть, заглянем ко мне? Я живу неподалеку.

В этом было то, что называется словом «логика». Правильность. Винька чувствовал, что у ночного приключения должен оказаться необычный конец. Но...

— Нет. Мне еще надо на берег. К воде...

— Это же почти по пути!

Река делала в городе изгиб. До пристани от рынка было далеко, но до ближнего берега — всего два квартала.

Винька и Петр Петрович пошли к обрыву по короткой улице Красина. Светились редкие окошки, на столбе горела под жестяным щитком лампочка. У нее, как у настольной лампы, кружились ночные мотыльки. Было очень тепло и пахло береговой полынью. Грозь так и не случилось, тучи раздвинулись, в посветлевшем небе оказалось много звезд.

Вышли на обрыв. За рекой мерцали огоньки. По воде шлепал колесами буксир, тянул баржу. На буксире и барже тоже были огоньки, разноцветные...

Разлив давно кончился. Раньше вода подходила вплотную к береговым откосам, а теперь внизу светлели широкие полосы песка. Винька понял, что не добросит авоську с грузом до воды.

— Надо спуститься.

Неподалеку была лестница — она вела к лодочной переправе: днем туда-сюда ходили через реку весельные баркасы.

Петр Петрович не спорил. Они долго шли вниз по гнувшимся дощатым ступеням и наконец оказались на причальной площадке с перилами. Под ней хлюпала вода. Сильно пахло сырým деревом.

Винька раскрутил авоську над головой, как пращу, и

пустил ее далеко-далеко. Может, до середины русла. Она долго летела и наконец булькнула.

— Вот и все, — вздохнул Винька. И облегчение было, и... словно что-то потерял.

— Не грусти, — сказал Петр Петрович. — Ты же победил.

Они поднялись на высокий берег. Здесь в траве смутно белели мелкие ромашки.

Петр Петрович повел Виньку в ближний переулок, потом в калитку. Во дворе стоял одноэтажный дом, в одном из окошек был зеленоватый свет. Петр Петрович отпер дверь, пропустил Виньку в сени, потом в темную прихожую, где пахло, как в библиотеке. Щелкнул выключателем, толкнул еще одну дверь.

На столе горела зеленая лампа. По всем стенам были книги, книги. И даже над диваном книги.

А на диване, скорчившись под клетчатый одеялом, спал Ферапонт.

2

— Не спеши с вопросами, — предупредил Петр Петрович. — Я все расскажу сам. Разговор-то будет не короткий...

Он вышел, сказав, что поставит чайник.

Винька стоял у дивана и смотрел на Ферапонта. У того на лбу блестели капельки — отражали лампу зелеными искрами. Ферапонт дышал тихо, незаметно. Лицо его разгладилось, сделалось гораздо более похожим на мальчишечье.

Может, уже действовало колдовство?

Петр Петрович принес чайник и стаканы.

— Поставь в угол свое оружие и садись... Кажется, мы, как в старом романе, сделались участниками одного приключения. Ты ведь пришел на пустырь из-за Ферапонта?.. Не только из-за него, я понимаю, но все-таки... Я тоже из-за него... Он, бедняга, все время боялся,

что Рудольф отберет у него бумажник с документами: с паспортом, свидетельством о семилетке, с метрикой и всякими справками. И перед тем, как удариться в бега, этот остроумный юноша спрятал бумажник в тайник. Одна стена балагана, где они выступали, обита фанерой, вот он и сунул бумажник за отошедший от досок лист... С точки зрения взрослого человека, поступок бестолковый и рискованный. Но он еще дитя, почти как ты. Не обижайся...

Винька не обижался. До того ли! Он просто ничего не мог понять.

— А как он у вас-то оказался? Ферапонт!

— Наверно... в силу, так сказать, моей мнительности. И по стечению всяких обстоятельств... После нашей ночной беседы в библиотеке захотелось мне еще раз побывать на представлении нашего общего знакомого Циммеркнабе. Это, в общем-то, естественно... Ты меня там не заметил, а я видел все... И понял, что с Ферапонтом что-то неладно, раз он не вернулся после своих подвигов. А мне... видимо, это старческое чудачество, но тут уж ничего не поделаешь... мне кажется, что я в какой-то степени причастен к судьбе этого малыша. Будто отвечаю за него... Видишь, я в давние годы с преступной поспешностью отказался от дружбы с Рудольфом... да-да, и это исправить уже нельзя. Но тут как бы продолжение этой судьбы... И еще я понял: надо, чтобы Рудольф убедился, что с его Маленьким все в порядке, тогда скорее пойдет на поправку...

Винька дышал виновато: он-то до этого не додумался.

— ...Я понимал, что тебя расспрашивать бесполезно: ты небось слово дал Ферапонту, что не выдашь его. Но я знал, что он у ребят на Зеленой Площадке. А там (представь себе!) живет моя двоюродная сестра, она — тетушка одного из этих сорванцов, твоих приятелей. Дальше было, как говорится, дело техники...

— Значит, это вы его увели?

— Да. Нашел, встретился, уговорил. Надо сказать, он довольно быстро доверился мне. Может, потому, что устал от неприкаянности. И, наверно, он уже чувствовал себя больным... Почти сразу, как мы пришли, он свалился с температурой. Может, простыл, когда ночевал под верандой, а может, нервная лихорадка, бывает такая от переживаний... А к вечеру — бред. Стало ему казаться, что ночью их фанерный театр обязательно сгорит и его документы погибнут... Ну, температуру я сбил аспирином, но страх его оказалось никак не сбить. Встает и бормочет: «Пойду за бумажником». Пришлось мне сказать: «Лежи спокойно, я схожу сам и принесу».

«Честное слово?» — говорит.

«Честное слово. Только объясни, где искать»...

Ну а слово есть слово. К тому же проснется, спросит, а я что скажу? Извини, мол, не нашел, не принес? Он тогда опять в свою лихорадку... Может, и мальчишество это, но я пошел... Ты с годами поймешь, что мальчишки сидят и во взрослых людях, даже в стариках, только прячутся до поры.

...Винька это потом и правда понял. Когда стал большим. Но в тот момент в нем просто не было никого, кроме мальчишки. И он искренне восхитился:

— В самом деле приключение!

И лишь потом встревожился:

— А бумажник-то нашли?

— Да. Вот он...

Винька переночевал у Петра Петровича на сдвинутых стульях, на постели из старого пальто. А рано утром умчался домой.

После завтрака он не выдержал, опять прибежал к Петру Петровичу.

Виньку беспокоило: как там Ферапонт? Утром он спал, и жара у него не было. Но вдруг лихорадка вернулась?

Двери в доме были открыты. Петра Петровича не оказалось — наверно, ушел на работу.

Ферапонт сидел в постели, укрытый по пояс одеялом. На одеяле лежала какая-то растрепанная книжка. В руках у Ферапонта был деревянный Винькин меч. Ферапонт им помахивал.

— Здорово, — неловко сказал Винька.

— Пр-ивет, — отозвался Ферапонт кукольным голоском. И глянул на Виньку вдоль оструганного клинка.

— Уже не болеешь?

— Все прошло. Петр Петрович велел только не вставать до обеда. И папиросы отобрал.

— Ну и правильно, — рассудил Винька. И подумал: «Если хочешь стать снова мальчишкой, зачем тебе папиросы?» Но сказать это не решился. Чтобы не сглазить.

— Надо передать Рудольфу, что ты нашелся. Он ведь в больнице. Ты знаешь?

— Да все я знаю!

— Я зайду к Нинусь, скажу ей, она передаст.

— Да Петр Петрович сам обещал в больницу сообщить, не суетись... А я, когда встану, тоже туда наведаюсь. Жалко его все-таки, расклеился мужик...

Винька украдкой, но внимательно взгляделся в лицо Ферапонта. Вчера оно казалось помолодевшим, а сегодня — такое, как обычно. Может, еще рано ждать результатов? Или что-то не получилось с колдовством?

Ферапонт, кажется, понимал уже, что ничего не получилось. Он бросил меч на одеяло, откинулся на подушку и сказал, глядя в потолок:

— Там на подоконнике сверток с твоими штанами и матроской. Возьми. Мне-то они больше не нужны... Только скажи матери, чтобы постирала, а то вдруг у меня что-то заразное.

«Мне они тоже не нужны», — хотел сказать Винька.

Но понял, что ни к чему пустые слова. Такая вдруг появилась печаль на маленьком лице Ферапонта.

Все так же глядя в потолок, Ферапонт проговорил:

— Колдовство было правильное. Просто у него не хватило сил. Потому что все во мне уже закаменело... по-взрослому... А все-таки это было хорошо...

— Что? — одними губами спросил Винька.

— Эти три дня...

* * *

— Значит, он так и не сделался мальчиком? — огорченно спросила Зинуля.

— Не сделался, — вздохнул Винцент Аркадьевич.

— А с Цим-мер-кумбе... кнабе... он помирился? — подал голос Вовка.

— Да... Но вместе они больше не работали. Рудольф Яковлевич вообще уже не выступал после того, как выписался из больницы. А выписался он лишь в сентябре. Видимо, после этого ему дали пенсию... А может, и не дали, не знаю. По крайней мере, он подрабатывал сторожем при городском театре...

На задах у театра было такое место — двор не двор, сквер не сквер, — где лежали разбитые гипсовые статуи и старые декорации. В теплое время Рудольф сидел там на солнышке часами. Стал будто меньше ростом, ссохшийся такой и пьяненький. К нему часто прибегали ребяташки из ближних кварталов, и тогда он оживлялся, развлекал ребят фокусами, рассказывал всякие истории... Мне даже кажется, что в такие минуты он был по-настоящему счастлив...

Кстати, при встречах с Винькой Рудольф Яковлевич несколько раз вспоминал, что должен ему двадцать пять рублей. «Ты ведь не виноват, что так все тогда вышло. Будет получка, отдам обязательно». Винька неловко бормотал в ответ: «Да ну, вот еще...»

— Не отдал? — спросила Зинуля.

— Винька и не взял бы. Видел же, что Рудольф почти нищий...

— А Петр Петрович... он не заходил к нему? — насупленно спросил Вовка.

— Не могу сказать. Чего не знаю, того не знаю... А Ферапонт заглядывал. Они уже никогда больше не ссорились.

Ферапонт после всех этих историй поступил в большую труппу артистов-лилипотов, ездил с ними по стране, но к весне вернулся в наш город. Сперва поселился у Петра Петровича, а потом получил комнатку в доме здешнего пароходства. Потому что стал работать на пристани то ли радистом, то ли телеграфистом. Помните, Петр Петрович на первом же выступлении заметил, какой у Ферапонта слух! Когда тот отбивал чечетку... Слух и чувство ритма — это ведь самое главное для того, кто работает на телеграфном ключе, с азбукой Морзе... Ну вот, говорят, Ферапонт сделался просто виртуозом этого дела. Окончил там какие-то курсы — и пожалуйста. Ну и Петр Петрович обучал его, разумеется.

Правда, один раз над ними грянула беда...

— Какая?! — разом испугались Зинуля и Вовка.

— Вы про это, конечно, и не слыхали. А я помню. Как раз семилетку заканчивал... В ту пору великий вождь и друг всех народов Иосиф Виссарионович доживал последние месяцы. И совсем уже спятил с ума. Шпионы и убийцы чудились ему повсюду. И по его требованию «синие фуражки» стали раскручивать очередное придуманное дело. Арестовали несколько десятков известных врачей, обвинили их в шпионаже, во вредительстве-отравительстве, в убийстве многих государственных деятелей... И во всех газетах и по радио начались вопли — о недопустимости ротозейства и необходимости повышать бдительность... Ну и стали повышать — и в столице, и в провинции. А Петр Петрович, он же был радиолюбитель, имелась у него какая-то там маленькая ра-

ция. Конечно, разрешенная, зарегистрированная, но кому что докажешь, если есть план отловить установленное число вражеских агентов... И попал Петр Петрович в следственную камеру МГБ. Хлебнул, конечно, всякого. Даже признался, что был американским, английским, японским и чанкайшистским шпионом... Понимаєте, там умели добывать признания...

Но тут случилось, что вождь наш волею Господней помрѐ... И вскоре всех, кто был взят по «делу врачей-отравителей», стали выпускать. Вышел и Петр Петрович... А Ферапонт, к счастью, в лапы старательных следователей не попадал, хотя и боялся этого. Видимо, органы решили, что слишком мелкая сошка...

Петр Петрович и Ферапонт дружили до конца. До самой смерти Петра Петровича. Он умер в пятьдесят шестом году. Неожиданно, от сердечного приступа. Понятно, что Ферапонт очень тогда плакал. Как безутешный первоклашка... Хотя в ту пору на первоклассника он был совсем уже не похож. Раздался в плечах, отрастил длинные волосы, носил флотскую фуражку и клешши, ходил вразвалочку. Этакий крошечный морской волк. И, надо сказать, это не выглядело смешно. Ферапонт своим поведением умел внушить уважение.

Кстати, в ту пору была уже у Ферапонта жена. Очень маленького роста, но не лилипутка. А потом у них родился сын.

— Сын?! — изумился Вовка.

— Разве у лилипутов бывают дети? — спросила Зинуля.

— Представь себе. Я раньше тоже думал, что не бывают, но вот, пожалуйста... И вырос этот сын во вполне нормального мужика, стал потом речным капитаном, плавал на Иртыше и Оби. Может, и сейчас плавает, не знаю... Ферапонт с женой переехали в Омск, а потом еще куда-то, и я потерял их следы...

А Рудольф Яковлевич умер в своем сквере на лавочке. Его нашли прибежавшие к нему мальчишки.

Похороны были очень скромные. Нинусь Ромашкина пришла, Кузьма Сергеич, дядя Макс. Несколько ребят. Ну и Ферапонт, конечно, и я...

— А Петр Петрович? — по-прежнему насупленно спросил Вовка Лавочкин.

— Рудольф Яковлевич умер чуть позже, чем он... Впрочем, все это было уже потом и к истории о колдовстве отношения не имеет. А в то утро, после битвы на ночном пустыре, Винька все же надеялся еще, что колдовство Ферапонта было не напрасным. И уж конечно же, был уверен, что одолел в бою духа Тьмы (впрочем, не исключено, что и вправду одолел; по крайней мере, в себе).

Надо было одолевать и другие тревоги. И Винька, прихватив сверток с одеждой и меч, побежал на улицу Короленко, в свою отремонтированную квартиру. Вдруг мама наконец-то приехала?

* * *

И она правда приехала!

И не одна, а вместе с папой, которого отпустили на три дня!

Увидев отца, Винька обомлел от восхищения. Тот был в форме морского офицера!

Оказалось, что самолетная часть, где отец ведал аэродромным обслуживанием, принадлежит морской авиации. Да, очень далеко от моря, и тем не менее... Начальство решило, что пора навести надлежащий флотский порядок, солдат и сержантов одели в клешши и форменки с синими воротниками, а офицерам выдали кителя и брюки навывпуск.

— Видите, какой я адмирал, — усмехался отец. — Конечно, скоро домой, только вот передам дела кадровому начальнику, но хоть покрасуюсь напоследок.

Правда, погоны и пуговицы на синем кителе и морской «краб» на фуражке были не золотыми, а серебря-

ными («инженерскими»), но все равно отец выглядел как офицер из фильма «Голубые дороги». Кобура у него была теперь черная и спускалась из-под кителя на длинных ремешках.

— А это тебе... — Отец дал Виньке сверток из желтой хрустящей бумаги.

Винька суетливо разрезал кухонным ножом шпагат. В свертке была прежняя, «сухопутная» португеза отца, потертая кирзовая кобура и золотистые крылышки со звездочкой — эмблема с фуражки офицера-летчика.

Винька прыгнул отцу на шею и повис на ней, тихонько визжа и дрыгая ногами. Потом пробил гвоздем в ремне новые дырки. Опясался, повесил на пояс кобуру, а крылышки на зеленой суконной подкладке булавкой прицепил к ковбойке.

Днем он сбегал в «таверну», принес рогатку и засунул ее в кобуру.

Мама и отец хлопотали по хозяйству. Винька радостно включился в работу. Помогал двигать мебель и вешать занавески.

Ночевали здесь. Наконец-то все вместе, под собственной крышей. От полов еще пахло краской, но не сильно. В распахнутые окна входил свежий воздух. Ночью прошел дождь, и утро было сверкающее от луж и капель на листьях.

Винька проснулся поздно. Дома никого не было, мамин голос слышался со двора. Она обсуждала новости с соседками.

На кухне лежала груда белья, приготовленная к стирке. Винька вспомнил! Принес из сеней сверток со штанами и матроской, кинул их в общую кучу. Едва ли кому-то они еще пригодятся, но выстирать надо. Вдруг там и правда какие-то бактерии...

Какие?..

Беспокойство, сперва крошечное, вдруг вспухло в Виньке новым страхом-догадкой! Взорвалось!

Что, если в одежде микробы не гриппа, не какой-то лихорадки, а давней болезни Ферапонта? Его *лилипутства*...

Можно себя успокаивать, говорить, что таких микробов, конечно же, нет. Можно обзывать себя дураком и трусом. Все равно страх уже не уйдет! Потому что в дело вступило прежнее колдовство. То, которому Винька открыл дорогу сделанной из дранок «кометой».

Да, наверно, «карликовой» болезнью нельзя заразиться просто так. Но если в дело втянут дух Тьмы...

Ну и что же, что его уже нет? Ведь *тогда-то* он был!

Ну и что же, что эти штаны и матроску Винька не надевал? Ведь сперва-то Ферапонт бегал в другой Винькиной одежде. В той, которая на Виньке сейчас!

ПИСТОЛЕТ «ТТ»

1

Винька стремительно ослабел от страха.

Господи, что же теперь делать?

Вот оно, коварство духа Тьмы! Сам дух исчез, но результаты его черных дел остались. Он приготовил для мальчишки Виньки Греева такую жуткую судьбу, что страшнее не придумаешь!

Давняя болезнь карлика Ферапонта, вечная его беда, впиталась в ткань одежды, а из нее — конечно же! — просочилась в Винькин организм!

Винька ощущал, как бациллы лилипутства щекочуще разбегаются по его коже, по кровеносным сосудам, щиплют глаза...

Скорее всего, таких бацилл не было. Но они все равно *чувствовались*. Это действовала беспощадная сила духа Тьмы.

Винька с тихим отчаяньем понял, что не вырастет больше ни на миллиметр.

А может, все это ерунда?

Может, беда минует Виньку?

Может, и минует. Но едва ли... И главное — как это узнать точно?

Винька подошел к высокому старому (еще бабушкиному) зеркалу. Ну, пацан как пацан. Отросшая почти до глаз темная челка, облупленные уши, потрескавшиеся губы, царапины на носу и подбородке. Темно-карие глаза от перепуга стали круглыми и совсем черными. Глаза приговоренного...

Купленная в прошлом году ковбойка была тесновата, руки далеко торчали из обшлагов. Потому что до сих пор Винька рос. А теперь...

Заплакать? А толку-то...

Когда станет заметным его лилипутство? Через год еще не станет. И через два, наверно, тоже. А может, и через три... Вон Митьке Захарчуку с Зеленой Площадки уже четырнадцать, а он ростом не больше Виньки...

Но когда-то же все равно *это* обнаружится! Еще страшнее, что не сейчас. Придется в этой попытке ожидания, в этом ужасе жить несколько лет...

Винька чуть не завыл. Но тут вошла мама. Винька небрежно крутнулся на пятке, сунул левую руку в карман, правой почесал затылок. Будто полностью беззаботен.

— Ты чего с утра вертишься перед зеркалом, будто красна девица?

— Просто так...

— Если делать нечего, сходил бы в керосиновую лавку. Керогаз, конечно, вещь удобная, но горючее расходует, как грузовик...

— Ну, мама! Там же еще есть в бидоне! Можно, я завтра?

— Тебя что ни попросишь, все «завтра»... Небось опять умчишься футбол гонять?

— Нет, не буду я футбол... Я, наверно, полежу...

— Что такое? Ты заболел?

— Не знаю...

Мама потрогала его лоб. Успокоилась.

— Ты просто устал от каникул. Избежался весь. Посмотри на себя — одни ноги остались...

— А где папа? — слабо поинтересовался Винька.

— Пошел в техникум узнать, как там приемные экзамены. А потом к Ивану Тимофеевичу. Я сейчас тоже к нему пойду, мы договорились. Они с женой купили новый буфет, а старый предлагают нам, совсем недорого. Он вполне приличный и, главное, как раз по размерам для нашей комнаты.

Буфет какой-то... Как люди могут думать о всяких пустяках, когда к их сыну подступила такая угроза?.. Ну да, они не знают. Но ему-то, Виньке, от этого не легче!

Мама сказала, что суп и картошка на плите и чтобы он не носился весь день как угорелый, а отдохнул, и ушла. А Винька все стоял посреди комнаты. Машинально перекатывал в кармане что-то твердое... Это же бочонок! От лото!

Винька вынул круглую деревяшку с числом «тридцать три». Глянул на нее, как на скорпиона. Бочонок тоже был виноват в его беде! Если бы Винька не оттискивал на себе многочисленные перевернутые тройки, может, ничего бы и не было. С кожи отиски быстро исчезли, но невидимое клеймо осталось! Колдовская печать всей этой лилипутской истории! Не соскоблить...

Винька размахнулся, чтобы выкинуть бочонок в открытое окно. Рука остановилась. Потому что бочонок вроде бы затеплел в кулаке. Как живой. «Не бросай, я не виноват...»

А может, и правда не виноват? Может быть... даже наоборот? Вдруг это подсказка счастливого избавления?

«Три и три, три и три...»

Три дня погулять в одежде мальчишки. Сделать три

вредных дела и три хороших... И тогда вся болезнь и все колдовство — вон из Виньки!

У него больше шансов, чем у Ферапонта. В том липутство засело уже крепко, а Винька-то еще не такой! В нем полным-полно живых мальчишечьих сил! Вместе с бочонком-талисманом, с помощью колдовства эти силы победят пробравшуюся в Виньку опасность!

А дух Тьмы больше не сможет вмешаться, он далеко. Вернее, глубоко...

Правда, Петр Петрович говорил, что духи Тьмы живут не в мячиках, а внутри нас. Но если он закопшится внутри, Винька с ним как-нибудь справится. С помощью тех же волшебных троек. И силой воли!

— Солнышко светлое, Солнышко ясное, золотое и красное, помоги мне совершить три добрых и три вредных дела...

Винька почти поверил в успех. Ребячья одежда была на нем — вот она, его собственная. Правда, слегка скребло: это не была одежда мальчика, который три недели перед тем нисколько не врал. Например, Винька утверждал, что не знает, где Ферапонт. Но он успокоил себя, что это было не вранье, а что-то вроде военной хитрости, которую, как известно, иногда приравнивают даже к геройству... Кажется, была еще пара случаев, когда он оказывался не совсем правдив. Но, наверно, это пустяки. Не хватало уже у Виньки сил для сомнений.

2

С двумя хорошими и двумя плохими делами все решилось просто.

Винька взял в кладовке шестилитровый жестяной бидон, вылил из него остатки керосина в бачок керогаза и отправился за десять кварталов, в Корнеевский переулок, где в кирпичном магазинчике продавали всякое горючее. Потратил там свои рубли, которые берег для

трофейного кино «Остров страданий» (про пиратов!), и с натугой приволок домой полный бидон.

Израсходованные деньги мама, скорее всего, вернет. Но все-таки Винька слегка рисковал. Да и без того поступок был самоотверженный.

Не менее добрым было и другое дело. Прямо тимуровское. Винька зашел на соседний двор и там смастерил для пятилетнего малыша Витюни деревянную вертушку. Помог приколотить к забору.

Потом Винька углубился в соседние переулки — искал добычу. И нашел. В Заовражном тупике, где были сплошные сараи да огороды, на изгороди сушилась вымытая до блеска трехлитровая банка. Презрев крапивную жгучесть, Винька укрылся в сорняках через дорогу от мишени. Достал из-за пазухи рогатку, а из нагрудного кармана специально припасенный осколок чугушной сковородки. Пооглядывался — нет ли кого поблизости?

Ах какой получился звон! Как засверкали стеклянные брызги!

Заовражный тупик — он не совсем тупик. Юному диверсанту были ведомы тропинки среди изгородей и репейных зарослей. И он, не дожидаясь воплей разгневанной хозяйки, ускользнул на соседнюю улицу — Яснополянскую. Здесь среди домов тоже зеленели огороды. В одном из них Винька усмотрел домохозяина по фамилии Закаблукин — лысого, с круглым животом и сизым носом дядьку. Закаблукин в обвисшей майке, мятых парусиновых штанах и калошах на босу ногу двигался между гряд к дощатой будке с окошечком. Наверно, мечтал посидеть там в тишине и покое.

Когда Закаблукин прикрыл за собой дверцу, Винька между хлипких реек изгороди проник в огород. Змейкой скользнул в густой картофельной ботве. Встал на миг у будки и повернул поперек тугую вертушку запора.

...Отдышался Винька только дома. Потому что чут-

кий Закаблукин тут же заметил коварство и заколотил в дверь. Ну ладно, теперь не поймает...

Осталось еще два дела — недоброе и хорошее. Что бы такое придумать?

Винька возбужденно походил по пустой квартире. Нужно было совершить что-то основательное. Бесспорное. А то в последнем поступке была, по правде говоря, некоторая двоякость. Конечно, нехорошо запирать людей в уборной, но, с другой стороны, Закаблукин был вредный мужик, всегда орал на ребят, если они оказывались у его огорода, когда играли в пряталки или в партизан. Значит, Винькину диверсию можно было расценить и как подвиг мести.

Нет, дальше все должно быть без капельки сомнения...

Чтобы успокоиться, Винька опять примерил перед зеркалом португую с кобурой. Ну, конечно, на таком штатском пацане амуниция выглядела не как на офицере... И все-таки здорово! Жаль, что нельзя гулять так все время, засмеют. Но если игра в войну, тогда в самый раз. Винька похлопал по кобуре... И в этот момент его кольнула догадка. *Что* надо сделать.

Нет! Это ни в коем случае... Он же обещал папе!

Ну да, обещал. А что может быть хуже поступка, когда мальчишка обещает, а потом нарушает строжайший запрет? Тут уж никаких сомнений.

А чем уравновесить это скверное дело? Ведь третий хороший поступок должен быть таким же основательным, только со знаком добра! Что сделать?

«Ты ведь знаешь, *что*», — сказал себе Винька. Или не он это сказал? Может, Глебка? Он не появлялся после битвы на пустыре, а тут словно опять задышал у плеча.

«Страшно подумать, как мне влетит», — пожаловался Винька. Себе и Глебке. С душевным стоном.

«Зато уж тогда-то все будет *наверняка*...»

Винька обвел глазами комнату. Подумал с последней надеждой: «А может, папа взял *его* с собой?»

Но офицерские брюки и китель с погонями висели на спинке стула, отец ушел по «гражданским» делам в обычном костюме. Смешно думать, что при этом он взял пистолет с собой.

Но если не взял, то куда убрал?

Оружие положено запирать. Не из недоверия к родным, а просто по уставу.

Винька подергал ящики отцовского стола. Они выдвигались свободно, лежали там лишь бумаги и всякие привычные вещи.

А фанерный шкаф-гардероб оказался заперт!

Ох, папа, папа! Это же не железный оружейный ящик!

На столике у зеркала Винька взял оклеенную ракушками коробку — в ней было полно всякой дребедени. В том числе и разные ключики. Он почти сразу нашел подходящий...

Казалось, вся полутьма шкафа дохнула на Виньку запахами кожаной амуниции и оружейной смазки. Тяжелая черная кобура висела прямо перед Винькой. Она держалась на узких ремешках, пристегнутых к длинному поясу. А тот был зацеплен за вешалку.

Винькины ноги стали слабыми, как сварившиеся макароны.

Трясущимися руками... (вообще-то выражение «трясущимися руками» ужасно старое, затертое, но как еще скажешь, если пальцы и правда не слушаются?) Винька расстегнул кобуру.

Вытащил тяжелый «ТТ».

Внутри у Виньки была застывшая пустота, и посреди этой пустоты висело сердце. Оно сжималось и разжималось редкими толчками. Толчки отдавались в ушах и в затылке.

Винька постоял, впитывая ладонями «убойную» ве-

сомость армейского пистолета. Но этого было мало. Надо делать полностью, что задумано.

Винька вытащил скользкую обойму, сунул в карман. С натугой отвел затвор: нет ли в стволе патрона? Его не было. Тогда Винька шелкнул взведенным курком. Отвел курок, снова шелкнул. И еще...

Он прицелился в печную трубу за окном, на крыше соседнего дома. Надавил спусковой крючок еще раз — представил, как грохнуло и от трубы полетели кирпичные брызги.

Теперь хватит... Но он не удержался от соблазна, вытащил рогатку и погрузил пистолет в свою кобуру. Кобура отвисла, портупея натянулась. Винька посмотрел на себя в зеркало. Растрепанный, испуганный, но... все-таки видится и что-то боевое. К тому же он чувствовал себя теперь спокойнее. Наверно, есть у настоящего оружия такое свойство — вселять в человека уверенность.

Потом Винька все сделал в обратном порядке: всунул обойму, вложил пистолет в отцовскую кобуру. Поправил ее, чтобы висела как раньше. Запер шкаф. В свою кобуру снова положил рогатку... Опять бухало сердце. Чтобы успокоиться, Винька сказал себе и Глебке:

— Вот и делу конец.

«Еще не все, — сочувственно возразил Глебка. — *Этому делу конец. А другому, последнему, скоро только начало...*»

3

Да, оставалось главное. И отступления не было.

Потому что самое доброе, самое честное дело — если ты ужасно виноват и сам признаешься в этом. Несмотря на стыд и страх суровой расплаты.

Другого противовеса для случая с пистолетом найти было невозможно. Разве что задержать шпионов или спасти кого-нибудь, как Глебка. Но где их найдешь —

шпионов или утопающего?.. Да и в этом случае на душе у Виньки осталась бы вина перед отцом, осталась бы *не-правда*. И значит — частичка Тьмы...

Отец вернулся около шести вечера. Этого возвращения Винька и боялся, и томительно ждал: уж скорее бы! И стыдливо гадал: *что же папа скажет и что сделает с ним, с Винькой?*

И вот он пришел...

— А где мама? — слабым голосом спросил Винька.

— Зашла на работу что-то насчет отпускных документов уточнить... А ты отчего кислый? Нездоровится?

— Нет... я... здоровится. Все в порядке... А буфет купили? — И не расслышал, что ответил отец.

«Господи, при чем тут буфет? Что за ерунда в голове!.. Пользуйся, дурак, что мамы нет, без нее проще... Не тяни резину!»

Винька сходил на кухню, оставил там портупею с кобурой (он до сих пор таскал их на себе). Вернулся в комнату. Отец за столом перебирал свои конспекты лекций.

— Папа...

Тот сразу почуял неладное. Повернулся на стуле.

— Что случилось, Винтик?

«Пока еще «Винтик». А потом... Все равно! Если ты сию секунду все не скажешь, будешь лилипутом! Это — клятва!»

— Папа... Я трогал твой пистолет... Я... доставал его из кобуры, вынимал обойму и шелкал...

Отец положил тяжелые ладони на спинку стула, подался к Виньке.

Винька только сейчас вдруг увидел, какие у отца загорелые руки. И лицо тоже загорелое. А вокруг серых глаз — светлые лучики-морщинки. Глаза смотрели не по-командирски, с беспомощностью штатского человека. Но недолго. Почти сразу лучики исчезли, глаза сузились.

— Зачем? — тяжело спросил отец.

Винька пожал плечом. Стал смотреть на сандалии. Кожа на месте больших пальцев протерлась, вот-вот они вылезут наружу.

— Так зачем же ты это сделал? — с тугим нажимом спросил отец. — Скажи.

Винька опять повел плечом. На этот раз так, что с него упала ляжка. Он не стал поправлять.

— Ты же дал мне железное обещание. Помнишь? — сказал отец уже потише.

Винька сильнее нагнул голову. То ли кивнул, то ли так...

Они молчали с полминуты. Или два часа?

Отец произнес как-то деревянно:

— Если начал, говори до конца.

— Я... не знаю... что говорить.

— А я... хочу знать причину. *Что* в моем сыне оказалось сильнее твердого слова... *Что?* Желание поиграть?

— Ну... да, — выдавил Винька. Теперь уже, кажется, можно было врать: все дела сделаны, колдовство завершено.

— Такое *нестерпимое* желание?

— Ну... да.

— И это мой сын...

«Ну... да», — чуть снова не выговорил Винька. И поперхнулся. Кашлянул. На миг взглянул на отца. Тот смотрел мимо Виньки. Вдохнул, сжал спинку стула и глухо сказал:

— Что ж... принеси ремень. Тот, что я тебе подарил.

Вот оно! Конечно, Винька чего-то такого и ждал. Недаром же Феррапонт наворожил тогда в блиндаже: «*Без этого* никто в детстве не проживет». Вот *оно* и наступило... Вот жуть-то...

— Скорее, — сказал отец.

Винька пошел (ноги еле слушались). Взял с кухон-

ного стола портупею с кобурой. Вернулся. Протянул ремни отцу.

Тот со сжатыми губами положил портупею на колени и занялся делом. Снял кобуру. Расстегнул. Двумя пальцами вынул и бросил в угол рогатку. Винька понял: это пренебрежение — не к рогатке, а к нему, к сыну...

Отец сдернул с широкого пояса узкий плечевой ремень. Понятно: узким-то больнее...

«Странно, почему я еще не реву? Даже глаза сухие...»

Эти сухие глаза Винька опять вскинул на отца.

Взгляды встретились. Отец горько усмехнулся:

— Я вижу, чего ты боишься. Зря. Я этого делать не буду, не привык... Конечно, другой на моем месте расчехлил бы твою хвостовую часть и взгрел бы тебя почем зря. Так, чтобы ты неделю обедал стоя. Но я считаю, что битьем совесть не разбудишь...

Винька молчал с великим облегчением и с великим стыдом. И... как ни странно, с досадой. А еще — с вопросом.

И отец почуял этот вопрос.

— Я взял портупею и кобуру потому, что ты их не достоин. — Он сворачивал ремни в тугие спирали. — Это офицерские вещи. И у тех, кто их носит, должно быть понятие о чести, пускай он еще и не взрослый... Все. Иди...

— Куда? — шепотом спросил Винька.

— Куда хочешь. Мне с тобой говорить больше не о чем. Да и желания нет...

«Лучше бы расчехлил и взгрел, честное слово! А теперь мне что делать?» И Винька повторил одними губами:

— А теперь мне... что...

— Что хочешь.

— Я же... признался...

— Похвальное дело, конечно. Только ты, по-моему, заранее все рассчитал: поиграю, потом признаюсь. Папа простит. Да еще и похвалит за честность. А?.. Ступай.

И Винька пошел. В другую комнату. Сел на свою кушетку. Машинально надел на плечо съехавшую лямку. При этом что-то царапнуло запястье. Это были жестяные крылышки со звездочкой.

Что-то новое шевельнулось в душе у Виньки. Не такое беспомощное, как раньше. Не обида (на кого обижаться-то?), не жалость к себе, а... может быть, последняя капелька чести, на которую он теперь не имел права?

А присевший рядом Глебка шепнул:

«Но ты же знал, на что идешь. Терпи...»

Винька опять вышел к отцу.

Тот, сутулясь, заталкивал в кобуру свернутый узкий ремешок. Непонятно, зачем. Поднял голову. Винька смотрел исподлобья, но старался глаз не опускать.

— Папа... вот... Это, наверно, тоже надо отдать, да? — Он отцепил от рубашки крылышки и звездочку, потянулся мимо отца, положил на стол. И вот тут из глаз закапало. Ну и пусть. Винька повернулся, чтобы уйти.

Отец крепко взял его за бока. Крутнул к себе, поставил между колен.

— Постой... Я все же *не понимаю*. Зачем ты *это* сделал? Я не верю, что ради баловства. Винтик... Если не отцу, то кому еще ты расскажешь?

Тут уж не капли побежали, а... совсем...

И в этот же миг — теплое такое понимание: «А в самом деле, почему не рассказать-то? Петру Петровичу рассказал, а отцу боишься! Чего? Вот дурак-то! Больше стыда, чем было, все равно уже не будет...»

— Я расскажу... Только здесь все такое запутанное. И вообще... Ты, наверно, подумаешь, что я ненормальный. И трус...

Отец посадил его на колено. Прижал плечом к пиджаку.

— Ну уж то, что ты трус, я не подумаю... Говори.

— Папа... Только это долго рассказывать. Может, два часа...

Оказалось, что двух часов не надо. Хватило двадцати минут. Для того, чтобы поведать и про Глебку, и про мячик, и про Феропонта, и про приключения на пустыре, и про все свои страхи. И про последнее колдовство... И чтобы помолчать и похлопать носом в перерывах между сбивчивыми фразами. И в конце концов жалобно спросить:

— Папа, я совсем глупый, да?

— Нет, не совсем... Только не вытирай нос о мой пиджак, герой...

Это был уже прежний папа. Он повздыхал, покачал Виньку на колене и сказал озабоченно:

— Кто бы мог подумать... Вот, оказывается, сколько всего у тебя... внутри...

— Плохо, да?

— Н-нет... Ты ведь главным образом страдал за друзей...

— Папа, я понимаю, что это... наверно, суеверия. Но если ничего *такого* нет, значит, и Глебки нет? Я так не хочу...

— Глебка есть, Винтик. Он всегда с тобой.

— Это если *со мной*. А я хочу, чтобы он... и сам по себе... Это... совсем не может быть? Или может?..

Отец качнул его опять.

— Сложный философский вопрос. Подрастешь, поумнеешь и решишь сам... А пока вопрос другой: что нам дальше-то делать?

Винька вскочил. Сказал искренне и даже весело:

— Папа! Ты меня все-таки взгрей! За пистолет! Только скорее, пока мама не пришла. А потом сразу прости, ладно?

— Ладно... Учитывая особые обстоятельства, исполним только второй пункт твоей программы... Но теперь ты должен дать мне самое железное слово. Насчет оружия.

— Папа, я даю...

А какое именно дать слово? Честное пионерское? Но, поддавшись суевериям и не желая с ними проститься, Винька допустил червоточинку в своей бывшей пионерской неколебимости, он это чувствовал. Сказать «честное ленинское, честное сталинское, честное всех вождей»? Это, конечно, железно. Только... тут какое-то смутное ощущение, что отец незаметно поморщится от излишней Винькиной преданности вождям (может, потому, что помнит о «синих фуражках?»). Винькино сомнение было похоже на дырку в громадном полотняном портрете Иосифа Виссарионовича на рынке...

Сказать солидно и крепко «честное мужское»?.. То же мне мужчина! Только что лил слезы, как девчонка...

Крылышки со звездочкой золотисто блестели на краю стола. Винька дотянулся, положил их на ладонь.

— Папа, я... вот... крылышками и звездой... — Он постеснялся сказать «клянусь». Но прочно сжал кулак. Крылья были — те, которые берег и укреплял для летчиков отец. Звезда — та, на которую любили смотреть Винька и Глебка.

Отец понял. И опять посадил Виньку на колено.

— Ладно, пристегни их снова... Кобуру и портупею, так и быть, тоже забирай.

— Ага... Да разве в кобуре дело...

— Понимаю. Но все-таки...

— Папа, а вот ты сказал про Глебку: «Поумнеешь и сам решишь»... Разве как я решу, так и будет?

— Кто знает... Может быть.

— Но ведь в *такое* верят те, кто верит в Бога. А его же нет... Папа, а его *точно* нет? Или, может быть, он все-таки есть?

Отец притих. Потом дунул Виньке на темя, взъерошил его макушку.

— Вот что я тебе скажу, сын... Только это между нами, ладно?.. Я видел на войне, как очень смелые люди

крестились в опасные моменты... Понимаешь, они крестились не от страха...

— И Винцент Родриго Торес?

— И он... Он был католик, хотя и еврей... Но он-то — понятное дело, он не был коммунистом. А я видел на *нашей* войне, как это делали люди с партбилетами в кармане...

Винька вновь прижался щекой к пиджаку. Закрыв глаза и шепнул:

— И ты?

Отец опять взъерошил Винькину макушку.

4

Скоро пришла мама. И началась обычная вечерняя жизнь: ужин, разговоры о том о сем. Что буфет Ивана Тимофеевича оказался рухлядью и отдавать за него четыреста рублей — безумие, лучше добавить еще двести и купить новый. И что папу продержат на аэродроме не больше двух недель, ему пора возвращаться в техникум, этого требует партком. Что Людмиле пора искать новую квартиру, пока она со всем семейством не съехала в «этой халупе» на дно оврага... Ну и так далее.

Но Винька не считал, что его разговор с отцом закончен. Когда мама ушла на кухню, а отец прилег на кровать, Винька устроился сбоку.

— Папа... Ты вот сказал, что я беспокоился о друзьях. Ну да... Но главным-то образом я боялся за себя. Что не вырасту.

— Ну, это тоже понятно.

— А как ты думаешь, я вырасту?

— Теперь-то уж обязательно.

— Я тут... по правде говоря, тоже не только о себе тревожусь. Если не вырасту... тогда кто на Кудрявой женится?

— Здрате! Насколько я помню, ты собирался жениться на соседке Варе!

— Это во втором классе было! Теперь-то ясно, что она меня ждать не станет...

— Здравая мысль... Но потом ты говорил, что не будешь жениться вовсе.

— Я это тоже... потому что маленький был. А сейчас понимаю: когда вырасту, придется, наверно...

— А что, у вас с Кудрявой такая любовь?

— Ну... любовь не любовь, а все-таки... Папа, хорошо, если операция пройдет нормально. А если Кудрявая останется с такой ногой? Куда она тогда денется в жизни, одна-то?

* * *

— Дед, — сказала Зинуля, — значит, операция прошла нормально? Раз ты... раз Винька женился не на Кудрявой? Или... — Глаза у нее испуганно округлились. У Вовки тоже.

— Нет-нет, — успокоил Винцент Аркадьевич. — Никаких «или». Все было хорошо. Но это отдельный рассказ.

ТРИ ПЛЮС ТРИ

1

Кудрявая вернулась только в октябре. Гипс у нее с ноги сняли совсем недавно, и ходила Кудрявая осторожно. Однако не было уже никакой хромоты.

Кудрявая сделалась выше ростом и будто постарше. Хотя почему «будто»?

Виньке при первой встрече даже показалось, что Кудрявая поглядывает на него свысока. И слушала Винькины речи и рассказы она с чуть заметной снисходительностью. И отвечала коротко.

Но дело было, видимо, в том, что они отвыкли друг от друга.

Учились они теперь в разных школах, виделись реже. И казалось даже, что не очень-то друг другу нужны.

И наконец Винька испугался. Неужели так и угаснет их прежняя дружба?

Он сделал решительный шаг. Сбежал с последнего урока, пошел к женской школе и дождался, когда у Кудрявой кончатся занятия. И они пошли к ее дому как прежде.

И стенка, которая начинала расти между ними, сломалась.

Теперь Винька опять провожал Кудрявую домой. Не каждый день, однако часто. С уроков он, правда, больше не сбегал, Кудрявая терпеливо ждала его у своей школы. Или заходила за Винькой сама.

И снова были хорошие вечера у печки и всякие рассказы. Только одним полшубком Винька и Кудрявая уже не укрывались, неловко было почему-то. И одеваться Кудрявой Винька уже не помогал. Да и незачем. Она же здоровая, не то что прежде.

Зато Винька откровенно рассказал Кудрявой все про духа Тьмы, про Ферапонта и Рудольфа, про свое участие в представлении, про бой на пустыре. Про пистолет он тоже рассказал. А потом признался и в своем вранье про ночевку в библиотеке. И как это вранье исправил.

— Глупый ты, Винька. Ну правда глупый, — шептала рядом Кудрявая, и в шепоте ее слышалось, что Винька не глупый, а герой.

Короче говоря, все сделалось как в прежние времена.

А в начале декабря к Виньке домой пришел незнакомый мальчишка. Кругловатый, в очках, чуть постарше Виньки. Постучал в дверь, встал на пороге, снял запотевшие очки и спросил, здесь ли живет Винцент Греев.

— Ну... да. Живет... Это я... — Винька ощутил странное беспокойство.

— Ты ведь был летом в лагере «Ленинская смена»?

— Был. А что?

— Говорят, ты был другом Глеба Капитанова?

— Я... был. А что?

— Да ничего, — вздохнул мальчишка. Еще раз протер концом шарфа очки. И надел. — Я его брат.

Винька повел себя глупо. От растерянности, от какой-то тяжелой неловкости он съезжил плечи и пробормотал:

— Ты, наверно, за очками пришел?.. Я... конечно, я виноват. Я хотел их еще летом принести... Я их сейчас отдам. Только одно стекло я для телескопа взял, но я сейчас выну и вставлю, это быстро...

— Да при чем тут очки? — тихо сказал Глебкин брат. — Я про них и не знал... Оставь себе. У нас еще есть, тоже Глебкины... Я *на тебя* посмотреть хотел...

Винька стоял, опустив руки. Это — от смущения. Но можно было, наверно, понять, что он показывает: «Вот он я. Смотри, если тебе надо». Глебкин брат переступил большими валенками, поглядел мимо Глебки.

— Ну ладно... Я пойду.

Тогда Винька испугался. Вцепился в его рукав.

— Куда же ты пойдешь! Если ты... брат...

Они стали друзьями. Втроем. Винька, Кудрявая и Владик Капитанов. На долгие годы. Кудрявая привязалась к Владиду так же, как к Виньке.

— Это называется «любовный треугольник», — со знанием дела вставила Зинуля. Вовка шепотом сказал, что она дура. Они слегка подрались.

Винцент Аркадьевич растащил их и продолжал рассказ:

— В любовном треугольнике бывают всякие ревности и страсти. А здесь все было чудесно. И все были счастливы, когда Кудрявая вышла за Владика.

— А почему не за тебя? — вьедливо сказала Зинуля.

— Потому что мы с Кудрявой подружились еще раньше и были как брат и сестра. И вообще детская дружба не всегда оборачивается любовью. Это разные вещи.

— А что лучше? — спросила Зинуля.

— Это когда как... Трудно сравнивать.

— Дружба все-таки лучше, — заметил Вовка.

Тогда Зинуля в свою очередь шепотом сказала «дурак». И они чуть-чуть не сцепились опять.

— Если бы я женился на Кудрявой, неизвестно еще, какие бы у меня были дети, — разъяснил Винцент Аркадьевич. — Может, вместо дочки Клары родился бы сын. Как у Владика и Кудрявой. А тебя тогда вообще не оказалось бы на свете.

— Вот уж этого совершенно не может быть! — заявила Зинуля.

— А женился я на Галочке Соколкиной, с которой Кудрявая подружилась в девятом классе. И ни разу в жизни об этом не пожалел... Жалею только что Галина Степановна не дождала до той поры, когда появилась на свет ее внучка. Которая, в общем-то, девица неплохая, хотя порой бывает вредновата...

— Не порой, а часто, — сумрачно вставил Вовка Лавочкин.

— Сам такой... Дед, а Кудрявая... она сейчас где? — В голосе Зинули было понятное опасение.

— Она в Москве. Живет с детьми и внуками. А Владик... он уже там, где и Глебка. Что поделаешь...

* * *

Винька ни разу в жизни не сказал Владиду, что Глебка приходит к нему. Есть тайны, которыми не делаются и с лучшими друзьями. К тому же Владик мог обидеться: почему Глебка появляется у Виньки, а у него, у брата, — нет... А может быть, Глебка встречался и с братом, а тот об этом тоже молчал...

Во взрослые годы Глебка приходил не так часто, как раньше. Но и не редко. Обычно по ночам, когда Винцент Аркадьевич был один и ему хотелось поговорить. И они вспоминали детство. И профессор Греев делался в те минуты снова мальчишкой...

После восьмого класса — уже не ребяташки, но и совсем еще не взрослые, — Винька, Кудрявая и Владик гуляли за городом по лужайкам и перелескам и вышли на железнодорожное полотно.

Между шпалами росли ромашки. По сторонам лежал болотистый луг. Через шпалы проскакала большая ленивая лягушка.

Линия была не совсем заброшенная, но поезда здесь ходили редко. Скорее всего, рельсовый путь вел к торфяным разработкам. Они были за горизонтом, отсюда иногда тянуло едким дымком.

Винька, Кудрявая и Владик пошли по линии. Ребята шагали по рельсам, а Кудрявая между ними, по шпалам. Она держала мальчишек за руки.

Сбоку от рельсового полотна торчал столбик с полустертыми цифрами. Винька пригляделся.

— Смотрите-ка! «Нос утри»! Как на нем! — И он вынул из кармана бочонок лото с числом 33. Винька всегда носил его в кармане. У них троих бочонок был вроде талисмана. Символ «тройственного союза».

— Мальчишки, а давайте спрячем его где-нибудь здесь! — вдруг загорелась идеей Кудрявая. — А когда будем совсем старые, когда нам исполнится тридцать три, придем сюда и отыщем! А? И тогда хоть на минутку сделаемся такими, как сейчас!

— Давайте! — обрадовался Винька. — А то я устал таскать его, все боюсь, что потеряю.

— Мне тридцать три исполнится раньше, чем некоторым незрелым, — ворчливо напомнил Владик.

— Вот тогда и придем! — заявила Кудрявая.

Спрятать бочонок решили в щели фундамента каменной будки. Будка была то ли трансформаторная, то ли водопроводная, ее давно забросили. Она темнела в десяти шагах от рельсов, «по поясу» в кустах цветущего осота.

Отыскивали среди гранитных блоков подходящую расщелину. Завернули бочонок сначала в листок из Винькиного блокнота (он в нем записывал свои стихи), потом в платочек Кудрявой и наконец в сухой лопух. Затолкали в щель. Присыпали землей — потом здесь вырастет трава.

— А не разрушат эту развалюху через такие-то годы? — опасливо сказал Винька.

— Поживем — увидим, — отозвался Владик. До тридцати трех лет (даже до его, Владькиных) была еще вечность.

2

— Ее не разрушили? — спросил Вовка.

— Не знаю...

— Разве вы не достали бочонок? — почему-то обиделась Зинуля.

— Не пришлось... Когда нам шел четвертый десяток, Кудрявая и Владик жили уже в Москве. А я один не хотел идти к старой будке. Гулял в тех местах иногда, видел рельсы (они совсем поржавели), но до будки не дошел ни разу.

— А почему? — шепнула Зинуля.

— Почему, почему... По кочану.

— А теперь? — осторожно сказал Вовка.

— Что — теперь?

— Наверно, уже можно сходить? И посмотреть, там ли бочонок.

— А оно вам зачем-то надо? — усмехнулся Винцент Аркадьевич.

Зинуля и Вовка ответили разом:

— Конечно!

Заброшенная железная дорога лежала на другом конце города. Вернее, за городом. И сейчас, через полсотни лет, место это было пустынным, незастроенным. Слева, в километре, темнели корпуса старой, неработающей ткацкой фабрики, справа за лугом синело водохранилище литейного завода.

Полотно дороги сохранилось. Рельсы местами были сняты, но полусгнившие шпалы лежали на месте. Правда, они не похожи были на зловещие тени — того же цвета, что и земля. Прямо на них кое-где росли одуванчики.

Винцент Аркадьевич, Зинуля и Вовка пришли сюда до полудня. Сначала добирались на трамвае, потом на автобусе и затем еще шагали пешком. День был не самый лучший для прогулки — пасмурный, с дыханием близкого дождика. Иногда проглядывало и солнце, но все равно в воздухе висела зябкость. Ни у кого, однако, не было мысли отложить этот поход.

Пошли по шпалам. Винцент Аркадьевич посередине, Зинуля справа, Вовка слева. Молчаливые. Было тихо. Звенели комары («враги человечества!»). И несмотря на пасмурность, летали над заросшими шпалами белые бабочки.

— Скоро? — вполголоса спросила Зинуля.

— Не знаю. Смотрю... Надо вспомнить... Столбик-то с двумя тройками, конечно, не сохранился...

— А может, вон там? — спросил Вовка. То, на что он показывал, не было похоже на будку. Но... Винцент Аркадьевич пригляделся и понял — она. Только верх был разобран и зарос чертополохом.

Пробрались через густой белоцвет.

— Она, она... — шепотом сказал Винцент Аркадьевич. И повторил: — Надо вспомнить...

Вспомнил он неожиданно быстро: присел, повыдергал из расщелины среди камней траву. Большим складным ножом выскреб землю.

Достал то, что искал.

— Ура... — шепотом сказал Вовка.

Платочек с кружевной каемкой истлел. Бумага тоже. Бочонок потемнел. И все-таки в одном месте на его боку сохранился желтый лаковый блеск.

— Вот он, голубчик... «Нос утри»...

— Можно посмотреть? — Зинуля нетерпеливо тянула пальцы.

— Посмотри, посмотри...

Они с Вовкой ухватили бочонок вдвоем. Подышали над ним, сдвинувшись головами.

— Может, и правда волшебный? — шепнула Зинуля.

— Может быть... — сказал Винцент Аркадьевич. — Вы с ним осторожнее.

— Дед, ты его подаришь... нам? А?

— Подарю. Раз уж так случилось...

И подумал: «А кто же у вас будет третий?» Но не спросил. Вдруг вспомнил «человека-невидимку» из их недавнего представления. Кто же все-таки это был?.. Не надо спрашивать. Когда-нибудь откроется и этот секрет.

Но Зинуля не думала о третьем.

— Смотри, Вова. Одна сторона твоя, другая моя. Три и три, три и три...

— Не пришлось бы нам делать по три дела, — без улыбки заметил Вовка. — Три хороших и три... наоборот.

— Зачем? — опасливо поинтересовалась Зинуля.

— Для равновесия...

— «Наоборот» у вас, наверно, и так хватает, — вста-

вил Винцент Аркадьевич. — Сотворите по три хороших дела... и потом столько же еще лучше. Чем больше хороших дел на свете, тем больше равновесия, вы уж мне поверьте.

— Ладно, — шепотом согласился Вовка.

Зинуля спросила:

— А у кого он будет храниться?

— По очереди, — решил Винцент Аркадьевич.

— Тогда сперва у меня!

Вовка прошелся по Зинуле взглядом. Она была в своем свитере с павлинами и «латунных» лосинах.

— У тебя же нет никаких карманов!

— Ох, у тебя уж будто карманы!

Это она просто от вредности. По случаю прохладной погоды Вовка был в курточке и джинсах. Джинсы были старые — тесные и коротковатые, но уж карманов-то на них хватило бы на полное лото.

И Вовка затолкал бочонок в узкий карман у колена.

Они пошли обратно и оказались в окраинном поселке, который назывался Бабарюха, на улице Лопатной (и кто придумывает такие названия?).

Винцент Аркадьевич показал на длинный приземистый дом, обитый коричневыми досками.

— Вот здесь жила потом Евдокия Федотовна. Тетя Дуся.... После того, как славная «таверна «Адмирал Бен-боу» все-таки стала съезжать в овраг, они с сестрой, тетей Катей, перебрались сюда. То ли сняли квартиру, то ли купили половину дома, не помню... Кстати, прожила тетя Дуся почти сто лет и умерла... постойте, в каком же году?

— Да ну тебя, дед, — надулась Зинуля. — У каждого твоего рассказа один конец: этот умер, эта умерла!

— А что поделаешь, дорогая! Я же рассказываю про давние дела. Время... Даже в лото нет числа больше девяноста. «Дед — девяноста лет»...

— Но тебе-то еще далеко до девяноста! — рассердилась Зинуля. — Чего ты!..

— А «чего я»?

— Ты смотри... это... не вздумай...

— Да, вы не вздумайте, — вдруг шепотом попросил Вовка. — Пожалуйста... — И взял Винцента Аркадьевича за рукав.

Винцент Аркадьевич слегка растерялся:

— Да? Что же... ладно... — Он помолчал, подумал на ходу и повторил: — Ну, ладно. Ладно...

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

Винцент Аркадьевич Греев понимал, что не окончит своих воспоминаний. И дело даже не в возрасте. Он боялся, что через какое-то время работа пойдет туго, потому что станет ему неинтересно.

Интересно было писать про дом над оврагом, про старую библиотеку (которая в нынешнее время опять стала церковью), про Кудрявую, Ферапонта, Рудольфа... А про дальнейшую жизнь — что?

Клавдия была не права. Он поездил и повидал немало. Бывал и в Париже, и в Лондоне, и даже в Люксембурге. То с делегациями ученых, то по путевкам. И встречался со многими знаменитыми людьми. Даже с президентами. Но мало ли авторов пишут про Париж и президентов!

С гораздо большим интересом он вспоминал Зеленую Площадку, рынок с театром-сараем и обрыв, под которым деловито двигались паровозы, вагоны и цистерны... И свой самодельный телескоп, в который Кудрявая, Владик и Винька смотрели на лунные кратеры. Через Глебкино стекло (значит, и Глебка был рядом!).

А поскольку Винцент Аркадьевич был человек добросовестный и все дела привык доводить до конца, на-

писал он на всякий случай — заранее! — к воспоминаниям «Тени как шпалы» заключительную главу.

Глава эта довольно длинная, но вот ее последние страницы.

«...И все чаще снится опять, что мы с Глебкой встретились у непроглядной пограничной полосы. У Тьмы.

Я не вижу Глебку, но слышу, как он шепчет:

— Не бойся. Пройдем...

— Я и не боюсь...

Зачем я вру? Ведь я же боюсь. Очень. Но Глебка берет меня теплыми (как у Вовки Лавочкина) пальцами и ведет во мрак.

Не передать словами, как долго мы идем. Это лишь во сне может пройти тысяча лет. И ощущается именно как тысяча...

Но «все проходит», и мы видим свет. Сперва звездочку. *Ту самую*. Потом — синюю шель рассвета. И уже ни капельки не страшно.

Теперь я могу разглядеть Глебку и вижу, что мы одного роста. И понимаю, что я опять — Винька. Это не удивляет меня. Знаю, что так и должно быть.

Рассветает. Мы идем по высокой теплой траве. Я снял сандалии и беззаботно отбросил их. Трава мягко щекочет ноги. Пахнет клевером.

Я оглядываюсь по сторонам. Кое-где стоят большие многогранные пирамиды. Сквозь полупрозрачные грани можно разглядеть фигуры людей. Они кажутся застывшими.

Страха у меня нет, но людей этих жаль.

— Кто их туда посадил?

— Никто, — успокаивает Глебка. — Они сами... Это со стороны кажется, что каждый застыл в пирамиде. А на самом деле пирамид нет. Вернее, каждая из них — целый мир. И люди живут в них, как хотят.

— И у нас будут такие пирамиды?.. Миры...

— Они уже есть, только мы не замечаем... — Глебка вдруг смеется: — Да не думай об этом! Теперь — все хорошо. Ты еще многое увидишь впереди...

Мы выходим к широкому, но мелкому ручью — на песчаном дне видны редкие гальки. Глебка начинает подворачивать свои мешковатые штаны. Значит, пойдем вброд? Ура...

Я обгоняю Глебку и ступаю в воду. По щиколотку, по колено. Прохладные струи закручиваются у ног.

Я оглядываюсь. Глебка идет следом. В очках его отражается заря. Совсем уже светло. Мы беремся за руки и выходим на другой берег.

— Ух ты, смотри... — Глебка приседает на корточки. По песку среди редких травинок идет черный и рогатый жук-великан.

Конечно, он не совсем черный, а с зеленым отливом. На его выпуклой спинке от встающего солнца зажигаются искорки. И мне известно, что каждая искорка — тоже громадный мир. В них есть свои Виньки и Глебки...

Глебка нагибается так низко, что с него срываются очки. Я подхватываю их с песка.

— Это... те самые?

— Конечно...

— А как же... Ведь одно стекло осталось в телескопе. А здесь оба...

— Оно и в телескопе, и здесь... Ты пойми: в этом мире все немного *не так*...

— А как?

— Узнаешь... — Это он говорит с хитринкой, и я верю, что все будет хорошо.

Глебка встал, взял очки, но надевать их не спешит. Глаза у него... такие хорошие глаза, что мне хочется сказать: «Не надевай». Только неловко почему-то.

Глебка говорит:

— Вообще-то очки здесь не нужны. Я надел их просто так. Ну... чтобы ты узнал меня.

— Я бы и так узнал!

— Я на всякий случай...

Надо бы сказать: «Спасибо, Глебка». Но вы же знаете, мальчишки не любят нежностей. Я беру у него очки, дышу на них, потом протираю подолом ковбойки.

— Какие прозрачные. Столько лет прошло, а стекла как новенькие.

— Стекла не стареют. Они же — застывшие частички пространства.

— Правда? — говорю я. Просто так говорю. Вообще-то я и без того знаю, что Глебка прав.

— Конечно! Ты вспомни! Раньше, когда ты был старый, ты же часто работал в очках своего отца. Оправа их сделалась старомодной, а стекла все равно как хрусталь. Тебе они были в самый раз...»

1997 г.

ДЕЛО О РТУТНОЙ БОМБЕ

Все мы любим своих братьев.
Джозеф Конрад. «Лагуна»

ЛЕДЯНЫЕ ПАЛЬЦЫ

С шуршащим трепетом пропеллер взлетал, и в нем зажигались белые звезды. Горячие, лучистые. Такие же, как на мокрых ресницах, когда смотришь сквозь них на солнце.

Пропеллер был маленький. Длинной с Елькину ладонь. Елька смастерил его из жестяной полоски. Подобрал ее (блестящую, мягкую) у мусорного бака, вспомнил зимний разговор о летучей игрушке и понял: не зря тот разговор случился...

Портновскими ножницами мамы Тани (тайком, конечно, чтобы не заворчала) он вырезал что-то похожее на самолетный винт с двумя лопастями. В середине пробил две дырки, в катушку от ниток вколотил два гвоздика с откушенными головками. Выстругал палочку-рукоятку, на которой катушка свободно вертелась.

Наденешь пропеллер на гвоздики, дернешь намотанный шнурок, и — фр-р-р! — серебристый вертолетик уходит в высоту. И ты — будто вместе с ним...

Игрушки, похожие на эту, продавались в ларьках со всякой мелочью. Но там они были пластмассовые и не с катушкой, а с пистолетиком, внутри которого пружина. Сила запуска там зависела именно от пружины, никак на нее не повлиять. А здесь все решал сам «пилот». И к тому же можно было регулировать изгиб жестяных лопастей.

И Елька регулировал, испытывал. Сперва в комнате. Хорошо, что потолок в старом доме высокий. Потом

выбежал на двор. Но здесь запускать вертолетик расхотелось. И доминошники за столом под старым дубом, и малышня в песочнице, и ехидные Инка и Светка на лавочке. Сразу же захихикают: парню десятый год, а он с детсадовской забавлялкой.

Они все равно захихикали:

— Елик-велик, какой ты сегодня красивенький! — Это про его рубашку и штаны со штурвалами и кораблями.

— Я на свете краше всех, у меня всегда успех! — отбрил он их с привычной дурашливостью. И замелькал новыми белыми кроссовками. Помчался на пустыри позади Тракторной усадьбы.

Пустыри привольно раскинулись за двухэтажными домами из почерневших бревен. Здесь зарастали дремучим репейником и дикими травами фундаменты скрытых домов, остатки садовых беседок и кучи кирпичного щебня. Когда-то в этих местах были старинные кварталы. И когда-нибудь здесь поставят современные многоэтажки — вроде тех, что виднеются совсем рядом, за кленовой рощицей. Но это случится не скоро. А пока здесь было полное бабочек безмолвие. Тихо стрекотал и звенел один из редких дней, когда сливаются поздняя весна и раннее лето. Цветы и зелень еще майские, а тепло как в июне.

Елька пробрался сквозь цветущую сирень, с разбега вознесся на поросший одуванчиками бугор. Не видать вокруг ни человека, ни зверя. Можно остаться со своей радостью один на один. Можно не притворяться неунывающим и смешным.

Пахнувший тополями ветер обмахнул мальчишку мохнатыми крыльями, поставил торчком темные волосы-сосульки, обтянул тряпичный костюмчик. Эту разноцветную обновку мама Таня купила вчера на остатки денег, которые получила в апреле за проданный ковер: скачи, бесенок, и радуйся — лето на дворе.

Весу в летней одежке было все равно что в ситцевой косынке. И Елька чувствовал себя прыгучим и летучим. А жестяной вертолетик добавлял ему этой летучести.

Елька, щурясь от яркой синевы, пустил пропеллер прямо над собой, но тот решил поиграть с хозяином: пошел вкось. Упал в двадцати шагах, на выпуклый, как черепаха, лопух.

— Ладно, только не теряйся! И не летай в крапиву!

Крапива была уже высока и успела набрать едкие соки. Раза два Елька не уберется, но радости не убавилось. Снова — бегом за искрящимися крылышками! И головой в старый репейник, в свежий бурьян. И опять — дерг за шнурок! — и фр-р-р! — уносится стригущая воздух радость. То мчится ввысь, то чиркает по диким ромашкам.

Так, в коротких полетах, пересек Елька заросли и лужайки и оказался у пустого квартала.

Здесь из кленовой поросли подымались давно опустевшие, но еще не тронутые бульдозерами дома. С пробитыми окнами, со взъерошенным железом ржавых крыш. Самый большой дом — в полтора этажа, с кирпичным полуподвалом. Когда-то он был красив. До сих пор сохранилась хитрая резьба вокруг высоких окон. Причудливо чернели жестяные теремки на верхушках печных и водосточных труб. А внутри — Елька знал это — была широкая лестница с точеными перилами, высокие кафельные печи и лепные узоры на потолках...

С левого бока дом был обуглен давним пожаром, но середину и правый край — где крыльцо с чугунным узорчатым навесом — огонь совсем не задел. Может, потому, что в этой стороне была защита — кирпичная стена от пожара (у нее есть специальное название, но Елька его не помнил).

Стена — высотой до гребня крыши — стояла в метре от боковой стороны дома. Промежуток был заделан переборкой из грубых гранитных брусьев.

У стены раскинулась поляна — с подорожниками, клевером, дикой ромашкой и прочей невысокой травой. Летом на поляне часто собирались пацаны из ближних дворов. Было удобно лупить о стену мячами, и никто не орал: «Что вы опять разгаделись, а ну марш отсюда!» К тому же этот край дома был обращен к северу и в самые жаркие дни здесь царили тень и прохлада.

Но сейчас никого здесь не оказалось. Пустота и простор. И это — замечательно!

Елька снова дернул шнурок. Вертолетик радостно взмыл, вырвался на высоте из тени, заискрился... Потом замедлил вращение, будто выбирал, куда приземлиться. И... выбрать не успел.

Мягкий теплый ветер сыграл шутку. Опять махнул крыльями, подхватил жестяного летуна и кинул между стеной и домом.

У Ельки нехорошо ухнуло внутри. Будто не пустячную самоделку потерял, а что-то важное. Вещь, в которой спрятан особый смысл. Да так оно и было, наверно... По крайней мере, не мелькнуло даже крошечной мысли, что можно оставить пропеллер в темной щели.

А как в эту щель попасть?

По гранитной переборке не заберешься.

С другой стороны промежуток был забит вертикальными досками. Высоченными. Сколько ни скачи, не ухватишься за кромку.

Елька бросился в дом. Пустота дохнула на мальчишку застоявшейся зябкостью, гнилью, унылостью заброшенного жилья. Широкие лучи высвечивали клочья обоев и всякую дрянь на полу. Блестели пустые бутылки. Впрочем, все это Елька увидел мельком. И вот уже тамбур черного хода, лестница на чердак...

На чердаке пахло сухой землей. Сбивая колени о поперечные балки, фыркая от паутины, Елька пробрался к чердачному выходу на крышу. Застекленная дверца

висела на одной петле и оборвалась вовсе, когда Елька открыл ее.

Он выбрался под солнце, на теплую ржавчину кровельных листов. Они гулко застреляли, прогибаясь под кроссовками.

Елька на гибких напружиненных ногах подошел к самой кромке. Сел на корточки, присмотрелся. Пропеллер тускло поблескивал на темном, почти неразличимом дне. А еще Елька увидел — вот удача-то! — вбитые в бревенчатую стену и кирпичи полуподвала скобы. Как ступени. Правда, были они далеко друг от друга, не всякий пацан решится спускаться по таким. Но для Ельки-то, привыкшего ко всяким фокусам на турниках и пожарных лестницах, это разве задача?

Он животом лег на кровельный край, поболтал ногами, нащупал первую скобу. Присел на ней, поймал ее руками. Толкнулся подошвами, повис. Где там еще ступенька? А, вот...

Ельку охватил воздух стылого пространства. Холод усыпал кожу бугорками. Елька охнул. Ну да ладно, это же на полминуты! Схватит вертолетик — и марш к солнцу!

Последняя скоба оказалась вбитой высоко от земли. Елька заболтался, вцепившись в железо и едва касаясь дна носками кроссовок. Стало страшно: как обратно-то? Но тут же решил — ерунда! Подпрыгнет и ухватится за скобу. И заберется, цепляясь ногами за щели в кирпичах. Приходилось делать трюки и похитрее.

Он разжал пальцы... И взвизгнул!

Потому что была под ним не земля. Это был покрытый пылью и копотью снег, сохранившийся с зимы. Вернее, мелкая ледяная крошка. Елька ушел в нее ногами выше колен, по кромку своих новеньких разноцветных штанов.

Но испугался Елька не холода. В первый миг ледяные кристаллики показались даже приятными. Они прогнали с кожи надоедливый зуд от крапивы и колю-

чек. А вот как теперь выбираться-то? До скобы не допрыгнешь. Если бы на твердом месте да с разбега, то можно. А здесь какой разбег...

Елька задергался, пытаясь все-таки прыгнуть. Толку-то... А мороз уже втыкал в него безжалостные спицы.

Что теперь? Кричать? Может, кто-то окажется на поляне, услышит, сбегает за веревкой? А сколько времени-то пройдет?.. Да и кто услышит?

Елька все же крикнул:

— Эй!..

Получилось глухо, сишло. И стало почему-то стыдно.

Ноги уже отчаянно ломило, и льдистые иголки быстро скользили по всем жилкам. Ельку сотряс озноб. Это теплая кровь не хотела сдаваться смертному холоду. Конечно, *смертному*. Потому что сколько он, Елька, выдержит здесь?

Елька тоскливо глянул вверх. Чистое небо сияло ярко и равнодушно. Это было небо *другого* мира. Того, где Ельки уже нет...

Теперь был не просто холод. Он слился с ужасом ловушки. С похожим на тот ужас, когда отец запирает дверь на ключ, садился посреди комнаты на табурет и говорил с тяжелой ухмылкой:

— А ну иди сюда. Да не стреляй глазами-то, не трепыхайся, никуда не денешься. И не реви раньше времени, сперва поговорим...

Елька и не ревел. Но обмирал. Знал, что *сперва* будет недолго, а потом...

— Папа, не надо!

— Это кто сказал, что не надо? Ну-ка... — Он рывком придвигал Ельку вплотную, в запах водки, гнилых зубов и нестираной рубахи...

Но там *это* было не навсегда. На несколько минут. А сейчас... насовсем?

Да нет же! Кровь еще не остыла. Она толкалась в Ельке протестующе и упруго: живи!

Должен же быть выход! Ведь и *там* он однажды вырвался! Всем телом пробил затворенное окно, бросил себя со второго этажа в рябиновый куст, на волю!

Он вырвется и отсюда. Раз нельзя по скобам, надо выбить доски. Вон там, сзади!

Расталкивая снег немеющими ногами, Елька двинулся к светящейся щелями загородке. Скорее! Запнулся за что-то под снегом, упал в грязное ледяное крошево ладонями и лицом. Отплевываясь, ринулся дальше. Подобрал на ходу пропеллер, сунул в нагрудный карман (с белым кораблем внутри ярко-синего ромба), толкнул себя дальше. И наконец уперся в занозистые доски — такие теплые по сравнению со всем остальным.

Елька надавил на них, ударил плечом. Одна доска шевельнулась, чуть подалась наружу. Но дальше, других ударов, не послушалась. Замерзающий Елька понял: надо бить ее с разбега. А для разбега — протоптать дорожку. Да, протоптать! Собрать силы, хотя холод уже добрался до плеч, до затылка и, кажется, выходит из тела стрелами-сосульками наружу!

Работая локтями, Елька попятился. Будто играл в паровозик. Ледяные кристаллы больно скребли кожу. И это хорошо — значит, ноги не совсем еще онемели! Да, не совсем: Елька ощутил, как что-то сильно цапнуло его под коленкой. Оглянулся.

Из протоптанного раньше следа торчала белая рука.

Худая застывшая кисть в мятом обшлаге из камуфляжной ткани. Пальцы с грязными ногтями были скрючены, а указательный выгнут и согнут лишь чуть-чуть. Будто пощекотать хотел кого-то... Это он цапнул Ельку?

Елька хрипло закричал. И (так ему вспоминалось потом) взмыл над снегом. Пронесся по воздуху, как снаряд, руками, плечом и лицом вышиб доску, закувыркался в траве, роняя красные капли с разбитых губ. И бросился домой. Он мчался, и солнце било его в спи-

ну, в затылок, но не могло вогнать в него ни капельки тепла. И жар летнего дня, и обретенная свобода, и скорость бега были уже не в силах спасти Ельку. Леденели мускулы и кости, леденела кровь...

ФРАНЦУЗСКАЯ ТЕТРАДЬ

1

— Итак, вы утверждаете, Зайцев, что не имеете к *этому делу* никакого отношения?

Директорша была интеллигентная дама и всем ученикам, начиная с пятого класса, говорила «вы». Бывало, правда, что срывалась, набухала вишневым соком и орала на виноватого: «Здесь тебе лицей, а не барак в Тракторной усадьбе! Забирай документы и отправляйся в обычную школу, у нас никого не держат!» После этого родители несчастного приходили к ней в кабинет и долго там беседовали. О чем — никто не знал. И обычно дело кончалось миром.

Но сейчас до срыва было еще далеко. Полная, добродушная с виду, Кира Евгеньевна говорила суховато, но без сердитости. С легким утомлением:

— Итак, вы, Зайцев, это *утверждаете*?

Обычно храбрость приходит после неудержимых слез. Когда ты уже проревелся от обиды и тебе уже не стыдно, не страшно. Все, как говорится, пофигу. Пускай хоть убивают! Но бывает и так, что слезы не вырвались, ты успел сжать их в комок и загнать в самую глубь души. Там колючий этот шарик то и дело шевелится. Напоминает о себе, но храбрости не мешает. Наоборот, порой даже усиливает ее — как скрученная пружина. Такие пружины — они ведь до последнего момента незаметны. Неподвижные, поэтому ты внешне совсем спокоен. Да и внутри спокоен, пока этот комок опять не выпустил колючки...

— Ничего я не утверждаю, — сказал Митя со вздо-

хом. — Это вы все утверждаете, будто я бандит и чуть не взорвал школу.

— Лицей... — сказала молодая завуч начальных классов Фаина Леонидовна.

— Ну, лицей...

— Не нукай! И не кособочься, ты не на дискотеке! — Фаина была нервная, потому что считала: ее как завуча не принимают всерьез.

А Митя и не кособочился, стоял как все люди. Просто в нем не было заметно подобающего случаю ужаса перед педсоветом.

Педсовет (не весь, правда, а «малый», собранный на скорую руку) сидел за длинным блестящим столом в директорском кабинете. Только председатель ученического совета лицеистов Боря Ломакин из одиннадцатого «И» (то есть исторического) скромно устроился поодаль, у стены. У другой стены сидела Жаннет Корниенко. Как всегда, в джинсах, цветастой широкой кофте, с неизменным «Зенитом» и с толстым блокнотом на коленях. Держалась она бесстрастно, смотрела перед собой и была неподвижна. Так неподвижна, что даже ее цыганские серьги-полумесяцы ничуть не качались.

Борю Ломакина часто приглашали на педсовет как «представителя коллектива учащихся». Потому что в лицее была демократия. А Жаннет позвали только сегодня — как лицейского корреспондента. Чтобы (в случае необходимости!) отразить скандальное дело в газете «Гусиное перо».

Жаннет делала вид, что незнакома (то есть почти незнакома) с семиклассником Зайцевым. Ее большая курчавая голова не поворачивалась в его сторону. И взгляды их ни разу не встретились. Ну и правильно...

Пожилая, в очках и с седыми кудряшками, англичанка сказала с назидательностью доброй тети:

— Конечно, признаваться стыдно... Дима. Но еще

хуже, когда мальчик запирается так упрямо, вопреки очевидности.

— Какой очевидности? Будто я подложил бомбу?

— Никто не говорит, что ты ее *подложил*, — это вступила Галина Валерьевна, завуч старших классов. Именно в ее подчинении был седьмой «Л» (литературный), в котором числился подрывник Зайцев. — Но ты *сообщил*, что она подложена.

— Господи, ну что за глупость, — сказал Митя с оттенком стога.

— Хорошо, что наконец ты понял! — обрадовалась (или сделала вид, что обрадовалась) англичанка. — *Какую* глупость ты совершил.

— Это в *ы* все говорите глупость, — уточнил Митя с холодком нового бесстрашия (колючий шарик снова чуть шевельнулся).

Завуч Галина Валерьевна хлопнула по лаковому столу.

— Мальчишка!

«Смешно. Конечно, мальчишка. Вот обругала...»

Директриса слегка порозовела.

— Зайцев, вы переходите границы. Выбирайте слова.

— А как их выбирать? Думаете, легко? Вы поставьте себя на мое место и попробуйте... когда все на одного.

В глазах шипало. Но не от слез. От яркого света. Позади стола было большущее, во всю стену, окно. За ним сияло безоблачное бабье лето. После двух недель сентябрьского ненастья оно было как чудо. Как подарок. Жить бы да радоваться!

Педсовет на фоне окна смотрелся силуэтами, лиц почти не разглядеть. Будто темное многоголовое существо. А он, Митя, как Иван-царевич перед Горынычем. Только без меча и кольчуги.

«Ну, давай, давай, пожалей себя...»

«Я не жалею. Просто... надоело уже».

Двадцатипятилетний географ Максим Даниилович

(именно Даниилович, а не Данилович) сообщил с веселой снисходительностью:

— Нам незачем ставить *себя* на *твое* место. Мы не претендуем на роль террористов.

— Ну и я... не претендую.

— Вот и молодец, — непонятно отозвался Максим Даниилович. Отвернулся и погладил славянскую бородку. На фоне окна бородка эта казалась черной, а на самом деле была русая. Из-за нее, да еще из-за отчества, географа прозвали «Князь Даниил Галицкий». Девицы-старшеклассницы сохли по нему. Ходили слухи, что и он к некоторым неравнодушен.

— Это становится скучно, — заявила похожая на манекенщицу Яна Леонтьевна, преподавательница музыки. (Она пришла в лицей только в этом году, и все знали, что Князь «положил на нее глаз».) — Сколько можно тянуть одну ноту? И где Лидия Константиновна? Помоему, это ее обязанность: выколачивать признания из своих питомцев.

Директорша Кира Евгеньевна поморщилась:

— Я отпустила Лидию Константиновну на три дня в Затомск, на свадьбу внучки. И это хорошо. Она просто слегла бы, узнав о случившемся... Впрочем, сляжет еще. В ее-то возрасте...

Остальные молчали. Знали, что от классной руководительницы седьмого «Л» в таких делах толку мало. Словесник она неплохой, но с классом еле справляется и, судя по всему, тянет в лицее последний год.

— Ведь вроде бы неглупый человек, — вступила опять Галина Валерьевна, старший завуч. Она была худая, похожа на д'Артаньяна в платье, и силуэт ее торчал выше остальных. — Да, не глуп. Шестой класс закончил без троек. А понять простой вещи не может... Почему, Зайцев?

— Что? — сказал Митя.

— То, что своим запирательством ты у-су-губ-ляешь вину.

— Какую вину? — сказал Митя. Он смотрел на верхушки кленов за окном. Зеленых листьев на них было еще больше, чем желтых. И лишь одна верхушка пожелтела почему-то вся, горела лимонным пламенем.

Галина Валерьевна снова опустила на стол мушкетерскую длань.

— Твою вину, Зайцев! *Твою!* Ту, про которую знают все! Есть свидетели!

— Кто?

— Да хотя бы этот... клоун с фотографии! Твой неразлучный и давний дружок! Вот этот! Вот!.. — Она двинула по скользкому столу газету. Недавний номер «Гусино пера». В столе отражалось окно, и газету было не разглядеть. Но Митя и так понимал, что на газетной странице. Фотография. Та, где он сыплет из ведра картошку, а Елька встал на руки и машет в воздухе ногами (с одной слетела кроссовка).

2

Вовсе не были они давними друзьями. Их настоящее знакомство началось всего-то месяц назад, когда в семье Зайцевых опять случился «конфликт отцов и детей».

Это образованная мама так печально именовала Митины споры с родителями. Образованный папа выражался короче: «Ну, началось». После чего вспоминал иногда, что он мужчина и у него есть ремень.

В то ясное утро августа «началось» из-за тетради. Из-за французской. Митя увидел ее в магазине «Деловые люди» и обомлел от восхищения. Тетрадка была в переплете из искусственной кожи с оттиснутым на нем средневековом замком и рыцарскими гербами, с лощеной бумагой, толстая, листов сто пятьдесят. Сразу же стало ясно: если писать в такой тетради черной капиллярной ручкой повесть «Корсары Зеленых морей» (ко-

торую он задумал в июле), она, эта повесть, потечет сама собой. Как вода из крана.

Но тетрадь стоила тридцать два рубля (да еще ручка семь с полтиной). Мама сказала, что это сумасшествие. За такие деньги можно купить семь нормальных общих тетрадей.

— Но мне же не надо семь! Мне надо одну! Э т у!

— Пожалуйста, не устраивай истерику! Папе выдали зарплату только за май. А моя — курам на смех. Ты это прекрасно знаешь.

Митя знал. Но...

— Я же не мотоцикл у вас прошу! Даже не роликовые коньки! И не дурацкий сидиромный диск с компьютерными стрелялками! Одну-единственную тетрадку! Жалко для родного сына, да?

— Ну, началось! — Папа принял, было, грозный вид, но вспомнил, что у него сегодня масса редакторских дел и надо с утра беречь нервы. — Между прочим, — ровным голосом сказал он, — многие современные литераторы пишут книги на компьютерах.

— Вы же меня к нему не подпускаете, к вашему компьютеру!

— Это по вечерам, — напомнила мама. — А днем он свободен. Но ты, по-моему, не очень-то к нему рвешься. Нормальных детей не оттащишь от монитора за уши, а ты...

— Ага! А если бы я к нему липнул, вы бы сразу: «Почему ты только и знаешь торчать у компьютера и ничего не читаешь!»!

— Все хорошо в меру, — уклончиво сказал папа. Он почувал в словах сына логику. А логику папа ценил. Потому что он был редактором научного бюллетеня в Институте физики металлов. — Чрезмерное увлечение компьютерными играми вредно, но для творческой работы компьютер незаменим.

— На нем пишут всякие халтурщики!

— По-твоему, я халтурщик?

— Ну, чего ты меня ловишь на слове! Я не про тебя! Ты же пишешь металлургические статьи, это же совсем другое дело, это наука и техника! А нормальные книжки на компьютерах не сочиняют! Только всякие боевики, где внутри лужи крови, а на корочках голые тетки с пистолетами...

— Дмитрий! — Это мама.

— Ну, что «Дмитрий»! Не я же их там рисую!

— Ты мог бы поменьше смотреть на такие корочки.

— А я вообще не смотрю! Больно надо! Что вы меня сбиваете! Я про тетрадку, а вы про голых теток!

— Это ты про них, — сдержанно заметил папа. — У тебя нездоровая фантазия.

— Это у вас нездоровая! А у меня здоровая! Я хочу про летние приключения писать, а не... про это. А на компьютере я не могу! Когда придумываешь, в голове шевелятся всякие мысленные находки и передаются пальцам, как живые. И пальцы пишут!.. Папа, ну скажи! Твой любимый Булгаков мог бы написать «Мастера и Маргариту» на компьютере?

— Ты еще не Булгаков, — сообщила мама очевидную истину.

Папа — худой, почти двухметровый — стоял согнувшись в дверном проеме и вжимался в косяк поясницей (наверно, опять болела). Он поскреб щетину на подбородке (бриться папа не любил).

— Видишь ли, уровень техники при Булгакове был совсем иной, и смешно утверждать, что...

— Смешно утверждать, что на творчество может влиять качество бумаги или внешний вид тетрадной обложки, — перехватила разговор мама. — Александр Грин писал великолепные романы в старых конторских книгах.

«Да! Но если бы он увидел *эту* тетрадь...» — И Митя заплакал. В душе.

Мама за строгостью тона спрятала жалость к единственному сыну:

— И нечего смотреть такими глазищами. Что за мода! Парню тринадцатый год, ростом уже с меня, а чуть что — и глаза намокают, как у первоклассницы.

— Ничего у меня не намокает, — сумрачно сообщил Митя и толкнул в карманы кулаки с такой силой, что мятые заслуженные шорты съехали до низа живота. Он дернул их обратно и мимо отца стал пролезать в дверь, чтобы горестно уединиться в своей комнате.

Папа посторонился. Вообще-то он готов был уже «расколоться», но педагогика требовала единства родительской позиции.

— Ты должен понять, что денег в *самом деле* кот наплакал. И еще не уплачено за телефон. Мы с мамой вкальваем, как завербованные ишаки... — Для пушей убедительности папа вспоминал иногда лексику стройотрядовских времен.

Митя оглянулся в коридоре.

— А я, что ли, не вкальвал? Я целый месяц горбатился на дяди-Сашином огороде, когда вы собирали в лесу цветочки и ягодки...

Это была правда. Или что-то близкое к правде.

С середины июля до середины августа семейство Зайцевых гостило у папиного друга детства Александра Сергеевича Кушкина (почти Пушкина!). Кушкины уже не первый год принимали друзей у себя, выделяли им комнату в своей просторной избе. Впрочем, Митя чаще обитал на пустом сеновале — вместе с Вовкой, сыном дяди Саши. Там они оборудовали себе каюту (хотя мама уверяла, что эти игры закончатся пожаром).

Были Вовка и Митя одногодки и летние друзья-приятели. И случались у них всякие приключения (о которых Митя и собирался писать в «Корсарах Зеленых морей», а вовсе не о пиратах и кладах). Но, кроме того, Вовка, сельский житель, помогал родителям в их дере-

венской работе — не все же время играть в Тарзана да мячик гонять. А Митя помогал Вовке. В прошлом году — от случая к случаю, а этим летом — всерьез. Неловко стало бездельничать, когда товарищ в трудах. Вместе они гнули спины на огородных сотках, и не всегда это было радостно, зато совесть не кололась, как крошки в постели. Приключения же потом делались еще интереснее.

А три дня назад дядя Саша на своей расхлябанной «копейке» привез в город Зайцевым мешок свежей картошки. Сообщил, что это Митин заработок. Раньше, в колхозе, это называлось «трудодни».

Папа сказал:

— Саня, ты что, спятил в своей сельской местности? Дитя трудилось бескорыстно.

Мама замахала руками:

— Александр Сергеевич, как вам не стыдно! Везите обратно!

Однако дядя Саша ответил, что это не их, мамы и папы, дело. Они закоснели в своих дореформенных взглядах. А Митьке надо расти в нынешнем рыночном мире, где основа отношений — справедливая оплата труда.

Мите и неловко было, и все же приятно: первый в жизни заработок. Но он, как и родители, недоумевал: где этот мешок держать? Ни подвала, ни сарая, ни гаража у Зайцевых не было. Картошку круглый год малыми порциями покупали в ближайшей овощной лавке, Митя возил ее в хозяйственной тележке. Каждый раз была морочка забираться в лифт — квартира-то на пятом этаже.

Дядя Саша сказал, что нет проблем: пусть мешок стоит на балконе.

— А что будет, когда придут холода? — наивно воскликнула мама.

Дядя Саша сказал, что «до холодов вы эти запасы слопаете за милую душу».

«Лопать» еще не начинали, мешок так и стоял, полный под завязку. И должен был напоминать старшим Зайцевым, что сын их не бездельничал все лето напролет.

И мама вспомнила. Сказала Мите вслед:

— Конечно, ты «вкалывал». Но и получил за это целый мешок.

— Я, что ли, с мешком должен идти в магазин? «Продайте мне тетрадку за десять кило картошки!» Да?

— Ты можешь сначала реализовать свой товар, — подала голос из комнаты мама. — Поспрашивай соседей, не нужен ли кому-нибудь картофель. Или... я видела, как такие же мальчишки на улицах и на рынке торгуют овощами со своих огородов.

— Это вполне в духе времени, — добавил папа.

Конечно, это было форменное издевательство. Конечно, они знали, что ничего «реализовывать» Митя не станет! Потому что он (по маминым словам) «храбрый только с родителями, а в нестандартной обстановке — тише овечки». Это была не вся правда, но опять же близко к правде. И, уходя на работу, мама с папой и помыслить не могли, что предпримет их ненаглядный отпрыск.

А он приступил к задуманному.

3

Разумеется, начиная это дело, Митя не верил, что доведет его до конца. Это были только «ростки робких намерений, весьма далеких от исполнения». И все же он пошел на балкон и развязал мешок.

Картошка была крупная. Клубни один к одному, но довольно грязные. В сухой земле. Надо было придать им товарный вид — так он подумал. С мешком было не управиться, дядя Саша говорил, что в нем четыре пуда. Раза в полтора больше, чем в самом Мите. Он стал накладывать картошку в красное пластмассовое ведро, таскать и высыпать в ванну. Потом выхлопал опустев-

ший мешок с балкона — к неудовольствию соседки с четвертого этажа Серафимы Сергеевны. И пустил в ванну воду.

Каждый клубень он мыл в прохладных струях. Вытирал полотенцем для рук и отправлял обратно в мешок. Сперва казалось — работе не будет конца, но часа через полтора все было готово. Что стало с полотенцем — особый разговор. Зато клубни теперь выглядели будто розово-желтые поросята.

Митя все тем же полотенцем вытер пол, вымыл (то есть постарался вымыть) ванну. Смыл с лица и ног серые подтеки, сменил футболку. Сел на перевернутое ведро в позе известной скульптуры «Мыслитель».

Что дальше-то? Как доставить товар на рынок? (Как продавать, он пока не думал, страшно было.) На хозяйственной тележке больше пуда не увезешь. Это что же? Четыре раза туда и обратно топтать через полгорода?

Хорошо бы раздобыть какой-то транспорт. И помощника. Да, именно помощника! Вдвоем все трудные вопросы решать легче. Но главный приятель, сосед и бывший одноклассник Шурик Таманцев, был еще на даче. Пойти к Вадику Полянскому? Но много ли проку в таком деле от свехвоспитанного скрипача и шахматиста? К тому же никаких телег у Шурки и Вадика наверняка нет...

Митя отправился на двор. Он слегка кручинился, но и радовался в душе — никого не найдет, и совесть будет чиста. Я, мол, отступил от планов не по малодушию, а под давлением обстоятельств.

На дворе томились от зноя разлапистые клены. У дальнего подъезда подвывала противоугонной гуделкой пустая «девятка». Никто не обращал внимания — такие системы включаются от любого чихания. Да и некому было обращать. В тени сидели на лавочке две бабушки, сонно качали перед собой коляски. Ходили голуби, не глядя на кудлатую кошку Марфу, которая дела-

ла вид, что охотится, а на самом деле валяла дурака. В ближнем открытом гараже слышны были мужские голоса и звякали стаканы. А ребят — нигде никого...

Хотя нет, один был!

В дальнем краю двора, у тополей, зацепившись ногами за перекладину качелей, мотался вниз головой пацаненок в пестро-синей, похожей на платьице одежонке.

Надежды на этого мелкого акробата почти не было, но все же Митя пошел к нему. Для окончательной очистки совести.

— Елька, привет!

Он помнил, что пацана зовут Елька. Не знал только, имя это или прозвище. Елька был нездешний. Жил он где-то в соседнем квартале, в Тракторной усадьбе, а сюда заглядывал лишь временами — погонять в футбол, прокатиться на чужом велике, поиграть в чехарду и вышибалу. Наверно, там, в Усадьбе, не было у него дружков-ровесников.

Относились к Ельке терпимо. Был он дурашливый, неунывающий и ловкий. Например, мог разогнаться на велосипеде, бросить руль, вскочить на седло и проехать так с десяток метров. Умел свистеть по-птичь и жонглировать мячиками. Его никогда не обижали — даже те, кто считал себя крутым. Но и всерьез не принимали. Больно уж какой-то мельтешащий. Да и не с этого двора к тому же...

Елька упал на руки, постоял так, почесал кроссовкой щиколотку. Прыжком встал на ноги. Показал в растянутой улыбке большие неровные зубы. Тоже сказал «привет». И стал смотреть на Митю с веселым вопросом. У него были длинные, чуть раскосые глаза, темные волосы-сосульки и очень вздернутый нос — будто его нажали вверх пальцем. Две черные дырки целились в Митю, как маленькая двухстволка.

— Елька, не знаешь, где достать ручную тележку? Ну, такую, чтобы тяжелый мешок перевезти.

Елька сказал сразу:

— Знаю, конечно. У нас в сарае.

Это была удача. Хотя и досада — теперь не отвертись. Но досаду Митя решительно задавил в себе. Сказал деловито:

— Дашь напрокат?

— Дам, конечно. А для чего?

— Да так, дельце одно... Надо продать мешок картошки. Понимаешь, заработал в деревне, а хранить этот сельхозпродукт негде. И деньги нужны к тому же... Хочу на рынок свезти.

Елька поскреб макушку.

— Зачем на рынок-то? Это вон куда пилить! И торговать не дадут, сразу прискребутся рэкетеры всякие. У них там все поделено, платить надо...

«Этого еще не хватало! Слышала бы мама...»

— А что делать-то?

— Торговать можно везде. Где-нибудь на улице... Я знаю одно место!

— Далекое?

— Ничуть не далеко! В двух шагах за Усадьбой. Там даже не улица, а просто дорога. Но по ней все время народ топает: кто на остановку Ключи, на автобус, кто в Первомайский супермаркет... У этой дороги в том году даже продуктовый киоск стоял, да потом его сожгли.

— Зачем?!

— Ну, конкуренция, — со знанием торговой специфики отозвался Елька. — Дело обыкновенное.

— А меня не это... не сожгут? — Митя сделал вид, что шутит.

Но Елька понял правильно:

— Не-е! Не успеют! У тебя же всего один мешок! Мы его за один час!

— Слушай... а ты, значит, сможешь, да?

Елька сказал с прежней готовностью:

— А чего ж! Конечно! — И деловито вытер пыльные

ладони о полинялую, но чистую (видать, недавно выстиранную) рубашку, о лиловые и голубые квадраты с белыми и черными кораблями, штурвалами и даже осьминогами. Рывком заправил ее под резинку, в такие же штаны, и стукнул о землю потрепанными кроссовками.

— Пошли за колесами!

ТЕБЕ — ПОЛОВИНА

И МНЕ — ПОЛОВИНА

1

Трудно поверить, но за три года (с того дня, как переехали сюда, в двухкомнатный «кооператив») Митя ни разу не был в Тракторной усадьбе. Хотя она под боком! Просто не подворачивался случай. Школа, магазины, остановка трамвая были в другой стороне. По краю Усадьбы Митя проходил изредка, если шел в Первомайский магазин или в аптеку за мазью для папиной поясницы, а внутрь не совался. Не было желания. Казалось, что жители там с недобрыми нравами. Наверно, косо глядят на чужаков.

Но сейчас никто косо не глядел. Вообще не смотрели на Митю и Ельку. Несколько мужиков с татуированной мускулатурой за дощатым столом пили пиво и стучали доминошками. Две тетki натягивали между деревянными балконами веревку с мокрым бельем. Ходили по асфальтовым дорожкам сонные псы. Лениво посторонились, когда мимо прокатил на трехколесном велосипеде румяный дошкольник — совсем такой же, как малыши в Митином дворе. Он помахал Ельке (и Мите заодно) синей пластмассовой саблей.

Усадьба состояла из десятка двухэтажных домов — бревенчатых или обитых почерневшим тесом — с решетчатыми балконами и верандами. Построили их для рабочих тракторного завода в давние времена, которые у взрослых назывались «довоенные». Удивительно, что

такая старина сохранилась рядом с центром. Вон торчит над крышами белый двадцатиэтажный дом областного правительства (конечно же — «Белый дом»), а здесь — деревенская тишь. Густая зелень рябин, сирени и высоких тополей. И даже дубы есть, хотя в здешних местах они редкость.

А травы — выше головы! Особенно много той, у которой пунцовые и розовые цветы, похожие на маленькие орхидеи. Митя и раньше видел такую на обочинах, но отдельными кустами, а здесь — целые рощи! Не поймешь даже — сорняк это или развели нарочно...

Елька привел Митю к длинному сараю, сбегал за ключом, выкатил сквозь широкие двери сооружение на больших, как у деревенской телеги, колесах. Фанерный короб с короткими оглоблями.

— Во! Ее для сбора бутылок соорудили...

Митя постеснялся спросить, кто именно собирал бутылки. Какое его дело! Несмотря на громоздкий вид, телега оказалась легкой на ходу. Они бегом докатили ее до Митино подьезда. Елька прихватил с собой еще маленькое жестяное ведро.

— Вдруг кто-нибудь захочет мелкую порцию!

Митя лишь дивился Елькиной практичности.

С полчаса провозились с погрузкой. Сперва доставляли картошку вниз ведрами, а оставшуюся треть (с наугой!) приволокли прямо в мешке. Ящик оказался почти полным.

Впряглись, потянули. Ого! Это вам не пустую телегу катить! Но поднажали, и она поехала.

Опять пересекли Усадьбу. Выбрались на асфальтовый тротуар, что вел вдоль заброшенных домов — с узорчатыми разбитыми крылечками и прочими остатками старинной красоты. И снова Митя подумал: «Странно как! Я и не знал, что рядом такая глушь. Вот домашнее дитя...»

Перешли улицу Полярников с трамвайной линией,

затем пыльный сад на задах торговых складов и выкатили свой груз на асфальтовую полосу между старых тополей и кленов. Тротуар — не тротуар, дорога — не дорога. Видимо, *та самая*. Народу здесь и правда было много. Особенно пожилых тетешек с сумками. Бодро шагали туда-сюда. Неподалеку вскрикивали электрички, и виден был меж деревьев решетчатый мост над рельсами.

Елька умело выбрал полянку под кленами, у самого асфальта.

— Приехали. Давай...

Митя хлопал ресницами. Что давать-то?

Елька прыгнул на колесо, накидал в красное ведро клубни — до верху. Чуть не упал от тяжести, когда протянул сверху Мите. Тот подхватил торопливо и виновато. Елька наполнил и жестяное ведро. Прыгнул на траву.

Оба ведра они поставили на обочине. Сами встали рядом. Елька — беззаботный и независимый, Митя... ох, провалиться бы куда-нибудь...

Но не провалился. Почти сразу подошел широкий парень в темных очках, с оранжевым рюкзаком за плечами и с тросточкой. Стукнул тросточкой по большому ведру.

— Почем фрукты-овощи?

Митя заморгал, глянул на Ельку. О цене-то не подумали! Елька, видать, тоже растерялся. Первый раз за сегодня.

— Сейчас, — заторопился Митя. — Минутку... — В мозгах будто защелкал калькулятор. Старую картошку Митя в июле покупал в овощном магазине по шесть рублей за кило. Свежая, конечно, дороже. На сколько? На рубль? И сколько килограммов в ведре? Десять? Значит, ведро — семьдесят рублей?

Парень, однако, не стал ждать.

— Коммерсанты! Прежде чем соваться в торговлю,

определитесь в условиях рынка, салаги. — И пошел, вихляя своей альпинистской поклажей.

— Я думал, ты знаешь, почему продавать, — виновато сказал Елька. А в чем он был виноват-то?

Митя хлопнул себя по глупому лбу и быстро поделился расчетами.

— Тебе как надо продать? — снова обрел деловитость Елька. — Подороже или побыстрее?

— Побыстрее!

«Ох, побыстрее...»

— Тогда большое ведро по шестьдесят, маленькое — по тридцать. А можно еще и половинками, если кто захочет...

«А можно и совсем мелкими кучками», — хотел предложить Митя. Но не успел. Елька исчез.

То есть он сиганул куда-то! Вверх! Митя обалдело вскинул голову. Елька висел на клене вниз башкой, как летучая мышь. Его побитые ноги цеплялись за толстенный сук, рубашка съехала на грудь, ниже уха болтался на суровой нитке алюминиевый крестик. И в таком вот положении Елька жизнерадостно, будто клоун при выходе на арену, завопил:

— Дамы и господа! Спешите скорее сюда! Вы когда-нибудь ели сладкие бататы из индейской долины страны Нукаригва?! Конечно, не ели! И не надо! То, что вы купите у нас, в тысячу раз питательнее и вкуснее! Сплошные витамины! А цена! Это никакая даже не цена, а только половинка цены!..

Митя обомлел, увидев, как их «торговую точку» обступает народ. Дядьки-пенсионеры, женщины с сумками, несколько парней и девиц студенческого вида (им-то что, лишь бы поглазеть!). Полная тетя в цветастой косынке деловито спросила:

— Почему ведро?

Елька опередил Митю, сообщил с дерева:

— Всего шестьдесят! Смешная цена!

Тетя осуждающе покачала головой (видимо, для порядка), но торговаться не стала. Разверзла пасть большущей сумки на колесах:

— Сыпь.

Митя с натугой поднял, вывалил картошку. Суетливо поднял упавшие мимо сумки клубни. Не считая, скомкал и сунул в карман на шортах деньги. Уши были горячими. А Елька опять бесстрашно заголозил:

— Дорогие покупатели! Не нужны вам заморские страны! Не нужны ананасы и бананы! Наша картошка заменяет все фрукты и овощи! Покупайте и радуйтесь! Всего за полцены! Лишние деньги нам не нужны!..

Молодой женщине, за которую цеплялся толстый карапуз, понадобилась порция из маленького ведра. Митя высыпал ее в корзину. Малыш вцепился в край корзины.

— Дай...

— Нельзя, Андриюшенька.

— Ы-ы-ы!..

Елька упал с клена. Скакнул на телегу, выхватил из ящика фигурный розовый клубень, прыгнул к Андриюшеньке:

— На! Сладкий, как груша «аквапупа»!

Андриюшенькина мама засмеялась. Те, кто стоял рядом, тоже. Сразу две женщины с сумками-тележками потребовали по большому ведру. Елька, балансируя на колесе, ловко наполнял посуду. Протягивал Мите...

Потом наступил перерыв. Оказалось, что на дороге никого. Елька присел на корточки и, задрвав нос-двухстволку, смотрел на Митю — весело и вопросительно: «Ну, как?»

Мите было неловко, будто он сам только что болтался вниз головой перед зрителями и декламировал. Но... прежнего страха уже не было. Стало даже интересно.

— Нормально, Елька. Только... ты бы не кувырчался все-таки, как в цирке...

— А почему? Это же реклама. Да ты не стесняйся, люди-то на меня смотрят, а не на тебя! — Он будто видел Митю насквозь.

— Елька, много там еще в коробке?

— Половина!

— Ох... — Мите казалось, что он торчит здесь давным-давно. Хотя прошло, конечно, минут пятнадцать.

Кто-то тихонько тронул Митин локоть:

— Сынок...

Рядом стояла сморщенная бабка (и откуда взялась?). Ростом ниже Мити, впалый рот, блеклые глаза, пыльный зимний платок. Из-под мятого подола (то ли платья, то ли халата) высывались ноги в сморщенных чулках и мужских полуботинках. Бабка опять шевельнула губами:

— Сынок... дай две картошечки. Денежек-то нету совсем... — И протянула мятый бидончик без крышки. — Вот сюда. Христа ради...

— Да... конечно... — Митя засуетился, выбирая картофелины покрупнее. — Вот... — Клубни стукнули об алюминиевое дно.

— Храни тебя Господь... — и бабка двинулась по краю асфальта, неспешно переставляя полуботинки. Митя встретился с Елькой глазами. В них, в Елькиных глазах, не было теперь клоунского азарта. Был... вопрос какой-то. Митя опять огрел себя по лбу.

— Елька! Надо ей насыпать полный бидон!

— Ага! Давай, я... — Он схватил ведерко, побежал, выгибаясь от тяжести, догнал бабку. Начал совать в бидон картофелины. Кажется, говорил что-то. А она стояла обмякшая. Почти что испуганная...

Елька побежал обратно, а бабка мелко крестила его вслед. У Мити нехорошо зацарапало в горле. Будто он виноват был и перед этой старушкой, и перед всем белым светом.

— ...Вы так ни хрена прибыли не поймете, джентль-

мены, — раздался рядом юный басок. — Благотворительность и бизнес две вещи несовместные, как говорил классик.

Это подкатил на велосипеде парень лет восемнадцати — в обрезанных джинсах, в майке с портретом какой-то рок-звезды, в сдвинутых на лоб очках-зеркалках.

— Научить вас торговать?

— Обойдемся, — буркнул Митя. Не очень, правда, решительно.

— Невоспитанный ребенок... Ладно, вали ведро в кузов, беру, не торгуясь.

К багажнику была приторочена пластмассовая корзина (вроде тех, что в магазинах самообслуживания). Митя ухватился было за ведро. Но умный Елька сказал:

— Сперва деньги...

— Ты что, юноша! А где доверие фирмы к покупателю? Я такого отношения не приемлю!

— Тогда жми отсюда, — бесстрашно посоветовал Елька.

— Тю-у, какой невежа! Я вот обтрясу с тебя морскую атрибутику! — Парень перекинул ногу через раму. У Мити вмиг осело в низ живота все нутро. А парень опустил очки, как забрало. — У вас патент на торговлю есть?

— Вон люди идут, — сказал Елька. — Сейчас крикну, будет тебе патент и счастливый момент. С печатью на заднице.

И правда, от моста двигались прохожие, человек десять. В том числе двое военных. И парень укатил с резвостью велогонщика.

«Уф... Что я делал бы без Ельки?»

А Елька схватил три картофелины, бросил над головой и... зажонглировал, как цирковой артист.

— Господа, подождите минутку! Гляньте, что за картошка! Лучше картошки, чем эта, больше нигде даже нету!

И опять их обступили. Кто-то смеялся. Седоусый

дядька спросил цену и раскрыл большущий, старинного вида саквояж.

— Сыпьте, артисты. Глядеть на вас — полный спектакль.

А Елька не унимался. Он щедро кинул в саквояж свои три клубня (сверх того, что вывалил Митя) и встал на руки. И пошел так вокруг телеги.

— Уважаемые покупатели, торопитесь! Товар кончается, магазин закрывается!

У Мити купили сразу две порции — из большого и маленького ведра. И опять покупателей не стало. А на другой стороне дороги Митя увидел странную девицу. Девочку... Кажется, свою ровесницу.

2

Да, она была не старше Мити и в то же время какая-то крупная. Не то чтобы толстая или грузная, но... широкая такая, с большой головой, усыпанной темными кудряшками, толстогубая. С серьгами-полумесяцами. Ну, прямо африканское создание. На ней были тесные истертые джинсы и просторная кофта — настолько разноцветная, что куда там Елькиному костюму!

Девчонка подняла черный аппарат и нацелилась на Митю и Ельку. Митя понял: не первый раз!

— Эй! — сказал он.

— Чего «эй»? — отозвалась нахальная «африканка».

— Зачем снимаешь? — И Митя зашагал к ней через асфальт. Но без всякой внутренней уверенности. Он более или менее разбирался в людях и знал: у таких вот особ решительный характер. Может и накостылять по шее. Тем более что весовые категории — разные и не в Митину пользу. Мало того, он ее вспомнил! «Африканка» училась в их лицее, тоже в шестом классе, только встречались они редко и друг друга не знали. Шестой «Л» (литературный) и шестой «А» (архитектурный) занимались в прошлом учебном году в разные смены.

Митя однажды видел, как у раздевалки в эту особу врзался с разбега щуплый резвый пятиклассник. Она поймала его за ворот, вздернула под мышку и отсчитала бедняге по макушке несколько крепких щелчков — при одобрительном молчании дежурной учительницы.

Как бы и здесь не случилось что-то похожее.

Но девочка глянула спокойно. Глаза были коричнево-бархатные и нисколько не сердитые.

— Ты чего перепугался? Я же не для компромата снимаю. Вы же ничего плохого не делаете, а наоборот...

— А зачем тебе это «наоборот»? — сурово и подозрительно спросил Митя (Елька смотрел издали).

— Ну, так просто. Уличная сценка. Я их собираю для интереса. Для своей коллекции.

— Спрашивать надо, прежде чем собирать, — пробурчал Митя.

— Но зачем! Если всех на улице спрашивать, ничего толком не снимешь!.. Разве бы он стал так бегать на руках, если бы я спросила: «Мальчик, можно тебя сфотографировать?»

— Не-а, я бы не стал... — Оказывается, Елька уже подошел.

— Вот видишь, — сказала «африканка» и закрыла объектив. И вдруг улыбнулась Мите: — А я тебя знаю. Ты Зайцев из шестого «Л». То есть уже из седьмого. В нашем «Гусином пере» печатался твой рассказ, а я там зам ответственного секретаря... Рассказ «Битва при Фермопилах», да?

Митя покраснел. Свой исторический опус он считал неудачным, написать его уговорила Митю Анна Сергеевна, историчка... Скандаить теперь было совсем неудобно. Елька, видимо, считал так же. Он — человек практичный, он сказал:

— А карточку дашь?

— Дам, — отозвалась она. — Даже две. Скажите ваши адреса, я принесу.

— Не врешь? — Елька насмешливо нацелил на девушку с аппаратом нос-двухстволку.

Она сообщила веско:

— Я никогда не вру, если речь идет о профессиональных делах. Журналист должен беречь свое имя.

— А оно какое? — тем же тоном поинтересовался Елька.

— Меня зовут Жанна Корниенко, — и качнула серьгами.

— «Стюардесса по имени Жанна», — вспомнил Елька известную песенку.

— Тебя давно не учили хорошим манерам?

Елька подумал и сказал, что никогда не учили.

— Это не поздно исправить.

Елька встал на руки и ушел через дорогу, на которой плясали солнечные пятна. Митя и Жанна посмотрели ему вслед.

— Адрес-то скажи, — напомнила Жанна. — Куда принести снимки?

«Неужели правда принесет?»

— Улица Репина, дом двадцать, квартира тоже двадцать. Первый подъезд. Запомнить легко... А телефон — почти сплошь четверки: сорок четыре, ноль четыре, сорок один.

— Я запомню.

Елька между тем сыпал картошку из маленького ведра в сумку очередной покупательницы. Потом звонко сказал:

— Мить, всё! В ящике пусто!

— Тебя, значит, Митя зовут? — спросила Жанна, старательно застегивая чехол «Зенита».

— Значит, так... Ну, пока.

— Пока! — И она пошла под кленами в сторону моста. Яркая такая, цыганистая. Серьги отбрасывали солнечные вспышки. Митя подбежал к Ельке. Тот протянул на ладони три мятые десятки.

— Вот...

— Подожди... — Митя кинул десятки в ведро. Потом стал выгребать остальной заработок. Шорты на бедрах оттопыривались от затолканных в карманы скомканных бумажек и съезжали от тяжести монет. Митя побросал в ведро все деньги. — Давай считать.

Сидя на корточках, они принялись перекладывать деньги из маленького ведра в большое. Набралось триста тридцать два рубля.

— Непонятно, почему так, — вздохнул Елька. — Мы же маленькими кучками не продавали нисколько, мелочи быть не должно.

— Да ладно! — с удовольствием откликнулся Митя. — Все равно куча денег. У меня столько не было ни разу.

Елька молчал.

Почти треть суммы составляли металлические пятирублевки. Митя отсчитал одиннадцать десятков, одну пятерку и добавил еще рублевую денежку. Давать Ельке много монет не стоило, его трикотажные кармашки не вынесли бы этого веса. Митя встал, затолкал опять свои деньги в карманы, а Ельке протянул его долю:

— Держи.

Елька глянул, не поднимая лица:

— Зачем?

Сейчас, когда он смотрел исподлобья, лицо его стало не дурашливым, не клоунским, а... в общем, совсем другим. В глазах — испуганный вопрос.

— Ну... — слегка растерялся Митя — А как же? Ты же работал, помогал...

— Ага. Ты сказал «помоги», я сказал «ладно». За деньги разве помогают?

— Но ты же... вон как помогал! Изо всех сил! Мы же вместе работали. Значит, и деньги общие.

— Да картошка-то твоя!

— А... да я бы ни одной не продал без тебя! — со всей

искренностью выдохнул Митя. — Елька! Куда бы я без твоей телеги? И без твоей рекламы!

— За рекламу хватит и пятерки, — как-то скучно отозвался Елька. Помусолил палец, извернулся, начал оттирать на ноге, на острой косточке, прилипшую пыль.

Стало Мите неудобно, словно опять в чем-то виноват. Он потуже затянул ремешок, присел перед Елькой.

— Ты обиделся, что ли?

— Я? Ни капельки! — И опять он сделался прежний, готовый пройтись колесом.

— Постой... Елька! Должна же быть справедливость! Почему ты не хочешь? Мы же вместе всё делали. Значит... давай как в песне!

Елька опять настороженно вскинул глаза:

— В какой?

— Ну... просто я вспомнил одну, старую. Там такой припев: «Тебе — половина и мне — половина...»

Елька мигнул, опять лизнул палец, почесал им подбородок. Растянул в нерешительной улыбке губы.

— Тогда... ладно. — И протянул растопыренную ладонь.

Он затолкал бумажки в нагрудный карман, а рублевую монетку положил на колено.

— Сейчас загадаю... — И шелкнул по ребру денежки. Денежка, сверкая, улетела на асфальт. Елька подбежал, схватил. — Орел! Значит... так и надо.

— А что ты загадал?

Он сказал с тихим вздохом:

— Секрет.

Ну, секрет так секрет. Они впряглись в пустую тележку и бодро двинулись к дому (ведра погромыхивали в фанерном ящике).

— Елька, ты где научился так выступать? И акробатничаешь, и жонглируешь...

Он сказал с готовностью, но без веселья:

— А, помаленьку... отец иногда учил. Он в цирке ра-

ботал. Сперва акробатом. А потом начал это... — Елька шелкнул себя по тоненькому горлу. — Ну и перевели в униформисты... Он мне много чего показывал. А если не получалось — бряк по затылку: «Не вешай нос, держи кураж!» Он когда трезвый, то ничего бывал, не злой...

«Бывал...»

— Елька, а он что... Его уже нет, да?

— Есть, только неизвестно где. Мама Таня его поперла из дома год назад. Ну, он появлялся сперва, а потом уехал. Говорят, в Самару...

— А мама Таня... она твоя мама, да?

— Ага. Только неродная. Но она все равно лучше всякой. Родную-то я не помню, она от воспаления печени померла, когда я еще ясельный был. Ну, отец и женился на маме Тане.

Митьке бы не соваться в чужие беды. Но и молчать было неловко. И он скованно спросил:

— Значит, она лучше родного отца? Раз ты с ней...

— Когда они разошлись, он меня сперва с собой взял. Говорит: подготовлю, будешь в цирке выступать. А скоро начался такой «цирк»... Связался с какой-то, начали вдвоем керосинить, а меня в интернат... Я там за два месяца такого натерпелся... Слыхал, какая в армии бывает дедовщина? Ну и там тоже... большие парни... Мама Таня меня насилу разыскала и забрала. Без всяких разговоров...

— Ты ей... купи что-нибудь хорошее, — неловко посоветовал Митя.

— Да не-е... Я просто ей все деньги отдам. То есть почти все. А себе куплю только пачку крабьих палочек. Знаешь про такие?

— Конечно! Я их во как люблю!

— Я тоже. Пуще всякого мороженого... То есть мороженое я вообще не люблю, потому что ненавижу снег... — И Елька сильно дернул плечами.

КОРСАРЫ ЗЕЛЕННЫХ МОРЕЙ

1

— Во всяких делах есть свои традиции, — со вздохом умудренного человека произнесла директриса Кира Евгеньевна. — И в таких вот неприятных — тоже. Ученик, совершивший какой-либо проступок, сначала, как правило, отрицает свою вину: «Я — не я...» Но потом-то истина все равно всплывает на свет. И давай, Зайцев, будем считать, что мы отдали дань традиции и... как поется в одной песне, «первый тайм мы уже отыграли». Ты поупрямился, мы это терпели. Теперь пора и к делу... А?

— Что? — сказал Митя.

— Пора честно признаться в своих делах.

— В каких? — с тайным злорадством сказал Митя.

Наступило нехорошее молчание — как повисшая над столом крепкая ладонь завуча Галины Валерьевны. Но ничего не взорвалось, не лопнуло. Очень-очень терпеливо Кира Евгеньевна произнесла:

— В таких делах, что ты, Дмитрий Зайцев, лицеист седьмого класса «Л», позавчера не пошел на уроки, а в одиннадцать часов отправился к телефону-автомату, набрал номер моей приемной и сообщил измененным голосом, что в подвале заложена самодельная ртутная бомба со взрывателем замедленного действия...

— Какая бомба? — с искренним любопытством переспросил Митя.

— Ты сам знаешь какая! — Она уже не помнила, что надо говорить «вы». — Ты сам объяснил подробно! Внутри пороховой заряд, а пустотелая оболочка заполнена ртутью, собранной из градусников.

— Неужели не понятно, что это вранье! Сколько градусников пришлось бы расколотить!

— Конечно, вранье. Неумная подростковая фантазия. Но администрация обязана реагировать на *каждый* такой сигнал. Поэтому пришлось эвакуировать все клас-

сы и вызвать специалистов. То есть ты добился, чего хотел...

— А чего я хотел?

— Сорвать занятия! — Завуч Галина Валерьевна все же опустила трескучую ладонь. Многоголовый педсовет вздрогнул. И Митя. И все же он спросил:

— А зачем?

— Что «зачем», Дима? — проговорила англичанка.

— Зачем мне срывать занятия?

— Все это мы и пытаемся выяснить — разъяснила директорша, пытаясь остаться в рамках лицейской сдержанности. — Для чего ты пропустил занятия, отправился к телефону...

— Кстати, даже известно, к какому, — вставил Князь Даниил. — К заброшенной будке на пустырях у Тракторной усадьбы. Видимо, полагал, что это поможет замести следы.

— Да как их там заметишь-то! Про эту будку все ребята знают, она одна бесплатная осталась на всю округу! Там по утрам иногда даже очередь собирается! — Митя сумрачно резвился в душе. Понимал, что шутит с огнем, но... пусть! — У кого в школе контрольная или прививки, сразу: «У нас заложена бомба!» Там даже специальная железная кружка есть, во-от такая. Ее ко рту приставляют, и голос меняется, гулкий делается. Как у рапсодов...

— У кого, у кого? — поинтересовалась юная музыкантша Яна Леонтьевна (уж ей-то надо бы знать).

— У древних греческих певцов. Они, когда выступали с пением всяких там «илиад», снизу приставляли ко рту горшок, и голос разносился, как эхо...

Кира Евгеньевна покивала:

— Ну, наконец-то. Теперь-то ты не станешь больше запариться? Такое знание деталей вполне доказывает твою причастность...

— А как оно доказывает? Эти детали хоть кому известны. И телефон тоже...

Тут была неточность. Про телефон было ведомо не всем. Ну, пацаны — да, знали, а среди взрослых — лишь некоторые окрестные жители. Потому что будка стояла среди всяких буераков.

И Митя узнал о ней лишь в день «картофельной операции». Вернее, вечером.

После торговли вернулся он домой в середине дня и до вечера чувствовал себя победителем. Правда, повесть «Корсары Зеленых морей» не очень-то двинулась — несмотря на новую французскую тетрадь и японскую ручку. Написалось меньше страницы. Но Митя решил, что не будет расстраиваться, дождется вдохновения и тогда уж... А пока, чтобы вновь порадоваться, пересчитал оставшиеся после покупки деньги. Было чуть больше семидесяти рублей. Митя на столе придавил бумажки столбиком пятирублевок.

Мама и отец пришли с работы одновременно. Мама зачем-то сразу заглянула в ванну и захотела узнать, «что? здесь? происходило?».

Митя сообщил, что происходило мытье картошки, которую он, Митя, как ему и было сказано, «реализовал». И купил на вырученные деньги необходимую тетрадь. И черную ручку. А оставшиеся деньги он честно вносит в семейный бюджет, чтобы никто больше не считал его бездельником. И широким жестом указал на стол, где лежали ассигнации и монеты.

Была сенсация. Мама забыла, что следует поругаться из-за ванны. Папа покашливал и чесал щетинистый подбородок. Правда, узнав, как а к а я именно выручка, заметил неосторожно, что могла бы она быть и посолднее. Мама пронзила его *взглядом*. А Митя сообщил, что работал с партнером, который обеспечивал транспорт и рекламу. Так что сами понимаете...

Мама и папа захотели узнать подробности. Митя

подробности изложил и даже попытался воспроизвести, как Елька на ходу декламировал торговые лозунги.

— Вот кого надо в литературный класс! А вы зачем-то упихали в лицей меня!

Но и это «упихали» ему сегодня простили. Потому что была радость. И дело не в заработанной сумме, а в том, что сын впервые совершил *самостоятельный поступок!*

А вечером, около восьми, родители ушли к Юрию Юрьевичу, папиному коллеге, который отмечал десятилетие свадьбы.

Когда уходили, Митя надулся:

— А мне опять сидеть дома одному.

— Что значит «опять»! — тут же взвинтилась мама. — Можно подумать, что мы каждый вечер ходим по гостям! Собрались в кои-то веки! А ты, значит, маленький и боишься побыть дома один?

— Не боюсь, а скучно.

— Ты же купил свою *вожделенную* тетрадь! Вот сиди и пиши!

— А по заказу не пишется! Это ведь не конторские бумаги в страховой фирме!

— Отец, ты послушай, как он разговаривает! — разгневалась мама, которая работала именно в такой фирме.

— Ну, началось! — грозно сказал папа. — Дмитрий!

— Не началось, не началось! Идите, танцуйте там и пейте заморские вина. Только не говорите: «Не смей весь вечер сидеть у компьютера».

— Не смей весь... тьфу! Сиди сколько влезет, — сказала мама. — Только не лезь в мои рабочие файлы.

— И в мои, — сказал папа.

— Больно надо...

Обычно по вечерам у монитора сидели папа или мама — работа. Попробуй подступишь. Да Митя не очень-то и рвался: после суматошного дня лучше поваляться с книжкой на диване. Однако сейчас подумал, что непло-

хо посидеть у экрана, когда никто не прогоняет, помочь мускулисту Гераклу в игре «Двенадцать подвигов» или пострадать с чудищами в страшилке «Лабиринты черного замка».

Но когда он в комнате родителей сел к заслуженной и обшарпанной «четверке», пальцы почему-то сами вызвали программу «World».

И появилось на экране белое, как тетрадная страница, поле. И Митя вдруг испытал зябкое волнение — такое же, как при виде чистого тетрадного листа. И... то, что с трудом писалось в новой тетради, сейчас вдруг «поехало» само собой. Митя быстро напечатал придуманное еще днем начало и с разгона пошел дальше:

«...Конечно, никаких морей под Мокрушином нет. Есть только пруды, где разводят карпов, да небольшое Медвежье озеро, вокруг которого сроду не водилось никаких медведей, а только лягушки да дикие утки. Зато зелени вокруг Мокрушина полным-полно. Это и луга, и перелески, и Ермиловский бор, в котором заблудиться — раз плюнуть. Это Вовка любит так говорить по всякому делу: «Раз плюнуть!»

Я сказал ему однажды:

— Давай придумаем, что вокруг нас Зеленые моря, а мы в них — корсары. Как Френсис Дрейк!

— Раз плюнуть!

И мы придумали. И взяли в нашу команду соседскую Лариску Батянину и ее восьмилетнего брата Лешку. Он хотя и самый младший, зато хитроумнее всех.

Это он, Лешка, сразу сказал, что пираты, корсары и прочие Дрейки посуху не плавали и что пускай Медвежье озеро будет частью Зеленых морей, а он знает, где на нем раздобыть корабль. Это старая, никому не нужная лодка, она лежит у воды на песке, и надо только пробраться к ней через сухие тростники.

Пробирались мы долго. И я предложил назвать эту широченную прибрежную полосу «Стреляющая пус-

тошь», потому что сухие стебли трещали под ногами, как pistolетные пистоны. И все согласились. А маленький полуостров с песком, где лежала лодка, я предложил назвать «Язык желтого дракона». И все опять согласились, кроме Лариски, которая сказала, что драконы противные, как жабы. Но нас было большинство.

Лодка оказалась совсем исправная, без дырок. И тут мы заметили, что Лешка как-то странно пригибается и оглядывается и разговаривает шепотом. Лариска взяла его за шиворот и велела признаваться, в чем дело. И он «кажется, вспомнил», что эта лодка «кажется, не совсем ничья, а кажется, одного рыбака, которого зовут Константин Петрович».

Мне захотелось домой.

Лариска хотела дать брату подзатыльник, но он присел.

А Вовка сказал, что мы же не знали, что лодка не беспризорная, и что так и скажем, если что... А сперва покатаемся и поиграем в нападение корсаров на испанский город Картахену, как в книжке «Вскормленные океаном».

Я сказал, что тяжелую лодку нам не спихнуть на воду. Но Вовка сказал «раз плюнуть». И мы начали спихивать. И мне еще сильнее захотелось домой, но приключений тоже хотелось. Хотя известно, что приключения — это сплошные неприятности, только про них почему-то потом интересно вспоминать...»

За окнами было уже темным-темно — август. А Митины пальцы будто сами собой бегали по клавишам. Вот тебе и «на компьютере я не могу»! Оказывается, очень даже «могу»!

Митя вдохновенно облизывал губы. Иногда переставал печатать, чтобы перечитать абзац и сразу исправить опечатки (а их — куча!). И потом — снова!

«...Вместо весел мы нашли в ольховнике длинные кривые палки. Вовка сказал, что на мелких местах мож-

но ими толкаться, а на глубоких грести. Я сказал, что грести такими нельзя. Но Вовка, конечно же, сказал, что раз плюнуть...»

Митя закрыл глаза, вспоминая запах сырого песка, теплой озерной воды и осоки. И «замирательное» ожидание близких приключений... И в прихожей неприятно, непрощено зазвонил телефон.

Кто бы это? Мама интересуется, все ли у Мити в порядке? Но известно, что у Юрия Юрьевича нет телефона.

Митя выскочил в прихожую, с опасливым ожиданием сказал в трубку:

— Квартира Зайцевых... Кто вам нужен?

3

В трубке часто дышали.

— Кто это?

— Митя, это ты? — спросил сиплый голосок.

— Я... А ты кто?

— Елька...

— Какой Елька? — Это вырвалось просто от удивления. Митя, конечно, сразу понял, «какой». Но чего ему надо-то? Да еще в такой час...

Днем они расстались у Елькиного сарая быстро и беззаботно. Без всяких обещаний встретиться снова. «Ну, пока, Елька». — «Ага, пока...» Митя взял свое красное ведро и пошел, гулко стучая по нему коленками и не оглядываясь. И разве мог подумать, что на ночь глядя будет такое «дзынь-дзынь»?

— Ну, Елька я! С которым ты картошку продавал! — Сквозь сипловатость пробился нетерпеливый звон. И... обида?

— Да понял я, понял! А чего ты чуть не в полночь трезвонишь?

— Ты, что ли, спал уже?

— Я не младенец. Но я не понимаю. Что случилось... Елька?

— Да ничего. Просто... — Звонкость в голосе пропала. И опять он стал тихий, сипловатый. От виноватости?

— Ты откуда звонишь? — Трудно было представить, что дома у Ельки есть телефон.

— С автомата... Тут, недалеко...

— А как ты узнал мой номер?

— Ты же сказал тогда той девчонке с аппаратом. Ты громко говорил. Я запомнил...

— Ну, ладно. Ну и... А все-таки зачем позвонил-то?

Было слышно, как Елька посопел. И выдохнул:

— Я спросить хотел... про одно дело.

— Тогда спрашивай! — Кажется, это вышло сердито.

Но раздражения не было. Была непонятная тревога. Митя вдруг будто увидел, как щуплый Елька в своем «корабельном» костюмчике ежится в тесной будке под желтой лампочкой и боится что-то сказать в трубку. — Говори скорее! А то связь разъединится, а у тебя, наверно, жетонов больше нет.

— И не надо, я с бесплатного... Мить...

— Что?

— А вот та песня... про две половины... она откуда?

— Песня?... Она старая. Я слышал как-то от отца. Они ее в детстве пели, в летнем лагере. Когда еще были пионеры.

Папино детство было за дальними далями, лет двадцать назад. Но он иногда любил вспоминать. Костры там, походы всякие...

— Мить, а она... про что?

— Ну... про двух друзей, кажется. Я же только чуть-чуть помню. Там вроде бы такие слова: «Мы хлеба горбушку — и ту пополам. Тебе — половина и мне — половина...» А тебе-то это зачем?

— А ты... ты мне тогда это просто так сказал?

Тихо стало. Только шевелились в телефонном эфире

электронно-магнитные шуршащие волны. А в комнате щелкали большие круглые часы.

- Елька...
- Чего...
- Где твой телефон?
- Я же говорю: недалеко от нашего дома!
- Значит, и от нашего недалеко. Ты знаешь, где я живу?
- Ты же сказал ей адрес...
- Иди к моему подъезду и подожди. Я сейчас спущусь.

ДОВОЙ. НОЧНАЯ ИСТОРИЯ

1

Елька был сейчас такой, каким его Митя недавно представил: съезженный, виноватый, освещенный желтой лампочкой. Только не в будке, а рядом с крыльцом, у скамейки. Он казался озябшим, хотя вечер был пушистый от тепла. Он быстро качнулся навстречу Мите, вытянул цыплячью шею. Но тут же опустил голову.

- Давай, — решительно (чтобы задавить неуверенность в себе) сказал Митя. — Выкладывай, что у тебя?
- Здесь? — шепнул Елька.
- Ну... если хочешь, пойдём ко мне.
- Нет... пойдём лучше на мою горку.
- Где это?
- Недалеко... Я там часто сижу. Такое место...
- А зачем нам туда?

Елька длинно втянул ротом воздух, длинно выдохнул. Обнял себя за плечи. Глянул вбок. Сказал еле слышно:

- Потому что там легче говорить про... такое... когда надо признаваться...
- В чем? — так же тихо спросил Митя.
- Ну... пойдём, — и глянул исподлобья. Как там, у дороги, когда речь пошла о деньгах.

— Елька... а почему ты решил в чем-то признаваться? Почему *мне*?

— Но ты же сказал, что «тебе половина, и мне половина». И что это не просто так...

«И значит, ты мой друг», — мысленно закончил Митя мысль наивного Ельки.

Самым разумным было отказаться от такой дружбы. По крайней мере, до утра. Совсем не хотелось тащиться среди тьмы на какую-то горку. Мелькнуло даже опасение: «А вдруг этот птенчик пудрит мне извилины, вдруг у него большие дружки из Тракторной усадьбы? Заведут куда-нибудь, а там...» Сразу стало противно от такой боязни, но она не исчезла.

И все же другая боязнь оказалась весомей: та, что, если сейчас он вернется домой и благополучно сядет за компьютер, а потом спокойненько ляжет спать, вот этого «спокойненько» не получится. А получатся тошнотворные угрызения, что оставил доверчивого пацаненка, у которого не то беда, не то какие-то страхи...

И даже не скажешь: «Меня дома взгреют, если сейчас не вернусь», потому что это будет опять же трусливое вранье.

— Елька, а тебе от твоей мамы Тани не влетит, что шастаешь так поздно?

— Не-е! Она сегодня дежурит в госпитале.

— Что ж, идем, — обреченно сказал Митя. И вспомнил, что «приключения — это неприятности, о которых потом интересно вспоминать». Будет ли интересно, он сомневался.

2

Приключения начались очень скоро. Елька и Митя пересекли большущий, окруженный девятиэтажками двор, мимо трансформаторной будки и мусорных контейнеров выбрались на ближний пустырь. Сюда уже не доходил бледный свет окон и редких фонарей. Воздух

был теплый, и темнота буквально липла к лицу. А еще липла висевшая на высоких сорняках паутина. Ловкий Елька посапывал впереди.

— Р-романтика, — сказал Митя и тут же угодил в неглубокую яму с кирпичным щебнем — ладонями и пузом. Чуть не заревел. — Стой ты! Куда мы премся? Очумел, что ли?

— Уже недалеко. — Елька взял Митю за локоть очень теплыми пальцами.

«И чего я с ним потащился?»

Вот ведь какие фокусы выкидывает с нами жизнь! Сидишь в своей комнате, шелкаешь на уютно светящемся компьютере и не ждешь ничего т а к о г о, а через пять минут влекут тебя куда-то по ночным буеракам. Зачем? Ссадины болят, в голове гуденье. В душе страхи. Да еще крапива тут подлая...

Нырнули в густую кленовую рощицу. Здесь был уже полный мрак. Зато листва — ласковая и прохладная. Гладила по лицу, слизывала с кожи зуд и жжение... Слева проступили сквозь листву окна Тракторной усадьбы. Свет их виднелся редко: видимо, жильцы там ложились рано...

— А вон тот самый телефон, — вдруг сказал Елька. Но Митя ничего не различил, потому что хоть глаз выколи.

Иногда Елька шептал:

— Сейчас... Уже совсем сейчас...

Это «сейчас» показалось Мите часом. Но в конце концов дорога (ох уж «дорога», черт ногу сломит!) повела вверх. Опять же сквозь чертополохи и по мусорным кучам, но — это ощущалось! — к простору и свободе.

И вот он — простор! Часто дыша, Митя оглянулся на верхушке бугра. И сразу понял, что ушли они с Елькой совсем недалеко. Вон его, Митин, дом светится окнами в сотне метров. Вон, под боком, Елькина Усадьба. А в промежутке среди девятиэтажек знакомо мерцает жел-

то-красная реклама страховой компании «Сириус» (где работает мама)...

— Садись, — шепнул Елька и потянул Митю за футболку. Тот покачнулся, сел на что-то неровное. Кажется, это была глыба спекшихся кирпичей. Митя подышал на поцарапанные ладони, глянул вверх.

Большие звезды были похожи на мохнатых шмелей. Казалось даже, что они тихонько жужжат (хотя это гудел, конечно, тысячами отдаленных моторов и генераторов город). Снизу подымались пушистые пласты воздуха. Вперемешку — нагретые и прохладные. Поэтому звезды вздрагивали и шевелились.

Елька приткнулся рядом и молчал. Митя ощутил его колючее плечо. Не было теперь у Мити ни страха, ни досады. Было... да, хорошо. И, кажется, Митя понял, почему здесь у Ельки любимое место. Не у маленького акробата и клоуна Ельки, а вот у этого — тихого, с непонятной тайной.

Чтобы начать разговор, Митя сказал:

— Сколько тут живу, а не знал, что рядом такие джунгли.

— Ага... — И Елька повозился у Мити под боком.

— Ну... ты давай. Говори, зачем позвал-то?

— Ага... Мить, ты можешь поменять мне мои деньги?

— Как поменять?

— Мне надо, чтобы сто рублей одной бумажкой...

— Ты ненормальный, да? Ты меня за этим сюда волок?

— Нет, я нормальный. Просто мне очень надо... — И Елька зябко вздрогнул (уж не всхлипнул ли?).

Митя сказал осторожно:

— Посуди сам: откуда у меня с собой сто рублей? Тем более одной бумажкой. Ты же помнишь, крупнее десяток нам не давали. Да и тех уже нет, отдал родителям, потому что дома ни гроша...

— Вот и я хотел отдать, — прошептал Елька. — Маме

Тане. Только надо обязательно одной деньгой. Такой, как я у нее... сташил.

Митя, кажется, присвистнул. Не нарочно. И съелся от неловкости. А Елька — опять шепотом:

— Я хотел сам обменять, подошел к одной тетке, что на улице помидорами торгует, попросил... А она: «Где столько набрал! Жулье паршивое! В милицию тебя!» Ну, я и бегом от нее... А потом подумал про тебя. Подумал: может, ты поможешь...

«И затеял этот дурацкий ночной поход!» Опять занули ободранные ладони и ушибленный подбородок. Снова толкнулась досада на этого дурака. Но лишь на миг. Потому что почти сразу — догадка. Дело же не только в сотенной бумажке. Главное для Ельки — признание.

— Совесть, что ли, заела? — насупленно сказал Митя.

— Ага, — охотно откликнулся Елька. — Она давно заела... Я в начале каникул в больницу попал, весь июнь там лежал и все думали, что умру. Правда... И сам я думал. А неохота же. И я пообещал, что, если останусь живой, обязательно признаюсь. Про это дело...

— Кому пообещал?

— Ну... вообще. Взялся за крестик и прошептал... это...

— И тут же начал поправляться? — сказал Митя. И сразу испугался: не подумал бы Елька, что он насмеется. Елька не подумал. Вздыхнул:

— Не сразу. Потом уж...

— Елька, зачем ты мне-то про это говоришь? Взял бы да и признался ей... маме Тане. Раз уж так вышло...

— Я так и хотел сперва. А потом боязно стало, сил нет...

— Испугался, что отдаст в интернат? — напрямик спросил Митя.

— Не отдаст она! Куда она без меня? Я же у нее один...

— А тогда чего же?

— Она... просто заболит вся. Или руки опустит и начнет глядеть куда-то мимо. И так вот, будто плачет, хотя и без слезинок: «Хочешь быть такой же, как отец?..» Это ей страшней всего...

— Но ты же сам сказал, что хотел ей деньги вернуть.

— Ну да! Я обрадовался, когда... когда ты их дал. А потом подумал: она расстроится, что я такой. И загадал...

— Что загадал?

— Помнишь, я рубль метнул? Орел или цифра? Если цифра — признаюсь. Если орел — скажу, что нашел деньги за шкафом. Ты, мол, обронила их давным-давно, они туда завалились... Потому что я их из шкафа тогда вытянул, из-под белья. Мама Таня там всегда документы и деньги прячет... Эту сотню отец дал, когда зимой приезжал, заходил последний раз. Мама Таня ее на одежду мне отложила. А потом: «Ох, куда же я ее засунула, голова дырявая!..» Так убивалась...

— А на тебя не подумала?

— Вот ни на столечко даже! Я ведь никогда раньше... ничего такого... Конечно, в школу ее не раз вызывали, потому что или в двойки закопаюсь, или по поведению «неуды», но это за всякие «цирковые представления». А не за э т о. Даже если в классе у кого-нибудь что-нибудь своруют, на меня никогда не думали...

— А сотню-то зачем стянул? — с прежней насупленностью спросил Митя. Он чувствовал: Елке надо выговориться до конца. — Погулять захотелось?

Елька слегка отодвинулся. Спросил холодным шепотком:

— Ты думаешь, я для себя, что ли?

— А для кого?

— Не для себя я. Для одного парня...

— А! Он из тебя дань выколачивал, да?

— Не выколачивал он... Мить, а ты не выдашь? — И опять вздрогнул.

И снова Митя ощутил, какой он, Елька, незащищенный со своими непонятными страхами. Кашлянул от жалости, обнял его плечо.

— Не выдам. Неужели я похож на сволочь?

— Мить, понимаешь... он убежал из армии.

— Дезертир?

— Ну... наверно... Я в январе забрался в один старый дом и там его увидел...

И шелестящим шепотом (похожим на шуршание мохнатых звезд) Елька поведал про свою короткую дружбу с беглецом.

3

Дом был тот самый, у которого потом, летом, Елька попал в ловушку. Обугленный с одного угла, чернеющий окнами без рам. Ельку понесла туда странная фантазия. Представилось вдруг, что в доме есть кладовки с брошенным имуществом, среди которого можно отыскать старые лыжи. Конечно, были и здравые мысли, что из дома давно уже растащено все, что хоть чуточку для чего-нибудь пригодно. Однако чулан с тряпьем, хламом и раздавленными бочками, из-за которых торчат забытые хозяевами лыжи, представлялся очень ярко. Елька даже ощущал запах застарелой лыжной мази. Так хотелось, чтобы появились у него *свои* лыжи.

Было около пяти часов — синие снежные сумерки. А в доме — совсем тьма. Елька с дрожащим огоньком свечки (фонарика у него не было) обошел оба этажа. Конечно, страшно было, но не до полного ужаса, терпимо. Елька слышал, что нечистая сила в заброшенных домах появляется только после полуночи, а бомжи и гопники зимой в такие замороженные развалины вообще не суются.

Чуланы в доме нашлись, но пустые. Какие там лыжи! Огорченный Елька стал спускаться по скрипящей от мороза и ветхости лестнице, свернул к боковому вы-

ходу и вдруг заметил под лестницей дверцу. Задрожал почему-то. Но не отступил. Правой рукой повыше поднял огарок, левой потянул дверную ручку.

Вниз уходили ступени. Там была еще дверь. За ней сильно пахло дымом и плясали красные отблески.

Самое время было дернуть домой.

Но слабый голос позвал:

— Эй, не уходи... Не бойся.

Елька метнулся было назад и... замер.

— Братишка, постой... У тебя хлеба нету?

— Понимаешь, Мить, он там три дня голодом сидел. Растянул жилу на ноге, далеко уйти не мог, вот и прятался. Знал, что ищут. Вместо воды снег жевал. Сделал маленькую печку из дырявого бака, топил обломками, которые нашел там. А иначе бы замерз насмерть... Боялся только, что дым наружу пойдет и его увидят. Но все равно греться-то надо... А спал среди всякого тряпья, оно валялось там в подвале. Мешки какие-то и гнилой брезент... Рубаху свою разодрал, снег растопит в банке, потом в горячую воду обмакнет тряпку и ногу обматывает, чтобы опухоль прошла...

— А почему он убежал? От деда?

— Ну да. Там амбалы всякие, сержанты... Они молодых солдат в город посылали деньги добывать и сигареты. А кто не принесет, тех лупили по-всякому. Не просто, а с издевательствами... Ну, он один раз пошел и ничего ни у кого не выпросил. И побоялся в казарму идти. Побрел куда глаза глядят. Подкатился на льду, нога подвернулась, идти не может. Ну, видит пустой дом, забрался... А еды-то никакой. Я сбегал домой, хлеба ему принес, картошки...

— Значит, он тебя не боялся?

— Не-а... Сперва только спросил: «Никому не скажешь?» А я говорю: «Я же знаю, я в интернате жил. Там вроде как у вас...»

— А что... там правда так плохо?

— Там... большие пацаны чего только не творят с младшими. Я уж по-всякому там акробатничал, чтобы больше смеялись и меньше приставали, а все равно... Тоже бежать хотел, потому что даже у отца не так худо, как там... Потому что он, пока не выпьет, то ничего... А когда поддаст, не сильно, а средне, тогда и давай воспитывать. Поставит перед собой, велит «руки по швам» и с размаха по щекам — хрясть, хрясть. Справа, слева... А потом возьмет за шиворот и чем под руку попадет... Мить, а тебя дома лупили когда-нибудь?

Надо было бы утешить Ельку, сравниться с ним судьбою, сказать: «С кем такого не бывает...» Но Митя не решился.

— Всерьез никогда. Ну, бывало раньше, что мама даст шлепка сгоряча...

— Это не считается.

— Не считается... А отец кричит иногда: «Где мой ремень?!» Но это вроде забавы...

— А их там, в части, солдатскими ремнями... Он мне один раз отпечаток звезды показал на плече... Это уже потом, когда мы про всякое разговаривали. Он знаешь как говорил? «Ты, — говорит, — не думай, что я трус. Я, когда пацаном был, с железного моста в нашу речку прыгал, с высоченного. Вся ребята боялись, а я прыгал. И драк не боялся. А тут ведь не драки. Навалются, руки вывернут, к полу прижмут... И самое страшное, что нет никакой надежды на защиту, никто не заступится...» А еще он сказал, я точно запомнил: «Выворачивают наружу и вытряхивают из тебя человека до последней крошки. Я, — говорит, — с врагами воевать не побоялся бы, если на фронте. А здесь как? Вроде бы свои, а хуже врагов...»

Елька замолчал и задышал, как после частого бега. Его острое плечо еще сильнее уперлось Мите под мышку. Митя не знал, что сказать, и спросил:

— А как его звали?

— Не знаю. Он не назвался. Объяснил, что, если имя неизвестно, то труднее проболтаться. Говорит: «Зови меня Домовой, а я буду звать тебя Братишка. Потому что, — говорит, — я всегда хотел, чтобы у меня был маленький брат, а не было никого...»

— А потом что?

— Мы с ним несколько дней встречались. Я еду приносил, разговаривали... Он рассказывал, как маленький был, как в индейцев играли. Один раз даже сказку рассказал. Про маленького принца, который подружился с лисом... А потом нога у него вылечилась, и пришло время уходить.

— Куда уходить-то?

— Он точно не сказал. Говорит: «Мне бы добраться до станции Остаткино, а там пересесть на поезд в сторону Северо-Посадска. По пути к нему, в одном городке, — говорит, — есть у меня школьный друг, а его родители далеко у моря живут. Может, доберусь до них, устройсь на рыбацкий пароход — и в дальние края...»

— Без документов-то?

— Ну, я не знаю. Он так говорил. И еще: «Конечно, скажут, что это измена родине, только я ей ничуть не изменял и воевать за нее буду изо всех сил, если придется, а против нее никогда не буду... А ты что про меня думаешь, Братишка?» А я думал, что мне его жалко...

— И взял дома деньги ему на дорогу?

— Ну да. А еще нашел в нашей кладовке старый ватник и рваные отцовские штаны. Потому что как бы он поехал в своем камуфляже? Сразу поймают. А в фуфайке и старых штанах — он все равно что вокзальный бомж. Он ведь зарос весь, бритвы-то не было... Мить, я ведь даже не знаю, какое у него лицо на самом деле, из-за этой бороды. Помню только, что глаза синие и худой такой... И голос не взрослый, а почти как у пацана... Он вещи и деньги взял, за руки меня подержал и говорит:

«Скажи мне свой адрес. Может, когда-нибудь в жизни встретимся... А сюда, — говорит, — больше не приходи, ночью я уйду». Я всю ночь ревел потихоньку, а утром все же пришел. Но никого там уже не было...

И замолчал Елька надолго. И сидели так они рядом. А пласты воздуха все шевелились вокруг — мягкие, с запахом созревших трав, остывающего асфальта и бензина.

Громко затрещал кузнечик. Митя удивился. Раньше он никогда не слышал ночных кузнечиков, даже в деревне. Кузнечик будто разбудил электричку. Она вскрикнула и промчалась за дальними тополями.

Звезды смутно высвечивали узкую громаду «Белого дома», едва различимую. В ней неярко горело лишь одно высокое окошко (наверно, там сидел дежурный).

Елька шевельнулся. Митя сказал:

— У меня на ближней почте есть знакомая женщина, я к ней всегда бегаю покупать газеты. Завтра утром попрошу обменять твои деньги. Давай их сюда.

— Они ведь дома. Я принесу завтра пораньше. Ладно?

— Ладно. Я живу на пятом этаже.

— Лучше я подожду тебя внизу, на лавочке.

— Ну, как хочешь... Ровно в девять.

— Ага...

Обратный путь оказался коротким и нетрудным. На краю Митинога двора Елька шепнул: «Завтра в девять» — и ускользнул в темноту. А Митя помчался в подъезд, нащупывая в кармане ключи.

Напрасно нащупывал. Родители были дома. И «ну, началось!»

4

— Где? ты? болтался?!

— Я откуда знал, что вы вернетесь так рано? Обычно приходите среди ночи...

— Это — рано?! Посмотри на часы! Мы ждем тебя уже целый час! Я посидела за это время!

— И вовсе незаметно...

— А ты хотел, чтобы стало заметно?! Где? ты? был?!

— Да совсем рядом! Разговаривал с одним мальчишкой. У него... семейные проблемы, он просил совета.

— Знаю я этих мальчишек! И их проблемы! Они кончаются милицией!

— Господи, да это же Елька! Ну, с которым мы продавали картошку. Ему десять лет!

Мама сказала, что читала про шайку второклассников-рэкетиров, где главарю было девять.

— Но он же не шайка, а один-одинешенек!

— Откуда мы знаем? Сперва один, потом дружки, у которых сигареты и клей «Момент»! А там, глядишь, и посадят на иглу...

— Да. Тем самым местом. И я буду вертеться на ней, как компасная стрелка. Были в Древнем Китае такие магнитные фигурки: сидит задом на острие и рукой показывает на юг.

Папа сказал, что упомянутое место пострадает у Мити еще до иглы.

— Рита, будь добра, принеси из шкафа мой коричневый ремень.

— Охотно, — сказала мама. И принесла.

Митя тем временем нацелился за шкаф. Между стеной и книжным шкафом был узкий промежуток, в котором торчала батарея. Втиснешься с размаха туда, на батарею, — и прекрасное убежище. Но папа успел придвинуть к этой щели стул. Уселся.

— На сей раз не выйдет, голубчик.

Митя стремительно лег и змейкой ушел под тахту (хорошо, что ножки высокие). Зафыркал от пыли.

— Вылезай немедленно! — приказала мама.

— Я, по-вашему, кто? Идиот?

— Ты — трус, — сказал папа.

— Я здравомыслящий человек. Подожду, когда ты успокоишься.

— Ладно, вылезай. Нагло таешься микробов, там не мыто с прошлого года.

— Как это «с прошлого года»?! — взвинулась мама.

— А гарантия безопасности? — спросил Митя.

— Никаких гарантий... Убирайся оттуда, кому говорят!

Митя выбрался на свет.

— Так и быть... А ты, папа, пожалей себя. Подумай, вдруг в самом деле огрешь нечаянно. И тогда — что?

— Что?

— Будешь терзаться неделю.

— С какой стати?

— Но ты же интеллигент в третьем поколении.

— В четвертом, между прочим...

— Тогда две недели.

Мама сказала, что на папе род интеллигентов Зайцевых и закончится. Потому что сын их катится в пропасть беспутства и безделья.

— Безделья?! А кто сегодня картошку продал?!

— Этим подвигом ты будешь гордиться до старости!

К тому же ты сам уверял, что главная заслуга здесь не твоя, а этого... Ельки. Кстати, что за странное имя?

— Почему странное? Может, Елисей, а может... Елизар. Или просто кличка такая.

— У порядочных мальчиков не бывает кличек.

— А почему меня в той школе звали Косым? Два года подряд Косой да Косой!

Его и правда так звали. Из-за фамилии. Известно, что зайцы — косые.

— А кто сказал, что ты порядочный, — хмыкнул папа. — Кстати, порядочные люди не забывают выключать компьютеры, даже убегая из дома сломя голову.

— Я же думал, что на минутку! Файл-то я сохранил.

— И напрасно. Больше ты к компьютеру не сунешься, — пообещала мама.

Митя устало подышал. Угроза была пустая. Да и по-

весть, которую он так удачно начал, казалась теперь не серьезной. По сравнению с Елькиной историей.

Мама будто услышала его мысли.

— А что за проблемы у твоего Елизара-Елисея?

— Примерно как у меня, — выкрутился Митя (не излагать же про дезертира и кражу). — Папаша лупит его чем ни попадя и вообще всячески издевается.

— Это когда я тебя лупил чем ни попадя?! — тонким от обиды голосом возопил Зайцев-старший. — Я тебя вообще... хоть раз... хоть когда...

— Конечно, нет, — успокоил Митя. — Иначе я сразу написал бы возмущенную статью в ваш «Физический-металлический бюллетень». «Физические методы воспитания интеллигента в пятом поколении».

— Трепло, — сказала мама. — Немедленно марш спать!

Митя лег. Потому что вдруг очень устал и вновь заболели ссадины. Митя закрыл глаза, и опять зажглись над ним мохнатые звезды. И в бок ему будто снова уперлось маленькое острое плечо. Эх ты, Елька...

СТРАНЕ ГРОЗИТ ГИВЕЛЬ

1

Допрос продолжался больше часа. Митя устал стоять. И разозлился: сами-то сидят! Была бы здесь Лидия Константиновна, тогда, может, разговор шел бы иначе. А сейчас кому он что объяснит?

Он сказал темному, с неразличимыми лицами педсовету:

— Я же знаю, почему вы обвиняете именно меня. Потому что я чужой. Про такого легко сказать: он не наш, он только полгода назад пришел, мы за него не отвечаем. А наши все хорошие...

— Фу, как неправильно ты, Дима, рассуждаешь, — ненатурально обиделась англичанка.

— Да не Дима я, а Митя...

— Все равно ты совершенно не прав!

— А почему же? — возразила Кира Евгеньевна. — В словах Зайцева есть логика. Действительно, трудно предположить, чтобы кто-то из тех, кто обучается у нас с первого класса, совершил подобное.

Будто на прошлой неделе не поймали двоих девятиклассников с «дозами» в карманах! Или они тоже «не с первого»?

— Можно, я пойду домой? — сказал Митя.

— Что-о? — выдохнул педсовет. Не все, но несколько ртов.

— А чего... Три часа уже. Я есть хочу.

— Мы *тоже* хотим есть, — с расстановкой сообщила завуч Галина Валерьевна. — И, однако, сидим здесь. По твоей милости.

— Вы — не по моей. Вы сами. Вы взрослые. Что хотите, то и делаете. А учеников нельзя морить голодом. Это раньше в старых гимназиях так наказывали: без обеда. А сейчас закон это запрещает.

— Какое глубокое знание законов! — Кира Евгеньевна, кажется, начала всерьез раздражаться. — А известно ли тебе, *что* закон обещает за подобные шуточки с телефоном? Это пахнет спецшколой! Стоит обратиться в милицию, и...

— Ну так обращайтесь скорей! Я кушать хочу... — Митя опять ощутил тайное злорадство. Но усталости было больше.

Кира Евгеньевна сказала официальным голосом:

— Максим Данилович, проводите семиклассника Зайцева в столовую. И проследите, чтобы он пообедал как следует. Ему понадобятся силы для дальнейшей беседы. А мы пока позвоним куда следует.

Митя украдкой обменялся взглядами с Жаннет: «Может, и ты пойдешь?» — «Нет, мне нельзя».

— Пойдем, семиклассник Зайцев, — с готовностью согласился Князь Даниил.

В коридоре Митя спросил:

— Бойтесь, что сбегу?

— Ничуть. Просто я, выражаясь твоими словами, тоже «кушать хочу».

Они спустились с третьего этажа на второй, длинным застекленным переходом добрались до столовой.

«Почему здесь всегда пахнет кислой капустой? Неужели в Царкосельском лицее воняло так же?»

Митя соврал педсовету. Есть не хотелось. Да и нечего было, остались только самые несъедобные блюда. Раздатчица тетя Фая, ворча, дала ему полтарелки горохового супа, рыбную котлету с пюре и компот.

Митя ушел с подносом к столу. Сюда же пришел и географ, хотя в столовой было пусто. Принес такую же котлету и кисель.

— Знаю, о чем ты подумал. «Даже здесь он не хочет оставить меня в покое».

— Правильно, — сказал Митя. Понюхал и отодвинул суп. Посмотрел на котлету и тоже отодвинул — на край тарелки. Начал нехотя цеплять вилкой пюре.

— А ты держись молодцом, — заметил Максим Данилович.

— Как же мне еще держаться, если не виноват?

— А вот здесь ты заблуждаешься...

— В чем? Что не виноват?

— В том, что придаешь этому факту значение. Какая разница: виноват или нет?

— Как это? — первый раз по-настоящему растерялся Митя. Уронил с вилки пюре на брюки.

Молодой доброжелательный географ, которого любили ученики (и главное — ученицы), объяснил почти ласково:

— Пойми: с одной стороны — ты, с другой — весь школьный механизм. Это *система*. Системе сейчас без-

различно, виноват ты или кто-то иной. Для администрации главное — что? Найти виноватого поскорее. Чтобы спустить дело на тормозах, дать тебе выговор и отчитаться в районо, что вопрос исчерпан. Чтобы высокое начальство не сделало крупных выводов. А то, глядишь, и зарплату начнем получать через пень-колоду, после самых заштатных школ. Кому это надо?.. И, кстати, ты правильно говоришь: «Вы меня обвиняете, потому что я тут недавно». В самом деле, ты удобная фигура. И никуда не денешься.

— Но если я правда не виноват!

— Я понимаю тебя... Но ты виноват в другом. Ты пытаешься противостоять системе. А это бессмысленно. И она этого не прощает... Ты, наверно, слышал про репрессии в тридцатых годах?

— Ну...

— Думаешь, все эти следователи, судьи в трибуналах и тройках и прочие деятели НКВД не понимали, что приговаривают невиновных? Прекрасно понимали. Но они действовали внутри тогдашней системы. Какой именно — другой вопрос. Кстати, любая система лучше всеобщего разброда и анархии, но это отдельный разговор... Тогдашняя система диктовала именно такое поведение. И вот что интересно: понимали это и обвиняемые. И тоже вели себя соответственно. Недаром тысячами признавались в том, чего никогда не делали...

— Вы хотите, чтобы опять стало так же? — тихо спросил Митя. Его прадед, инженер Федор Федорович Зайцев (интеллигент во втором поколении) в тридцать девятом году сгинул на Колыме. Осталась фотокарточка, где он держит на руках мальчика в матроске и бескозырке с надписью «Красин» — Митиногу дедушку.

— Я ничего не хочу, милый ты мой, — проникновенно объяснил Максим Даниилович. — Пойми только: времена те ушли не совсем...

— На моего прадедушку написал донос товарищ по

работе, — сумрачно вспомнил Митя. — Интересно, какой гад наклепал на меня?

— Едва ли ты это когда-нибудь узнаешь. Системе это неинтересно, ей важен результат. А логичнее всего тебе было бы сказать: «Ладно, наплевать, я признаюсь». Для общей стабильности лицейского бытия.

— А как же справедливость?

— Справедливость — это понятие из житейской логики. А есть еще логика политическая. Они разные по своей природе. Обе правильные, но разные. Как эвклидова и неэвклидова геометрии. Слышал про такую, про неэвклидову? Это когда искривляются пространства...

Митя подумал. Постарался подобрать точные слова (все-таки лицеист из класса «Л» — литературного).

— Пространства пусть искривляются. А справедливость искривляться не должна.

...И нечего Даниилычу путать какую-то поганую политику с геометрией таинственных пространств. Митя видел загадки этой геометрии не раз. В Елькиной стране Нукаригва.

2

В то утро, после ночного приключения, Митя поднялся рано. Едва родители ушли, он тут же включил компьютер. Перечитал вчерашнее. Погрузился в унылость. То, что вчера писал он с удовольствием, сейчас казалось бледным и никому не нужным... Дальше, правда, будет интереснее. Как чуть не потонули, когда открылась течь, как поймал их потом на берегу хозяин лодки. Ухватил под мышку Лешку и понес. Мите, Вовке и Лариске поневоле пришлось идти следом, не отдавать же младшего члена команды на растерзание злодею... И как дядька запер их всех в сарае... Ну и что? Запер, а потом выпустил, даже уши не надрал, хотя обещал... Можно, конечно, что-то и придумать для пушего инте-

реса. Какую-нибудь историю с подкопом и бегством. И как при рытье подкопа нашли сундук со старинными деньгами и таинственным письмом. И...

Но придумывать не было времени. Часики в углу экрана показывали 08.55. Елька вот-вот окажется у подъезда. А может быть, уже и там.

Лифт, повизгивая, отвез Митю вниз, прямо к почтовым ящикам. В своем ящике Митя разглядел сквозь глазок что-то желтое. Странное дело! Почта приходит лишь после одиннадцати... Ключик у Мити всегда был с собой. Жестяная дверца откинулась, Мите на руки упал большой конверт из оберточной бумаги. Без адреса, только с синей надписью из угла в угол: «Мите Зайцеву».

Отчего-то сильно волнуясь, Митя рванул слабо приклеенный клапан. Вытащил два фотоснимка. Крупные, блестящие. Одинаковые.

На снимке Митя, согнувшись, высыпал из ведра картошку в корзину дородной тетушки, а Елька — на переднем плане — стоял на руках, и ноги его в воздухе изображали хитрый иероглиф. А на перевернутом лице сияла крупнозубая улыбка.

Митя тоже заулыбался. И забыл литературные огорчения.

На обороте снимков стоял лиловый штамп:

*Корреспондент газеты «Гусиное перо»
Жанна Корниенко (Jannet Corn)*

Ай да «стюардесса по имени Жанна!» Точнее, Жаннет! Успела проявить, напечатать и не поленилась отыскать Митин дом. И так деловито, по-журналистски: бросила в ящик — вот и все. Получите, что обещано...

Митя сунул снимки в конверт, а конверт под футболку. Чтобы не показывать раньше времени Ельке — пусть будет сюрприз.

Елька сидел на лавочке. Быстро встал, заулыбался навстречу. Выглядел он взъерошенно. К «штурвально-корабельной» рубашонке пристали несколько репей-

ных шариков, ноги в подсохших царапинах, сосульки волос торчат рожками, словно ему только что вымыли голову. А улыбка — виноватая. Елька не решился ничего сказать, поздоровался только глазами.

— Доброе утро, миллионер, — усмехнулся Митя. — Ну, идем на почту. Деньги-то взял?

— Не-а... не взял...

— Почему?

Елька опустил плечи и стал смотреть в сторону. Намотал на палец трикотажный подол рубашки.

— Я их так отдал... маме Тане... Мить, я ей все рассказал.

— С тобой не соскучишься, — вздохнул Митя. С явным облегчением. — Но ты же не хотел...

— Не хотел... а она среди ночи вернулась, а я не сплю, а она говорит: «Чего ты, Елик, не спишь? Случилось что-то?» Ну, я и... вот...

Кажется, у Ельки заблестели ресницы. «Ох ты, непутевое создание» (это мама так говорила маленькому Мите, когда он признавался в каких-то грехах).

— Знаешь, Елька, может, это и лучше... — Митя сел, притянул его, посадил рядом. — По крайней мере теперь ничего не висит над душой.

— Ага... — Елька вытер нос о коротенький рукав.

— Она тебя отругала?

— Нисколько. Поохала только: «Горюшко ты мое бестолковое. Чего же ты мне сразу-то не сказала, когда я дом перевернула, деньги эти окаянные искала? Ну да ладно, значит, так Господь рассудил...» Мить, но она теперь знаешь чего боится...

— Чего?

— Будто я эти деньги не заработал, а... опять где-то... добыл так же... Утром увидала, что у меня голова в пыли, давай мне ее в тазу мыть, а сама спрашивает: «Елик, скажи правду. Ты не выдумал это все про картошку и

про того мальчика, про Митю? Ты признайся, я не рассержусь...»

— Но ты же не выдумал!

— Вот я и говорю!.. Митя, пойдем ко мне, а? Ты маме Тане скажешь, что все было по правде. Чтоб она совсем ничего такого не думала.

— Да не надо куда ходить! Вот доказательство! — Митя выдернул из-под футболки конверт.

— Вот это да... — Елькино улыбочивое изумление длилось целую минуту. Он так и сяк разглядывал снимок, даже вниз головой. То есть себя-то как раз головой вверх...

— Можно взять насовсем?

— Конечно. Один тебе, другой мне!

«Тебе половина, и мне половина», — толкнулось в памяти, и почему-то Митя смутился.

— А можно его повесить на стенку?

— Чего ты спрашиваешь! Твоя карточка...

— Но ведь на ней и ты. Не каждый любит на стенке висеть.

— Ладно, я вытерплю, — рассмеялся Митя. Все-таки Елька был забавное существо.

Но Елька вдруг поскучнел. Съежил плечи, зацарапал краем снимка ногу над коленкой, примолк. Чтобы расшевелить его, Митя спросил:

— Елька, а почему тебя так зовут? Какое у тебя полное имя?

— Полное? Олег... — сказал он полупшепотом.

— А почему — Елька?

— Не знаю. Мама так стала звать, когда родился. Еще *та* мама. — Он согнулся, твердым углом фотобумаги нацарапал на загорелой коже белые буквы: Ел... Потом будто испугался, стер их помусоленным пальцем. — Мить...

— Что... Ель?

— А давай все же сходим к нам. Фотокарточка — это

хорошо, а живой человек — это же все равно... доказательнее...

— Да ну, Елька. Неудобно как-то...

— Да чего неудобно-то... — бормотнул он. И согнулся сильнее. И на полустертую букву Е упала крошечная капля. Елька быстро снял ее мизинцем, а мизинец лизнул.

— Елька, да ты что! Ну, пойдем, раз надо...

Елька покачал кроссовками (они чиркали по пыльным подорожникам, что росли в щели асфальта). Прошпентал, не подняв головы:

— Ты, наверно, думаешь: вот липучка... Ты не бойся, я не буду приставать со своей дружбой. Только сходим, и всё...

— Балда! Не боюсь я никаких приставаний! Говорю же: идем!

А себе сказал с хмурым ехидством: «Впрягся — вези...» И вспомнил вчерашнюю телегу. Как они с Елкой...

3

В старом деревянном доме на лестнице пахло, как в лицейской столовой, — кислой капустой. А еще — пережаренным луком. Но в Елькиной комнате — совсем иначе: какой-то травой, вроде полыни, и только что поглаженным бельем. Это белье мама Таня укладывала в рассохшийся шкаф.

— Мама Таня, вот он, Митя, — сказал Елька с порога. С тихим торжеством. — А ты говорила, что его нету.

Она глянула из-за приоткрытой дверцы.

— Да чего ты опять придумал-то? Как это нету? Ничего я не говорила. Горюшко бестолковое...

— Здравсте, — скомканно сказал Митя.

— Здравствуй, здравствуй. Елик уж говорил про тебя... Да не снимай башмаки-то, проходи так, у нас ковров нет...

— Был один, да и тот — фью-фью, — радостно разъяснил Елька. — Мить, садись сюда! — И хлопнул по укрытой клетчатый вытертым пледом кушетке. На пледе сидел косматый серый кот. Елька с размаха уселся рядом, взял кота за лапы, надел на плечи, как воротник. — Его зовут похоже на меня: Емеля. Он не наш, а соседский, но любит спать у меня... Ему знаешь сколько лет? Он мой одногодок.

Одногодок Емеля продолжал спать на Елькиных плечах. Митя сел справа от Ельки.

Комната была большая, а вещи старые. Урчал в углу допотопный, с побитой эмалью, холодильник, поблескивал выпуклым экраном телевизор в деревянном футляре — явно еще «позапрошлого поколения». Косо пересекала комнату составная, из реек и ситца, ширма — за ней, наверно, была кровать мамы Тани.

А еще были обшарпанные стулья, крытый желтой клеенкой стол и хлипкая этажерка с какими-то коробками и редкими книжками (видать, Елькины учебники).

Мама Таня — сухонькая, в длинной юбке и вязаной кофте — собиралась куда-то перед круглым пятнистым зеркалом, подкрашивала губы. «Зачем, все равно же старая», — мелькнуло у Мити. В тот же миг он встретился с отраженной мамой Таней глазами и устыдился. Стал вертеть головой и увидел *главную* стену.

— Ух ты! Елька, это ты налепил столько всего?

Стена была сверху донизу оклеена крупными фотографиями — видимо, из журналов. В основном нецветными, однотонными. Они сливались в картину со множеством городских панорам, горных и лесных пейзажей, морских заливов с островами...

— Он, он это... — подхватила мама Таня, пряча помаду. — Для него эта радость пуше телевизора. Весной, как продали ковер, начал стену от плинтуса до потолка клеивать, собирал картинки, где только сумел. «Чего, — говорит, — ей, стене-то, пустой быть». Может, и

правильно... «Это, — говорит, — моя страна»... Елик, как она у тебя зовется-то?

— Ну че... — буркнул Елька. Видать, сильно застеснялся, что так бурно всплывают на поверхность его секреты.

— А чего «че»? Почему не сказать дружку-то, если в гости позвал?

Елька искоса, из-за Емелиного хвоста, глянул на Митю.

— Это... Нукаригва... Есть страна Никарагуа, в Америке, я ее название вертел, вертел, будто шарики перекидывал. Вот и получилось...

— Хорошо получилось, — похвалил Митя. И Елькину находчивость, и картину. Название же показалось ему малость корявым, но тут дело хозяйское. Он встал и начал разглядывать стену вдоль, поперек и наискосок.

Сперва казалось — неразбериха и путаница. Но вскоре глаз начал схватывать закономерности. Это была именно страна — причудливая и очень пестрая. Березовые и пальмовые рощи чередовались с улицами и целыми городами, где рядом с небоскребами возвышались рыцарские замки. Площадь с римским фонтаном обступали русские сказочные избушки, изогнутый кружевной мост висел над проливом, по которому шли бок о бок белый теплоход и пузатый парусник с длинными вымпелами.

Горы своими заросшими отрогами кое-где вторгались до центра Нукаригвы, но в основном громоздились вверху. Они опоясывали страну скальными хребтами и снежными пирамидами вершин. И уже над этими пиками, у высокого дощатого потолка кучерявилось облаками небо.

Снизу, от пола, шла в Нукаригву мощеная дорога с проросшей среди камней травой. По обочинам торчали острые растения, которые называются, кажется, «агава». Среди древних развалин, разбитых статуй, колонн

и колодцев дорога уходила вверх, сужалась и разбегалась ручейками по всей стране.

У пространства Нукаригвы были свои законы. Оно как бы изгибалось пологими волнами.

И вовсе не казалось странным, что среди складок рельефа вдруг вставала церквушка с маковкой выше круглой лесистой вершины. И что на ближнем плане среди остатков древнего храма расположился крошечный городок с острыми крышами, флюгерами и каруселью на площади. Причем виден городок был как бы сквозь изогнутое стекло.

Вот здесь-то Митя и сказал:

— Неэвклидова геометрия. Елька, слышал про такую?

— Не-а... То есть слышал когда-то по телику, только не понял. Это когда на свете так, как не бывает по правде? Ну и пусть, мне все равно... — Он теперь стоял сбоку от Мити, все еще с обмякшим Емелей на плечах.

— Бывает и по правде, Елька. Только в других мирах. Их, говорят, очень много...

— А вот эти окошки, думаешь, зачем?

Всюду по пейзажу Нукаригвы были разбросаны окна. Очень разные: большие, маленькие, с резными наличниками и ставнями, с лепными украшениями в стиле барокко, в рамках кирпичных обрамлений... Квадратные, стрельчатые, овальные... Закрытые и распахнутые... Были здесь и крепостные бойницы, и проемы церковных башен с колоколами, и кривые окошки украинских мазанок, и даже корабельные иллюминаторы.

За одними окнами чернела пустота, за другими в черноте горели созвездия и планеты, а в некоторых видны были дома и деревья...

— Елька, я, может, неправильно понял, но, наверно, это окна в другие миры. А?

— Ага... — шумно выдохнул он. — Ты правильно... Это в пар... рал-лельные пространства. Ты же сам ска-

зал, что их много, только мы не видим... Кино такое есть — «Герои параллельных пространств».

Митя слышал, что есть такой американский сериал, но не смотрел. Про параллельные пространства он и без того знал немало.

— Мить, а хорошо бы туда, а? Пролез в какое-нибудь окошко — и сразу в другой стране. Или на другой планете.

— Про это, Елька, тоже кино есть. «Окно в Париж».

— Ага, я смотрел. Жалко, что это не по правде...

— Может, придумают когда-нибудь, чтобы можно и по правде... Ученые говорят, что это будет называться «прямой переход»... Елька, смотри, а эти уже перешли! — Он ткнул пальцем в двух крошечных мальчишек и собаку, сидевших на ступенях извилистой лестницы.

Кроме этих пацанов и пса, были в Нукаригве и другие жители. Конные рыцари, индийские женщины с кувшинами на головах, рыбаки в подошедшей к пирсу лодке, маленькие барабанщики в старинной форме — они шли вниз по каменному спуску. И много кого еще. Только сразу всех было не разглядеть среди толчеи домов и густоты деревьев...

— Елька, а давай поселим здесь и тебя! Будто ты идешь на руках по забору. Вот тут! Вырежем и приклеим...

Елька отозвался почти испуганно:

— Не-е... жалко карточку.

— А мы попросим Жанну сделать еще. Помельче. Чтобы ты как раз был для этого забора.

Митя думал, что Елька скажет: «Не-е, давай тогда приклеим себя вместе». И... был бы рад. Но Елька сказал другое. Серьезно так:

— Нет, мне туда еще не пора...

— Как это «не пора»? — По Мите прошел непонятный холодок.

— Ну... понимаешь, я уже как бы побывал там. То есть мне казалось... несколько раз.

— Как это? Когда?

Елька сказал тихо и просто:

— Ну, когда прощался с жизнью.

Холодок прошел по Мите снова. Ощутимей.

— Как... прощался?

Елька быстро глянул на ширму, за которой шелестела одеждой мама Таня. Одними губами попросил:

— Подожди, она сейчас уйдет...

4

Мама Таня ушла, велев Ельке разогреть на кухне картошку, облить ее яичницей, позавтракать и угостить мальчика (Митя быстро сказал, что уже завтракал).

Когда остались одни, Митя сразу спросил, чтобы прогнать заолодевший в нем испуг:

— Зачем ты прощался с жизнью?

— Ты забыл. Я ведь говорил вчера, что чуть не умер в больнице.

— Елька, я... помню, да. Но я не думал, что это так всерьез.

— Это всерьез... — Елька наконец снял с себя кота и с ногами сел на кушетку. Уткнулся подбородком в колени. Глянул из-под высохших и упавших волос. — Мить... хочешь, расскажу? Это продолжение той истории.

— Какой?

— Про Домового.

«Про какого домового?» — чуть не спросил Митя. Сообразил, быстро сел рядом с Елькой.

...И узнал про жестяной вертолетик, про снежную ловушку, про белую заледенелую руку.

И про то, как Елька со слезами примчался домой, отчаянно прокричал маме Тане, что нашел мертвого человека, и съежился на своей кушетке от нестерпимого холода, который никак не уходил из него.

А потом — от нестерпимого жара...

Застывшего человека нашли. Мама Таня говорила — какой-то бомж. Напился, наверно, свалился сверху в щель, а выбраться не смог. Но Елька узнал это позже. А сперва он несколько дней был без памяти — так его скрутило жестокое воспаление. Мама Таня устроила его в госпиталь ветеранов войны, где работала санитаркой. Там отличные врачи. И они «вытащили» Ельку из смертельной простуды. Но тут навалились другие болезни. Главные были — слабость и страх. Он не мог подняться, тело было как тесто. А с вечера начинались «всякие мысли». Елька к тому времени вспомнил все и был уверен, что человек в снегу — Домовой.

— Мить, я и сейчас думаю, что это он...

Елька сидел к нему вплотную и касался плечом. Как вчера, на горке. И через это касание, через мелкую дрожь озноба в Митю вошло все, что чувствовал Елька. И защищая его (и себя!), Митя заговорил:

— Ну, почему он? Подумай хорошенько! Как он мог попасть в щель из подвала? Зачем?

— Не знаю... Я себе то же самое говорил тыщу раз. Что он уехал на станцию Остаткино... А кто-то будто все равно стучит в голову: «Это он, это он...»

— Елька, это просто из-за болезни.

— Может быть... А там, в больнице, думалось: наверно, он там, в снегу, заскучал без меня и захотел позвать с собой. Вот и высунул руку...

— Но Елька! Если бы захотел, то... Нет, он наоборот!

Митина фантазия — видимо, от испуга и от жалости к Ельке — завертела в голове спасительный вариант:

— Ты сообрази! Выходит, он спас тебя! Нарочно цапнул ногу, чтобы ты с перепуга пробил доски!

Елька обратил к Мите глаза, которые из раскосых стали круглыми.

— А... ведь... правда...

— Конечно, правда! Если это он. Только это наверняка не он. Не мог он, Елька, туда попасть. Никак...

— А если не он, то почему рукав военный...

— Но ты же говорил, что он надел ватник!

— А под ватником-то все равно военное осталось...

— Мало ли кто носит камуфляж!

— Да. Я себе много раз повторял: не он, не он... Мить, а если это другой кто-то, все равно жалко...

— Да. Но это другое дело, — жестко сказал Митя. Главным было защитить от страха и печали Ельку. — Ну а почему ты с жизнью-то решил прощаться? Так худо было?

— Это не я решил... Меня вдруг из госпиталя перевели в другую больницу. Сказали, что у меня белокровие. И еще какие-то научные названия говорили, я забыл. Ну, в общем, рак крови. С быстрым развитием. И я оказался в детской больнице, где лечат это... Нам, конечно, ничего такого не говорили, вы, мол, на обследовании, но все равно ребята знали... Ну, что живыми оттуда вряд ли уйдут...

— Елька, это же вылечивается!

— Бывает. Но редко... Но ты не думай, что там все были такие... похоронные. Больница как больница. Только по ночам тоска брала. Не спишь и прощаешься... Сам с собой... И даже не страшно, а обидно... Мне знаешь что больше всего обидно было?

— Что...

— Я весной по телику видел про пирамиды в Египте. И там один ученый говорил, что под главной пирамидой есть подземелье, которое пока еще не раскопали. И там хранится золотой шар, а в нем всякие записи, в которых открываются главные тайны нашей Земли. Кто ее сделал, что на ней было, что будет и вообще зачем все на свете. И он говорил, что скоро это подземелье откроют и мы про все узнаем... И так было жалко, что я не дождусь и не узнаю... И тогда, чтобы не разреветься (а то

прибегут, укол начнут ставить), я вспоминал Нукаригву... Она тогда еще не такая полная была, как сейчас, но все равно много всего. И я вспоминал. Все города, все закоулки, все тропинки... И потом уже казалось, будто я сам хожу там... Но ты не думай, я не спал. Мне просто это представлялось. Будто по правде... Мить, я болтливый, да?

— Ничуть. Говори...

— Ага, я еще скажу... — И Елька съезжился рядом, как озябший котенок. — Митя, в нашей палате один мальчик был, Андрейка, самый маленький, еще даже в первый класс не ходил. Он тоже все понимал. Наверно, даже больше других понимал, потому что слабее всех, лежал все время. Но не жаловался никогда. Улыбался каждому, кто подойдет... Тихий такой... Там в палате книжка была. Андрейке всегда нравилось, когда ее вслух читали. Называется «Братья Львиное сердце». Там про двух братьев, которые после смерти совсем не умерли, а попали в сказочную страну...

— Я знаю, я читал...

— Андрейка очень эту книжку любил. Иногда просил кого-нибудь: почитайте снова... Я ему тоже два раза читал... И потом я подумал: у тех пацанов из книжки была своя сказочная страна, а у меня ведь тоже есть. Ночью стал опять вспоминать ее и вдруг решил... твердо так решил, изо всех сил: не буду умирать до конца, а уйду в Нукаригву... Мить, я даже почувствовал, как это надо сделать. Знаешь?

— Нет, Елька, — осторожно, словно боясь спугнуть бабочку, сказал Митя. — Не знаю... пока.

— Надо до самого-самого конца представлять эту страну, как настоящую. И когда случится... последний миг... наступит не темнота, а окажешься там... Я в это полностью поверил, изо всех сил... и тогда стало нестрашно. Лежу в темноте и думаю, как я там буду жить. Жалко только, что без мамы Тани... А еще жалко было

ребят — у них-то нет Нукаригвы. И особенно Андрейку. Ну, просто до слез... И один раз ночью меня будто спросил кто-то... Знаешь что? Будто спросил: «А если бы тебе сказали, что пусть один из вас умрет, а другой останется, ты кого бы выбрал — себя или Андрейку?» Мить, я так перепугался, будто это по правде... Ведь все-таки там все надеются, хоть маленько, что вылечатся, а тут уж получается безнадежный выбор. Уж если скажешь, что пусть он живет, то сам, значит, — все... А если скажешь «я», то как же он? Он же все-таки на три года меньше меня жил на свете. И у него нету никакой Нукаригвы...

— А может, есть? — шепнул Митя.

— Нету. Он еще маленький был, он только любил чужие сказки.

«И что же ты решил?» — чуть не спросил Митя. Но не посмел.

— Я тогда думал, думал, а потом среди ночи взялся за крестик... мне его мама Таня еще в госпитале наде- ла... и стал спрашивать...

— Кого? — глупо сказал Митя.

— Ну... всех, кто на Небе... Как мне быть? И будто кто-то говорит: «Решай сам...» И мне так жутко сделалось. И я, чтобы еще больше не обмереть, чтобы не передумать, поскорее прошептал: «Пусть живет Андрейка...» — И будто застыл. И жду... Но ничего не случилось. Лежал, лежал и заснул... А утром главный врач, Антон Сергеевич, говорит: «Поедешь ты сегодня, голубчик, обратно в госпиталь, к своей маме Тане. Диагноз у тебя оказался не тот. Не наш...» Я, конечно, обрадовался. Но будто виноватый перед ребятами. Перед Андрейкой...

— А что с ним теперь? — с боязнью спросил Митя. — Не знаешь?

— Я боялся узнавать. А потом все же попросил маму Таню: «Позвони туда, узнай». Она пришла вечером и

говорит: «Его увезли в московскую клинику...» А дальше не знаю... Боюсь...

— Елька, надо надеяться. Ты же сделал для него все, что мог...

— Что?

— Когда решил *такое*... Ты его как бы выиграл у судьбы.

— Чего я выиграл, если я живой...

— Это не важно! Главное, что ты *выбрал!*

— Не знаю, — вздохнул Елька совсем по-взрослому. — Может быть... А когда меня выписали, я начал доклеивать Нукаригву. Ну... как бы спасибо ей говорил. Мне в госпитале подарили старые журналы из ихней библиотеки, во-от такую пачку, я оттуда выбирал картинки... Тут ведь только сперва кажется, что все готово, а на самом деле можно еще клеить да клеить...

— А журналов уже не осталось? Да? — обрадованно догадался Митя, вспоминая старые «Огоньки» на антресолях.

— Да... но теперь это уже все равно, — угасшим голосом отозвался Елька. И отодвинулся. — Ничего уже скоро не будет.

— Почему?

— Потому что ремонт...

И Елька горестно рассказал, что недавно Тракторную усадьбу решили было сносить и всем жильцам дать новые квартиры в Садовом районе, но потом оказалось, что столько квартир не найти, и Елька радовался, что останется жить в привычном месте, среди зеленых пустырей с любимой горкой, но скоро стало известно, что во всех старых домах начнется ремонт — чтобы хоть как-то утешить обманутых жильцов, которые устроили митинг у «Белого дома».

— А если ремонт, все ведь обдерут и закрасят, это уж точно, — со слезинкой в горле прошептал Елька.

— Может, постараться отклеить все это? А потом опять...

— Не-е. Я приклеивал крепко. Не знал же...

Десятки идей одновременно завертелись в голове у Мити. В том числе самые фантастические. Например, какой-то сверхмощный сканер, который — раз! — отснял и отпечатал на свежих обойных листах всю Нукаригву: клей заново после ремонта!

А Елька тихо дышал рядом — будто ждал чего-то. Правда, ждал?

Еще вчера утром *что* был для Мити полужнакомый пацаненок, этаким акробат-забавник, потешавший ребячьи компании? А сейчас... — как оставишь? И Нукаригва эта — будто уже не только Елькина. Будто немного и его, Мити... Воистину, живешь и не знаешь, что будет завтра...

— Елька, пошли ко мне!

— Зачем?

— Есть одна мысль. Но нужен телефон.

— Мить! Телефон есть ближе! На пустырях!

5

Будка была покосившаяся. Стояла в лопухах. Но все же к ней вела еле заметная тропинка.

Аппарат в будке был старый — наверно, ровесник Елькиного телевизора. Но загудел исправно, когда Митя снял трубку. И вот удача — Жанна Корниенко ответила сразу. Митя узнал ее голос:

— Алло-о...

— Привет, госпожа корреспондент.

— Приве-ет... Это кто?

— Это благодарный Митя Зайцев. Спасибо за снимки.

— А-а! Пожалуйста!.. — Голос был чуть кокетливый: видимо, девочка умела «поставить себя».

— А я и не знал, что ты не просто Жанна, а Жаннет Корн...

— Это псевдоним.

— Для подписей в газете?

— Да... ну и вообще. Многие меня так и зовут — Жаннет.

— И мне можно?

— Если хочешь... Если согласишься на одну мою просьбу.

— Хоть на сто! — храбро сказал он. И тут же спохватился: — А на какую?

— Можно напечатать вашу фотографию в газете? В «Гусином пере»? Она выйдет первого сентября. Там будут интервью и рассказы: кто как провел лето. Представляешь, какой ударный материал! «Семиклассник Дмитрий Зайцев заработал летом мешок картошки и теперь продает плоды своего труда жителям города».

— Ты спятила? Жаннет, что плохого я тебе сделал?

Она сказала надменно:

— Не думала, что ты человек с предрассудками. Испугался?

Митя подумал. И сказал честно:

— Испугался. Представляешь, что начнется вокруг меня в школе?

— В лицее...

— Тьфу! Тем более.

— А что начнется? Ты же не краденую картошку продавал, а свою! В наши дни каждый зарабатывает, как может.

Митя глянул на Ельку. Тот, ничего не понимая, топтался рядом.

— Ладно... Жаннет. Но услуга за услугу.

— Изложи.

— Сейчас... Слушай, ты сама проявляешь и печатаешь? Или отдаешь в мастерскую?

— Я, по-твоему, кто? Дачник-любитель с аппаратом-мыльницей? — воспламенилась Жаннет на своем конце провода. — Я, между прочим, профессионал, сни-

маю с шести лет! Фотожурналистика — это творчество! Ты свои рассказы отдаешь писать кому-нибудь другому? В мастерскую?

— Жаннет, это замечательно, что ты профессионал, — льстиво сообщил Митя. — Такой человек и нужен...

— Зачем?

Он опять глянул на Ельку.

— Тут... целой стране грозит глобальное бедствие.

— Изложи.

— По телефону излагать долго. Давай встретимся... Что?.. Хорошо, давай сейчас! Где скажете, мадемуазель Корн!.. Ладно! Жди... — И повесил трубку.

Елька смотрел тревожно и нетерпеливо.

— Ты с той говорил, которая снимала?

— Да. Она спросила, можно ли напечатать этот снимок в газете.

— И ты разрешил?!

— Елька, а чего тут такого?.. Можно было и отказаться, но тогда отказалась бы и она. А нам нужен помощник.

— Какой помощник?

— Чтобы спасти Нукаригву.

Они встретились в сквере у фонтана перед «Белым домом», и Митя изложил суть дела. (Елька стеснительно помалкивал.)

— Понимаешь, Жаннет, это такое панно во всю стену. Кому-то покажется, что чепуха, просто картинки из журналов, но человек-то, вот он, душу в это дело вложил. Для него это целая страна... Думаешь, легко, когда твою страну — в мусор?

Жаннет слушала, надув губы. И Митя ждал, что скажет: «Мне бы ваши заботы» (он тогда еще почти не знал Жаннет). Она качнула цыганскими серьгами:

— Идем.

В комнате у Ельки она встала в трех шагах от стены.

Медленно вертела головой минуты три. Потом проговорила тоном ценителя:

— Какое чувство композиции у ребенка...

Елька на «ребенка» не обиделся. Робко спросил:

— А переснять-то можно?

— Переснять-то можно. По частям. Только трудно будет потом состыковать.

— Я сделаю! Я умею!

— А самое трудное: где взять столько фотобумаги? Здесь нужны листы пятьдесят на шестьдесят, с полсотни штук. А если с запасом, то еще больше. Это уйма денег...

— Жаннет, главное — переснять! Пусть сохранится хоть в негативах! Время-то есть: пока ремонт, пока то да се! Верно, Елька? Глядишь, и придумаем что-нибудь с бумагой...

— Ладно, пошли ко мне, — решила Жаннет. — Возьмем аппарат и осветители... А стремянка здесь есть?

— Есть у соседей! — подпрыгнул Елька. От него исходило счастливое излучение.

Но по дороге к Жаннет он опять притих на минуту. Пошел рядом с Митей на цыпочках, сказал ему в ухо:

— Мить, а мне приснилось один раз... будто я там, в Нукаригве, иду по дороге вместе с ним...

— С кем? — так же тихо отозвался Митя. — С Андрейкой?

— Нет, это еще до Андрейки, в госпитале. С Домовым...

ПОРТРЕТЫ В КРАСНЫХ ЛУЧАХ

1

Нукаригву еле успели переснять. Жаннет закончила это дело воскресным вечером, а в понедельник утром явились штукатуры. Мама Таня охала и всплескивала руками. В самом деле, столько лет никто палец о палец не стукнул для ремонта, а теперь — нате вам! То ли го-

родское начальство надавило на жилищный трест, то ли тресту этому по каким-то причинам приспичило срочно израсходовать «ремонтные» деньги...

Елька не стал смотреть, как рвут на части его страну. Убежал к Мите. И там сказал со скрученным в пружину страхом:

— А если не получатся пленки? Тогда — все?

Митя позвонил Жаннет: не проявила ли негативы? Жаннет сказала, что она не такая ненормальная, как некоторые. Утром она любит выспаться, потом хорошо позавтракать, а уж после этого браться за работу. А если кому-то не терпится, пусть приходят, будут помогать возиться с растворами.

Митя с Елкой поспешили к строгой Jannet Corn. Она жила на улице Крылова, в старой пятиэтажке недалеко от лица.

Все негативы получились как надо. Они висели в комнате Жаннет (где был «творческий беспорядок»), прицепленные к натянутой у потолка леске. Три блестящие темные ленты. Елька стоял на табурете и то приседал, то вставал на цыпочки, стараясь разглядеть кадры. Почти елозил по пленкам своим вздернутым носом.

— Не бойся, Елочка, все будет на европейском уровне, — успокоила Жаннет с уверенностью мастера. — Фирма гарантирует.

Она иногда любила похвастаться.

Но вообще-то она была не такая, как на первый взгляд. Снаружи яркая, кокетливая, насмешливая, а внутри — характер доброй, хотя и ворчливой тетушки. И Елька это учуял сразу. Не обижался, когда поддразнивала: «Елка-ель, Елочка-сосеночка...»

Он прыгнул с табурета, вытер о штурвалы и корабли ладони, все еще мокрые от растворов. Опять задрал к пленкам нос-двухстволку. Радость от первой удачи полеглась, и вспомнились предстоящие заботы.

— Теперь надо бумагу добывать, да?

— Да, — кивнула Жаннет. — Химикатов у меня навалом, а с бумагой напряг...

Но в жизни бывают не только сложности. Порой случаются удачи — подарки судьбы в самый нужный момент.

2

В тот же вечер Митя увидел на столе у отца несколько больших фотографий с какими-то сетками-решетками на них.

— Папа, это что?

— Кристаллические структуры металлов. Иллюстрации к статье... Твоей гуманитарной натуре едва ли это интересно.

— Интересно... Вы такие фотографии у себя в институте делаете?

— Ну, не в ателье же заказываем! У нас специальные камеры, в том числе и для съемки через микроскоп. Между прочим, уникальное оборудование...

— Значит, у вас и фотобумага есть?

— Конечно... Стоп, а в чем дело? В ваших словах, милостивый государь, я улавливаю некий необычный интерес.

— Ага... Папа, а не бывает там у вас лишней фотобумаги?

— Дитя мое! Ты, кажется, толкаешь меня на нехорошее дело...

— Ну я же о ненужной бумаге говорю! Когда она для научных снимков уже не годится, и ее списывают. А для любительских целей она еще вполне...

— В твоих словах заметен определенный житейский прагматизм. Не ожидал.... А что у тебя за «любительская цель»?

— Это у Ельки...

И Митя рассказал про Нукаригву. А чего было скрывать? Елька и сам не делал секрета из своей страны. Ко-

нечно, Митя не стал вдаваться в детали. Про Домового, про больницу и Елькино прощание с жизнью — ни слова. Но суть «любительской цели» изложил.

Папа сказал, что спросит у заведующего лабораторией. Сейчас конец квартала, в отделах проводят чистку имущества, старое вытряхивают, так что, может быть...

И следующим вечером он вернулся с рулоном, упакованным в черную бумагу!

Митя тихо завыл от восторга.

— Здесь не на стену, а на всю комнату хватило бы!.. Папа, ты образец... этого... отцовской любви и понимания.

— Да? А кто недавно собирался писать про меня кляузную статью в наш бюллетень?

— Но это же была совершенно шуточная шутка!

— По-твоему, удачная?

— Не-а! Теперь, даже если ты случайноогреешь меня, я не пикну!

— А если не случайно?

— Не случайно ты не сможешь. Ты же сторонник гуманитарного... то есть гуманистического воспитания.

— Кажется, чересчур... Зря я вчера заступался за тебя перед мамой, когда ты явился домой чуть не в полночь.

— Не в полночь, а без четверти десять! И я же позвонил! Мы помогли Жанне готовить газету к первому сентября!

— И мама резонно посчитала, что тебе самому тоже полезно бы начать готовиться к этой знаменательной дате.

— Так посчитала, что ты даже взял меня под защиту!

— Боюсь, что напрасно...

— Па-а! Но ведь я за тебя тоже недавно заступался! Помнишь?

Папа крикнул. Он помнил. Недавно он тоже пришел довольно поздно, к тому же, по маминым словам, «в со-

вершенно непотребном виде». Это было явное преувеличение. Просто папа с первого раза не сумел повесить плащ на вешалку, промахнулся. На работе папа со своими сослуживцами отмечал день рождения какого-то Станислава Николаевича, ну и вот... Мама сообщила, что «вот с этого» и начинаются все семейные трагедии. Митя не хотел семейных трагедий. И сказал, что «ничего страшного, если мужчина иногда придет домой с легким запахом коньяка».

— С «легким запахом»?! Этим дагестанским пойлом уже пропиталась вся квартира!

Митя, стараясь разрядить обстановку, дурашливо сморщил нос:

— Судя по аромату, это не дагестанский, а молдавский коньяк. «Белый аист». Да, папа?

Мама уронила руки и возвела к люстре глаза. Она «не знала, что у них в семье растет наследственный алкоголик».

— Кто алкоголик?! Да я хоть каплю когда-нибудь пробовал?!

— Но если ты, даже не пробуя, по запаху уже различаешь сорта, о чем это говорит?!

— Но я же пошутил!

— В каждой шутке есть доля правды!

Маму успокоили только обещанием немедленно перемыть всю посуду и не включать сегодня «эту чудовищную дребедень» — сериал «Космическая полиция»...

3

Ремонт в Елькином жилье был сделан стремительно — за неделю. Правда, мама Таня говорила, что «не ремонт это, а сплошной грех». Кое-где подлатали, подмазали, заштукатурили, вот и вся работа. Зато Елька был счастлив — стена для Нукаригвы вот она, готовенькая. Три стены мама Таня и Елька оклеили обоями, а эту,

главную, — газетами. Чего зря тратиться на лишний рулон, если все равно будут фотографии!

Печатали куски Нукаригвы у Жаннет, по вечерам. Неспешно, по четыре-пять листов за вечер. Жаннет говорила, что монументальная творческая работа не терпит суеты. Под красной лампочкой резали бумагу на прямоугольники — пятьдесят на шестьдесят, потому что более крупные не помещались в ванны для химикатов. И все равно кадры были слишком большие, высоты увеличителя не хватало, приходилось направлять его свет на пол.

Сели на корточки, положили на паркет бумагу, щелкнули выключателем, отсчитали тридцать секунд. Потом опять — шелк, и в проявитель.

— Митя, не передержи...

— Нет, я уже умею.

Потом снимок в воду. В закрепитель, опять в воду...

Готовые отпечатки промывали под краном в ванной и сушили там же, пристегнув к веревке бельевыми прищепками

Мама Жаннет относилась к «мокрым делам» с пониманием. Она была похожа на дочь — такая же курчавая, разноцветная и решительная, только крупнее.

Бумага в рулоне оказалась матовая, глянцевать не надо. Жаннет говорила, что это прекрасно: не будет бликовать на стене.

В чуланчике с красной лампой было тесно и все же хорошо. От похожего на железную печурку увеличителя несло уютным теплом. С больших фотографий на стенах смотрели сквозь красный свет всякие люди (снимок с Митей и Елькой тоже был здесь).

Елька, чтобы не было лишней толкотни, часто устривался высоко на скрипучем шкафу. Сидит и постукивает пятками о фанерные дверцы. При печати снимков толку от него было не много. Вот при промывке в ванной — там он был на своем месте!

Работали и болтали о том о сем. Митя рассказывал о приключениях «корсаров Зеленых морей» (и давал волю фантазии!). Жаннет часто говорила о своих снимках.

— Этот парусник я сняла еще в первом классе, когда мы с мамой были в Одессе... А это в парке «Серебряный мыс» мальчишки строят снежный городок. Я сперва сняла, а потом стала помогать. И мне же потом — в глаз снежком. Неделью ходила во-от с таким фонарем... А здесь ребята из нашего класса на выставке военной техники. Анна Львовна, видите, волнуется? Кричит: «Сейчас же слезьте с танка, вы его сломаете!..»

Елька обычно помалкивал. Только один раз спросил:

— А это что за бородатый дяденька среди картин?

— Это папа... Он художник. Он сейчас живет в Петербурге.

Елька виновато засопел. Митя — заодно с ним. Больше не спрашивали, и так все ясно...

Был среди снимков портрет, который то и дело при­тягивал Митин ревнивый взгляд. Белокурый, с растрепанными волосами мальчишка его, Митиных, лет. Улыбчивый такой, с искорками в глазах.

Один раз, когда не было Ельки, Митя сказал самым небрежным тоном:

— Хороший снимок. Это кто?

— Это Стасик, мой брат.

— Брат? А... он где?

— Далеко. Это ведь давний портрет. Не я снимала, а мама, десять лет назад.

Было в голосе Жаннет то же спокойствие, что и тогда, в разговоре про отца. И Митя опять примолк.

Между делом подошло первое сентября. Просто свинство, как быстро кончается август! В первый учебный день вышел номер «Гусиного пера» — со снимком и короткой заметкой о «картофельной операции». Митя опасался шумных дразнилок, но на фото почти не обра-

тили внимания (так, по крайней мере, тогда Мите казалось). Несколько раз подтрунили в классе — и дело с концом. Наверно, потому, что на первом плане был не Зайцев, а какой-то незнакомый пацан-акробат.

Митя и Жаннет учились теперь оба в первую смену, а четвероклассник Елька в своей шестидесяти четвертой школе — во вторую. Он прибежал к Жаннет прямо с уроков. Первые несколько дней стояла летняя жара, и Елька появлялся все в той же корабельно-штурвальной одежонке, только с обшарпанным рюкзаком за плечами. Скинет его у порога, а сам — на шкаф, на привычное место. Был он беззаботный и радостный: видимо, время печальных воспоминаний и страхов кончилось.

Потом наступило зябкое ненастье. А Елька явился в прежнем виде, только поверх рубашонки — редкая, как авоська, вязаная безрукавка. Сперва решили, что это он так, по «летней инерции». Митя лишь сказал:

— Схватишь опять какую-нибудь чахотку, дурья голова.

— Не-а...

А следующим вечером Елька прибежал опять такой же. Жаннет испуганно заругалась на него:

— Тебе что, лето на дворе?! Пень еловый!

— Я поспорил с пацанами в классе, что буду закаляться до октября, — а сам со шкафа тянул к горячему увеличителю покрытые гусиной кожей ноги.

— Ты уже дозакалялся один раз, — напомнил Митя. И вдруг догадался! Спросил прямо: — У тебя, что ли, нет ничего теплого?

— Ну... есть. Только изодранное. И тесное... Мама Таня скоро получит зарплату и купит костюм, она уже присмотрела...

Митя торопливо заворшил в голове: что у него есть для Ельки — такое, из чего вырос, а износить не успел. А Жаннет вышла из чулана и вернулась с вельветовыми брюками и пестрым свитером.

— Ну-ка, Ельник-березник, слазь. Надевай... Кому говорят!

— Да не надо... Она правда скоро купит...

— Ты мне порассуждай! Сейчас получишь ниже поясницы!

Елька влез в свитер. Тот был в самый раз. А про брюки Елька сказал с сомнением:

— Девчоночьи...

— Балда! Не знаешь, чем девчоночьи отличаются от мальчишечьих? Посмотри как следует!

Елька, видимо, не знал. Но больше не упрямился. Брюки тоже оказались впору.

— Они... чьи?

— Брата.

— А он ничего не скажет?

— Ничего. Он из них давно вырос.

— А он где?

— Далеко... — опять сказала Жаннет. И Елька... он, как Митя в прошлый раз, больше ничего не спросил. Только поддернул штаны повыше.

— Маленько сползают. Ладно, у меня дома ремешок есть... — И толкнул руки в карманы. — Ой! — выхватил правую руку, сунул в рот мизинец.

Оказалось, в кармане был значок с оттопыренной булавкой. Красный ромбик с белой полоской и буквой С.

— Стасик всегда за «Спартака» болел... — Жаннет отложила значок, а из Елькиного мизинца выдавила алую каплю. — Это чтобы внутрь не попали микробы... А ты, Ельчик, теперь со Стасиком будто кровный брат...

И опять ни Елька, ни Митя ничего не спросили. Стасик же смотрел с портрета — веселый, двенадцатилетний...

Скоро нетерпеливый Елька стал уносить готовые части Нукаригвы домой и клеить на стену. Мучным клейстером, который сварила мама Таня. Начал с самого вер-

ха. Ставил взятую у соседней стремянку и колдовал у потолка. Вырезал края, умело состыковывал облака, горные вершины, деревья и скалы. А потом стремянка стала не нужна, можно было работать на табурете.

Некоторые снимки оказались слегка размытыми, но все трое решили, что так даже лучше. Будто Елькина страна местами покрыта чуть заметной сказочной дымкой. А отчетливые детали Елька еще добавит! Из новых картинок! Митя пообещал отыскать для этого пачки давних «Огоньков». И отыскал!

Елька, узнав про них, обрадовался:

— Вот хорошо... Чтобы Нукаригва была живая, к ней надо иногда добавлять что-то новенькое... — И вдруг застеснялся, стал вытирать нос-двухстволку рукавом свитера.

Он обещал прийти за журналами вечером в воскресенье, но почему-то не пришел. А в понедельник случилось *то самое*. Утром Митя узнал про шумную субботнюю историю с бомбой и эвакуацией, а на последнем уроке музыкантша Яна Леонтьевна значительно сказала:

— Зайцев, после звонка не уходи домой. Зайдешь к директору, там тебя ждут.

...И сейчас, в столовой, Митя, не глядя на Князя Даниила, вспоминал все это, словно прокручивал видеозапись.

КЛОУНАДА И ЛИЧНОЕ ДЕЛО

1

Он неторопливо заскреб вилкой пюре, дожевал хлебный ломтик, запил компотом. Географ терпеливо ждал. Потом спросил:

— Не убедил я тебя?

— Насчет системы? Не-а... — сказал Митя с Елькиной интонацией.

— Жаль.

— Не нравится мне ваша система.

— Она, дорогой мой, не моя. Она объективная данность. И человек может нормально существовать лишь тогда, когда учитывает реальные обстоятельства. Если живет в согласии с ними. Самое разумное для тебя сейчас сказать педсовету: «Простите, это я. Хотел пошутить, больше не буду». А то ведь... Ну, спецшколой тебя пугали зря, но из лица можно полететь.

— Ну и фиг с ним. Извините, — сказал Митя.

— Извиняю. Но «фиг» не с ним, а с тобой. Лицей не потеряет ничего, а ты... Впрочем, дело твое... Не вмешивайся моему совету?

— Нет. Неохота, — зевнул Митя. Натурально зевнул, его и правда клонило в сон.

Максим Данилович встал.

— Ну что же, пошли, отрок... — Наверно, в давние-давние времена классный наставник таким тоном приглашал упряма в комнату, где скамейка и березовые прутья.

Но Митя зевнул еще раз и пошел без дрожи. Только опять проклюнулось сквозь усталость любопытство: «А все-таки чем это кончится?» А еще опасливое: «Вдруг внутри что-то лопнет и разревусь?» Но до этого было, кажется, далеко.

В кабинете директора все оказалось по-прежнему. Наверно, педсовет не вставал из-за стола и даже не менял поз.

Жаннет быстро глянула на Митю, незаметно повернула к нему свой блокнот. Митя видел его листы, а те, кто за столом, — не видели. На белом развороте было крупно написано: «Они позвонили отцу. Скоро придет».

«Ну и слава Богу! А то сколько еще продержусь?»

Он кивнул Жаннет ресницами: все в порядке, мол. И услышал Киру Евгеньевну:

— Что скажете, Зайцев? Надумали что-нибудь?

— Что? — сказал Зайцев.

— Я спрашиваю: набрались ли вы мужества, чтобы сказать все как есть.

«Когда скажу, вот огорчитесь-то...»

— Мы ждем, Зайцев!

— Чего?

— Да он просто издевается! — взвизгнула музыкантша Яна Леонтьевна.

— Похоже на то, — согласилась не сей раз директриса.

Митя глотнул слюну. Искоса глянул на Жаннет, но она возилась с футляром своего «Зенита». Тогда Митя сказал:

— Кто над кем издевается? Максим Данилович... Данилович... сейчас уговаривал: виноват или нет, а все равно признавайся, это система такая.

— Ты, сударь мой, совершенно не так меня понял!

«Еще и вертится! А такой хороший на уроках. «Друзья мои, нет ничего увлекательней науки географии. Это наука наук. В ней никогда не угаснет романтика открытий!» И отглаженный, как мужская модель на показе костюмов...»

Опять вступила Галина Валерьевна:

— Виноват ты или нет, вопрос не стоит. Мы это знаем и так. Важно, чтобы ты признался сам. Так же, как признался твой дружок из шестьдесят четвертой школы.

— Господи, да в чем он признался-то?

— В том, что знал о твоих планах! В том, что участвовал в них! В том, что помогал тебе! Кажется, даже ходил с тобой к телефонной будке!.. Впрочем, это неважно. Главное, что он «раскололся», как принято сейчас говорить! Мы позвонили в ту школу, там его взяли в оборот, и он честненько выложил все!

«Врут?»

— Они что, пытали его?

— Не говори глупостей! Просто оказалось, что у него есть остатки совести!

«А если бы и пытали! После такого папаши он привык ко всему...»

И Митя потерял интерес. Чуть не зевнул опять.

И вошла мама.

2

Митя не сразу понял, что мама. Просто увидел шевеление педсовета, ощутил движение воздуха от двери. И тогда глянул налево.

Мама стояла в темном дверном проеме. Она была в легком желтом плаще, и свет из окна — хотя и не солнечный, но яркий — охватывал ее, как золотистое осеннее деревце. Мама надевала их не каждый день, а только при важных случаях. Была мама стройная и маленькая, как девочка, но Митя знал, *какая* она сейчас в душе. Чужая.

Мама сказала негромко и внятно:

— Здравствуйте. Кажется, я не ошиблась, именно сюда меня приглашали.

— Э-э... простите, вы кто? — глупо выговорила младшая завуч Фаина Леонидовна.

— Я, *простите*, Маргарита Сергеевна Зайцева. Мальчик, который стоит перед вами, мой сын.

Кира Евгеньевна возвысилась над блестящим столом.

— Да-да... Хотя мы ждали его папу. Виктора Алексеевича...

— Виктор Алексеевич занят и позвонил с работы мне. Я чем-то не устраиваю вас?

— Что вы, что вы! — Митя догадался, что директриса заулыбалась. — Прошу вас... Боря, уступи Маргарите... м... Алексеевне стул.

— Сергеевне, — сказал Митя.

— Простите, Сергеевне...

Безмолвный председатель совета лицеистов поднял-

ся и встал у стены. Максим Данилович вскочил, ухватил Борин стул, подвинул к столу.

Мама, постукивая туфельками, подошла. Села. От нее чуть заметно пахло розовой пылью. Не то что объединенная косметика сидящих за столом дам. Мама мельком взглянула на сына. Обвела очками педагогический совет.

— Я полагаю, меня проинформируют, в чем суть ситуации?

— Безусловно, — сухо отозвалась Кира Евгеньевна. Тоже села. — Надеюсь, вы помните, что в прошлом году, когда вы привели сына к нам, мы говорили о ряде требований, которые предъявляются ко всем лицеистам?

Мама кивнула. Она помнила.

Митя тоже помнил.

Не так уж он и рвался сюда. Конечно, в старой, шестьдесят четвертой, школе бывало всякое. И шпана привязывалась в туалетах и у входа, и математичка донимала несправедливыми двойками, и крепких друзей-приятелей в классе так и не нашлось. В общем, не то что в двадцать второй, где Митя учился в начальных классах, пока не переехали на улицу Репина, в кооперативный дом. Но все же шестьдесят четвертая скоро сделалась привычной, своей. И ребята — привычные. И кличка Косой тоже привычная стала, все равно что вторая фамилия. (Кстати, не только из-за того, что Зайцев, а еще и потому, что вплоть до пятого класса белобрысый смиренный Митя слегка косил левым глазом; а в прошлом году это прошло.)

В общем, школа как школа, но мама часто приходила в ужас: и когда девятиклассники отбирали у Мити деньги, и когда он являлся с фингалом после стычки с одноклассником Жижей (тот часто «прискребался» к Косому), и когда узнавала, как в десятом классе обнаружили наркоманы... Маме очень хотелось, чтобы сын оказался в «приличном учебном заведении».

И случай представился. Дернула Митю нечистая сила написать такое сочинение про сказки Пушкина, что его отправили на городской конкурс. А там оно заняло третье место! А три главных приза были — местá в престижном Гуманитарном лицее (бывшая школа номер четыре). Конечно, если победители захотят в этот лицей перейти.

Митя не очень хотел, а мама очень. Да и папа советовал. Уговорили. Ведь отсюда была «прямая дорога в любой гуманитарный вуз, а ты, кажется, хочешь стать литератором».

Он хотел. К тому же в слове «лицей» было пушкинское колдовство.

И сперва понравилось. Старенькая, обожающая литературу Лидия Константиновна хвалила все его сочинения. И с математикой пошло на лад (не такой уж важной ее здесь считали). И ребята были неплохие. Вежливей, спокойнее «тех чудовищ из шестьдесят четвертой» (мамино выражение). И даже своя газета выходила в лицее. Разве плохо?

Но потом оказалось, что разница, в общем-то, небольшая. Так же пошаливают старшеклассники-рэкетеры (хотя в вестибюле сидит охранник при полном милицейском параде). А в третьем классе накрыли целую компанию тех, кто «смотрел мультики», надышавшись клеем... И Митя как-то дома сказал литературное сравнение:

— В позолоченной кастрюльке все та же серая каша.

Это когда биологичка Алла Эдуардовна ни за что наорала на него и вкатила пару, хотя он ответил все, что задано, только рисунок в тетради у него был сделан не цветными карандашами, а одним, простым.

Митя тогда вскипел и пошел требовать защиты у совета лицеистов. Но только что выбранный председатель Боря Ломакин мудро посоветовал:

— Усохни, мальчик, и не возникай. Никто не будет

связываться с этой дурой. Она своими воплями разгонит всех...

И он был прав. Хорошо, что хотя бы сейчас горластой Эдуардовны нет на педсовете.

3

... — Ну а позволено будет узнать, каким именно требованиям перестал соответствовать мой сын Митя? — сдержанно поинтересовалась мама.

— Дисциплинарным и нравственным... — Кира Евгеньевна, чуткая натура, уловила тон Маргариты Сергеевны и отвечала тем же. — С вашего позволения, сейчас введу вас в курс дела.

И стала вводить. Сжатыми интеллигентными фразами.

Сначала мама смотрела на нее. Потом стала смотреть на Митю. А Митя — на маму. Он не отводил взгляда, только прикусил нижнюю губу.

Кира Евгеньевна кончила.

Мама сказала ровно и негромко:

— Митя, я не понимаю. Зачем ты устроил этот цирк?

— Да! — вскинулась Галина Валерьевна, а остальные (кроме князя Даниила и директрисы) закивали.

Кира Евгеньевна со сдержанной горечью возразила:

— Боюсь, что теперь уже это не цирк, а драма. И возможен грустный конец.

Мама поправила очки. Смотрела она по-прежнему на Митю.

— Это все-таки цирк. Клоунада. Хотя и непонятная... Дело в том, что наш сын в субботу вообще не был в городе. В пятницу после обеда мы уехали в деревню Мокрушино, к нашим друзьям, и вернулись в воскресенье. Это, если угодно, могут подтвердить десятки людей.

Наступил миг тихого Митино торжества. Он почти не видел лиц, но понимал, какое на них выражение.

Да и у Жаннет! Ведь она тоже впервые слышала, что

в субботу его не было дома! Потому что сама куда-то уезжала с матерью.

— Но почему... — выговорила наконец директор лицея. — Почему мы этого не знали?

— Я еще в четверг договорилась с Лидией Константиновной, она не возражала.

— Но она уехала на свадьбу! — весьма неразумно сообщила младшая завуч.

— Извините, но это ваши внутришкольные проблемы, — сказала мама.

— Нет, прежде всего ваши, уважаемая Маргарита Сергеевна! — Завуч Галина Валерьевна чуть не наградила блестящий стол новым хлопком. — Пусть ваш сын объяснит, почему он три часа морочил нам головы и не сказал о своем отсутствии сразу! Почему шесть взрослых людей, педагогов, сидели перед ним столько времени, а он делал из нас дурачков?!

— В самом деле, — мама опять повернулась к нему. — Митя, почему?

И тогда он сказал со звоном, которого слегка испугался сам:

— А если бы я не уехал? Если бы просто сидел дома? С простудой или с больной головой? Один! Тогда был бы виноват, да? Потому что ничего не доказать?

— Ну, ты и фрукт, — заметил Максим Даниилович. Кажется, даже с ноткой одобрения.

— Не укладываюсь в систему?

— Ни в малейшей степени.

Кира Евгеньевна осудила географа долгим взглядом.

— Маргарита Сергеевна. Даже если вашего сына не было в субботу в городе, не кажется ли вам, что у нас достаточно оснований для претензий к нему?

— Пока не кажется... Пока мне кажется наоборот: его позиция достаточно убедительна. А если бы он *в самом деле* был в субботу дома? Тогда что? Без вины виноватый?

— Теперь все ясно, — выдохнула завуч Галина Валерьевна. И стала за столом ниже ростом, сравнялась с остальными.

— Простите, что именно вам ясно? — осведомилась мама.

— Ясно, в кого он, семиклассник Дмитрий Зайцев. Вот они, плоды раскрепощенных семейных отношений. Митю дернуло как ознобом.

— Не смейте! Не смейте про маму!..

— Не надо, Митя, — сказала она. И встала. — Мне кажется, господа, вопрос об участии... вернее, неучастии моего сына в операции «Ртутная бомба» выяснен. Видимо, есть смысл сразу коснуться и другого вопроса. Вы не откажете в любезности сейчас же отдать мне Митино личное дело?

— Но позвольте... — завуч Галина Валерьевна стала снова подрастать за столом.

— Понимаю, — кивнула мама. — Личное дело в сейфе. Ключ у секретаря, секретарь ушла в декретный отпуск и будет только после Нового года. Как всегда в таких случаях...

— Дело не в секретаре, — веско произнесла Кира Евгеньевна. — Просто такие вопросы решаются в отдельном и обстоятельном разговоре. И, как минимум, необходимо ваше письменное заявление. Давайте вернемся к этой теме позже.

— Хорошо. До свиданья. Митя, идем.

— До свиданья, — отчетливо сказал Митя педсовету. И мысленно возблагодарил судьбу, что не разревелся. Глянул на Жаннет: «Увидимся».

На улице с полквартиры шли молча.

— Ну, давай... — не выдержал наконец Митя.

— Что «давай»?

— Говори, какой я чудовищный тип и что из меня получится в будущем.

— Не буду... Что из тебя получится, не знаю, а сегодня, кажется, ты был прав. Если смотреть в самую суть...

Митя глянул искоса, заулыбался.

— Мама, ты у меня — во! — И показал большой палец.

— Прекрати сейчас же! — Мама стала обычной мамой. Сняла очки. — Все же надо сказать отцу, чтобы взялся за тебя как следует.

— Обязательно!

— Не валяй дурака! Ты хоть понимаешь, что, по всей вероятности, с лицом придется расстаться? Потому что житья тебе там не дадут!

Митя понимал. И опять сказал, что фиг с ним. И слегка получил по загривку. Это было как окончательное отпущение грехов. Жизнь продолжалась, и вспомнились другие заботы.

— Мама, а Елька не прибежал к нам?

— Откуда я знаю? Я пришла в школу не из дома, а с работы! Папа поднял меня как по пожарной тревоге!.. Я еще разберусь с вами обоими вечером... Говорит: «Я не могу вырваться, беги скорее в лицей, спасай ненаглядное чадо!»

— Вот балда!

— Что-о?! Это ты про отца?!

— Да про Ельку я! Обещал прийти вечером за журналами и пропал! А я их выгребал с антресолей, старался, кашлял от пыли!

Мама сказала, что никуда не денется «этот твой Елька».

— Марш домой и садись за уроки. Пока ты еще лицеист...

— Ага.

Он проводил маму до автобуса. А когда автобус, шурша по листьям, укатил, к Мите подбежала запыхавшаяся Жаннет.

РЫЖАЯ ТОЧКА НА ДВУХ ЛИНИЯХ

1

Они пошли вдоль газона, где яростно цвели настурции.

Жаннет часто дышала.

— Еле догнала...

— Остынь. Будь снова такая же *незыблемая*, как на педсовете.

— А какой я должна была там быть? Кидаться на защиту диверсанта Зайцева? По-моему, ты не нуждался!

— Нисколечко...

— Митька, я тобой восхищаюсь. Ты был весь... как железный принцип.

Слова эти были приятны, и в ответ Митя бесстрашно признался:

— Уж какой железный! Раза три чуть не заревел.

— «Чуть» не считается... Слушай, будет потрясный репортаж! «Дело о ртутной бомбе». О том, как выжимают признание из невиноватого!

— Ты что, вела стенограмму?

— Зачем? Вот! — Жаннет расстегнула футляр «Зенита». В нем вместо аппарата лежал плоский черный диктофон. — Мамочкин подарок к первому сентября. Пишет за сто метров. Все интонации и вздохи... Ты чего?

— Жаннет, — печально сказал Митя. — По-моему, это пахнет шпионством.

— Ненормальный! Ты в какое время живешь? Это обычная журналистская практика.

— Обычная, если эту штуку включают у всех на глазах.

— Включают как угодно. Каждый, кто выступает на всяких собраниях, должен знать: его слова могут быть зафиксированы.

— Объясни это Кире Евгеньевне. И Галине...

— Ничего я не стану объяснять. Выпущу репортаж, а там будь что будет.

— По школьному радио его не пустят, все передачи проверяет Галина.

— А я не по радио, я его в «Гусиное перо».

— Там тоже Галина...

— Можно сделать спецвыпуск. Сверстать дома на компьютере, тиснуть на принтере один экземпляр, потом — сотню на ксероксе, у мамы на работе!

— И после этого можешь менять свой штамп: «Корреспондент «Гусиного пера». Попрут с треском.

— Ну и пусть! Меня давно уже зовут в юнкоровскую редакцию газеты «Школьная дверь». Это городская...

— Можешь полететь из лица.

— Ах как страшно!.. Если человека выгонят за правдивый репортаж, знаешь, какой будет скандал!

— Ну, не выгонят, а замаринуют в двойках.

— Ты что? Хочешь меня испугать? Или ты против репортажа?

«А в самом деле...» — подумал Митя.

— Слушай, Жанна д'Арк, ты, конечно, рыцарь в ладах справедливости. Но ведь надо сперва все-таки узнать, какой идиот звякнул насчет бомбы. Иначе что за репортаж?

Жаннет решительно качнула серьгами.

— А я знаю!

Мите было известно: когда Жаннет говорит *таким* тоном, она не врет. «Вот это да!» — подумал Митя. И сказал:

— Вот это да! А кто?

— Помнишь того длинного мальчишку с рыжей прической, в трамвае? В тот четверг! Мы ехали из лица, а он торчал рядом и прислушивался к твоему рассказу.

— Я помню лопоухого третьеклассника. Разве он рыжий? Он же в шапке был!

Было холодно, все школьники ехали в куртках и шапках. И этот мальчишка лет девяти (Митя сразу решил, что третьеклассник) был в клетчатой фуражке с клапанами и большим козырьком. А из-под фуражки торчали круглые, розовые, очень чистые уши. А еще у мальчика были большие очки — почти как у Митиной мамы. Ну, такой весь из себя воспитанный отличник! Когда вошла женщина с тяжелой сумкой, очкарик тут встал:

— Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, мой славный... Есть еще на свете добрые дети.

«Доброе дитя» сохранило невозмутимость.

Митя сказал Жаннет (они сидели рядом):

— Вот этого образцового третьеклассника я сделаю главным героем рассказа.

Дело в том, что уже несколько дней подряд Жаннет наседала, чтобы он написал для «Гусиного пера» смешной рассказ. Митя, естественно, отбивался, как мог. «Во-первых, я по складу характера не юморист, а лирик. Во-вторых, у меня вообще творческий застой». Обещание Жаннет «вделать по заливку, тогда застой перейдет в разбег» возымело действие. Через день Митя сообщил, что у него придумался сюжет. И вот сейчас, в трамвае, он, поглядывая на лопухого третьеклассника, начал этот сюжет излагать. Сперва шепотом, затем громче. Потому что увлекся.

— Понимаешь, вот такой интеллигентный ребенок однажды утром не сразу отправляется в школу, а сперва идет на пустырь. Там цветут сорняки и порхают бабочки. Такая благодать, бабье лето... И среди этого бабьего лета стоит по пояс в репейниках телефонная будка.

— Как там, у Ельки?

— Ну да. Бесплатная... А перед будкой — очередь из всякого школьного народа. Вообще-то терпеливо стоят, но кое-кто просит: «Пустите без очереди, а? У нас уроки

с восьми часов, и первый урок — контрольная по алгебре...» Ну, добрые люди таких пропускают вперед. Человек хватает жестяную кружку, чтобы изменить голос, и поскорее вопит в телефонную трубку:

«Школа номер три? Имейте в виду, у вас под учительской заложен фугас! Никто не хулиганит, правду вам говорят!.. Ну, дело ваше, потом пожалеете!»

И так далее, один за другим. У каждого какие-то причины, чтобы не было занятий. Один уроки не выучил, другому просто погулять охота. А метод-то испытанный. Поверят в бомбу или не поверят, а проверять все равно придется...

И наконец доходит очередь до нашего героя... вот до такого. Этот милый мальчик, весь такой причесанный, с отмытыми ушами, в клетчатом жилетике (вроде формы наших младших лицеистов), заходит в будку, приотворяет за собой дверь (хотя в ней давно выбиты стекла), набирает номер...

«Простите, пожалуйста, это школа номер десять? Могу я поговорить с директором?.. Очень приятно. Извините, что вынужден вас огорчить, но есть достоверная информация, что на школьном чердаке лежит тротиловый заряд с часовым механизмом... Нет-нет, к сожалению, это не шутка. Извините...»

Вешает трубку, выходит... А у двери — милиционер! Молодой такой и красивый младший лейтенант Булочкин. Он делает страшные глаза:

«Ах ты, террорист! А ну, пошли в отделение!»

Наш лопухий герой не теряет достоинства. Отбегает на десять шагов и говорит издали:

«Странно вы себя ведете, товарищ милиционер. Я только выполнил свой долг». И удаляется. Понимает, что милиционер не погонится по буеракам...

А тот и не хочет догонять мальчишку! Ему не до того. Ему хочется встретиться с девушкой, которая каждое утро в это время идет в Институт швейной промышлен-

ности. А сейчас, как назло, в клубе УВД назначено генеральное совещание всех милицейских чинов. И младший лейтенант снимает трубку, берет жестяную кружку:

«Алло! Это начальник клуба? Здравия желаю, товарищ подполковник! Докладываю: под паркетом актового зала заложена мина с дистанционным управлением... Неважно, кто говорит. Честь имею...» И спешит к институту, радостный такой: теперь, в суете, его отсутствия в клубе никто не заметит...

А через полчаса грустный милиционер Булочкин сидит на скамейке в садике недалеко от школы номер десять. Девушку он только что видел, но она не захотела с ним разговаривать. Ее ухватил под руку какой-то «штатский» студент. И вот смотрит Булочкин на радостное бабье лето грустными глазами и вдруг замечает на соседней скамейке старого знакомого — третьеклассника в клетчатой жилетке. И говорит уже не грозно, а просто так, устало:

«А ты чего не идешь в школу, прогульщик?»

А третьеклассник вежливо отвечает:

«Но вы же слышали, товарищ младший лейтенант: в школе взрывной заряд».

«Ты что же, хочешь сказать, что это правда?»

«Простите, я всегда говорю правду», — отвечает воспитанный третьеклассник.

И тут над школьной крышей, которая виднеется за деревьями, встает взрыв! В классах-то ничего, только сотрясение и звон стекол, а вверху — что-то похожее на громадный разноцветный веник. Такой салют в честь неожиданных каникул!.. Младший лейтенант Булочкин падает в обморок...

2

Митя к концу рассказа тогда так вдохновился, что говорил уже в полный голос. И, конечно, те, кто был неподалеку, развесили уши. А Жаннет его не останавливала, чтобы не спугнуть вдохновение.

Митя вздохнул и сказал:

— Ну, вот и все. Но это короткий пересказ, а вообще-то мне хочется побольше деталей: и какая погода замечательная, и какие люди там в очереди у телефона — описать каждого. Одну девчонку сделаю похожей на тебя.

— Ладно. Только сочиняй скорее.

Сочинить он не успел. Зато «накаркал» на свою голову. Сам сделался героем похожего рассказа.

...А теперь, на улице, Жаннет напомнила:

— Я не про лопухого говорю, а про большого, вроде нас, без шапки. Помнишь, такой с гладкими рыжими волосами, с пробором? Он наискосок от нас сидел. Слушал и улыбался так, будто с насмешкой. Я еще сказала потом: «Какой он вылизанный. Будто из английского колледжа».

— А-а... Ну и что?

— Ну и то...

— Ты решила, что это он? Подслушал сюжет и позвонил? Да там же еще сколько народу было!

— Митенька, всякий журналист — немного сыщик!

— И ты?

— И я...

— И что же ты «сыскала»?

— А вот что. Ты-то вскоре после этого сошел, а я поехала дальше, к маме на работу. И народ в трамвае поменялся, и лопухий твой сошел, а этот «англичанин» все сидит. И тут появились опять несколько мальчишек, тоже класса из третьего, как твой герой. Сели кучей на одну скамейку впереди рыжего и давай разглядывать одну игрушку. Такая круглая стеклянная баночка. А в ней блестящий шарик бегаёт. Это я заметила, когда пригляделась.

— Ты всюду проникаешь своим корреспондентским носом...

— Это комплимент? Или...

— Не «или», не «или». Комплимент.

— Тогда мерси. Слушай дальше. Этот «англичанин» тоже залюбопытствовал. Встал, нагнулся над теми ребятами и спрашивает:

«Это что у вас за штучка?»

А те объясняют, что это, мол, самодельная игрушка. Надо каплю ртути загнать в одну из ямок с цифрой. Чья цифра больше, тот и выиграл. Но загнать трудно, потому что ртуть гораздо капризнее обычного твердого шарика.

«Англичанин» и говорит:

«Она не только капризная, но и опасная. У нее очень ядовитые пары».

А они ему в ответ:

«Она же в склянке, а склянка запаена наглухо».

«А если разобьете?»

Тут один, растрепанный такой и храбрый, отвечает:

«Тогда будет шарах-тарарах! Ртутная бомба!»

Ну, «англичанин» пожал плечами и пошел к выходу, на остановке «Одесская». А растрепанный ему вслед:

«Ты, Кеша, не вздумай кому-нибудь стукнуть про нашу игрушку». И тут же за ним к двери. Наверно, они в одном дворе живут, на Одесской, и знают друг друга.

— Ну и что?

— Не ясно, да? А еще писатель... Есть метод доказательства: нахождение точки по двум линиям. Не слыхал?

— Это из геометрии? Я в математике чайник...

— Смотри, чайник-кофейник! Рыжий слушал твой рассказ про телефон...

— Многие слушали. Наверно, из-за этого на меня и подумали в субботу и кто-то брякнул завучу...

— Я не о том! Да, многие слушали, но и *он* — тоже. Это точка на одной линии. Потом он услышал про ртутную бомбу... Да, про нее тоже кое-кто еще мог слышать, но они не слыхали твой рассказ про телефон в буераках. Потому что те слушатели все уже вышли из трамвая. Кроме рыжего. И тут, значит, точка на другой линии. Та

же самая, рыжая. Потому что на двух линиях может быть только одна точка! Когда они пересекаются.

Митя помолчал. Помигал. Да, логика, никуда не денешься. И все же он возразил:

— Да зачем ему это надо-то?

— Вот этого я не знаю. Но уверена, что это он.

— Он, по-моему, даже не из лица. Не встречал я там его...

— Не из лица.

— Тогда — зачем?

— Вот найдем его и узнаем!

— Так он тебе и скажет!

— Припррем к стенке.

Митя совсем не был уверен, что рыжего удастся припереть. Так и сказал. А Жаннет сказала, что он, видимо, всю свою храбрость израсходовал в кабинете у директора.

— Ну и... может, израсходовал... А где его найдешь-то, твою «рыжую точку»?

— Подумаешь, трудное дело! Он приметный. Зовут Кеша. К тому же он с ракеткой был, значит, занимается теннисом, дополнительная деталь. Пройдемся по дворам на Одесской, поспрашиваем. Вот и будет тебе финал репортажа.

3

Чем хороша Жаннет, так это решительностью. Никогда не откладывает важных дел на потом. И тут же она доказала Мите, что ехать на Одесскую надо немедленно. «Чем больше проходит времени, тем сильнее стираются следы».

И поехали. А что еще было делать-то, в конце концов? Не идти же в самом деле учить уроки!

Все равно скоро он вернется в прежнюю школу. В шестьдесят четвертую. Как говорится, по месту жительства. Жаль, что реже будет видеться с Жаннет, зато

ближе к дому. И с Елькой в одной школе. Правда, в разные смены... Елька сейчас, конечно, на уроках, так что к нему идти не имеет смысла. Ладно, потом все равно Митя устроит ему нахлобучку. А пока...

А пока им снова очень повезло. Почти как с фотобумагой. В первом же дворе на Одесской Жаннет углядела на деревянной горке, среди галдящих пацанят, того, «растрепанного».

Скомандовала:

— Люди! А ну, идите сюда!

«Люди» подошли с любопытством и бесстрашно. А чего бояться? Они в своем дворе. Уставились на яркую курчавую девицу с серьгами. А на Митю — так, полвзгляда. Потому что чего в нем особенного? Обыкновенный белокрысый пацан, здесь таких полно...

Жаннет взяла быка за рога:

— Разыскиваем одного человека. Надо взять интервью для газеты. Знаете, что такое интервью?

Мальчишки знали — образованный народ, каждый день телевизор смотрят. Растрепанный склонил голову к плечу в порванной майке.

— Что за человек?

— По-моему, ты его знаешь. Такой рыжеватый, с гладкой прической, ходит с теннисной ракеткой. Звать, кажется, Кеша...

— А! Кешка Мигутин!

— Как? — машинально сказал Митя.

— Как его зовут? — строго переспросила Жаннет. — Иннокентий Мигутин?

— Ну да. А че?

Митя и Жаннет посмотрели друг на друга. Выражаясь языком старинных романов, «образ Князя Даниила встал перед ними».

«Совпадение», — подумал Митя. А Жаннет поинтересовалась небрежным тоном:

— У него случайно нет родственника-учителя?

— Есть, конечно! — обрадовался мальчишка с замызганным бинтом на локте (он стоял рядом с растрепанным). — Он по географии. Они в нашем подъезде живут, только не на четвертом этаже, а на третьем. Они братья.

— Двоюродные, — уточнил растрепанный.

— Но это ведь все равно братья, — сказал пацан с бинтом.

Растрепанный опять перехватил инициативу:

— Они оба теннисом занимаются, только большому некогда, он же в школе вкалывает каждый день по две смены, а Кеша — он чемпион...

— Вот-вот, — покивала Жаннет. — Нам и надо интервью от чемпиона. Вы можете позвать его на двор?

— А его нету дома! Он ушел на пустыри, к стенке! Там тренируется мячиком!

— Идем! — обрадовалась Жаннет.

«Стенка» — это была та противопожарная стена, за которой застрял когда-то в снегу Елька. Место известное. Там часто тренировались те, кто увлекался теннисом. Площадка перед кирпичным отвесом к концу лета оказалась вытоптана и утрамбована.

До пустырей было недалеко, три трамвайных остановки.

Когда спешили к трамваю, Жаннет с кровожадной задумчивостью произнесла:

— Вот так родственничек у Даниилыча. Будет любимому педагогу подарок...

— Думаешь, этот чемпион признается?

— Поглядим...

— Или у тебя тоже система? Как у старшего брата Мигутина? Неважно, виноват или нет, лишь бы признался?

— А по шее? — сказала Жаннет.

— Нет, правда! С чего ты взяла, что это он звонил? Зачем ему это?

— Не знаю. Но — интуиция...

Кеша Мигутин был у стенки. Все такой же гладко причесанный и аккуратный. В белых шортах, в белой рубашке с короткими рукавами, в белых кедах и белых носках. Он бил звонкой ракеткой по желтому мячику. Мячик ударялся о кирпичи, отскакивал от земли, и Кеша бил по нему снова. Красиво изгибался при каждом ударе. Оттачивал мастерство. Двое пацанят лет семи-восьми торчали неподалеку и наблюдали за мастером, открыв рты.

— Здравствуйте, — с изысканной интонацией начала Жаннет. — Вы Иннокентий Мигутин?

— Да! — Он опустил ракетку (малыши тут же подхватили мячик) и наклонил расчесанную на пробор голову. Сдвинул пятки. Джентльмен. Ноги у него были тощие и светлые. Наверно, шорты надевал он только для игры. Впрочем, рыжие вообще загорают плохо.

— Мы рады, что нашли вас, — все тем же светским тоном сообщила Жаннет. — Не могли бы вы ответить на несколько наших вопросов? Это для лицейской газеты «Гусиное перо».

— Но ведь я учусь не в лицее...

— Мы знаем. Однако дело это касается и вас, и лица в одинаковой степени... — Жаннет улыбалась и поправляла на груди футляр «Зенита».

— Какое дело? — невозмутимо спросил Кеша Мигутин. Так невозмутимо, что за этим хладнокровием Митя ощутил на миг нерешительность.

Жаннет посмотрела на Митю: «Твоя очередь». И Митя ее не подвел.

— Вопрос формулируется прямо, — подчеркнуто спокойным тоном сообщил он. — Зачем ты, Мигутин, в субботу утром позвонил в лицей и сообщил о дурацкой ртутной бомбе?

Кеша не возмутился. Мигнул, помолчал немного.

Рядом валялся рейчатый ящик из-под пива, Кеша дунул на него, сел, положил ногу на ногу. Улыбнулся.

— Вы думаете, я начну сейчас пугаться и бурно отпираться? Вам на радость? Нет, господа журналисты, я скажу просто: такие вещи надо доказывать.

— Думаешь, мы пришли без доказательств? — Жаннет тоже улыбнулась.

— Думаю, да. У вас их просто не может быть. Могут быть только глупые догадки, которые вы считаете доказательствами...

Митя опять постарался поточнее подобрать слова:

— Эти догадки, Кеша, мы можем все вместе обсудить с нашим любимым педагогом Максимом Данииловичем. Выстроить их в систему. Он любит строить системы...

Кеша посмотрел на Митю, на Жаннет. Отложил ракетку. Ладонями обнял костлявое колено, откинулся назад и засмеялся.

У него был приятный смех — звонкий такой, переливчатый. Кеша не боялся. Свидетелей разговора не было. Два малыша неподалеку — не в счет. Да они и не слушали, перекидывались мячиком.

Кеша посмеялся и сказал:

— Сейчас вы будете приятно удивлены. С Максимом ничего не надо обсуждать. Он в курсе. Я звонил по его просьбе.

Они действительно «отвесили челюсти».

— Не ожидали? — хмыкнул Иннокентий Мигутин. У него были серо-желтые иронические глаза.

— Признаться, не ожидали, — честно призналась Жаннет. Искренность — она иногда тоже оружие.

— А зачем ему это было нужно? — недоверчиво проговорил Митя.

— Комплекс причин. Во-первых, его ненаглядная Яна. По-вашему — Яна Леонтьевна. Она весь август занималась с хором добровольцев-пятиклассников, по-

хвасталась директору, что у нее готовый репертуар, а на самом деле они вопят, будто коты с прижатыми хвостами. Ваша Кира ей поверила, назначила на субботу показательный концерт. Яна в рев: «Максимчик, что делать?» А у него еще и свой интерес...

— Какой? — с неподдельным любопытством спросил Митя.

— Насолить вашей Кире Евгеньевне. Она срезала у него в расписании несколько часов да еще вкатила выговор за какие-то неготовые планы. И к тому же запретила идти в поход со старшеклассниками...

— Со старшеклассницами, — вставила Жаннет. Не удержалась. Кеша улыбнулся и кивнул.

— Взрослые люди, а какие бестолочи, — вздохнул Митя. Повторил недавние слова отца о высоком начальстве, которое проверяло институт. — Да и ты не лучше. Такой же кретин.

Иннокентий глянул спокойно и дерзко.

— Я не кретин. Я просто люблю своего брата. Мы ничего не скрываем друг от друга, мы с ним друзья.

— Все мы любим своих братьев, — сказала Жаннет.

— Возможно, — отозвался Кеша.

— А вот его, — Жаннет кивнула на Митю, — три часа мылили на педсовете, обвиняли в этом дурацком звонке. Это ты предложил сделать виноватым его? Поэтому что слышал его рассказ в трамвае?

Кеша впервые растерялся. Заметно.

— Ребята, да вы что! Я — никого... Я не знал!

— Ты не знал! А вот ему, — Жаннет кивнула на Митю, — теперь, скорее всего, придется уйти из лица.

Кеша качнулся вперед:

— Я попрошу Максима! Он заступится!

— Он не заступится... — У Мити заскребло в горле. — Он больше всех уговаривал меня признаться. Наверно, чтобы никто не догадался про тебя. Он тоже любит своего брата.

Кеша опустил голову. Пообещал насупленно:

— Тебе все равно ничего не будет, раз ты не виноват.

— Теперь-то речь не о нем, не о Мите Зайцеве, — напомнила Жаннет. — Теперь, Кеша Мигутин, речь о тебе. И о твоём Максиме.

— Вы все равно ничего не докажете! — Кеша обрел прежнюю насмешливую твердость. — Свидетелей нашей беседы не было.

Жаннет вздохнула почти ласково:

— И не надо. Послушай вот это... — Она открыла футляр «Зенита». Вытянула наушник-капсулу на длинном черном проводе. — Здесь все твои откровенности.

Кеша распахнул глаза и напружинился.

— Не надо, — сказал Митя. — У девочки второе место по области среди юниоров по карате.

— По дзюдо, — скромно поправила Жаннет, которая на самом деле умела лишь отвесить «леща» или дать пинка.

Кеша поверил. Послушно взял капсулу и держал ее прижатой к уху с полминуты.

Потом он встал, нагнул голову, затеребил шортики, как провинившийся первоклассник в кабинете у завуча.

— Ну? — тихо спросила Жаннет.

Кеша глянул сквозь упавшие на лоб медные прядки. И сообщил тоном побежденного в поединке джентльмена:

— Этот сет я проиграл всухую. Признаю.

— Да уж... — сказала Жаннет.

Кеша посмотрел на нее, на Митю, на свои туфли.

— Разрешите мне выкупить кассету. Я заплачу, сколько могу.

«Вот это поворот!» И Митя спросил с искренним любопытством:

— А сколько?

— Да. Сколько? — непонятным тоном спросила Жаннет.

— Ну... я же сказал: сколько могу. Хотите вот эту ракетку? Стоит девяносто долларов. Японская фирма.

— В самом деле? Кассета тоже японская... — Жаннет раскрыла диктофон, взяла кассету на ладонь.

— Какая маленькая! — удивился Митя. — Дай посмотреть.

Жаннет дала ему кассету. А у Кеши взяла ракетку и стала внимательно разглядывать.

— Совсем новая... — сказал Кеша осторожно.

— Вижу... — И Жаннет с размаха, как бумеранг, пустила ракетку по дуге. Только бумеранги возвращаются, а ракетка скрылась в дремучей крапиве, которая обступала поляну. Была крапива почти в рост человека, малахитового цвета. Еще не утратившая набранной за лето жгучей энергии.

Все проследили за полетом.

— А вот это нечестно, — с гордой слезинкой в голосе произнес Кеша.

Митя и Жаннет обменялись взглядом.

— Почему же нечестно? — сказал Митя. — Очень даже честно. Вот! — И пустил за ракеткой кассету.

И опять все отследили полет.

— Иди и забирай, — подвела итог Жаннет. — Ради брата. Ты ведь по-прежнему любишь его, правда?

Кеша переступил бледными худыми ногами. Зябко погладил острые локти.

— Если побежишь домой облачаться в доспехи, кто-нибудь вытащит раньше, — предупредила Жаннет.

И она, и Митя были в джинсах и с длинными рукавами.

Кеша оглянулся на двух пацанят с мячиком.

— Не вздумай, — предупредила Жаннет.

Кеша был бледнее, чем раньше, сильно выступили веснушки. Но ответил он пренебрежительно:

— Не думайте, что я такой уж подонок.

Пожал плечами и пошел в заросли. И вошел в них.

Темные листья и стебли сомкнулись. Было слышно, как дважды Кеша сдержанно взвизгнул.

— Идем, — сказала Жаннет.

— Идем, — сказал и Митя.

ПИСЬМО С ГАЗЕТНЫМИ БУКВАМИ

1

Когда они были на краю площадки, Митя оглянулся.

— А в общем-то, может быть, и правда: не совсем он подонок. Не то что его старший братец.

— Но Кеша любит его и такого, — заметила Жаннет.

И тогда Митя спросил прямо:

— Жанка, а что все-таки с твоим братом, со Стасиком? Он где?

И она ответила сразу, но без всяких интонаций:

— Никто не знает. Он был среди тех, кого бросили штурмовать Грозный. И его потом не нашли ни среди живых, ни среди мертвых...

— Может... в плену? — потерянно сказал Митя.

— Мама тоже так думает, хотя уже сколько лет прошло.

— Некоторые возвращаются до сих пор... Недавно в «Новостях» показывали...

— Мама так же говорит. Она три раза ездила туда, искала... Она сейчас только с виду такая боевая, энергичная. А когда приглядишься, у нее волосы наполовину седые...

— Жанка, ты прости... за этот вопрос.

— А что? Вопрос как вопрос... Только ответить нечего. — Она огрела футляром с диктофоном репейники и встряхнулась: — А кассету все-таки жалко.

— Ты что? Хотела все же сделать репортаж?

— Я не про то, что на ней. Жалко даже пустую. Двадцать два рубля...

— Ладно, расходы пополам, — неловко улыбнулся Митя.

— Ладно, — улыбнулась и она. — Мить, а ты что-нибудь скажешь Князю Даниилу?

— Да пошел он... Не знаю... Может, когда-нибудь потом, один на один.

— Ты сейчас куда? Домой?

— Нет, сперва к Ельке. Наверно, он уже пришел из школы. Я должен оторвать ему руки-ноги, уши и голову...

Жаннет на шаг обогнала Митю, сумрачно заглянула ему в лицо:

— Митька, неужели ты *такой*?

— Какой?

— Неужели ты стал бы сводить с ним счеты? Он же меньше нас вон насколько...

— Ну и что! Если меньше, значит, можно быть таким трепачом? «Приду, приду!» Я для него эти журналы полдня из дальних углов выволакивал, а его нет да нет... Я терпеть не могу, когда человек обещает и не приходит. Я, конечно, неврастеник, поэтому мне всегда кажется: значит, что-то случилось...

— Ф-фу... — на ходу выдохнула Жаннет.

— Что «ф-фу»?

— А я-то думала... Я боялась, ты будешь считать его предателем. И... мстить.

— За что?!

— Ну... за то, что разболтал про ртутную бомбу. Будто вы вместе готовили этот план... Галина же говорила... Мить, на него, наверно, так нажали в школе, что он просто не выдержал... Они... может, пригрозили, что отберут его у мамы Тани и вернут в интернат. Он этого хуже всего боится, он мне как-то признался...

— Господи! И ты поверила этой дуре?

— К-какой?

— Галине!

— А... чего?.. Она же так подробно...

— Может, он и сболтнул где-то в школе про мой «Телефон в буераках», я ему как-то пересказывал сюжет. А кто-то подцепил, переделал по-своему, вот и докатилось до завучей... Но чтобы Елька наговорил на меня... Жанка! Да если бы я и правда звонил про бомбу и если бы он про это знал, он умер бы, но не сказал ни словечка! Хоть под пыткой!

— Ты уверен? — слабым голосом спросила Жаннет.

Митя пожал плечами. Она не понимала. Нет, она просто мало знала Ельку, хотя и познакомилась с ним в тот же день, что Митя. Ей до сих пор неведомо было, как он спасал Домового, как прощался с жизнью в больнице, как молился за Андрейку... По правде говоря, она даже не знала полностью, *что* для него страна Нукаригва. Думала — так, фантазия...

Но этого Митя не сказал. Только буркнул:

— Я уверен... Хотя вообще-то он болтун. Я целый вечер сидел как на иголках...

— А почему сам-то не ходил к нему?

— Почему, почему... Потому что я суеверный, вот... Лечиться мне надо, наверно... Казалось, что если приду — узнаю, что какая-то беда там. Ну, будто подтолкну несчастье. А вот если он сам прискачет — тогда все в порядке... Я ему снимок египетских пирамид нашел, он хочет их приклеить в Дикой пустыне. Помнишь, там такая проплешина среди кактусов? Ну, вот... Он говорит, что под самой главной пирамидой есть неоткрытое подземелье, а в нем золотой шар. А в шаре спрятаны все разгадки Вселенной. То ли они от атлантов, то ли от инопланетян, то ли прямо от Бога. Ничего себе проблемы у него, да? А ты говоришь — меньше нас!

— Мить...

— Что? — И сразу страх. Будто игла от затылка до пяток.

— Мить, я не хотела тебя расстраивать раньше времени...

— Жанка! Что с ним?!

— Его увезли в больницу... Я сегодня забежала к нему около часа дня, у нас пустой урок был, я хотела забрать экспонетр, который забыла там на той неделе...

— Ну?!

— Пришла, а у них заперто. А соседка, та, у которой он стремянку брал, говорит: «Елика увезли на «неотложке», Татьяна с ним уехала». Я говорю: «Что с ним?» А она: «Я не успела узнать, машина приехала, я вижу — Татьяна несет его на руках. И укатали...»

«Господи, неужели опять *это*? Значит, он *по правде* поменялся судьбою с Андрейкой?.. А может, не надо было клеить Нукаригву? Вдруг она *тянет* его в себя?..»

— В какую больницу-то увезли?

— Ну, откуда же я знаю? Да успокойся ты...

— Почему ты сразу не сказала!

— А зачем? — ответила она холодно. — Чтобы одна проблема на другую? Чтобы ты там, на педсовете, думал не про себя, а про Елку? Я тебя немножко знаю, ты там извелся бы раньше срока... А сейчас пойдём и все выясним...

2

Они не пошли, а побежали. По крайней мере, Митя. Помчался! Жаннет догнала его не сразу.

— Да подожди же ты!.. Ну, Мить. Ну, все равно же ты ему сейчас ничем не поможешь...

Поможешь или нет, а знать-то надо! Нет страшнее пытки, чем неизвестность!.. Бомба, педсовет, лицей, рыжий Кеша, кассета — все будто скаталось в один маленький шарик и улетело за пределы сознания.

...Вот Елкин дом, лестница с запахом жареного лука, дверь — заново покрашенная, с коричневыми разводами под дерево. Звонка у Елки и мамы Тани нет. Кулаком — трах, трах!

Тихо. Тихо... И ясно — никого там, в дощатой квар-

тирке с облезлыми стульями и вязаными половиками, нет. Лишь на стене, раскинув свои пространства в неэвклидовой геометрии, живет своей неразгаданной жизнью страна Нукаригва...

Митя сел на верхнюю ступень. Жаннет — рядом.

— Митя, давай пойдём ко мне. Или к тебе. Будем звонить по всем больничным справочным, узнаем в конце концов, где он...

Но заставить себя уйти не было сил. Опять новый страх: уйдешь — и подкрадет новая беда.

— Жаннет, тетя Таня придет, наверно, раньше, чем мы дозвонимся. Не положат же ее там вместе с Елкой... Ты иди, если тебе надо, а я посижу.

— Горюшко ты bestолковое, — вздохнула она в точности как мама Таня.

И стали сидеть рядом и молчать.

Снизу пришел серый кот Емеля, Елкин одногодок. Потерял усатой мордой о Митину штанину. Митя взял его на колени.

«Что, лохматый, некому теперь таскать тебя на плечах?»

Емеля притих.

И так шло и шло время. Потом заскрипели ступени, и стала подниматься мама Таня.

Емеля кубарем слетел с колен вскочившего Мити.

— Тетя Таня, что с ним?!

— Да что-что... — в голосе ее катались привычные слезинки. — Сидит теперь с гипсом и радуется: можно две недели в школу не ходить. Сколько говорила: лезешь под потолок, дак ставь все как надо. А он табуретку поставил на самый краешек стола, ну и вот... Сидит на полу, слезы ручьем: «Нога, нога...» Это еще вечером. Ну, я, дура старая, сперва подумала, что просто ушиб, припарки сделала, думаю: к утру пройдет. А утром гляжу — опухоль от пятки до колена...

— Сломал? — ахнула Жаннет.

— Господь уберег, только трещина... Да сразу-то не узнаешь! Вызвала «неотложку», поехали в травмпункт. Вот морока-то! Очередь там. А потом послали на рентген. А на рентгене говорят: пленки нет, езжайте, покупайте сами. Я его оставила там, а сама давай мотаться по магазинам, еле нашла. И последние деньги — на нее, на пленку эту... Снимок сделали, и опять к врачу. Он говорит: перелома нет, а гипс все равно надо... Ну, обмотали, облепили ногу, а обратно-то как? Они не везут, нету у них для этого машин. Оставила его опять, а сама сюда. Ладно, если Рая дома, займу у нее денег на такси...

Боже, какое лето сияет за лестничным окном! Какая рядом распрекрасная, разноцветная, как клумба, замечательная Жаннет! Какая добрая мама Таня у этого оборота Ельки!

— Тетя Таня, зачем такси! Давайте вашу телегу! Мы его доставим домой, как наследного принца в карете!

3

Когда выкатили тележку из сарая, Жаннет глянула на часики.

— Вот еще накладочка! Мне через десять минут надо быть в редакции «Школьной двери». Я обещала им сделать снимок двух гитаристов-шестиклассников из клуба «Солнечные струны». Говорят, виртуозы... Меня убьют... Ну ладно, поехали.

Митя сказал искренне, потому что хотел, чтобы всем было хорошо:

— Да иди, снимай виртуозов! Зачем усложнять жизнь? Что я, один не доставлю этого акробата?

— Наверно, тяжело все-таки...

— Да в нем тяжести в три раза меньше, чем в мешке с картошкой!.. А хочешь, я сперва тебя докачу до редакции?

— Представляю это зрелище! Нет уж, спасибо, береги силы.

...Потом катил Митя Ельку по Красногорской улице,

по Заводскому бульвару, по Пушкинской, вдоль Центрального рынка. То по тротуарам, то по обочинам — там, где мало было машин. И солнечные пятна плясали на пыльном асфальте, и щекотал губы пух летучих семян, и дурачились в подорожниках воробьи.

И Елька дурачился. От души.

Он опять был в своем «морском» наряде — полинялом, но все еще ярком. Свежий гипс на ноге сиял, как сахар. Через ящик на телеге была перекинута доска, и Елька восседал на ней, задрав загипсованную ногу на фанерный край. Время от времени он возглашал:

— Господа пациенты! Ловите моменты! Пользуйтесь услугами травмпункта на улице Красногорской! Круглосуточное и почти бесплатное обслуживание!

— Елька, замолчи, дубина!

— Ага!.. Не верьте, что там кошмары! Лучшие врачи и санитары! Лучшие бинты и вата, если принесете их с собой!.. Покупайте в магазине «Квант» лучшую пленку для рентгена. Тем, кто купит много, — скидка и подмога! Но для этого сперва поломайте себе ноги!..

Встречный народ веселился. А Мите хотелось провалиться.

— Елька! Брошу, честное слово! Вместе с телегой!

— Больше не буду... — И примолк.

Ну да, примолк. А почему у встречных прохожих все то же изумление и смех? Митя оглянулся.

Этот олух стоял на руках! Да, опирался ладонями о край ящика и о доску, а ногами писал в небе коричнево-белые кренделя. Рубашонка съехала на грудь, и Митя заметил почтовый конверт — он косо торчал за резинкой пояса.

Митя сделал зверское лицо. Елька перевернулся в воздухе и ловко уселся на доске. Гипс — опять на краю коробки.

— Сейчас врежу тебе от всего сердца...

— Я же инвалид!

— А я же не по ноге, а...
 — Все! Я пе-ре-вос-пи-тался.
 — Что за конверт у тебя на пузе?
 — Письмо... Я вчера из ящика достал и теперь везде с собой ношу... Я хотел тебе показать, только не тут, а дома...

«Смотри-ка, до чего быстро сработала почта!»

— Ну-ка, дай...

— Сейчас... Думаешь, почему я веселюсь? Что в школу ходить не надо? Нет! Мить, я из-за письма. На...

Все было как надо, и все же сидела в Мите виноватость. С этим чувством он и достал из конверта мятый бланк телеграммы.

На обороте были печатные слова. Одни — вырезанные из газеты целиком, другие — собранные из букв. Приклеенные желтым клеем. Так, что сразу ясно: письмо это человек спешно мастерил на какой-то сельской почте.

СпАсИбо тебе **братишКа**
 МОЖЕТ КОгда нибудь увидимся

Митя сложил бланк, затолкал в конверт. Покачал письмо на ладони. Адрес был написан корявыми печатными буквами. На месте обратного адреса — пусто. А на марке — штемпель почтового отделения «Остаткино».

Позавчера, по дороге в Мокрушино, когда проезжали через Остаткино, не так-то легко было уговорить дядю Сашу, отца и маму завернуть на площадь, к почте, чтобы Митя мог бросить приготовленное заранее письмо в ящик.

«Что за фантазии? Почему нельзя было отправить письмо в городе?»

«Папа, нельзя! Надо отсюда!»

«А что это за письмо?»

«Это секрет! У нас игра такая! Могут у меня быть свои секреты? Да не бойся, мама, тут ничего плохого!»

«Поехали, здесь всего-то пять минут», — решил дядя Саша, у которого был «такой же фантазер-придумщик».

Письмо ушло в ящик с коротким шелестом — будто со вздохом. И в этот же миг Митю ознобом тряхнула мысль:

«А может быть, это не я, а *он* отправляет письмо?»

«Как же так?»

«Или... *он* и я — это одно и то же... *Он* — это я через несколько лет!»

«Нет... Нет! Лучше уж... лучше уж как Жанкин брат Стасик!» — Это Митя крикнул себе с тем же, наверно, ужасом, что Елька свое: «Пусть живет Андрейка!»

«А ты уверен, что это *лучше*?»

«Я... не знаю... А может, и *он*, и Стасик, и я — все одно?»

«Но *почему*?»

«А почему на свете вообще есть *такое*?»

Он передохнул, прислонился лбом к теплomu железу ящика.

«Нет! Я Митя Зайцев. Я буду жить и писать сказки!»

«Да? — словно услышал он со стороны. — Ну... жи-ви». И пришло непрочное облегчение.

...Конечно, лучше было бы отправить письмо из какого-нибудь приморского города, но Остаткино годилось тоже. Ведь Елька слышал про эту станцию от Домового...

...Неизвестно, сколько продлится Митина и Елькина дружба. Может быть, всю жизнь. А может быть, разведет их судьба (не хотелось бы, конечно!). Но никогда, ни при каком случае Митя не признается Ельке, *как* появилось это письмо. Тем более что в письме — все равно правда!

Если Домовой жив — он обязательно думает так, как написано. А если... если нет его, то все равно они с Елькой когда-нибудь встретятся. На дорогах страны с придуманным названием Нукаригва.

1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ. <i>Повесть</i>	5
ТРИДЦАТЬ ТРИ — НОС УТРИ... <i>Повесть</i>	291
ДЕЛО О РТУТНОЙ БОМБЕ. <i>Повесть</i>	581

Литературно-художественное издание

Крапивин Владислав Петрович
СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор В. Мельник
Художественный редактор А. Сауков
Технический редактор Н. Носова
Компьютерная верстка О. Шувалова
Корректор Э. Казанцева

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника В. Савватеева

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 16.05.2006.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 36, 96.
Тираж 5000 экз. Заказ № 8470.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

